
3 1761 08106726 6

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1897.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Мартъ № 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою - 6 р. 50 к.; для иногородныхъ съ пересылкою—7 руб.; за-границу—9 руб. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ на свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль и правомъ разсрочки. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова.

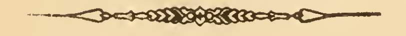
Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

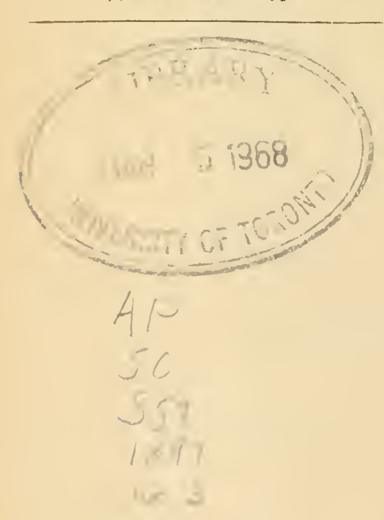
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Мартъ № 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 1 марта 1897 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Всѣмъ новымъ подписчикамъ «Сѣвернаго Вѣстника» разсылается приложеніе: «Плоскогорье», романъ Л. Я. Гуревичъ, части I-я и II-я (напечатанныя въ 1896 г.).

СОДЕРЖАНІЕ

№ 3 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Химера.

XII.

На другой день съ почтовымъ ждали Марью Владимiровну. Но съ почтовымъ она не прiѣхала, а вечеромъ пришла телеграмма: «ѣду Петергофъ. буду пятницу». Томилинъ молча передалъ ее Шурѣ.

Лицо его сразу потемнѣло и за минуту весело шутившiй, вернувшiйся съ охоты въ радостномъ настроенiи, онъ сталъ неузнаваемъ. Но кто былъ взбѣшенъ, такъ это Иванъ Сергѣевичъ. Эта женщина рѣшительно издѣвалась надъ нимъ. Всѣ его планы были опять разстроены. До пятницы оставалось еще два дня. Надо было ждать или ѣхать сейчасъ-же и ловить ее въ Петербургѣ. Но если она дѣйствительно въ Петергофѣ, гдѣ онъ будетъ искать ее? А! все равно, найду! рѣшилъ онъ и спросилъ, въ которомъ часу отходитъ поѣздъ.

— Останься! Куда ты?— сказалъ уныло Томилинъ.

— Конечно оставайтесь, — просила Лида. — Маруся такъ будетъ жалѣть...

Иванъ Сергѣевичъ взглянулъ на Шуру. И увѣряя всѣхъ, что ему необходимо ѣхать, онъ уже чувствовалъ, что не уѣдетъ.

Вечеръ прошелъ уныло. Видъ хозяина, нахмуреннаго, едва говорившаго, дѣйствовалъ на всѣхъ удручающимъ образомъ. Платонъ Дмитрiевичъ сѣлъ играть съ студентомъ въ шахматы. Томилинъ ушелъ, наконецъ, къ себѣ писать письма. Лида спросила себѣ гитару и брала печальные аккорды. У нея была привычка иногда въ сумеркахъ пѣть. Но мужъ не выносилъ ея пѣнiя. Когда она сердилась на него или онъ въ чемъ-нибудь ей отказывалъ, она грозила ему:

— Ну, смотри, я буду пѣть.

Шурѣ пришли сказать, что у какой-то Василисы умерла дѣвочка, и баба проситъ досокъ на гробъ. Извинившись передъ Иваномъ Сер-

гѣевичемъ, она поспѣшно вышла. Онъ жалѣлъ, что остался. но поѣздовъ больше не было. ѣхать было поздно. Чтобы не говорить съ Лидой, которая вздумала занимать его, онъ сказалъ, что пойдетъ пройтись. Въ саду онъ встрѣтилъ нѣмку съ дѣтьми. Дѣти были заняты какой-то особенной, неизвѣстной ему игрой. Они считали другъ у друга пуговицы на платьѣ и на башмакахъ, приговаривая: воръ, мошенникъ, честный человѣкъ! Увидавъ его, они остановились.

А тетя Шура въ деревню пошла,—объявилъ ему Юра.—Тамъ дѣвочка умерла. Она все кашляла и умерла. А ты куда идешь? И ты въ деревню? И я съ тобой.

— Ну, was noch! Komm her!—звала его нѣмка.

Иванъ Сергѣевичъ пошелъ безцѣльно впередъ. Онъ проходилъ такъ около часу и, возвращаясь назадъ, нагналъ на дорогѣ Шуру.

— Вы не боитесь однѣ ходить?

— Нѣтъ, удивилась она.—Чего-же бояться?

Онъ спросилъ, чѣмъ умерла дѣвочка.

— Воспаленіемъ легкихъ. Она давно была больна и больная ходила купаться. Дома ее не удерживали. «Пущай маленько простудится», говорила мать.

Слово простудиться въ деревнѣ понимали по-своему. Это значило освѣжиться, а не схватить простуду.

Шура нервно, торопливо разсказывала объ этой Василисѣ, которая уморила свою дочь, и объ ея свекрови, которая ненавидѣла ее и гнала вилами изъ избы, а она къ ней съ почтеніемъ, все маменька, да маменька.

Она нарочно говорила почти не умолкая. Первый разъ въ этотъ пріѣздъ его они оставались одни. При другихъ она могла дѣлать видъ, что не помнитъ того, что было тогда въ Петербургѣ, но съ нимъ вдвоемъ ей было жутко и неловко.

— Къ кому Марья Владиміровна поѣхала въ Петергофъ? — спросилъ онъ вдругъ.

Она назвала фамилію.

— Что-же это ея хорошая знакомая?

— Да, это ея старая пріятельница. Онѣ вмѣстѣ учились въ институтѣ.

«А! подумалъ онъ, старая пріятельница! Значитъ они тамъ устраиваютъ свиданія».

И углубившись въ свои думы, онъ шелъ съ минуту молча.

— Я завтра ѣду,—сказалъ онъ наконецъ.—У васъ нѣтъ порученій въ Петербургъ?

— Вы развѣ не хотите остаться? подождать Маруси?

— Нѣтъ, я вѣроятно увижу ее въ Петербургѣ. Но прежде. чѣмъ уѣхать, я хотѣлъ спросить васъ... Вы не сердитесь на меня?

Она поняла, о чемъ онъ говоритъ. «Я изъ тѣхъ. которыхъ цѣлуютъ за угломъ», подумала она съ горечью.

— Я знаю, что я велъ себя непростительно, какъ мальчишка, какъ нельзя вести себя въ мои годы. Знаю, что я глубоко виноватъ передъ вами... Но можетъ быть вы своей чуткой душой поймете то, чего я не могу сказать вамъ... Я хотѣлъ-бы только, чтобы вы поняли меня и...

— Зачѣмъ? остановила она его.—Зачѣмъ говорить объ этомъ?

— Такъ скажите, что вы не сердитесь на меня.

— Вы всегда были и останетесь для меня лучшимъ, добрѣйшимъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ...

Онъ взялъ ея руку и горячо поцѣловалъ.

— Я не стою этого, но все равно... благодарю васъ.

Они шли нѣсколько времени молча.

— Когда-нибудь,—началъ онъ нетвердымъ голосомъ, — когда вы вспомните обо мнѣ, скажите себѣ, что есть человѣкъ, которому дорого ваше участіе... и тамъ, въ далекомъ краю, онъ думаетъ о васъ. И если мнѣ не суждено вернуться...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила она горячо.—Не надо этого говорить. Я вѣрю, я знаю, что вы вернетесь.

— Я желалъ бы этого... Первый разъ мнѣ тяжело уѣзжать... Я чувствую, что оставляю тутъ что-то близкое, дорогое мнѣ... И что я теряю это... можетъ быть навсегда.

«Такъ возьми же меня съ собою!» думала она.—«Я твоя раба, я буду служить тебѣ, какъ твой Егоръ. Мнѣ ничего не нужно, только видѣть тебя».

— Въ мои годы поздно жаловатсья на одиночество, продолжалъ онъ.—И раньше я не тяготился имъ. Но теперь я замѣчаю, что жизнь уходитъ отъ меня. Это, конечно, не нынче началось и не завтра кончится, но когда это замѣтишь, какъ-то ужасно скверно на душѣ... Но, впрочемъ, къ чему объ этомъ говорить. Все равно, я не могу этого измѣнить. Я долженъ жить такъ, какъ я жилъ раньше.

— Нѣтъ, не сюда, остановила она его.—Намъ надо повернуть налѣво.

— Ахъ. налѣво?.. Пойдемте налѣво... Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не сердитесь?—Мнѣ было бы тяжело думать, что вы...

— Вы непремѣнно хотите ѣхать завтра?—спросила она печально.

— А вы хотите, чтобы я остался?

Въ его дрогнувшемъ голосѣ послышался ей откликъ того, что происходило въ ея душѣ. И когда въ темнотѣ показались передъ ними освѣщенныя окна дачи и на звѣздномъ небѣ чернымъ пятномъ выступила

ея башня съ длиннымъ шпицемъ, онъ замедлилъ шагъ, сказавъ ей, что останется до субботы.

— Дайте мнѣ вашу руку... Вы меня поняли, и, что бы ни случилось, вы знаете, что я вашъ.

Она протянула ему дрожавшую руку, и они нѣсколько минутъ стояли такъ у воротъ, какъ заговорщики, чего-то выжидавшіе. Спущенная на ночь съ цѣпи, всегда тяжело храпѣвшая, страдавшая одышкой собака подбѣжала, обнюхала ихъ и побѣжала прочь. Тутъ, молъ, дѣло меня не касается.

Два дня прошли какъ сонъ. Они часто были вмѣстѣ и никогда одни. Все шло прекрасно. Такъ жарко грѣло солнце, такъ хорошо было пить чай подъ липами, ѣхать вечеромъ въ линейкѣ на дальнія озера, разводить тамъ костеръ, уходить въ лѣсъ съ кадетами, слушать въ полѣ непріятный крикъ коростеля. Хорошо было пить молоко у арендатора съ чернымъ, еще теплымъ хлѣбомъ, смотрѣть, какъ ужинаютъ плотники на дворѣ и сидѣть передъ сномъ на террасѣ. Платонъ Дмитричъ читалъ тогда на память стихи Тютчева, Майкова, Алексѣя Толстого. Потомъ разсказывалъ, какъ онъ былъ за-границей и лечился въ Глейхенбергѣ. Докторъ нѣмецъ говорилъ съ нимъ по-французски, а ругался по-нѣмецки. Онъ тоже по-русски ругалъ его скверными словами.

— И такъ у насъ съ нимъ выходили премиленькіе козери.

По поводу стиховъ заговорили какъ-то о любви.

— Любовь много времени отнимаетъ,—замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ. —Думаешь о томъ, что было вчера, о томъ, что бдуетъ завтра...

Но вспомнивъ, что завтра пріѣдетъ Томилина, онъ испыталъ ощущеніе человѣка, котораго ждетъ непріятная, тяжелая операція. Когда на другой день дѣти крикнули, что ѣдетъ тетя Маруся, онъ услыхалъ въ этомъ что-то зловѣщее, какъ будто ему крикнули, что показался непріятель.

Томилинъ встрѣтилъ жену холодно.

— Ахъ, ты не знаешь какая исторія!—говорила она, снимая свою пелерину со множествомъ воротниковъ. —У Лизы братъ женился. И знаешь на комъ? Ты помнишь, у нихъ была бонна, такая маленькая блондиночка?

И съ тѣмъ же радостнымъ видомъ, съ какимъ сестра Ивана Сергѣевича разсказывала, что у Томилиной есть любовникъ, она разсказала, что дѣлается въ семьѣ у ея пріятельницы. Эта бонна жила у нихъ два года, онъ влюбился въ нее и вотъ...

— Нѣтъ это что-то ужасное! Я пробыла у нихъ два дня и точно вышла изъ сумасшедшаго дома. Ну, а у васъ тутъ все благополучно? Ничего не случилось? Что! Иванъ Сергѣевичъ?.. Онъ здѣсь? Не можетъ быть! Какими судьбами?—говорила она весело, какъ будто его пріѣздъ доставилъ ей безконечное удовольствіе.

— Пріѣхалъ васъ повидать.

Далекая отъ мысли, что онъ говоритъ правду, она смотрѣла на него своими усталыми глазами, въ которыхъ онъ угадывалъ безсонную ночь и слѣды тревожныхъ, хотя и пріятно проведенныхъ дней.

На этотъ разъ она была съ нимъ любезна. За обѣдомъ она посадила его рядомъ съ собой. Выбравъ удобную минуту, онъ сказалъ ей, что ему нужно съ ней поговорить, и спросилъ, когда онъ можетъ видѣть ее одну. Она отвѣтила, что будетъ ждать его вечеромъ у себя, такъ спокойно, какъ будто ждала этого. Все это было брошено налету, между двумя блюдами, не замѣтно для другихъ. По ея взглядамъ, которые она переводила съ него на сестру, Иванъ Сергѣевичъ понялъ, чего она ждетъ. И хотя Шура нисколько не была въ этомъ виновата, его чувство къ ней остывало. Онъ былъ замѣтно не въ духѣ, сидѣлъ молча, не принимая участія въ разговорѣ.

— Что съ вами?—удивилась Лида. Вы нынче не узнаваемы. Если бы ты видѣла его эти дни, Маруся!.. Онъ былъ веселъ, какъ кадетъ.

— Неужели это я на васъ такъ дѣйствую?—спросила Томилина.

Иванъ Сергѣевичъ сказалъ, что у него болитъ голова.

— Хотите фенацетину?—предложила Лида.

Но онъ хотѣлъ только одного, чтобы его оставили въ покоѣ.

Разъ только онъ вмѣшался въ разговоръ, когда зашла рѣчь о модной пьесѣ, имѣвшей большой успѣхъ въ этомъ сезонѣ, съ истеричной героиней, которой аплодировалъ весь Петербургъ. Кто-то спросилъ его, видѣлъ-ли онъ эту драму?

Нѣтъ, онъ не ходитъ въ театръ и не читаетъ романовъ, чтобы не видѣть все ту-же истеричную женщину, которая въ высшей степени ему противна. Послѣдняя устрица, по его мнѣнію, интереснѣе этой психопатки. А между тѣмъ со всѣхъ концовъ города собирается публика смотрѣть на нее. И когда такая негодница стрѣляетъ, потому что понравившійся ей мужчина недостаточно обезумѣлъ отъ ея ласкъ, ее сорокъ разъ вызываютъ въ лицѣ ея исполнительницы.

— А вамъ что-же нужно? Вы что хотѣли-бы видѣть въ театрѣ? Ревекку у колодца?—спросила Томилина насмѣшливо.

Она стала увѣрять всѣхъ, что встрѣча Исаака съ Ревеккой совершенно въ духѣ Ивана Сергѣевича. Онъ запретилъ-бы играть «Фру-Фру» и «Даму съ камеліями» и велѣлъ-бы ставить библейскія сцены, чтобы не развращать публику любовными драмами.

— Но и тамъ, вы помните, Іаковъ четырнадцать лѣтъ ждалъ Рахиль. Четырнадцать лѣтъ онъ пасъ для нея чужихъ овецъ. Развѣ это не любовь? Развѣ пастухи въ степи не подчиняются ей такъ-же, какъ полковники генеральнаго штаба?

— Я говорю не о любви, —отвѣтилъ онъ сухо, а о томъ, что

иногда называется этимъ именемъ. Чтобы идти въ театръ смотрѣть какую-нибудь Фру-Фру...

— Постой, да ты знаешь-ли, что такое Фру-Фру?—остановилъ его Томилинъ.

— Все равно,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ, который дѣйствительно не зналъ, въ чемъ дѣло.

— Печально то, что этими истеричками занимаются, что ихъ пропагандируютъ, забывая, что это простое слѣдствіе худосочія, вырожденія, что это дѣло врача, а не писателя. Вы говорите—Ревекка... Да, Ревекка это физически и духовно здоровая женщина, и я только такихъ и признаю. И русская женщина въ общемъ всегда была и будетъ такою... А тѣ образцы, которые намъ поставляютъ съ запада, до мозга костей развращенныхъ француженокъ, они у насъ и прививаются только на истеричной, худосочной почвѣ.

— Знаете что?—перебила его Томилина.—Вы кончите тѣмъ, что будете подъ башмакомъ у какой-нибудь француженки.

— Если вы не найдете раньше свою Рахиль,—прибавила Лида.

— Для этого я старъ, къ сожалѣнію. Какая-же Рахиль станетъ меня ждать четырнадцать лѣтъ!.. Черезъ четырнадцать лѣтъ я буду развалиной.

Онъ перемѣнилъ разговоръ и сталъ объяснять Томилину, почему онъ не читаетъ современныхъ романовъ. Всѣ они проникнуты какой-то безнадежностью, какимъ-то сѣрымъ, унылымъ колоритомъ. Дочитавши послѣднюю страницу, ищемъ крюка, чтобы повѣситься.

У Ивана Сергѣевича былъ свой взглядъ на литературу. Онъ читалъ только веселыя вещи или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя не старались увѣрить его, что жизнь очень подлая штука.

— Мы и такъ склонны къ меланхоліи, говорилъ онъ, а тутъ еще убиваютъ въ насъ послѣднюю энергію. Если авторъ самъ чувствуетъ желаніе повѣситься, что онъ можетъ дать мнѣ? Да, чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ хуже! Тѣмъ онъ скорѣе увѣритъ меня, что отчаяніе есть нормальное состояніе человѣка.

XIII.

Томилинъ думалъ провести вечеръ съ женой, но она, пожаловавшись на усталость, ушла къ себѣ. Иванъ Сергѣевичъ тоже исчезъ. Онъ гулялъ гдѣ-то одинъ. Въ десятомъ часу Томилинъ слышалъ, какъ онъ вернулся. Онъ слышалъ его знакомые, тяжелые шаги и голосъ прислуги, отвѣтившей ему.

— Баринъ у себя.

Томилинъ ждалъ, что онъ зайдетъ къ нему, но Иванъ Сергѣевичъ прошелъ на другую половину. Слегка тронувъ ручку двери, чтобы дать

знать о себѣ, онъ сильно створилъ ее. Въ угловой комнатѣ, обтянутой зеленоватой матеріей какого-то мутнаго, блеклаго цвѣта, какъ на листьяхъ ветлы или сливы, съ ковромъ изъ голубой mequette, съ матовыми шарами лампъ подъ зеленью фикусовъ и латаній, съ одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ живыхъ розъ и акацій въ фарфоровыхъ жардиньеркахъ и саксонскими куклами на этажеркахъ, онъ увидалъ хозяйку за крошечнымъ письменнымъ столикомъ, просматривавшую какіе-то счета. На ней было что-то бѣлое съ кружевомъ, что-то мягкое, падавшее удивительно красивыми складками. Ея низко спущенная каштановая коса лежала на кружевахъ; изъ полуоткрытыхъ рукавовъ выступали чуть-чуть загорѣвшія классическія руки, и будь на мѣстѣ Ивана Сергѣевича кто-нибудь другой, онъ замѣтилъ-бы, что, не смотря на усталость, глаза ея ласкали, манили, звали къ себѣ. Кто-то разъ сказалъ, увидавъ двухъ сестеръ, что у одной на лицѣ написано: поди сюда! у другой: не подходи! Главная прелесть Томилиной была именно въ этомъ выраженіи глазъ, которые всегда что-то обѣщали и, никогда не сдерживая обѣщаннаго, не отнимали надежды.

Увидавъ Ивана Сергѣевича, она положила счета въ бюваръ, маленькій дамскій бюваръ съ золотой монограммой, и сказала, что она давно ждетъ его. Замѣтивъ открытое окно въ садъ, онъ спросилъ позволенія затворить его.

— Пожалуйста... если вамъ холодно.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы насъ кто-нибудь слышалъ.

— Ахъ, это такъ важно, то, что вы хотите сказать мнѣ!

— Да, это важнѣе, чѣмъ вы думаете.

Онъ вдругъ что-то вспомнилъ, вернулся къ двери и заперъ ее на ключъ. Она съ любопытствомъ слѣдила за нимъ.

— Я васъ слушаю,—сказала она, удивленная его молчаніемъ.—Въ чемъ дѣло?

— Дѣло вотъ въ чемъ...

И не давая ей опомниться, чтобы захватить ее врасплохъ, поразить сразу, онъ сказалъ, что ему извѣстно о ея близкихъ отношеніяхъ къ Вадковскому.

— Что?—спросила она вставая.—Вы больны или... у васъ душевное разстройство?

— Нѣтъ, изъ насъ двоихъ больная это вы. Васъ надо лѣчить отъ этой... не скажу страсти... это слишкомъ громкое слово... отъ этой блажи.

— Вы съ ума сошли!—повторила она.

— Не будь вы женой Кости, я, конечно, вмѣшиваться не сталъ-бы. Но я считаю безчестнымъ молчать, зная, что дѣлается въ его домѣ!.. что вы изъ него сдѣлали. Вы напрасно хотите звонить, прибавилъ онъ,

увидавъ ея движеніе.—Если вы позовете кого-нибудь, я скажу при всѣхъ то, что говорю теперь съ глазу на глазъ.

— Вы кажется думаете, что вы въ степи съ казаками! что вы говорите съ своимъ деньщикомъ!

Она дрожала отъ негодованія.

— Да, ужъ мы бросимъ этикетъ. Если мои слова кажутся вамъ грубыми, то я грубыя вещи не умѣю нѣжно называть.

— Вы врываетесь ко мнѣ, вы, наконецъ, грозите мнѣ!.. Да кто вы такой, чтобы позволять себѣ это?

— Вы хоть-бы подумали,—продолжалъ онъ, не отвѣчая на ея слова.—на кого вы промѣняли своего мужа! на такое ничтожество, какъ этотъ фальшивый, бездарный, истрепавшійся господинъ. Да вы посмотрите на Костю и на него! Вѣдь только слѣпой не увидитъ разницы.

И все больше начиная горячиться, раздражаясь звукомъ своего голоса, онъ бросалъ слова, какъ камни въ воду, не думая и не выбирая ихъ. Чего въ сущности хочетъ отъ нея этотъ господинъ? Того, что можетъ дать ему любая продажная женщина. Разница только въ томъ, что одной платятъ, другой нѣтъ. Это все равно, что обѣдъ въ ресторанѣ и въ семейномъ домѣ. Въ ресторанѣ надо платить, а тутъ васъ кормятъ даромъ.

Она опустилась въ кресло съ покорнымъ видомъ жертвы, которая поняла, что возражать безполезно. Она слушала его, какъ слушаютъ сумасшедшихъ, зная, что опасно раздражать ихъ.

— Вы кончили?—спросила она наконецъ.—Я могу теперь говорить?

Онъ вдругъ остановился. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ пришелъ объясниться.

— Знаете, что я думаю? Какая будетъ несчастная та дѣвушка, которая пойдетъ за васъ. Такой бѣшеной ревности я еще не видала. Вы ревнуете даже чужихъ женъ.

— Это не ревность,—сказалъ онъ мрачно.—Вы значитъ плохо поняли меня.

— Хорошо, оставимъ это... Я имѣла терпѣніе васъ выслушать. Согласитесь, что если-бъ даже это была правда, все, что вы тутъ наговорили мнѣ, я могла-бы указать вамъ на дверь. Но это ложь сначала и до конца. Почему Вадковскій, а не вы, не другой, не третій? Почемъ я знаю, что завтра не придетъ еще кто-нибудь и не скажетъ, что я была въ интригѣ съ вами. Я теперь всего могу ждать. Но я хочу знать, кто сочинилъ эту ложь? Отъ кого вы ее слышали?

Когда она узнала, что сестра Ивана Сергѣевича разсказала ему, какъ ее встрѣтили на лѣстницѣ, выходившую отъ Вадковскаго, она нервно, злобно захохотала.

— Довольно!—сказала она вставая.—Вы можете не продолжать.

Ваша сестра! А!.. Я должна была этого ждать... Ваша сестра!.. Спросите ее лучше, какъ она вѣшалась на шею моему мужу.

Онъ вздрогнулъ, точно въ него разрядили лейденскую банку.

— Что вы говорите? Опомнитесь.

— А! она вамъ не разсказывала, какъ она назначала ему свиданія? Какъ она приглашала его то въ ложу, то на выставку картинъ и потомъ объяснилась ему въ любви?.. Такъ вы когда-нибудь спросите его. Если вы не вѣрите мнѣ, спросите Костю.

Онъ вспомнилъ, что сестра говорила ему то-же: коли не вѣришь мнѣ, спроси Мишеля.

— Ей не удалось отнять у меня мужа, такъ она мститъ мнѣ за это. Она не знаетъ, что Костя мнѣ все разсказалъ, что онъ самъ просилъ меня быть съ ней осторожнѣе, потому что она ненавидитъ меня. И я только для васъ продолжала это знакомство.

Ошеломленный, убитый, Иванъ Сергѣевичъ не зналъ, что ему думать. Одну минуту у него шевельнулась мысль, что это клевета, выдумка озлобленной женщины, но если она ссылалась на мужа, значитъ это была правда. Значитъ его сестра дѣйствительно вѣшалась на шею его другу. Но какъ онъ могъ сказать объ этомъ женѣ?

Какъ-бы угадывая его мысль, Томилина объяснила, что она нашла разъ записку, въ которой Ольга Сергѣевна цѣловала ея мужа «мартовскими поцѣлуями». Она спросила его, что такое мартовскіе поцѣлуи. Тогда онъ долженъ былъ сознаться и разсказать ей все.

— Мнѣ очень жаль,—прибавила она съ притворнымъ сожалѣніемъ,— что мнѣ приходится говорить объ этомъ вамъ. Но послѣ того, что я выслушала здѣсь...

Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ, у него было только одно желаніе — скорѣй уйти отсюда. Такъ было противно и тяжело то, что онъ узналъ и такъ хотѣлось ему куда-нибудь бѣжать подальше. Эта зеленая комната была какая-то отравленная клѣтка, въ которой онъ задыхался. Острый запахъ розъ и геліотроповъ ударялъ ему въ голову, опъяняя его какъ водка. Ему хотѣлось открыть опять окно.

«Мартовскіе поцѣлуи!» вспомнилъ онъ вдругъ. «Чортъ знаетъ что такое!»

Томилинъ представлялся ему теперь совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Да, этотъ другъ, за котораго онъ болѣлъ душой, спасая его семейную честь, отплатилъ ему интригой съ его сестрой.

Если даже онъ велъ себя, какъ Іосифъ прекрасный, чему Иванъ Сергѣевичъ не вѣрилъ, то все-таки онъ обманулъ его довѣріе. Онъ не былъ тѣмъ рыцаремъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ. Вся эта грязь, которую онъ видѣлъ кругомъ, своими брызгами какъ будто об-

давала его. А главное онъ въ эту минуту терялъ друга. Каковы-бы ни были его отношенія къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, въ ея лицѣ былъ оскорбленъ и онъ.

Томилина, довольная своей местью, прилегла на кушетку, извинившись, что устала.

— Ахъ, если-бы вы знали, какъ все это скучно! — промолвила она.—Единственный человѣкъ, котораго я считала выше всего этого— вы, и тотъ повѣрилъ такой нелѣпости...

— Позвольте вамъ сказать, — перебилъ онъ раздраженно, — что я знаю все, и мы напрасно играемъ эту комедію.

Знакомыя ему острыя, ледяныя иглы блеснули въ ея глазахъ.

— Продолжайте, я слушаю... У меня есть еще десять минутъ времени... Но не больше, потому что я хочу спать. Я устала, я поздно легла вчера.

— Кто-же, онъ у васъ былъ или вы у него?—спросилъ онъ дерзко.

Она слегка приподнялась. На ея искаженномъ лицѣ было такое выраженіе, что казалось еще одно слово, и она выгонитъ его вонъ. Но послѣ минутной борьбы она опять приняла прежнюю позу. «Что говорить съ сумасшедшимъ!»—прочелъ онъ въ ея глазахъ.

— Вамъ-бы не мѣшало быть осторожнѣе, — продолжалъ онъ. — Ваши поѣздки въ Петербургъ и здѣсь уже возбуждаютъ подозрѣнія. Не совѣтую вамъ такъ-же приглашать сюда Вадковскаго.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ Вадковскимъ! — не выдержала она наконецъ.—Если-бы я захотѣла влюбиться, я нашла-бы что-нибудь лучше. Я предпочла-бы васъ,—прибавила она насмѣшливо.— Вы даже съ своей грубостью все-таки интереснѣе... Въ васъ есть что-то такое... дикое, нелѣпое, но въ то-же время не лишенное поэзіи. Знаете, когда я смотрю на васъ, я представляю себѣ все сильное, страшное... буйвола въ степи, грозу въ горахъ, бурю на морѣ... Я не скажу, что буря пріятна, но испытать ее изрѣдка, отчего-же? Я знаю, что вы нравитесь женщинамъ. Я понимаю, что вы можете внушить страсть.

Иванъ Сергѣевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Мнѣ было-бы не такъ обидно, если-бъ вы сказали, что я влюблена въ васъ... Ну, что-жъ, несчастіе со всякимъ можетъ случиться. Вы по крайней мѣрѣ сила. Вы самородокъ... А я скорѣй пошла-бы искать золото въ тайгѣ, даже рискуя никогда не найти его, чѣмъ взять потертый, ходившій по рукамъ полуимперіалъ, какъ Вадковскій и всѣ эти господа... Вы не можете отказать мнѣ въ одномъ, что у меня есть вкусъ... И не только въ платьяхъ, въ картинахъ, но и въ людяхъ я знаю толкъ. Что, скажите, могло меня привлекать въ этомъ человѣкѣ?

— Это ужъ ваше дѣло,—отозвался онъ угрюмо.—По моему ничего. А вы однако ходили къ нему на Морскую.

— Это ложь!—оборвала она рѣзко.

— Нѣтъ, это правда. И послѣ того, что вы мнѣ сейчасъ говорили, это ужъ, извините меня, не имѣетъ названія. То-есть оно, если хотите, имѣетъ названіе, но изъ уваженія къ вамъ, я не скажу его.

— И все это потому, что мужъ вашей сестры встрѣтилъ меня на лѣстницѣ?

— Нѣтъ, не потому, а потому что вашъ любовникъ выдалъ васъ самъ,—сказалъ онъ грубо.

Она поблѣднѣла и первый разъ въ глазахъ ея мелькнула тревога.

— Что такое? Я не понимаю.

Тогда онъ передалъ ей свой разговоръ съ Вадковскимъ въ тотъ единственный разъ, когда онъ былъ у него.

Она пожала плечами.

— Это все?

Онъ молча со злобой взглянулъ на нее.

— А я васъ считала умнымъ человѣкомъ.

— Вы можете считать меня чѣмъ вамъ угодно, но я васъ предупреждаю, если хоть разъ еще этотъ господинъ будетъ у васъ въ домѣ, я открою глаза вашему мужу.

Она сдѣлала легкій жестъ презрѣнія.

— Вы, знаете, какъ это называется?

— Знаю. Это называется открыть глаза слѣпому.

— Нѣтъ, это доносъ. Хуже! это ложный доносъ.

— И вы будете увѣрять меня, что вы ѣздили этотъ разъ не къ нему? что вы не видались съ нимъ?

Онъ подошелъ къ ней и смотрѣлъ на нее въ упоръ тѣмъ грознымъ, читавшимъ въ душѣ взглядомъ, котораго боялись его враги.

Она дерзко, съ вызывающимъ видомъ выдержала этотъ взглядъ. Потомъ вдругъ неожиданно вскочила и сдѣлала два шага къ нему. Въ первую минуту онъ думалъ, что она хочетъ ударить его.

— Да, я видѣла его... Да, я была у него... Да, я люблю его... Вы довольны? Теперь ступайте вонъ. Намъ больше не о чемъ говорить.

Иванъ Сергѣевичъ даже отступился, такъ это было неожиданно для него.

— Я его презираю, этого человѣка!.. я его презираю всей душой, но я не могу жить безъ него. Понимаете вы это?.. Нѣтъ вы этого не понимаете. Я читаю его мысли... вижу ихъ такъ, какъ вы видете мое лицо... И не нашла ни одной, которая не была-бы низкой и недостойной. Даже если онъ нечаянно сдѣлаетъ что-нибудь хорошее

я не повѣрю этому. Онъ нынче клянется мнѣ въ любви, а завтра онъ предастъ меня. И для этого жалкаго подобія любви, его любви, я прошла черезъ всѣ униженія. Я не знаю, есть-ли еще хоть одно, котораго я не испытала-бы. И если оно есть, оно ждетъ меня... Говорятъ. любовь слѣпа... Нѣтъ, у нея тысяча глазъ... Она видитъ все, малѣйшіе изгибы души, тайную мысль, невысказанное слово...

— Ну, вы меня извините, — сказалъ Ивнъ Сергѣевичъ очнувшись.—Это не любовь, а физическое влеченіе.

— Ахъ, мнѣ все равно, что вы объ этомъ думаете. Оставьте меня... Я вамъ говорю, что я устала... Я хочу спать.

Она подошла къ окну и распахнула его.

— Да,—произнесла она задумчиво.—Я временами ненавижу его. Но онъ сильнѣе меня. И я лгу... лгу ему и другимъ, чтобы сохранить его.

Иванъ Сергѣевичъ молчалъ. Въ ея голосѣ что-то тронуло его. Онъ скорѣй ей прощалъ этотъ открытый взрывъ страсти, чѣмъ ея упорное, дерзкое запирательство. Что онъ могъ сказать ей ужаснѣе того, что она говорила себѣ сама объ этомъ жалкомъ подобіи любви? Она сама срывала всѣ покровы, обнажая какъ язву свою несчастную страсть къ этому человѣку, который былъ еще холоднѣе, бездушнѣе, испорченнѣе ея.

— Что-же дальше?—спросилъ наконецъ Иванъ Сергѣевичъ.—Вы подумали о томъ, чѣмъ это кончится?

— Уходите!—повторила она.—Я васъ объ одномъ только прошу, оставьте меня. Вы пришли грозить мнѣ, но я не боюсь васъ. Вы молчали раньше и будете молчать.

— Я пришелъ не грозить вамъ, а подать вамъ помощь, какъ утопающему.

И рѣшивъ, что съ влюбленными, какъ съ дѣтьми, надо поступать строго, онъ сказалъ, что надо спасти ее, хотя-бы противъ ея воли.

— Кто это? вы будете спасать меня?

— Нѣтъ, не я, а вашъ мужъ. Пусть онъ увезетъ васъ или приметъ другія мѣры. Это уже его дѣло.

— Вы что-же? хотите его несчастія?

-- Нѣтъ, я хочу, чтобы эта исторія кончилась.

— A votre aise, monsieur, —сказала она вдругъ по-французски— Все что вамъ угодно. Избавьте меня только отъ вашего присутствія.

— Подумайте!—говорилъ онъ.—Найдите въ себѣ силу, чтобы порвать съ человѣкомъ, котораго вы презираете.

Она смѣрила его взглядомъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала васъ, я меньше презираю его. Онъ, по крайней мѣрѣ, не пойдетъ доносить на женщину.

«Въ самомъ дѣлѣ, это подло!»—подумалъ Иванъ Сергѣевичъ.—«Я не могу этого сдѣлать. И то, что казалось ему прежде просто и ясно, теперь начинало запутываться. Въ этой паутинѣ сложныхъ и грязныхъ отношеній онъ самъ терялся, чувствуя, что онъ совсѣмъ не дипломатъ, что роль, которую онъ играетъ, далеко незавидная.

— Очень жалѣю,—началъ онъ, когда вдругъ, кто-то дернулъ за ручку двери и раза два рванулъ ее, пытаясь отворить.

Онъ забылъ, что дверь заперта, но Марья Владиміровна помнила объ этомъ. Она подошла и повернула ключъ.

Передъ ней стоялъ мужъ.

— Что это? ты заперлась?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, отъ сквозного вѣтра,—отвѣтила она спокойно.—У меня открыто окно.

— А я думалъ, что ты...

Увидавъ Ивана Сергѣевича, онъ вдругъ остановился.

— Ахъ и ты здѣсь?

— Покойной ночи, я ухожу,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, подавая ему руку.—Твоя жена устала. Она хочетъ спать.

Томилинъ машинально пожалъ ему руку.

— Что такое? я помѣшалъ вамъ?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.—У васъ можетъ быть секретный разговоръ?

— Нѣтъ, я зашелъ проститься. Я завтра уѣзжаю.

— Да вѣдь мы еще увидимся, я надѣюсь.

— Да—да, мы увидимся... Непремѣнно увидимся.

И поклонившись молча хозяйкѣ, онъ быстро вышелъ. Въ передней онъ встрѣтилъ Шуру, спускавшуюся съ лѣстницы. Она была наверху у дѣтей. Юра давно спалъ, но дѣвочки, лежа въ постели, все еще шептались. Шура знала, что у нихъ послѣднее время завелся обычай—ложась спать, сочинять романы. Каждая сочиняла свой и потомъ обѣ дѣлились мыслями.

— Ты что-нибудь придумала?—спрашивала одна шепотомъ.

— Да, у меня очень хорошо выходитъ,—шептала другая.

Она разсказала объ этомъ Ивану Сергѣевичу.

— Да,—отвѣчалъ онъ нервно,—романы всегда занимаютъ женщину, даже когда ей пять лѣтъ.

Она замѣтила, что онъ чѣмъ-то разстроенъ.

— Что ваша голова?—спросила она.

— Ничего, прошла, благодарю васъ.

— Вы были у Маруси?

— Да, у меня было порученіе къ ней... отъ моей сестры.

По ея тревожному, смущенному виду, онъ видѣлъ, что она не вѣритъ ему.

— А что Вадковскій бываетъ у васъ?—спросилъ онъ неожиданно.

Она смутилась окончательно.

— Очень рѣдко... Онъ былъ какъ-то разъ или два, не больше...

«Она знаетъ все!»—рѣшилъ онъ.

— Что-же мы стоимъ здѣсь? Пойдемте куда-нибудь... Спать еще рано.

Онъ толкнулъ дверь въ залу. Въ залѣ горѣли двѣ лампы, и никого не было. Генералъ со стѣны строго смотрѣлъ на нихъ.

Иванъ Сергѣевичъ не ошибся. Шура дѣйствительно знала тайну своей сестры. Она узнала ее случайно и жила подъ вѣчнымъ страхомъ, что это дойдетъ до Кости. Когда произносили передъ ней имя Вадковскаго, она краснѣла и блѣднѣла, ожидая, что сейчасъ все откроется. Спокойствіе Маруси удивляло ее. Если-бы она не видѣла своими глазами, какъ Николай Петровичъ цѣловалъ ее, она не повѣрила-бы, что между ними что-нибудь есть. Она ушла тогда въ ужасѣ, незамѣченная ими и никогда, сколько ни собиралась съ духомъ, не могла заговорить объ этомъ съ сестрой.

Сколько разъ порывалась она пойти къ ней и умолять ее бросить этого человѣка. Но чувствовала-ли она, что это безполезно, или это было выше ея силъ, до сихъ поръ она этого не сдѣлала. Она все ждала какого-то чуда, ждала, что Вадковскій женится, уѣдетъ, умретъ, наконецъ, и сестра опомнится. Когда онъ былъ за границей, она вздохнула свободно. Но извѣстіе, которое привезъ тогда Иванъ Сергѣевичъ, что онъ обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ на юбилеѣ, привело ее въ отчаяніе.

Она тогда-же поняла, что Иванъ Сергѣевичъ догадывается. Какими глазами онъ долженъ смотрѣть на сестру?

— Ужасно непріятное лицо у этого генерала, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, взглянувъ на портретъ.—Вамъ не кажется, что онъ сойдетъ со стѣны и вмѣшается въ нашъ разговоръ?

Шура взглянула на строгое, надменное лицо фельдмаршала, на его шляпу съ перьями и дыру въ сапогѣ, и нашла, что Иванъ Сергѣевичъ правъ. Они ушли отъ генерала на балконъ.

— Ну, что ты врешь!—послышалось на верху изъ раствореннаго окна.—Когда я тебѣ говорилъ, что въ этой щукѣ шесть фунтовъ. Я самъ ее вѣшалъ... Четыре съ половиной.

— Это въ твоей четыре съ половиною, а не въ моей.

— А ты забылъ, что ты...

— Нѣтъ, постой, это ты забылъ...

— Это наши рыболовы,—объяснила Шура.

И разсказала, что кадеты все, что-бы не поймали, щуку или головля, сейчасъ взвѣшиваютъ, вымѣряютъ сантиметромъ и записываютъ

въ книжку. Это единственная литература, которой онѣ лѣтомъ занимаются.

Иногда они берутъ ее третейскимъ судьей, но та сторона, которая недовольна рѣшеніемъ, потомъ называетъ судью идіотомъ.

— Я никакого авторитета у нихъ не имѣю. Марусю и Лиду они боятся, меня—нисколько. Я пробовала быть строгой—ничего не помогаетъ. Вотъ кого они боятся, такъ это васъ.

— Не можетъ быть!

— Ужасно. Вы для нихъ идеалъ! недостижимый идеалъ.

Она вдругъ замолчала, чувствуя, что и для нея онъ былъ тѣмъ-же.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ онъ вдругъ.

— Я?.. Такъ, я не знаю... Мнѣ кажется бываютъ минуты, когда ни о чемъ не думаешь.

Онъ взялъ ее за руку, притянулъ къ себѣ и, обнявъ за плечо, взглянулъ въ ея испуганные, счастливые глаза. Оба ни слова не говорили. Они слышали только удары своего сердца, да голоса мальчиковъ на верху, все еще продолжавшихъ спорить.

— Ну, такъ какъ-же?—спросилъ онъ, наконецъ.—Будешь ждать три года?—Но когда она молча прижалась къ нему и неловкимъ нѣжнымъ движеніемъ обвила его шею рукой, онъ почувствовалъ, что три года безконечно долгое время. Онъ былъ такъ одинокъ теперь, что кромѣ этой дѣвушки никого у него не оставалось. Онъ понялъ, что она пойдетъ за нимъ на край свѣта, и въ ней онъ найдетъ все, чего не хватало его сердцу, искавшему привязанности. Эта не обманетъ его. Онъ угадывалъ ея честную, правдивую душу и глубокую любовь къ нему. Конечно, между ними была значительная разница лѣтъ, онъ былъ почти вдвое старше ея, но что значатъ года? Развѣ любовь справляется съ метрическимъ свидѣтельствомъ? Нѣтъ, въ ея душѣ, онъ зналъ это, будетъ всегда храниться любимый образъ, котораго не сотретъ ни время, ни тяжелыя испытанія. Иная душа, какъ зеркало, все воспринимаетъ и все отражаетъ, и какъ въ зеркалѣ въ ней все мимолетно. Другая, какъ фотографическая пластинка, сохраняетъ свои впечатлѣнія навсегда.

Она же, почувствовавъ свою власть надъ нимъ, смотрѣла на него съ гордостью и съ тайнымъ восторгомъ. Это не былъ уже прежній Иванъ Сергѣевичъ, извѣстный путешественникъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ человѣкъ съ европейскимъ именемъ, съ золотыми медалями и почетными дипломами, это былъ самый простой, милый, близкій ей человѣкъ. Это чувство близости глубоко тронуло и удивило обоихъ. Было какъ-то странно думать, что вчера еще они были чужіе. Какъ люди, искавшіе и не находившіе другъ друга, они сами не вѣрили, что этотъ вечеръ соединилъ ихъ на вѣки. И всѣ тѣ милыя глупости, которыя

онъ говорилъ ей, прижимая ее къ своему сердцу, лишили бы его уваженія кадетъ, но въ ея глазахъ были полны значенія.

Онъ накололъ себѣ палецъ на булавку, которою была приколота водяная лилія у ея пояса, и выступившая на немъ капля крови, эта первая рана, нанесенная ею, какъ-бы скрѣпила ихъ союзъ. Она смѣясь приложила къ ней свой платокъ и сказала, что безъ страданій нѣтъ любви.

Въ этой маленькой шутливой ласкѣ былъ ихъ договоръ, чтобы отнынѣ страдать вмѣстѣ. Онъ говорилъ ей о томъ, что ее ждетъ съ нимъ, если она согласится раздѣлить его судьбу, о тѣхъ почти невозможныхъ для женщины трудностяхъ, о тѣхъ лишеніяхъ, которыя она едва-ли даже можетъ себѣ представить. Съ его стороны почти безуміе—звать ее на это. Но если она не боится этого и создана для той жизни, гдѣ человѣкъ предоставленъ самому себѣ и не ищетъ помощи у другихъ, то съ нимъ вдвоемъ она можетъ идти смѣло.

Конечно онъ не обѣщаетъ ей отдѣльнаго купе перваго класса, удобныхъ гостиницъ и даже не обѣщаетъ, что она будетъ каждый день обѣдать. По части общества она должна будетъ довольствоваться обществомъ его казаковъ, топографа и ботаника. Въ видѣ развлеченія, онъ предлагаетъ ей на бивуакахъ выучить ее переносить съемки на чистый планшетъ. Конечно, ей не придется самой ставить палатки и разводить огонь, это сдѣлаетъ дежурный казакъ. Но ей придется можетъ быть голодать, пить скверную соленую воду и сидѣть вечеромъ въ потьмахъ, такъ какъ одна стеариновая свѣчка полагается на недѣлю, и при ней записываютъ метеорологическія наблюденія. Она не можетъ взять съ собою больше двухъ платьевъ, въ виду того, что вьюки нужны имъ для инструментовъ, дневниковъ, провизіи и для подарковъ. Съ нимъ будутъ цѣлые тюки съ игральными машинками, бусами, зеркалами, стереоскопами. Раскрашенныя карточки актрисъ производятъ чарующее впечатлѣніе на монголовъ.

Ей было весело слушать его и мысленно быть съ нимъ вдвоемъ въ тѣхъ далекихъ странахъ, гдѣ не надо выѣзжать, дѣлать визитовъ, занимать правовѣдовъ. Отчего онъ думаетъ, что она не можетъ развести костра или помочь казакамъ поставить палатку? Она привыкла въ деревнѣ все дѣлать сама, и это нисколько не было ей тяжело.

— Вы знаете, я очень сильная,—сказала она увѣренно.—Попробуйте поставьте меня на колѣни.

Она протянула ему свои пальцы, какъ дѣлала это съ кадетами, когда они пробовали ея силу. Онъ улыбаясь взялъ ея руки. Но послѣ минутной борьбы она признала себя побѣжденной и, вырвавъ свои руки, вся красная, задыхающаяся сказала.

— Да вы конечно сильнѣе меня.

И въ этой борьбѣ, думалось ей, они были тѣмъ, чѣмъ будутъ всегда: она его раба, онъ ея властелинъ.

Но рабство любви, ея золотыя цѣпи должны были такъ крѣпко сковать обоихъ, что трудно было сказать, гдѣ кончается власть одного и подчиненіе другого.

Когда они, возвращаясь, проходили опять черезъ залу, генералъ на стѣнѣ уже не такъ строго смотрѣлъ на нихъ.

«Я знаю все, говорили его глаза. Я слышалъ вашъ разговоръ. Но мнѣ все равно... Я фельдмаршалъ и этимъ не занимаюсь».

XIV.

Иванъ Сергѣевичъ заснулъ только на разсвѣтѣ. Онъ видѣлъ во снѣ фельдмаршала, который ѣхалъ съ нимъ въ Монголію и ни за что не хотѣлъ оставить дома свою шляпу съ перьями.

— Вамъ будетъ неудобно,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Но генералъ только грозно посмотрѣлъ на него и указалъ на дыру въ сапогѣ. Тогда Иванъ Сергѣевичъ понялъ, почему онъ не могъ снять шляпы. У него была такая-же дыра въ головѣ.

Проснувшись, онъ вдругъ вспомнилъ, что было вчера. Въ первую минуту ему стало жутко. Кончено! думалъ онъ. Возврата нѣтъ. Но это былъ только одинъ мигъ, какъ въ жаркій день, когда бросаются въ воду. Сначала духъ захватываетъ, а потомъ хорошо.

Одѣвшись, онъ прежде всего хотѣлъ идти къ Томилину, чтобы сказать ему, на чемъ они порѣшили съ Шурой. Съ его стороны онъ не ждалъ препятствій, а Марья Владиміровна будетъ очень довольна.

Припоминая все вчерашнее объясненіе съ ней, онъ чувствовалъ какую-то неловкость. Онъ велъ себя глупо. Ее онъ не испугалъ и не вернулъ на путь истинный, а себя поставилъ въ смѣшное положеніе. А главное онъ еще не рѣшилъ, нужно-ли предупредить Томилина насчетъ Вадковскаго. Не говорить ему прямо, но какъ-нибудь намекомъ дать ему понять, чтобы онъ остерегался этого человѣка. Онъ старался себѣ представить, какъ бы поступилъ на его мѣстѣ другой. Этотъ другой былъ воображаемое лицо, умное, тактичное, ловкое, опытное въ этихъ дѣлахъ, со всѣми качествами, какихъ не доставало самому Ивану Сергѣевичу. Но онъ слишкомъ привыкъ поступать всегда по своему, чтобы брать примѣръ съ другого.

Когда онъ вошелъ въ столовую къ утреннему чаю, тамъ сидѣла только нѣмка съ дѣтьми. Маленькій Юра воевалъ съ ней. Онъ хотѣлъ непремѣнно надѣть свою матросскую шапку, которую привезла ему вчера тетка, съ написаннымъ на лентѣ золотыми буквами словомъ «Миноноска».

Нѣмка отняла у него шапку, объясняя, что въ комнатѣ въ шляпахъ не сидятъ.

— Pfui, schäm' dich!—говорила она сердито.

— Aber ich will!—Кричалъ Юра и, схвативъ ее за юбку, повисъ на ней.

— Sieh' da kommt der fremde Herr!—указала она ему на Ивана Сергѣевича.

Его строгій видъ и серебряныя пуговицы подѣйствовали на мальчика. Онъ выпустилъ нѣмку и, увидавъ въ окна собаку, дядину Ирму, которую ему не позволяли трогать, потому-что она охотничья, сейчасъ же занялся ею. Онъ хотѣлъ узнать, есть-ли у нея щенята. Узнавъ, что нѣтъ, онъ задумался.

— Значитъ она не породистая?

— Ну, ja, ja, отвѣтила нѣмка снисходительно и, обернувшись къ Ивану Сергѣевичу, спросила, не безпокоили-ли его дѣти и не они-ли такъ рано разбудили его.

— Смотрите, онъ въ окно лѣзетъ,—сказала одна изъ дѣвочекъ, вѣжливо присѣвшихъ Ивану Сергѣевичу, когда онъ вошелъ.

— Aber mein Gott, was ist denn das!

Нѣмка вскочила и стащила Юру съ подоконника. Но онъ успѣлъ бросить собакѣ кусокъ бѣлаго хлѣба. Иванъ Сергѣевичъ старался успокоить бонну, съ нѣжностью смотрѣлъ на Ирму, напоминавшую ему первое знакомство съ Шурой. Онъ вспомнилъ, какъ они вмѣстѣ ловили ее. Ирма выросла и стала умнѣй и такъ значительно глядѣла на него, какъ будто хотѣла сказать: ну, поздравляю! я рада за васъ.

Допивъ наскоро свой чай, онъ пошелъ къ Томилину.

Его поразило странное, разстроенное лицо его друга, который, увидавъ его, медленно всталъ и не подалъ ему руки, какъ обыкновенно, а встрѣтилъ его какимъ-то свинцовымъ взглядомъ.

— Что это у тебя какой больной видъ? Ты нездоровъ?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Томилинъ отвѣтилъ не сразу. Лицо его какъ-то дернулось и вмѣстѣ дернулись плечи, какъ будто ему жалъ сюртукъ или было холодно.

— Я знаю все,—сказалъ онъ, наконецъ.

Иванъ Сергѣевичъ, не понимая, глядѣлъ на него.

— Жена мнѣ все сказала.

«Не можетъ быть! думалъ Иванъ Сергѣевичъ. Неужели онъ вчера такъ ее тронулъ, что она призналась сама? Это не похоже на нее. Что-же такое случилось, что она рѣшилась на это?» По искаженному лицу Томилина онъ видѣлъ, чего ему это стоило. Въ одну ночь онъ такъ измѣнился, точно перенесъ тифъ. Глубокая жалость къ нему вмѣстѣ съ мыслью о томъ, что самъ онъ такъ непростительно счастливъ, охватила

его. Онъ искалъ и не находилъ словъ, чтобы утѣшить его. Сказать: «брось! не стоитъ объ этомъ сокрушаться!»—неловко. Сказать «она раскаялась, значитъ она вернется къ тебѣ», это плохое утѣшеніе. Ему хотѣлось просто подойти и обнять его.

— Ты, конечно, теперь понимаешь, что твое присутствіе здѣсь лишнее,—произнесъ Томилинъ твердо.

Вотъ этого Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно не понималъ. Онъ во время остановился, удержавъ свой дружескій порывъ, и съ такимъ изумленіемъ глядѣлъ на него, что тотъ вдругъ вспыхнулъ. Изъ мертвенно блѣднаго онъ сталъ багровымъ.

— Избавь меня отъ этой комедіи... Я тебѣ повторяю, что я все знаю.

— Не понимаю, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ.—Не понимаю, что ты знаешь.

Тогда Томилинъ, все еще стараясь сохранить покидавшее его хладнокровіе, въ двухъ словахъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Жена вчера созналась ему, что Иванъ Сергѣевичъ давно уже преслѣдовалъ ее, ревновалъ ее ко всѣмъ, дѣлалъ ей сцены и, наконецъ, вчера пришелъ къ ней вечеромъ, заперъ ее на ключъ и силою заставилъ выслушать объясненіе въ любви. Еще немного, и она хотѣла разбить окно, чтобы звать на помощь. Ей удалось уже отворить окно, когда онъ, Томилинъ, постучался къ нимъ въ дверь и положилъ конецъ этой сценѣ. Послѣ ухода Ивана Сергѣевича съ ней сдѣлался нервный припадокъ. Она долго не могла говорить; потомъ не хотѣла ничего говорить ему, зная, что онъ такъ друженъ съ нимъ, и, наконецъ, не выдержала и разсказала все.

— И только потому, что я далъ ей слово не поднимать исторіи,—продолжалъ онъ съ худо скрытымъ бѣшенствомъ,—ты могъ еще переночевать у меня въ домѣ. Иначе, будь увѣренъ, тебя вчера-же здѣсь не было-бы.

Иванъ Сергѣевичъ съ чувствомъ человѣка, слетѣвшаго съ колокольни и несовсѣмъ еще очнувшагося отъ паденія, не могъ собрать свои мысли. «Вотъ подлая баба!» думалъ онъ, и это только одно было ему ясно.

Что дѣлать? Разсказать, какъ было дѣло? Но, во-первыхъ, мужъ не повѣритъ ему. Теперь это будетъ месть отвергнутаго влюбленнаго. А потомъ великодушно-ли съ его стороны наносить ему новый ударъ? Хоть онъ и не повѣритъ ему, а подозрѣніе все-таки заползетъ ему въ душу и тамъ, какъ злой паразитъ, будетъ рости и терзать его. Въ томъ радостномъ свѣтломъ настроеніи, въ какомъ былъ Иванъ Сергѣевичъ, поступить жестоко онъ не могъ.

— Объясни мнѣ, пожалуйста, началъ онъ...

— Никакихъ объясненій! Я даю тебѣ полчаса, чтобы оставить мой домъ.

Но тутъ Ивану Сергѣевичу пришла счастливая мысль. У него было еще средство разстроить козни Томилиной.

— Я не знаю, что тебѣ сказала жена и съ какой цѣлью она это сдѣлала. Я даже не буду оправдываться, считаю это недостойнымъ и себя, и тебя. Если ты могъ этому повѣрить, значитъ что-жъ объ этомъ говорить... Ты считаешь меня подлецомъ... Жена тебѣ ближе, ты повѣрилъ ей... Прекрасно. Но чтобы успокоить тебя, я скажу тебѣ, зачѣмъ я пришелъ... Я пришелъ просить руки Александры Владиміровны.

Томилинъ поблѣднѣлъ, какъ будто это былъ новый смертельный ударъ ему.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ глухо.

— Надѣюсь, ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Кто? я?.. Нѣтъ, какъ-же! Я польщенъ... Я очень польщенъ.

Онъ взялъ со стола книгу и бросилъ ее, потомъ взялъ ее опять и сталъ костянымъ ножомъ разглаживать завернувшіеся уголки страницъ.

— Теперь ты не скажешь, что я влюбленъ въ твою жену?

— Нѣтъ, теперь я спокоенъ... Теперь-то ужъ я совсѣмъ спокоенъ.

Онъ вдругъ съ яростью швырнулъ книгу.

— Дѣтская штука! И на это вы думаете поймать меня?

— То-есть какъ дѣтская штука? Я тебѣ говорю, что я женюсь, а ты...

Томилинъ захохоталъ.

— Да, это опаснѣе, чѣмъ я думалъ. Это ужъ опредѣленный, выработанный планъ... Тутъ все обдумано... до тонкости обдумано... Ты, конечно, объ этомъ и говорилъ вчера съ женой?—спросилъ онъ вдругъ, круто оборвавъ.

— Да, отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ, начиная раздражаться.—Я только за этимъ и былъ у нея.

— Ну, а дверь ты заперъ тоже для этого?

— Дверь я заперъ, чтобы она не отворялась отъ вѣтра,—сказалъ онъ, вспомнивъ, что говорила Томилина.

— Я что-то не замѣтилъ, чтобы вчера былъ вѣтеръ. У меня всю ночь было открыто окно.

— Ну, да это вздоръ, о которомъ не стоитъ говорить. Согласись, что теперь не время этимъ заниматься... въ такую минуту, когда рѣшается моя судьба.

— Ну, нѣтъ, любезный другъ,—остановилъ его Томилинъ.—Эта комбинація тебѣ не удастся. Если ты думалъ обмануть меня этимъ...

— Что-же, ты полагаешь, что я женюсь для твоего удовольствія?

— Я вѣдь не забылъ, что ты говорилъ зимою,—продолжалъ Томилинъ. — Тогда ты и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ, а теперь ты вдругъ воспылалъ страстью къ моей свояченицѣ. И ты думаешь, что я позволю тебѣ обмануть дѣвушку?

Изъ его словъ Иванъ Сергѣевичъ понялъ, что его женитьбу онъ считаетъ новой подлостью: желаніемъ выйти изъ неловкаго положенія, усыпить его подозрѣнія и въ то-же время, подъ видомъ родства, еще больше сблизиться съ его женой.

— Ты этимъ рыцарскимъ поступкомъ хотѣлъ меня удивить. А я, представь, на грошь ему не вѣрю... то-есть на мѣдный грошъ... Да, жаль! эффектъ пропалъ. А вѣдь какъ было хорошо придумано. Скажу, что женюсь и успокою его. Ты, впрочемъ, такъ и проговорился, что ты пришелъ успокоить меня... Нѣтъ, любезный другъ, я не дамъ тебѣ издѣваться надъ дѣвушкой... Вчера ты хотѣлъ быть любовникомъ моей жены, а нынче ты хочешь, чтобы я отдалъ тебѣ ея сестру.

— Ну, однако довольно! — вспылилъ Иванъ Сергѣевичъ. — Изъ того, что у твоей жены нервные припадки, и ты слушаешь ея бредъ, не слѣдуетъ еще, что я долженъ отказаться отъ дѣвушки, которую я люблю и которая будетъ моей женой.

— А вотъ это мы увидимъ.

— Если ты не дашь своего согласія, мы обойдемся безъ него.

— Это еще вопросъ, дастъ-ли она тебѣ свое согласіе.

— Объ этомъ не безпокойся. Съ нею я ужъ говорилъ.

— Ну, такъ теперь я съ ней поговорю.

Онъ стремительно подошелъ къ двери и, отворивъ ее, крикнулъ:

— Андреянъ! или кто тутъ... Позовите сейчасъ барышню Александру Владиміровну. Скажите, чтобъ она пришла сюда.

— Послушай, ты съ ума сошелъ!.. Ты въ эту грязь хочешь вмѣшать дѣвушку.

— Нѣтъ, я хочу, чтобъ она знала, что ты за человѣкъ. Пусть она знаетъ, на что она идетъ. Это мой долгъ предупредить ее.

— Даю тебѣ слово, что я столько-же думаю о твоей женѣ, какъ объ испанскомъ королѣ.

— Да-да, я вѣрю... Я помню еще зимой, какъ я разъ помѣшалъ вамъ... Какъ ты пришелъ, не разсчитывая застать меня дома, а я былъ боленъ и вдругъ къ твоему огорченію разстроилъ вашъ tête-à-tête. Тогда я, какъ дуракъ, все это видѣлъ и ничего не понималъ. А вѣдь какъ было удобно, подъ видомъ дружбы съ мужемъ, сидѣть у жены... А потомъ, женившись на ея сестрѣ, это будетъ еще удобнѣе. Эта дѣвочка не помѣшаетъ... Она проста, довѣрчива, ее обмануть не трудно.

«Эта дѣвочка, думалъ Иванъ Сергѣевичъ, видитъ все лучше тебя». И не смотря на свою досаду, на эту невозможную сцену, которую готовилъ ему Томилинъ, онъ все-таки не могъ безъ жалости смотрѣть на него. Если теперь, считая свою жену невинной, считая ее только жертвой грубаго оскорбленія, онъ такъ страдалъ, что-же было-бы, еслибы онъ узналъ правду? Хотя минутами ему казалось, что у него есть

уже смутныя подозрѣнія и противъ нея; онъ не увѣренъ, что она не раздѣляетъ страсти Ивана Сергѣевича.

Когда Шура вошла, она сразу поняла, что у нихъ что-то случилось. Костя особенно испугалъ ее. У него былъ такой блуждающій, мутный взглядъ.

— Вотъ этотъ господинъ,—сказалъ онъ, указывая на Ивана Сергѣевича, — сказалъ мнѣ сейчасъ, что онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе. Что ты отвѣтила ему?

— Костя, что съ тобой?—спросила она робко.

— Ты сказала, что ты согласна? да? Ну, такъ я считаю долгомъ предупредить тебя, что онъ тебя обманываетъ... Онъ любитъ другую.

Она помертвѣла и перевела свой взглядъ на Ивана Сергѣевича.

— Александра Владиміровна этому не повѣритъ, — сказалъ тотъ твердо.—Она знаетъ, что этого быть не можетъ.

— Ну, такъ вотъ, теперь рѣшай сама... Если ты желаешь на это идти... твое дѣло. Но помни, что я сказалъ тебѣ... Онъ тебя не любитъ... У него есть другая женщина. А такъ какъ на той онъ жениться не можетъ, то по нѣкоторымъ соображеніямъ ему нужно жениться на тебѣ... Объяснять, какъ и почему, я тебѣ какъ дѣвушкѣ не могу... Но желая тебѣ добра, я не хочу скрывать это отъ тебя. Помни, что тебя обманываютъ.

— Вы вѣрите этому?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, встрѣтивъ ея потерянный, полный отчаянія взглядъ.

— Нѣтъ,—вырвалось у нея вдругъ.—Нѣтъ, этого не можетъ быть! Это было-бы такъ ужасно... Такъ непохоже на васъ.

И безъ словъ она поняла его. Эти глаза не лгали ей. Онъ весь душой и тѣломъ принадлежалъ ей. Она такъ-же ясно чувствовала это, какъ вчера, когда они были вдвоемъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Пойдемте, Александра Владиміровна.

И взглянувъ на Томилина прибавилъ:

— Ты далъ мнѣ полчаса, чтобы оставить твой домъ. Я исполню твое желаніе.

— Помни, что я предупреждалъ тебя!—крикнулъ Томилинъ не ему, а ей.—Помни, что если ты пойдешь за нимъ, двери моего дома для тебя закрыты. Ты не только меня, но даже сестру больше не увидишь.

— Костя, — остановила она его умоляющимъ жестомъ.—Что-же я тебѣ сдѣлала?

— Ты жалкая идіотка, которою онъ играетъ какъ мячикомъ! Какъ вотъ Матильда играетъ съ дѣтьми,—указалъ онъ въ окно на нѣмку, бросавшую дѣвочкамъ серсо.—А, впрочемъ, дѣлай какъ знаешь... Бѣги за нимъ!.. Только въ мой домъ ты больше не вернешься.

— Барыня спрашиваетъ, къ какому поѣзду прикажете лошадей?—спросилъ человѣкъ, показываясь въ дверяхъ.

«Меня выгоняютъ!» подумалъ Иванъ Сергѣевичъ. Онъ отказался отъ лошадей и ушелъ на полустанокъ пѣшкомъ. Шура проводила его.

— Что у васъ было съ Костей?—спросила она.

Послѣ минутнаго колебанія онъ отвѣтилъ:

— Позвольте мнѣ не говорить вамъ объ этомъ. Это было-бы тяжело и для васъ, и для меня... Когда-нибудь потомъ, со временемъ... Коли любишь, надо вѣрить,—сказалъ онъ тихо, замѣтивъ безпокойство на ея лицѣ.

Люблю и вѣрю, отвѣтилъ ея взглядъ, но все-таки ужасно видѣть эту ссору и уходить изъ семьи врагомъ.

Дорогою ихъ обогналъ томилинскій фаэтонъ. Въ фаэтонѣ сидѣли кадеты, важно развалившись, но при видѣ Ивана Сергѣевича они вытянулись въ струнку и отдали ему честь по военному.

— Игнатъ, за кѣмъ это?—спросила кучера Шура, — подойдя къ полустанку.

— За госпожей Карцевой и за господиномъ Вадковскимъ.

Она невольно взглянула на Ивана Сергѣевича, и опять они безъ словъ поняли другъ друга.

Лиза Карцева была пріятельница Маруси.

Поѣздъ уже былъ видѣнъ. Еще издали, изъ лѣсу, онъ давалъ о себѣ знать свисткомъ. Кадеты успѣли поднять сигналъ семафора, чтобы остановить поѣздъ для Ивана Сергѣевича и, показывая свою удаль, нарочно не спѣша переходили черезъ рельсы. И только уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ настигавшаго ихъ паровоза они, ловко поднявшись на рукахъ, вскочили на платформу и, не давая еще остановиться вагонамъ, кричали кондуктору:

— Первый классъ! одно мѣсто.

Черезъ нѣсколько дней въ одной изъ петербургскихъ церквей послѣ обѣдни была скромная свадьба Ивана Сергѣевича съ Шурой.

Никого изъ Томилиныхъ въ церкви не было. Съ его стороны были только сестра съ мужемъ, да двое военныхъ, съ ея — студентъ, гостившій у нихъ на дачѣ, и одинъ дальній родственникъ. Отсутствіе Томилиныхъ было объяснено внезапною болѣзнью Константина Дмитрича, который не могъ къ этому дню пріѣхать въ Петербургъ.

Ольга Сергѣевна смотрѣла на брата съ сожалѣніемъ. «Не послушалъ меня»! думала она съ горечью.—«Я говорила, что его женятъ». Она пріѣхала въ церковь съ самымъ непріятнымъ чувствомъ и даже не сдѣлала себѣ новаго платья, потому что невѣста была въ простомъ бѣломъ шерстяномъ. Все это было какъ-то не такъ. У молодыхъ былъ такой видъ, точно они нечаянно зашли въ церковь и нечаянно обвѣнчались.

Вечеромъ со скорымъ молодые уѣзжали въ Москву, гдѣ уже ждали ихъ другіе члены экспедиціи. Всѣ бывшіе въ церкви явились провожать ихъ. На вокзалѣ пили шампанское и желали всего, что въ этихъ случаяхъ желаютъ. Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ со всѣми расцѣловаться. Только одинъ изъ военныхъ, старый товарищъ его, сказалъ, вдругъ оттолкнувъ его:

— Нѣтъ не цѣлуй меня!.. Тутъ меня вчера Іуда Искаріотскій цѣловалъ.

— Кто это?—спросили съ удивленіемъ.

— Вадковскій... Есть тутъ такой... Іуда предатель. Десять лѣтъ былъ у одной барыни на содержаніи, а теперь, говорятъ, мамашу по боку, на дочкѣ женится.

— Не можетъ быть!—воскликнула Ольга Сергѣевна.—Онъ женится?

— Мать-то въ Парижѣ, ничего не подозрѣваетъ, а дочь здѣсь съ отцомъ. Онъ это дѣльце и обработалъ. У невѣсты теперь шестьсотъ тысячъ, да послѣ бабушки два милліона достанется... А вы, сударыня,—обратился онъ вдругъ къ Шурѣ,—вы его хорошенько въ рукахъ держите (Онъ кивнулъ головой на Ивана Сергѣевича). Вы ему воли не давайте... Удивляюсь вашей храбрости, сударыня. Какъ это вы рѣшились за нимъ въ такую трущобу идти? Вѣдь вы тамъ лица человѣческаго не увидите...

Ольга Сергѣевна, слегка обиженная за брата, сказала Шурѣ, что она должна беречь его и помнить, что онъ принадлежитъ не ей одной.

— Это наша гордость, сударыня,—продолжалъ военный.—Мы его всѣ любимъ и уважаемъ... А онъ теперь думаетъ: «ну, да? очень мнѣ нужно ваше уваженіе... Если онъ вообще теперь о чемъ-нибудь думаетъ».

Иванъ Сергѣевичъ дѣйствительно думалъ только о томъ, что за порогомъ этого вокзала ждетъ его новая жизнь, и хотя все пойдетъ по старому, но въ этомъ старомъ все будетъ новое. И отвѣчая другимъ, онъ невольно искалъ ее и каждый разъ, какъ ихъ взгляды встрѣчались, это новое чувство все ближе, тѣснѣе соединяло ихъ, наполняя душу какимъ-то радостнымъ удивленіемъ, почти страхомъ передъ будущимъ.

По букету изъ бѣлыхъ розъ, который поднесъ Шурѣ одинъ изъ ея шаферовъ и по громкимъ пожеланіямъ мужчинъ, въ публикѣ узнали, что ѣдутъ молодые. И съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, съ какимъ смотрятъ въ этихъ случаяхъ, ихъ оглядывали, дѣлая свои замѣчанія. Всѣ спѣшили взглянуть на самую большую рѣдкость въ свѣтѣ — на двухъ истинно счастливыхъ людей. Только по особенному блеску ихъ глазъ можно было угадать, что солнце, сіявшее въ ихъ душѣ, свѣтило имъ однимъ и что свое счастье, какъ сокровище, они прятали отъ другихъ.

С. Смирнова.

ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ III.

Типы національные (Кутузовъ и Платонъ Каратаевъ).

II

Обращаясь къ анализу фигуры Кутузова, прежде всего возстановимъ въ памяти тѣ мѣста, гдѣ онъ выведенъ.

Впервые Кутузовъ появляется во II-й части I-го тома. Это—превосходная сцена изъ кампаніи 1805-го г. въ Австріи. Кутузовъ на смотру. Минуя мастерски написанныя эпизодическія фигуры офицеровъ и солдатъ и детали полковой жизни, отмѣтимъ только то, что относится къ Кутузову. Здѣсь, какъ бы вскользь, указаны двѣ черты, которыя читатель, конечно, не пропуститъ. Капитанъ Тимохинъ, когда Кутузовъ подошелъ къ нему, «вытянулся такъ, что, казалось, посмотри на него главнокомандующій еще нѣсколько времени, онъ (Тимохинъ) не выдержалъ бы; и потому Кутузовъ, видимо понявъ его положеніе и желая, напротивъ, всякаго добра капитану, поспѣшно отвернулся. По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробѣжала чуть замѣтная улыбка».—Далѣе, когда Долоховъ, желая обратить на себя его вниманіе, сказалъ ему: «прошу дать мнѣ случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и Россіи»,—«Кутузовъ отвернулся. На лицѣ его промелькнула та же улыбка глазъ, какъ и въ то время, когда онъ отвернулся отъ капитана Тимохина. Онъ отвернулся и поморщился, какъ будто хотѣлъ выразить этимъ, что все, что ему сказалъ Долоховъ, и все, что онъ могъ сказать ему, онъ давно, давно

знаетъ, что все это уже прискучило ему, и что все это совсѣмъ не то. что нужно».

Въ этихъ эпизодическихъ сценкахъ Кутузовъ обрисовывается во-первыхъ, какъ простой и добрый человѣкъ, а во-вторыхъ, какъ историческій дѣятель, умудренный давнимъ опытомъ, знающій людей и жизнь, преслѣдующій только тѣ историческія задачи, которыя стоятъ передъ нимъ, и остающійся равнодушнымъ къ личнымъ мотивамъ, движущимъ людьми, къ страстямъ человѣческимъ и т. д. Эти двѣ черты повторяются и въ дальнѣйшемъ. Толстой не упускаетъ случая указать на нихъ въ разныхъ сценахъ, гдѣ выведенъ Кутузовъ, и, наконецъ, прямо отъ себя даетъ характеристику его въ этомъ смыслѣ. Одно изъ наиболѣе яркихъ мѣстъ этого рода—сцена изъ эпохи 1812 года, гдѣ Кутузовъ, уже назначенный главнокомандующимъ, выслушиваетъ очередные доклады и рѣшаетъ текущія дѣла. Между прочимъ, ему представляется здѣсь будущій знаменитый партизанъ Василій Денисовъ (Денисъ Давыдовъ), который, «назвавъ себя, объявилъ, что имѣетъ сообщить его свѣтлости дѣло большой важности для блага отечества. Кутузовъ усталымъ взглядомъ сталъ смотрѣть на Денисова... «Для блага отечества? Ну, что такое? Говори».—И разсѣянно и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ слушая рѣчь Денисова, проектамъ котораго онъ, очевидно, не придавалъ большого значенія, но считалъ неделикатнымъ—не выслушать. Кутузовъ «смотрѣлъ себѣ въ ноги и изрѣдка оглядывался на дверь сосѣдней избы, какъ будто онъ ждалъ чего-то непріятнаго оттуда». Непріятное явилось въ лицѣ дежурнаго генерала съ портфелемъ подъ мышкой. Генералъ пришелъ съ очередными дѣлами. Тѣмъ временемъ Денисовъ продолжаетъ излагать свой проектъ: «даю честное, благородное слово русскаго офицера»—горячится онъ—«что я разорву сообщенія Наполеона!»—«Тебѣ Кириллъ Андреевичъ Денисовъ, оберъ-интендантъ, какъ приходится?»—перебиваетъ его Кутузовъ.—«Дядя родной, ваша свѣтлость».—О, пріятели были!—весело сказалъ Кутузовъ.—Хорошо, хорошо, голубчикъ, оставайся тутъ при штабѣ, завтра поговоримъ».—Тѣмъ и кончилось «обсужденіе» проекта, важнаго для блага отечества. И конечно, завтра «не поговорили». А между тѣмъ Денисовъ предлагалъ вовсе не какой-нибудь нелѣпый планъ. Вотъ какъ поясняетъ Толстой это благодушно-халатное отношеніе Кутузова къ текущимъ дѣламъ и разнымъ предлагавшимся ему планамъ и проэктамъ: «Все, что говорилъ Денисовъ, было дѣльно и умно. То, что говорилъ дежурный генералъ, было еще дѣльнѣе и умнѣе, но очевидно было, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ, и зналъ что-то другое, что должно было рѣшить дѣло, что-то другое, независимое отъ ума и знанія... Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе, которое выказывалъ Денисовъ, но презиралъ не умомъ, не знаніемъ (потому что онъ и не старался

высказывать ихъ), а онъ презиралъ ихъ чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своею старостью, своею опытностью жизни». (Томъ III, часть II, глава XV). — Въ слѣдующей главѣ XVI-й эта коренная черта Кутузова, на которой можно сказать и построенъ весь образъ его, еще ярче выступаетъ—въ бесѣдѣ Кутузова съ княземъ Андреемъ. Кутузовъ излагаетъ свою систему веденія войны, извѣстную издревле подъ именемъ *кунктаторской*: выжидать, оттягивать, отступать, брать измором. «Взять крѣпость»—говоритъ онъ—«не трудно, трудно кампанію выиграть. А для этого не нужно штурмовать и аттаковать, а нужно *терпѣніе* и *время*... Вѣрь, голубчикъ: нѣтъ сильнѣе тѣхъ двухъ воиновъ, *терпѣніе* и *время*; тѣ все сдѣлаютъ, да совѣтчики этимъ ухомъ не слышатъ, вотъ что плохо! Одни хотятъ, другіе не хотятъ. Что-жъ дѣлать?—спросилъ онъ, видимо ожидая отвѣта.—Да, что ты велишь дѣлать?—повторилъ онъ, и глаза его блестѣли глубокимъ, умнымъ выраженіемъ. Я тебѣ скажу, что дѣлать, и что я дѣлаю. Въ нерѣшительности, мой милый»,—онъ помолчалъ,—«воздерживайся»,—выговорилъ онъ съ разстановкой эту французскую пословицу».—И вотъ какое впечатлѣніе вынесъ умный и серьезный князь Андрей изъ этой бесѣды,—вотъ какую оцѣнку Кутузова даетъ онъ: «у него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ,—но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ. Онъ понимаетъ, что есть что-то сильнѣе и значительнѣе его воли,—это неизбѣжный ходъ событій,—и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе, и въ виду этого значенія умѣетъ отрекаться отъ участья въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое...»

Здѣсь передъ нами рисуется идеалъ историческаго дѣятеля, подобнаго тому мудрому врачу, который безъ толку не пичкаетъ больного лѣкарствами и не дѣлаетъ ему ненужныхъ операцій, а только слѣдитъ за естественнымъ теченіемъ болѣзни, устраняя вредное и не мѣшая полезному,—вообще ограничивая свою дѣятельность врача посильнымъ содѣйствіемъ природной сопротивляемости организма, такъ называемой vis medicatrix naturae. Таково, какъ извѣстно, отношеніе Л. Н. Толстого къ медицинѣ,—таково же его воззрѣніе на роль историческихъ дѣятелей. Его же приписываетъ онъ и Кутузову. Вотъ именно въ этомъ-то воззрѣніи и нельзя не видѣть метаморфозу той національной черты, которую въ предыдущей главѣ мы отмѣтили въ Каратаевѣ, назвавъ ее «фаталистическимъ укладомъ воли», основаннымъ на преобладаніи пассивности надъ активностью, на слабомъ развитіи духа иниціативы.

Въ Кутузовѣ, какъ онъ изображенъ Толстымъ, мы видимъ наглядный примѣръ того, какъ извѣстныя національныя черты, сами по себѣ, при нормальной постановкѣ, при отсутствіи патологическаго развитія, ни хо-

рошія, ни дурныя и образующія только форму, въ которую можетъ быть вложено что угодно,—превращаются въ личныя качества человѣка, подлежащія уже (съ той или другой точки зрѣнія, напр. съ точки зрѣнія интересовъ того дѣла, которому служитъ данный человѣкъ) извѣстной квалификаціи,—какъ полезныя или вредныя, какъ хорошія или дурныя. У Кутузова, въ силу долгаго опыта жизни и войны, можетъ быть также подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ личныхъ особенностей характера или ума, національная волевая форма, которую онъ раздѣляетъ съ Каратаевымъ, превратилась въ положительное воззрѣніе на вещи, въ военную теорію, въ программу дѣятельности. И это воззрѣніе, эта теорія, и программа уже подлежатъ критической оцѣнкѣ, а ихъ представитель—тому, что можно назвать «исторической отвѣтственностью». Толстой совершенно правъ, когда говоритъ о воззрѣніяхъ и руководящей идеѣ Кутузова, какъ о продуктѣ его «старости», его 60-лѣтней опытности, стало быть какъ о чемъ-то, ему лично принадлежащемъ. Но онъ правъ и въ томъ, что связываетъ эти воззрѣнія и эту руководящую идею съ русскимъ національнымъ духомъ и складомъ и не упускаетъ случая лишній разъ отмѣтить, что Кутузовъ—типичный русскій человѣкъ [1]), съ тою формальной «простотой и правдою», о которыхъ мы говорили выше, анализируя Каратаева.—Толстой правъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ потому именно, что въ самомъ дѣлѣ отличительная черта историческихъ лицъ, имѣющихъ національное значеніе, и состоитъ въ такомъ совмѣщеніи *личнаго* съ *національнымъ*,—въ превращеніи у нихъ формальныхъ элементовъ національной психики въ положительное содержаніе ихъ духа,—въ систему движущихъ ими идей и чувствъ, въ рядъ сознательныхъ волевыхъ актовъ.

Въ XXXV-ой главѣ II-й части III-го тома (Бородинское сраженіе) Кутузовъ представленъ «не дѣлающимъ никакихъ распоряженій, а только соглашающимся или несоглашающимся на то, что предлагали ему».—«Да, да, сдѣлайте это»,—«да, да, съѣзди, голубчикъ, посмотри!»—«Нѣтъ, не надо, лучше подождемъ»,—таковы его «распоряженія». Онъ опять въ роли врача у постели больного. И вотъ какъ поясняетъ здѣсь эту роль Толстой: «Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертію, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этою силою и руководилъ ею,

[1]) Напр. въ концѣ той же XIV-й главы, изъ которой я привелъ послѣднія выдержки. «А главное—думалъ князь Андрей—почему вѣришь ему, это то, что онъ русскій, несмотря на романъ Жанлисъ и французскія поговорки...»

насколько это было въ его власти». Описанныя въ той же главѣ дѣйствія Кутузова наглядно иллюстрируютъ эту мысль.

Въ III-ей части того-же III-го тома, въ главѣ III-ей, важно изображеніе душевнаго состоянія Кутузова передъ рѣшеніемъ—отступить и оставить Москву непріятелю. Какъ ни былъ неизбѣженъ этотъ шагъ,—Кутузовъ не могъ не чувствовать сомнѣній и тяжелаго гнета отвѣтственности за послѣдствія. «Неужели это я допустилъ до Москвы Наполеона и когда же это я сдѣлалъ?»—думалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, силою вещей, пришлось отдать приказъ къ отступленію и оставить Москву Наполеону. «Отдать это страшное приказанье казалось ему одно и то-же, что отказаться отъ командованія арміей. А мало того, что онъ любилъ власть, привыкъ къ ней..., онъ былъ убѣжденъ, что ему было предназначено спасеніе Россіи, и потому только, противъ воли государя и по волѣ народа, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ одинъ въ этихъ трудныхъ условіяхъ могъ держаться въ главѣ арміи, что онъ одинъ во всемъ мірѣ былъ въ состояніи безъ ужаса знать своимъ противникомъ непобѣдимаго Наполеона, и онъ ужасался мысли о томъ приказаніи, которое онъ долженъ былъ отдать».—Слѣдуетъ въ гл. IV-ой, знаменитое описаніе военнаго совѣта въ Филяхъ. Это точно консиліумъ врачей у постели опасно-больного. Не всѣ врачи мудры. Есть между ними просто выскочки и интриганы. Есть тутъ уязвленныя самолюбія и разгоряченныя честолюбія. Есть и фальшивый патріотизмъ Бенигсена, и громкія фразы его-же о «священной и древней столицѣ Россіи», которую преступно было бы отдать безъ боя. Но мудрый престарѣлый врачъ уже покончилъ со своими сомнѣніями и колебаніями. Онъ видитъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и національное чувство, живое въ немъ, подсказываетъ ему простое и вѣрное рѣшеніе вопроса. Онъ приказываетъ отступленіе.

Превосходно вырисовывается натура Кутузова, какъ она задумана Толстымъ, въ главѣ XVII-ой II-ой части IV-го тома. Здѣсь воспроизведенъ тотъ историческій моментъ, когда Кутузову впервые принесли вѣсть о бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы. Эта вѣсть положила конецъ мучительнымъ сомнѣніямъ и тревожнымъ думамъ главнокомандующаго. Отступленіе французовъ, предвозвѣщавшее гибель великой арміи и освобожденіе Россіи, и было тѣмъ радостнымъ событіемъ, которое Кутузовъ предвидѣлъ, но скорому осуществленію котораго онъ не смѣлъ вѣрить. Въ ту ночь, когда ему доложили объ этомъ событіи, онъ не спалъ и все думалъ о положеніи вещей. «Терпѣніе и время—вотъ мои воины-богатыри!—думалъ онъ. Онъ зналъ, что не надо срывать яблоко, пока оно зелено.... Онъ, какъ опытный охотникъ, зналъ, что звѣрь раненъ (Бородинское сраженіе)..... но смертельно или нѣтъ,—это былъ еще неразъясненный вопросъ».—Вотъ именно объ этомъ-то неразъясненномъ

вопросѣ и размышлялъ Кутузовъ, придумывая возможныя комбинаціи и крайности. «Вопросъ этотъ занималъ всѣ его душевныя силы. Все остальное было для него только привычнымъ исполненіемъ жизни. Такимъ привычнымъ исполненіемъ и подчиненіемъ жизни были его разговоры со штабными, письма къ m-me Stahl, которыя онъ писалъ изъ Тарутина, чтеніе романовъ, раздача наградъ, переписка съ Петербургомъ и т. д. Но погибель французовъ, предвидѣнная имъ однимъ, было его душевное, единственное желаніе». И вотъ, въ ночь 11-го октября, когда онъ былъ погруженъ въ эти думы, въ главный штабъ прискакалъ Болховитиновъ съ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы французами. Когда Толь, приведшій къ нему вѣстника, сообщилъ вкратцѣ сущность извѣстія,—Кутузовъ спросилъ: «кто привезъ?»—и лицо старика «поразило Толя своею холодною суровостью». Ввели Болховитинова.—«Скажи, скажи, дружокъ,—сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ, старческимъ голосомъ...—Подойди, подойди, поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки, а? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистину такъ, а? Говори, говори скорѣе, не томи душу»,—торопилъ онъ его. «Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.—Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей... дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія. Благодарю Тебя, Господи!—И онъ заплакалъ».

Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» не только рисуетъ, но и комментируетъ то, что рисуетъ. Эти коментаріи даны, во-первыхъ, въ формѣ несравненнаго психологическаго анализа, который съ такимъ мастерствомъ вплетенъ въ самый рисунокъ, и, во-вторыхъ, въ формѣ извѣстныхъ разсужденій о событіяхъ, объ историческихъ дѣятеляхъ,—разсужденій, прерывающихъ нить фабулы и вызывающихъ нерѣдко со стороны критики неодобрительные, но, мнѣ кажется, не совсѣмъ или не всегда справедливые отзывы. Къ числу такихъ отступленій принадлежитъ глава V-ая IV-ой части IV-го тома, гдѣ дана оцѣнка Кутузова, какъ историческаго дѣятеля. Здѣсь Толстой противупоставляетъ Кутузова Наполеону, котораго онъ называетъ «ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи» и человѣкомъ, который «никогда, даже въ изгнаніи, не выказывалъ человѣческаго достоинства». Онъ упрекаетъ русскихъ историковъ въ томъ, что они преклонялись передъ этимъ лживымъ героемъ, назвали его великимъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ Кутузовъ въ ихъ глазахъ «представляется чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и, говоря о Кутузовѣ и 12-мъ годѣ, имъ всегда какъ-будто немножко стыдно».

Если-бы я былъ историкомъ, я бы имѣлъ возможность критически

отнестись къ этой рѣзкой оцѣнкѣ Наполеона и либо отвергнуть ее, либо принять. Но я не историкъ и, воздерживаясь отъ критики, охотно пріемлю общій приговоръ, что Наполеонъ—въ своемъ родѣ великій человѣкъ. Не нужно, однакоже, быть историкомъ, чтобы знать, что прежде всего это былъ великій надуватель. Онъ умѣлъ обманывать цѣлые народы, цѣлыя поколѣнія и, что можетъ быть еще печальнѣе,—такіе умы, такихъ друзей человѣчества, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гейне. Честь и слава Толстому, что онъ не поддался этой иллюзіи. Съ другой стороны, также нѣтъ надобности быть историкомъ, чтобы имѣть право признать сужденія Толстого о Кутузовѣ въ общемъ согласными съ исторической истиной, хотя бы въ нихъ и была доля преувеличенія. Простое чутье правды и здравый смыслъ, незатуманенный блескомъ легенды, невольно заставляетъ раздѣлять оцѣнку Кутузова, данную въ слѣдующихъ словахъ: «Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что онъ намѣренъ совершить или совершилъ: онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи.....».—Но этотъ простой человѣкъ глубоко и вѣрно понималъ ходъ вещей,—въ самомъ разгарѣ событій давалъ имъ правильную оцѣнку, подтвержденную лишь впослѣдствіи, post factum. Изъ вышеприведенной сцены, гдѣ показано, какъ принялъ Кутузовъ извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы, ясно видно, что Кутузовъ сразу же вѣрно оцѣнилъ значеніе этого событія. Онъ понялъ, что это уже было *бѣгство* непріятеля, что съ этого момента Россія можетъ считаться спасенной. Оттуда та радость и то умиленіе, съ которыми онъ принялъ это извѣстіе.—Столь-же правильно оцѣнилъ онъ значеніе Бородинскаго сраженія. «Онъ одинъ говорилъ, что Бородинское сраженіе есть побѣда... Онъ одинъ сказалъ, что потеря Москвы не есть потеря Россіи... Въ отвѣтъ Лористону на предложенія о мирѣ, онъ отвѣчалъ, что мира не можетъ быть, потому что такова воля народа...»—Подводя итогъ этой оцѣнкѣ Кутузова, Толстой ставитъ вопросъ: «Какимъ образомъ этотъ старый человѣкъ, одинъ въ противность мнѣнію всѣхъ, могъ угадать такъ вѣрно значеніе народнаго смысла событія, что ни разу во всю свою дѣятельность не измѣнилъ ему?»—На этотъ вопросъ Толстой отвѣчаетъ такъ: «Источникъ этой необычайной силы прозрѣнія въ смыслъ совершающихся явленій лежалъ въ томъ народномъ чувствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и силѣ его. Только признаніе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, въ немилости находящагося старика выбрать, противъ воли царя, въ представители народной войны... Простая скромная и потому истинно-величественная фигура эта не могла улечься въ ту лживую

форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія».

Таковъ художественный образъ Кутузова, созданный Толстымъ. Онъ цѣликомъ построенъ: 1) *на идеализаціи національной формы* и 2) *на перенесеніи ея чертъ въ область психологическаго содержанія, на превращеніи ихъ въ идею, въ программу дѣятельности, въ личныя положительныя качества человѣка.*

Для надлежащей оцѣнки этихъ пріемовъ, для отвѣта на вопросъ: не было-ли тутъ доли художническаго произвола? — необходимо обратить вниманіе на соотвѣтствующія этимъ пріемамъ черты самой дѣйствительности. Въ исторической жизни народовъ нерѣдко наблюдается и идеализація національной формы, осуществляемая самой жизнью, и претвореніе ея элементовъ въ нѣкоторый положительный идеалъ.

Національная личность человѣка (какъ и всѣ формально-психологическіе элементы) ярко выступаетъ въ сознаніи большею частью только тогда, когда ей угрожаетъ какая-нибудь внѣшняя опасность, когда какая-нибудь внѣшняя сила стремится ее стѣснить или ограничить. Такъ, когда воздвигается гоненіе на языкъ, эту главную опору національности, послѣдняя сейчасъ-же настораживается, становится крайне щепетильной, обидчивой и естественно переходитъ въ крайность самовозвеличенія, культа себя самой. Она занимаетъ тогда слишкомъ много мѣста въ сознаніи людей. Изъ формы, чѣмъ ей и быть надлежитъ, она переходитъ въ содержаніе, становясь чѣмъ-то въ родѣ положительнаго идеала. Это—ненормально, но извинительно. Это—процессъ патологическій, не подлежащій осужденію.

Къ счастью, далеко не въ столь утрированномъ видѣ наблюдается пробужденіе національной формы въ сознаніи при другого рода обстоятельствахъ, благопріятствующихъ тому, напр. во время войнъ, въ особенности народныхъ,—если только непріятельское нашествіе не направлено на самую національность. Наполеонъ не угрожалъ стѣсненіемъ русской національности и запрещеніемъ русскаго языка. Онъ затрогивалъ національность, хотя и чувствительно, но не прямо, а косвенно, угрожая тому, что́ составляло въ данное время часть *содержанія*, вложеннаго исторіей въ русскую національную форму: онъ напалъ на русское государство. Еще чувствительнѣе для національной формы было-бы нашествіе, если-бы завоеватель покусился и на остальное содержаніе, на религію, нравы, обычаи и т. д. Но и нападеніе на государство было достаточно, чтобы черезъ посредство части содержанія возбужденіе отразилось и на формѣ: національное чувство встрепенулось, и черты національной формы живо заговорили въ сознаніи, переходя въ сферу положительнаго содержанія духа.

Тогда наша *формальная простота и правда* приняла обличье на-

стоящей, подлинной душевной простоты и внутренней духовной правды, а нашъ «волевой фатализмъ» преобразился въ родъ національнаго лозунга, или какъ-бы въ программу національной дѣятельности.

Историческое лицо, въ которомъ эта русская форма была выражена наиболѣе ярко и у котораго ея переходъ въ сферу содержанія обосновывался также на индивидуальныхъ качествахъ и условіяхъ его личнаго опыта жизни,—силою вещей, стало «народнымъ избранникомъ» и вождемъ. Это и былъ Кутузовъ, національное историческое призваніе котораго было какъ-бы инстинктивно понято всѣми. У такихъ, какъ князь Андрей, это инстинктивное пониманіе превратилось въ сознательную оцѣнку.

Этотъ массовой психологическій процессъ, выдвигающій «народнаго избранника» (у насъ—Кутузова, во Франціи—Наполеона, въ Италіи—Гарибальди и т. д.), во многомъ напоминаетъ процессъ художественнаго творчества. Художникомъ является тутъ сама жизнь: она создаетъ и выдвигаетъ *типичную индивидуальность*, которую она въ большей или меньшей мѣрѣ *идеализируетъ*, да еще дѣлаетъ представительницею извѣстной идеи. Иначе говоря, историческое лицо этого рода есть *художественный образъ въ натурѣ*, чѣмъ, между прочимъ, въ значительной мѣрѣ объясняется обаяніе, имъ производимое [1]).

Толстой совершенно правильно понялъ Кутузова, какъ такое художественное созданіе самой жизни, и построилъ *своего* Кутузова по образу и подобію этого *подлинника*.

Подлинникъ могъ имѣть, конечно, разныя несовершенства, разныя черты, неподходящія къ цѣлямъ законченной художественности. Ему, какъ всему живому, были присущи внутреннія противорѣчія. Разобрать все это и дать точную оцѣнку и критику личности—это дѣло историка. Но художникъ имѣетъ свои права. Онъ проводитъ дальше и послѣдовательнѣе дѣло, начатое самой жизнью, и всегда проводимое ею криво, съ уклоненіями въ сторону. Жизнь, по существу процессъ ирраціональный, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, надѣляетъ свои типичныя индивидуальности доброй долею ирраціональныхъ признаковъ,—лишь рѣдко-рѣдко удается ей создать такую строго-послѣдовательную, aus einen Guss, истинно-художественную фигуру, какъ напр. Петръ Великій или Гарибальди. Дорисовывая, исправляя образъ, данный жизнью, худож-

[1]) Если вникнемъ въ составъ этого обаянія и устранимъ такіе его элементы, какъ напр. патріотическое чувство, преданность дѣлу, во главѣ котораго стоитъ данное историческое лицо, увлеченіе представляемою имъ идеею или его подвигами, изумленіе передъ его геніемъ или силою характера, передъ его нравственными качествами и т. д., то получится еще остатокъ, который и есть *эстетическое чувство;* оно можетъ быть даже тогда, когда дѣятель намъ въ общемъ не симпатиченъ, когда онъ—не нашъ «герой».

никъ доводитъ его до той законченности и идеализаціи, при которыхъ онъ становится *раціональнымъ* созданіемъ искусства.

Кутузовъ Толстого относится къ подлинному, какъ раціональное созданіе искусства къ ирраціональному продукту жизни.

Въ художественномъ образѣ Кутузова Толстой воспроизвелъ нашу національную форму, понятую не только какъ чистая форма, но и какъ часть содержанія, духа,—въ томъ ея проявленіи, которое принято называть *національнымъ геніемъ*.

Если совокупность процессовъ, образующихъ національную личность, въ ихъ будничной, чисто-формальной постановкѣ, въ ихъ какъ-бы дремлющемъ состояніи, можетъ быть уподоблена *связанной энергіи*, то въ ихъ пробужденномъ и дѣйствующемъ проявленіи она уподобляется *энергіи свободной*; она становится *силою, которая* при благопріятныхъ условіяхъ можетъ стать *творческою*, если не въ сферѣ жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ области мысли, при неблагопріятныхъ же, такъ сказать, разсѣивается въ пространствѣ. Изучая нашу національную «*энергію*», какъ «освобождалась» она въ эпоху отечественной войны, Толстой не могъ ограничиться воспроизведеніемъ нашего національнаго пошиба въ лицѣ Кутузова и указаніями на пробужденіе народнаго чувства въ обществѣ. Толстой—художникъ, идущій въ глубь вещей. И въ данномъ случаѣ онъ счелъ необходимымъ добраться до глубочайшихъ, искони отложившихся залежей той національной формаціи, пробужденіе которой онъ наблюдалъ теперь. Ему нужна была чистая, безпримѣсная стихія русскаго національнаго генія. Для нея онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакого «подлинника», никакого образца. Въ его распоряженіи была только геніальная интуиція, и съ ея помощью онъ и нашелъ то, чего искалъ: онъ *открылъ* Каратаева.

Это смѣлое художественное предпріятіе было сопряжено съ большими трудностями и соблазнами: такъ легко было впасть въ искусственность, создать не живую личность, а мертвую схему, образъ сочиненный. Чутьемъ великаго художника Толстой понялъ, что въ данномъ случаѣ нужно остерегаться опаснаго слова «смиреніе», что всякая попытка изобразить Каратаева, какъ сознательнаго, хотя бы и наивнаго, выразителя какого-то русскаго народнаго идеала, привела бы къ фіаско. Каратаевъ не проповѣдникъ, не сознательная личность, а только яркое воплощеніе формальныхъ признаковъ русской національности, въ извѣстной мѣрѣ идеализированныхъ и взятыхъ въ ихъ народно-крестьянскомъ и архаическомъ проявленіи.

Эти соображенія послужатъ намъ исходною точкою того синтетическаго взгляда на Каратаева, о которомъ я говорилъ въ концѣ предыдущей главы, какъ о необходимомъ завершеніи анализа. Отправляясь отсюда, мы прежде всего встрѣчаемъ Пьера Безухова, который укажетъ намъ дальнѣйшій путь.

Мятущаяся и растерянная душа Пьера, прошедшая черезъ всѣ разочарованія безплодныхъ исканій, столкнулась съ другой душою, которая никогда и ничего не искала и никакимъ смятеніямъ и разочарованіямъ, по самой природѣ своей, недоступна, потому что у нея нѣтъ *личной* жизни. Для психологической и художественной законченности обоихъ образовъ безусловно необходимъ этотъ полный контрастъ между богатой сложной *личной* жизнью одного и *безличностью* (т. е. отсутствіемъ индивидуальнаго содержанія) другого. Чтобы «разрушенный внутренній міръ Пьера» могъ начать вновь созидаться «на какихъ-то незыблемыхъ устояхъ» отъ соприкосновенія съ другой душою (т. IV, ч. I, гл. XII),—эта другая душа должна была представлять собою внутренній міръ, который всегда прочно стоялъ на своихъ устояхъ, или, лучше сказать, она должна была представлять собою не самый этотъ «міръ», который и безъ того имѣется у Пьера, а только одни «незыблемые устои», которыхъ у Пьера нѣтъ. Ихъ нѣтъ у Пьера, потому что онъ—именно «Пьеръ», а не Петръ Кириллычъ, что онъ—продуктъ искусственнаго, подражательнаго просвѣщенія прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, оторванъ отъ народа, воспитанъ заграницей, даже несовсѣмъ чисто говоритъ по русски. Онъ—продуктъ и жертва той *денаціонализаціи*, въ силу которой лучшіе плоды общечеловѣческаго просвѣщенія остаются безъ пріуроченія къ національнымъ формамъ мысли: въ результатѣ получается психологическая уродливость — личность безъ національности, содержаніе безъ формы. Чтобы найти потерянную форму и вмѣстѣ съ нею недостающіе ему «незыблемые устои», Пьеръ долженъ былъ пріобщиться къ чему-то такому, въ чемъ былъ-бы воплощенъ «духъ» всего народа, какъ націи, а не отдѣльной ея части. Исторія встрѣчи Пьера съ Каратаевымъ есть исторія встрѣчи съ народомъ нашей оторванной отъ народно-національной формы интеллигенціи.

Совершенно очевидно, что для «обращенія» и возрожденія Пьера національный «духъ» долженъ былъ открыться ему въ своемъ *народномъ* выраженіи, а не въ томъ, напр., которое дано въ Кутузовѣ. «Кутузова» достаточно, чтобы успокоить князя Андрея, чтобы разсѣять его сомнѣнія и пробудить въ немъ нѣчто въ родѣ національнаго самосознанія,—для обращенія Пьера необходимъ *цѣлый Каратаевъ*, яркое воплощеніе національнаго духа въ его народномъ проявленіи и какъ-бы въ сконцентрированномъ видѣ.

Въ поискахъ этой сконцентрированной національной формы Толстой счастливо миновалъ Сциллу славянофильства и Харибду народничества и уберегся отъ своего рода чаръ Сирены,—отъ призывовъ субъективнаго творчества и личнаго опыта, которые побуждали построить Пьера по образцу Оленина, а Каратаева превратить въ разновидность дяди Ерошки. И по мѣрѣ того, какъ изъ группируемыхъ здѣсь чертъ у меня

складывается *синтетическое представленіе* Каратаева,—я не нахожу въ этомъ представленіи ни «русской подоплеки», ни элемента сектантскихъ исканій или «дохожденія собственнымъ умомъ». Но за то отчетливо и властно выступаетъ въ образѣ, у меня слагающемся, одна черта, которую я намѣренно приберегъ къ концу этого очерка. Эта черта является тѣмъ цементомъ, который сплачиваетъ всѣ элементы психики Каратаева въ одно компактное цѣлое, въ одинъ живой и яркій образъ. Если ужь нужно какъ-нибудь опредѣлить ее, то я бы ее назвалъ *лингвистической*. Это именно—*языкъ* и *мысль* Каратаева.

Толстой недаромъ обращаетъ особое вниманіе на эту сторону. Онъ говоритъ, между прочимъ, что у Каратаева «слова какъ будто всегда были готовы во рту и нечаянно вылетали изъ него» (IV т., ч. I, гл. XII). Эта *легкость* рѣчи, эта, если можно такъ выразиться, *юркость* слова, всегда бодрствующаго и словно ждущаго сигнала мысли, чтобы вылетѣть изо рта, есть одна изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характерныхъ чертъ, которыми отмѣчена представляемая Каратаевымъ ступень развитія языка и мысли. Это, можно сказать, почти та же ступень, на которой стоятъ гомеровскіе герои, представляющіе себѣ *слова* «крылатыми» и вылетающими изъ-за «ограды (или преграды) зубовъ». Слово всегда тутъ къ услугамъ мысли, потому что разстояніе между ними сравнительно не велико: мысль, еще не изощренная въ отвлеченіяхъ, не высоко еще поднялась надъ языкомъ, т. е. надъ тѣми процессами мысли, которые заключены въ самихъ категоріяхъ рѣчи, въ грамматическихъ формахъ. Эти формы еще составляютъ часть положительнаго содержанія мысли. Человѣкъ этой стадіи не можетъ мыслить, не держа въ сознаніи, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, формальныхъ значеній словъ; послѣднія необходимы ему, чтобы привести въ движеніе его мысль, низко парящую надъ міромъ конкретнаго и не способную витать въ сферѣ отвлеченій, гдѣ *сознаваемыя* грамматическія формы являются только лишнею обузою, балластомъ мысли. Для отвлеченнаго мышленія слово—только знакъ, символъ. Для мышленія гомеровскихъ героевъ и Каратаева оно—часть содержанія мысли. На этой ступени развитія еще нѣтъ отчетливаго сознанія раздѣльности между содержаніемъ, смысломъ рѣчи и самою рѣчью, какъ орудіемъ созданія этого смысла, и потому сама рѣчь не поддается выдѣленію и анализу. Человѣкъ этого фазиса не можетъ анализировать процессъ своей мысли и разложить его сперва на содержаніе и на форму, а потомъ эту форму на отдѣльные акты рѣчи, на категоріи языка, на слова. Онъ даже не всегда ясно различаетъ, гдѣ въ фразѣ, которую онъ сказалъ или подумалъ, кончается одно слово и начинается другое. «Онъ не понималъ—говоритъ Толстой о Каратаевѣ—и не могъ понять значенія словъ, отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи...» Компактной, еще не расчлененной массой движется рѣчь, живьемъ срос-

шаяся со своимъ непосредственнымъ содержаніемъ и съ тѣми продуктами первоначальнаго творчества, которые называются пословицей, сказкой, пѣснью, примѣтой. Человѣкъ самъ не замѣчаетъ, какъ онъ отъ обыденной рѣчи переходитъ къ этому творчеству. Какъ тамъ, такъ и тутъ отличительная черта, которою отмѣченъ процессъ мысли, это—непосредственность, наивность, отсутствіе рефлексіи. Каратаевъ «пѣлъ пѣсни не такъ, какъ поютъ пѣсни пѣсельники, знающіе, что ихъ слушаютъ, но пѣлъ, какъ поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было такъ-же необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться» (т. IV, ч. I, гл. XIII).

Такой укладъ языка, мысли и творчества сопряженъ съ особымъ *самочувствіемъ* человѣка: ему представляется, что эти процессы какъ будто сами собою въ немъ совершаются, безъ его личной иниціативы, независимо отъ его воли. Это словно общая, національная умственная атмосфера, которою онъ дышитъ непроизвольно и вмѣстѣ съ другими. Онъ чувствуетъ себя частицею этой стихіи, которую понять и осмыслить онъ, конечно, не въ состояніи. Онъ только ощущаетъ въ себѣ проявленіе общаго, коллективнаго ума—въ рѣчи, въ мысли, въ пѣснѣ, поговоркѣ, наконецъ, въ средѣ волевой, въ дѣйствіяхъ, стремленіяхъ, образѣ жизни. Общая рѣчь и мысль, общее творчество, общая жизнь, проявляясь въ немъ, становятся *его* личнымъ достояніемъ, но такимъ, на которое онъ самъ не можетъ смотрѣть, какъ на свое добро, въ родѣ того, какъ напр. воздухъ, которымъ дышитъ человѣкъ, есть его достояніе, но не его добро. Вотъ именно такой укладъ духа и связанный съ нимъ родъ самочувствія превосходно характеризуется слѣдующими словами Толстого о Каратаевѣ: «Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее [1]), не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». (Т. I, ч. I. гл. XIII).

Вотъ именно эта сторона Каратаева, т. е. Каратаевъ въ его языкѣ, мысли, умственномъ проявленіи и соотвѣтственномъ самочувствіи, и является для меня тою закваскою, силою которой всѣ прочія черты его, разсмотрѣнныя въ предыдущей главѣ и въ этой, слагаются въ одинъ цѣльный синтетическій образъ.

Есть три способа—*видѣть* художественный образъ. Во-первыхъ можно видѣть его непосредственно, какъ онъ данъ въ произведеніи художника, получить отъ него извѣстное впечатлѣніе. Это то, что можно назвать *импрессіонизмомъ* въ эстетическомъ воспріятіи. Во-вторыхъ, можно видѣть, какъ и на какіе элементы образъ разлагается. Это аналитическое

---

[1]) Я бы сказалъ: какъ онъ *чувствовалъ* ее.

воспріятіе, въ извѣстной мѣрѣ, по необходимости, нарушающее живость непосредственнаго воспріятія и парализующее силу того, что называется «эстетическимъ наслажденіемъ» или «художественной эмоціей». Наконецъ, въ-третьихъ, можно *видѣть, какъ и изъ чего образъ слагается.* Это—синтетическое воспріятіе, основанное на предварительномъ аналитическомъ. Оно вновь возстановляетъ цѣльность впечатлѣнія и оживляетъ эмоцію—въ новомъ видѣ, въ формѣ пониманія смысла и значенія образа и оцѣнки силы художественной мысли, его создавшей.

Съ необыкновеннымъ мастерствомъ Толстой группируетъ ряды чертъ, сливающихся въ цѣльный, живой образъ. Для критика или, лучше сказать, истолкователя образа каждый рядъ этихъ чертъ является конкретнымъ представленіемъ для соотвѣтствующаго ряда *понятій*, въ свою очередь группирующихся въ опредѣленный агломератъ мыслей.

Этотъ агломератъ мыслей оказывается въ своемъ родѣ органически-связнымъ цѣлымъ,—ряды понятій, входящихъ въ его составъ, такъ-же гармонически сочетаются, какъ и черты, данныя художникомъ.

Цементомъ, ихъ скрѣпляющимъ, служитъ только-что разобранная сторона Каратаева. Слѣдя мысленно за постановкой и развитіемъ ея чертъ, мы видимъ, какъ незамѣтно она, разростаясь, переходитъ въ другія его стороны. Каратаевъ, какъ воплощеніе наивной рѣчи и мысли, какъ представитель безсознательнаго коллективнаго творчества и носитель соотвѣтственнаго самочувствія, необходимо долженъ быть *крестьянинъ* и при томъ стараго, патріархальнаго склада съ ясно выраженными чертами идеализированнаго крестьянскаго благообразія. Излишне пояснять, что напр. его нельзя было-бы пріурочить къ другому сословію, хотя-бы столь-же нерушимо сохраняющему національный складъ. Каратаевъ-мѣщанинъ или купецъ немыслимъ. И самое *крестьянство* олицетворено въ немъ не только какъ сословіе, а еще болѣе какъ *народъ*, какъ масса, стихійно слагающаяся въ *націю*, стихійно движущаяся, безсознательно творящая свою исторію.

Такъ нечувствительно, какъ бы сами собою, эти два порядка идей, отвѣчающіе двумъ указаннымъ сторонамъ Каратаева, приводятъ насъ къ третьему, связанному съ представленіемъ о Каратаевѣ, какъ о русскомъ національномъ типѣ съ тѣмъ фатализмомъ и оптимизмомъ, съ тѣмъ характернымъ укладомъ воли, о которыхъ мы говорили въ аналитической части нашего очерка. Уже въ основномъ *самочувствіи* Каратаева и самихъ формахъ его умственной и нравственной жизни скрывается зерно національнаго склада нашей психики. И слѣдя за прозябаніемъ этого зерна, протягивая мысленно нити, идущія отъ рѣчи, мысли, пѣсни и самочувствія Каратаева, все дальше и дальше, мы приходимъ къ цѣлому ряду понятій, относящихся къ нашей національной психологіи и открывающихъ намъ умственныя перспективы въ глубь народнаго духа, въ историческую даль прошлаго, въ невѣдомую даль грядущаго.

Мы уже указывали на то, что въ Кутузовѣ и Каратаевѣ наша національная форма въ извѣстной мѣрѣ *идеализирована*, и что такая художественная идеализація должна быть признана вполнѣ законной. Она была внушена Толстому тѣмъ живымъ чувствомъ національности, во власти котораго онъ былъ, когда писалъ «Войну и Миръ». Надо отдать ему полную справедливость въ томъ, что онъ въ этомъ отношеніи сумѣлъ воздержаться отъ соблазна впасть въ національную исключительность, въ національное самомнѣніе и шаблонный патріотизмъ. Этихъ отрицательныхъ сторонъ возбужденнаго національнаго чувства и слагающагося національнаго самосознанія совсѣмъ нѣтъ въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ и вообще онѣ чужды Толстому. Достаточно, для подтвержденія, указать на фигуру Растопчина и на его дѣятельность, какъ онѣ представлены въ «Войнѣ и Мирѣ», на описаніе пожара Москвы, на далеко не шаблонно-патріотическое отношеніе ко многимъ дѣятелямъ эпохи. Единственнымъ исключеніемъ да и то скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, представляется отношеніе Толстого къ Наполеону, изображенному съ явнымъ пристрастіемъ и нескрываемымъ озлобленіемъ. Но если это изображеніе и вытекало изъ возбужденнаго національнаго чувства, то во всякомъ случаѣ—не прямо, а косвенно. Наполеонъ антипатиченъ Толстому не потому, что онъ—врагъ, иностранный завоеватель, а потому, что онъ, въ глазахъ Толстого,—живое олицетвореніе того «фальшиваго героя», котораго, по мнѣнію нашего художника-мыслителя, «выдумала» исторія. Настоящій, нелегендарный Наполеонъ казался Толстому жалкимъ, ничтожнымъ орудіемъ фатальнаго хода вещей, щепкою, вознесенною наверхъ исторической волной и воображающей, что она-то, щепка, эту волну и подняла. Весьма возможно (судить не берусь), что этотъ взглядъ невѣренъ, но онъ не былъ прямо внушенъ Толстому возбужденнымъ національнымъ чувствомъ, а вытекалъ вполнѣ логически изъ всей системы историко-философскихъ воззрѣній Толстого, изложенныхъ во второй части «Эпилога». Правда, сама эта система, какъ бы мы о ней ни судили, прежде всего была прямымъ порожденіемъ тѣхъ сторонъ ума и натуры Толстого, которыя по праву могутъ быть разсматриваемы, какъ *типично-русскія, національныя*. Она не что иное, какъ переводъ «Кутузовщины» и «Каратаевщины» на философскій языкъ. Въ этомъ смыслѣ я вижу нѣкоторую связь, довольно отдаленную, впрочемъ, между отрицательнымъ отношеніемъ къ Наполеону и возбужденнымъ національнымъ чувствомъ. Волна этого чувства докатилась до Наполеона не прямикомъ, а окольнымъ путемъ, вызвавъ въ Толстомъ творческую работу національныхъ силъ его генія, завершившуюся философіей «Эпилога». Съ высоты этой философіи и былъ осужденъ Наполеонъ.

Историко-философская теорія Толстого неоднократно подвергалась суровой критикѣ. Въ ней дѣйствительно есть парадоксы и натяжки, есть

«уязвимыя мѣста». Но при всемъ томъ я не могу считать ее, какъ это дѣлали многіе критики, ненужнымъ придаткомъ къ эпопеѣ, безплодными умствованіями, которыя будто бы только портятъ ее. Я думаю, напротивъ, что теорія не только ничего не портитъ, но является необходимымъ завершеніемъ «Войны и Мира». Великая національная эпопея, наша Иліада и Одиссея, была бы не полна, не закончена безъ этой добавочной волны идей, вызванныхъ въ умѣ художника дѣйствіемъ того процесса творчества, который далъ бытіе самой эпопеѣ. И я увѣренъ, что если Толстой въ разныхъ изданіяхъ «Войны и Мира» не опускаетъ этихъ «разсужденій», то имъ въ этомъ случаѣ руководитъ не только самолюбіе мыслителя, но и чутье художника. Вообще всякаго рода размышленія и теоріи, возникающія въ умѣ художника, если только онѣ искренни и органически связаны съ самымъ процессомъ творчества (а не насильственно къ нему притянуты) никогда не могутъ вредить дѣлу. Требовать отъ художника, чтобы онъ только «рисовалъ» и не смѣлъ разсуждать и комментировать свой рисунокъ было бы педантизмомъ. И такое требованіе менѣе всего было бы умѣстно въ примѣненіи къ Толстому, который, по самой природѣ своего генія, въ противуположность Тургеневу, есть художникъ философствующій. Иначе говоря, Толстой, созидая свои образы, не только *созерцаетъ* представляемую ими идею, но стремится привести ее въ органическую связь съ собственнымъ своимъ міросозерцаніемъ и проникнуть по возможности глубже, какъ въ эту идею, такъ и въ тѣ явленія жизни, которыя такъ или иначе съ нею связаны. Что касается спеціально «Войны и Мира», то тѣсная, органическая связь историко-философской теоріи Толстого съ содержаніемъ и духомъ эпопеи представляется мнѣ несомнѣнною. Эту связь можно резюмировать такъ: 1) эпопея, въ своей Иліадѣ—«Войнѣ» и въ своей Одиссеѣ—«Мирѣ», равно изображаетъ *фатальный* ходъ вещей, *ирраціональную* природу процессовъ жизни человѣческой, *независимость* ихъ отъ *воли* ея участниковъ и дѣятелей; 2) въ Каратаевѣ и Кутузовѣ соотвѣтствующій этой идеѣ умственный и волевой складъ представленъ какъ одна изъ чертъ русской національной психіи; 3) въ разсужденіяхъ (въ текстѣ) и въ историко-философскомъ трактатѣ «Эпилога» та-же идея развита въ систематической формѣ, отъ лица автора, и, являясь продуктомъ чисто-національнаго русскаго пошиба мысли (я готовъ былъ сказать: русскихъ умственныхъ *вкусовъ*), естественно увѣнчиваетъ все зданіе національной эпопеи. Отсюда слѣдуетъ и обратное: вторая часть «Эпилога», взятая отдѣльно отъ «Войны и Мира», разсматриваемая просто какъ историко-философскій трактатъ, большого значенія не имѣетъ. Несмотря на нѣкоторыя вѣрныя и глубокія мысли, она не заняла и не займетъ виднаго мѣста въ литературѣ по философіи исторіи, ибо она— не плодъ методическаго изслѣдованія сущности историческаго процесса,

а только попытка дать философское выраженіе той точкѣ зрѣнія на историческій процессъ, на роль и призваніе историческихъ дѣятелей и «героевъ», на «причинную связь» въ исторіи и т. д., которая логически можетъ быть выведена изъ «Каратаевщины» и «Кутузовщины» и которая не переставала вдохновлять художника, когда онъ создавалъ величайшее изъ своихъ произведеній.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Тайны ночи.

Чьи-то крики, чей-то шопотъ, чьи-то слёзы, чей-то хохотъ
Мучатъ сердце въ полу-снѣ.
Кто мнѣ скажетъ тайны ночи? Слухъ безсиленъ, слѣпы очи
Въ этой черной тишинѣ...
Чьи мольбы плывутъ и таютъ? То не жертву-ли пытаютъ?
Въ чемъ ты, блѣдная, грѣшна?
Кто палачъ? Чего онъ хочетъ? Что такъ злобно онъ хохочетъ?
Какъ надъ правдой сатана?
Или стонъ и лепетъ нѣжный—первый валъ любви мятежной,
Бури первыя въ крови?
Иль на ложѣ сладострастья пиръ идетъ веселый счастья
Торжествующей любви?
Или то со смертью битва? Скорбь и тихая молитва
Къ Утѣшающему всѣхъ?
И надежда теплой вѣры, и отчаянье безъ мѣры
И безумья дикій смѣхъ?..
Чьи-то крики, чей-то шопотъ, чьи-то слезы, чей-то хохотъ
Мучатъ сердце въ полу-снѣ...
Кто мнѣ скажетъ тайны ночи? Слухъ безсиленъ, слѣпы очи
Въ этой черной тишинѣ...

Аргунинъ.

Среди мертвыхъ.

I.

Шарлотта была дочерью смотрителя большого лютеранскаго кладбища за городомъ. Почтенный Иванъ Карловичъ Бухъ занималъ это мѣсто уже много лѣтъ. Тутъ родилась Шарлотта, тутъ онъ недавно выдалъ замужъ старшую дочь за богатаго и молодого часовщика. Матери своей Шарлотта не помнила—знала только, что она не умерла: ея могилы не было въ «паркѣ», среди всѣхъ могилъ. Отца она разспрашивать не смѣла. Онъ, несмотря на свою мягкую доброту, хмурилъ бѣлокурыя брови и все его красное, полное лицо дѣлалось не то сердитымъ, не то печальнымъ, когда дѣти говорили о матери.

Иванъ Карловичъ былъ очень дороденъ, почти совсѣмъ лысъ и веселъ. Онъ любилъ свой бѣленькій домикъ за оградой кладбища, убиралъ палисадникъ и террасу вьющимися растеніями и всевозможными цвѣтами. Парусинныя занавѣски на террасѣ были обшиты красивыми кумачными городками. Въ прохладной столовой, въ окнахъ, Иванъ Карловичъ придумалъ вставить цвѣтныя стекла, желтыя и красныя, и хотя стало темнѣе—однако свѣтъ черезъ эти стекла лился необыкновенно пріятный, точно всегда на дворѣ было солнце.

Служебныя книги Ивана Карловича содержались въ чрезвычайномъ порядкѣ. Всѣ могилы были перенумерованы, и записано, сколько на лѣтнее украшеніе каждой оставлено денегъ. Въ первой, пріемной, комнатѣ, большой и пустой, стояла лишь конторка и темные стулья. По стѣнамъ были развѣшаны, въ стеклянныхъ коробкахъ, большіе и маленькіе вѣнки изъ иммортелей, изъ шерсти, изъ лоскутковъ, изъ большихъ бусъ—и изъ самаго мелкаго бисера. Эти вѣнки въ совершенствѣ работали Шарлотта и, до замужества, сестра ея Каролина. На столѣ, въ углу, лежало множество толстыхъ альбомовъ, гдѣ находились рисунки и мо-

дели разныхъ памятниковъ и примѣрныя нагробныя надписи на нѣмецкомъ языкѣ. Когда бывали посѣтители, Иванъ Карловичъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, почти съ грустью—но въ прочее время былъ живъ въ движеніяхъ, несмотря на полноту, любилъ посмѣяться такъ, что все его тучное тѣло колыхалось, самъ кормилъ голубей и воспитывалъ какихъ-то особенныхъ индюшекъ, а вечеромъ его непремѣнно тянуло перекинуться въ картишки съ сосѣдями изъ Нѣмецкой улицы, и, если никто не приходилъ, онъ самъ отправлялся въ гости.

II.

Шарлотта сидѣла у себя, наверху, въ маленькой бѣленькой комнатѣ—свѣтелкѣ, гдѣ она прежде жила съ сестрой и которую теперь занимала одна. Шарлотта, хотя и любила сестру, радовалась, что она одна. Каролина, высокая, румяная хохотунья, вся въ отца, иногда тревожила молчаливую Шарлоту, которая была блѣдна, невесела, худощава и мала ростомъ. Въ нѣмецкой школѣ, куда она ходила нѣсколько лѣтъ подрядъ, дѣвочки не любили ее, хотя она была и хорошенькая. «Твоя сестра какая-то неживая, говорили онѣ Каролинѣ. До нея дотронуться страшно: точно фарфоровая, того и гляди разобьется». Между тѣмъ домашній докторъ Финчъ, другъ Ивана Карловича, не находилъ въ ней никакой болѣзни, совѣтовалъ только больше гулять. И Шарлотта часто проводила дни въ густомъ кладбищенскомъ паркѣ, работала тамъ, низала бисеръ и бусы для безконечныхъ вѣнковъ.

Теперь Шарлотта сидѣла наверху, на своемъ любимомъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны широкаго венеціанскаго окна. Шарлотта не была въ паркѣ уже давно, она ушибла ногу и не могла ходить. Сегодня ей было лучше. День, несмотря на конецъ апрѣля, казался теплымъ и яркимъ, какъ лѣтній. Блѣднозеленыя, сквозныя березы едва колебали вершины. Отсюда, съ высоты второго этажа, очень хорошо была видна и средняя аллея, и ряды бѣлыхъ и черныхъ крестовъ среди зелени, даже часовня надъ фрау Зоммеръ и памятникъ генерала Фридериксъ. Шарлотта знала, что, если прищурить глаза, можно увидѣть отсюда и рѣшетку могилы маленькаго Генриха Вигнъ. Но съ любимаго мѣста Шарлотты все пространство кладбища, песокъ аллеи, деревья, бѣлые камни памятниковъ—казались другими, совсѣмъ неожиданными. Когда Иванъ Карловичъ вставлялъ въ окна столовой красныя и желтыя стекла—ему по ошибкѣ прислали одно голубое. Шарлотта упросила, чтобы это стекло вставили въ ея комнатѣ, съ той стороны окна, гдѣ она любила работать. И все измѣнилось въ глазахъ Шарлотты: бисерныя незабудки стали синѣе, безцвѣтная ромашка нѣжно окрасилась. На бѣлой скатерти легли голубыя полосы, горящія холодно и блѣдно, какъ

болотный огонь. А тамъ, за окномъ, точно міръ сталъ другимъ, прозрачный, подводный, тихій. Кресты и памятники свѣтлѣли, озаренные, листва не рѣзала глазъ яркостью, сѣрѣлъ песокъ дорожки. Однообразная, легкая туманность окутывала паркъ. А небо голубѣло такое нѣжное, такое глубокое и ясное, какимъ Шарлотта видѣла его только въ раннемъ дѣтствѣ, на картинкахъ, и еще иногда во снѣ.

И когда Шарлотта отрывалась отъ своего окна, отъ работы, шла внизъ обѣдать, видѣла сестру, отца—все кругомъ ей казалось слишкомъ рѣзкимъ, слишкомъ краснымъ. Кровь проступала сквозь полную шею и лысый черепъ отца и сквозь нѣжную кожу румяныхъ щекъ Каролины. И Шарлотта опускала глаза, тихая, еще болѣе блѣдная, точно на лицѣ ея оставался отблескъ голубого окна.

Съ паркомъ все-таки Шарлотта мирилась. Она привыкла и видѣла его уже всегда такимъ, какъ изъ своей комнаты. Она очень скучала о немъ въ эти послѣдніе долгіе дни. Ей такъ хотѣлось посмотрѣть, все ли тамъ попрежнему, какъ поживаютъ ея милые, тихіе друзья, не упалъ ли крестъ фрау Тешъ, который, было, покосился, не сорвалъ ли вѣтеръ шерстяного вѣнка съ могилы Линденбаума. Вѣнокъ тогда плохо прикрѣпили. У Шарлотты были любимыя могилы, за которыми она особенно ухаживала. Многихъ и родные не посѣщали, забыли или сами умерли, а Шарлотта изъ году въ годъ лелѣяла ихъ, украшала дерномъ и цвѣтами. Съ весной по всему парку, отовсюду, поднималось подъ своды вѣковыхъ деревьевъ тяжелое благоуханье могильныхъ цвѣтовъ.

— Уже садовникъ три раза приходилъ къ папашѣ, подумала Шарлотта.—Вѣрно, тамъ много сдѣлали. Нѣтъ, надо пойти.

Она не выдержала, хотя еще была не совсѣмъ здорова, схватила большой бѣлый платокъ, накинула его на свои толстыя, льняныя косы, которыя она укладывала вѣнцомъ вокругъ головы, и сошла въ паркъ.

III.

Но теперь цвѣтами не пахло въ аллеяхъ—ихъ только разсаживали, они не успѣли распуститься. Даже сирень, которой было очень много, еще сжимала крѣпко свои зеленобѣлые и густолиловые бутоны. Пахло клейкими листьями березы, молодой травой и невинными желтыми звѣздами одуванчиковъ, разсыпавшимися по обѣимъ сторонамъ аллеи, у рѣшетокъ и за рѣшетками могилъ.

Поскрипывая каблучками по песку, Шарлотта шла прямо. Вверху, молодая листва еще не успѣла соединиться, и Шарлотта видѣла, поднимая глаза, — небо. Посѣтителей почти не бывало въ этотъ часъ. Шарлотта избѣгала чужихъ: они ей мѣшали. Она не любила похоронъ,

не любила и боялась покойниковъ. Скорѣе, скорѣе надо ихъ спрятать въ землю, насыпать красивый, правильный бугорокъ, положить свѣжій дернъ... По утрамъ въ сирени поетъ соловей, роса мочитъ дернъ и черные, крупные анютины глазки у креста. И ихъ нѣтъ, тѣхъ длинныхъ, холодныхъ, желтыхъ людей, которыхъ приносятъ въ деревянныхъ ящикахъ. Есть имя, быть можетъ, есть воспоминаніе — слѣдъ въ сердцѣ, — и есть свѣжій дерновый бугорокъ. Шарлотта никогда не думала о костяхъ людей, могилы которыхъ она лелѣяла и убирала. Они были всегда съ нею, всегда живые, невидные, безплотные, какъ звуки ихъ именъ, всегда молодые, неподвластные времени. Въ уголкѣ, въ концѣ второй боковой дорожки, были двѣ крошечныя могилки. Надпись на крестѣ гласила, что это Фрицъ и Минна, дѣти-близнецы, умершіе въ одинъ день. Шарлотта особенно любила Фрица и Минну. Когда истлѣвшій крестъ упалъ, она на свои деньги поставила имъ новый, маленькій бѣленькій крестикъ. Давно умерли Фрицъ и Минна. Судя по надписи, это было до рожденія самой Шарлотты. Но они вѣчно остались для нея двухлѣтними дѣтьми, маленькими, милыми, изъ году въ годъ неизмѣнными. Она сама садила имъ цвѣты и баловала ихъ вѣнками, искусно сдѣланными изъ яркихъ бусъ.

Теперь Шарлотта прежде всего направилась къ Фрицу и Миннѣ. По дорогѣ она заглянула въ склепъ бароновъ Рейнъ. Тамъ было очень хорошо. Бѣлая часовня съ рѣзными окнами. Внутри—алтарь, нѣсколько бѣлыхъ стульевъ, лампада. Огонекъ ея чуть замѣтенъ, яркое солнце бьетъ въ дверь часовни. Направо отъ входа витая лѣсенка ведетъ внизъ, въ самый склепъ. Ступени широки и бѣлы, лѣстница такъ свѣтла и уютна, что кажется наслажденіемъ спускаться по ней. Рядомъ, на могилѣ какого-то Норденшильда, на рукѣ громаднаго ангела въ неестественной позѣ, некрасиво висѣлъ полузасохшій вѣнокъ. Шарлотта поправила вѣнокъ и прошла. Она не любила Норденшильда. Вообще могилы съ гигантскими памятниками, всегда неуклюжими, съ длинными надписями и стихами—очень не нравились ей: тутъ уже не было воспоминаній и не было тишины: ее нарушала суетливая глупость живыхъ.

Шарлотта повернула направо, на маленькую дорожку, очень узенькую, извивавшуюся между безконечными рѣшетками и крестами. Стало тѣнистѣе, сырѣе: весенняя земля еще не успѣла просохнуть. Ряды знакомыхъ могилъ потянулись передъ Шарлоттой. Госпожа Айнъ, ея мужъ... А вотъ небольшая, широкая могила генерала съ его портретомъ на крестѣ. Онъ такой веселый и милый, этотъ генералъ, что Шарлотта всегда отвѣчаетъ ему улыбкой. Она повернула направо— вотъ, наконецъ, Фрицъ и Минна. Бѣдныя дѣти! Сейчасъ видно, что нѣтъ Шарлотты. Когда въ послѣдній разъ передъ своей болѣзнью она приходила сюда—Фрицъ и Минна были еще покрыты бѣлымъ одѣяломъ

поздняго снѣга. Снѣгъ не счистили во-время, онъ стаялъ тутъ и оставилъ долгую сырость. Трава неохотно пробивалась на неочищенныхъ могилкахъ. Сухія вѣтки лежали кругомъ.

— Бѣдненькіе мои!—прошептала Шарлотта.—Погодите, завтра-же я васъ приберу, цвѣтовъ вамъ посажу... Маркъ мнѣ дастъ цвѣтовъ,—подумала она о старомъ садовникѣ, который очень любилъ ее.

Одно тутъ, около Фрица и Минны, не нравилось Шарлоттѣ: наискосокъ. очень близко, возвышался гигантскій памятникъ надъ инженеромъ-механикомъ. Черный чугунный или желѣзный крестъ поддерживался колесами то зубчатыми, то простыми, связанными цѣпями. Затѣйливый, высокій и тяжелый памятникъ, всѣ эти цѣпи и колеса, которыми занимался когда-то инженеръ и, уйдя съ земли, оставилъ ихъ на землѣ—казалось, давили могилу, Темный, слишкомъ высокій, крестъ въ сумракѣ долженъ былъ походить на висѣлицу. Шарлотта сердилась на инженера: ей было досадно, что этотъ глупый и страшный памятникъ какъ разъ около ея дѣтей.

Она подошла ближе и подняла голову. Колеса и цѣпи были незыблемы и неприкосновенны. Только слегка заржавѣли отъ снѣга. Такой мавзолей простоитъ долго, очень долго.

Шарлотта вздумала пройти на крайнюю дорожку, около высокаго, стараго забора изъ досокъ, выходившаго на непросохшіе еще луга, на дальній лѣсъ за рѣчкой. Шарлотта видѣла эти луга и лѣсъ сквозь щели сѣраго забора.

Крайняя дорожка шла параллельно главной аллеѣ, хотя вдалекѣ отъ нея, была узка и очень длинна, вдоль всего кладбища. Тутъ было еще не тѣсно, могилы шли рѣже. Одно мѣсто особенно любила Шарлотта: въ кустахъ бѣлой сирени, на старой скамьѣ, недалеко отъ Фрица и Минны, она сидѣла лѣтомъ цѣлыми часами съ своей неизмѣнной работой.

Шарлотта сдѣлала нѣсколько шаговъ—и вдругъ остановилась въ изумленіи. Что это такое? Ея мѣсто занято. Когда это случилось? Какъ она просмотрѣла? Правда, она не заходила сюда, въ эту глубь, съ самой осени. Она почему-то была убѣждена, что все по старому, что никто не займетъ ея любимаго мѣста. Сирени, свѣжія, блестящія, чуть колебали гроздья своихъ бутоновъ. Но теперь всѣ сиреневые кусты были заключены въ легкую, очень высокую металлическую рѣшетку съ остріями на концахъ. Шарлотта подошла ближе. Въ рѣшеткѣ была дверь, которая сейчасъ-же свободно и безшумно отворилась. Шарлотта вошла внутрь.

Тамъ, на широкомъ четыреугольномъ пространствѣ была всего одна могила. Подъ сиреневымъ кустомъ стояла гнутая деревянная скамейка. Свѣжій дернъ обнималъ могилу. Наверху она вся была сплошь засажена темнолиловыми, крупными фіалками, которыя тяжело благоухали.

Простой крестъ изъ сѣраго мрамора на невысокомъ подножьѣ стоялъ у одного конца могилы. Подойдя еще ближе, Шарлотта различила у этого подножья бѣлый мраморный медальонъ, круглый, съ бѣлымъ-же, едва замѣтнымъ, профилемъ. Рельефъ былъ такъ низокъ, что очертанья лица казались почти неуловимыми. Шарлотта различила прямую линію носа, откинутые недлинные волосы, лицо дѣвическое или юношеское. Еще ниже чуть мерцала простая надпись, по-русски:

«Альбертъ Рено».

«Скончался на двадцать пятомъ году отъ рожденія».

И больше ничего.

Шарлотта сѣла на скамейку и задумалась. Благоуханье фіалокъ туманило голову, голубоватыя жилки на ея прозрачныхъ вискахъ начинали биться. Кто былъ нежданный Альбертъ Рено? Его-ли портретъ— этотъ чуть видный, тонкій профиль на бѣломъ мраморѣ? Шарлотта знала, что за рѣдкія, садовыя фіалки отецъ беретъ очень дорого. Значитъ, его родные богаты. А между тѣмъ, что-то говорило опытному взору Шарлотты, что эту могилу давно не навѣщали. Испорченный снѣгомъ вѣнокъ висѣлъ на остріѣ рѣшетки. Кругомъ была не помята трава.

— Если-бъ я смѣла...—подумала Шарлотта.—Этотъ сѣрый крестъ, онъ красивъ, но онъ выглядитъ такъ печально. Какой-бы славный вѣнокъ я сдѣлала! Изъ бусъ, изъ бисера... Нѣтъ, сюда это нейдетъ. Надо нѣжный, изъ шелковыхъ лоскутковъ. Незабудки, очень крупныя и очень блѣдныя... Но я не смѣю!—прервала она себя.—Можетъ быть, придутъ родные, будутъ недовольны... Что я ему?

Ей вдругъ стало печально. Она поднялась со скамейки и сѣла на дернъ, на песокъ, у самой могилы. Фіалки, темныя, матовыя, какъ бархатъ, были у самаго ея лица. Мраморный профиль, теперь, подъ лучомъ вдругъ проникшаго сквозь вѣтви солнца, совсѣмъ стерся. Высокія острія рѣшетки закрывали дорожку и другіе памятники. Виднѣлся только наверху край досчатаго забора и ясное небо надъ нимъ. Шарлотта, прислонясь головой къ благоухающей могилѣ, смотрѣла на небо. Оно казалось ей такимъ близкимъ, знакомымъ, похожимъ на голубое стекло въ ея окнѣ. И за нимъ, казалось ей, можно видѣть другой міръ, тихій, туманный и неизвѣстный.

IV.

Когда отецъ ушелъ спать послѣ обѣда, Шарлотта робко и осторожно пробралась въ большую «пріемную» комнату. Ей предстояло трудное дѣло. Надо было найти номеръ могилы Альберта Рено. Шарлотта понимала, что иначе всѣ ея вопросы о томъ, кто это, когда схороненъ,

часто-ли бываютъ родные — не приведутъ ни къ чему. Отецъ зналъ только номера.

«Рѣшетка и крестъ,—думала Шарлотта. — Зимой трудно ставить памятники, весной—врядъ-ли, земля была-бы разрыта, а тамъ трава. Надо искать осенью.

Въ сентябрѣ она еще сидѣла часто на крайней дорожкѣ. Развѣ въ самомъ концѣ? Но въ сентябрѣ ничего не оказалось. Она принялась за октябрь. Книги были тяжелыя, громадныя, тоненькая ручка Шарлотты едва переворачивала толстые листы съ рядомъ именъ и цифръ. Какъ трудно! Нѣтъ, она никогда не найдетъ. Даже въ глазахъ зарябило. Кромѣ того, Шарлотта безпрерывно оглядывалась, боясь, что кто-нибудь войдетъ и помѣшаетъ. Она не знала, чего собственно боится, отецъ былъ, хотя и вспыльчивъ,—добръ, да и что за бѣда посмотрѣть въ книги? Однако сердце ея сжималось, точно она воровски дѣлала что-то запрещенное.

Вдругъ въ концѣ страницы мелькнуло знакомое имя. Каллиграфическимъ почеркомъ отца было выведено: 20 Oct. Albert Reno. № 17311.

Теперь работа была легче. Шарлотта сейчасъ-же посмотрѣла въ приходныхъ книгахъ. Противъ номера 17311 стояло: «Прислано тридцать рублей. Фіалки».

Прислано! Значитъ, сами родные не были, а только прислали деньги. Все-таки отецъ что-нибудь знаетъ. Вѣрно, какіе-нибудь очень богатые люди. А сами не навѣщаютъ.

Шарлотта въ глубокой задумчивости сошла на террасу и стала приготовлять обычный шестичасовой кофе. Вечеръ былъ совсѣмъ лѣтній, теплый, мягкій. Ползучія растенія еще не успѣли обвить столбы террасы, но купа малорослыхъ, густыхъ деревьевъ за цвѣтникомъ, бесѣдка, зеленый заборъ—скрывали отъ взоровъ даже ближайшіе кресты. Аллейка изъ подстриженныхъ, распускающихся акацій вела вдоль главной ограды изъ кирпича къ воротамъ, такимъ-же краснымъ кирпичнымъ, высокимъ, съ колоколомъ наверху. Тамъ, подъ прямымъ угломъ, ее пересѣкала главная аллея кладбища. Но отсюда, съ террасы, нельзя было видѣть ни воротъ, ни крестовъ. Садъ казался простымъ садомъ.

Иванъ Карловичъ вышелъ заспанный, съ крошечными глазами, съ багровыми полосами на измятомъ лицѣ. Неожиданно явилась сестра Каролина съ супругомъ и полутора-годовалымъ мальчикомъ. Трехлѣтнее замужество согнало розы со щекъ Каролины. Она уже не хохотала, а стонала и жаловалась. Часовщикъ, за котораго она вышла по любви, оказался человѣкомъ крайне болѣзненнымъ, припадочнымъ и угрюмымъ. Онъ сидѣлъ за кофеемъ зеленый, съ убитымъ видомъ. Дитя отъ него родилось еще болѣе зеленое и болѣзненное, готовое испустить духъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

— Повѣрите-ли, папаша, — говорила иногда Каролина съ отчаяніемъ: не живу, а точно въ котлѣ киплю. Каждый день жду несчастья. Кашлянетъ онъ, вздохнетъ — ну, думаю, вотъ оно: готовься къ несчастью. Ребенокъ тоже чуть живъ: доктора у него семь болѣзней находятъ. Иной разъ такъ сердце изболитъ, что думаешь: эхъ, ужъ скорѣй-бы! сразу-бы! Авось легче станетъ.

Отецъ не понималъ жалобъ и отчаянныхъ желаній Каролины, дѣлалъ строгое лицо, читалъ нравоученія, но безмолвная Шарлотта понимала. Она смотрѣла на часовщика, его зеленаго сына—и радовалась. что не связана цѣпью любви съ этими утлыми сосудами. Ея друзья были вѣчные, надежные, неизмѣнные. Сегодня часовщикъ чувствовалъ себя лучше, произнесъ нѣсколько словъ, и Каролина казалась веселѣе. Она даже дала своему младенцу два бисквита.

— Что это, Лотхенъ, ты все молчишь?—обратилась она къ сестрѣ.— Слава Богу, ты здорова. Молодой дѣвушкѣ нужно быть веселой, ей нужно общество.

— Ну, общество!—проговорилъ Иванъ Карловичъ. Онъ съ дѣтьми и дома всегда говорилъ по-русски и чрезвычайно любилъ говорить по-русски.—Мы знаемъ, чего Лотхенъ нужно. Лѣта возмужалыя подходятъ, это вполнѣ натурально! Добрый мужъ, пара дѣтей... Блѣдности этой въ лицѣ сейчасъ-же и меньше. Хе, хе, хе! Знаемъ кой-кого, кто на насъ заглядывается!

Онъ подмигнулъ глазомъ, стараясь изобразить на лицѣ лукавство.

Шарлотта помертвѣла. Она понимала, на кого намекалъ отецъ. Іоганнъ Ротте, старшій сынъ очень богатаго мясника въ самомъ концѣ Нѣмецкой улицы, просилъ ея руки. Іоганнъ былъ дѣльный, разбитной парень. Отецъ не допускалъ и возможности отказа. Но такъ давно не говорили объ этомъ, Шарлотта ужъ стала надѣяться, что Іоганну присмотрѣли другую невѣсту—и вдругъ опять!

— Я еще не хочу замужъ,—вымолвила Шарлотта, чуть слышно. Она была робкая и покорная дочь, но мысль о свадьбѣ съ Іоганномъ повергала ее въ трепетъ.

— Но, но, но! — произнесъ отецъ, поднимая брови, которыхъ у него почти не было. — Это намъ знать, хочешь-ли ты замужъ. Наша дочь должна соображаться съ нашими желаніями. Молодая дѣвица въ возрастѣ всегда хочетъ пристроиться.

— Совершенно вѣрно,—глухо произнесъ часовщикъ. Дѣвушки— такой товаръ. Да и смотрѣть нужно.

— Я не могу усмотрѣть, я не могу усмотрѣть!—вдругъ заволновался Иванъ Карловичъ и лицо его побагровѣло.—Какъ я усмотрѣть могу? Натурально, замужъ надо молодыхъ дѣвицъ.

— Не волнуйтесь, папахенъ,—произнесла Каролина и поцѣловала отца въ голову. — Шарлотта умная дѣвушка, она понимаетъ. Отецъ Іоганна такой богачъ. А самъ-то Іоганнъ! Кровь съ молокомъ. Какая дѣвушка отъ него откажется!

Шарлотта, глотая безмолвныя слезы ужаса, подала отцу длинную трубку. Разговоръ мало-по-малу принялъ мирное теченіе.

Шарлотта набралась смѣлости:

— Папаша,—спросила она.—Чья это могила подъ номеромъ семнадцать тысячъ триста одиннадцатымъ? Я ее прежде не видала. Тамъ скамейка была прежде. А теперь прихожу—рѣшетка. И фіалки такія чудныя.

— Гм... Семнадцать тысячъ триста... отозвался Иванъ Карловичъ, попыхивая трубкой. — Фіалки, говоришь ты? А что, хороши фіалки? Пусть пріѣдетъ эта мамзель графиня, кузина или невѣста его, что-ли, пусть увидитъ, добросовѣстно-ли исполняетъ свои обязанности смотритель Бухъ! Тридцать рублей послано—за то и цвѣты! Не ѣдетъ—мнѣ все равно. Смотри, иль не смотри, деньги есть—цвѣты лучшіе есть!

— А кто это, папа?—спросила Каролина.

Шарлотта сидѣла нѣмая и блѣдная.

— Это... Это одинъ... Молодой человѣкъ, подающій большія надежды, какъ мнѣ говорили. И вдругъ—ein, zwei, drei!—готово. Ein Maler,—прибавилъ онъ, не найдя русскаго слова.—А? хороши фіалочки, Лотхенъ?

И онъ грузно разсмѣялся.

Каролина съ семьею давно уѣхала, отецъ ушелъ къ себѣ, въ домѣ все затихло. Шарлотта поднялась наверхъ и зажгла свою лампу. За окномъ теперь былъ туманный мракъ безлунной апрѣльской ночи. Шарлотта хотѣла кончить работу, большой вѣнокъ изъ красныхъ маковъ, но не могла. Мысли мучали ее. Альбертъ, ein Maler, живописецъ... У него кузина, невѣста... Отчего она не ѣздитъ къ нему? Любилъ-ли онъ ее? Какая она?

И Шарлотта улыбнулась, подумавъ, что хоть эта кузина и богачка, и графиня, а все-таки Альбертъ теперь не съ нею, а тутъ, близко, и навсегда близко, и не графиня, а она, Шарлотта, будетъ сидѣть завтра около него, принесетъ цѣлую лейку воды для фіалокъ и сплететъ, если захочетъ, нѣжный шелковый вѣнокъ изъ очень большихъ и очень блѣдныхъ незабудокъ...

Вдругъ сердце ея ударило тяжело. Она вспомнила Іоганна. Неоконченные маки посыпались съ ея колѣнъ. Она вскочила, раздѣлась, спѣша, погасила лампу и бросилась въ постель. Скорѣе спать, чтобы не думать!

V.

Іюльскій день жарокъ невыносимо. Солнце насквозь прогрѣло сухой, мглистый воздухъ. Деревья съ широкими, совсѣмъ распустившимися листьями безмолвно принимаютъ солнечные лучи, сонныя и радостныя, какъ ящерица въ полдень на горячемъ камнѣ. Пахнетъ пылью и всевозможными цвѣтами. Цвѣтами теперь полонъ весь паркъ кладбища. Порядокъ и чистота образцовые, могилы аккуратны и веселы. Но къ разнообразнымъ и тонкимъ ароматамъ, къ благоуханію отцвѣтающихъ липъ, примѣшивается еще какой-то запахъ, чуть замѣтный, но тревожный, неуловимый и тяжелый. Онъ бываетъ только на кладбищахъ въ очень жаркую пору. Шарлотта всегда думала, что это—дыханье умирающихъ липовыхъ цвѣтовъ. Они именно такъ пахнутъ, опадая. Шарлотта не чувствовала жары. Ея тонкое лицо попрежнему было блѣдно, руки привычно работали. И тутъ, за рѣшеткой могилы Альберта, гдѣ она теперь проводила дни, особенно тѣнисто. Давно отцвѣтшая сирень разрослась густо, а сверху сплошнымъ зеленымъ навѣсомъ наклонились старыя березы. На могилѣ Альберта уже нѣтъ фіалокъ. Тамъ теперь цвѣтутъ два куста большихъ бѣлыхъ розъ. Шарлотта сама за ними ухаживаетъ, и нигдѣ онѣ не распустились такъ пышно и свѣжо.

Шарлотта надѣла сегодня свѣтлое платье съ короткими рукавами. Ей съ утра весело на душѣ. Веселье ея, какъ и вся она, тихое, невидное. Точно въ сердцѣ теплится ровный и мягкій огонекъ. Свертывая длинные стебельки ландышей для заказного вѣнка, она вдругъ тихонько и тонко запѣла, и сейчасъ же сама застыдилась. Съ ней такъ рѣдко это случалось.

Бѣлый медальонъ внизу креста былъ теперь полускрытъ розами. Шарлотта любила проводить рукою по нѣжному, чуть выпуклому профилю этого полузамѣтнаго лица: мраморъ былъ холодноватый, бархатистый, всегда ласковый.

Казалось, стало еще душнѣе. Мглистый воздухъ ползъ съ окрестныхъ болотъ и со стороны далекаго лѣса. Шарлотта, оторвавъ на минуту глаза отъ ландышей, подняла взоръ. Она вздрогнула, слабо вскрикнула и покраснѣла: верхомъ на старомъ дощатомъ заборѣ, за которымъ тянулись чужіе огороды, дальше—болота, перелѣсокъ, сидѣлъ плотный, красивый юноша, въ пунцовой, затѣйливо вышитой сорочкѣ. Это былъ Іоганнъ.

— Не пугайтесь, мамзель Шарлотта,—произнесъ онъ, очень вѣжливо, даже галантно приподнимая бѣлую фуражку.—Извините, что я такъ... прямымъ сообщеніемъ. Отъ насъ въ эту сторону гораздо ближе, хотя путь нѣсколько затруднителенъ. Но я зналъ, что вы избрали

этотъ уголокъ... И, не желая безпокоить вашего уважаемаго папашу прохожденіемъ черезъ главныя ворота, черезъ домъ... Вы позволите присоединиться къ вамъ?

— Да,—прошептала Шарлотта, не поднимая рѣсницъ. Веселости ея какъ не бывало. Тупое безпокойство сосало сердце. Теперь ей казалось особенно душно, жарко, густыя благоуханья туманили воздухъ.

Іоганнъ ловко соскочилъ на дорожку и черезъ минуту уже сидѣлъ рядомъ съ Шарлоттой на удобной скамеечкѣ около самой могилы Альберта.

— Прелестный уголокъ!—проговорилъ Іоганнъ, снявъ фуражку и проводя рукой съ немного короткими и толстыми пальцами по своимъ круто-курчавымъ, черным волосамъ. Іоганнъ съ полнымъ правомъ назывался красавцемъ: онъ былъ не очень высокъ, но широкъ въ плечахъ, ловокъ, въ лицѣ — теплая смуглость, на верхней губѣ немного выдающагося впередъ рта—коротенькіе, красивые, жестковатые усики. Шарлотта никогда не могла вынести взора его большихъ выпуклыхъ глазъ, черныхъ, какъ маслины, съ легкими красноватыми жилками на бѣлкахъ.

— Давно не имѣлъ счастія видѣть васъ, мамзель Шарлотта,— продолжалъ Іоганнъ. — Я цѣлый день занятъ по магазину, минутки почти нѣтъ свободной. Въ прошломъ году, помнится, вы однажды удостоили нашу лавку своимъ посѣщеніемъ... Для меня этотъ день, повѣрьте, запечатлѣлся... Я еще первый годъ тогда помогалъ отцу, только что гимназію кончилъ.

Шарлотта опять вздрогнула и невольно, чуть-чуть, подвинулась къ краю скамьи. Она тоже помнила, какъ однажды, съ отцомъ, случайно зашла въ лавку Іоганна. Лавка была свѣтлая, чистая. Остро пахло кровью и только что раздробленными костями. Самые свѣжіе, свѣтло-красные трупы быковъ безъ кожи, съ обнаженными мышцами, съ обрубленными и распяленными ногами, пустые, какъ мѣшки, висѣли у дверей и по стѣнамъ. Пониже висѣли маленькіе телята съ тѣломъ гораздо блѣднѣе и пухлѣе, почти сѣрымъ, такіе-же пустые, такъ-же распростирая кости ногъ до колѣннаго сустава. На блистающемъ столѣ изъ бѣлаго мрамора лежали въ сторонкѣ темные, вялые куски мякоти съ золотистыми крупинками жира по краямъ. Въ бѣломъ фартукѣ, стоялъ Іоганнъ, веселый, сильный, здоровый и ловко рубилъ большимъ, какъ топоръ, ножемъ, крупныя части отъ лопатки. Шарлотта запомнила короткій, рѣшительный звукъ ножа. Дребезги кости отлетѣли на полъ. Темныя пятна были на передникѣ Іоганна и на мраморѣ стола. Шарлотта вышла на воздухъ и сказала робко, что у нея закружилась голова. Вѣроятно, она не привыкла къ тому пряному и пьяному аромату, который бодрилъ Іоганна.

— Теперь у насъ преобразованія, изволили слышать?—продолжалъ Іоганнъ.—Надстроили третій этажъ. Туда папаша сами переѣдутъ, а

бель-этажъ, весь, что надъ лавкой, мнѣ намѣреваются отдать. Не теперь. конечно... А вотъ, Богъ дастъ...

Онъ замялся.

Шарлотта поняла. Онъ говорилъ о ней. Это для нея этажъ надъ лавкой, когда она выйдетъ замужъ за Іоганна. Она будетъ слышать у себя наверху рѣшительные и веселые звуки его топора, когда онъ около мраморнаго стола станетъ рубить свѣжіе, пухлые куски мяса.

— Одно неудобство, мухъ много въ лавкѣ. Страшная масса мухъ. Залетаютъ и въ квартиру. Да можно бумажки ставить.

Шарлотта не отвѣтила.

— А тутъ у васъ хорошо,—началъ опять Іоганнъ.—Тѣнь, прохлада... Цвѣтовъ сколько! А это чья-же могилка? Вы вѣдь постоянно около нея. Извѣстная вамъ?

— Нѣтъ, такъ... — промолвила Шарлотта.

Ни за что на свѣтѣ она не стала-бы говорить съ Іоганномъ объ Альбертѣ. Она даже не хотѣла, чтобы онъ замѣтилъ бѣлый медальонъ съ портретомъ. Онъ, вѣроятно, напомнилъ-бы Іоганну мраморъ его стола.

— А я думаю, жутко вамъ здѣсь, мамзель Шарлотта? И вечеромъ гуляете...

— Отчего жутко?—спросила удивленная Шарлотта.

— Да какъ-же... Все вѣчно съ ними...

— Съ кѣмъ съ ними?

— А съ мертвецами.

Шарлотта слабо улыбнулась.

— Что вы! Какіе-же мертвецы? Здѣсь нѣтъ мертвецовъ. Они подъ землей, глубоко... Здѣсь только могилы да цвѣты.- Вотъ у васъ... — осмѣлилась прибавить она. — У васъ точно мертвецы... Я помню: все тѣла мертвыя, кровь...

Іоганнъ залился громкимъ смѣхомъ.

— Ахъ, мамзель Шарлотта! Какая вы шутница! Это вы нашихъ быковъ, да телятъ... мертвецами! Ха, ха, ха!

Шарлотта смотрѣла на его съузившіеся глаза; въ розовомъ полуоткрытомъ ртѣ блестѣла полоса крѣпкихъ зубовъ.

— Что-же это мы о такихъ несоотвѣтственныхъ вещахъ говоримъ?— началъ Іоганнъ, переставъ смѣяться.—У меня къ вамъ просьба, мамзель Шарлотта: давнишнее желаніе сердца. Не откажите!

И онъ сдѣлалъ умоляющее лицо.

— Не откажете?

— Нѣтъ... Если могу...

— Подарите мнѣ цвѣтокъ, сдѣланный вашими искусными пальчиками. Буду его вѣчно носить въ петлицѣ, а ночью стану класть подъ подушку. Мамзель Шарлотта! Вы знаете, какъ я цѣню каждый

вашъ взоръ. У васъ глаза, какъ самыя лучшія фіалки. Отчего вы со мною такъ суровы? Я вамъ противенъ, мамзель Шарлотта?

Въ голосѣ его было много искренности. Тоненькая, всегда блѣдная, молчаливая Шарлотта очень нравилась Іоганну.

— Я вамъ противенъ?—повторилъ онъ, подвигаясь къ ней.

Кругомъ была тишина и зной. Даже кузнечики замолкли. Томительная, душная, невидимая мгла поднималась отъ прогрѣтой земли. Мертвый ароматъ липъ кружилъ голову.

— Нѣтъ... отчего... это не то...—лепетала Шарлотта. Сердце ея стучало тяжко, испуганно.

Она не договорила. Въ ту-же минуту сильныя руки сжали ее и теплыя, влажныя, мягкія губы жадно прильнули къ ея устамъ. Она помнила эти губы: онѣ только сейчасъ были передъ ея глазами, слишкомъ пунцовыя, какъ кумачъ его рубашки, немного темнѣе. И горячее и грубое прикосновеніе точно ударило ее. Красныя пятна поплыли передъ ея взоромъ.

— Пустите меня! крикнула она дико, не своимъ голосомъ, вскочила и оттолкнула его отъ себя съ силой.—Пустите! Вы не смѣете! Нельзя, нельзя!

Она кричала, голосъ ея рвался, небывалый ужасъ наполнялъ сердце.

Іоганнъ стоялъ растерянный, сумрачный.

— Извините, мамзель Шарлотта,—заговорилъ онъ неровно.—Я не зналъ. Я, можетъ быть, испугалъ... Но я надѣялся... Вашъ папаша... И мой папаша...

Гнѣвъ Шарлотты исчезъ. Остались только страхъ и горе.

Она закрыла лицо руками.

— Уйдите, прошептала она безсильно.

— Я уйду теперь,—продолжалъ ободрившійся Іоганнъ.—Я васъ понимаю, простите-ли вы меня? Вы такъ нѣжны, такъ деликатны... Вы—нервная, впечатлительная дѣвица... Но я васъ обожаю, вы это должны знать, я достоинъ прощенья именно потому, что я васъ честно, искренно обожаю, мой папаша не далѣе, какъ завтра...

— Уйдите,—опять прошептала Шарлотта съ мольбой, не открывая лица.—Боже! думала она. Здѣсь! Какое оскорбленіе, какой позоръ! Здѣсь, при немъ!

Отдаленные голоса посѣтителей послышались за поворотомъ. Іоганнъ осмотрѣлся, ловко вскочилъ на заборъ и перепрыгнулъ на ту сторону. Шарлотта встала, не смѣя отнять рукъ, не смѣя взглянуть направо, гдѣ безмолвно и безмятежно благоухали крупныя розы, чуть склонивъ головки, и бѣлѣлъ межъ ихъ зеленью неясный очеркъ милаго лица.

Не оборачиваясь, опустивъ голову, медленно направилась Шарлотта къ дому. Стыдомъ и страхомъ была полна ея душа.

VI.

Шарлоттѣ долго нездоровилось и она не выходила изъ своей комнаты. Отецъ хмурился, предлагалъ послать за докторомъ Финчъ. Но Шарлотта оправилась, опять стала выходить. Стоялъ уже августъ, осеннiе цвѣты стали распускаться на могилахъ.

Однажды, послѣ обѣда, Шарлотта тихо пробиралась по знакомымъ тропинкамъ къ своему мѣсту. Все утро шелъ дождикъ, но теперь выглянуло желтое, влажное солнце и золотило колеблющуюся, уже порѣдѣвшую листву. Шарлотта хотѣла завернуть направо—и вдругъ замѣтила, что рѣшетка могилы Альберта отворена. Она знала, что садовникъ не приходилъ, а она сама всегда крѣпко запираетъ дверь. Значитъ—кто-то есть тамъ.

Тихо, стараясь не шумѣть опавшими листьями, Шарлотта вернулась и обошла рѣшетку съ другой стороны, гдѣ прутья были рѣже и, сквозь сиреневые кусты, можно было видѣть, что дѣлается внутри.

Шарлотта взглянула—и невольно схватилась за толстый, мокрый стволъ березы, чтобы не упасть. На ея скамейкѣ, около могилы Альберта, сидѣла женщина.

Все лѣто, съ самой ранней весны, Альберта никто не посѣтилъ. Шарлотта привыкла думать, что онъ одинокъ, что никто не заботится о немъ, что онъ принадлежитъ только ей. И вотъ какая-то женщина, можетъ быть болѣе близкая ему, чѣмъ Шарлотта, входитъ сюда по праву, садится около него.

Шарлотта стиснула зубы, острая злоба, ненависть рвала ей сердце, всегда такое доброе и покорное. Она жадно смотрѣла на незнакомую даму.

Дама была стройна, хотя невысока, нисколько не худощава и одѣта съ большимъ изяществомъ, даже богато, вся въ черномъ. Миловидное, молодое лицо выражало большую грусть, но грусть не шла къ задорному носику и круглымъ чернымъ бровямъ. Такъ и хотѣлось, чтобы это лицо улыбнулось. Но вмѣсто того дама вынула платокъ и провела имъ по глазамъ. Потомъ вздохнула, опустилась на колѣни, подбирая платье, сложила руки, опустила на нихъ голову и замерла такъ на нѣсколько мгновенiй. Креповый вуаль упалъ красивыми складками. Шарлотта замѣтила, что на крестѣ висѣлъ громадный, дорогой и неуклюжiй фарфоровый вѣнокъ. Широкая лента съ надписью закрывала мраморный медальонъ. Безмолвныя, рѣдкiя и холодныя слезы падали изъ глазъ Шарлотты, она ихъ не замѣчала. Да, да! Это она. Это та графиня, кузина, невѣста его, которую онъ любилъ, которая можетъ сбросить скромный, легкiй вѣнокъ, сдѣланный руками Шарлотты, вы-

дернуть цвѣты, посаженные ею,—и навѣсить свои звенящія, фарфоровыя гирлянды, можетъ трогать и цѣловать нѣжное, мраморное лицо, можетъ запереть на замокъ двери рѣшетки—и Шарлотта никогда не войдетъ туда... Вся кроткая душа ея возмутилась и теперь была полна неиспытанной злобы. Шарлоттѣ хотѣлось броситься къ незнакомой дамѣ, схватить ее за одежду, за длинный вуаль, кричать, выгнать вонъ и запереть рѣшетку.

— И онъ, и онъ!—повторяла она съ горечью, какъ будто знала навѣрно, что Альбертъ радъ этому посѣщенію и фарфоровымъ цвѣтамъ.—Сколько времени не была! Вѣдь я все время ходила, мои цвѣты, мои вѣнки! Все я, все ему! А теперь сразу—кончено!

Дама встала, отряхнула песокъ съ платья, поправила ленту, постояла, опять вздохнула, перекрестилась по католически, и, забравъ свой ридикюль изъ черной замши, направилась къ выходу. Она плохо знала дорогу и все не попадала на главную аллею. Шарлотта тихо, какъ кошка, слѣдовала за нею издали. Наконецъ, дама нашла путь и прямо повернула къ смотрительскому домику.

Шарлотта такъ и думала, что она зайдетъ къ нимъ. Быстро, едва переводя духъ, подбирая тяжелыя, длинныя косы, которыхъ не заколола, обѣжала она съ другой стороны и разбудила отца.

— Какая еще дама?—недовольно ворчалъ Иванъ Карловичъ, надѣвая сертукъ.

— Графиня... Кузина... Семнадцать тысячъ триста одиннадцать...—лепетала Шарлотта, переводя дыханіе.

— А... Хорошо! Сію минуту.

Шарлотта скользнула за нимъ въ большую, темную пріемную и, незамѣченная, притаилась въ дальнемъ углу за столомъ съ грудою книгъ.

Иванъ арловичъ пригласилъ даму сѣсть, около конторки, недалеко отъ оконъ. Шарлотта изъ своего угла видѣла ясно ея свѣжее лицо.

— Ахъ, я вамъ очень благодарна за могилу моего дорогого...—заговорила дама по русски, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ. Такой порядокъ, такіе прелестные цвѣты.

— Да-съ, сударыня,—сдержанно, но самодовольно произнесъ Иванъ Карловичъ. — У насъ во всемъ порядокъ. Номеръ вашей могилы 17311?

— Я не знаю, право... Альбертъ Рено...

— Такъ-съ, 17311. Все сдѣлано, что возможно. Оставшіяся деньги...

— Ахъ нѣтъ, ахъ нѣтъ, пожалуйста! Я еще хотѣла дать... Вотъ пока пятьдесятъ рублей.

— А зачѣмъ-же это? Теперь осеннее время года наступаетъ, могилы не убираются.

— Да, но видите-ли... Я уѣзжаю. Очень далеко, заграницу. Не знаю, когда вернусь...

— Въ такомъ случаѣ могу вамъ обѣщать на эти деньги уборку могилы втеченіи двухъ лѣтъ, не болѣе.

— Я гораздо раньше пришлю вамъ еще! Я много пришлю... Я только не знаю, смогу-ли я быть сама... Моя фамилія графиня Любенъ. Этотъ молодой человѣкъ, такъ безвременно угасшій, былъ мой женихъ...

Она опустила глаза. Иванъ Карловичъ только равнодушно крякнулъ. Онъ не выспался.

— И вотъ,—продолжала графиня, которая, какъ видно, не прочь была поболтать,—я чту его память... Обстоятельства такъ сложились, что я... что я должна выйти замужъ за... за дальняго родственника покойнаго и уѣхать навсегда во Францію. Я сама француженка по рожденію,—прибавила она живо и улыбнулась, причемъ сдѣлалась сейчасъже вдвое красивѣе.

— Такъ-съ...—задумчиво произнесъ Иванъ Карловичъ.—Изволите замужъ выходить... Я тѣмъ не менѣе долженъ вамъ росписку дать въ полученныхъ отъ васъ мною деньгахъ на украшеніе могилы № 17311 впродолженіи двухъ лѣтъ...

Шарлотта не слушала дальше. Такъ-же безшумно, какъ вошла, она скользнула вонъ, миновала террасу и бѣгомъ бросилась въ паркъ, прижимая руки къ сердцу, которое стучало громко и часто. Было прохладно, хотя вѣтеръ стихъ, голубоватыя, раннія сумерки наступали. На кладбищѣ вѣяло пустынностью.

Шарлотта добѣжала до рѣшетки Альберта и распахнула ее. Теперь она входила сюда, какъ повелительница. Та, бездушная кукла, потеряла всѣ права. Зачѣмъ она приходила сюда? Издѣваться надъ нимъ? Его невѣста, передъ свадьбой съ другимъ! Проклятая, проклятая! Вонъ сейчасъ-же эти грубые цвѣты! Они его холодятъ и рѣжутъ.

И Шарлотта рвала, топтала богатый фарфоровый вѣнокъ, мяла, силилась зубами надорвать широкую ленту съ золотой надписью: «Hélène à son Albert». Какъ она смѣла? Ея Альбертъ! Измѣнила, разлюбила и пріѣхала еще издѣваться надъ беззащитнымъ! Никогда Шарлотта не допуститъ, чтобы хоть одинъ цвѣтокъ здѣсь былъ посаженъ на ея деньги. Въ копилкѣ есть кое-что... Можно еще заработать... И у отца подмѣнить... Это не трудно.

Брызги фарфора случайно ранили руку Шарлотты. Она вздрогнула, увидавъ алую каплю на своей ладони. Но сейчасъ-же схватила платокъ и перевязала рану.

Большіе, блѣдные златоцвѣты, почти безъ запаха, вѣющіе только осенней сырой землей, качались теперь на могилѣ, вмѣсто лѣтнихъ розъ. Шарлотта тихо отвела ихъ стебли и прижалась щекой къ бархатистому, холодному мрамору барельефа. Она едва ощущала неровности очертаній профиля. О, милый, о, бѣдный! И она, сама виноватая передъ нимъ, смѣла еще упрекать его въ чемъ-то! Какъ она сразу не поняла, что надо защитить его, безотвѣтнаго, что эта Елена пришла издѣваться надъ нимъ, что она не можетъ его любить! Она нашла себѣ другого, существующаго, теплаго, съ красными, мягкими губами, какъ Іоганнъ...

За то Шарлотта любитъ Альберта всей силой мысли и любви. Теперь она никому его не отдастъ. А онъ... Зачѣмъ ему Елена, чужая, страшная, живая? Шарлотта безконечно ближе ему.

И Шарлотта лежала такъ, прижавшись лицомъ къ мрамору креста. Ея любовь, вся, была полна той сладостью безнадежности, той тихой нѣгой отчаянія, которая есть на днѣ души, выплакавшей послѣднія слезы, есть въ концѣ всякаго горя, какъ въ сумеркахъ осенняго дня съ чистыми, зеленовато-холодными небесами надъ молчащимъ лѣсомъ.

VII.

Однажды, за чаемъ, въ присутствіи Каролины и болѣзненнаго часовщика, разыгралась неизбѣжная и все-таки неожиданная для Шарлотты сцена.

Отецъ былъ, противъ обыкновенія, сумраченъ. Часовщикъ вздыхалъ и кутался въ кашнэ, никогда его не покидавшій. Каролина бросала на сестру значительные взгляды, которыхъ она, впрочемъ, не видала.

Иванъ Карловичъ началъ торжественно:

— Дочь моя, ты знаешь, что у меня сегодня былъ господинъ Ротте за окончательнымъ отвѣтомъ? И онъ очень правъ. Уже ноябрь наступилъ. Время крайне соотвѣтствующее. Все это затянулось ввиду твоей болѣзни. Но теперь ты здорова. Іоганнъ очень, очень одбропорядочный, прекрасный молодой человѣкъ.

— Папаша...—выговорила съ усиліемъ Шарлотта.—Я васъ очень прошу... Я не могу теперь.

— Какъ такъ: не могу? Что это должно означать: не могу?

— Замужъ не могу... Я еще молода ..

— Молода! Что-жъ, дожидаться стараго возраста для замужества? Но, но! Такъ не должны молодыя дѣвушки отвѣчать отцамъ. Отцы опытны, отцы знаютъ. Должно повиноваться.

— Я не могу!—почти вскрикнула Шарлотта. —Іоганнъ мнѣ не нравится! Я не пойду!

— Что такое? Не пойдешь? Смотрите, дѣти мои!—багровѣя закричалъ Иванъ Карловичъ. — Ей не нравится прекрасный молодой человѣкъ, выбранный ея отцомъ! Старшій сынъ богатѣйшаго коммерсанта! Она не пойдетъ за него, когда я сказалъ его отцу, что съ завтрашняго дня Іоганнъ можетъ являться, какъ женихъ моей дочери! Значитъ, слово мое нейдетъ въ разсчетъ!

Шарлотта слабо ахнула и закрыла лицо руками.

Каролина вмѣшалась въ разговоръ.

— Что ты, Лотхенъ! Опомнись. Вѣдь надо-же выходить замужъ. Посмотри, какой Іоганнъ бравый! Сколько дѣвицъ по немъ сохнетъ! Не волнуйтесь, папашечка, она образумится. Молодая дѣвушка...

— Да,—покашливая примолвилъ часовщикъ.—Молодыя дѣвушки, такой народъ... Съ ними, между прочимъ, глазъ да глазъ нуженъ... Усмотрѣть, ой какъ трудно!

— Зачѣмъ... Не надо смотрѣть...—прерывающимся голосомъ пыталась заговорить Шарлотта.—Неужели я не могу здѣсь... Развѣ я мѣшаю?

— Какъ не надо смотрѣть?—внѣ себя закричалъ Иванъ Карловичъ, опять мгновенно багровѣя.—Нѣтъ, надо, сударыня, надо! А я старъ, я не могу усмотрѣть! Отвѣтственности не могу взять! Нельзя, нельзя! Думать нечего! Я слово далъ! Господинъ Ротте мой лучшій другъ! А усматривать я не могу! Яблонька отъ яблоньки не далеко растетъ! Вотъ что!

Онъ былъ внѣ себя, махалъ руками и захлебывался. Шарлотта вскочила и съ рыданіемъ бросилась изъ комнаты. Каролина побѣжала за ней.

— Что тебѣ? — почти озлобленно выкрикнула Шарлотта, увидя входящую къ ней сестру.—Ты пришла меня мучить? Зачѣмъ вы всѣ такъ злы ко мнѣ? Зачѣмъ мнѣ нужно выходить замужъ? Ну вотъ, ты вышла! Что-же ты, счастлива?

— Это ты злая, Шарлотта, а не мы, — возразила Каролина. — Не понимаю, что съ тобою сталось? Ты очень измѣнилась. Ты говоришь—я несчастлива. Но если-бы Францъ былъ здоровъ и я не должна была вѣчно дрожать, что потеряю его, я не жаловалась-бы на судьбу. Также и маленькій Вильгельмъ, все боленъ! А ты — другое дѣло. Іоганнъ такой здоровый, сильный, ты будешь съ нимъ спокойна, дѣтей наживете крѣпкихъ... А вотъ за папашу я-бы на твоемъ мѣстѣ очень, очень боялась.

— Почему?—испуганно спросила Шарлотта. Вспышка ея прошла, она, робкая и горестная, сидѣла на своей постели, опустивъ руки и поникнувъ головой.

— Да какъ-же, развѣ ты не знаешь? Съ нимъ можетъ сдѣлаться ударъ, онъ мгновенно скончается. Его нельзя волновать. Ты замѣтила,

какъ онъ краснѣетъ? У него давно приливы. Ты его огорчаешь, волнуешь непослушаніемъ, онъ получитъ ударъ именно изъ-за тебя... За него вѣчно дрожать нужно...

— Что-же мнѣ дѣлать? Что дѣлать? — съ отчаяніемъ прошептала смятенная Шарлотта.—Зачѣмъ ты пугаешь меня, Каролина?

— Я нисколько не пугаю тебя. Это весьма обычно. Всѣ мы, имѣющіе родственниковъ и близкихъ, должны охранять ихъ и дрожать за нихъ, помня, какъ непроченъ человѣкъ. Ты покорись лучше, Шарлотта. Это совѣтуетъ тебѣ твоя сестра.

Лицо Іоганна, полное, улыбающееся, его выпуклые черные глаза съ красноватыми жилками на бѣлкахъ вспомнились Шарлоттѣ. Мраморный столъ, вялая, темная мякоть съ крупичатымъ жиромъ, свѣжія тѣла быковъ, запахъ крови, первый этажъ надъ лавкой, мухи, мухи... Шарлотта въ послѣдній разъ съ мольбой взглянула на сестру, какъ будто она могла все измѣнить. Въ эту секунду голова часовщика высунулась изъ дверей.

— Каролина, — прошепталъ онъ хрипло.—Иди, папаша тебя зоветъ. Иди скорѣе, ему что-то дурно.

— Ага! Вотъ видишь! — обратилась къ сестрѣ торжествующая Каролина, вставая.—Вотъ дѣла твоихъ рукъ.

Шарлотта тоже вскочила и въ смертельномъ ужасѣ хватала сестру за платье.

— Каролина, Каролина! Подожди! Что съ нимъ? Боже, какъ мнѣ быть?

— Пусти меня, ты, злая дочь! Пусти меня теперь.

— Каролина, скажи ему... Ну все равно, если онъ не можетъ меня простить, позволить... Что я говорю? Скажи, что я на все согласна.

Она упала головой въ подушки. Каролина поспѣшно вышла.

Нездоровье Ивана Карловича оказалось пустяшнымъ. Каролина и часовщикъ долго не уходили, совѣщались всѣ вмѣстѣ довольнымъ шопотомъ. Шарлотту больше не тревожили. Пусть отдохнетъ отъ волненій, а вѣдь она согласилась...

VIII.

Было около трехъ часовъ ночи, когда очнулась Шарлотта. Она сама не знала, спала она, или пролежала въ забытьи, безъ слезъ, безъ мыслей, безъ движенья, лицомъ къ подушкѣ, все время, съ той минуты, когда сестра вышла изъ ея комнаты. Шарлотта приподнялась на постели. Все ея тѣло болѣзненно ныло, какъ отъ усталости, въ головѣ стояли пустые шумы. Она помнила, что сказала Каролинѣ, и знала, что это безповоротно. Завтра придетъ Іоганнъ, ея женихъ, ея мужъ.

Надо покориться... потому что такъ надо. О, видитъ Богъ, она не виновата! Гдѣ ей бороться, такой слабой, такой робкой. Но она не хотѣла измѣнить, она даже не умѣла-бы измѣнить, какъ не умѣетъ разлюбить. Альбертъ, Альбертъ.

Она встала, медленно, совсѣмъ тихо. Изъ широкаго окна съ неопущенной занавѣской лился голубой свѣтъ луны, казавшійся еще ярче отъ бѣлизны снѣга. Снѣгъ выпалъ рано и лежалъ, морозный, хотя не глубокій. Съ той стороны окна, гдѣ было вставлено цвѣтное стекло, лунные лучи, проходя сквозь него, ложились на полъ огненно-прозрачными, синими пятнами. Въ комнатѣ, какъ и на затихшемъ кладбищѣ, за окномъ,—было туманно и безшелестно. Порою снѣговыя, быстро-бѣгущія, облака застилали луну, и все на мигъ мутнѣло, тускнѣло, тѣни бѣжали, скользили, ширились—и вдругъ пропадали, и опять голубѣлъ и холодѣлъ рѣдкій воздухъ.

Шарлотта тихо сняла ботинки, чтобы не стучать, перемѣнила измятое платье на бѣлый фланелевый капотикъ. Она двигалась безшумно и торопливо. Одна мысль, ясная, неумолимая, владѣла теперь ею. Надо идти. Завтра уже будетъ не то. Завтра она будетъ не она. Завтра придетъ Іоганнъ и поцѣлуетъ ее, и она приметъ поцѣлуй, потому что станетъ его невѣстой, а потомъ женой, чтобы поселиться въ новоотдѣланной квартирѣ надъ лавкой. Теперь-же, сегодня — Шарлотта еще прежняя, еще своя, еще живая. Она должна пойти къ тому, кого она любитъ.

— Пойду... Проститься...—шептала она безсвязно, занятая лишь заботой выскользнуть изъ дома, никого не потревоживъ.

Ей не надо было словъ, чтобы сказать Альберту, что она не виновата. Но ей смутно казалось, что онъ это скорѣе почувствуетъ, если она будетъ тамъ, около него.

Въ однихъ чулкахъ, вся бѣлая и легкая, какъ привидѣніе, она соскользнула по лѣстницѣ. Ни одна ступенька не скрипнула. Дверь, ведущая на балконъ, была заперта. Ее собирались замазать, но еще не успѣли. Подъ черными потолками замирали ночные звуки, углубляющіе тишину—дыханіе спящихъ, трескъ мебели, шорохъ за обоями. Съ силой Шарлотта повернула заржавленный ключъ. Онъ слабо визгнулъ, набухшая дверь стукнула и отворилась. Холодъ и запахъ снѣга заставили Шарлотту вздрогнуть. Но черезъ секунду она уже бѣжала по зеленовато-голубой, искристой аллеѣ, необутыя ножки оставляли легкій, чуть вдавленный слѣдъ.

Подъ черными деревьями было очень темно. Зубы Шарлотты стучали, она спѣшила добѣжать, точно тамъ, у Альберта, ее ждало тепло. Опять снѣговыя тучи заслонили луну, все замутилось, искры погасли, расширилась тѣнь. Но тучи разорвались—и снова передъ Шарлоттой

открылись голубые, тихіе, туманные ряды крестовъ, міръ, теперь совсѣмъ похожій на тотъ, который она видѣла сквозь стекло своего окна.

Вотъ и крайняя дорожка, вотъ рѣшетка. Шарлотта упала на снѣжное возвышеніе могилы, раскрывъ руки торопливо и радостно, какъ падаютъ въ объятія. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, ей уже не было холодно. Снѣгъ, такой-же бѣлый, какъ ея платье, почти такой-же, какъ ея свѣтлыя не подобранныя косы, такъ ласково прижался подъ ея узкимъ тѣломъ. Онъ былъ нѣженъ и мягокъ. Онъ сверкалъ подъ лунными лучами на мраморѣ барельефа. Шарлотта коснулась, какъ всегда, своей щекой чуть выпуклаго, нѣжнаго, теперь морознаго профиля. Отъ ея дыханія снѣжинки таяли, исчезали, улетали, очертанія неуловимо-прекраснаго, равнодушнаго лица становились все яснѣе. И долго Шарлотта лежала такъ, соединивъ за крестомъ побѣлѣвшія руки. Альбертъ былъ съ ней, никогда она не чувствовала себя такой близкой ему. Она больше не мучилась, не боялась: она ни въ чемъ не виновата, и онъ знаетъ это, потому что и онъ, и она—одно. Сладкая, до сихъ поръ невѣдомая, истома, теплота охватывала ея члены. Онъ, Альбертъ, былъ около нея, ласкалъ, нѣжилъ и баюкалъ ея усталое тѣло. Часы летѣли, или, можетъ быть, ихъ совсѣмъ не было. Шарлотта не видѣла, какъ снова набѣжали пухлыя тучи, потускнѣлъ во мгновеніе замутившійся воздухъ и безъ шелеста, безъ звука, стали опускаться на землю большіе хлопья, легкіе какъ пѣна... Сначала рѣдкіе, потомъ частые, зыбкіе, они заплясали, закрутились, сливаясь, едва достигали земли. Убаюканная нездѣшней отрадой, Шарлотта спала. Ей грезился голубой міръ и любовь, какая бываетъ только тамъ.

А сверху все падалъ и падалъ ласковый снѣгъ, одѣвая Шарлотту и Альберта одной пеленой, бѣлой, сверкающей и торжественной, какъ брачное покрывало.

З. Гиппіусъ.

Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка [1].

(Страница изъ исторіи права).

I.

Эпоха среднихъ вѣковъ, столь много и столь многими изучавшаяся, остается еще до сихъ поръ неистощимымъ источникомъ для изслѣдователей этого мрачнаго и живописнаго, набожнаго и жестокаго, фанатически прямолинейнаго и оригинально-разнообразнаго возраста европейскаго человѣчества. Оставшіеся отъ этой эпохи хроники и памятники, очищенные отъ архивной пыли и отъ испорченной латыни, открываютъ изслѣдователямъ факты, явленія, институты—удивительные по своей причудливости и чудовищности, невѣроятные для нашего времени по міровоззрѣнію, которымъ они проникнуты, и по крайностямъ, съ которыми они проявлялись.

Однимъ изъ явленій, въ которыхъ наиболѣе характерно выразился духъ средневѣковой эпохи, были процессы о вѣдьмахъ.—это чудовищ-

---

[1]) Это удивительное явленіе средневѣковой правовой жизни—процессы противъ животныхъ—еще очень мало разработано. Въ русской литературѣ, кромѣ краткихъ указаній въ курсѣ Таганцева и въ другихъ учебникахъ уголовнаго права, мы не встрѣтили ни одной, даже случайной замѣтки. Также, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ничего или почти ничего въ англійской и итальянской литературахъ. Въ послѣдней укажемъ книгу Karlo Addosio «Bestie delinquenti» 1893 г. Не особенно много имѣется изслѣдованій и въ нѣмецкой литературѣ, гдѣ они большей частью разбросаны по различнымъ періодическимъ изданіямъ. Укажемъ на недавно вышедшую брошюру Karl v. Amira «Thierstraffe und Thierprocesse»—1894 г. Больше всего процессы противъ животныхъ разработаны французскими изслѣдователями, какъ Berriat-Saint-Prix, Agnel, Menabrea, Sorel и др., между которыми изысканія Berriat-Saint-Prix занимаютъ главное мѣсто. Этими изысканіями, собственно говоря, исчерпывается все, что извѣстно объ этихъ процессахъ. Къ сожалѣнію, эти изслѣдованія составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость и ими можно пользоваться только въ Bibliotheque Nationale въ Парижѣ.

кое заблужденіе, возведенное средними вѣками въ цѣльное міросозерцаніе, которое съ такою силою и такъ долго господствовало по всей Европѣ и отъ котораго погибли въ пыткахъ и на кострахъ милліоны невинныхъ женщинъ, осужденныхъ судебными трибуналами по всѣмъ правиламъ судопроизводства и на основаніи постановленій уголовнаго кодекса, по обвиненію въ связи съ дьяволомъ и въ разныхъ чудовищныхъ преступленіяхъ колдовства.

Рядомъ съ этими ужасными процессами среднимъ вѣкамъ принадлежитъ другой родъ процессовъ, о которыхъ нельзя читать безъ смѣха, до того они удивительны по своей забавной наивности и странности,—но которые, тѣмъ не менѣе, производились въ свѣтскихъ и духовныхъ судахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ формальностей и со всею серьезностью и торжественностью актовъ правосудія. Это—процессы противъ животныхъ, уголовные и гражданскіе, въ которыхъ подсудимыми и отвѣтчиками выступали домашнія и другія животныя, по формально предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ и вчиненнымъ искамъ. Въ этихъ процессахъ весьма рельефно отразился духъ средневѣковой юстиціи, по которому всякая вина формально виновата и должна быть наказуема. Въ нихъ также ярко выразились характерныя черты средневѣковаго склада мышленія, схоластически—отвлеченнаго, произвольно-дедуктивнаго, склоннаго къ формализму, къ подчиненію всякаго явленія однообразію установленныхъ формъ и къ внѣшнему согласованію сущности фактовъ съ мнѣніями и сентенціями признанныхъ авторитетовъ.

Эти процессы противъ животныхъ—одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи права и вмѣстѣ съ тѣмъ—исторіи культуры.

II.

Процессы противъ животныхъ впервые встрѣчаются въ XIII столѣтіи. По всей вѣроятности, они имѣли мѣсто и раньше, но въ архивахъ не сохранилось достаточно ясныхъ слѣдовъ о нихъ. Наибольшаго развитія эти процессы достигли между XV и XVII столѣтіями [1]), но продолжались еще въ XVIII и XIX стол., а нѣкоторые слѣды ихъ замѣчаются даже и въ наше время.

Сущность этихъ процессовъ заключается въ томъ, что животныя разсматриваются, какъ вполнѣ сознательныя существа, сознающія то, что

---

[1]) Первые слѣды этихъ процессовъ находимъ во Франціи въ XIII ст. Къ концу XIV ст. находимъ ихъ въ чрезвычайно оригинальной формѣ въ Сардиніи, а столѣтіемъ позже—во Фландріи. Во второй половинѣ XVI ст. они встрѣчаются въ Нидерландахъ, Германіи, Италіи и Швеціи, а еще позже въ Англіи. Но больше всего этихъ процессовъ было во Франціи: тамъ же они и удержались позже, чѣмъ въ другихъ странахъ.

они дѣлаютъ, и обязанныя поэтому отвѣтствовать, подобно людямъ, на основаніи общихъ законовъ, за всякое совершенное ими преступленіе и за всякій причиненный ими имущественный вредъ. Процессы были уголовные и гражданскіе, послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Тѣ и другіе поражаютъ своею абсурдностью и наивностью. Тутъ какъ бы въ дѣйствительности происходятъ дѣйствія изъ басенъ Крылова. Животныя не говорятъ, но люди за нихъ говорятъ, давая за нихъ отвѣты, представляя объясненія и резоны, дѣлая возраженія на предъявленныя къ нимъ обвиненія или иски—какъ повѣренные настоящихъ отвѣтчиковъ. Животныя подсудимыя привлекаются къ уголовной отвѣтственности, надъ ними производится формальное слѣдствіе, они подвергаются допросу, ихъ обвиняетъ прокуроръ и защищаетъ защитникъ, они судятся и осуждаются на основаніи законовъ. Иски къ животнымъ-отвѣтчикамъ вчиняются по правиламъ гражданскаго судопроизводства: они предваряются повѣсткой, имъ представляется покончить дѣло миромъ раньше возбужденія тяжбы, съ ними входятъ въ компромиссы, дѣлаютъ предложенія, вызываютъ на уступки—словомъ, точь въ точь какъ при всякой тяжбѣ между сторонами гражданскаго процесса.

При всей абсурдности этихъ процессовъ, есть нѣчто трогательно-наивное въ этомъ третированіи животныхъ, какъ равныхъ, въ этомъ признаніи за животными, какъ за божьими созданіями, права дѣйствовать на землѣ и отвѣчать за свои дѣйствія. Они живутъ среди людей не внѣ закона, ихъ не наказываютъ по произволу и капризу, а представляютъ правосудію взыскивать съ нихъ, на основаніи законовъ и съ предоставленіемъ имъ всѣхъ законныхъ гарантій справедливаго и законнаго суда. За ними признается, наравнѣ съ людьми, право на существованіе на землѣ. Это право можетъ быть у нихъ отнято только по постановленію законной власти и только въ томъ случаѣ, если они злоупотребляютъ этимъ правомъ и причиняютъ человѣку вредъ. Они пользуются защитой законовъ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ и, въ случаѣ доказанной ихъ вины, они, подобно членамъ церкви, могутъ быть отлучаемы отъ церкви. Отлученіе животныхъ отъ церкви считалось для нихъ, какъ и для дѣйствительныхъ членовъ церкви, самымъ тяжкимъ наказаніемъ, и духовные суды рѣшались на такое наказаніе не сразу. Обвиняемое животное предварялось увѣщаніемъ отъ имени жалобщика слѣдующаго рода: «Ты—созданье Божье; какъ таковому, я обязанъ оказывать тебѣ уваженіе. Земля тебѣ дана, какъ и мнѣ; я обязанъ дать тебѣ возможность жить. Но ты вредишь мнѣ, ты присвоиваешь себѣ мою собственность, ты портишь мой виноградникъ, ты пожираешь мою жатву, ты лишаешь меня плодовъ моихъ трудовъ. Можетъ быть я заслуживаю этихъ бѣдствій, ибо я несчастный грѣшникъ. Во всякомъ случаѣ, право сильнаго—есть право несправедливое. Я докажу твою неправоту, я буду

просить у Всевышняго заступничества. Я тебѣ укажу мѣсто, гдѣ ты можешь существовать, уйди отсюда. Если же ты будешь упорствовать, то я тебя прокляну».

Въ этомъ обращеніи человѣка къ животному—болѣе трогательнаго, чѣмъ смѣшного. Трогательна эта наивная простота, съ которой, при всей ея абсурдности, выраженъ почти пантеистическій взглядъ на міръ, на природу, въ которой всѣ равноправны, отъ царя природы—человѣка до ничтожнаго насѣкомаго, желающаго тоже жить и имѣющаго тоже право на жизнь...

III.

Въ уголовныхъ процессахъ большею частью фигурируютъ слѣдующія животныя: свиньи, козлы, козы, быки, коровы, мулы, лошади, кошки, собаки и пѣтухи.

Преступленія, въ которыхъ обвиняются животныя, большею частью не самостоятельно ими совершенныя, а въ соучастіи съ человѣкомъ, который фигурируетъ, какъ главный виновникъ: волшебство, скотоложество, непотребство, святотатство и др. Приведенный Гюго въ Notre-Dame de Paris эпизодъ суда надъ Эсмеральдой и ея козой—вѣренъ исторической дѣйствительности. Но нерѣдко животныя привлекались къ судебному слѣдствію и присуждались къ наказаніямъ за преступленія, спеціально и самостоятельно ими совершенныя—за убійство или причиненіе ранъ людямъ. Почему-то свиньи наиболѣе часто встрѣчаются въ такихъ процессахъ.

Изъ содержанія и терминологіи судебныхъ протоколовъ видно, что суды направляли процессы къ самой *личности* животныхъ, разсматривая ихъ, какъ самостоятельно отвѣтственныхъ преступниковъ. Животное считается *преступнымъ*, ему приписывается *преступная воля* и оно *осуждается* во имя правосудія. Такое уголовно-правовое отношеніе къ животнымъ вполнѣ непосредственно выражается во всѣхъ источникахъ, въ особенности во французскихъ, въ которыхъ уже въ XIII ст. говорится о «faire justice des bestes»—и о «mettre à mort en maniere de justice». Въ приговорахъ указывается, что судъ опредѣляетъ наказаніе такому-то животному, злодѣю en dete station et horreur du dix cas или pour la cruauté et ferocité commise.

Уголовныя дѣла были подвѣдомственны свѣтскимъ судамъ. Процессуальныя формы, вполнѣ выработанныя лишь къ концу среднихъ вѣковъ, ни въ чемъ не отступаютъ отъ общаго порядка судопроизводства. Есть указанія, что къ животнымъ примѣнялся Божій судъ. Также примѣнялась пытка. По общему порядку, къ животному, совершившему преступленіе, предъявляется формальное обвиненіе, которое поддерживается представителемъ государственной власти. Въ случаѣ необ

ходимости принятія мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоняться отъ суда. обвиняемое животное подвергается аресту и заключается въ общую для всѣхъ преступниковъ тюрьму. Сохранился счетъ отъ 1408 года, изъ котораго видно, что на ежедневное содержаніе свиньи, арестованной по обвиненію въ убійствѣ ребенка, отпускалось столько же, сколько и для каждаго изъ заключенныхъ. Въ судебномъ засѣданіи допрашиваются свидѣтели и также подвергается допросу само подсудимое животное, которое приводится въ судъ; такъ какъ оно не отвѣчаетъ,—по крайней мѣрѣ понятнымъ для суда языкомъ,—то отвѣтомъ служатъ звуки, издаваемые животнымъ при сопровождающей допросъ пыткѣ, причемъ обыкновенно эти звуки толкуются судомъ, какъ сознаніе въ своей винѣ. Судебное слѣдствіе ведется съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, какъ при слѣдствіяхъ надъ людьми. Судъ назначаетъ обвиняемому животному защитника, выслушиваетъ его защитительные доводы, даетъ ему сроки для аппеляціи и вообще гарантируетъ обвиняемому всѣ средства защиты.

Процессъ обыкновенно кончается присужденіемъ къ смертной казни. Сохранилось указаніе, что судъ одного австрійскаго города XVII ст. приговорилъ собаку къ одиночному заключенію. Но обыкновенно осужденныя животныя приговаривались къ повѣшенію, погребенію живьемъ, убіенію камнями, сожженію или обезглавленію. Начиная съ XVII столѣтія, судъ перестаетъ опредѣлять въ приговорѣ родъ смерти, предоставляя въ этомъ отношеніи выборъ исполнительнымъ органамъ. Часто животныя передъ казнью подвергались изувѣченію—отрубленію ногъ, ушей и другихъ частей тѣла, указанныхъ въ приговорѣ. Въ послѣдній періодъ развитія процессовъ противъ животныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, изъ-за экономическихъ соображеній, суды замѣняли смертную казнь дорогихъ и полезныхъ домашнихъ животныхъ продажей ихъ на убой, съ тѣмъ, что голова убитаго животнаго должна быть выставлена на лобной площади. Такую резолюцію мы находимъ въ актахъ гентскаго суда 1578 г. относительно осужденной коровы, причемъ судъ постановилъ, чтобы половина дохода съ продажи преступнаго животнаго поступила въ пользу потерпѣвшаго, а другая половина въ городскую казну на пользу бѣдныхъ.

Приведеніе въ исполненіе приговора происходило съ соблюденіемъ тѣхъ же торжественныхъ и сложныхъ формальностей, какія предписаны при приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ преступниками людьми. Казнь происходила открыто, въ присутствіи народа, на городской площади, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—при звонѣ колоколовъ. Исполненіе всегда поручалось государственному палачу, который, въ случаѣ надобности, призывался изъ отдаленныхъ мѣстностей. Сохранились въ архивахъ счеты палачей на издержки и вознагражденіе за исполненную казнь. Осужденное животное волочили въ сопровожденіи большой

толпы къ мѣсту казни, часто оно было одѣто въ человѣческую одежду. Для повѣшенія спеціально возводилась висѣлица.

Извѣстный изслѣдователь процессовъ противъ животныхъ Berriat-Saint-Prix сообщаетъ множество процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе XIII—XVII ст. включительно и приводитъ текстъ многихъ приговоровъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ уголовныхъ процессовъ.

Въ 1268 г. въ Парижѣ была приговорена къ сожженію небольшая свинья за то, что она съѣла ребенка. Въ 1386 г. судьею въ Talaise свинья-самка была приговорена къ отрубленію ноги и головы, а затѣмъ та же свинья была повѣшена. Эти два наказанія назначены были ей въ возмездіе за учиненныя ею два преступленія: во-первыхъ, она разорвала руку и лицо ребенка, и во-вторыхъ, съѣла его. Свинья была казнена въ человѣческой одеждѣ на городской площади. Казнь стоила 10 су и 10 денье, и кромѣ того, уплачено за одну новую перчатку для палача. Въ 1313 году во Франціи разъяренный быкъ, убѣжавшій изъ стойла, прокололъ рогами встрѣтившагося ему человѣка. Карлъ графъ де-Валуа издалъ повелѣніе объ арестованіи быка и о производствѣ надъ нимъ суда. На мѣсто происшествія былъ посланъ спеціальный чиновникъ для выясненія обстоятельствъ дѣла. Собранныя свѣдѣнія и свидѣтельскія показанія были представлены въ судъ, который присудилъ быка къ повѣшенію. Казнь была совершена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ учинено быкомъ преступленіе.

10-го января 1457 года феодальный судъ въ Савиньи разбиралъ дѣло по обвиненію свиньи и шести поросятъ въ убійствѣ пятилѣтняго мальчика, Жана Мартена. Послѣ обычныхъ формальностей, судья призналъ свинью виновной и присудилъ ее къ повѣшенію за заднія ноги. Что-же касается поросятъ, то ихъ участіе въ преступленіи не могло быть установлено съ достовѣрностью, вслѣдствіе чего они были оправданы, но «à l'usance du païs de Bourgoingne» были конфискованы въ пользу суда.

Въ 1499 г. въ аббатствѣ Iosaphat было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ свиньи. Вотъ текстъ состоявшагося приговора: «Имѣя въ виду, что, по обстоятельствамъ дѣла, вытекающимъ изъ процесса, возбужденнаго прокуроромъ, аббатомъ монастыря de Iosaphat, трехмѣсячнымъ поросенкомъ причинена смерть ребенку, по имени Gilon, имѣвшему отъ роду полтора года; принимая во вниманіе данныя слѣдствія, произведеннаго прокуроромъ; усмотрѣвъ и выслушавъ все, что касается указаннаго поросенка и обстоятельствъ дѣла,—мы присудили его къ казни чрезъ повѣшеніе. Изложенное дано, съ приложеніемъ малой печати уголовныхъ дѣлъ, 19 апрѣля 1499 г.». Въ дѣлѣ также имѣется протоколъ объявленія приговора свиньѣ предъ исполненіемъ казни.

15-го марта 1403 г. мантскій судья присудилъ къ смертной казни свинью, съѣвшую ребенка. Вотъ счетъ расходовъ по исполненію казни:

израсходовано: 1) на содержаніе свиньи въ заключеніи—6 су парижскихъ; 2) на вознагражденіе палача, прибывшаго изъ Парижа для этой казни по распоряженію и по приказу судьи и королевскаго прокурора—54 су парижскихъ; 3) за телѣгу, на которой «*ее*» вели къ казни—6 су; 4) за веревку, которой «*ее*» связали—2 су и 8 денье. Всего—68 су и 8 денье.

Въ 1474 г. въ городѣ Базелѣ осужденъ на сожженіе пѣтухъ, который снесъ яйцо и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе, что онъ вошелъ въ связь съ дьяволомъ. Яйцо тоже было сожжено.

Въ 1565 г. одинъ мулъ былъ осужденъ къ сожженію, вмѣстѣ съ его хозяиномъ, за преступленіе cujus ipso nominatio crimen est—какъ говоритъ хроникеръ этого процесса. Mulus erat vitiosus et calcitrosus, добавляетъ хроникеръ. Ему сначала отрубили всѣ четыре ноги, а затѣмъ бросили его въ огонь, вмѣстѣ съ его хозяиномъ.

Наконецъ, упомянемъ о процессѣ, имѣвшемъ мѣсто во Франціи всего лѣтъ двѣсти съ лишнимъ тому назадъ—въ 1750 г. Обвинялась ослица въ безнравственныхъ поступкахъ. Она была оправдана судомъ, благодаря заступничеству мѣстнаго священника, который письменно удостовѣрилъ нравственность этой ослицы.

IV.

Отъ уголовныхъ процессовъ, которые обыкновенно возбуждались противъ домашнихъ животныхъ и имѣли дѣло съ какимъ-либо опредѣленнымъ отдѣльнымъ животнымъ, учинившимъ опредѣленное злодѣяніе, слѣдуетъ отличать другіе процессы, съ характеромъ скорѣе гражданскаго иска, которые направлялись противъ цѣлыхъ массъ животныхъ, относящихся къ числу такъ-называемыхъ нечистыхъ: противъ мышей, крысъ, кротовъ, гусеницъ, разныхъ насѣкомыхъ, змѣй, піявокъ и т. п. Въ Канадѣ процессы также возбуждались противъ аистовъ, въ Германіи противъ воробьевъ, на берегу Женевскаго озера противъ угрей. Во всѣхъ этихъ процессахъ дѣло шло объ огражденіи почвы, рѣки или озера отъ нашествія этихъ вредныхъ животныхъ, о предохраненіи полей и виноградниковъ отъ ихъ хищничества или объ отвращеніи другого какого-либо вреда, ими причиняемаго жителямъ. Тутъ дѣло шло не о мести или репрессіи правосудія, а о мѣрѣ общественной безопасности.

Главная особенность этихъ процессовъ заключалась въ томъ, что животныя являлись равноправною стороною и выступали въ процессѣ, какъ настоящіе отвѣтчики. Обвинителемъ или истцомъ является собственникъ земли или воды, которой наносится ущербъ; большею частью обвиненіе ведется отъ имени всей общины. Процессъ распадается обыкновенно на два фазиса, которые, однако, внѣшнимъ образомъ не всегда

были строго раздѣлены. Въ первомъ фазисѣ дѣло разсматривается по существу и предлагается къ разрѣшенію вопросъ объ удаленіи отвѣтчиковъ-животныхъ изъ страны, причемъ стороны, каждая въ свою пользу, приводятъ возраженія и доводы за и противъ изгнанія. Если вопросъ рѣшенъ утвердительно, то къ резолюціи можетъ быть еще присоединена угроза проклинанія или отлученія. Второй фазисъ наступаетъ тогда, когда отвѣтчики отказываются повиноваться рѣшенію суда и не удаляются изъ страны и тогда возникаетъ споръ о примѣненіи къ нимъ проклинанія или отлученія. И въ этомъ спорѣ сторонамъ предоставляется приводить доводы и возраженія pro и contra. Обѣ части процесса ведутся большею частью, по общему правилу, духовными судьями, епископальной куріею или ея делегатами, но иногда первая часть процесса поручается свѣтскому судьѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весь процессъ—какъ въ первомъ, такъ и во второмъ фазисѣ—поручался не духовнымъ судьямъ, а выбранному народомъ adjurator'у.

Процессъ начинается подачей «Supplicatio» или «requesta» обвиняющей стороны. Судъ тогда назначаетъ отвѣтчику-животнымъ procurator'a, т. е. адвоката, который долженъ отвѣчать отъ имени животныхъ на предъявленное къ послѣднимъ обвиненіе. По другой системѣ судопроизводства, которая относится къ болѣе старинной эпохѣ, животнымъ не назначается защитникъ, но зато сами обвиняемыя животныя, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, должны явиться къ мѣсту суда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Лозанской эпархіи примѣнялась еще третья система—условное назначеніе защитника животнымъ. Именно, на основаніи жалобы потерпѣвшей стороны епископскій оффиціалъ издавалъ приказъ, въ которомъ животнымъ повелѣвалось подъ угрозою maledictio удалиться изъ страны, причемъ прибавлялось, что если кто-либо не согласенъ съ этимъ распоряженіемъ, то онъ можетъ назначить обвиняемымъ куратора или защитника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внушалось животнымъ, подъ угрозою отлученія, чтобы они въ теченіе разбирательства дѣла удержались отъ дальнѣйшаго размноженія.

Эти тяжбы съ животными велись съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, установленныхъ правилами судопроизводства, съ представленіемъ массы письменныхъ документовъ, объяснительныхъ и дополнительныхъ доводовъ, возраженій, отводовъ, съ предоставленіемъ сторонамъ многочисленныхъ сроковъ и съ тою же волокитой, которою отличалось вообще судопроизводство того времени. Эти тяжбы тянулись очень долго, иногда цѣлые годы.

Процессы обыкновенно кончались рѣшеніемъ, постановлявшимъ объ изгнаніи отвѣтчиковъ изъ страны. Приговоръ приводился въ исполненіе не сейчасъ. Обыкновенно животнымъ-отвѣтчикамъ давался опредѣленный срокъ, во время котораго они могли собраться въ дорогу. Часто имъ

давалось на это время обѣщаніе свободнаго прохода. Иногда изгнаніе превращалось въ ссылку. Мѣсто ссылки иногда было неопредѣленное: ставилось только условіемъ, чтобы животныя въ этомъ новомъ мѣстѣ никому не могли вредить. Иногда же это мѣсто обозначалось въ приговорѣ: животныхъ ссылали «въ море» или «на удаленный островъ», часто имъ отводился даже принадлежащій общинѣ участокъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они щадили остальную часть принадлежащей общинѣ земли. Послѣднее иногда являлось слѣдствіемъ уступокъ, которыя обвинители должны были дѣлать оффиціальному защитнику. Все это закрѣплялось въ видѣ договора. Множество условій и договорныхъ пунктовъ, которые регулировали подробности этихъ уступокъ, показываетъ, насколько серьезно люди относились тогда къ этому договору съ животными.

Сохранились подлинные акты процессовъ противъ насѣкомыхъ, шпанскихъ мухъ, гусеницъ, полевыхъ мышей, кротовъ и др. Сохранился также текстъ преній сторонъ. Знаменитый юристъ XV—XVI ст. Barthelemy Chassancé обязанъ началомъ своей репутаціи одному процессу, въ которомъ онъ пледировалъ за крысъ. Онъ же составилъ цѣлую книгу съ подробнымъ изложеніемъ процессуальныхъ правилъ по процессамъ противъ животныхъ, въ видѣ руководства для юристовъ по этого рода дѣламъ. Сохранились также судебные приговоры, заключающіе въ себѣ большею частью изгнаніе осужденныхъ и также,—въ случаѣ ихъ неповиновенія,—отлученіе ихъ отъ церкви.

Теологъ XV ст. Felix Hemmerleur, извѣстный подъ именемъ Malleolus, разсказываетъ, что однажды въ окрестностяхъ Coire въ электоратѣ Mayence случилось вторженіе бѣлыхъ червей, которые стали опустошать мѣстность. Жители подали на этихъ насѣкомыхъ жалобу въ судъ. Бѣлые черви, конечно, не прислали на эту жалобу никакого возраженія. Тогда судъ, выждавъ опредѣленный срокъ, далъ ходъ дѣлу и назначилъ отвѣтчикамъ адвоката. По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, судъ, признавъ, что «указанные черви—созданія Бога, что они имѣютъ право жить, что было бы несправедливо лишать ихъ возможности существованія, опредѣлилъ: назначить имъ мѣстожительствомъ лѣсистую и дикую мѣстность, дабы они отнынѣ могли жить, не причиняя вреда обрабатываемымъ полямъ».

Тотъ же авторъ разсказываетъ о другомъ подобномъ же процессѣ, возбужденномъ жителями Coire противъ шпанскихъ мухъ. Судья прежде всего, въ виду того, *что обвиняемыя (мушки)—маленькія и, слѣдовательно, по его мнѣнію, малолѣтнія*, назначилъ имъ опекуна и также защитника, который такъ хорошо защищалъ своихъ малолѣтнихъ кліентовъ, что ему удалось добиться, чтобы изгнавъ ихъ изъ страны, имъ все-таки была отведена территорія, гдѣ онѣ могли бы поселиться и существовать. «И теперь еще,—добавляетъ этотъ писатель XV ст.,—

жители Coire каждый годъ возобновляютъ контрактъ съ указанными мушками, по которому предоставляютъ этимъ насѣкомымъ извѣстное пространство, а эти послѣднія обязуются не выходить за условленныя предѣлы, и обѣ стороны свято соблюдаютъ это миролюбивое соглашеніе».

Въ 1522—1530 г. г. въ епископствѣ Отенскомъ (d'Autun) страшно размножились мыши и до того опустошили поля, что жители стали опасаться голода. Они обратились съ просьбою къ оффиціалу (духовный судъ), чтобы онъ совершилъ экскомуникацію мышей. Вслѣдствіе этого подана была формальная жалоба противъ мышей. Онѣ были приглашены явиться въ судъ. Такъ какъ онѣ не явились, то неявка была обращена противъ нихъ и обвинитель потребовалъ приступить къ окончательному рѣшенію дѣла. Судъ назначилъ отвѣтчикамъ-мышамъ оффиціальнаго защитника въ лицѣ вышеупомянутаго знаменитаго адвоката Barthélemy Chassancé. Защитникъ прежде всего заявилъ, что его кліенты не были, какъ слѣдуетъ, оповѣщены о явкѣ въ судъ, ибо многіе изъ нихъ находились въ полѣ, и что, вообще, одного оповѣщенія недостаточно, чтобы поставить въ извѣстность всѣхъ его кліентовъ, которые многочисленны и разсѣяны по большому числу деревень. Этими доводами онъ добился второго оповѣщенія, которое было сдѣлано чрезъ публикацію съ кафедры каждаго прихода. Конечно, это оповѣщеніе было не болѣе успѣшно, чѣмъ первое. Чтобы опять представить извинительныя причины неявки своихъ кліентовъ, защитникъ указалъ на продолжительность и трудность пути, на опасности, которыя сопряжены для мышей во время ихъ путешествія со стороны ихъ смертельныхъ враговъ—кошекъ, которыя, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, стерегутъ ихъ на всѣхъ путяхъ и т. д. Послѣ того, какъ онъ истощилъ всѣ доводы, чтобы добиться отсрочки, онъ обратился къ соображеніямъ гуманности и справедливости и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ эти общія проскрипціи, которыя поражаютъ массами семьи, которыя заставляютъ дѣтей нести наказанія за преступленія ихъ родителей, которыя караютъ всѣхъ безъ различія пола и возраста—также тѣхъ, которые по своему нѣжному возрасту или по дряхлости равно неспособны къ преступленію».

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло. Извѣстно только, что этотъ процессъ, какъ выше упомянуто, послужилъ началомъ репутаціи адвоката мышей Chassancé, который пріобрѣлъ, благодаря своей искусной защитѣ, большую извѣстность и впослѣдствіи достигъ первыхъ ступеней въ магистратурѣ.

Въ 1690 году гусеницы опустошали окрестности Пондюшато въ Оверни. Чтобы освободиться отъ этого бича, жители этого города обратились къ клермонскому епископу съ просьбою назначить этимъ тварямъ представителя и, servato juris ordine, присудить эти существа къ изгна-

нію изъ этихъ мѣстъ, въ которыя они забрались съ такою неслыханною дерзостью. Епископъ, однако, не счелъ возможнымъ удовлетворить немедленно просьбу жителей и ограничился назначеніемъ общественныхъ молитвъ. Ожесточенный народъ рѣшилъ тогда обратиться къ судьѣ. Послѣдній назначилъ гусеницамъ представителя и дѣло началось. По выслушаніи обѣихъ сторонъ, судъ рѣшилъ, что животныя обязаны оставить обрабатываемыя поля, обозначенныя въ прошеніи жителей, и поселиться въ предоставленномъ имъ участкѣ земли, гдѣ онѣ отнынѣ могутъ безпрепятственно жить.

Въ маѣ 1479 года мудрый городъ Бернъ по совѣту своихъ священниковъ поручилъ городскому писцу Thuring'у Tricker'у, доктору правъ, призвать вредныхъ и хищныхъ гусеницъ, жучковъ и червей предъ лозанскій духовный судъ. Съ соизволенія лозанскаго епископа обвиняемымъ животнымъ былъ назначенъ адвокатъ въ лицѣ Perrodetus'а, изъ Фрейбурга. Духовный судъ выслушалъ обѣ партіи и по совершеніи всѣхъ обычныхъ формальностей, взвѣсивши всѣ доводы истцовъ и отвѣтчиковъ, произнесъ слѣдующій приговоръ: «По совѣту ученыхъ, мы разсудили въ этомъ дѣлѣ, что жалоба на вредныхъ животныхъ, пожирающихъ траву, зерно и другія вещи, основательна, мы обвиняемъ ихъ поэтому въ лицѣ ихъ защитника Іоанна Перродети, проклинаемъ ихъ и повелѣваемъ имъ именемъ Бога Отца, Сына и Св. Духа немедленно оставить поля, сѣмена, зерна и проч.»...

Въ царствованіе Франциска I, во Франціи, Жанъ Мило, чиновникъ Труа въ Компьенѣ, постановилъ 9 іюня 1566 года слѣдующаго содержанія рѣшеніе противъ гусеницъ: выслушавши стороны и признавая справедливою жалобу жителей Виленоса, предлагаемъ гусеницѣ удалиться въ теченіе шести дней, въ случаѣ же неисполненія сего объявляемъ ее проклятою и отлученною отъ церкви.

Въ 1590 г. въ кантонѣ Auvergne судились гусеницы за истребленіе полей. Онѣ тоже были присуждены къ изгнанію, причемъ имъ назначили для мѣстожительства опредѣленное мѣсто. Это назначеніе мѣстожительства повторяется во всѣхъ рѣшеніяхъ по подобнымъ процессамъ, причемъ осужденные, какъ видно изъ актовъ, или повинуются судебному рѣшенію и удаляются въ назначенное имъ мѣсто, или же, отлученные отъ церкви за неповиновеніе, неизвѣстно куда исчезаютъ. Иногда они уступали безъ суда. Такъ, въ XVI ст., какъ разсказываетъ Malleolus, появилось на береговой полосѣ одной мѣстности множество крысъ. Былъ назначенъ надъ ними судъ. Но раньше, чѣмъ судъ дошелъ до приговора, епископъ, съ сопровожденіи всего духовенства, поднялся на самую вершину сосѣдней горы и оттуда предъявилъ крысамъ требованіе, чтобы онѣ удалились изъ этой мѣстности. И что-же? Крысы послушно вылѣзли изъ всѣхъ норъ и, пустившись вплавь, переплыли часть моря, отдѣляв-

шую берегъ отъ маленькаго пустыннаго острова, гдѣ онѣ и водворились на жительство.

V.

Для характеристики этихъ процессовъ приведемъ подробное сообщеніе объ одномъ такомъ процессѣ, извлеченное нами изъ статьи Ménabréa «De l'origine de la forme et de l'esprit des jugements rendus au moyen age contre les animaux» (помѣщенной въ Memoires de la Societé royale de Savoie, XII, 1826 г.

Близъ большой дороги, ведущей черезъ Монъ-Сенисъ, недалеко отъ города Ст. Жанъ де Моріенъ, бывшаго прежде резиденціей епископа, находится община Сенъ-Жульенъ, виноградники которой самымъ благопріятнымъ образомъ расположены на склонѣ высокой горы, доступномъ благодѣтельному вліянію солнечныхъ лучей. Эта община славилась поэтому во всей окрестности производимымъ тамъ прекраснымъ виномъ. Но отъ времени до времени эти виноградники подвергались опустошенію со стороны зеленаго жучка, называющагося въ наукѣ Rhynchites auratus и котораго народъ называетъ во Франціи amblevin или verpillon.

Уже въ 1515 г. жители Сенъ-Жульена обратились къ доктору правъ Франсуа Бонивару съ просьбою о защитѣ ихъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Представителемъ послѣднихъ былъ назначенъ прокуроръ Пьеръ Фалкона. Такъ какъ старанія Бонивара покончить дѣло мирнымъ соглашеніемъ не привели ни къ чему, то синдики Санъ-Жульена обратились за помощью къ генеральному викарію въ Ст. Жанъ де Моріенѣ который посовѣтывалъ прибѣгнуть къ молитвамъ и другимъ религіознымъ актамъ. Въ 1587 году виноградники Сенъ-Жульена подверглись новому вторженію Rhynchites, и жители возбудили новый процессъ, акты котораго сохранились въ сенъ-жульенскомъ архивѣ подъ обозначеніемъ: De actis Scindicorum communitatis Sancti Iulliani agentium contra Animalia bruta ad formam muscarum volantia coloris viridis, communi voce apellata Verpillons seu Amplevins.

Процессъ начался прошеніемъ, поданнымъ сенъ-жульенскими синдиками генеральному викарію. Въ этомъ прошеніи яркими красками рисуется тяжелое положеніе владѣльцевъ опустошенныхъ виноградниковъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, увѣряютъ просители, въ странѣ появилось такое ужасное множество этихъ насѣкомыхъ, что продукты виноградниковъ совершенно исчезаютъ. Эти насѣкомыя наносятъ страшный вредъ, пожирая самыя дорогія надежды земледѣльцевъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ Провидѣніе, внявши горячимъ мольбамъ бѣдныхъ обитателей, положило конецъ безпорядочному бѣшенству, inordinato furori этихъ вредоносныхъ существъ, но теперь эти страшныя массы дѣйствуютъ, повидимому, съ удвоенною силою, желая разрушить положительно все.

Соображая, что если людскіе грѣхи могутъ быть причиной подобнаго несчастія, то лишь земные представители Спасителя знаютъ средства, которыми можно отклонить гнѣвъ Божій,—сенъ-жульенскіе синдики въ заключеніе просятъ генеральнаго викарія возбудить снова старый процессъ 1545 года, или же въ случаѣ надобности дѣйствовать ex integro, назначить насѣкомымъ новаго представителя на мѣсто стараго, умершаго, и выбрать коммиссара для осмотра виноградниковъ съ тѣмъ, чтобы этотъ осмотръ былъ произведенъ въ присутствіи противной стороны, если послѣдняя будетъ настаивать на этомъ, и приступить послѣ всего этого къ изгнанію животныхъ экскоммуникаціею или интердиктомъ, или какимъ-нибудь другимъ духовнымъ средствомъ. Синдики объявляютъ, что община готова уступить изгнаннымъ животнымъ на вѣчныя времена участокъ земли, на которомъ эти твари могутъ найти достаточный кормъ.

Это прошеніе, подписанное синдикомъ Franciscus Facti, было передано викарію 13 апрѣля и въ тотъ же день сосиндикъ Франсуа Амене выбралъ прокурора въ лицѣ Peiremand'a Bertrand'a, одного изъ прокуроровъ моріеннскаго суда, causidicus in curiis ipsius civitatis.

16 мая Франсуа Амене, сопровождаемый Петрманомъ Бертраномъ, снова явился къ генеральному викарію и оффиціалу и представилъ вторично упомянутое выше прошеніе, затѣмъ передалъ документы о выборѣ и утвержденіи прокурора и акты процесса 1545 года. Пересмотрѣвши все это, оффиціалъ, принимая во вниманіе, что отвѣтчики не могутъ остаться безъ защиты, ne indefensa remaneant, назначилъ égrège Антуана Филіола и Пьера Ромбо представителями насѣкомыхъ, съ умѣреннымъ вознагражденіемъ за ихъ труды. Вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціалъ поручилъ сенъ-жульенскому кюре, или его викарію, привести въ исполненіе распоряженіе, данное 8-го мая 1546 г. генеральнымъ викаріемъ для защиты отъ появившихся тогда насѣкомыхъ.

Это распоряженіе заключалось въ слѣдующемъ: Заставить народъ, обратившись къ Богу всѣмъ сердцемъ, ex toto et puro corde, исповѣдоваться въ совершенныхъ грѣхахъ, выказавъ отвращеніе къ нимъ, и проникнуться искреннимъ раскаяніемъ и твердымъ рѣшеніемъ шествовать отнынѣ по пути справедливости и милосердія; побудить народъ къ платежу десятины; организовать въ теченіе трехъ дней три процессіи вокругъ опустошаемыхъ виноградниковъ, служить передъ или послѣ каждой процессіи большой молебенъ съ пѣньемъ Veni Creator Spiritus и стихи Emitte Spiritum tuum et creabuntur и Deus qui corda fidelium. Первый молебенъ долженъ быть отслуженъ въ честь Св. Духа,—второй въ честь Св. Дѣвы Маріи и третій въ честь сенъ-жульенскаго патрона. При этомъ должны присутствовать, по крайней мѣрѣ, по два человѣка изъ каждаго семейства.

20, 21 и 22-го мая предписанные религіозные акты были выполнены деревенскимъ кюре, составившимъ объ этомъ протоколъ, который онъ и подписалъ своимъ именемъ Romanet.

30-го мая обѣ стороны снова являются къ оффиціалу; представители общины приносятъ упомянутый протоколъ и всѣ акты предыдущаго процесса; представители насѣкомыхъ желаютъ познакомиться съ этими актами, и дѣло отлагается на 6 іюня.

Въ этотъ день защитникъ животныхъ, Антуанъ Филіонъ, доставляетъ меморандумъ въ защиту своихъ кліентовъ. Въ своей защитѣ адвокатъ, напомнивъ о стадіяхъ предыдущаго процесса, и резюмировавъ доводы, указанные его предшественникомъ Клодомъ Мореномъ, выражаетъ свое удивленіе по поводу страннаго образа дѣйствія и странныхъ мѣръ, примѣняемыхъ по отношенію къ его кліентамъ. Прежде всего, говоритъ онъ, здравый смыслъ учитъ насъ, что такія животныя, какъ amblevins, не могутъ быть формально приглашены къ суду и что ихъ не можетъ постичь какая-бы то ни было дисциплинарная кара. Не учитъ-ли насъ, говоритъ онъ, Бытіе, эта священная книга, что животныя были созданы раньше человѣка? Producat terra animam viventem in genere suo, jumenta et reptilia et bestias terræ secundum species suas, т. е. да произведетъ земля живыхъ тварей разныхъ породъ: четвероногихъ, пресмыкающихся и всякихъ животныхъ по родамъ. И въ другомъ мѣстѣ: Benedixitque illis Deus et ait: crescite et multiplicamini et replete aquas maris, avesque multiplicentur super terram, т. е. Богъ благословилъ ихъ, говоря: «ростите и умножайтесь, и наполняйте воды морскія и да распространятся птицы въ изобиліи по поверхности земли». Творецъ вселенной, конечно, не сказалъ-бы этого, если-бы онъ не желалъ давать животнымъ средства къ существованію. Но изъ священныхъ книгъ ясно можно доказать, что растенія служатъ пищей точно также животнымъ, какъ и человѣку. «Ecce dedi vobis omnem herbam ut sit vobis in escam et cunctis animantibus terre»: «Вотъ Я передалъ вамъ растенія земныя, да послужатъ они вамъ пищей и кормомъ животнымъ». Изъ этого слѣдуетъ, что насѣкомыя, о которыхъ идётъ рѣчь, воспользовались лишь своимъ законнымъ правомъ, поселившись на виноградникахъ просителей. Но кромѣ того, было-бы неосновательно, неразумно и безсмысленно призывать противъ этихъ бѣдныхъ тварей гражданскіе и церковные законы, божественное и человѣческое право: какъ будто эти существа, лишенныя разума, руководимыя однимъ лишь инстинктомъ, могутъ чувствовать какое либо давленіе, не вытекающее непосредственно изъ законовъ природы. Очевидно, стало быть, что сюда неприложимы какія-бы то ни было церковныя мѣры. Напрасно станутъ возражать, что Провидѣніе подчинило животныхъ человѣку и связало ихъ его властью, напрасно станутъ приводить слова изъ Экклезіаста: «Posuit timorem illius super

omnem carnem... et bestiarum et volatilium» т. е. «Онъ вселилъ страхъ предъ человѣкомъ во всемъ живомъ, въ животныхъ, ходящихъ по землѣ и летающихъ по небу», напрасно станутъ также приводить изрѣченіе: qui seminat, metet, т. е. «тотъ, кто сѣетъ, долженъ пожинать», или мѣсто изъ Исая: «Plantate vineas et comedite fructus», т. е. «насаждайте виноградники и ѣшьте ихъ плоды»,—ибо эти тексты, какъ-бы достохвальны они ни были, не относятся вовсе къ данному вопросу: животныя, которыхъ желаютъ осудить, воспользовались лишь предоставленнымъ имъ правомъ, они придерживались естественныхъ законовъ. Просители поступили-бы несравнено лучше, если-бы они, вмѣсто того, чтобы возбуждать несправедливый процесъ, обратились къ небесному милосердію и слѣдовали-бы примѣру ниневитянъ, внявшихъ голосу пророка Іоны и вернувшихся въ искреннемъ раскаяніи къ Богу. Въ заключеніе Антуанъ Филіонъ, защитникъ насѣкомыхъ, проситъ, чтобы были отмѣнены распоряженія, выпрошенныя противною стороною, и чтобы всякая дальнѣйшая попытка истреблять насѣкомыхъ религіозными церемоніями была объявлена безполезною и незаконною.

Послѣ представленія этого меморандума дѣло откладывалось нѣсколько разъ на 12-е, 19-е, 26-е іюня и, наконецъ, на 4-е іюля. За это время Франсуа Фай, адвокатъ сенъ-жульенскихъ синдиковъ, составилъ новую записку, въ которой онъ старается доказать доводами разума и цитатами изъ библіи и каноническаго права, что животныя созданы только для человѣка съ цѣлью быть ему полезными. «И такъ какъ, говоритъ онъ, это положеніе ясно выведено и достаточно доказано нашими предками въ актахъ первоначальнаго процесса, cum circa hanc materiam majores nostri satis scripserint, и такъ какъ противная партія не возразила ничего новаго, то мы ограничиваемся тѣмъ, что обращаемъ вниманіе на доводы, изложенные въ то время почтеннымъ Дюколемъ, и просимъ слѣдовать его заключеніямъ».

4-го іюля Антуанъ Филіолъ, представитель насѣкомыхъ, представилъ новый меморандумъ въ отвѣтъ на записку истцовъ. Этотъ второй меморандумъ, также редижированный Пьеромъ Рамбо, другимъ адвокатомъ насѣкомыхъ, представляетъ въ сущности лишь варіантъ перваго. Въ немъ юрисконсультъ замѣчаетъ, что изъ утвержденій многихъ авторитетовъ, по которымъ человѣкъ созданъ для управленія животными, еще не слѣдуетъ возможность примѣненія экскоммуникаціи и интердикта по отношенію къ этимъ животнымъ, что единственный законъ, управляющій дикими существами, есть законъ природы, вытекающій изъ вѣчнаго разума, настолько неизмѣнный, какъ и божественные законы. Очевидно поэтому, заключаетъ адвокатъ, что просителямъ слѣдуетъ отказать во всѣхъ пунктахъ, и такъ какъ записка, которую подалъ Франсуа Фай, фактически и юридически не содержитъ ничего такого, на что стоило-

бы отвѣчать, то защитники настаиваютъ на своихъ прежнихъ заключеніяхъ и просятъ опредѣленнаго рѣшенія.

18-го Іюля обѣ партіи являются къ оффиціалу де-Моріена. Представитель насѣкомыхъ энергично требуетъ, чтобы затягиванію процесса со стороны сенъ-жульенскихъ синдикатовъ былъ положенъ конецъ, представляя на видъ, что дѣло уже достатно выяснено и что назначеніе дальнѣйшихъ сроковъ не приведетъ ни къ чему. Петраманъ Бертранъ добился, однако, новой отсрочки.

Сенъ-жульенскіе синдики, должно быть, не особенно крѣпко вѣрили въ правоту своего дѣла, ибо они сочли нужнымъ выдвинуть на первый планъ предложеніе, сдѣланное ими въ началѣ процесса лишь мимоходомъ. Съ этой цѣлью они созвали общее собраніе всѣхъ жителей общины подъ предсѣдательствомъ вице-кастеляна Жана Депюпе, которое должно было заняться планомъ реализаціи сдѣланнаго синдикомъ предложенія относительно уступки насѣкомымъ участка земли. Послѣ воскресной обѣдни были сдѣланы обычныя провозглашенія и послѣ обѣда колоколъ созвалъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ къ Parloir d'Amont, публичной площади Сенъ-Жульена. Здѣсь синдики объявили, что «au proces par eulx intenté contre les animauls brutes vulgairement nommés amblevins est requis et nécessayre suyvant le conseil a eulx donné par le sieur Fay leur advocat de bailler aux dicts animaulx place et lieu de souffizante pasture horis les vignobles de St.-Julieu et de celle qu'ilz en puissent vivre pour eviter de manger nygaster les dictes vignes. Послѣ того, какъ всѣ присутствовавшіе высказались относительно этого предложенія, оказалось, что всѣ были согласны съ планомъ уступки насѣкомымъ участка земли, расположеннаго надъ деревнею Claret въ мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ la Grand' Feisse и содержащаго около пятидесяти sélérées «et de laqelle les sieurs advocat et procureur d'ieculx animaulx se veuillent comptenter. ..; la dicte pièce de terre peuplée de plusieurs espesses de bois, plantes et feuillages, comme foulx, allagniers, cyrissiers, chesnes, planes arbessiers et auttres abres et buissons, auttre l'erbe et pasture qui y est en asses bonne quantite. . . . .», (которымъ господинъ прокуроръ и господинъ адвокатъ этихъ животныхъ будутъ довольны... Этотъ участокъ земли заключаетъ въ себѣ различныя породы лѣса, растеній и листвы, такъ, между прочими—дубъ, вишня и другія деревья и кустарники, не считая находящейся въ достачномъ количествѣ травы и другого пастбища...). Дѣлая это предложеніе, жители Сенъ-Жульена сочли, однако, нужнымъ выговорить себѣ право прохода по указанному участку, — безъ нанесенія, однако, ущерба пищѣ насѣкомыхъ,—какъ для достиженія болѣе удаленныхъ участковъ земли, такъ и для разработки залежей охры, расположенныхъ недалеко отъ уступленнаго участка. Далѣе, такъ какъ это

мѣсто представляло единственно надежное убѣжище въ окрестностяхъ, то жители Сенъ-Жульена желали сохранить за собою право укрыться туда въ случаѣ войны. На этихъ условіяхъ они выразили свою готовность составить контрактъ въ пользу насѣкомыхъ «en bonne forme et vallable à perpetuyté».

24-го іюля Петрманъ Бертранъ, повѣренный жителей, обратился къ оффиціалу съ сообщеніемъ рѣшенія, принятаго собраніемъ сенъ-жульенскихъ жителей, и просилъ заставить защитниковъ насѣкомыхъ, въ случаѣ если предложеніе сенъ-жульенскаго собранія будетъ принято ими, объявить отъ имени своихъ кліентовъ, что послѣднія обязываются оставить навсегда сенъ-жульенскіе виноградники. Антуанъ Филіолъ вытребовалъ копію упомянутаго рѣшенія и попросилъ дать ему время для размышленія. Сообразно этому, дѣло было отложено на 11-е августа. Но случившійся въ это время переходъ войскъ Савойскаго герцога Карла Эммануила I по Монъ-Сенисской дорогѣ замедлилъ ходъ процесса, такъ что продолженіе разбирательства могло лишь начаться 3 сентября.

Въ этотъ день Антуанъ Филіолъ, прокуроръ насѣкомыхъ, объявилъ, что онъ не желаетъ, именемъ своихъ кліентовъ, принять участка, предложеннаго сенъ-жульенскими жителями, такъ какъ этотъ участокъ земли совершенно безплоденъ и не производитъ абсолютно ничего, cum sit locus sterilis et nullius redditus. Съ другой стороны, Петрманъ Бертранъ возразилъ, что участокъ, о которомъ идетъ рѣчь, изобилуетъ кустарниками и деревцами, весьма пригодными для питанія обвиняемыхъ насѣкомыхъ, какъ это видно изъ протокола сенъ-жульенскаго собранія, представленнаго суду. Въ случаѣ надобности Бертранъ изъявилъ свою готовность представить еще болѣе вѣскія доказательства пригодности уступаемой земли.

Часть листа, на которомъ изложенъ приговоръ духовнаго суда, къ сожалѣнію, стала добычею времени. Мы не знаемъ времени провозглашенія приговора, и до насъ дошелъ лишь отрывокъ рѣшенія. Но изъ этого отрывка видно, что оффиціалъ, передъ произнесеніемъ приговора, назначилъ экспертовъ для изслѣдованія состоянія упомянутаго участка.

Это изслѣдованіе было, безъ сомнѣнія, произведено, ибо на краю листа, содержащаго изложеніе приговора, мы читаемъ: «pro visitatione III florenos, т. е. посѣщеніе экспертовъ стоило три флорина. Еще ниже сдѣлана замѣтка отъ 20-го декабря 1587 г., изъ которой видно, что сенъ-жульенскіе синдики выдали на этотъ знаменитый процессъ, pro processe animalium, 16 флориновъ, не считая 3-хъ флориновъ, израсходованныхъ въ пользу генеральнаго викарія и оффиціала Ст. Жанъ-де-Моріенна, pro sportulis domini Vicarii III florenos.

Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, продожали-ли послѣ этого процессъ и произнесъ-ли оффиціалъ окончательный приговоръ.

VI.

Насколько эти тяжбы съ животными были часты и представляли серьезный юридическій интересъ, видно изъ того, что нѣкоторые юристы считали нужнымъ составлять руководства по этого рода процессамъ, съ подробнымъ изложеніемъ процессуальныхъ правилъ и указаній судебной практики. Выше мы уже упомянули о такомъ руководствѣ, составленномъ знаменитымъ адвокатомъ по процессамъ противъ животныхъ Barthélemy Chassanée. Въ 1668 г. была издана другая такая-же книга, подъ заглавіемъ «Traité des Monitaires, avec un plaidoyer contre les insectes par spectable *Gaspard Bally*, advocat au souverain Senat de Savoye». Этотъ Гаспаръ Балли былъ адвокатомъ въ Шамбери во второй половинѣ XVII ст. и получилъ значительную извѣстность, какъ опытный юристъ по процессамъ противъ животныхъ. Ménabréa приводитъ въ приложеніи къ своей статьѣ почти всю вторую половину книги Балли, ставшей величайшей библіографической рѣдкостью. Приводимъ оттуда образцы защитительныхъ рѣчей, составленные Балли въ руководство, какъ для истцовъ—представителей жителей опустошаемыхъ мѣстностей, такъ и для отвѣтчиковъ—представителей обвиняемыхъ животныхъ. Эти рѣчи представляютъ любопытный образчикъ старофранцузскаго адвокатскаго краснорѣчія.

Рѣчь представителя жителей.

Господа! Эти бѣдные жители, стоящіе предъ вами со слезами на глазахъ, прибѣгаютъ къ вашему правосудію, подобно тому, какъ это сдѣлали въ древности жители острововъ Маіорки и Минорки, пославшіе къ Августу Цезарю просить солдатъ, которые защитили-бы ихъ отъ массы кроликовъ, опустошавшихъ ихъ поля. Вы имѣете лучшее оружіе, чѣмъ солдаты этого императора, и вы болѣе въ состояніи предохранить этихъ бѣдныхъ людей отъ голода и нужды, которою имъ угрожаютъ опустошенія, производимыя этими животными, не щадящими ни зерна, ни виноградниковъ. Имъ угрожаетъ несчастіе, подобное тому опустошенію, которое было произведено кабаномъ, испортившимъ поля, виноградники и лѣса королевства Калидонскаго, и о которомъ упоминается въ Иліадѣ Гомера, или опустошенію, произведенному лисицей, посланной Ѳемидой въ Ѳивы и не щадившей ни плодовъ полевыхъ, ни домашнихъ животныхъ, ни даже самихъ крестьянъ. Вамъ знакомо все зло, которое приноситъ въ страну голодъ, ваша доброта и справедливость не допустятъ, чтобы жители были вынуждены предаться незаконнымъ и жестокимъ поступкамъ, nec enim rationem patitur, nec ulla æquitate mitigatur: nec prece ulla flectitur esuriens populus. Свидѣтельницами этихъ бѣдствій могутъ служить матери, о которыхъ рѣчь идетъ въ четвертой

книгѣ Королей и которыя съѣдали дѣтей одна у другой. Голодная смерть есть самый ужасный родъ смерти, ибо ей предшествуютъ мученія и слабости сердца, являющіяся новыми источниками страданій и смерти.

Dura quidem miseris mors est mortalibus omnis,
At perisse fame Res una miserima longe est [1]).

Также Amian Marcellin говоритъ: Mortis gravissimum genus et ultimum malorum fame perire.

Я увѣренъ, что вы почувствуете состраданіе къ этому народу, если вамъ представятъ то состояніе, въ какое приводитъ голодъ:

Hirtus erat crinis, cava lumina, pallor in ore,
Labra incana situ, scabrae rubigine fauces,
Dura cutis, per quam spectari viscera possent:
Ossa sub incurvis extabant arida lumbis
Ventris erat pro ventre locus... [2])

Габаониты, явившіеся съ порванной одеждой, съ болѣзненными лицами и въ печальномъ состояніи, внушили великому полководцу Іосуѣ состраданіе и имъ были оказаны прощеніе и милосердіе.

Различныя справки и осмотры, сдѣланные по вашему распоряженію, дали вамъ ясное понятіе о вредѣ, причиненномъ животными. Такъ какъ послѣ этого всѣ необходимыя формальности уже были совершены, то теперь остается вамъ лишь составить рѣшеніе. Обитатели просятъ повелѣть животнымъ оставить занятыя мѣста и поселиться въ указанномъ имъ участкѣ, они просятъ также произвести религіозные акты, указанные нашей матерью, святой церковью. Такъ какъ эти просьбы разумны и цѣлесообразны, то вы произнесете, конечно, соотвѣтственное рѣшеніе.

Рѣчь представителя животныхъ.

Господа! Такъ какъ вы выбрали меня защитникомъ этихъ бѣдныхъ животныхъ, то вы позволите мнѣ защитить ихъ права и доказать, что всѣ формальности, направленныя противъ нихъ, недѣйствительны. Ихъ обвиняютъ, какъ будто они совершили какое-либо преступленіе. Послѣ наведенія справокъ о вредѣ, причиненномъ будто-бы ими, ихъ приглашаютъ предстать передъ судъ. Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что они нѣмы, то судья далъ имъ адвоката для представленія суду тѣхъ доводовъ, которыхъ они не въ состояніи представить. Итакъ, господа, такъ

[1]) Всякая смерть жестока для жалкихъ смертныхъ, но погибнуть отъ голода— безконечно большое несчастіе.

[2]) Волосы всклокочены, глаза ввалились, лицо блѣдное, губы высохли отъ жажды, горло покрыто шероховатыми наростами и язвами, кожа сухая, такъ что чрезъ нее можно видѣть внутренности: кости, лишенные соковъ, выступаютъ изъ-подъ кривыхъ бедръ; на мѣстѣ желудка—пустое пространство... (Ovid. Metam. 8, 801).

какъ вы дали мнѣ позволеніе говорить въ пользу бѣдныхъ животныхъ, то я могу сказать въ ихъ защиту слѣдующее:

Во-первыхъ, призывать къ суду можно только того, кто способенъ разсуждать, кто въ состояніи свободно дѣйствовать и кто въ состояніи понимать смыслъ преступленія. Но такъ какъ животныя лишены свѣта разума, которымъ одаренъ одинъ лишь человѣкъ, то, слѣдовательно, и процессъ, затѣянный противъ нихъ, недѣйствителенъ. Это слѣдуетъ изъ словъ: Nec enim potest animal iniuriam fecisse, quod sensu caret.

Во-вторыхъ, никого нельзя приглашать къ суду безъ всякой причины и тотъ, по винѣ котораго производится такой вызовъ, обязанъ платить штрафъ sous le titre des instituts de poen. tem. litig. Но животныя не дали никакого повода къ такому вызову ихъ въ судъ, non tenentur enim ex contractu, neque ex quasi contractu, neque ex stipulatione neque ex pacto еще менѣе ex delicto seu quasi: ибо, какъ выше сказано, чтобы совершить преступленіе, нужно обладать разумомъ, котораго животныя лишены.

Далѣе, въ правосудіи не должно быть совершено ничего нецѣлесообразнаго, правосудіе въ этомъ подражаетъ природѣ, несовершающей ничего безполезнаго: Deus enim et Natura nihil operantur frustra. Я спрашиваю, что можно сдѣлать съ животными, если ихъ пригласятъ къ суду и они не придутъ? Ибо они нѣмы, они не могутъ выбрать себѣ прокурора, который защитилъ-бы ихъ интересы, они не могутъ приводить никакихъ объясненій въ свою защиту. Поэтому это приглашеніе къ суду не можетъ имѣть никакой силы и, такъ какъ оно составляетъ основаніе всѣхъ остальныхъ юридическихъ актовъ, зависящихъ отъ него и падающихъ вмѣстѣ съ нимъ, то и весь судъ надъ ними недѣйствителенъ: cum enim principalis causa non consistat, neque et quae consequuntur locum habent.

Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что если животныя не могутъ выбрать прокурора для защиты своихъ правъ и не могутъ излагать своихъ доводовъ, то все это можетъ быть сдѣлано отъ ихъ имени самимъ судьею. На это я отвѣчу, что это правильно въ томъ случаѣ, когда это дѣлается сообразно правовымъ постановленіемъ in administratione sive iuris dictionis, но не въ данномъ случаѣ, гдѣ ни обвиняемые, ни судьи не могутъ совершить этихъ дѣйствій, какъ это видно изъ глоссаторскаго комментарія къ постановленію закона: Quod directe fieri protribetur, per indirectum concedi non debet. Но удивительнѣе всего то, что надъ этими бѣдными тварями хотятъ произносить экскоммуникацію, анафему и малединцію, на эти бѣдныя существа хотятъ обрушить самый суровый мечъ, имѣющійся въ рукахъ церкви для наказанія преступниковъ. Но эти животныя не могутъ совершать ни преступленій, ни грѣховъ, ибо для того, чтобы грѣшить, нужно обладать разумомъ, который отдѣлялъ-бы добро

отъ зла и указывалъ-бы своему владѣльцу, чему нужно слѣдовать и и чего нужно избѣгать.

Если обратить вниманіе на опредѣленіе понятія экскоммуникаціи, то станетъ ясно, что упомянутое оружіе не можетъ быть обращено противъ животныхъ. Ибо экскоммуникація есть extra Eccelesiam positio, vel e qualibet communione, vel e quo libbet legitimo acto separatio. Но животныя не могутъ быть изгнаны изъ лона церкви, никогда не бывши тамъ. Экскоммуникація можетъ быть направлена противъ людей, владѣющихъ душою, а не противъ неразумныхъ животныхъ, и апостолъ Павелъ говоритъ: quod de iis, quae foris sunt, nihil ad nos quoad, Excommunicationem quia Excommunicare non possumus. Экскоммуникація afficit animum. non corpus. Такъ какъ душа этихъ животныхъ не безсмертна, то ихъ не можетъ поразить анаѳема quae vergit in dispendium aeternae salutis.

Другимъ доводомъ можетъ служить слѣдующее: quod facienti actum permissum non imputatur, id quod sequitur ex illo, licet consecutum sit repugnans statui suo. Эти животныя совершаютъ дѣйствія, вполнѣ дозволенныя даже божественнымъ правомъ. Ибо въ книгѣ Бытія сказано: fecit Deus bestias terrae juxta species suas, inmenta et omne reptile terrae in genere suo dixitque Deus: ecce dedi vobis, omnem herbam offerentem semen super terram и т. д. Но если плоды земли сдѣланы для животныхъ и людей, то, вѣдь, и животныя могутъ употреблять эти плоды въ пищу. Такъ. Цицеронъ, напр., говоритъ: principio generi omnium animantium est a natura attributum, ut se vitam corpusqe tueantur, quaeque ad vescendum necessaria sunt, inquirant. Изъ этого видно, что животныя, слѣдуя законамъ Бога и природы, не могли совершить никакого преступленія и не могутъ, стало быть, подвергнуться ни проклятію, ни какому-либо другому наказанію, cum etiam creaturae intellectuali et rationali delinquenti seu damnum offerenti, eo quod secundum solitum facit, non est Anggelo licitum maledicere, multo minus erit licitum homini.

Если всѣ эти доводы вамъ не кажутся убѣдительными, то слѣдующее соображеніе вамъ ясно покажетъ невозможность отлученія животныхъ отъ церкви. Произнося экскоммуникацію, судъ дѣйствуетъ наперекоръ Божьей волѣ, ибо Богъ послалъ животныхъ для наказанія людей за грѣхи, immitamque in vos bestias agriquae consumant vos et pecora vestra et ad paucitatem cuncta redigant. Теперь нужно повторить слова, которыя Богъ сказалъ передъ потопомъ: omnis Caro corrupit vitam suam. И Овидій, видѣвшій, что порокъ торжествуетъ, гордо поднявъ голову, и что добродѣтель унижена, изгнана и не находитъ себѣ мѣста у людей, говоритъ въ своихъ метаморфозахъ:

Protinus irrupit venae prioris in aevum
Omne nefas: fugere pudor verumque fidesque;
In quorum subiere locum, fraudesque doliqne

Insidi aeque et vis et amor sceleratus habendi,
Vivitur ex rapto; non hospes ad hospite tutus,
Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est,
Imminet exilix vir, conjugis, illa mariti; etc [1]).

Изъ этого видно, что процессъ долженъ быть прекращенъ, и я прошу васъ рѣшить въ этомъ смыслѣ.

Далѣе слѣдуютъ реплики обѣихъ сторонъ, которыя мы не приводимъ, такъ какъ онѣ содержатъ одни только повторенія.

VII.

Чѣмъ объясняется это удивительное явленіе, имѣющее не только юридическое, но и культурно-историческое значеніе—процессы противъ животныхъ? Наукой оно еще до сихъ поръ не объяснено вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ и относящіеся къ этому явленію факты стоятъ особнякомъ, не вошедши еще въ составъ науки развитія права и культуры.

Мы находимъ у изслѣдователей различныя объясненія этого явленія. Нѣкоторые выводятъ правовое отношеніе къ животнымъ изъ первобытнаго права, перешедшаго въ Европу отъ древнихъ народовъ. Прежде всего указываютъ на Моисеево право. По законодательству Моисея повелѣвается забросать камнями быка, забодавшаго человѣка, и запрещается ѣсть мясо этого быка. Этотъ законъ находилъ оправданіе въ томъ, что Богъ обѣщалъ Ною и его потомкамъ, что Онъ отомститъ за нихъ не только людямъ, но и животнымъ. Отсюда уравненіе животныхъ съ людьми предъ земнымъ правосудіемъ. Также у арабовъ еще до послѣдняго времени сохранились наказанія животныхъ. Еще историкъ Полибій разсказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ публичнаго распинанія льва въ Финикійскихъ колоніяхъ. У персовъ наказанія животныхъ были очень обычны. Въ Вендидадѣ Заратустра спрашиваетъ Агурамазду, какъ слѣдуетъ поступить съ бѣшеной собакой, кусавшей людей и скотъ. Этотъ вопросъ имѣлъ для Заратустры особенно большую важность потому, что собаки принадлежатъ у персовъ къ числу святыхъ животныхъ, которыхъ нельзя истреблять. По отвѣту, данному Агурамаздой, владѣлецъ собаки, не смотрѣвшій за нею надлежащимъ образомъ, долженъ быть наказанъ за убійство, совершенное съ намѣреніемъ. Собакѣже должно въ первый разъ отрѣзать правое, во второй разъ лѣвое ухо, при слѣдующихъ-же укушеніяхъ нужно ей отрѣзать каждый разъ по одной ногѣ.

---

[1]) Вслѣдъ затѣмъ, всякіе грѣхи вселились во всѣхъ людей поколѣнія худшей крови; исчезли стыдъ, правда, вѣрность, ихъ мѣсто заступили: обманъ, коварство казни, насиліе и преступная любовь къ стяжанію; живутъ грабежемъ, гость не находится въ безопасности со стороны хозяина, ни тесть со стороны зятя; любовь брата — рѣдкое явленіе, грозитъ гибелью мужъ женѣ, жена мужу... (Ovid. Metam.).

Греки, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, были тоже склонны къ правовой персонификаціи животныхъ. Пифагоръ и Эмпидоклъ учили, что животныя имѣютъ душу. Платонъ по поводу случая, въ которомъ человѣкъ былъ убитъ животнымъ, требуетъ формальнаго возбужденія процесса противъ этого животнаго: родственники убитаго должны принести жалобу на убійцу; рѣшеніе и исполненіе приговора должно быть предоставлено архонтамъ; осужденное животное должно быть убито и тѣло его выслано за границу страны. По мнѣнію Платона, даже и ἄψυχον,—т. е. все, что не имѣетъ души (неодушевленные предметы), если оно причинило смерть человѣку, не будучи чьимъ-либо орудіемъ, должно быть тоже послѣ судебнаго приговора выслано за границу страны, но въ этомъ случаѣ не требуется предъявленія обвиненія архонту, а приговоръ можетъ быть произнесенъ сосѣдомъ обвинителя. Въ аѳинскомъ уголовномъ правѣ—ἄφωνον—т. е. все, что лишено языка, т. е. все, кромѣ человѣка, а, стало быть, и животныя, подлежали суду въ случаѣ причиненія вреда человѣку, причемъ эти ἄφωνα въ Аѳинахъ судилъ особый государственный судъ, эфеты. Они присуждали къ ὑπερορίζειν—т. е. къ препровожденію чрезъ границу. Въ Римѣ Нума Помпилій установилъ предавать казни животныхъ, нарушившихъ межу или границу.

Другіе изслѣдователи ставятъ процессы противъ животныхъ и сопровождающее ихъ отлученіе животныхъ отъ церкви въ связь съ средневѣковою демонологіею и вѣрой въ оборотней. Существовало убѣжденіе, что дьяволъ охотно и чаще всего принимаетъ видъ животнаго — самъ принимаетъ видъ какого-либо животнаго, чтобы вредить, и также обращаетъ въ животныхъ людей, въ которыхъ онъ поселился или которые вступили съ нимъ въ связь. Полагали, что это излюбленный способъ дьявола вредить. Эти оборотни бѣгали по деревнямъ, пожирая дѣтей и домашнихъ животныхъ. Еще св. Августинъ сообщаетъ, что въ его время были нѣкоторые трактирщики, которые давали своимъ посѣтителямъ какія-то снадобья въ сырѣ и такимъ образомъ превращали ихъ въ животныхъ. Также Фома Аквинатскій утверждаетъ, что omnes Augelli, boni et mali, ex virtute naturali habent potestatem transmutandi corpora nostra [1]). На этомъ основаніи противъ животныхъ часто дѣлались заклинанія. Этими воззрѣніями средневѣковыхъ людей объясняется, какъ полагаютъ эти изслѣдователи, распространеніе на животныхъ свѣтскихъ наказаній и церковныхъ maledictio.

Нѣкоторые изслѣдователи (Менабреа, Сорель) ищутъ объясненія въ политико-правовыхъ мотивахъ. Они находятъ въ этихъ процессахъ символическій моментъ, приписывая имъ общественно-воспитательную цѣль. «Ces procedures, говоритъ Ménabréa, ne constituaient primitivement qu'une espece

[1]) См. «Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ», Я. Канторовича.

de symbole destiné à ramener le sentiment de la justice»... Это мнѣніе о воспитательномъ «символизмѣ» имѣетъ много приверженцевъ. Къ этому воззрѣнію примыкаетъ другое объясненіе, по которому убіеніе животнаго имѣло цѣлью—стираніе совершеннаго злодѣянія изъ памяти людей и устрашеніе владѣльца животнаго видомъ его казни. По этому объясненію, процессы противъ животныхъ основаны на мотивахъ пользы и служатъ предупреждающимъ и устрашающимъ актомъ для людей: наказанія животныхъ должны побуждать владѣльцевъ къ большей бдительности въ присмотрѣ за животными и должны удерживать ихъ самихъ отъ преступныхъ дѣйствій. Эта точка зрѣнія находитъ себѣ оправданіе въ мотивахъ нѣкоторыхъ приговоровъ. Такъ, при обсужденіи свиньи въ Moyen Montier (1572) приговоръ мотивируется желаніемъ поощрять людей къ бдительному присмотру за животными. Другой приговоръ въ Virofeau—(1641) требуетъ присутствія хозяина животнаго при исполненіи экзекуціи надъ животнымъ. Въ связи съ этимъ, повидимому, находится присужденіе хозяина къ уплатѣ штрафа или къ совершенію паломничества, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ смертныхъ приговорахъ, направленныхъ противъ животныхъ.

Наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ ученыхъ, объясненія этихъ процессовъ надо искать въ характерѣ германскаго средневѣковаго права, основаннаго на моментѣ мести. Близко къ этому воззрѣнію, только въ другой болѣе общей формѣ, стоитъ воззрѣніе, выводящее эти процессы изъ варварскаго права, въ которомъ господствовала персонификація животныхъ, съ признаніемъ равенства между людьми и животными и распространеніемъ на послѣднихъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Приверженцы этого воззрѣнія указываютъ на памятники въ средневѣковой поэзіи и искусствѣ, въ которыхъ явно замѣчаются представленія о душѣ животныхъ, о метаморфозахъ и странствованіяхъ душъ, объ одушевленіи всей природы.

Существуютъ еще многія другія объясненія, выводящія эти процессы изъ арійско-религіозныхъ представленій или изъ мифологическихъ основаній.

VIII.

Слѣды процессовъ противъ животныхъ сохранились и въ настоящее время. Остатки этого «уголовнаго права животныхъ» удержались у южно-славянскихъ народовъ, право которыхъ представляетъ вообще богатыя хранилища живой древности. Извѣстный знатокъ южно-славянскихъ обычаевъ и преданій Фридрихъ Краусъ сообщаетъ, что въ Черногоріи и теперь еще распространены процессы противъ животныхъ. Обвиняемыми животными обыкновенно являются волъ, лошадь и свинья. Обвиняются они обыкновенно въ убійствѣ и тяжелыхъ поврежденіяхъ, причиненныхъ

человѣку. Процессъ ведется не противъ причинившаго вредъ животнаго, а противъ хозяина послѣдняго. Этотъ хозяинъ долженъ явиться вмѣстѣ съ животнымъ предъ мировой судъ деревенскихъ старшинъ или патріарховъ семействъ. Здѣсь родственники убитаго или потерпѣвшаго требуютъ смерти животнаго или денежнаго штрафа. Если обвиняемый не хочетъ платить штрафа, то онъ сваливаетъ вину съ себя на злыхъ духовъ, вселившихся въ животное. Приговоръ обыкновенно требуетъ умерщвленія животнаго камнями. Владѣлецъ животнаго бросаетъ первый камень, затѣмъ остальные присутствующіе слѣдуютъ его примѣру. Куча этихъ камней называется «prokleta gomita» (проклятая куча). Миръ между хозяиномъ убитаго животнаго и обвинителемъ закрѣпляется кумовствомъ и братаньемъ [1]).

Подобныя же сообщенія даетъ Краусъ относительно Славоніи. Еще въ 1864 г. собраніе крестьянъ славонской деревни Pleternica присудило къ смерти свинью, откусившую однолѣтней дѣвочкѣ уши. Мясо свиньи брошено собакамъ. Семейная община, которой свинья принадлежала, должна была, въ возмѣщеніе вреда, доставить дитяти приданое.

Эти процессы у современныхъ южно-славянскихъ народовъ не имѣютъ, конечно, регулированныхъ формъ судопроизводства и составляютъ только обычай. Но въ нѣкоторыхъ процессуальныхъ отношеніяхъ они вполнѣ напоминаютъ процессы средневѣковой эпохи въ западно-европейскихъ странахъ. Такъ, интересно замѣчательное сходство съ лозанскимъ судопроизводствомъ XV в. въ слѣдующемъ пунктѣ: если процессъ ведется даже противъ цѣлой породы животныхъ, то всетаки одинъ, по крайней мѣрѣ, экземляръ этой породы приводится къ мѣсту суда, осуждается и убивается. Способомъ умерщвленія почти всегда выбирается утопленіе, даже если оно гораздо труднѣе и неудобнѣе другихъ родовъ убійства. Въ 1866 г. въ Подзегской долинѣ (въ Славоніи) появилось много саранчи. Крестьяне деревни Видовичи поймали одну большую саранчу, судили ее и присудили къ смерти. Все населеніе деревни отправилось къ рѣкѣ Орлявѣ и, произнося проклинанія, бросило саранчу въ воду.

Въ настоящее время, впрочемъ, процессы этого рода находятся у южныхъ славянъ въ стадіи вымиранія.

Далеко не въ такой степени достовѣрно существованіе наказаніи животныхъ у другихъ славянскихъ народовъ. Краусъ ограничивается сообщеніемъ о козлѣ, осужденномъ будто бы въ Россіи во второй половинѣ XVII в къ ссылкѣ въ Сибирь...

Я. Канторовичъ.

---

[1]) Karl Amira, Thierstraffen und Thierprocess.

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни [1]). Переводъ Е. К.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Этотъ дневникъ—наша исповѣдь каждаго вечера: исповѣдь двухъ жизней, нераздѣльныхъ въ наслажденіи, трудѣ и работѣ; двухъ мыслей-близнецовъ; двухъ умовъ, получающихъ отъ соприкосновенія съ людьми и съ предметами впечатлѣнія столь равныя, столь одинаковыя, столь однородныя, что на эту исповѣдь можно смотрѣть, какъ на изліяніе одного и того-же я.

Въ этой автобіографіи изо дня въ день, выступаютъ на сцену люди, съ которыми случай сближалъ насъ на жизненномъ пути. Мы писали портреты этихъ мужчинъ, этихъ женщинъ, въ ихъ сходствахъ дня и часа; возвращались къ нимъ снова, въ продолженіе нашего дневника; показывали ихъ потомъ, подъ другими видами, послѣ того, какъ они измѣнялись и преобразовывались; мы не желали подражать тѣмъ сочинителямъ мемуаровъ, у которыхъ историческія личности изображаются сразу и однимъ взмахомъ, или пишутся красками, уже застывшими отъ отдаленія и углубленія; мы стремились, словомъ, представить волнующееся человѣчество *въ минутной его правдивости.*

---

[1]) Дневникъ братьевъ де-Гонкуръ состоитъ изъ 9 томовъ, каждый приблизительно въ 400 страницъ, и занимаетъ періодъ отъ 2-го декабря 1851 до 30-го декабря 1895 года. Не имѣя возможности предложить его цѣликомъ нашимъ читателямъ, мы рѣшили дать въ извлеченіи только то, что болѣе всего освѣщаетъ личную психологію, вкусы и литературныя тенденціи авторовъ, наиболѣе интересныя ихъ характеристики авторовъ, тѣхъ или другихъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ, писателей, художниковъ, свѣтскихъ женщинъ и т. д.,—наконецъ, страницы «Дневника», отмѣчающія какъ тѣ событія, наблюденія, ощущенія, изъ которыхъ впослѣдствіи возникли романы Гонкуровъ, такъ и сцены дѣйствительности, въ этихъ романахъ зачастую воспроизведенныя *Прим. ред.*

Иногда даже спрашиваешь себя, не произошла-ли перемѣна, замѣченная нами у людей, когда-то намъ близкихъ и дорогихъ, отъ перемѣны въ насъ самихъ. Возможно. Мы не скрываемъ, что были существами страстными, нервными, болѣзненно впечатлительными, и поэтому иногда несправедливыми. Но мы утверждаемъ одно: если мы иногда и выражаемся съ несправедливостью предубѣжденія, или въ ослѣпленіи неразумной антипатіи, завѣдомо никогда мы не лгали по поводу тѣхъ, о комъ говорили.

Такимъ образомъ мы всѣми силами старались воспроизвести нашихъ современниковъ для потомства во всемъ ихъ сходствѣ; воспроизвести ихъ, стенографируя жаркій разговоръ, схватывая физіологическій жестъ и тѣ мелочи страсти, въ которыхъ сказывается личность; улавливая то невыразимое нѣчто, что придаетъ интенсивность жизни; отмѣчая, наконецъ, кое-что изъ той лихорадки, которая свойственна опьяняющему парижскому существованію.

И въ этомъ трудѣ, который прежде всего долженъ дать жизнь, по горячимъ еще воспоминаніямъ, въ трудѣ, въ торопяхъ набросанномъ на бумагу, и не всегда пересмотрѣнномъ—если мы не ладили съ синтакстомъ, а слова попадались неимѣющія права гражданства—куда ни шло—въ этомъ трудѣ мы всегда предпочитаемъ ту фразу и то выраженіе, которыя наименѣе ослабляютъ, наименѣе «академизируютъ» живую суть нашихъ ощущеній, гордость нашихъ идей. Дневникъ этотъ былъ начатъ 2-го декабря 1851 года, въ день выхода въ свѣтъ первой нашей книги, совпавшей съ днемъ государственнаго переворота. Вся рукопись, можно сказать, была написана моимъ братомъ, подъ нашу диктовку другъ другу: нашъ пріемъ работы надъ этими записями. Послѣ смерти моего брата, считая нашъ литературный трудъ конченнымъ, я рѣшилъ напечатать дневникъ 20-го января 1870 г., послѣ послѣднихъ строкъ, начертанныхъ его рукой. Но тогда я мучился горькимъ желаніемъ разсказать самому себѣ послѣдніе мѣсяцы, дни и смерть бѣднаго моего брата, а почти тотчасъ-же трагическія событія осады и коммуны завлекли меня въ продолженіе этого дневника. Онъ и теперь иногда становится повѣреннымъ моей мысли.

Эдмонъ де-Гонкуръ.

1872.

1851.

. . . .

2-е декабря. Что значитъ государственный переворотъ для людей, издающихъ въ этотъ день первый свой романъ? По какому-то ироническому совпаденію, это случилось именно съ нами.

Утромъ, въ то время какъ мы лѣниво мечтали объ изданіяхъ, объ изданіяхъ a la Dumas отецъ, вдругъ шумно хлопнула дверь и къ намъ вошелъ нашъ двоюродный братъ Бламонъ (Blamont), бывшій гвардеецъ, обратившійся въ консерватора, человѣкъ сердитый, съ пробивающейся сѣдиной, съ астмой.

— Чортъ побери, кончено!—пыхтѣлъ онъ.

— Что кончено?

— Ну-же, переворотъ!

— А! къ чорту! А нашъ романъ, который долженъ былъ поступить въ продажу сегодня!

— Вашъ романъ... вашъ романъ! Какое дѣло Франціи до романовъ, молодцы вы мои!—И привычнымъ жестомъ запахивая свой сюртукъ, будто подпоясываясь кушакомъ, онъ простился съ нами и отправился съ торжественной новостью изъ улицы Лоретской Богоматери въ Сенжерменское предмѣстье, ко всѣмъ знакомымъ, вѣроятно плохо еще выспавшимся въ этотъ ранній часъ.

Не успѣли мы соскочить съ постели, какъ оба уже очутились на улицѣ, на нашей старой улицѣ Сенъ-Жоржъ, гдѣ небольшое помѣщеніе редакціи журнала «Le National» уже занято войскомъ. На улицѣ глаза наши тотчасъ устремляются къ афишамъ, ибо—надо признаться въ эгоизмѣ—среди всѣхъ этихъ свѣжихъ листковъ, налѣпленныхъ на стѣнахъ и извѣщающихъ о новой труппѣ, новомъ репертуарѣ, новой программѣ и новомъ адресѣ директора, перешедшаго изъ Елисейскаго дворца въ Тюльерійскій,—мы ищемъ свою афишу, афишу извѣщающую Парижъ о выходѣ новаго романа «*Въ 18.. году*» и знакомящую Францію и міръ съ именами двухъ новыхъ писателей: Эдмонъ и Жюль де-Гонкуръ.

Афиши не оказалось. Вотъ почему: Жердесъ (Gerdès), который, по странной случайности, печаталъ и Revue des deux Mondes и «*Въ 18.. году*». Жердесъ, напуганный мыслью, что одну главу книги, касающуюся политики, можно истолковать какъ намёкъ на событія дня;—исполненный съ самаго начала недовѣрія къ странному, непонятному, кабалистическому заглавію, яко-бы скрывающему тайное воспоминаніе объ 18-мъ Брюмерѣ;—Жердесъ, никогда не отличавшійся геройствомъ—сжегъ нашу кипу афишъ...

15-го декабря. Жюль! Жюль!.. Статья Жанена (Janin [1]) въ Dèbats! Эдмонъ съ постели кричитъ мнѣ хорошую и неожиданную вѣсть. Да, весь фельетонъ понедѣльника толкуетъ про насъ по поводу всего, и про все по поводу насъ, цѣлыхъ двѣнадцать столбцовъ; здѣсь имена наши

[1]) Жюль Жаненъ, извѣстный французскій критикъ-фельетонистъ, членъ французской академіи. На театральныхъ фельетонахъ Ж. въ «Journal des Débats» основана его громкая извѣстность. Онъ первый открылъ талантъ Рашели.

Прим. ред.

перепутаны со всѣми литературными явленіями дня; здѣсь Жаненъ бичуетъ насъ съ ироніей, прощаетъ съ уваженіемъ и съ серьезной критикой; онъ рекомендуетъ нашу молодость публикѣ, съ рукопожатіемъ и доброжелательнымъ извиненіемъ дерзости нашего возраста.

И мы не читаемъ, а смотримъ. Глаза очарованы этими некрасивыми буквами газеты, гдѣ имя ваше кажется чѣмъ-то, ласкающимъ вашъ взглядъ, какъ никогда не будетъ ласкать его самый чудный предметъ искусства. Эта радость переполняющая грудь, радость перваго причастія литературой, радость, которая уже не повторится, какъ радость первой любви. Весь этотъ день мы не ходимъ, а бѣгаемъ... Мы идемъ благодарить Жанена, который принимаетъ насъ просто, съ веселой добродушной улыбкой, разсматриваетъ насъ, жметъ намъ руки, говоря: «Ну, чортъ возьми! такими-то я васъ и воображалъ!» И мечты, и воздушные замки, и поползновеніе считать себя чуть не великими людьми, получившими оружіе изъ рукъ критика Débats; и ожиданіе того, что на насъ рушится цѣлая гора статей во всѣхъ журналахъ.

Звонятъ рано утромъ. Является молодой человѣкъ, бородатый, серьезный, котораго мы еле узнаемъ. Мы съ нимъ выросли, какъ ростутъ часто дѣти родственниковъ,—съѣзжаясь разъ въ нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ-же домѣ, на каникулахъ. Еще мальчикомъ, онъ старался быть мужчиной. Онъ устроилъ такъ, что его выключили изъ коллежа. Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, мнѣ случалось сидѣть рядомъ съ нимъ за обѣдомъ, и тогда онъ изумлялъ меня описаніями своихъ оргій. Онъ уже соприкасался съ литературой и держалъ корректуру своему профессору Яноски. Двадцати лѣтъ онъ держалъ себя республиканцемъ, носилъ большую бороду и остроконечную шляпу оливковаго цвѣта, говорилъ *моя партія*, писалъ для журнала «Свободная Мысль», составлялъ грозныя статьи противъ инквизиціи, и ссужалъ деньги философу X. Вотъ каковъ былъ нашъ молодой родственникъ, Пьеръ Шарль, графъ де Вильдель (Villedeuil).

Предлогомъ этого визита была какая-то библіографическая книга, для которой онъ искалъ двухъ сотрудниковъ. Мы болтаемъ, мало-по-малу онъ бросаетъ свою важность, премило осмѣиваетъ барабанъ, на которомъ онъ бьетъ атаку своего честолюбія, открываетъ намъ всю свою дѣтскую наивность и сердечно протягиваетъ намъ руку. Мы были одиноки и стремились къ будущему, онъ тоже. Къ тому-же родство, если оно не разъединяетъ людей, всегда немножко сближаетъ ихъ. И мы втроемъ пускаемся въ погоню за успѣхомъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ какомъ-то кафе близъ Жимназа, мы забавлялись, придумывая заглавія для журналовъ. «Молнія!—воскликнулъ Вильдёль, смѣясь,—и продолжая смѣяться:—почему-бы намъ не выпустить такой журналъ?» Онъ уходитъ отъ насъ, отправляется по ро-

стовщикамъ, придумываетъ заглавную картинку, на которой академію поражаетъ громъ, съ именами Гюго, Мюссе, Зандъ на зигзагахъ молніи; покупаетъ адресный календарь, клеитъ бандероли и, не успѣлъ прогремѣть послѣдній выстрѣлъ 2-го декабря, какъ выходитъ журналъ «Молнія». Насилу уцѣлѣла академія, цензура запретила заглавную картинку.

Воскресенье 21 декабря. Когда мы были у Жанена, онъ намъ сказалъ: «видите-ли, успѣха можно достигнуть только пройдя черезъ театръ». Послѣ него, дорогой, намъ приходитъ мысль написать для Théâtre Français обозрѣніе прошедшаго года, въ формѣ разговора, у камина, между мужчиной и дамой изъ общества, въ послѣдній часъ истекающагося года.

Вещица написана и названа: «Ночь св. Сильвестра». Жаненъ даетъ намъ письмо къ госпожѣ Алланъ [1]).

И вотъ мы на улицѣ Могадоръ, на пятомъ этажѣ, въ квартирѣ актрисы, которая вывезла Мюссе изъ Россіи [2]), и у которой византійскій образъ Божьей Матери, въ золоченомъ окладѣ, напоминаетъ о долгомъ пребываніи хозяйки въ тѣхъ краяхъ. Она оканчиваетъ свой туалетъ передъ громаднымъ трюмо въ три створа, почти закрывающихъ ее въ зеркальныхъ ширмахъ.

Великая артистка встрѣчаетъ насъ привѣтливо, но говоритъ грубымъ, неровнымъ голосомъ, голосомъ намъ незнакомымъ, который на сценѣ она умѣетъ превращать въ музыку.

Она назначаетъ намъ свиданіе на слѣдующій день. Я взволнованъ. Г-жа Алланъ во время чтенія, поощряетъ меня чуть внятнымъ, одобрительнымъ шопотомъ, за который я, кажется, готовъ-бы цѣловать туфли у актрисы. Однимъ словомъ, она беретъ роль, обѣщаетъ выучить и сыграть ее 31 декабря, а нынче 21.

Два часа. Мы безъ памяти спускаемся съ лѣстницы и бѣжимъ къ Жанену. Но онъ пишетъ фельетонъ. Нѣтъ возможности его видѣть. Онъ велитъ передать намъ, что завтра мы увидимъ Гуссэ.

Отъ него одинъ прыжокъ—и мы въ кабинетѣ директора Théâtre Français, который насъ вовсе не знаетъ. «Господа, — говоритъ онъ намъ,—мы въ эту зиму не будемъ давать новыхъ піесъ. Это рѣшено, я ничего не могу сдѣлать». Нѣсколько тронутый, однако, нашими грустными лицами, онъ прибавляетъ: «Пусть Лирё васъ прочтетъ и подастъ свое мнѣніе, я разрѣшу вашу пьесу, если удастся устроить экстренное чтеніе».

Только четыре часа. Мы въ карету и къ Лирё.

---

[1]) Луиза Депрео Алланъ, первоклассная артистка, подвизавшаяся въ «Gymnase» и «Comédie Française».

[2]) Г-жа Алланъ выступала съ большимъ успѣхомъ въ Петербургѣ въ «Caprice» А. де Мюссе. *Прим. ред.*

«Но, господа,—говоритъ довольно невѣжливо женщина, которая намъ отворяетъ дверь,—вы-же должны знать, что господина Лирё нельзя безпокоить, онъ сидитъ за своимъ фельетономъ».

— Войдите, господа!—окликаетъ насъ добродушный голосъ.

Мы проникаемъ въ берлогу писателя à la Бальзакъ, гдѣ пахнетъ плохими чернилами и тепломъ отъ неоправленной еще постели. Критикъ очень любезно обѣщаетъ намъ прочесть насъ вечеромъ и приготовить отчетъ къ слѣдующему дню.

Отъ Лирё мы прямо кидаемся къ Бриндо, который долженъ подавать реплику г-жѣ Алланъ. Бриндо еще не вернулся, но онъ обѣщался быть дома въ пять часовъ и его мать проситъ насъ подождать. Домъ полонъ болтливыхъ и милыхъ дѣвочекъ. Мы остаемся до шести... Бриндо нѣтъ...

Наконецъ, мы рѣшаемся отыскать его въ Théâtre Français, въ половинѣ восьмого. «Говорите, говорите,—кричитъ онъ намъ, одѣваясь и бѣгая по своей уборной, голый, подъ бѣлымъ пеньяромъ.—Нѣтъ, правда, мнѣ невозможно прослушать вашу пьесу». И ужъ онъ галопомъ мечется за гребнемъ или зубной щеткой. «Но можетъ быть позже, послѣ представленія?—Нѣтъ, сегодня у меня послѣ театра ужинъ съ товарищами... Но вотъ что: въ моей пьесѣ я имѣю свободныхъ пятнадцать минутъ, я васъ прочту въ это время. Подождите меня въ залѣ». Когда Бриндо сыгралъ свою роль, мы были тутъ, ожидая отвѣта. Да, онъ согласенъ. Изъ Théâtre Français мы несемъ рукопись къ Лире. Въ девять часовъ мы уже у г-жи Алланъ, находимъ ее окруженною семействомъ, гимназистами, и разсказываемъ про наши похожденія.

Вторникъ, 23 декабря. Сидя на скамеечкѣ лѣстницы театра, трясясь и вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ, мы слышимъ, какъ закрывая за собою дверь, г-жа Алланъ своимъ противнымъ, нетеатральнымъ голосомъ восклицаетъ: «вотъ ужъ это не мило!»

«Кончено!» говоримъ мы другъ другу, въ нравственномъ и физическомъ изнеможеніи, такъ превосходно переданномъ у Гаварни, въ рисункѣ молодого человѣка, опустившагося на стулъ тюремной камеры...

1852.

Молнія. Еженедѣльное обозрѣніе Литературы, Театра и Искусства, 1-й выпускъ 12 января.

Съ этого дня, мы съ Вильдёль играемъ въ журналъ. Редакція журнала помѣщается въ нижнемъ этажѣ, на улицѣ, которую только еще начинаютъ строить, Rue d'Aumale; у насъ издатель, получающій пять франковъ за каждую подпись, у насъ и программа, угрожающая гибелью классицизму, у насъ и даровыя объявленія, обѣщаны и преміи.

Мы проводимъ въ редакціи два-три часа въ недѣлю и ждемъ, какъ только услышимъ непривычный звукъ шаговъ, по нашей улицѣ, гдѣ такъ мало прохожихъ,—ждемъ подписчиковъ, публики, сотрудниковъ. Никто не приходитъ. Нѣтъ даже рукописей—фактъ непостижимый! Нѣтъ даже поэта, фактъ еще болѣе невѣроятный!

Рыженькая Сабина, единственная посѣтительница нашей конторы, спросила насъ однажды: «А отчего вонъ тотъ господинъ смотритъ такъ грустно?» Ей отвѣчали хоромъ: «Это нашъ кассиръ».

Мы храбро продолжаемъ нашъ журналъ безо всего, но съ апостольской вѣрой и акціонерскими иллюзіями. Вильдёль принужденъ продать свою коллекцію «Эдиктовъ французскихъ королей», чтобы продлить журналу существованіе; потомъ онъ отыскиваетъ ростовщика, изъ котораго извлекаетъ пять-шесть тысячъ франковъ. Издатели, по пяти франковъ за подпись, смѣняютъ другъ друга: Первый былъ Путье, живописецъ, школьный товарищъ Эдмонда; второй—Каю, фантастическое существо, филологъ-книгопродавецъ изъ сосѣдства Сорбонны и членъ академіи города Авраншъ; третій—отставной военный, одержимый нервной судорогой, заставлявшей его ежеминутно оглядываться на то мѣсто, гдѣ раньше сидѣли у него эполеты, и плевать себѣ за плечи.

Въ тѣхъ шести тысячахъ франковъ, которые Вильдёль получилъ яко-бы отъ ростовщика, фигурировала, какъ довольно крупная стоимость, партія въ двѣсти бутылокъ шампанскаго. Такъ какъ вино начинало портиться, издателю Молніи приходитъ мысль рекламировать нашъ журналъ баломъ, и предложить этотъ балъ съ шампанскимъ, въ видѣ преміи подписчикамъ. Приглашаются всѣ знакомые Молніи, бродяга Путье, какой-то архитекторъ безъ дѣла, какой-то продавецъ картинъ, разные анонимные, случайные товарищи, нѣсколько женщинъ неопредѣленнаго положенія; и тутъ Надаръ, рисовавшій намъ каррикатуры, желая немного оживить этотъ семейный праздникъ, вдругъ отворяетъ окна и ставни, и зоветъ на балъ всѣхъ съ улицы, мужчинъ и дамъ.

1853.

1853. *Январь.* Редакція журнала была переведена въ Rue Bergère. Достопримѣчательностью ея былъ кабинетъ директора, украшенный драпировками изъ чернаго бархата съ серебромъ; тамъ иногда, при погашенныхъ свѣчахъ, задавалась мертвецкая выпивка. Рядомъ съ кабинетомъ—касса, касса съ рѣшеткой, настоящая касса, за которой сидѣлъ кассиръ Лебарбье, внукъ виньетиста XVIII-го вѣка, розысканнаго нами, вмѣстѣ съ Путье, въ подонкахъ интеллигентнаго общества. Бѣглецъ изъ «Корсара» стряпалъ рядомъ, въ маленькой гостиной. Это былъ маленькій человѣкъ, желтоволосый, съ выпученными, угрожающими

глазами, одинъ изъ немногихъ писателей, уцѣлѣвшихъ отъ правительственныхъ сѣтей, въ ловлѣ 2-го декабря.

Онъ былъ отецъ семейства, отецъ церкви, проповѣдовалъ добрые нравы, крестился иногда, какъ святой попавшій въ шайку злодѣевъ, и не смотря на все это—превосходилъ насъ всѣхъ вольностью въ опредѣленіи вещей. Въ минуты досуга онъ редактировалъ для журнала мемуары г-жи Саки (m-me Saqui).

За редакціонный столъ садились каждый день: Мюрже, смиренный, слезливый и находчивый; О'Шоль, съ его моноклемъ, ввинченымъ въ глазъ, остроумными порывами, тщеславнымъ ожиданіемъ заработка, съ будущей недѣли, по 50,000 франковъ въ годъ, отъ романовъ въ двадцать-пять томовъ; Банвиль, съ его гладко выбритымъ лицомъ, фальцетомъ, тонкими парадоксами, юмористическими силуэтами людей; Карръ, сопровожеаемый всюду его неразлучнымъ Гато. Былъ еще худощавый юноша съ длинными, жирными волосами, самъ мѣтившій въ академики; былъ Деляжъ, олицетворенная вездѣсущность и воплощенная банальность, малый вязкій, липкій, клейкій—какая-то доброжелательная мокрота; былъ еще другъ Форгъ, замерзшій южанинъ, похожій на жареное мороженное изъ китайской кухни, приносившій намъ, съ дипломатической миной, артистически заостренныя статьи; да еще Луи Эно́, украшенный манжетами и граціозными выгибами салоннаго пѣвца; заглядывалъ также Бовуаръ, онъ носился по конторѣ какъ пѣна шампанскаго, искрясь и переливаясь, обѣщалъ убить адвокатовъ своей жены и кидалъ на вѣтеръ неопредѣленныя приглашенія на какіе-то химерическіе обѣды. Гефъ избралъ своимъ жилищемъ диванъ, на которомъ онъ проводилъ послѣобѣденные часы, лежа и дремля, просыпаясь лишь для того, чтобы перебить добродѣтельныя изрѣченія отца Вене своими возбуждающими междометіями.

И среди всего этого народа, Вильдёль приказываетъ, разглагольствуетъ, ходитъ взадъ и впередъ, пишетъ письма, придумываетъ нововведенія, открываетъ каждую недѣлю новую систему—объявленій или премій; новую комбинацію, человѣка или имя, долженствующее дать журналу, не позже какъ черезъ двѣ недѣли, десять тысячъ подписчиковъ.

Въ данное время, журналъ живетъ: онъ денегъ не зарабатываетъ, но онъ шумитъ. Онъ молодъ и независимъ, онъ какъ-бы получилъ въ наслѣдство кое-что изъ литературныхъ убѣжденій 1830 года. На его столбцахъ чувствуется рвеніе и огонь цѣлаго отряда стрѣлковъ, подвигающихся безъ дисциплины, безъ извѣстнаго порядка, но полныхъ презрѣнія къ подпискѣ и къ подписчику. Да, да, тутъ есть огонь, смѣлость, неосторожность, есть наконецъ преданность извѣстному идеалу, въ связи съ нѣкоторымъ безумьемъ, съ нѣкоторой глупостью—журналъ, однимъ словомъ, оригинальность и слава котораго въ томъ, что онъ—не спекуляція.

— ...Не смотря на все, что будутъ писать и говорить, неопровержимо одно: мы подвергались преслѣдованію исправительной полиціи, мы сидѣли между двухъ жандармовъ за цитату пяти стиховъ Торо (Thaureau), напечатанныхъ въ Tableau historique et critique de la poésie française par Sainte-Beuve—увѣнчанномъ академіей. Я утверждаю, что никогда и нигдѣ не было примѣра подобнаго преслѣдованія.

27-го іюня. Я отправляюсь къ Руланду, узнать отъ него, можно-ли намъ издавать нашу «Лоретку», не опасаясь полиціи. И во время нашего разговора, онъ повторяетъ мнѣ то, что я уже слышалъ, а именно, что министерство полиціи преслѣдуетъ не только насъ, но и извѣстныя литературныя идеи. «Оно не хочетъ», говоритъ мнѣ Руландъ, «литературы, которая сама пьяна и другихъ опьяняетъ; идея», прибавляетъ онъ, «о которой мнѣ не приходится судить...» Да, насъ преслѣдовали, въ годъ отъ Р. Х. 1853, за погрѣшность противъ классицизма, за попытку революціи въ литературѣ. Говорилъ-же Латуръ Дюмуленъ г-ну Лефебру: «Я долженъ вамъ сказать, что я весьма огорченъ положеніемъ этихъ господъ; но вы знаете: судьи—это народъ придирчивый... впрочемъ, я думаю, что они избрали плохой литературный путь, и я надѣюсь этимъ дѣломъ оказать имъ услугу».

«Лоретка» выходитъ въ свѣтъ. Черезъ недѣлю изданіе распродано. Это открываетъ намъ ту истину, что книгу можно и продавать.

1854.

Всю зиму мы бѣшено трудимся надъ исторіей общества во время революціи. Утромъ мы по 400, по 500 брошюръ беремъ у Перрота, бѣднаго, бѣднаго собирателя; весь день разбираемся въ документахъ, а ночью пишемъ нашу книгу. Ни женщинъ, ни свѣтскихъ развлеченій, ни удовольствій, ни забавъ. Мы раздарили наши фраки и не заказали себѣ новыхъ, чтобы отнять у себя возможность бывать гдѣ-либо. Постоянное напряженіе, безпрерывный головной трудъ. Чтобы имѣть немного движенія, чтобы не заболѣть, мы позволяемъ себѣ лишь маленькую прогулку, послѣ обѣда, въ сумракѣ наружныхъ бульваровъ, гдѣ насъ ничто не отвлекаетъ отъ нашей работы, отъ углубленія нашей мысли.

26-го сентября. Я въ Жизорѣ. Какъ смѣющаяся тѣнь встаетъ передо мною все мое дѣтство. Прекрасныя, увядшія воспоминанья воскресаютъ въ головѣ и душѣ моей, какъ гербарій, вновь распускающійся гербарій, и каждый уголокъ дома и сада для меня какъ бы призывъ, какъ бы находка, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ бы могила невозвратныхъ радостей. Мы тогда всѣ были дѣтьми; мы только и хотѣли быть дѣтьми, наши каникулы были полны, черезъ край полны безмятежныхъ забавъ

и счастья, не прекращающагося ни на одинъ день. Какъ часто мы соскакивали съ этого крыльца, обвитаго розами, чтобы однимъ прыжкомъ очутиться на лужайкѣ! Въ лапту играли: одна партія подъ этимъ большимъ деревомъ, другая подъ группой сирени. Какое безумное и радостное соревнованіе! Какія бѣшеныя гонки! Сколько ушибовъ, вылѣченныхъ новыми ушибами! Сколько огня! Сколько стремительности! Помню, какъ я однажды три секунды сомнѣвался: не кинуться-ли мнѣ въ рѣку, на краю парка, чтобы не быть пойманнымъ? Да и что за дѣтскій рай этотъ домъ! Что за рай этотъ садъ! Можно думать, что нарочно для дѣтскихъ игръ устроенъ этотъ прежній монастырь, превращенный въ буржуазный замокъ, и этотъ садъ, перерѣзанный и рощицами и извилинами рѣки. Но какъ многое уже измѣнилось и исчезло! Нѣтъ парома, на которомъ мы переправлялись черезъ рѣчку. Спитъ подъ водой тотъ маленькій мостикъ, гибельный для перевозчиковъ, о который столько разъ стукалась наша лодка! А узкій рукавъ, огибающій островъ съ тополями, узкій рукавъ теперь расширенъ. И старая яблоня съ зелеными яблоками, скрипѣвшими когда-то подъ нашими зубами, изсохла. Но все еще возвышается бесѣдка у входа проволочнаго мостика, прыгающаго подъ шагами, бесѣдка, вся одѣтая, какъ плащемъ, дикимъ виноградомъ, лѣтомъ—зеленымъ, осенью—пурпурнымъ.

При свиданіи съ этими милыми мѣстами, я вспоминаю по очереди всѣхъ нашихъ маленькихъ товарищей и маленькихъ барышень, бывшихъ моихъ подругъ: братьевъ Бокене, изъ которыхъ старшій бѣгалъ такъ скоро, но не зналъ искусства поворотовъ, Антонина, похожаго на маленькаго льва, Базена, вѣчно жаловавшагося на неудачу и сердившагося, когда проигрывалъ Эжень Пети, молочный братъ Луи, который игралъ намъ на флейтѣ, въ общей спальнѣ, куда насъ запирали всѣхъ вмѣстѣ. Не забываю я также кротчайшаго Юпитера нашей шайки, конституціоннаго короля нашихъ игръ, старика Пура̀, гувернера двоюроднаго брата, который былъ настолько уменъ, что училъ насъ прекрасно играть, и настолько благоразуменъ, что веселился съ нами и не менѣе насъ, но одержимъ былъ лишь одной слабостью: онъ читалъ намъ вслухъ свою трагедію «Кельты». А барышни! Женни, въ которой уже обозначалась красивенькая рожица субретки, Берта, которая цѣловала подкладку моихъ фуражекъ и собирала въ коробочку зерна отъ персиковъ, съѣденныхъ мною, и Мари, обладательница самыхъ чудныхъ волосъ и прекраснѣйшихъ глазъ на свѣтѣ!

Потомъ спектакль! Спектакль былъ высшимъ блаженствомъ, наслажденіемъ изъ наслажденій, высшей радостью для каждаго изъ насъ! Театръ помѣщался въ оранжереѣ,—настоящій театръ, театръ съ занавѣсомъ, изображающимъ нашу усадьбу, съ декораціями, съ галлереей, съ рѣшетчатой ложой! Театръ, на которомъ очень недурно производили

громъ, стуча щипцами по желѣзному листу. И знаете-ли, что наши румяна стоили 96 франковъ за баночку, что румяна эти сохранились отъ прошлаго вѣка, и что насъ просили быть съ ними поэкономнѣе. Что за чудные гусарскіе костюмы! Что за великолѣпный бѣлый парикъ! И какъ я былъ загримированъ, и какую красивую бороду изъ жженой бумаги сдѣлалъ мнѣ мосье Пура, такъ что Эдмондъ не узнавалъ меня, когда я говорилъ съ нимъ.

Сколько инцидентовъ, соискательствъ, раздраженій самолюбія за репетиціями, подъ руководствомъ Пура̀, приводившаго намъ въ назиданіе аксіомы великаго Тальма! И восхитительное ребячество, смѣшанное со всѣмъ этимъ, и забавный гнѣвъ Бланшъ, когда теноръ Леонсъ съѣлъ персикъ, который ей слѣдовало скушать на сценѣ!.. И какъ веселы бывали ужины маленькой труппы, за которыми насъ кормили яблочными пирогами, и какой великій день, наканунѣ представленія, когда м-мъ Пасси раскладывала всѣ костюмы въ большой комнатѣ, гдѣ мы теперь спимъ!

Что сталось съ театромъ, съ актерами и съ актрисами? Сегодня я заглянулъ въ зеленую дверку, позади оранжереи,—бывшій «входъ для артистовъ». Стоитъ еще большой курятникъ, сдѣланный изъ дощечекъ старыхъ жалузи, гдѣ одѣвались маленькія актрисы, но въ немъ теперь одни пустые ящики. На чердакѣ валяются кипы декорацій, изъ которыхъ выползаютъ лоскуты занавѣсей и золотой бахромы. Отъ галлерей, ложъ, скамеекъ—осталось только шесть столбовъ, обвитыхъ, бывало, зеленью, въ дни торжественныхъ представленій; а на мѣстѣ того, что сожгли—станокъ столяра, и жирныя растенія, разставленныя на полкахъ. А Берта умерла. Другія маленькія барышни сдѣлались женщинами, женами, матерями семейства. Леонсъ — лѣсничій, Базенъ — учитель географіи, имѣетъ орденъ отъ папы, Антонина можетъ быть уже убили подъ Севастополемъ, отецъ Пура̀ все еще носитъ въ портфелѣ свою трагедію «Кельты». старикъ Жинетъ открылъ красильное заведеніе, Луи—магистръ правъ, а я—никто.

1856.

Октябрь. M-lle *** — сердечность и правдивость мужчины, въ сочетаніи съ прелестью молодой дѣвушки; зрѣлый умъ и свѣжая душа; духъ, не знаю какими судьбами возвысившійся надъ буржуазной средой, въ которой онъ росъ, духъ, полный стремленій къ нравственному величію, къ самоотверженію, къ самопожертвованію; жажда всего, что утонченно въ области разума и искусства; презрѣніе ко всему, что обыкновенно составляетъ мысль и разговоръ женщины.

Антипатіи и симпатіи по первому взгляду, живыя и смѣлыя; улыбки,

восхитительно сложныя для тѣхъ, кто ее понимаетъ, и вытянутое лицо, какъ отраженіе на днѣ ложки, для фатовъ, для молодыхъ людей съ цитатами, для дураковъ. И неловко ей среди обмана свѣта, и говоритъ она, что вздумаетъ, съ удивительнымъ пониманіемъ художническаго духа, съ какимъ-то шумнымъ, гремучимъ оборотомъ рѣчей:—и вся ея внѣшняя веселость выходитъ изъ глубины грустной души, въ которой проходятъ бѣлые призраки погребальнаго шествія и слышатся звуки похороннаго марша Шопена.

Она страстно любитъ ѣздить верхомъ, править, но ей дѣлается дурно при видѣ капли крови; она по-дѣтски боится пятницы, числа тринадцать; она обладаетъ полной коллекціей предразсудковъ и слабостей, понятныхъ и милыхъ въ женщинѣ: слабостей, соединенныхъ съ оригинальнымъ кокетствомъ; такъ, напримѣръ, она очень занята своей ножкой, самой маленькой на свѣтѣ, и всегда носитъ открытый башмачекъ на высокомъ каблукѣ...

Не оцѣненная и обезславленная женщинами и мелкими душами, ненавидящими искреннюю натуру, она создана, чтобы быть любимой «влюбленной дружбой» такихъ людей, какъ мы, враговъ свѣтской подлости и лицемѣрія.

1857.

21 мая. Нашему брату нужна женщина, мало воспитанная, мало образованная, одаренная только веселостью и природнымъ умомъ. Она насъ будетъ радовать и очаровывать, какъ милое животное, къ которому привязываешься. Но если любовница понабралась свѣтскости, искусства, литературы, если она захочетъ, какъ равная, бесѣдовать съ нашей мыслью, съ нашими понятіями о прекрасномъ, если она тщеславна до того, что хочетъ сдѣлаться подругой зачатой нами книги или нашихъ вкусовъ, то она скоро станетъ для насъ несносной, какъ ненастроенный рояль, прямо антипатичной.

22-го мая. Я прочелъ книгу 1830 года, сказки Самуила Баха. Какъ молодо! Этотъ скептицизмъ дѣйствительно скептицизмъ двадцатилѣтній. Какъ сквозитъ иллюзія изъ подъ ироніи! Это представленіе о жизни, а не сама жизнь! Сопоставьте съ ней любую изъ замѣчательныхъ книгъ какого-нибудь молодого писателя послѣ 48-го года. Тутъ будетъ уже другой скептицизмъ зрѣлый, оформленный и здоровый. Скальпель анализа вмѣсто богохульства. Если дѣло такъ пойдетъ далѣе, то наши дѣти будутъ родиться сорокалѣтними.

23-го мая. Что за пошлость—деревня, и какъ мало она даетъ пищи воинствующей мысли! Тишина, безмолвіе, неподвижность, большія деревья съ закрученными отъ жары листьями, напоминающими оконечности лапчатоногой птицы... Это можетъ веселить лишь дѣтей, женщинъ.

писца отъ нотаріуса. Но человѣку мысли становится неловко съ глазу на глазъ съ природой, какъ при видѣ руки Божьей, превращающей его философскій мозгъ въ навозъ и зелень! Отъ подобныхъ мыслей вы спасаетесь въ стѣнахъ большихъ городовъ.

— Моя любовница разсказала мнѣ сегодня, что у ней болитъ грудь и что у ней не хватаетъ денегъ на піявки для лѣченія. Она очень умилительно разсказывала, бѣдняжка! Но что это въ сравненіи съ страшными мученіями тѣхъ, кто можетъ покупать піявокъ сколько угодно! Надо знать, кто больше страдаетъ: человѣкъ умирающій отъ несчастной любви, отъ несчастнаго тщеславія, или человѣкъ, умирающій отъ голода. Я искренно вѣрю, что первый.

28-го мая. Наша пьеса: «Литераторы» скоро будетъ окончена. Воздушные замки! Мы говоримъ, что если она намъ принесетъ денегъ, много денегъ, то мы станемъ презирать эти деньги, попирать ихъ ногами, насмѣхаться надъ ними, злоупотреблять или сорить ими, дѣлать глупости. Мы, хотя и увѣрены, что за деньги нельзя купить ни новаго ощущенія, ни новаго счастья, мы стали бы этими деньгами производить опыты, тратить ихъ безумнымъ образомъ, чтобы дома, у себя, испробовать свою оригинальность, и удѣльный вѣсъ крупной суммы и пощечину, которую можно дать богатымъ плебеямъ.

11-го іюня. Опять у меня боли въ печени, и я боюсь новаго припадка желтухи. Человѣкъ, живущій въ мірѣ литературы, не долженъ имѣть нервной организаціи. Когда бы публика знала, цѣной какихъ дерзостей, обидъ, клеветы, недомоганій духа и тѣла достается хоть малѣйшая извѣстность, она бы насъ вѣрно жалѣла, вмѣсто того, чтобы завидовать намъ.

15-го іюня. Мы бываемъ въ гостяхъ у сосѣднихъ дворянъ, людей любезныхъ и привѣтливыхъ... Это насъ ни къ чему не обязываетъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе намъ играть утомительную комедію свѣта, которую другіе исполняютъ такъ естественно и просто. Въ напряженіи любезности заключается такая изнуряющая физическая трата собственной личности. Маска улыбки намъ тяжела, противна нашимъ губамъ. Общія мѣста намъ такъ гадки, что почти больно прибѣгать къ нимъ. Притворяться движеніемъ и игрой физіономіи, будто интересуешься шумомъ словъ, сказанныхъ только для того, чтобы предупредить молчаніе — это стоитъ болѣзненнаго усилія.

Между нами и тѣми людьми прорытъ ровъ. Наша мысль обитаетъ выше буржуазныхъ интересовъ, ей трудно спускаться на низменную почву будничной мысли, вскормленной пошлыми явленіями жизни и вещественностью ежедневныхъ событій. Да, мы принадлежимъ къ тому же свѣту, у насъ тотъ же языкъ, перчатки, лакированные штиблеты, и не смотря на это, мы въ немъ чувствуемъ себя неловко, мы въ немъ

чужіе, все равно какъ ссыльные въ колоніи, жители которой близки имъ лишь тѣлесно, но душою далеки, далеки отъ нихъ.

1859.

Одинъ старикъ сидѣлъ возлѣ меня, въ кафе Ришъ. Гарсонъ пересчиталъ ему всѣ блюда и спросилъ, какое онъ желаетъ. «Я желалъ бы». сказалъ старикъ, «я желалъ бы имѣть желаніе».—Этотъ старикъ—старость.

11-го мая. Звонятъ. Это Флоберъ. Ему сказали, что мы гдѣ-то видѣли дубину, которой убиваютъ людей, дубину, почти что карѳагенскую, и онъ хочетъ узнать у насъ, гдѣ находится эта коллекція. Онъ намъ разсказываетъ свои затрудненія съ карѳагенскимъ романомъ [1]). И онъ начинаетъ любоваться — съ восторгомъ ребенка передъ игрушечной лавкой, и цѣлый часъ веселится, любуясь—нашими папками, книгами, нашими маленькими коллекціями.

Флоберъ необыкновенно похожъ на портретъ Фредерика Леметра въ молодости. Онъ очень высокъ, широкоплечъ, съ красивыми большими глазами на выкатѣ, съ немного пухлыми вѣками; щеки полныя, усы жесткіе и висящія книзу, неровный цвѣтъ лица съ красными пятнами. Онъ проводитъ четыре-пять мѣсяцевъ въ Парижѣ, нигдѣ не бываетъ, видится только съ двумя-тремя пріятелями, живетъ медвѣдемъ, какъ мы всѣ живемъ,—Сенъ-Викторъ, какъ онъ, мы какъ Сенъ-Викторъ.

Любопытна эта «медвѣжья жизнь» писателей XIX вѣка, если сравнить ее съ свѣтскимъ образомъ жизни литераторовъ XVIII в., Дидероили Мормонтеля. Нынѣшняя буржуазія не очень-то ухаживаетъ за писателемъ, если онъ не готовъ взять на себя роль любопытнаго звѣря, шута или гида за границей.

1859

12-го августа. Вчера я сидѣлъ за однимъ концомъ большого стола. За другимъ сидѣлъ Эдмонъ и разговаривалъ съ Терезой. Я ничего не слышалъ, но когда онъ улыбался, я тоже невольно улыбался, съ тѣмъ же наклономъ головы... Никогда не бывало подобной души въ двухъ тѣлахъ.

— Мы посѣщаемъ только одинъ театръ. Всѣ остальные насъ раздражаютъ и утомляютъ. У публики какой-то вульгарный, низкій и глупый смѣхъ, отъ котораго намъ дѣлается тошно. Нашъ театръ—циркъ. Тамъ мы видимъ клоуновъ, скакуновъ, наѣздницъ дѣлающихъ свое дѣло и исполняющихъ свой долгъ: въ сущности единственныхъ актеровъ, та-

---

[1]) «Саламбо». Прим. ред.

лантъ которыхъ неоспоримъ, абсолютенъ, какъ математика, или лучше сказать, какъ salto-mortale. Ибо тутъ не можетъ быть чего-то «вродѣ таланта»: вы либо падаете, либо не падаете.

И мы видимъ этихъ храбрецовъ, рискующихъ своими костями на воздухѣ, чтобы схватить какое-нибудь браво, мы глядимъ на нихъ съ какимъ то хищнымъ любопытствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какой-то симпатіей и жалостью, какъ будто это людинашей породы, какъ-будто всѣ мы—паяцы, историки, философы, фантоши и поэты—всѣ мы скачемъ, сломя голову, для этой глупой публики [1]).

15-го декабря. Хорошо-ли или плохо мы организованы? Во всемъ мы видимъ конецъ, крайній предѣлъ. Другіе прямо, безъ размышленія, какъ скворцы, бросаются впередъ. А мы, напримѣръ въ дуэлѣ, если не предвидимъ собственную смерть, то видимъ передъ собою смерть противника, предстоящую тюрьму, пенсію, которую придется выдавать семьѣ. Вѣчно зарождаются у насъ въ мозгу безконечные выводы непредвидѣннаго, выводы, которые не пришли бы на умъ никому другому. Въ какой-нибудь прихоти, любовной связи, мысль наша заранѣе усчитываетъ суммы денегъ, свободы и т. д. и т. д., которыя придется затратить. Даже въ стаканѣ вина мы видимъ мигрень завтрашняго дня. Такъ всегда, и мы всетаки не отказываемся отъ дуэли, отъ соблазнительной женщины, отъ хорошей бутылки.

Несчастье-ли это, полно? Нѣтъ. Если оно и отравляетъ немного наслажденіе настоящимъ, то по крайней мѣрѣ непредвидѣнное не вышибетъ насъ изъ сѣдла—и мы всегда готовы довести до конца предпринятое дѣло, съ осмысленной рѣшимостью, съ накопившейся силой воли, съ постояннымъ терпѣніемъ при неудачахъ.

1860.

12-е января. Мы у себя въ столовой, въ красивой нашей коробочкѣ, кругомъ затянутой, замкнутой, обитой матерьями, куда мы повѣсили торжествующаго Луи Моро, гдѣ все свѣтло и весело подъ кроткимъ блескомъ люстры изъ богемскаго хрусталя.

За столомъ у насъ Флоберъ, Сенъ-Викторъ, Ореліенъ Шоль, Шарль Эдмонъ, Жюли, м-мъ Дошъ, кокетливо убранная красной сѣткой на слегка напудренныхъ волосахъ. Говорятъ о романѣ. «Она и Онъ», г-жи Коле, гдѣ Флоберъ свирѣпо описанъ подъ именемъ Леонса... М-мъ Дошъ отъ десерта убѣгаетъ на репетицію «Нормандской Пенелопы», которая пойдетъ завтра, и Сенъ-Викторъ, не имѣя матеріала для своего фельетона, сопровождаетъ ее вмѣстѣ съ Шолемъ.

---

[1]) Впечатлѣнія цирка получили свое выраженіе въ романѣ Эдмона Гонкура «Братья Земгано». *Прим. ред.*

Разговоръ блуждаетъ около лицъ нашего свѣта, касается того, какъ трудно найти людей, съ которыми можно было жить, людей незапятнанныхъ, не буржуазныхъ, не грубыхъ. И мы жалѣемъ о томъ, чего не хватаетъ Сенъ-Виктору. Онъ могъ бы быть такимъ славнымъ другомъ, но сердечной откровенности вы отъ него не дождетесь никогда, хотя онъ и откроетъ вамъ свою мысль. Вы знакомы съ нимъ три года, вы друзья, и вдругъ онъ васъ встрѣчаетъ какъ ледъ, и холодно подаетъ вамъ руку, какъ чужому. Флоберъ объясняетъ это воспитаніемъ, говоря, что три воспитанія, духовное, военное и нормальная школа накладываютъ неизгладимую печать на личность.

И вотъ мы одни, Флоберъ съ нами, въ гостинной, въ туманѣ отъ дыма сигаръ; онъ мѣритъ шагами коверъ и задѣваетъ головой за шаръ, спускающійся съ люстры, и слова его льются, льются черезъ край, онъ весь открывается намъ, какъ духовнымъ братьямъ.

Онъ говоритъ намъ про свою скромную, даже нелюдимую жизнь въ Парижѣ, закрытую и замкнутую. Онъ не имѣетъ развлеченій, кромѣ воскресныхъ обѣдовъ у м-мъ Сабатье, «президентши», какъ ее называютъ въ кружкѣ Теофиля Готье. Онъ терпѣть не можетъ деревни. Онъ работаетъ десять часовъ въ день, но онъ теряетъ много времени, забываясь за чтеніемъ, отвлекаясь отъ своей книги. Присѣвъ за работу въ полдень, онъ лишь къ пяти расходится... Онъ не можетъ писать на бѣлой бумагѣ, ему нужно впередъ набросать какія-нибудь мысли, подобно живописцу, покрывающему полотно основными тонами...

Вдругъ, пересчитывая небольшое число лицъ, интересующихся выборомъ эпитета, ритмическимъ ходомъ фразы, отдѣлкой стиля, онъ восклицаетъ: «Понимаете-ли вы такую нелѣпость: трудиться, чтобы не встрѣчалось непріятнаго созвучія гласныхъ въ строкѣ или повтореній слова на страницѣ? Для кого? И подумать, что если даже вашъ трудъ будетъ имѣть успѣхъ, то этотъ успѣхъ никогда не будетъ тѣмъ, какого вы хотѣли! Вѣдь только водевильная же сторона «Г-жи Бовари» привлекла къ ней публику. Да, успѣхъ всегда происходитъ такимъ образомъ... Форма, ахъ форма! Да кому изъ публики до нее дѣло? И замѣтьте, что форма есть то, что насъ дѣлаетъ подозрительными передъ правосудіемъ, въ глазахъ классическихъ судей... Классическихъ! Хороша шутка! Да вѣдь никто и не читалъ классиковъ! Нѣтъ и восьми писателей, которые читали-бы Вольтера, читали-бы, понимаете вы. И найдется-ли пять человѣкъ въ обществѣ драматическихъ авторовъ, которые могли-бы назвать мнѣ заглавія піесъ Томаса Корнеля?..

Brûlé de plus de feu que je n'en allumai! [1])

Никогда искусство для искусства не получало такого явнаго выраженія

---

[1]) Сгорая болѣе сильнымъ огнемъ, чѣмъ тотъ, который я зажегъ!

какъ въ рѣчи къ академіи одного изъ классиковъ, Бюффона: «форма въ которой выражается истина, болѣе полезна человѣчеству, чѣмъ сама истина!» Это-ли не искусство для искусства? И Лабрюйеръ тоже сказалъ; «Искусство писателя есть искусство опредѣленія и описанія»... Затѣмъ Флоберъ называетъ два-три образца слога: Лабрюйеръ, нѣсколько страницъ изъ Монтескье, нѣсколько главъ изъ Шатобріана.

И вотъ онъ, съ воспаленными глазами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, раскидывая руки какъ Антей, изъ глубины груди и горла выкрикиваетъ отрывки «Разговора Сциллы и Евкрата», напоминая, своимъ грознымъ голосомъ, рычаніе льва.

Потомъ онъ возвращается къ своему карѳагенскому роману. Онъ намъ разсказываетъ про свои изслѣдованія, чтенія, про цѣлые томы наведенныхъ имъ справокъ, и говоритъ: «знаете-ли, въ чемъ все мое тщеславіе? Я хочу, чтобы хорошій, умный человѣкъ часа четыре провелъ бы въ заперти съ моей книгой, и чтобы я подарилъ ему «порцію историческаго гашиша». Вотъ все, чего я хочу».

И онъ прибавляетъ, съ меланхолической ноткой: «Въ концѣ концовъ работа самое лучшее средство обмануть жизнь».

Вдскресенье, 5-го февраля. Завтракъ у Флобера. Булье разсказываетъ намъ нѣжную повѣсть о сестрѣ милосердія Руанскаго госпиталя, гдѣ онъ былъ студентомъ. У него былъ пріятель, тоже врачъ, въ котораго сестра была влюблена, платонически, какъ онъ полагаетъ. Пріятель повѣсился. Сестры живутъ въ госпиталѣ какъ въ монастырѣ и спускаются во дворъ для прогулки только въ праздникъ Тѣла Господня. Булье сидѣлъ около покойника, когда сестра вошла, встала на колѣни въ ногахъ кровати и стала молиться, въ продолженіи по меньшей мѣрѣ четверти часа,—не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, будто его тутъ не было. Когда сестра встала съ молитвы, Булье положилъ ей въ руку прядку волосъ, отрѣзанную для матери покойнаго. Она ее взяла, не промолвивъ ни слова. И съ той поры, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ общаго пребыванія въ госпиталѣ, она ни разу, ни словомъ, не коснулась того, что произошло между ними, но всегда и при всякомъ удобномъ случаѣ, выказывала ему особую услужливость [1]).

10-го марта. Я получилъ отъ м-мъ Ж. Зандъ, по поводу нащихъ «литераторовъ», премилое письмо, сердечное, какъ рукопожатіе друга... Дѣло въ томъ, что наша книга имѣетъ «успѣхъ уваженія», она не расходится. Первый день намъ показалось, что она скоро будетъ распродана, но вотъ уже двѣ недѣли, а куплено только 500 экземпляровъ; неизвѣстно, потребуется ли второе изданіе. Тѣмъ не менѣе мы, между нами, гордимся нашей книгой, которая не смотря ни на что, не смотря на

---

[1]) Сцена воспроизведенная въ Soeur Philomène.

всю злость журналистовъ, будетъ жить; а тѣмъ кто насъ спроситъ: Не очень-ли высоко вы себя цѣните?—мы охотно отвѣтимъ съ гордостью аббата Морп: «Очень низко, когда мы смотримъ на себя, но очень высоко, когда мы себя сравниваемъ съ другими!»

Хорошо, однако, быть вдвоемъ, чтобы поддерживать другъ друга противъ подобнаго равнодушія и подобныхъ неуспѣховъ, хорошо быть вдвоемъ, когда даешь себѣ слово насильно овладѣть Фортуной, если она сама ухаживаетъ только за безсильными.

Можетъ быть эти строки, написанныя холодно, безъ унынія, научатъ настойчивости тружениковъ будущихъ вѣковъ. Пусть-же они узнаютъ, что послѣ десятилѣтней работы, послѣ изданія пятнадцати томовъ, послѣ многихъ ночей такого добросовѣстнаго труда, даже послѣ столькихъ успѣховъ, послѣ историческаго сочиненія, извѣстнаго уже въ Европѣ, послѣ романа, въ которомъ сами враги наши признаютъ выдающуюся силу,—ни одна газета, ни одинъ журналъ, большой или малый, не пришли къ намъ, и мы не знаемъ еще, не придется ли намъ слѣдующій романъ печатать на собственныя средства; а между тѣмъ ничтожный проныра эрудиціи, послѣдній писака повѣстей, издаетъ, получаетъ деньги, печатается, перепечатывается.

18-го декабря. Мы рѣшили отнести сегодня утромъ письмо, данное намъ, по рекомендаціи Флобера, къ Эдмонъ-Симону, служащему подъ руководствомъ Бельпо въ больницѣ Милосердія. Намъ нужно, для нашего романа: «Сестра Филомена», изучать истинное, живое, кровавое.

Мы плохо спали. Мы встали въ половинѣ седьмого. Погода холодная и сырая. Мы другъ другу ничего не говоримъ, но оба испытываемъ какой-то страхъ, какое-то нервное безпокойство. Когда мы входимъ въ эту женскую палату, гдѣ разложены на столѣ кучи корпіи, свертки бинтовъ, груды губокъ, мы чувствуетъ какую-то тревогу и сердце у насъ не на мѣстѣ. Мы дѣлаемъ усиліе и идемъ вслѣдъ за Бельпо и его студентами; только ноги у насъ подкашиваются, будто мы опьянѣли, колѣнная чашка трясется и морозъ пробираетъ мозгъ берцовой кости.

Когда видишь все это, и зловѣщую надпись у изголовья кроватей, съ краткими словами: «оперирована такого-то числа»—тогда хочется хулить Провидѣніе, и назвать палачомъ Божество, причину существованія хирурговъ.

Вечеромъ, у насъ осталось послѣ всего этого лишь далекое видѣніе, смутное воспоминаніе утра; будто оно намъ приснилось, и мы не пережили его. И странная вещь! Ужасъ страданій такъ хорошо прикрытъ бѣлыми простынями, чистотой, порядкомъ, выдержкой, что послѣ посѣщенія больницы остается—трудно это выразить — нѣчто чуть-ли не сладострастное, таинственно возбуждающее; послѣ этихъ женщинъ, видѣнныхъ на синеватыхъ подушкахъ и преобразованныхъ страданіемъ

и неподвижностью,—остается образъ, чувственно щекочущій душу и превлекательный сквозь тайну мучительнаго страха. Да, повторяю, странно, мы боимся страданій и жестокихъ возбужденій, но мы сегодня болѣе обыкновеннаго расположены къ любви. Я гдѣ-то читалъ, что особы ухаживающія за больными, болѣе другихъ склонны къ чувственнымъ наслажденіямъ. Что за бездна все это!

Воскресеніе 23-го декабря. Мы проводимъ часть ночи въ больницѣ...

Мы подходимъ къ койкѣ чахоточнаго, который только-что отошелъ. Гляжу и вижу мужчину лѣтъ сорока; верхняя часть корпуса приподнята подушками, коричневая фуфайка на груди растегнута, руки свисаютъ, опустились съ постели, голова немного на бокъ и запрокинута. Можно различить сухожилья внизу ушей, густую черную бороду, заострившійся носъ, ввалившіеся глаза; вокругъ лица, на подушкѣ, волосы разостланы пластами, какъ мокрая мочалка. Ротъ широко открытъ, какъ у человѣка, задохшагося отъ недостатка воздуха. Онъ еще теплый, подъ этимъ острымъ рѣзцомъ смерти. Этотъ покойникъ возбудилъ во мнѣ воспоминаніе о картинѣ Гойя: *Удавленникъ*.

Потомъ я увидалъ вдали, въ темнотѣ, приближающійся изъ за большой арки слабо, слабо мерцающій огонекъ. Онъ становится все больше, начинаетъ свѣтить. Нѣчто бѣлое приближалось вмѣстѣ съ огонькомъ и было освѣщено имъ. То, что приближалось, отворило дверь подъ аркой, и двѣ женщины, изъ которыхъ одна несла свѣчку, вошли въ большую палату. Это сестра милосердія дѣлала обходъ, сопровождаемая сидѣлкою. Сестра, повидимому послушница, такъ какъ на ней не было чернаго покрывала, вся въ бѣломъ, въ чемъ то мягкомъ и пушистомъ, съ повязкой на лбу; сидѣлка въ чепцѣ, въ черномъ платочкѣ, въ кофтѣ и юбкѣ

Онѣ подошли къ одной изъ коекъ, сестра къ изголовью, сидѣлка къ ногамъ, высоко подымая свѣчку. Тогда я услыхалъ голосъ, до того тихій и слабый, что я принялъ его за голосъ больной. Нѣтъ, это сестра говоритъ старухѣ, ласковымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно повелительнымъ голосомъ, какъ говорятъ съ любимымъ ребенкомъ, когда хотятъ заставить его сдѣлать то, чего онъ не хочетъ.—Вамъ больно?—Старуха сердито проворчала что-то непонятное. Сестра приподняла одѣяло, обняла безпомощную, вонючую больную, повернула ее на спину (спина у нея была посинѣлая и помятая, какъ у грудного ребенка, слишкомъ туго спеленутаго), ловко вытащила изъ подъ нея замаранную подстилку, говоря съ ней все время, ни на минуту не переставая ласкать ее голосомъ, говоря ей, что вотъ сейчасъ ей положатъ припарку, вотъ сейчасъ дадутъ ей попить... и дѣло кончилось судномъ [1]).

---

[2]) Сцена воспроизведенная въ сестрѣ Филоменѣ.

По истинѣ. вотъ гдѣ сердце разрывается отъ восторга, вотъ гдѣ простое величіе. рядомъ съ которымъ громогласные друзья человѣчества, друзья народа. кажутся весьма ничтожными. По истинѣ религія должна гордиться тѣмъ, что довела женщину, эту слабость, этотъ нѣжный нервный аппаратъ, до побѣды надъ отвращеніями подобнаго рода, что довела сердце благороднаго созданія до полнаго самоотверженія въ пользу гнусныхъ и низменныхъ страдальцевъ. Религіямъ будущаго трудно будетъ создать подобное самопожертвованіе.

И глядя на эту молодую женщину. нѣжно склонившуюся надъ страшной и отвратительной мегерой, которая ее поноситъ. я вспоминаю Беранже... Ему почему-то показалось забавнымъ ввести въ рай одновременно сестру милосердія и оперную танцовщицу: у обѣихъ, на его взглядъ, заслуги равныя... Да, врагамъ католической религіи всегда недоставало чувства уваженія къ женщинѣ, характерный недостатокъ, свойственный людямъ дурного общества, и великій предводитель ихъ братства, г-нъ Вольтеръ. задумавъ свою грязную поэму, конечно. выбралъ героиней Жанну Даркъ, любимую святую отечества.

Февраль. Книги не выходятъ такими, какими—задуманы.

Есть что-то роковое въ первой случайности, продиктовавшей вамъ начальную мысль. Потомъ является невѣдомая сила, высшая воля, какая-то необходимость писать, которыя распоряжаются вашимъ трудомъ и водятъ вашимъ перомъ; такъ что иногда книга, вышедшая изъ вашихъ рукъ, кажется вамъ чужою, она васъ удивляетъ, какъ нѣчто бывшее въ васъ, но невѣданное вами. Вотъ впечатлѣніе, которое я получилъ отъ «*Сестры Филомены*».

11-го апрѣля. Мы рады продать нашъ романъ: «Сестра Филомена» въ «Librairie Nouvelle» хоть по 20 сантимовъ за экземпляръ, но мы утѣшены послѣ такого печальнаго успѣха, доставшагося намъ, къ тому-же, цѣною многихъ хлопотъ, когда находимъ у себя письмо одного русскаго издателя, желающаго перевести всѣ наши историческія произведенія.

18-го апрѣля. Флоберъ говорилъ намъ сегодня, что прежде чѣмъ идти въ Леви, онъ предложилъ издать «Госпожу Бовари» Жакоте, хозяину «Librairie Nouvelle». «Ваша книга хороша», замѣтилъ ему Жакоте, — «это чеканная работа, но вы не можете, не правда-ли, претендовать на такой-же успѣхъ, какъ Амедэ Ашаръ. Я издаю его два тома, вамъ-же не могу пока ничего обѣщать». — Чеканная работа! мычитъ Флоберъ, вотъ дерзость со стороны издателя! Пусть издатель васъ эксплоатируетъ — прекрасно! Но онъ не имѣетъ права дѣлать вамъ оцѣнку. Я всегда былъ благодаренъ Леви за то, что онъ никогда не говорилъ мнѣ ни слова о моей книгѣ.

6-го мая. Въ четыре часа мы у Флобера, который насъ пригласилъ на чтеніе «Саламбо», вмѣстѣ съ живописцемъ Глейръ (Gleyre). Отъ четы-

рехъ до семи Флоберъ читаетъ своимъ рычащимъ, звонкимъ голосомъ, усыпляющимъ васъ, какъ гулъ колокола. Въ семь часовъ обѣдъ, и сейчасъ-же послѣ обѣда, и одной только трубки, опять за чтеніе. Онъ читаетъ, разбираетъ нѣкоторые отрывки, резюмируетъ неоконченныя главы и доходитъ до послѣдней главы. Два часа ночи!

Я изложу здѣсь искреннее мое мнѣніе о произведеніи человѣка, котораго люблю, и первую книгу котораго я встрѣтилъ съ безусловнымъ восторгомъ. «Саламбо» ниже того, что я ожидалъ отъ Флобера. Личность автора, которая такъ превосходно скрадывается въ «г-жѣ Бовари»—сквозитъ здѣсь, вся на показъ, громкая, мелодраматическая, съ любовью накладывая кричащія краски, лубочную пестроту. Флоберъ видитъ Востокъ, древній Востокъ, въ краскахъ алжирскихъ этажерокъ. Усиліе, конечно, громадное, терпѣніе безконечное, и несмотря на всѣ недостатки, талантъ рѣдкій; но въ этой книгѣ нѣтъ освѣщенія, нѣтъ тѣхъ откровеній, которыя, путемъ аналогіи, вводятъ васъ въ уголокъ той души, которой уже нѣтъ на свѣтѣ. Что касается возсозданія нравственной природы—милый Флоберъ обманывается: чувства его дѣйствующихъ лицъ—банальныя, общія чувства человѣчества, а вовсе не чувства спеціально карѳагенскія, и его Мато ни болѣе, ни менѣе, какъ оперный теноръ изъ поэмы варварскихъ временъ.

Нельзя сказать, чтобы путемъ усилія, труда, любопытныхъ оттѣнковъ, заимствованныхъ у всѣхъ красокъ Востока, онъ не возбуждалъ-бы минутами въ вашемъ мозгѣ, въ вашихъ глазахъ, порывовъ къ міру его вымысловъ; но онъ скорѣе ошеломляетъ, чѣмъ уноситъ съ собой, благодаря недостатку послѣдоватальности плана, постоянному блеску красокъ, безконечной длинѣ описаній.

Къ тому-же—слишкомъ красивый синтаксисъ, синтаксисъ въ духѣ старыхъ профессоровъ-флегматиковъ, синтаксисъ для надгробныхъ рѣчей: ни единаго смѣлаго оборота, ни стройнаго изящества, ни тѣхъ нервныхъ неожиданностей, въ которыхъ вибрируетъ новизна современнаго стиля... Сравненія, не слившіяся съ предложеніемъ, а всегда приколотыя словечкомъ *какъ,* напоминающія мнѣ деревца съ поддѣльными камеліями, гдѣ каждый бутонъ приколотъ булавкой къ вѣткѣ... Въ ревѣ его фразы вы никогда не услышите гармоніи, звучащей согласно съ сладостью того, что онъ описываетъ...

Однимъ словомъ, я знаю, изъ современниковъ, только одного человѣка, который говорилъ-бы о древности языкомъ подходящимъ: Мориса де Геренъ (Maurice de Guérin) въ его «Центаврѣ».

12 іюля. Послѣ того, какъ мы цѣлый день ходили по книгопродавцамъ, отдавая на комиссію нашъ романъ «Soeur Philomène». я обѣдалъ у Шарля-Эдмона, который только что провелъ нѣсколько дней съ Гюго, въ Брюсселѣ. Поэтъ, поставившій въ день его пріѣзда слово *конецъ*

подъ своими «Misérables», сказалъ ему: «Данте сдѣлалъ адъ изъ вымысла, я попытался сдѣлать его изъ дѣйствительности».

Гюго съ полнымъ равнодушіемъ переноситъ изгнаніе, не признавая отечествомъ одну только какую-нибудь точку земли, и повторяя: «Отечество, что это такое? Идея! Парижъ! такъ что-же? Онъ мнѣ не нуженъ. Это улица Риволи, а я ненавижу улицу Риволи!»

— *29 іюля.* Тревожное возвращеніе въ Парижъ, къ магниту нашей жизни, къ нашей книгѣ, къ извѣстіямъ нашихъ успѣховъ или нашихъ неудачъ. Что за жизнь—жизнь писателя! Минутами я ее проклинаю и ненавижу! Эти дни, когда волненія такъ и сокрушаютъ васъ! Эти горы надеждъ, которыя то возвышаются, то обрушиваются! Этотъ рядъ иллюзій и разочарованій! Эти часы тоски, когда ждешь, но не надѣешься! Эти минуты страха, какъ сегодня вечеромъ, когда вопрошаешь о судьбѣ своей книги на выставкахъ, и когда что-то мучительное пронизываетъ васъ у витрины книгопродавца, гдѣ вашей книги нѣтъ. Наконецъ, вся кипящая, нервная работа вашей мысли, раздѣляется между надеждой и уныніемъ; все это васъ колотитъ, катаетъ, поворачиваетъ, какъ волны утопленника.

Профессоръ Іеронимусъ.

Повѣсть **Амаліи Скрамъ**.

Переводъ съ норвежскаго **О. Аносовой**.

IX.

Какая ласковая и добрая фрэкенъ Стенбергъ! Эльза думала, что она спокойно расхаживаетъ по этому чистилищу, не испытывая ни малѣйшаго состраданія къ несчастнымъ жертвамъ, а она выказала такую ласку и участіе къ Эльзѣ, какъ разъ, когда она причинила ей непріятность. Эльза никогда не забудетъ этого! Какія онѣ добрыя всѣ. Сколько разъ въ продолженіе дня забѣжитъ къ ней широкоплечая краснощекая Торгренъ, бесѣдуетъ съ ней такъ весело и ласково и всѣми силами старается доказать ей свое доброе расположеніе. А фрэкенъ Ганзенъ съ лицомъ Мадонны, огромные глаза которой свѣтятъ необыкновенной добротой и самымъ искреннимъ сочувствіемъ, не говоря уже о фрэкенъ Суенсонъ, ночной сидѣлкѣ, которая однимъ своимъ появленіемъ дѣйствуетъ успокоительно на страданія Эльзы. Слава Богу, что сидѣлки такія добрыя. Что, если-бы онѣ были такія, какъ Іеронимусъ! Эльзѣ казалось, что онѣ умышленно скрывали отъ него тѣ хорошія отношенія, которыя установились между ними и ею. Какъ только приходилъ профессоръ, онѣ становились такими холодными и строгими. Точно все замерзало при его появленіи.—Вы должны постараться расположить къ себѣ профессора,—говорили ей всѣ.—Какъ вы ни возмущайтесь, все безполезно, пока онъ противъ васъ.

— Расположить къ себѣ профессора!—думала Эльза.—Но развѣ она не больной, страдающій человѣкъ, вполнѣ довѣрившійся ему? Если-бы она даже была совсѣмъ помѣшенная, неизлѣчимо сумасшедшая—развѣ это давало-бы ему право быть противъ нея? Нѣтъ, она этого не пони-

маетъ. Да и что дѣлать, чтобы расположить къ себѣ профессора? Вѣдь она не высказываетъ никакого противорѣчія, только плачетъ и жалуется на свое горе. Да и что такое ея жалобы—вѣдь это капля въ морѣ сравнительно съ тѣми страданіями, которыя она претерпѣла. Неужели-же ей представиться кроткой и раскаивающейся, преклониться предъ этимъ деспотичнымъ человѣкомъ, вести себя, какъ пресмыкающееся животное, которое умоляетъ своего господина о незаслуженной милости. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, если-бы ей даже пришлось сгорѣть на кострѣ!... Но все-таки, что если-бы попробовать, какъ онѣ говорятъ, расположить его къ себѣ, воззвать къ его милосердію и состраданію? Вѣдь долженъ-же онъ обладать этими чувствами. Можетъ быть, все его поведеніе не болѣе, какъ маска, которую онъ находитъ нужнымъ надѣвать по той или другой причинѣ. Завтра утромъ, во время обхода, она попробуетъ еще разъ. Завтра утромъ!.. А до тѣхъ поръ еще цѣлая ночь, полная ужаса...

Раздраженье Эльзы улеглось понемногу, и она начала думать о всѣхъ страданіяхъ и мукахъ, которыя претерпѣвали разные люди въ разныя времена—о тѣхъ, кто томился въ тюрьмахъ и подземельяхъ, о молодыхъ, невинныхъ дѣвушкахъ, которыхъ сжигали на кострахъ, потому что считали ихъ вѣдьмами или орудіемъ дьявола, о тѣхъ, кто былъ преданъ смертной казни за свои политическія убѣжденія, о безчисленныхъ жертвахъ религіозныхъ преслѣдованій, о заживо погребенныхъ въ летаргическомъ снѣ, и невыразимое состраданіе ко всѣмъ несчастнымъ наполнило ея сердце. Что значитъ ея горе передъ ихъ страданіями? На душѣ становилось все яснѣе и спокойнѣе.—«Пройдетъ тотъ часъ, въ который вы будете видѣть меня», сказалъ однажды Іисусъ ученикамъ. Пройдетъ и тотъ часъ, который она должна провести здѣсь, а потомъ придетъ Кнутъ и освободитъ ее. Конечно, иначе не можетъ быть. Іеронимусъ только дѣлаетъ видъ, что онъ такой суровый. За что можетъ онъ желать ей зла? Вѣдь она никогда не встрѣчала его раньше и ничего ему не сдѣлала. И если-бы даже она произвела на него несимпатичное, отталкивающее впечатлѣніе, то вѣдь это-же не могло служить основаніемъ для такого человѣка, какъ профессоръ. Наоборотъ, тогда онъ былъ-бы вдвое осторожнѣе. Да, докторъ правъ, она должна относиться къ этому спокойнѣе. Вотъ, наконецъ, утихаетъ этотъ глухой вой. Позже ночью, можетъ быть, успокоятся и делирики, а потомъ настанетъ утро и придетъ профессоръ.

— Вы не спите?—Фрэкенъ Суенсонъ стала прислушиваться у двери.

— Да скажите мнѣ что-нибудь о себѣ,—сказала Эльза и подперла руками подбородокъ, чтобы лучше видѣть тонкое, свѣтлое лицо Фрэкенъ Суенсонъ.—Довольны вы своимъ дѣломъ?

— Да, такъ довольна, такъ довольна. Вотъ уже пять лѣтъ я здѣсь,

и я не раскаивалась въ этомъ ни минуты. Единственно, что омрачаетъ мое спокойствіе—это мысль о моемъ дорогомъ, старомъ отцѣ. «Твоя жизнь тяжела, моя бѣдная дѣвочка»,—говоритъ онъ всегда и такъ тяжело вздыхаетъ и при этомъ гладитъ меня по головѣ.

— Но мнѣ кажется ужасно имѣть дѣло съ буйными. Вы не боитесь? И не боялись сначала?

— Нѣтъ. Конечно, вначалѣ я иногда немножко боялась, но къ этому легко привыкнуть. А съ нѣкоторыми бываетъ даже такъ пріятно, вотъ какъ съ той тихой старушкой—она такая ласковая и благодарная. Также и та пожилая дама, которая сбрасываетъ матрацъ на полъ. Часто, когда я нагнусь надъ ней, чтобы укрыть ее, она обнимаетъ меня и шепчетъ:—Спасибо, Альма, какая ты добрая.—Она всегда принимаетъ меня за Альму, которой она бредитъ. А вѣдь это много значитъ со стороны такой больной и измученной женщины.

Фрэкенъ Суенсонъ улыбнулась счастливой улыбкой.

— Какъ зовутъ эту даму?

— Фру Фогъ.

— Какъ вы думаете, добрый человѣкъ профессоръ? спросила Эльза.— Любите вы его, Фрэкенъ Суенсонъ?

— Люблю-ли я его?—Фрэкенъ Суенсонъ въ испугѣ повторила вопросъ, какъ будто мысль, которую онъ заключалъ въ себѣ, была слишкомъ дерзка.—Люблю-ли я его? Я питаю къ нему такое безграничное уваженіе—даже почтеніе.

— Но не думаете-ли вы, что онъ можетъ быть золъ къ тѣмъ, кого онъ не любитъ?

— Золъ къ тѣмъ, кого онъ не любитъ? — Она нѣсколько разъ повторила вопросъ переставляя слова.—Нѣтъ, но онъ такой строгій, о, такой, такой строгій. Я дрожу отъ страха, когда онъ показывается въ корридорѣ, я такъ боюсь, что не все въ порядкѣ. Онъ видитъ все, рѣшительно все.

Въ сосѣдней камерѣ раздалось шлепанье босыми ногами по полу, потомъ сильный стукъ въ дверь и отчаянный крикъ.

— О, Боже, она опять начинаетъ! воскликнула Эльза, вскакивая и садясь на постели.—Не отпирайте, а то она войдетъ сюда!

— Нѣтъ, Бога ради, будьте покойны.

— Кто она?—спросила Эльза.

— Фру Сювертсъ—молодая женщина, очень красивая.

Въ эту минуту мимо двери пронеслась какая-то фигура въ рубашкѣ и ночной кофтѣ. Подогнувъ колѣни, почти присѣвъ, она дѣлала неестественно большіе шаги и сильно размахивала руками. Сидѣлка тотчасъ-же выбѣжала къ ней.

X.

Потомъ пришла поломойка и окна распахнулись. Фрэкенъ Суенсонъ принесла по обыкновенію капельку воды въ крошечномъ тазу желтоватаго фаянса.

Когда Эльза умывалась, стоя на колѣняхъ, а Фрэкенъ Суенсонъ убирала камеру, въ комнату вбѣжала женщина въ короткой рубашкѣ, съ голыми бѣлыми ногами. Она остановилась передъ Эльзой и пристально уставилась на нее. Лицо ея было блѣдно до прозрачности, темные глаза лихорадочно блестѣли, черные вьющіеся волосы обрамляли красивый, открытый лобъ и ниспадали на плечи длинными косами. Эльза была поражена красотою этого блѣднаго лица и напряженно разсматрива его.

— Какъ она хороша!—проговорила женщина выразительнымъ, пониженнымъ голосомъ и указала на Эльзу.—Какъ она хороша,—повторила она мечтательно,—и какъ она несчастна!

— Идите къ себѣ, Фру Сювертсъ, — сказала Фрэкенъ Суенсонъ, суетливо мывшая панели камеры.

— Къ себѣ! Да, позвольте мнѣ идти домой къ себѣ!—крикнула она съ раздирающей душу тоской; потомъ вдругъ затопала ногами и закричала внѣ себя:—я уважаемая всѣми женщина. Говорю вамъ, я не останусь здѣсь—ни часу, ни минуты больше! Вы думаете, я могу жить среди всякаго сброда?—Она все топала и топала босыми ногами и сильно ругалась.—Вѣдь здѣсь нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка!

Фрэкенъ Суенсонъ уронила мочалку въ пѣнящуюся мыльную воду, подошла къ Фру Сювертсъ и взяла за руку.

— Не запирайте меня, — умоляла Фру Сювертсъ, — не запирайте меня.

— Но тогда вы не должны шумѣть. Сидѣлка повлекла ее въ корридоръ.

— Карлъ, Карлъ, Карлъ! помоги мнѣ! освободи меня,—кричала больная раздирающимъ душу голосомъ. Потомъ все стихло.

— Вы опять заперли ее?—спросила Эльза, когда Фрэкенъ Суенсонъ вернулась.

— Нѣтъ, я уложила ее въ постель и притворила дверь.

Около часу спустя, когда Эльза, окончивъ свой туалетъ, лежала одна, Фру Сювертсъ снова ворвалась въ комнату. Однимъ прыжкомъ она очутилась около Эльзы, подняла одѣяло и хотѣла лечь къ ней.

— Вы мужчина,—прошептала она сквозь стиснутые бѣлые зубы.—Пустите меня къ себѣ. Вы думаете, я не вижу, что вы мужчина!

Эльза вскочила въ ужасѣ и старалась оттолкнуть ее.

— Я возьму васъ силою,—шептала больная.

Она сильно схватила Эльзу за руки, какъ ребенка откинула ее назадъ на подушку и, продолжая держать ее какъ въ тискахъ, занесла одну ногу на постель.

Эльза крикнула изо всѣхъ силъ; Фрэкенъ Суенсонъ тотчасъ-же прибѣжала и съ силою оттащила Фру Сювертсъ.

— Испугалась! испугалась!—хохотала фру Сювертсъ, между тѣмъ какъ сидѣлка уводила ее.

Эльза разразилась истерическими рыданіями. Она укуталась съ головой въ одѣяло и закусила простыню, чтобы никто не слышалъ ея слезъ. Въ вискахъ стучало, лобъ и затылокъ болѣли, грудь давило и щемило такъ, точно какой-то червь обвился вокругъ шеи. Эльза лежала въ полусознательномъ состояніи, и ей казалось, что она окружена со всѣхъ сторонъ какими-то высокими зелеными стѣнами. Наверху стѣны соединялись, оставляя крошечное четыреуголное отверстіе, закрытое проволочной сѣткой, за которой горѣло газовое пламя. Блѣдныя сумерки спускались вдоль стѣнъ, и до Эльзы долеталъ глухой шумъ, точно однообразный прибой далекаго, далекаго моря.

— Она спитъ?

Эльза открыла глаза. У кровати стоялъ докторъ и одинъ изъ кандидатовъ, а въ ногахъ фрэкенъ Стенбергъ. Эльза дико оглянулась кругомъ, провела рукою по лбу и улыбнулась.

— У нея спухли глаза,—замѣтилъ докторъ.

— Да, она такъ много плакала. Она тоскуетъ по дому.

— Вѣдь сегодня долженъ былъ прійти профессоръ,—сказала Эльза.

— Его задержали. Вамъ придется удовольствоваться моимъ посѣщеніемъ,—отвѣтилъ докторъ съ своей добродушной улыбкой.

— Профессоръ не говорилъ, чтобы меня перевели?

Докторъ взглянулъ вопросительно на фрэкенъ Стенбергъ, которая покачала головой.

— Нѣтъ, я не могу, я не могу больше оставаться здѣсь,—рыдала Эльза.—Увидите вы сегодня профессора? Скажите ему это! О, сдѣлайте это, докторъ! Вѣдъ я не вынесу дольше. Спросите фрэкенъ Стенбергъ.

— Нѣтъ свободной комнаты.

Фрэкенъ Стенбергъ взглянула вопросительно на доктора.

— Вотъ въ этомъ-то и бѣда.

— А какъ аппетитъ?

— Она почти ничего не ѣстъ.

— Вы должны ѣсть.—Докторъ погрозилъ указательнымъ пальцемъ.— Васъ не переведутъ, пока вы не будете ѣсть.

— Какъ могу я ѣсть здѣсь? И что это за обѣдъ, который мнѣ даютъ! Каша на водѣ и вареная рыба каждый день.

— Это столъ для лихорадочныхъ.

— Но вѣдь у меня нѣтъ никакой лихорадки.

— У фру не было лихорадки?—спросилъ докторъ, бросивъ быстрый взглядъ на фрэкенъ Стенбергъ.

— Нѣтъ, у нея не было лихорадки.

— Ну, да впрочемъ это безразлично. Мы можемъ посадить васъ на другой столъ. Я напишу меню. До свиданія.

— Скажите-же профессору, что меня надо перевести.

Въ невыносимомъ напряженіи ждала Эльза все утро, что кто-нибудь придетъ и скажетъ, что профессоръ велѣлъ перевести фру Кантъ въ другую комнату. Она не могла и не хотѣла допустить мысли провести здѣсь еще одну ночь. Всякій разъ, какъ входила Торгренъ или фрэкенъ Стенбергъ, она приподнимала голову съ подушекъ и смотрѣла на нихъ вопросительно, затаивъ дыханіе. Одинъ разъ она услыхала мужской голосъ въ коррпдорѣ и ей показалось, что это Кнутъ. Съ быстротою молніи вскочила она на постели и протянула руки впередъ. Голосъ доносился все отчетливѣе, шаги приближались. Это Кнутъ! Она ясно слышитъ это. Она освобождена, освобождена, освобождена! Какой добрый профессоръ,—онъ хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ. Всѣ мускулы ея лица задрожали въ улыбкѣ радости, глаза наполнились слезами, и сердце забилось сильно и часто. Одинъ изъ кандидатовъ прошелъ по корридору.

— Сидѣть на постели не позволяется,—сказалъ онъ, заглянувъ мимоходомъ къ Эльзѣ, и исчезъ.

Эльза все сидѣла, глядя неподвижно передъ собой. Такъ вотъ это кто. Она почувствовала, что кровь разомъ прилила ей къ ногамъ, и ее всю обдало холодомъ. Все завертѣлось кругомъ, и ей казалось, что кровать ея качается, какъ на волнахъ. Схватившись за рѣшетку кровати, чтобы удержаться, она снова медленно опустилась на подушки.

«Нѣтъ свободной комнаты», говоритъ фрэкенъ Стенбергъ. Но вѣдь это уже слишкомъ возмутительно. Она должна по этой причинѣ лежать здѣсь и гибнуть! Вѣдь она же добровольно пришла сюда. Развѣ она или Кнутъ не имѣютъ права сказать: мы попали сюда, основываясь на ошибочныхъ предположеніяхъ, и теперь хотимъ измѣнить все? Нѣтъ, Эльза ничего не понимаетъ.

Эльза вздрогнула, услыхавъ хлопанье входной двери.

Въ корридорѣ раздались быстрые шаги, и Іеронимусъ вбѣжалъ въ камеру въ пальто и съ шляпой въ рукахъ.

— Я долженъ передать вамъ поклонъ отъ мужа,—сказалъ онъ.

Эльза хотѣла сказать спасибо, но точно что-то сдавило ей горло. Она не могла издать звука.

— Онъ просилъ меня передать вамъ, что онъ нанялъ кухарку по-

мощницу, которая кажется ему хорошей дѣвушкой,—такъ что вы теперь не должны безпокоиться.

— Останусь я здѣсь и эту ночь?—спросила Эльза такимъ беззвучнымъ голосомъ, что онъ показался ей самой незнакомымъ.

— Нда,—отвѣтилъ онъ протяжно, нараспѣвъ, точно это доставляло ему наслажденіе.

— Но я не вынесу этого. Я страдаю ужасно.

— Ого,—отвѣтилъ Іеронимусъ съ такой язвительной насмѣшкой, что Эльзѣ показалось, что ей дали пощечину.—А дома что было?

Эльза вскочила и, впившись своими сверкающими гнѣвомъ глазами въ холодные, свѣтлые глаза профессора, воскликнула внѣ себя отъ раздраженія, съ искаженнымъ лицомъ:—Профессоръ знаетъ такъ же хорошо, какъ и я, что нѣтъ никакого основанія держать меня въ камерѣ. Я лежу здѣсь только потому, что у васъ нѣтъ для меня мѣста, но тогда это должно было бы быть извѣстно моему мужу. «Ого», говорите вы,—повторила она, подражая язвительному тону Іеронимуса и стараясь вернуть ему оскорбленіе.—Но не желаетъ-ли господинъ профессоръ полежать здѣсь ночку—одну только ночку—и уступить мнѣ свою спальню?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ,—сказалъ онъ, и Эльзѣ показалось, что она слышитъ отдаленное ржанье лошади.

— Вы подвергаете меня нечеловѣческимъ мукамъ день и ночь!—воскликнула Эльза.—Но по какому праву дѣлаете вы это?

— Нечеловѣческимъ мукамъ!—Безцвѣтное лицо профессора посѣрѣло, какъ известь. Онъ приподнялся на цыпочки и ударилъ пятками о полъ.—Вамъ въ высшей степени необходимо научиться самообладанію. Ваша болѣзнь состоитъ въ томъ, что вы не можете владѣть собой. Я хотѣлъ перевести васъ.—Онъ сильно ударилъ худыми некрасивыми пальцами одной руки о ладонь другой и почти крикнулъ:—Но теперь вы останетесь здѣсь!—и выбѣжалъ изъ камеры.

— Какой милый господинъ,—подумала Эльза и засмѣялась въ душѣ.

— Но, добрѣйшая Фру Кантъ!—Фрэкенъ Стенбергъ стояла у постели Эльзы. Ея худое, блѣдное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго и глаза выражали испугъ и укоризну.—Какъ могли вы говорить такъ съ профессоромъ. Я слышала все.

— А какъ онъ смѣетъ обращаться такъ со мной? Единственное, о чемъ я жалѣю,—это, что не сказала гораздо больше.

— Профессоръ не выноситъ осужденія—ни отъ кого, и меньше всего отъ паціента.

— Очень жаль,—сказала Эльза насмѣшливо.

Потомъ пришла Торгренъ и начала испуганно креститься.—Извинитесь передъ профессоромъ,—просила она.

— Скорѣе онъ убьетъ меня, чѣмъ сдѣлаю это,—отвѣтила Эльза.

И фрекенъ Ганзенъ съ лицомъ Мадонны говорила съ ужасомъ о случившемся. У нея въ коррлдорѣ всѣ поражены. Никогда еще не случалось ничего подобнаго... Развѣ она не просила Эльзу все время быть доброй и терпѣливой, потому что она любитъ ее и желаетъ ей добра.

Наступилъ часъ ночного дежурства. Фрэкенъ Суэнсонъ дала Эльзѣ хлоралу.—У васъ такой видъ, точно вы сердиты на меня,—сказала Эльза.

— Нѣтъ, но я огорчена. Такимъ обвазомъ вы никогда не добьетесь того, чтобы васъ перевели.

XI.

Часы шли. Шумъ, стукъ, крики и сцены продолжались и наверху› внизу...

Измученная страхомъ и гнетущей тоской, Эльза металась на своемъ жестокомъ ложѣ. Завтра воскресенье. Кнутъ пойдетъ съ Таге гулять передъ завтракомъ. Ахъ, если-бы она могла быть съ ними! И если-бы она вообще осталась дома! Вѣдь она могла остаться, если бы только хотѣла. Но она была больна и надѣялась вернуть здоровье отдыхомъ въ тишинѣ и покоѣ. Но что значатъ ея страданія и тоска дома передъ тѣмъ, что она должна выносить теперь!

Но куда дѣвалась эта вереница лошадей? Эльза ни разу не видѣла ея здѣсь. И о своей работѣ она не думала ни секунды. Ахъ, если-бы ей только покойную, тихую обстановку, въ которой она могла-бы видѣться съ Кнутомъ и каждый день доказывать ему, что ей лучше и лучше! Настало время ночного обхода. Противъ обыкновенія пришелъ одинъ изъ кандидатовъ. Эльза слышала, какъ онъ спросилъ въ дверяхъ, спитъ-ли Фру Кантъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Фрэкенъ Суенсонъ:—какъ можетъ она спать?

— Вѣдь здѣсь тихо.

— Да, въ настоящую минуту,—сказала Фрэкенъ Суенсонъ съ негодованіемъ.—Но подождите немного, и вы услышите. Предложить-бы комунибудь изъ насъ то, что предлагаютъ Фру Кантъ.

— Мнѣ это не помѣшало-бы,—хладнокровно отвѣтилъ кандидатъ и пошелъ дальше.

— Нельзя-ли Фру Кантъ встать сегодня ненадолго?—спросила Фру Стенбергъ на слѣдующее утро, когда пришелъ докторъ.—Она такъ устала лежать.

— Она была все время спокойна послѣ перваго вечера,—въ раздумьи отвѣтилъ докторъ.—Да, вы можете встать на часокъ, Фру Кантъ—послѣ завтрака. До свиданья.

Когда Эльза кончила завтракъ, Фрэкенъ Стенбергъ принесла ей бѣлье и халатъ.

Одѣвшись, Эльза вышла въ корридоръ. Дѣвушка съ тяжелой головой, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ, расхаживала по корридору, описывая небольшіе круги, и постоянно поворачивая назадъ.

— Я не вижу ея послѣднія дни,—сказала Эльза Торгренъ, указывая на молодую дѣвушку.

— Она не можетъ проходить мимо вашей двери.—Это не дама, это дикая, страшная птица,—говоритъ она и дрожитъ отъ ужаса.

— Это про меня?—спросила Эльза.

— Конечно,—засмѣялась Торгренъ.

Эльза заглянула и въ камеры. Фру Сювертсъ спала съ полуоткрытымъ ртомъ. Голова ея была наклонена нѣсколько на бокъ и подперта рукой, на длинныхъ черныхъ рѣсницахъ повисла слеза. Эльза прокралась на цыпочкахъ въ корридоръ и вошла въ комнату Фру Фогъ—старушки съ лицомъ муміи, которую она видѣла въ первый вечеръ и которая сбрасывала по ногамъ на полъ матрацъ. Сѣрые, печальные полуоткрытые глаза ея напоминали кусочки грязнаго стекла. Изъ засученныхъ за локоть рукавовъ больничнаго халата торчали желтовато-коричневыя, тонкія, какъ камышъ, руки съ потрескавшейся, морщинистой кожей, какъ у сушеной трески. Когда Эльза подошла, старушка, какъ и въ первый вечеръ, подняла руки и пробормотала какія-то безсвязныя слова, которыя замерли на безкровныхъ запекшихся губахъ.

— Бѣдняжка,—сказала Эльза и ласково погладила ее по лбу, на которомъ выступили мелкія капли пота.

— Дорогая Альма,—послышался слабый шепотъ, одна рука медленно поднялась кверху и безсильно скользнула по платью Эльзы.

Въ корридорѣ Эльза опять столкнулась съ дѣвушкой съ тяжелой головой. Дѣвушка вдрогнула, закрыла въ ужасѣ лицо локтемъ и крикнула, убѣгая:—Фу, фу! Эта дикая птица хочетъ выклевать мнѣ глаза.

Эльза почувствовала головокруженіе и страшную слабость въ колѣняхъ. Лучше вернуться въ свою камеру и лечь къ себѣ на постель. Она окинула глазами длинный корридоръ, крѣпко-на-крѣпко запертый съ обѣихъ сторонъ, и рядъ открытыхъ дверей вдоль голыхъ стѣнъ и съ дрожью вспомнила о первомъ вечерѣ, когда она пришла сюда сравнительно веселая, не подозрѣвая, что входитъ на неопредѣленное время въ тюрьму. Она медленно раздѣлась и легла.

— Вы опять плачете?—Торгренъ принесла обѣдъ.—Вѣдь у васъ было развлеченіе, вы вставали, а теперь здѣсь такъ хорошо и тихо—сейчасъ видно, что воскресенье.

Какъ всегда, послѣ нѣкотораго затишья паціенты начали кричать и шумѣть съ новой силой.

Вскорѣ послѣ шести часовъ, черезъ часъ послѣ того, какъ зажгли газъ, пришелъ Іеронимусъ. Голосъ его звучалъ необыкновенно ласково, когда онъ здоровался съ Эльзой.—Ну, какъ вы себя чувствуете?

Эльза уткнулась въ подушку и не отвѣчала.

— Ну, какъ аппетитъ?—продолжалъ онъ все тѣмъ-же дружелюбнымъ тономъ.

— Я голодна, но я не ѣмъ здѣсь ничего.—мрачно отвѣчала Эльза.

— Можетъ быть вы привыкли къ другимъ кушаньямъ?

— Во всякомъ случаѣ—къ другому приготовленію. Но это не важно. Пища можетъ остаться той-же...

Эльза снова уткнулась въ подушку.

— Ну, а сонъ? Вы все не спите?

Эльза помолчала съ минуту, потомъ воскликнула, дрожа отъ гнѣва:—Можно-ли здѣсь спать человѣку хоть сколько-нибудь нормальному, не совсѣмъ сумасшедшему?

— Ну, будемъ надѣяться на эту ночь.

Онъ сказалъ это такъ просто и спокойно, что Эльза удивилась. Она ожидала. что профессоръ вспылитъ, какъ наканунѣ.

— Надѣяться!—повторила она тономъ, полнымъ презрѣнія, и подумала про себя:—Бросьте новорожденнаго ребенка тигру и надѣйтесь, что онъ не сожретъ его.

— Да, Фру Кантъ, если-бы мы, люди, не надѣялись... Іеронимусъ говорилъ медленнымъ, убѣдительнымъ голосомъ, и въ глазахъ его появилось то выраженіе, которое Эльза видѣла у него въ пріемной, и которое напомнило ей молодого теолога.

Эльза подняла брови, и что-то въ родѣ улыбки стянуло углы ея губъ. А Іеронимумъ, окончивъ свою проповѣдь о надеждѣ, исчезъ съ быстротою молніи.

Ночь была ужасна. Делирики не утихали ни на минуту. У Эльзы начались судорожныя боли въ груди. Она извивалась, какъ червякъ, и стонала, не переставая.

— Сегодня у васъ лицо желто, какъ воскъ,—сказала Фрэкенъ Стенбергъ, войдя утромъ къ Эльзѣ.—Но теперь скоро настанетъ перемѣна. Вѣдь докторъ видѣлъ, какъ вы были больны сегодня ночью.

День проходилъ. Эльза продолжала лежать неподвижно. На вопросъ. не хочетъ-ли она встать, она только качала головой. Она смирилась. опустилась въ глубь колодца. Бороться безполезно, сила слишкомъ велика.

Эльзя открыла глаза. Въ камерѣ стоялъ Іеронимусь. Эльза видѣла его какъ будто сквозь туманъ, но все-таки замѣтила, что лицо его было кротко.

— Для васъ готовятъ комнату,—сказалъ онъ.

— Ахъ, оставьте меня здѣсь!—воскликнула Эльза съ ожесточеніемъ и сдвинула дрожащія брови.—Чѣмъ дольше, тѣмъ лучше.

— Чѣмъ дольше. тѣмъ лучше!—отрывисто процѣдилъ Іеронимусъ сквозь сѣровато-бѣлые зубы и какъ въ прошлый вечеръ поднялся на

цыпочки и опустился на пятки.—Да, мое мнѣніе тоже, что вамъ слѣдуетъ остаться здѣсь.—Черезъ минуту его уже не было въ комнатѣ.

XII.

Кнутъ сидѣлъ въ пріемной профессора въ безпокойномъ напряженномъ ожиданіи. Это было въ третій разъ со времени поступленія Эльзы въ больницу. Ему съ трудомъ удалось добиться отъ лаконическаго профессора нѣсколько словъ, которыя не могли особенно утѣшить его и разъяснить ему положеніе дѣлъ.

— Ваша жена вела себя очень безпокойно первый вечеръ... Нечего и говорить о посѣщеніяхъ... Вся задача первое время въ томъ, чтобы добиться довѣрія паціента... Нѣтъ смысла навѣдываться раньше, какъ по прошествіи нѣсколькихъ дней... Насколько можно было замѣтить пока, ваша жена очень опасно больна...

Кнутъ говорилъ обыкновенно во время этихъ визитовъ. Профессоръ слушалъ и, какъ казалось Кнуту, не съ такимъ интересомъ, какъ это должно было быть. Почему этотъ человѣкъ такъ сдержанъ, даже холоденъ? Готовъ-ли у него діагнозъ, или онъ еще не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія? Почему не профессоръ руководитъ разговоромъ? Вѣдь онъ касается исключительно больной.

Слуга, показавшійся въ дверяхъ, кивнулъ Кнуту. Очередь была за нимъ.

— Ваша жена несомнѣнно душевно-больная.

Точно что-то кольнуло Кнута. Это слово какъ будто съ физической болью разорвало ту мучительную сѣть заботъ, которая медленно, понемногу окутала всѣ его мысли и чувства.—Душевно больная,—повторилъ онъ.

— Да, форма ея болѣзни—почти совершенное отсутствіе самообладанія. Временами она настоящая фурія.

Кнутъ отвѣтилъ не сразу. Дѣло было довольно ясно, и увѣренный тонъ профессора не допускалъ сомнѣнія. Принялъ-ли профессоръ во вниманіе ту особенную, импульсивную силу... которая проявляется въ ея творчествѣ?

Не медля ни минуты, Іеронимусъ отвѣтилъ:—Да.

— Знакомъ-ли профессоръ съ картинами моей жены?

— Отсутствіе свободнаго времени, къ сожалѣнію, мѣшаетъ мнѣ послѣдніе годы слѣдить за развитіемъ искусства.

— Могу-ли я прислать профессору нѣкоторыя произведенія ея кисти?

— Спасибо. Въ смыслѣ выбора сюжета это, конечно, можетъ служить нитью къ опредѣленію состоянія вашей жены.

— А въ смыслѣ выполненія? Степень художественности, которая достигается въ нихъ...

— Также и это.

Профессоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ письменнаго стола къ печкѣ.

— Мой совѣтъ—помѣстить вашу жену въ убѣжище св. Георгія не на очень-то короткій срокъ.

Опять что-то кольнуло Кнута.

— А какъ?—спросилъ онъ.

— На годъ.

— Чего можно достигнуть этимъ?

— Выздоровленія,—рѣзко отвѣтилъ Іеронимусъ, обнаруживая недовольство вопросомъ. Такъ какъ Кнутъ не возражалъ, онъ прибавилъ: Спѣшить съ рѣшеніемъ не надо. Поговорите съ докторомъ Тведе. Жена ваша пока останется здѣсь. Это не къ спѣху.

— Но мнѣ кажется, что если ей необходимо побыть въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ...

— Ваша жена должна прежде всего научиться дисциплинѣ. Она недовольна пребываніемъ у насъ. Но въ настоящую минуту ей еще не можетъ быть полезно выспаться. Чтобы устроить это дѣло, надо, по меньшей мѣрѣ, десять дней. Отвѣтьте мнѣ въ теченіе недѣли.

— И профессоръ убѣжденъ, что такимъ путемъ дѣйствительно можно достигнуть выздоровленія?

— Обязательно. У насъ масса примѣровъ. Первые полгода пройдутъ въ протестахъ со стороны вашей супруги, потомъ она успокоится и, наконецъ, покинетъ больницу съ благодарностью въ сердцѣ и вполнѣ здоровая.

— Такимъ чисто-механическимъ путемъ обособленія?

— Чисто механическимъ путемъ—да,—произнесъ Іеронимусъ съ такимъ видомъ, точно онъ находилъ эти слова вполнѣ убѣдительными.

Кнутъ испытывалъ такое чувство, словно онъ трудится надъ непосильной ношей. Онъ не могъ уйти и старался не замѣчать, что аудіенція у вѣчно занятаго профессора окончена.

— У васъ въ домѣ снова воцарится миръ,—раздался насмѣшливый голосъ Іеронимуса.

Кнутъ вздрогнулъ. Неужели его тщательно взвѣшенныя слова были приняты за жалобу! Нѣтъ, врядъ-ли этотъ человѣкъ, сидящій передъ нимъ въ креслѣ, такой сердцевѣдъ, какимъ онъ славится.

— Остается одно: слѣдуй совѣту Іеронимуса, — сказалъ вечеромъ Кнуту докторъ Тведе. То же подтвердили ему на слѣдующій день и два другихъ знакомыхъ доктора. Іеронимусъ такой человѣкъ, на мнѣніе котораго въ этихъ дѣлахъ необходимо положиться.

— Такъ вотъ въ чемъ твоя сила,—думалъ Кнутъ. И онъ подчинился твердому рѣшенію, которое причиняло ему такую боль, точно въ груди у него ныла рана: совѣту Іеронимуса необходимо слѣдовать.

XIII.

Эльзу перевели. Большая створчатая дверь на нижнемъ концѣ коридора открылась и непосредственно за ней находилась ея новая комната. Кромѣ кровати, въ ней стояла кушетка, столъ и стулъ. Дверь, выходившая въ миленькій корридоръ, не должна была закрываться ни днемъ, ни ночью. Этотъ корридоръ, вся меблировка котораго состояла изъ желтаго стола и двухъ стульевъ, былъ также запертъ. Съ одной стороны комната Эльзы примыкала къ одиночнымъ камерамъ, отъ которыхъ она отдѣлялась обыкновенной стѣной, а по другую сторону находилась комната съ шестью кроватями, которыя въ настоящую минуту были не заняты. Хотя надъ окномъ висѣла темно-красная шерстяная драпировка, но она была повѣшена слишкомъ высоко и своими крошечными ромбами производила такое-же впечатлѣніе, какъ желѣзная рѣшетка окна. И Эльзѣ, какъ и прежде, казалось, что она въ тюрьмѣ.

Съ переходомъ въ другое помѣщеніе Эльза получила новую сидѣлку на день—фрэкенъ Рэдеръ, которая пришла снизу, изъ мужского отдѣленія. Это была плотно сложенная блондинка лѣтъ тридцати. Она носила лорнетъ и производила впечатлѣніе деликатнаго, воспитаннаго человѣка. Тихо напѣвая и слегка покачивая бедрами, бѣгала она отъ одного дѣла къ другому и разговаривала съ Эльзой о разныхъ вещахъ, чтобы заставить ее забыть свои мученія. Эльзѣ было пріятно съ ней. Вообще сидѣлки въ этой больницѣ напоминали ей слабые лучи солнца въ пасмурный день.

— У васъ здѣсь точно въ раю!—воскликнулъ Іеронимусъ, вбѣгая въ комнату и останавливаясь передъ постелью.

Эльза не отвѣчала. Всякій разъ, какъ она слышала шаги профессора, у нея начиналось сердцебіеніе и она дрожала отъ гнѣва. И когда онъ говорилъ съ ней ласково, какъ теперь, его самодовольный тонъ дѣйствовалъ на Эльзу еще хуже, чѣмъ насмѣшки и раздраженье.

— Здѣсь вамъ будетъ покойно спать—не правда-ли?

— Спросите у сидѣлки, какой здѣсь покой, и много ли я сплю,—съ трудомъ заставила себя выговорить Эльза.

— Ну, да, это еще придетъ.

Онъ хотѣлъ идти, но быстро повернулся на каблукахъ и сказалъ:

— У васъ болѣлъ зубъ? хотите я вырву?

— Нѣтъ. Мнѣ надо дантиста.

— Ну-у! И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Ночью зубная боль стала нестерпима, и кашель, начавшій уже какъ будто проходить послѣдніе дни, снова усилился. Не удивительно: по утрамъ и по вечерамъ, когда освѣжали комнаты, бывалъ такой сквознякъ. Часъ за часомъ сидѣла Эльза на постели и громко стонала наперерывъ съ больными и делириками. Торгренъ дѣлала ей горячія припарки и все время бѣгала изъ одного отдѣленія въ другое. Лишь только она замѣшкаетъ минуту у Эльзы, крики и шумъ призываютъ ее назадъ въ камеры. Слезы текли ручьемъ по ея щекамъ и она все повторяла: «Я не вынену, не вынесу этого».

— Я попрошу у профессора позволенія съѣздить съ вами къ зубному врачу,—сказала Фрэкенъ Стенбергъ, когда настало утро.

— Спасибо вамъ,—сказала Эльза, не перестававшая ни на минуту стонать.

Черезъ нѣсколько секундъ Фрэкенъ Стенбергъ вернулась назадъ разочарованная.

— Ну?—спросила Эльза.

— Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ, сказалъ только, что я могу идти.

— Какое чудовище!

— У меня есть какія-то коричневыя капли, которыя помогли мнѣ однажды,—сказала Фрэкенъ Стенбергъ.—Мы попробуемъ натереть вамъ ими десну.

Послѣ обѣда, когда Эльза вышла въ корридоръ одиночныхъ камеръ, гдѣ ей позволяли ежедневно прогуливаться, она замѣтила, что въ крайней камерѣ появилась новая паціентка, которая, несмотря на больничное платье и грубое постельное бѣлье, производила впечатлѣніе необыкновеннаго изящества. Она лежала тихо и смотрѣла вдаль окаменѣвшимъ взглядомъ, между тѣмъ какъ слезы медленно и непрестанно катились по неподвижному, опухшему отъ слезъ лицу. Молодая дѣвушка съ тяжелой головой пробралась въ камеру и съ любопытствомъ уставилась на новую паціентку. Но плачущая дама не замѣчала никого.

— Кто это?—спросила Эльза сидѣлку.

— Графиня.

— Она очень больна?

— Да, конечно. Ее взяли въ гостиницѣ, гдѣ она расхаживала съ заряженнымъ револьверомъ, а теперь она воображаетъ, что попала въ руки анархистовъ.

— Кто бы могъ повѣрить, что это сумасшедшая съ такимъ сознательно-отчаяннымъ взглядомъ!—думала Эльза, безъ церемоніи заглядывавшая въ комнату графини всякій разъ, какъ проходила мимо.

XIV.

Эльзѣ пришло въ голову, что дома случилось какое-нибудь несчастье, и потому Кнутъ не приходитъ. Вѣдь онъ съ такою увѣренностью обѣщалъ навѣщать ее и зналъ, что иначе она никогда не согласилась-бы остаться здѣсь. Каждое утро она питала робкую, тайную надежду, что сегодня Кнутъ неожиданно войдетъ въ ея комнату, а передъ обѣдомъ, въ часъ пріема, она едва дышала отъ напряженія. Но онъ все не приходилъ. И какъ могъ онъ соглашаться уходить всякій разъ назадъ! Попробовали-бы не пустить ее! Безпокойство за домашнихъ, разъ возникшее въ душѣ Эльзы, уже не оставляло ея и перешло въ самыя ужасныя представленія. Таге можетъ быть лежитъ при смерти или уже умеръ, и поэтому Кнутъ не можетъ прійти, боясь сразу выдать все своимъ озабоченнымъ видомъ. Или Кнутъ заболѣлъ дифтеритомъ, какъ въ прошломъ году—нѣтъ, Таге боленъ дифтеритомъ, и Кнутъ не можетъ прійти въ больницу, чтобы не занести заразу. Или былъ пожаръ, и Кнутъ спасъ Таге изъ пылающей дѣтской и потомъ умеръ отъ обжоговъ. Размышляя постоянно объ этомъ, Эльза довела себя до безумнаго страха, который, не переставая, мучилъ ее и примѣшивался ко всѣмъ тѣмъ ужасамъ, которые окружали ее. Она хотѣла разсказать доктору, но всякій разъ, какъ она собиралась сдѣлать это, боязнь за его отвѣтъ сковывала ей языкъ. Наконецъ, ей все-таки удалось высказать свои опасенія, и докторъ увѣрилъ ее, что это одно воображеніе. Онъ обѣщалъ узнать, какъ поживаетъ ребенокъ, и далъ честное слово сказать ей правду.

— И мужъ вашъ, и ребенокъ чувствуютъ себя прекрасно,—сказалъ докторъ утромъ.—Честное слово.

Онъ прямо посмотрѣлъ въ глаза Эльзѣ, и она повѣрила ему. Но скоро въ ней снова зародилось сомнѣніе: что если докторъ хочетъ только успокоить ее ложью. Боже, Боже, отврати отъ меня эту чашу!—невольно простонала она.

— Какой печальный видъ!—сказалъ Іеронимусъ, зайдя къ ней вечеромъ.

Эльза, сидѣвшая у окна съ обвязаннымъ и укутаннымъ въ вату лицомъ, по обыкновенію встала при входѣ профессора.

— Вы все-таки не хотите вырвать зубъ?

— Нѣтъ.

Іеронимусъ сѣлъ на кушетку. Эльза сѣла тоже.

— Я долженъ поклониться вамъ отъ мужа,—доброжелательно сказалъ профессоръ. — Онъ просилъ меня передать вамъ, что ребенокъ вашъ поживаетъ прекрасно, спитъ и ѣстъ, и что ему хорошо во всѣхъ отношеніяхъ.

Эльза молчала. Она не могла выговорить благодарность, хотя и считала необходимымъ выразить ее. Слезы сжимали ей горло, а фрекенъ Рэдеръ стояла за спиной профессора и дѣлала ей выразительныя мины.

Іеронимусъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, пристально всматриваясь въ лицо Эльзы, и сострадательная улыбка скривила его безкровныя губы. Потомъ онъ всталъ и вышелъ, холодно пожелавъ Эльзѣ добраго вечера.

Настала ночь. Огонь былъ убавленъ, и Торгренъ принесла теплую повязку на щеку Эльзы.

— Если-бы вамъ только уснуть, фру Кантъ, сегодня они спокойны.

Да, если-бы ей только уснуть! Если она не будетъ спать, она потеряетъ, наконецъ, разсудокъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Если-бы она могла заглушить въ себѣ это мучительное безпокойство, заставить свое сердце биться ровно, а не такими неправильными, волнующими глухими ударами, смириться до полнаго подчиненія, страдать терпѣливо, тихо, какъ вѣрующій человѣкъ, преклоняющійся предъ волей Господа. Страданіе очищаетъ, страданіе лучше пустоты и ничтожества, оно возвышаетъ, даетъ содержаніе жизни и заставляетъ покоряться. Да, Эльза будетъ страдать терпѣливо, страдать съ вѣрою. Чувство восторженной радости озарило ее. Не у всѣхъ достаетъ силъ переносить страданія такъ, чтобы они обращались въ радость. Но у нея есть силы! Маленькій Таге, твоей мамѣ хорошо сегодня. И тебѣ тоже хорошо. У тебя нѣтъ дифтерита, и въ домѣ не было пожара, и ты не умеръ. И папа тоже.—«И папа тоже»;—ей ясно послышался чистый, звонкій голосокъ Таге. Эльза невольно подняла голову и оглянулась кругомъ. Что это такое? Обыкновенно, когда она вызывала въ памяти голосъ Таге, она слышала его внутри себя. Но теперь онъ отчетливо звучалъ у самаго уха. Можетъ быть это предостереженіе, что онъ уже умеръ? Нѣтъ, нѣтъ, не надо терять надежду и вѣру! Докторъ не солгалъ, онъ смотрѣлъ такъ прямо и открыто.

— Ну что, болитъ зубъ?—спросилъ докторъ, обходившій паціентовъ, и подалъ Эльзѣ руку.

— Нѣтъ,—отвѣтила Эльза,—сейчасъ не болитъ.

— Впрочемъ, вы не должны досадовать на зубную боль. Она отвлекаетъ отъ того круга мыслей, въ которомъ вы постоянно вращаетесь.

Эльза слабо улыбнулась.

— Я говорю серьезно,—утверждалъ докторъ.

— Какъ вы думаете, долго я останусь здѣсь?

— Chi lo sa!

— Какъ долго остаются обыкновенно паціенты. Я хочу сказать—максимумъ?

— Бываетъ разно—четыре, пять и шесть мѣсяцевъ.

— О нѣтъ, вѣдь это не серьезно,—сказала Эльза съ робкой улыбкой.

— Я, право, не знаю этого, дорогая фру. Покойной ночи.—Онъ пожалъ ея руку.—Ну, спите скорѣе.

— Четыре, пять, шесть мѣсяцевъ!—повторила Эльза. Она сняла съ щеки повязку и положила ее на ночной столикъ.—Что значитъ эта зубная боль? «Вы не должны досадовать на боль». Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Но гдѣ дѣвался колодецъ съ зелеными стѣнами и далекій шумъ, и блѣдный свѣтъ сумерекъ, и желѣзная рѣшетка, которая навсегда исключала ее изъ числа живущихъ? Почему Эльза не лежитъ на днѣ колодца? Кто вытащилъ ее оттуда? И кто это колетъ ее горячимъ буравомъ отъ зуба къ самому носу? Вотъ передъ ней виситъ дѣтская колыбель—одѣяло съ крупными цвѣтами и кружевная простыня и наволочка—она сама вязала кружево въ бесѣдкѣ въ теплый лѣтній день. Да вѣдь это постель Таге, но гдѣ же самъ мальчикъ? — Таге! — крикнула она и вскочила

— Вы звали?—спросила Торгренъ, безшумно входя въ комнату.

— Послушайте, дорогая, добрая Торгренъ,—сказала Эльза,—если я умру, вы скажете моему мужу, что я умерла отъ горя, что я здѣсь и что не видѣла его и не слыхала ничего о ребенкѣ? Вы обѣщаете мнѣ это?

— Да, милая фру Кантъ.—Торгренъ крѣпко пожала руку Эльзы.—Но вы не умрете.

Эльза легла. Вотъ теперь она опять на днѣ колодца. Она видѣла зеленыя стѣны, чувствовала запахъ плѣсени и слышала далекій шумъ: з-з-з... Вдругъ она услыхала ревъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго, и такой стукъ, точно кто-то съ силою бросалъ на полъ тяжелыя свинцовыя и желѣзныя вещи. Вслѣдъ затѣмъ раздался вой нѣсколькихъ голосовъ, сопровождаемый глухими ударами, пронзительными криками и раздирающей уши бранью. Эльза слышала то лай бѣшеныхъ собакъ, то ревъ быковъ, то крикъ пѣтуха, то завываніе совы и вмѣстѣ съ тѣмъ такіе удары и стукъ, точно стѣны ломались подъ тяжестью молотовъ.

Эльза хотѣла подняться, но не могла. Точно тяжелые оковы сковали ей руки и ноги, а грудь придавилъ огромный камень. Шумъ и ревъ леденящей болью прорѣзывали все тѣло и голову.

Эльза лежала въ какой-то сырой, глубокой пропасти передъ притворенными желѣзными воротами. Черезъ замочную скважину и въ отверстія около петлей она видѣла вспыхивающіе языки пламени. У воротъ на чурбанѣ сидѣла черная женщина съ морщинистымъ лицомъ и глазами, свѣтящимися въ темнотѣ, какъ фосфоръ. На ней былъ надѣтъ сѣровато-бѣлый клеенчатый фартукъ, и у пояса висѣла большая связка ключей.

Это адъ, и она хочетъ запереть меня туда,—пробормотала Эльза. Но я не пойду, пока она не возьметъ меня силой.

Вдругъ на колѣняхъ у женщины очутился Таге съ своими свѣтлыми кудрями, въ ночной рубашечкѣ. Онъ манилъ къ себѣ ручонками и весело восклицалъ:—Мама, мама!

Эльза сбросила съ себя оковы и камень и однимъ прыжкомъ очутилась на полу. Чьи-то сильныя руки охватили ее и ласковый голосъ Торгренъ проговорилъ:

— Нѣтъ, милая фру Кантъ, не вставайте съ постели. Вѣдь вы знаете это.

Эльза прижалась къ Торгренъ:—Я умру отъ ужаса,—сказала она.— Послушайте-ка.

— Да, бѣда,—отвѣтила Торгренъ.—Внизу десять делириковъ и всѣ они взбунтовались сегодня. Впрочемъ, вы лежали такъ тихо, когда я заглянула къ вамъ. Право, я подумала, что вы спите, хотя это и совсѣмъ невѣроятно.

— Слушайте, слушайте, они подъ кроватью,—прервала Эльза хриплымъ шепотомъ. Она бросилась на полъ, охватила руками колѣни Торгренъ и спрятала лицо въ ея платьѣ.

— Нѣтъ, милая, дорогая, будьте благоразумны, помните, что они не могутъ прійти сюда.

— О, останьтесь здѣсь. Я не могу лежать въ постели. Не уходите отъ меня!—Эльза встала, не выпуская Торгренъ, повлекла ее за собой къ кушеткѣ и, положивъ голову къ ней на колѣни, обняла ее обѣими руками. Ревъ и удары внизу продолжались непрерывно. Вдругъ раздался крикъ и стукъ изъ отдѣленія одиночныхъ камеръ. Торгренъ поспѣшно высвободилась и встала.

— Позвольте мнѣ идти съ вами! о, позвольте, позвольте!—просила Эльза внѣ себя отъ ужаса.

— Невозможно, фру Кантъ. Это запрещено, я не имѣю права. Я вернусь къ вамъ, какъ только будетъ можно.

Торгренъ выбѣжала изъ комнаты, а Эльза забралась съ ногами на кушетку и легла, съежившись и уткнувшись, внизъ лицомъ. Это не бѣшеныя собаки и не львы, и не тигры, которые хотятъ съѣсть меня,— тихо сказала она.—Это делирики внизу, это делирики внизу. О, Боже мой! Но вотъ они всѣ ворвались къ ней въ голову. Возможно ли это? всѣ десять человѣкъ! Тише! тише! не давите головы! Я буду тиха и покорна. Вотъ примчался и Таге и также старался проникнуть къ ней въ голову. Но для него не было мѣста. О, Боже, нѣтъ мѣста! Милый, нѣжный мой Таге, не уходи, не уходи. Гдѣ папа? Онъ лежитъ въ ящикѣ съ стеклянной крышкой? Кнутъ! Кнутъ! Кнутъ! Приди, спаси меня! Приди, спаси меня, если ты не умеръ! Ты умеръ, Кнутъ? О, покажись мнѣ!

— Ну, наконецъ-то, я ихъ успокоила.—Торгренъ подняла Эльзу, лежавшую все въ томъ-же положеніи на кушеткѣ.—Не лечь-ли вамъ въ постель?

Эльза подняла голову, обняла Торгренъ и привлекла ее къ себѣ.— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, посидите со мною. Я не могу лежать въ постели.

— Хорошо. Немножко.

Онѣ сидѣли, какъ прежде. Эльза обняла Торгренъ за талію и положила голову къ ней на колѣни. Торгренъ потихоньку гладила ее по спинѣ. Внизу все оставалось безъ перемѣнъ. Скоро Торгренъ начала гладить Эльзу все слабѣе и слабѣе и наконецъ перестала. Рука тяжело соскользнула со спины Эльзы. Эльза судорожно взглянула вверхъ. Торгренъ спала, откинувъ голову на спинку кушетки. Добрая милая Торгренъ! Какъ безмятежно она спитъ, какая она спокойная! Да, конечно,— иначе она не годилась бы сюда. Эльза опустила голову и ближе прижалась къ Торгренъ.

Вдругъ около нея раздался хриплый, глухой голосъ. Эльза вскрикнула и вскочила. Торгренъ моментально стряхнула съ себя сонъ и выбѣжала къ больной.

Эльза улеглась въ постель. Ну вотъ они опять у нея въ головѣ— всѣ эти львы, тигры и бѣшеныя собаки. Нѣтъ, вѣдь это делирики— десятъ человѣкъ. И какъ только они помѣстились всѣ. Но тише: не разломите голову на куски!

Вотъ потянулась погребальная процессія. Черныя фигуры въ длинныхъ сюртукахъ несли пустой черный гробъ. Положите меня туда! Унисите меня, унесите, далеко, далеко!—Эльза быстро вскочила и протянула къ гробу руки... Но вѣдь никакого гроба нѣтъ... и никакихъ фигуръ... Да, конечно, вѣдь она лежитъ въ больницѣ—или, можетъ быть, на горахъ? Нѣтъ, въ больницѣ, въ больницѣ.—Такъ ты сходишь съ ума,— сказала себѣ Эльза, и тихо легла на подушки. Какъ только здѣсь нѣтъ Торгренъ, ты сумасшедшая. Но тогда лучше положишь всему конецъ. Вѣдь ея муки въ тысячу разъ хуже смерти. Она можетъ разорвать свой носовой платокъ, связать концы и задушиться. Ой! пѣтухъ кричитъ у нея въ головѣ. Нѣтъ пустяки—это делирики. Ахъ, если бы она могла умереть, вырваться изъ подъ власти Іеронимуса! Эта мысль овладѣла ею всецѣло. Но если она даже и умретъ, вѣдь заведеніе всетаки останется. Многіе въ такомъ же положеніи, какъ она, могутъ попасть сюда и имѣть дѣло съ Іеронимусомъ. Если бы она вырвалась отсюда живая, она могла бы разсказать, предостеречь, спасти хотя бы одного единственнаго человѣка отъ того, что она пережила здѣсь. Нѣтъ, она должна жить. Но они опять здѣсь—собаки, львы тигры, совы—и всѣ лѣзутъ къ ней въ голову.—Другого исхода нѣтъ, ты должна умереть!—Она лихорадочно разорвала на куски свой носовой платокъ, связала концы вмѣстѣ и обмотала вокругъ шеи.

Въ эту минуту вошла Торгренъ.—Ну теперь уже скоро утро,—сказала она и погладила Эльзу по головѣ.

— Утро!—точно въ одномъ этомъ словѣ было что-то, что напоминало о прежней надеждѣ.

XV.

Утромъ пришелъ докторъ. Эльза лежала неподвижно. Голова горѣла, но всѣ члены какъ будто омертвѣли, хотя временами грудь судорожно сжималась и Эльза вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Сегодня я вижу, что вамъ нехорошо, фру Кантъ,—тихо сказалъ докторъ.

Эльза быстро открыла глаза и въ ужасѣ уставилась на доктора.— Ой, нѣтъ, нѣтъ! Я не знаю васъ! Что вамъ здѣсь надо?—крикнула она и поспѣшила закрыть лицо руками.

— Конечно, вы меня знаете. Вѣдь я докторъ, съ которымъ вы всегда такъ охотно бесѣдуете.

— Да. Но я такъ боюсь. Я ничего не понимаю отъ ужаса.

Она испустила сдавленный крикъ и снова закрыла глаза руками.

— Что случилось? — спросилъ докторъ:—она прежде никогда не была такой.

— Сегодня ночью было очень бурно внизу,—отвѣтила фрэкенъ Стенбергъ, къ которой былъ обращенъ вопросъ.—И потомъ она совсѣмъ не спитъ.

— Сегодня фру Кантъ совсѣмъ плохо.

Эльза повернулась всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ съ такой силой, что желѣзная кровать заскрипѣла.

— Мѣра исполнилась,—сказала Эльза самой себѣ.—Сегодня долженъ настать конецъ. Ни грозные боги, ни заботливые люди, ни оскорбленные ангелы, ни злые дьяволы не могутъ требовать большаго. Да, самъ господинъ Іеронимусъ долженъ наконецъ понять, что уже довольно. Боже мой, Боже на небесахъ! Что я такое сдѣлала? И что наболтали они Кнуту, что онъ не требуетъ свиданія—хотя бы даже съ оружіемъ въ рукахъ!.. Сегодня конецъ... Но развѣ можетъ кто-нибудь въ наши дни искать погибели человѣка?—во всякомъ случаѣ, не такимъ грубымъ образомъ, подъ маской доброжелательства... И кромѣ того, Іеронимусъ не врагъ, его просто забавляетъ смертельный ужасъ мышки, которую кусаетъ и душитъ кошка.

Эльза овладѣла собой, и надежда снова вернулась къ ней. Мысль, что она счастливо пережила кризисъ послѣдней ночи, придала ей новыя силы.

— Кушайте пожалуйста, — сказала фрэкенъ Стенбергъ.

Она съ улыбкой подняла Эльзу подъ руки и усадила ее.

— Да, я буду ѣсть,—сказала Эльза и взяла подносъ.—Но слушайте, фрэкенъ Стенбергъ, вы сдѣлали для меня больше, чѣмъ думаете сами.

Пойдите сію минуту къ профессору и скажите ему, что я не хочу дольше оставаться здѣсь, что я требую и настаиваю, чтобы меня отправили домой, или во всякомъ случаѣ дали поговорить съ мужемъ. Я страшно боролась эту ночь, чтобы не сойти съ ума. О, вы не знаете, что я пережила!

— Хорошо,—сказала фрэкенъ Стенбергъ,—я пойду.

Эльза ждала, полная надежды.

Какъ и въ прошлый разъ, когда фрэкенъ Стенбергъ ходила просить позволенія съѣздить къ зубному врачу, она вернулась огорченная, унылая.—Профессоръ не отвѣтилъ ни слова. Не думайте объ этомъ фру Кантъ,—это безполезно.

Эльза почувствовала, что въ ней закипаетъ злоба.

— Не можете-ли вы попросить ко мнѣ доктора?—сказала Эльза фрэкенъ Рэдеръ черезъ нѣсколько часовъ.

— Да, докторъ сейчасъ какъ разъ въ отдѣленіи тихихъ. Она можетъ сказать ему.

Минуту спустя докторъ стоялъ передъ постелью Эльзы—спокойный, кроткій, возбуждающій довѣріе, какъ всегда.

— Я была безъ памяти сегодня, когда вы проходили,—сказала Эльза.—Я не могла ничего припомнить. Я не узнала васъ—даже васъ. Но теперь я васъ прошу, какъ человѣкъ, находящійся въ крайней нуждѣ, отыщите моего мужа, единственнаго человѣка, которому я могу довѣриться, и разскажите ему, что со мной. Сдѣлаете вы это?

Докторъ кивнулъ утвердительно.

— Разскажите ему,—продолжала Ельза, сидя на постели и схвативъ руку доктора,—разскажите ему, что я помѣщалась въ камерѣ среди сумасшедшихъ, что я живу въ аду, гдѣ самый здоровый человѣкъ можетъ сойти съ ума. Сдѣлаете вы это?

XVI.

— Хорошо, я сдѣлаю для васъ что могу.

Докторъ пожалъ руку Эльзѣ и вышелъ.

Слава Богу, слава Богу. Докторъ сдѣлаетъ, что можетъ. Сегодня докторъ пойдетъ къ Кнуту и Кнутъ придетъ сейчасъ-же и освободитъ ее.

Эльза ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Черезъ открытую дверь она видѣла графиню, высокую, стройную, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, обшитомъ широкими кружевами, стоящую съ скрещенными руками у дверей корридора. Эльза уже говорила съ ней нѣсколько разъ, и ея кроткій нравъ дѣйствовалъ на Эльзу успокоительно. Но сегодня она была въ такомъ напряженномъ настроеніи, что хотѣла быть совсѣмъ одна. Вѣдь докторъ обѣщалъ поговорить съ Кнутомъ.

Теперь половина пятаго, говоритъ Фрэкенъ Суенсонъ. Кнутъ еще можетъ прійти за нею. Когда она пріѣхала сюда, было шесть часовъ. Если можно было пріѣхать въ шесть часовъ, то можно и уѣхать въ шесть часовъ.

Эльза услыхала позади быстрые мужскіе шаги. Она обернулась. Отъ волненія ее всю обдало холодомъ.

Докторъ шелъ ей навстрѣчу.—Вашъ мужъ кланяется вамъ,—сказалъ онъ не такъ тихо и медленно, какъ всегда,—онъ какъ будто спѣшилъ.

Эльза не могла говорить. Она чувствовала, что глаза ея вопросительно смотрятъ на доктора.

— Мнѣ посчастливилось встрѣтить его какъ разъ на дворѣ.

— Что онъ сказалъ?—спросила Эльза, едва переводя духъ.

— Ну, что они оба здоровы—и онъ, и ребенокъ.

— Онъ не хотѣлъ взять меня отсюда?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ докторъ, и взглядъ его выразилъ удивленіе.

— Развѣ вы ему не сказали, каково мнѣ тутъ?

— Я сказалъ, что вы плохо выглядите.

— И онъ не захотѣлъ увидѣть меня? не захотѣлъ ничего сдѣлать?

Докторъ опять отвѣтилъ «нѣтъ», все съ тѣмъ-же удивленнымъ выраженіемъ во взглядѣ.

— Такъ вы не передали ему моего порученія!—воскликнула Эльза, и въ голосѣ ея послышалась горечь и отчаяніе.

— Я право не понимаю, что вы хотите сказать,—возразилъ докторъ взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ звучалъ упрекъ.—Какъ вы разсчитываете—что можетъ сдѣлать вашъ мужъ? Вѣдь онъ не могъ держать васъ дома.

Эльза стояла и неподвижно смотрѣла впередъ. Ей казалось, что она падаетъ все глубже и глубже, и всѣ ея члены и внутренности каменѣютъ.

XVII.

Эльза опустилась на стулъ около желтаго стола. Руки безпомощно лежали на колѣняхъ и она чувствовала, что на лбу и на носу у нея выступилъ холодный потъ. Ей казалось, что вокругъ нея безконечная пустота, ужасная пустота, которая со свистомъ проникаетъ въ мозгъ и во все тѣло, и она сама становится частью этой страшной пустоты.

— Такъ ты все-таки должна умереть,—услыхала она тихій голосъ внутри себя. Значитъ, сегодня ночью. Разорванный платокъ она засунула за наволочку подушки. Хорошо, что она не выбросила его въ клозетъ, какъ хотѣла раньше.

— Вамъ надо надѣть что-нибудь на голову, фру Кантъ, пока мы будемъ освѣжать комнаты.—Фрэкенъ Стенбергъ проходила мимо. Вспомните вашу зубную боль.

Эльза вернулась въ свою комнату. Она сѣла на стулъ передъ столомъ и просидѣла неподвижно, глядя въ пространство, до семи часовъ, когда фрэкенъ Рэдеръ принесла ей ужинъ. Завтра въ это время комната ея будетъ пуста. Тѣло отвезутъ самое большее черезъ шесть часовъ послѣ смерти. Куда же они отвезутъ ее? Домой? Нѣтъ, вѣдь у нихъ въ больницѣ есть часовня, куда кладутъ покойниковъ. Она видѣла себя лежащей на длинной деревянной нарѣ бокъ-о-бокъ съ другими покойниками. Есть-ли у нихъ отдѣльныя часовни для мужчинъ и женщинъ? Впрочемъ, не все-ли равно—въ смерти всѣ равны.

Потомъ за ней придетъ Кнутъ съ гробомъ. Итакъ, уйти отсюда будетъ стоить ей жизни. Но это не слишкомъ дорого: освобожденіе изъ этого мѣста не можетъ быть куплено слишкомъ дешевой цѣной.

Кнутъ! Она никогда больше не увидитъ его. Значитъ, они видѣлись въ послѣдній разъ, когда онъ сказалъ ей «прощай» и поцѣловалъ ее на лѣстницѣ. О, Кнутъ, Кнутъ, ты былъ добръ ко мнѣ! Таге, милый Таге. Какъ ноетъ и сжимается грудь. Никогда, никогда не видѣть больше твоей свѣтлой, кудрявой головки! Но, слава Богу, Таге еще слишкомъ малъ, чтобы грустить. Первое время онъ будетъ иногда болтать о ней, а потомъ забудетъ совсѣмъ. Кто можетъ вѣрить въ будущую жизнь, гдѣ встрѣтишься съ дорогими людьми послѣ смерти? Какъ терпѣливо ждала-бы она цѣлую вѣчность, если-бы была увѣрена, что когда-нибудь будетъ снова держать ребенка въ своихъ объятіяхъ. Да, какъ отрадно вѣрить въ такую минуту такъ, какъ вѣритъ графиня. Тогда она навѣрное могла-бы плакать. О, какъ благодатны были бы теперь слезы. Но, можетъ быть, можно вообразить себя вѣрующей, ухватившись за милосердыя слова Христа: «Въ обители моего Отца много комнатъ, я иду приготовить мѣсто для васъ».

Она сложила руки и попробовала молиться, но безуспѣшно. Она встала и пошла къ графинѣ, которая только что кончила свой ужинъ.

— Получили вы хорошій отвѣтъ отъ доктора?—спросила графиня, дружелюбно встрѣчая Эльзу.

— Отвѣтъ? Отъ доктора? Эльза остановилась въ удивленіи.

— Вѣдь онъ обѣщалъ поговорить съ вашимъ мужемъ.

Теперь Эльза вспомнила все.

— Нѣтъ,—сказала она и тихо покачала головой.

— Не теряйте мужества. Графиня положила обѣ руки на плечи Эльзѣ и ласково посмотрѣла ей въ глаза.—Помните, что Іисусъ любитъ васъ и близокъ къ вамъ. Вы не должны отчаяваться,—продолжала графиня, такъ какъ Эльза не отвѣчала.—Я помолюсь за васъ. Христіанинъ

никогда не долженъ отчаяваться. Обѣщайте мнѣ, что вы не будете унывать.

Она поцѣловала Эльзу въ обѣ щеки.

Въ эту минуту въ корридорѣ поднялась страшная суматоха. Слышны были шаги, ступавшіе тяжело и быстро, точно нѣсколько человѣкъ несли что-то тяжелое, потомъ еще шаги, легкіе и поспѣшные.

— Это должно быть новая паціентка,—сказала графиня.

Вслѣдъ затѣмъ комната наполнилась сильнымъ запахомъ карболки.

— Вѣдь это ужасно, что нельзя закрыть своихъ дверей!—воскликнула графиня и поднесла къ носу платокъ.

Эльза вышла изъ комнаты и увидѣла, что по корридору бѣжала сидѣлка и одинъ изъ кандидатовъ. Совершенно машинально пошла Эльза за ними. Въ крайней камерѣ, той самой, которую прежде занимала графиня,—на постели лежала какая-то женщина, грудь которой поднималась и опускалась съ глухимъ хрипомъ. Подъ одѣяломъ, натянутымъ до подбородка и свободно и ровно свѣшивавшимся по краямъ, обрисовывались неподвижно вытянутые члены. Широкое четырехъугольное лицо посинѣло, подъ глазами выступили черные круги, и темные, коротко остриженные влажные волосы прилипли на лбу и надъ ушами. Сидѣлка и кандидатъ нагнулись надъ хрипящей женщиной. Кандидатъ приподнялъ рукою вѣко и дотронулся указательнымъ пальцемъ до зрачка.— Отравленіе,—сказалъ онъ и досталъ маленькую спринцовку. Сидѣлка откинула съ плечь одѣяло и кандидатъ сдѣлалъ женщинѣ вспрыскиваніе. —Кладите ей въ ротъ кусочки льду каждые полчаса,—сказалъ онъ и вышелъ.

— Что съ чей?—спросила Эльза въ ужасѣ.

— Она выпила карболовой кислоты,—отвѣтила сидѣлка.—Это жена рабочаго. Подумайте, она оставила шестерыхъ малютокъ. Они жили очень несчастливо, мужъ дурно обращался съ ней. Сегодня она приготовила обѣдъ и, когда мужъ пришелъ домой и по обыкновенію устроилъ ей сцену, она вышла въ кухню со словами: «Ты меня больше никогда не увидишь».

Эльза содрогнулась.

— Бѣдная женщина,—сказала она.

— Мужъ только засмѣялся и отвѣтилъ, что она часто говоритъ это. Но вслѣдъ затѣмъ онъ услыхалъ, какъ она упала съ дикимъ крикомъ. Бѣдныя дѣти! Они съ воплями бросились къ матери и не пускали ее, когда ее надо было увезти.

— Какъ вы думаете, она умретъ?

Сидѣлка пожала плечами и ничего не сказала.

Эльза вошла въ камеру и остановилась передъ самоубійцей, которая лежала какъ и прежде, издавая непрерывный хрипъ, между тѣмъ

какъ синеватая пѣна сочилась изъ широкихъ угловъ рта. Грудь подымалась и опускалась, и время отъ времени женщина сильно вздрагивала.

Эльза была охвачена ужасомъ, ее тошнило отъ запаха карболки, но она не могла оторваться отъ потрясающей картины. Она забыла свое собственное горе и сознавала только одно, что она стоитъ передъ тѣмъ, что есть самаго непоправимаго въ жизни—передъ смертью. Смерть отъ собственной руки! И если бы даже рухнулъ весь міръ или тысячи людей захотѣли отдать свою жизнь, чтобы вернуть ее,—эта женщина уже не могла быть возвращена въ число живущихъ. Непоправимо—на всегда, конецъ—смерть, смерть отъ собственной руки. Къ изумленію своему, Эльза замѣтила, что чувствуетъ не только состраданіе, но и отвращеніе—и больше всего отвращеніе. Эта женщина постыдно бѣжала отъ своихъ страданій и своихъ обязанностей, такъ ужасно и вѣроломно погубила своихъ дѣтей. Бѣдныя малютки, прижимавшіяся къ матери и не хотѣвшія отпускать ее!

Эта картина надрывала душу Эльзѣ, и слезы невольно полились изъ ея глазъ. О, какъ они облегчали! Какъ будто окаменѣлость внутри ея растаяла и вылилась вмѣстѣ съ этими слезами. И здѣсь, передъ этой хрипящей самоубійцей съ посинѣвшимъ лицомъ и пѣной у рта, Эльза поклялась, что не лишитъ себя жизни, даже если-бы была заключена здѣсь до послѣднихъ дней.

— Не стойте здѣсь. Это вамъ нехорошо.

Фрэкенъ Стенбергъ взяла Эльзу за плечи и вывела ее изъ комнаты.

XVIII.

— Я пришла къ вамъ проститься,—сказала Торгренъ, когда Эльза легла, наконецъ, въ постель.—Намъ приказали запирать на ночь дверь въ отдѣленіе камеръ. У васъ и у графини будетъ теперь отдѣльная сидѣлка на ночь. Вотъ она—фрэкенъ Бэнъ.

— Здравствуйте, фру Кантъ!

Высокая, тонкая брюнетка съ симпатичнымъ лицомъ, похожая по виду на учительницу, протянула Эльзѣ руку.

— Какъ у васъ тутъ хорошо и удобно.

Торгренъ сѣла на кушетку и нагнулась впередъ, сложивъ на колѣняхъ руки.

— Смотрите у меня, будте добры съ фру Кантъ, я и слышать ничего не хочу. Она моя, знайте это.

— Мы еще будемъ друзьями,—сказала фрэкенъ Бэнъ съ пріятной улыбкой и сердечно пожала Эльзѣ руку.

— Вотъ вашъ хлоралъ.

— Ахъ, хлоралъ! Если-бы только можно было не принимать его!

— Здѣсь мы всѣ должны быть послушными дѣтьми,—сказала Торгренъ и снова засмѣялась.

— Ну, что она?—спросила Эльза и указала на стѣну, вдоль которой стояла ея кровать, и которая отдѣляла ее отъ самоубійцы.

— Скоро все кончится,—отвѣтила Торгренъ и, все еще улыбаясь, взглянула на Эльзу.

— Она будетъ лежать здѣсь всю ночь?

— Да, до утра. Ее надо обмыть и одѣть. Это наше дѣло съ Суенсонъ.

— Боитесь вы?—спросила Эльза, содрагаясь.

— Нѣтъ. Мы вѣдь такъ привыкли къ этому. То-есть, если трупъ уже слишкомъ безобразенъ, то бываетъ не особенно аппетитно. Ну, покойной ночи, милая фру Кантъ.—Торгренъ встала.—Будьте же умной и доброй дѣвочкой.

— Я слышу, какъ она хрипитъ,—сказала Эльза фрэкенъ Бэнъ, когда та принесла ей хлоралъ.

Фрэкенъ Бэнъ затаила дыханіе.—Нѣтъ,—сказала она и покачала головой.

— Да, я слышу, когда я одна.

— Вы безъ сомнѣнія ошибаетесь, фру.

Ахъ, этотъ запахъ карболки, отъ котораго Эльза никакъ не могла отдѣлаться. Карболка и самоубійство—самоубійство и карболка—это смѣшивалось въ одно въ представленіи Эльзы. Какъ странно складывается жизнь! Она лежитъ бокъ о бокъ съ чужой самоубійцей. Кто бы могъ повѣрить этому двѣ недѣли тому назадъ? Но если бы сегодня вечеромъ не пріѣхала новая паціентка въ эту камеру, то Эльза была бы самоубійцей, а кто нибудь другой лежалъ-бы тамъ, бокъ о бокъ съ ней, и можетъ быть чувствовалъ-бы такой же ужасъ и отвращеніе, какое чувствуетъ она сейчасъ. И эти жизненныя случайности управляютъ всѣмъ. Самоубійца спасла ее отъ самоубійства. Ею овладѣло чувство благодарности, смѣшанное съ ужасомъ, и она просунула руку въ наволочку, чтобы убѣдиться, что разорванный платокъ былъ тамъ. Да. Слава Богу, что фрэкенъ Рэдеръ не нашла его, когда убирала утромъ ея постель. Завтра надо спрятать его куда-нибудь, потому что послѣ завтра будутъ мѣнять постельное бѣлье.

Какъ-то тамъ эта борьба жизни съ смертью? Эльза подняла голову, приложила ухо къ стѣнѣ и начала прислушиваться. Нѣтъ, ничего не слышно. Она уже хотѣла опустить голову на подушку, но услыхала какой-то шорохъ, точно тащили канатъ. Это оттуда! Эльзѣ казалось, что звукъ раздался у нея подъ самымъ затылкомъ. Она хотѣла позвать фрэкенъ Бэнъ, но не могла возвысить голоса. Отъ ужаса вся кровь прилила къ головѣ, и въ ушахъ стучало. Она держала голову все въ

томъ же положеніи, приподнятою на подушкѣ, точно на подставкѣ. Потомъ она услыхала какой-то протяжный звукъ, похожій на полосканье горла. Изо всѣхъ силъ рванула она голову, повернула ее и выглянула въ корридоръ. Стулъ былъ пустъ. Эльза осторожно опустила голову на подушку. Какъ тихо сегодня.

Эльза закрыла глаза и сложила руки на груди. Ею овладѣло какое-то набожное чувство, и она чуть слышно дышала.

Вдругъ самоубійца очутилась около нея на одѣялѣ. Эльза слышала рѣзкій хрипъ, ощущала близость посинѣвшаго лица съ пѣной у рта и чувствовала запахъ карболки. Она вскочила и дико уставилась на одѣяло На немъ не было никого. Она прижала руки къ глазамъ и старалась прійти въ себя. Она глухо позвала фрэкенъ Бэнъ, которая тотчасъ-же безшумно вошла въ комнату.

— Ну что она?—шепотомъ спросила Эльза.

— Она умерла четверть часа тому назадъ.

— Послушайте! тамъ говорятъ!—Эльза схватила руку фрэкенъ Бэнъ такимъ судорожнымъ движеніемъ, что та вздрогнула.

— Это Суенсонъ и Торгренъ, которыя должны обмывать покойницу.—Фрэкенъ Бэнъ обняла Эльзу свободной рукой и прижала ея голову къ своей груди.—Вы боитесь, фру Кантъ?

— Да,—прошептала Эльза и судорожно сжала ея руку.

— Но чего же?

— Не знаю. Останьтесь со мной! Пододвиньте стулъ къ кровати и посидите здѣсь.

— Это запрещено, фру Кантъ. Я должна сидѣть въ корридорѣ. Помните, что я должна смотрѣть и за графиней.

— Она спитъ.

— Господи, если бы я могла, я такъ охотно осталась бы здѣсь, потому что я вижу, какъ вы боитесь. Но вѣдь вы такая разумная—всѣ говорятъ.

— Да, да,—сказала Эльза, судорожно всхлипывая. Она выпустила фрэкенъ Бэнъ и легла въ постель.

Эльза начала прислушиваться къ голосамъ Торгренъ и Суенсонъ въ сосѣдней камерѣ. Нѣсколько разъ ей казалось, что Торгренъ тихо смѣялась, потомъ она услыхала плескъ воды и треніе щетокъ. Потомъ все стихло въ сосѣдней камерѣ. Значитъ, онѣ кончили. Онѣ, вѣрно, унесли шерстяное одѣяло и накрыли ее простыней, и потушили газъ, такъ что она лежитъ въ темнотѣ... И закрыли дверь камеры—нѣтъ, заперли, потому что иначе кто нибудь изъ больныхъ могъ бы ворваться къ ней... Богъ знаетъ, потушили-ли онѣ газъ. Кажется, въ комнатѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, всегда бываетъ свѣтъ.

Бѣдныя плачущія дѣти, которыя не хотѣли разставаться съ матерью!

Теперь у нихъ нѣтъ больше матери, но они не знаютъ этого. Она лежитъ мертвая въ камерѣ для сумасшедшихъ, преступницъ и самоубійцъ. Тамъ лежала и Эльза, а теперь она лежитъ рядомъ. Но она не умерла и не хочетъ умирать. Мама маленькаго Таге еще жива. Маленькій Таге! Рыданія душили ее, но слезъ не было. Да, она будетъ жить ради Таге. Глаза ея сомкнулись отъ усталости, но сонъ былъ далекъ.

Вотъ опять самоубійца лежитъ около нея. Но теперь она не хрипитъ. Тихая и голая, накрытая одной простыней, лежитъ она на одѣялѣ. Эльза ясно чувствуетъ холодъ ея мертвыхъ членовъ, и запахъ карболки смѣшивается съ запахомъ трупа. Эльза хотѣла крикнуть и открыть глаза, но это не удавалось. Трупъ соскользнулъ къ ней на грудь и душилъ ее. Она дѣлала усиліе, чтобы вздохнуть и пошевельнуться, но не могла даже поднять пальца. Она умираетъ, она умираетъ! О, Боже, она все-таки умираетъ, задушенная этой чужой самоубійцей. Она уже умерла. Только въ головѣ, въ самомъ верху, осталось крошечное мѣстечко, которое еще жило. Въ немъ сосредоточился остатокъ жизни и въ немъ сидѣлъ смертельный ужасъ и кололъ ее раскаленнымъ гвоздемъ. И опять самоубійца очутилась около нея, холодная какъ ледъ, тяжелая и пахнущая карболкой и трупомъ.

— Это начинается сумасшествіе,—сказала Эльза самой себѣ.

Силы истощались, мысль сдѣлала какой-то прыжокъ, и все начало мѣшаться. Если-бы ей позволили встать и сдѣлать нѣсколько шаговъ, или если-бы Фрэкенъ Бэнъ посидѣла съ ней! Если-бы она могла позвать ее и довѣриться ей! Соблазнъ былъ великъ, но она превозмогла его. Фрэкенъ Бэнъ будетъ считать своимъ долгомъ разсказать профессору. Онѣ всѣ такія исполнительныя—эти сидѣлки.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Она будетъ бороться до конца. Пока она еще въ полномъ разсудкѣ. Только когда глаза закроются, и въ головѣ начинается это клокочущее шипѣніе, только тогда теряетъ она власть надъ своимъ воображеніемъ. Да, она будетъ молиться, станетъ на колѣни, сложитъ руки и будетъ взывать изъ глубины души о помощи. Она преодолѣетъ свой страхъ и ужасъ и, собравъ всѣ силы, призоветъ свой разсудокъ, свою волю, свою физическую крѣпость, которая всегда была такъ велика. Она будетъ умолять своихъ близкихъ умершихъ. Можетъ быть они услышатъ ее и охранятъ ее. Кто знаетъ, вѣдь спириты говорятъ, что они носятся въ воздухѣ, вокругъ насъ, и съ ними можно разговаривать. Но тогда долженъ быть медіумъ, а его у нея нѣтъ. Но можетъ быть они смилостивятся и сдѣлаютъ исключеніе. Она стала на колѣни, сложила простертыя руки, глаза открылись, и тяжести и усталости какъ не бывало,

Но вдругъ она услыхала страшный ревъ—не то вой дикаго звѣря, не то шумъ бурнаго моря. Первую минуту Эльза застыла въ ужасѣ, но

потомъ поняла, что это делирики, и почувствовала облегченіе. Тихо легла она на подушку. Слава Богу, пока делирики кричатъ, глаза не закроются, и самоубійца не придетъ...

— Здравствуйте! Поздравляю васъ!—Эльза услыхала голосъ Фрэкенъ Бэнъ.

— Поздравляю?—повторила Эльза и съ изумленіемъ посмотрѣла на нее.

— Да. Вы спали спокойно часъ и три-четверти. Делирики утихли въ четыре, черезъ четверть часа вы заснули, а теперь уже шесть. Вѣдь это въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь. Точно я принесла вамъ сонъ.

— Поздравляю васъ!—сказала фрэкенъ Стенбергъ, обходя утромъ комнаты, и потрепала Эльзу по щекѣ.

— Поздравляю!—улыбнулась Торгренъ во всѣ щеки, которыя не поблѣднѣли и послѣ ночныхъ бдѣній. Она сердечно протянула Эльзѣ обѣ руки.—Наконецъ-то вамъ удалось уснуть.

— Поздравляю! — привѣтствовала Эльзу фрэкенъ Суенсонъ своей ясной кроткой улыбкой и протянула руку.

Пришла и фрекенъ Рэдеръ и Ганзенъ съ лицомъ Мадонны, и всѣ радовались, что Эльза спала.

— Поздравляю,—думала Эльза.—Но никто изъ нихъ не знаетъ, что значитъ для нея это слово.

Во внутреннемъ состояніи Эльзы произошла перемѣна. Какое-то тупое спокойствіе закралось въ ея душу—молчаливая покорность судьбѣ. Если она не сошла съ ума въ послѣднія двѣ ночи, то ей уже нечего больше бояться. Мысль о самоубійствѣ улетѣла за тысячи верстъ. Теперь она можетъ перенести все. Она чувствовала себя измученной, но въ тоже время окрѣпшей.

Когда Эльза встала по обыкновенію, чтобы умыться и одѣться, она чувствовала себя такой разбитой, что съ трудомъ, качаясь, добрела до маленькаго умывальника въ углу. Въ глазахъ темнѣло и вертѣлось, она должна была держаться, чтобы не упасть, а голова, несмотря на сонъ, отяжелѣла какъ свинецъ.

XIX.

Шли дни и ночи. Эльза сохраняла тупое спокойствіе, но на груди какъ будто лежала какая-то тяжесть, которая сдавливала ея дыханіе, и у нея началась головная боль, ни на минуту ее не оставлявшая. Боль сосредоточилась въ вискахъ и была нестерпимо мучительна. Временами Эльзѣ казалось даже, что виски ея не выдержатъ такого напряженія. Она никогда въ жизни не знала раньше, что такое головная боль.

Однажды профессоръ спросилъ Эльзу, не страдаетъ-ли она еще чѣмъ-нибудь, кромѣ зубной боли—она все еще непрекращалась, несмотря на ежедневныя вспрыскиванія морфія. Эльза пожаловалась на головную боль и прибавила, что никогда не испытывала ея раньше.

— Гм—произнесъ Іеронимусъ со своей недовѣрчивой усмѣшкой, и Эльза отвѣтила ему взглядомъ, полнымъ презрѣнія. Онъ уже не первый разъ хотѣлъ уличить ее во лжи своимъ насмѣшливымъ «гм.»

Къ счастью, профессоръ появлялся на обходахъ не такъ регулярно, какъ докторъ. Каждую среду вечеромъ онъ читалъ лекціи, а одинъ разъ куда-то уѣзжалъ. Эльза была рада, когда могла не видѣть его.

Докторъ былъ ласковъ и шутилъ, какъ всегда, но теперь Эльза уже не пускалась въ разговоры съ нимъ, какъ прежде: ей казалось, что это безполезная трата силъ, которыхъ у нея и такъ немного.

— Какое упорное спокойствіе!—говорилъ время отъ времени докторъ Фрэкенъ Стенбергъ.

Какъ и наканунѣ, Эльза лежала въ постели, когда начался обходъ.

— Я принесъ вамъ немножко почитать,—сказалъ докторъ и положилъ двѣ маленькія желтыя тетрадки на ночной столикъ.

— Спасибо. Какъ это мило съ вашей стороны.—Эльза взяла тетрадки. Это были отдѣльные выпуски сочиненій Зутнеръ подъ названіемъ: «Воспоминаніе изъ жизни», «Отъ матери къ дочери» или что-то въ этомъ родѣ.

— Говорите послѣ этого, что мы не добры къ вамъ,—улыбнулся докторъ, уходя.

Вскорѣ послѣ этого пришелъ Іеронимусъ въ пальто и съ шляпой въ рукахъ. Онъ сѣлъ около постели, и Эльзѣ показалось, что онъ былъ нѣсколько смущенъ. Онъ нагнулся надъ столомъ, и взглядъ его остановился на желтыхъ тетрадкахъ.—Что это такое?—Онъ взялъ одну изъ нихъ.

— Это мнѣ далъ докторъ.

— А, такъ у васъ есть и развлеченіе.—Онъ отложилъ тетрадку и посидѣлъ нѣсколько минутъ молча. На лицѣ его отражалась нерѣшимость. Вдругъ онъ выпрямился и опустилъ руку въ карманъ пальто.— У меня есть между прочимъ для васъ сюрпризъ,—быстро проговорилъ онъ, вставая, и въ ту-же минуту на ночномъ столикѣ очутилось письмо.

— Спасибо,—сказала Эльза съ радостью и волненіемъ въ голосѣ, моментально узнавъ почеркъ Кнута. Она схватила письмо, но тотчасъ-же отбросила его, воскликнувъ:—Оно распечатано!

Іеронимуса уже не было.

— Вы кажется получили письмо?—Фрэкенъ Рэдеръ вошла въ комнату, за ней фрэкенъ Стенбергъ.

— Да, но оно мнѣ не нужно! — воскликнула Эльза и оттолкнула письмо.—Неужели вы думаете, я стану читать письмо отъ мужа, кото-

рое распечаталъ профессоръ? Онъ!.. Разорвалъ его своими тонкими какъ у повитухи пальцами!.. Посмотрите какъ оно обтрепано.

— Какая вы недобрая!—сказала фрэкенъ Стенбергъ и обняла Эльзу.— Профессоръ распечатываетъ письма всѣхъ паціентовъ.

— Не сердитесь на меня, фрэкенъ Стенбергъ. Вы не должны сердиться.—Эльза горько плакала, положивъ голову на грудь фрэкенъ Стенбергъ.

Фрэкенъ Стенбергъ дала ей выплакаться.—Ну прочтите-же письмо,— сказала она ласково.—Вѣдь вы такъ жаждали услыхать что-нибудь изъ дому.

— Нѣтъ, я не могу и не хочу. Какой интересъ, если оно таково, что профессоръ могъ прочесть его. Возьмите его, фрэкенъ Рэдеръ, о, возьмите его, я не могу его видѣть.

Фрэкенъ Рэдеръ нерѣшительно взяла письмо.

— Упрямица вы,—журила ее фрэкенъ Стенбергъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Вѣдь вы знаете, вы можете заставить меня сдѣлать все, что угодно—только не прочесть письмо, которое распечаталъ онъ,—поспѣшила прибавить Эльза.

Фрэкенъ Стенбергъ положила голову Эльзы на подушку и поцѣловала ее на прощанье въ щеку.

— Вы-бы всетаки прочли письмо,—просила фрэкенъ Рэдеръ, когда фрэкенъ Стенбергъ ушла.—Право, мнѣ кажется, вы сами себя мучите тѣмъ, что не читаете.—Голосъ ея звучалъ серьезно.

— Только представить себѣ такого человѣка!—воскликнула Эльза, садясь на постели.—Онъ конечно взялъ съ моего мужа обѣщаніе не писать ни о чемъ, что могло-бы довести меня до аффекта—до аффекта! Еще-бы! Меня, находящуюся въ такомъ раю. И всетаки распечаталъ! Что-же онъ думаетъ, что всѣ люди лгутъ и обманываютъ? Ужъ хоть-бы онъ распечаталъ письмо осторожно и запечаталъ потомъ опять. Но онъ разорвалъ его—нарочно, чтобы позлить меня.

Фрэкенъ Рэдеръ долго уговаривала Эльзу. Наконецъ Эльза согласилась, чтобы фрэкенъ Рэдеръ прочла письмо и сообщила ей содержаніе.

— Впрочемъ, въ немъ нѣтъ ничего особеннаго,—сказала фрэкенъ Рэдеръ, окончивъ чтеніе.

— Конечно, нѣтъ. Этого и не могло быть.

— Вашъ мужъ пишетъ, что ребенокъ чувствуетъ себя прекрасно, и что, чѣмъ терпѣливѣе вы будете, тѣмъ скорѣе увидитесь съ нимъ.

— Терпѣливѣе,—сказала Эльза съ горькой усмѣшкой.

XXI.

Ночь была тревожная, и Эльзѣ опять стоило большого труда побороть свой страхъ и отчаяніе. Наконецъ настало утро, и ждали обхода.

Эльза тихо лежала въ постели. Голова горѣла и чувствовалась такая усталость, точно всѣ члены были разбиты. Что это за стукъ, отъ котораго трясется кровать, и Эльза вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ въ нестерпимыхъ мукахъ! Точно пушечная пальба!

— Откуда такой страшный стукъ? — устало спросила она фрэкенъ Стенбергъ.

— Это входная дверь внизу. Она стучитъ такъ сильно потому, что сегодня буря.

Несмотря на непрекращавшийся стукъ, Эльза задремала...

Шумъ, легкихъ скрипящихъ шаговъ заставилъ ее подняться. Въ эту минуту въ комнату вошелъ Іеронимусъ, блестя съ головы до ногъ новой одеждой. На немъ было изящное пальто, блестящіе сапоги и коричневыя лайковыя перчатки. Онъ положилъ шляпу на столъ, придвинулъ стулъ и сѣлъ.

— Ну вотъ у васъ теперь есть подвязки,—началъ онъ тихимъ, дружелюбнымъ голосомъ.—Вѣдь это контрабанда, вы знаете...

Наканунѣ Эльзѣ вернули, въ виду ея тихаго поведенія, мелкія домашнія вещи.

— Хотите ихъ назадъ?—рѣзко спросила Эльза.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Іеронимусъ съ легкимъ движеніемъ руки и, помолчавъ минуту, прибавилъ:—Но вы должны обѣщать мнѣ, что не станете злоупотреблять этимъ.

— Во время пришло въ голову, — подумала Эльза, вспомнивъ свой разорванный носовой платокъ, и сказала съ задорной улыбкой: — Тѣ шерстинки, которыя мнѣ давали вмѣсто подвязокъ, можно было тоже употребить во вредъ, если-бы я только хотѣла.

Іеронимусъ сидѣлъ нѣсколько нагнувшись впередъ надъ постелью и смотрѣлъ внизъ. Руки его, обтянутыя лайковыми перчатками, лежали на колѣняхъ и пальцы слегка поигрывали.

— Необходимо сдѣлать что-нибудь съ дверью! — воскликнулъ онъ вдругъ, нервнымъ движеніемъ повернувъ голову къ корридору. Она стукнула два раза, пока онъ былъ здѣсь.

Фрэкенъ Стенбергъ показалась на порогѣ и хотѣла что-то сказать, но Іеронимусъ предупредилъ ее движеніемъ руки. Потомъ онъ принялъ прежнее положеніе и сказалъ тѣмъ-же тихимъ, ласковымъ голосомъ, слегка покачиваясь корпусомъ, точно ему было очень важно произносить слова какъ можно осторожнѣе:

— Вы помните, что было съ вами въ первый вечеръ?

— Ахъ, вы опять начинаете этотъ разговоръ,—злобно воскликнула Эльза.—Такъ вы думаете что объясненіе, которое я вамъ дала, ложь?

— Ну, съ тѣхъ поръ вы вѣдь нѣсколько успокоились, — продолжалъ Іеронимусъ.—Тогда вы говорили о безчеловѣчномъ обращеніи.

— О нечеловѣческихъ мученіяхъ, — поправила его Эльза. — И повторю это. Но вѣдь я должна научиться подчиняться? Вѣдь за этимъ вы помѣстили меня сюда—не такъ-ли? — Она произнесла эти слова холоднымъ, насмѣшливымъ тономъ.

Профессоръ сдѣлалъ такое движеніе, точно хотѣлъ вскочить, но овладѣлъ собой и продолжалъ послѣ минутнаго молчанія все такъ-же дружелюбно:

— Вѣдь вамъ и прежде приходили въ голову такія мысли. Это бываетъ, когда человѣкъ теряетъ душевное равновѣсіе и чувствуетъ себя измученнымъ и несчастнымъ.

Онъ снова повернулся на стулѣ и помолчалъ минуту.

— Но, можетъ быть, это было не серьезно—вы хотите...

Эльза бросилась на подушку.

— Я не желаю говорить съ вами объ этомъ,—прервала она тономъ противорѣчія, и голосъ ея дрожалъ отъ гнѣва.—Мнѣ кажется, пора прекратить эту комедію, которая была-бы очень комична, если-бы не была такъ трагична. Право, у моего мужа нѣтъ средствъ платить четыре кроны ежедневно за то, чтобы меня мучили здѣсь.

— Комедія... трагична...—Іеронимусъ выпрямился и заговорилъ своимъ обычнымъ короткимъ и рѣзкимъ тономъ.—Мнѣ кажется это комичнымъ.—Онъ вскочилъ со стула, бросился къ двери и закричалъ пронзительнымъ голосомъ:—Фру Кантъ всегда такая буйная? Она не ѣстъ? Не дѣлаетъ того, что должна?

— Съ нами она всегда очень мила,—отвѣтила фрэкенъ Стенбергъ.—Она была немного взволнована вчера вечеромъ, потому что письмо было распечатано, но потомъ...

— Ужъ не воображаетъ-ли она, что мы держимъ ее здѣсь ради своего удовольствія?—крикнулъ опять Іеронимусъ въ полъ-оборота къ кровати.—Мы очень будемъ рады отдѣлаться во всякую минуту. Но говорю вамъ,—онъ быстро подошелъ къ Эльзѣ и ударилъ пальцами одной руки о ладонь другой—вашъ мужъ можетъ взять васъ когда угодно — пожалуйста; но посѣщенія его вы не дождетесь!

Онъ схватилъ шляпу со стола и въ то-же мгновеніе его уже не было въ комнатѣ.

— Но Боже мой, фру Кантъ!—фрэкенъ Стенбергъ вошла и всплеснула руками. И фрэкенъ Рэдеръ тоже: — Что такое могли вы сказать профессору, что такъ взбѣсило его?

— Я совсѣмъ поражена, фру Кантъ!—щеки Торгренъ поблѣднѣли.—Я слышала его изъ камеръ.

Вошла и графиня.

— Вы сказали профессору правду?

И всѣ онѣ съ испуганными лицами окружили постель. Эльза смотрѣла въ смущеніи то на одну, то на другую и, наконецъ, разсмѣялась.

— Да, Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится! — озабоченно сказала фрэкенъ Стенбергъ, уходя.

— Ну теперь вы больше не моя!

Торгренъ серьезно покачала головой.

— Вѣдь вы хотѣли, чтобы я смѣялась, Торгренъ—вотъ я и смѣюсь!

XXII.

— Ну, что-же можно сказать о ея состояніи? — спрашивалъ Кнутъ. Онъ опять сидѣлъ въ пріемной профессора въ больницѣ.—Я слышу все только о ея вспышкахъ. Прежде послѣ нихъ всегда наступало спокойствіе, если только не было постояннаго повода къ чрезмѣрному напряженію нервъ, какъ въ послѣднее время — да даже и тогда. — Онъ замолчалъ.

«Почему этотъ человѣкъ не говоритъ ничего?» Подумалъ Кнутъ. Почему не показать мнѣ разъ навсегда, что онъ прекрасно понимаетъ паціента и что вся моя болтовня излишня?

— А здѣсь въ больницѣ,—продолжалъ Кнутъ,—въ этомъ покойномъ мѣстѣ, гдѣ все устроено такъ, чтобы щадить нервы больныхъ....

— Ваша жена буйная сумасшедшая, — отвѣтилъ профессоръ и поднялся со стула.

Впечатлѣніе этихъ словъ врѣзалось въ сознаніе Кнута съ болью, производимой тупымъ орудіемъ. Оно какъ будто раздѣлило его внутреннія ощущенія въ два представленія: Іеронимусъ со своимъ неуязвимымъ достоинствомъ, въ кандидатскомъ мундирѣ, на обходѣ больныхъ, и Эльза— «буйная сумасшедшая».

Профессоръ сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ по комнатѣ.

— Она страшно раздражена противъ васъ. На дняхъ она швырнула ваше письмо на столъ и не стала его читать.

Кнутъ взглянулъ изумленно на профессора. Состояніе Эльзы становилось для него все болѣе и болѣе мучительно-загадочнымъ. Письмо это онъ долженъ былъ отдать профессору распечатаннымъ и потому не могъ и не хотѣлъ писать ничего, кромѣ самыхъ обычныхъ словъ. Но профессоръ, конечно, запечаталъ его прежде, чѣмъ передать Эльзѣ. Пожалуй, лучше, что Эльза не читала его, такъ какъ она исходила-бы изъ предположенія, что Кнутъ могъ миновать контролирующаго посредника. Но откуда это раздраженіе противъ него. Что могло его вызвать?

— И такъ профессоръ остается при своемъ мнѣніи, что свиданіе съ женой нецѣлесообразно?

— Во всякомъ случаѣ.

— А посѣщеніе доктора Тведе?

— Не теперь.

Аудіенція кончилась. Ахъ, понимаютъ-ли они различныя натуры, съ которыми имѣютъ дѣло? Но вѣдь всѣ говорятъ, что Іеронимусъ порядочный и гуманный докторъ и изъ психіатровъ самый лучшій. Удивительно, какъ скрыто это отъ глазъ непосвященныхъ!

XXIII.

Послѣ обѣда, когда зажгли газъ, Эльза сидѣла въ корридорѣ и вязала. Въ створчатой двери щелкнулъ замокъ, и двое мужчинъ внесли на носилкахъ женщину. Она нагнулась впередъ всѣмъ корпусомъ и шарила руками по одѣялу.

— Я спрашиваю, гдѣ я... я только спрашиваю.—Женщина подняла голову и схватила одного изъ носильщиковъ за руку.

Эльза, приблизившаяся къ носилкамъ, содрогнулась и отступила назадъ. Она увидѣла круглое, какъ шаръ, лицо съ запухшими глазами. На одной щекѣ горѣлъ темносиній шрамъ, изъ котораго сочилась кровь. Такое ужасное лицо и такой кроткій, благородный голосъ!

Носилки опустились передъ крайней камерой, которая оставалась незанятой послѣ самоубійцы, и женщину сняли съ носилокъ и вмѣстѣ съ одѣяломъ внесли въ камеру.

— Она отравилась?—спросила Эльза фрэкенъ Стенбергъ.

— Да, почти что такъ — у нея бѣлая горячка.

— Какъ вы думаете, она умретъ?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Дня черезъ три или четыре она будетъ совсѣмъ здорова.

Когда носильщики ушли, Эльза подошла къ двери и заглянула въ камеру. Алкоголичка, по имени Белла Гольмъ, какъ сказали Эльзѣ, сидѣла на постели и по прежнему искала что-то въ одѣялѣ, не переставая говорить своимъ кроткимъ, пріятнымъ голосомъ.

— Нѣтъ ли у васъ хоть капли пива?—спросила она вдругъ и подняла глаза.

— Она проситъ пива, фрэкенъ Торгренъ.

— Да, дамъ я ей пива, пусть проситъ.—Торгренъ стояла передъ постелью Беллы Гольмъ.—Ложитесь ка, все равно ничего не найдете.— Торгренъ схватила ее за плечи и силою уложила на подушки.—Молока получите, если хотите, а больше ничего.

— Что она ищетъ?—спросила Эльза.

— Насѣкомыхъ. Делирики всегда это дѣлаютъ.

— Да, бѣдняжка,—сказала фрэкенъ Стенбергъ въ отвѣтъ на горячіе разспросы Эльзы о Беллѣ Гольмъ. — Она вѣдь изъ порядочной семьи.

Ея отецъ былъ, кажется, адъюнктомъ. Онъ былъ страшный игрокъ и когда пропилъ все до подушекъ, то пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Съ матерью тоже было что-то неладно.

— Но какъ вы можете быть такъ холодны съ ней?—спросила потрясенная Эльза.—Вы не высказали ей и тѣни участія.

— Такого человѣка нельзя не презирать. Сначала, когда она была здѣсь въ первый разъ, я говорила съ ней ласково. Теперь я больше не могу.

Ночью фрэкенъ Бэнъ часто заходила къ Эльзѣ. Съ Беллой Гольмъ въ сосѣдней камерѣ сдѣлалась истерика. Она кричала и выла, а по временамъ слышалось тяжелое паденіе и звукъ, похожій на плескъ воды.

— Она все воображаетъ, что бросается въ воду,—сказала вошедшая Торгренъ. — Сложитъ руки ладонями вмѣстѣ, закинетъ за голову, шлепнется на полъ и захлебывается. Впрочемъ, я пришла помириться съ фру Кантъ и еще разъ попросить ее извиниться передъ профессоромъ.

— Да, я тоже говорила объ этомъ,—сказала фрэкенъ Бэнъ.

— Фру Кантъ смотритъ на профессора съ неправильной точки зрѣнія.

— Вѣдь я же сказала, что не могу говорить съ этимъ человѣкомъ,— простонала Эльза.

— Такъ напишите ему. Можетъ быть, это лучше?

Эльза покачала головой.

— Въ письмѣ вы сами будете вести рѣчь, — продолжала фрэкенъ Бэнъ, когда Торгренъ ушла. И вамъ не трудно будетъ избѣжать рѣзкостей. Если бы вы знали, какъ профессоръ можетъ быть милъ.

Попробовать? Эльза лежала въ задумчивости на подушкѣ, прислушиваясь къ шуму въ камерѣ Беллы Гольмъ. Попробовать объяснить ему, какъ страдаетъ она здѣсь, и попросить его выпустить ее? Она совсѣмъ не жаловалась ему послѣ того раза въ камерѣ. Можетъ быть, онъ думаетъ, что она теперь сравнительно довольна.

Утромъ послѣ завтрака Эльза попросила принадлежностей для письма и лежа на боку въ постели—она чувствовала себя слишкомъ утомленной, чтобы встать, облокотясь на лѣвую руку и прислонясь грудью къ ночному столику, она написала письмо, которое начиналось такъ: «Многоуважаемый г. профессоръ! Я очень измучилась и утомлена, и въ такомъ состояніи почти невозможно выразить устно то, что лежитъ у меня на сердцѣ». Затѣмъ она перешла къ описанію своего состоянія, разсказывая не то, что было въ дѣйствительности, а то, что по ея соображенію профессоръ могъ выслушать, не приходя въ бѣшенство. Она упомянула о своей продолжающейся безсонницѣ и невозможности спать въ такомъ мѣстѣ, о крикахъ больныхъ и постоянномъ шумѣ и т. д. Подъ конецъ она просила извѣстить мужа о ея настоятельномъ желаніи уйти отсюда какъ можно скорѣе.

Когда письмо было готово, фрэкенъ Стенбергъ взяла его и тотчасъ же отправилась съ нимъ къ профессору. Потомъ Эльза одѣлась и вышла въ корридоръ.

Въ камерѣ фру Фогъ передъ постелью сидѣлъ какой-то господинъ. Онъ держалъ въ рукахъ шляпу и взглядомъ, полнымъ любви и боли, разсматривалъ желтое и неподвижное, какъ мумія, лицо.

— Это ея сынъ,—прошептала Ганзенъ.

— Но вы сказали, что въ это отдѣленіе не пускаютъ посѣтителей.

— Нѣтъ. Но вѣдь въ жизни постоянно бываютъ исключенія. За нимъ посылали.

— Она умираетъ?

— Да, не протянетъ долго...

XXIV.

Когда докторъ обходилъ передъ ночью больныхъ, Эльза попросила дать ей еще нѣсколько желтенькихъ тетрадокъ для чтенія.

— Профессоръ не позволяетъ.

— Онъ боится, что повредитъ мнѣ?—засмѣялась Эльза.

— Нѣтъ, профессоръ находитъ, что вы должны быть поласковѣе.

— Это я понимаю. Я сдѣлала бы то же на мѣстѣ профессора, какъ разъ то же!

На слѣдующее утро обхода не было дольше обыкновеннаго. Эльза, сидѣвшая съ вязаньемъ, отложила работу и пошла по камерамъ.

Фру Сювертсъ сидѣла на постели и расчесывала волосы.

— Какъ вы похожи на того норвежца, въ котораго я была влюблена,—съ улыбкой сказала Эльзѣ фру Сювертсъ, очищая гребенку отъ вылѣзшихъ волосъ, которые она старательно завернула въ клочокъ газетной бумаги.—Я сразу замѣтила это, въ первое-же утро.—Она вытерла гребенку бумагой, почистила ее и положила на ночной столикъ.—Если-бы мнѣ теперь немножко воды,—сказала она и съ недовольствомъ взглянула на свои пальцы.

— Я искала васъ въ вашей комнатѣ!

Эльза обернулась. Передъ ней стояла графиня въ своемъ черномъ платьѣ, обшитомъ кружевами.

— Что ей здѣсь надо?—прервала фру Сювертсъ, указывая на графиню.

— Мы всѣ сестры во Христѣ,—сказала графиня своимъ кроткимъ тихимъ голосомъ и положила руку на плечо фру Сювертсъ.—Я молюсь за васъ. Знаете вы Христа?

— Я думаю, мы всѣ крещеныя и конфирмованныя,—сказала фру Сювертсъ.

— А, да здѣсь цѣлое общество.

Эльза и графиня вздрогнули и обернулись. Въ камерѣ стоялъ Іеронимусъ въ своемъ длинномъ бѣломъ кителѣ. Свѣтъ яркаго февральскаго солнца, заглядывавшаго въ окно, падалъ прямо на его лицо, и Эльза была поражена яркимъ голубымъ цвѣтомъ его глазъ. Ей всегда казалось, что у него глаза безцвѣтные и холодные, какъ вода. И какъ кротко и привлекательно можетъ быть его лицо. Она была изумлена, почти поражена—точно человѣкъ, внезапно почувствовавшій въ воздухѣ приближеніе весны.

— Мнѣ очень хочется поговорить съ вами, фру Кантъ,—сказалъ онъ съ слабой улыбкой и быстро вышелъ изъ камеры. Эльза послѣдовала за нимъ и вспомнила о словахъ Торгренъ.

— Я получилъ ваше письмо,—сказалъ онъ, когда они сидѣли въ ея комнатѣ,—и внимательно прочелъ его. Мало того, я показалъ его вашему мужу и вашему домашнему врачу. Теперь посмотримъ.

— Спасибо—сказала Эльза и взглянула на него глазами, въ которыхъ было еще больше благодарности, чѣмъ въ ея словахъ.

— Теперь вы вѣроятно скоро получите извѣстіе отъ мужа.

Эльза поблагодарила еще разъ.

— Не хотите-ли вы между прочимъ повидать вашего домашняго доктора? Ничто не можетъ препятствовать его посѣщенію.

Эльза мѣшкала отвѣтомъ. Она хотѣла видѣть Кнута, до другихъ ей нѣтъ дѣла.

— Вѣдь у васъ-же есть къ нему довѣріе?—спросилъ профессоръ.

— Да. Онъ былъ моимъ докторомъ въ теченіе десяти лѣтъ. Но я не чувствую потребности видѣть его.

— Нѣтъ? Ну до свиданія.

Эльза была полна надежды и ожиданія. Профессоръ показалъ письмо Кнуту и Тведе. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что должно случиться послѣ этого. Сегодня-же Кнутъ придетъ за ней. Всетаки Іеронимусъ порядочный человѣкъ.

Но прошелъ и этотъ день, и слѣдующій, и не случилось ничего того, на что Эльза разсчитывала и чего ждала.

На третій день вечеромъ, когда профессоръ сидѣлъ у нея, она спросила:

— Значитъ, мой мужъ и докторъ Тведе послѣдовали совѣту профессора и рѣшили, что я должна остаться здѣсь?

— Нда,—отвѣтилъ онъ съ довольствомъ.

Эльза подумала немного, потомъ сказала:—И такъ профессоръ держится того мнѣнія, что я душевно больная?

— Нда.

Это «нда» дѣйствовало на Эльзу какъ ударъ кнута, и ей казалось,

точно почва ускользаетъ изъ подъ ея ногъ. Что дѣлать? Ничего не остается. Она въ его власти. Да—сказала она и встала.—Если профессоръ, мой мужъ и докторъ Тведе говорятъ, что я душевно больная, то я душевно больная. Но въ такомъ случаѣ я была душевно-больной всю свою жизнь.

— Можетъ быть, вы и были.

— Да, можетъ быть, и вы были,—пробормотала про себя Эльза.—Кто знаетъ? У большинства людей можно, если захочешь, найти признаки, которые при желаніи легко объяснить душевной болѣзнью,—сказала она громко и взглянула на профессора.

— На этихъ дняхъ я познакомился съ вашими произведеніями,—сказалъ Іеронимусъ. — Любовь къ ненормальному, которую обнаруживаютъ ваши картины, не подлежитъ сомнѣнію.

— Любовь къ ненормальному!—думала Эльза.—Не любовь-ли къ ненормальному создала авторитетъ профессора и поставила его на такое мѣсто?

— Ваши картины являются для меня безусловнымъ доказательствомъ того, что вы ненормальны. Да, я исхожу изъ предположенія, что вы хотѣли воспроизвести въ своихъ работахъ собственную душевную жизнь.

Эльза не отвѣтила, только взглянула на него.

— Мой мужъ не просилъ свиданія со мной?

— Нѣтъ, объ этомъ онъ ничего не говорилъ.

Отвѣтъ этотъ словно вонзилъ ей въ сердце ножъ. Она прошлась еще разъ по комнатѣ, но должна была сѣсть, такъ какъ колѣни ея дрожали.

— Я не понимаю этого, — сказала она.—Можетъ быть, случилось что-нибудь, пока я здѣсь, что-нибудь, чего я не знаю?

— Нѣтъ. Но теперь, когда вашъ мужъ можетъ взглянуть на васъ издали, онъ смотритъ спокойнѣе и правильнѣе.

— Такъ онъ сердитъ на меня?

— Сердитъ? Нельзя сердиться на человѣка, къ которому чувствуешь состраданіе,—произнесъ онъ кротко и съ достоинствомъ.

Эльза ничего не сказала. Это была самая тяжелая минута ея жизни.

— Подумайте хорошенько, — сказалъ Іеронимусъ, вставая и отходя въ уголъ комнаты, гдѣ онъ остановился, прислонившись къ стѣнѣ:—вѣдь вы-же бросались голая на полъ, рыдали и корчились.

— Никогда!—воскликнула Эльза.—Голая? Я никогда не могла этого дѣлать!

— Ну да, можетъ быть, и въ одеждѣ.

«Кнутъ не хочетъ тебя видѣть! Кнутъ не хочетъ тебя видѣть», повторялось болѣзненнымъ крикомъ въ груди Эльзы.

— Долго я буду здѣсь?—тихо спросила Эльза.

— Нда, очень долго.—Въ голосѣ Іеронимуса опять послышалось это животное довольствіе, которое заставляло Эльзу смотрѣть на него, какъ на палача, наслаждающагося своими дѣяніями.

— Нельзя-ли помѣстить меня куда-нибудь въ другое мѣсто?

— Можно, въ больницу Св. Георгія,—отвѣтилъ онъ язвительно.

— Да? Такъ лучше ужъ въ больницу Св. Георгія. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Профессоръ ушелъ.

XXV.

Ночь, слѣдовавшая за этимъ, была для Эльзы ужаснѣйшей изъ всѣхъ ужасныхъ ночей, проведенныхъ здѣсь. Теперь уже не было того безразсуднаго страха, который прежде доводилъ ее до границъ умопомѣшательства. Бѣшенство делириковъ, шумъ и болтовня Беллы Гольмъ въ сосѣдней камерѣ казались ей теперь чѣмъ-то естественнымъ и необходимымъ. Не волновало ее и заявленіе профессора, что она душевнобольная. Что ей за дѣло до этого! Она вѣдь не сумасшедшая и никогда въ жизни не будетъ сумасшедшей. Если она выдержала пребываніе въ этомъ аду у Іеронимуса, да еще пріѣхавъ сюда въ такомъ жалкомъ состояніи, то что-же можетъ послѣ этого сдѣлать ее сумасшедшей? Но то, что Кнутъ не хотѣлъ ее видѣть, что онъ заманилъ ее сюда для того, чтобы отдѣлаться отъ нея!.. А она еще думала, что испытала самыя ужасныя страданія—нѣтъ, она только теперь узнаетъ ихъ.

И Таге, ея ребенокъ, ея мальчикъ! Что-то будетъ съ нимъ! Ее пошлютъ въ больницу св. Георгія. Она вспомнила, какой ужасъ охватилъ ее тогда въ камерѣ, когда фрэкенъ Стенбергъ сказала про одну паціентку, что ее отошлютъ въ больницу св. Георгія. Больница св. Георгія! Но Боже мой, если ее будутъ держать взаперти, то лучше ужъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, только не здѣсь, гдѣ начальствуетъ Іеронимусъ.

Этотъ Іеронимусъ удивительный человѣкъ! Должно быть онъ опьяненъ своимъ авторитетомъ. Онъ не предложилъ ей ни единаго вопроса о ея внутреннемъ состояніи... ни слова о томъ, какъ она воспринимаетъ ощущенія, каково ей здѣсь, и какъ могла она примириться со всѣми этими ужасами и безсонницей. Объ этомъ у него не было ни малѣйшаго представленія. Онъ обходился съ ней, какъ обходились въ старину учителя съ непокорными и невоспитанными учениками, стараясь розгами и суровостью обуздать и усмирить ихъ. И онъ воображалъ, что понимаетъ дѣло, смѣетъ говорить совершенно спокойно и безапелляціонно: «вы душевно больная, и васъ надо запереть въ больницу св. Георгія». У него, конечно, были свои теоріи, которыми онъ руководствовался. Бѣдный Іеронимусъ! рано или поздно онъ представится въ настоящемъ свѣтѣ.

Но Кнутъ, Кнутъ, который не хотѣлъ ее видѣть! Ахъ, если-бы ей только поскорѣе вырваться отсюда. О сидѣлкахъ она, конечно, будетъ скучать. Онѣ постоянно помогали ей переносить ея испытанія. Но только подумать о томъ, что она не будетъ больше видѣть Іеронимуса!

Всю ночь часъ за часомъ Эльза пролежала молча, но безпокойно, волнуясь и раздумывая о томъ, что Кнутъ не хотѣлъ ее видѣть. Сердце ея ныло, какъ рана. И Таге, милый, дорогой, маленькій Таге!.. неужели и его сердце отвратится отъ нея?..

На другой день послѣ обѣда Эльза вышла въ корридоръ и заглянула къ фру Фогъ. Больная лежала съ закрытыми глазами и вытянутыми поверхъ одѣяла руками. «Не можетъ быть, чтобы она была жива», подумала Эльза и нагнулась, чтобы прислушаться къ ея дыханію. Фру Фогъ посмотрѣла на Эльзу широко раскрытыми глазами. Эльза почувствовала, что ее обдало холодомъ. Кто могъ-бы подумать, что эта мумія могла такъ смотрѣть. Губы фру Фогъ тихо шевелились, во взглядѣ отражалась горячая мольба, руки безсильно поднялись и ощупью искали одна другую.

— Да,—сказала Эльза и прошептала ей на ухо.—мы помолимся вмѣстѣ.

Фру Фогъ кивнула глазами. Эльза взяла ея руки и помогла ей сложить ихъ. Потомъ она тоже сложила руки и прочла «Отче нашъ». Умоляющіе глаза муміи все время пристально смотрѣли въ глаза Эльзѣ. Когда молитва была окончена, фру Фогъ медленно закрыла глаза, и вокругъ ввалившагося рта заиграло нѣчто вродѣ улыбки. Дыханія почти не было слышно. Эльза продолжала стоять и смотрѣть на нее.

Черезъ десять минутъ, возвращаясь въ свою комнату, Эльза снова заглянула къ фру Фогъ. Она лежала все въ томъ-же положеніи, только по лицу ея разлилась какая-то матовая желтизна.

XXVI.

— Если вы хотите посмотрѣть покойницу, такъ идите скорѣе, фру Кантъ,—прошептала фрэкенъ Суенсонъ, показываясь въ дверяхъ и дѣлая Эльзѣ знаки.

Эльза встала, и онѣ прошли въ камеру фру Фогъ. Суенсонъ притворила дверь.

Покойница лежала на голомъ матрацѣ, сдѣланномъ изъ мѣшка, такъже, какъ и самоубійца, завернутая въ простыню, которая плотно прилегала къ тѣлу, выказывая его очертанія, и оно показалось Эльзѣ такимъ маленькимъ, точно это было тѣло ребенка.

Фрэкенъ Суенсонъ отдернула простыню, и Эльза съ дрожью отступила назадъ. Тѣло фру Фогъ было настоящимъ скелетомъ, обтянутымъ

сѣровато-желтой прозрачной кожей. Нижняя челюсть отвалилась, такъ что ротъ былъ открытъ, и подбородокъ лежалъ на груди. Плечевыя и локтевыя кости казались неестественно большими, животъ съежился и ввалился.

«Что долженъ былъ перенести человѣкъ прежде, чѣмъ сдѣлаться такимъ скелетомъ!»—думала Эльза, не отрывая глазъ отъ страшнаго зрѣлища.

— Да,—сказала фрэкенъ Суенсонъ и накрыла трупъ простыней.— Сейчасъ ее унесутъ, въ ея камеру уже записана новая паціентка.

Эльза вернулась въ свою комнату и долго сидѣла неподвижно, думая о фру Фогъ. Вотъ кончилась еще одна человѣческая жизнь, но какъ? Умереть одной въ этомъ мѣстѣ, среди чужихъ, не имѣя поблизости любящей руки, которая-бы закрыла ей глаза. А вѣдь у нея былъ сынъ, который смотрѣлъ на нее съ такой любовью и грустью и преклонялъ колѣни передъ ея ложемъ. Онъ навѣрное желалъ-бы быть при ней въ послѣднюю минуту. Но развѣ жизнь наша считается съ тѣмъ, чего мы хотимъ и желаемъ... Можетъ быть и Эльза будетъ когда-нибудь лежать мертвая, забытая и одинокая, среди чужихъ и ея сынъ, который, можетъ быть, будетъ единственнымъ, что у нея останется въ жизни, не будетъ въ состояніи придти къ ней. Ея сынъ—милый, маленькій Таге!.. Эльза опустила голову и плакала горькими слезами въ тоскѣ по ребенкѣ. Если-бы ей только услыхать о немъ. Можетъ быть, нянѣ позволятъ навѣстить ее, если Кнутъ захочетъ. Да, она еще разъ напишетъ профессору, извинится, какъ онѣ хотятъ, передъ нимъ и попроситъ позволенія видѣться съ няней.

Послѣ обѣда Эльзѣ принесли чернила и перо, и она писала между прочимъ слѣдующее: «Но допустимъ даже, что я душевно больная. Я все-таки не могу понять, какъ можетъ человѣкъ, въ рукахъ котораго я нахожусь, поставить своей задачей доставлять мнѣ какъ можно больше мученій и страданій. Уже одно это лишеніе личной свободы—нестерпимое мученіе, затѣмъ то, что я не вижу сына и не слышу ничего о немъ...» Въ заключеніе она убѣдительно просила о томъ, чтобы къ ней пустили няню ребенка.

Фрэкенъ Стенбергъ сейчасъ-же ушла съ письмомъ и вернулась назадъ съ извѣстіемъ, что профессоръ получилъ письмо, но что онъ долженъ завтра уѣхать и вернется не раньше, какъ послѣзавтра. Сердце сжалось въ груди Эльзы при мысли объ этой отсрочкѣ. Но съ этимъ ничего нельзя было подѣлать. Теперь у нея по крайней мѣрѣ есть надежда, которой она будетъ жить это время.

XXVII.

Эльза ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, безпокойная, полная ожиданія. Сегодня придетъ Іеронимусъ. Ахъ, эта томительная слабость! Она

устало опустилась на стулъ, откинулась назадъ, закрывъ глаза руками, и погрузилась въ дремоту; но черезъ нѣсколько времени она очнулась, услыхавъ, что кто-то входитъ. Передъ ней стоялъ профессоръ въ пальто и перчаткахъ. Она быстро встала, дрожа всѣмъ тѣломъ. Іеронимусъ сѣлъ на кушетку, и Эльза заняла прежнее мѣсто.

— Вы опять писали мнѣ, — началъ профессоръ недовольнымъ тономъ.—Вы употребляете слишкомъ сильныя выраженія.

Эльза не вѣрила своимъ ушамъ. Вѣдь она дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы употреблять по возможности самыя мягкія выраженія.

— Вы говорите о мученіяхъ и страданіяхъ и о томъ, что вы лишены свободы, — насмѣшливо продолжалъ Іеронимусъ.—Вы пользуетесь большей свободой, чѣмъ вамъ надлежитъ.

Эльза хотѣла отвѣтить, но въ комнату вошелъ докторъ Тведе.

— А вотъ и докторъ!—воскликнулъ Іеронимусъ.

Тведе поздоровался сперва съ профессоромъ, потомъ съ Эльзой.

— Какъ поживаете, фру Кантъ?—спросилъ онъ и внимательно посмотрѣлъ на Эльзу.

— Спасибо,—отвѣтила Эльза.

Больше она не могла ничего сказать. Губы ея дрожали отъ слезъ.

— Какъ вашъ сонъ?

Эльза покачала головой.

— Я не могу спать здѣсь. Здѣсь страшно шумно. И потомъ больные устраиваютъ сцены.

— Сцены?—прервалъ Іеронимусъ.—Я нахожу, что здѣсь покойно.

Онъ бросилъ Тведе взглядъ, какъ-бы призывая его въ свидѣтели.

— Кто больше всѣхъ устраиваетъ сценъ, такъ это, право, фру Кантъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Эльза съ трудомъ перевела духъ,—такъ поразили ее слова профессора. Ей казалось, что она упадетъ подъ тяжестью этого ложнаго обвиненія. Но вдругъ ее осѣнила мысль: онъ хочетъ вызвать взрывъ, чтобы Тведе видѣлъ ея душевную болѣзнь; и она отвѣтила спокойно, хотя еще болѣе дрожащимъ голосомъ:

— Если исключить первый вечеръ, когда я плакала, умоляла и приходила въ отчаяніе, потому что ничего не понимала...

Она должна была остановиться, слова не шли съ языка.

— Ну, вы можете поговорить съ докторомъ.—Іеронимусъ всталъ и по обыкновенію оставилъ комнату почти бѣгомъ.

Тведе подошелъ къ Эльзѣ и протянулъ ей обѣ руки.

— Я вижу, какъ вы измучены,—сказалъ онъ.

— Правда-ли, что меня отправятъ въ больницу Св. Георгія? — спросила Эльза, какъ только овладѣла голосомъ.

— Да. Вамъ будетъ тамъ хорошо.

— Значитъ, вы и Кнутъ согласны съ Іеронимусомъ. Развѣ вы питаете къ нему такое довѣріе? Вы видѣли сейчасъ, каковъ онъ?

— Какъ къ врачу, я питаю къ нему довѣріе. Какъ человѣка, я его не знаю.

— Почему Кнутъ не хочетъ меня видѣть?

Маленькіе глазки Тведе широко раскрылись.

— Развѣ онъ не хочетъ васъ видѣть? Профессоръ не позволяетъ ему.

Эльза вздохнула въ невыразимомъ облегченіи.

— Увѣряю васъ, фру Кантъ, вашъ мужъ былъ въ отчаяніи, что не могъ попасть къ вамъ.

— О, слава Богу, слава Богу!—Эльза пожала руку Тведе и заплакала, спрятавъ лицо у него на плечѣ.—Вы точно сняли мнѣ камень съ груди! Что сказалъ Кнутъ, когда прочелъ мое письмо?

— Какое письмо?

— То, которое я написала профессору и которое онъ показалъ вамъ и Кнуту?

— Мы не видѣли никакого письма—ни я, ни вашъ мужъ.

— Навѣрно?

— Да, фру Кантъ.

— Значитъ, онъ лгалъ! И все-таки вы хотите оставить меня въ рукахъ этого человѣка?

— Нѣтъ, мы хотимъ помѣстить васъ въ больницу Св. Георгія какъ можно скорѣе.

— О, нѣтъ. Только не туда,—просила Эльза.—Зачѣмъ держать меня взаперти, среди сумасшедшихъ? Съ меня достаточно было и здѣсь. И я не такая больная, чтобы было необходимо или полезно запирать меня, если я сама не хочу этого.

Тведе покачалъ головой. Казалось, разговоръ мучилъ его.

— Возьмите меня сейчасъ отсюда и пустите домой, хоть только повидать мальчика и собрать вещи,—просила Эльза настойчиво и со слезами. — Потомъ я поѣду, куда захотите вы и Кнутъ, но только не въ новый сумасшедшій домъ.

Тведе взглянулъ на нее сострадательнымъ взглядомъ, въ которомъ Эльза прочла недовѣріе и твердую рѣшимость не давать себя растрогать.

— По крайней мѣрѣ обѣщаете вы мнѣ разсказать Кнуту, какъ Іеронимусъ мучилъ меня и лгалъ, и говорилъ, что Кнутъ не хочетъ меня видѣть?—спросила наконецъ Эльза.

— Да, фру Кантъ.—Тведе снова взялъ ее за руки.

— Не можете-ли вы попросить профессора пустить ко мнѣ Кнута?

— Лучше попросите сами.

Эльза услыхала въ корридорѣ шаги Іеронимуса.

— Это онъ,—быстро прошептала она.

— Ну?—сказалъ Іеронимусъ и пристально посмотрѣлъ на обоихъ.

Эльза бросила Тведе умоляющій взглядъ.

— Фру Кантъ очень хочетъ видѣть мужа, — сказалъ Тведе такимъ тономъ, точно извинялся въ чемъ-то передъ профессоромъ.

— Ну что-же... если господинъ Кантъ хочетъ ее видѣть... пожалуйста... Но я получилъ совершенно обратное впечатлѣніе.

— Онъ, конечно, очень хочетъ,—сказалъ Тведе съ неувѣренностью въ лицѣ и голосѣ, и Эльзѣ показалось, что онъ смѣялся надъ ней.

— Можетъ быть, вы хотите видѣть и ребенка? — спросилъ профессоръ, сразу мѣняясь въ лицѣ и тонѣ.

Эльза опять едва перевела духъ, но на этотъ разъ отъ радости.

— Тысячу разъ спасибо!—сказала она.

— Ну такъ мы постараемся устроить это. А пока къ вамъ можетъ придти няня, которую вы такъ хотите видѣть.

— Тысячу разъ спасибо!—повторила Эльза.

Тведе ушелъ вмѣстѣ съ профессоромъ. Когда Эльза протянула доктору на прощанье руку, улыбка освѣщала все ея лицо.

— Нѣтъ, да что-же это за человѣкъ!—воскликнула графиня, входя въ комнату. На ея кроткомъ лицѣ было почти свирѣпое выраженіе.— Представьте себѣ, у него хватаетъ наглости говорить, что фру Кантъ устраиваетъ больше всѣхъ сценъ. Я слышала все.

— Да,—сказала фрэкенъ Стенбергъ, вошедшая вмѣстѣ съ ней,—у профессора какой-то особенный взглядъ на это, котораго мы не понимаемъ.

«Вашъ профессоръ дуракъ и лгунъ», — съ презрѣніемъ подумала Эльза. Но что ей до этого, если она увидитъ Кнута и Таге. Она сообщила имъ эту новость, вся сіяя отъ радости.

— Относительно ребенка я не понимаю, — сказала фрэкенъ Стенбергъ.—Въ больницу никогда не пускаютъ дѣтей!.. Впрочемъ, это дѣло профессора.

XXVIII.

Въ письмѣ къ профессору Эльза дала слово, что не воспользуется случаемъ послать съ няней потихоньку записку домой, такъ какъ знаетъ, что это запрещено. Но теперь она уже взяла мысленно назадъ это обѣщаніе. Передъ такимъ человѣкомъ, какъ Іеронимусъ, который лгалъ и бранилъ ее въ присутствіи Тведе, она не чувствовала себя обязанной держать слово. Для безопасности она хотѣла приготовить письмо заранѣе и, когда придетъ няня, попросить ее передать его Кнуту. Можетъ быть Іеронимусъ оттянетъ посѣщеніе Кнута. Повидимому, ему доставляло удовольствіе дразнить ее. И поведеніе Тведе не пробудило въ ней надежды. Онъ уже черезчуръ покорно велъ себя относительно профессора.

На желтомъ столѣ въ коррпдорѣ Эльза нашла клочекъ бумаги, а чернила и перо остались у нея съ прошлаго раза. Она тотчасъ же сѣла писать. но всякій разъ, какъ слышала гдѣ-нибудь шаги, прятала бумагу подъ свое вязанье. Насколько позволяла ей поспѣшность, она разсказала о положеніи дѣла и нарочно не употребляла сильныхъ выраженій, чтобы Кнутъ не подумалъ, что она преувеличиваетъ. И все-таки письмо вышло настоящимъ крикомъ о помощи измученной души, горячей мольбой о томъ, чтобы мужъ пришелъ сейчасъ-же, чтобы онъ непремѣнно повидалъ ее, если даже и держался твердаго рѣшенія помѣстить ее въ больницу Св. Георгія, противъ чего она энергично протестовала. Постоянно отрываясь, она исписала, наконецъ, всю бумагу, сложила ее и спрятала у себя на груди. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она была здѣсь, она не чувствовала на груди давящей тяжести...

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Эльза улучила минутку написать Кнуту еще нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги, который она выпросила у графини, подъ предлогомъ, что хочетъ приготовитъ списокъ необходимыхъ ей мелкихъ вещей. Въ письмѣ она повторила то-же самое, умоляла Кнута повидаться съ ней и прибавила: «Если ты не придешь до вечера пятницы—самое позднее—я впаду въ безграничное отчаяніе». Эту ночь Эльза спала въ теченіе шести часовъ, правда, послѣ обычной дозы хлорала.

На слѣдующее утро она опять принялась писать мужу на обрывкахъ. Наконецъ у нея набралось ихъ цѣлая пачка. Полная надежды, завернула она все это въ клочекъ газетной бумаги и снова спрятала на груди.

Вскорѣ послѣ одиннадцати часовъ дѣйствительно пришла няня. Эльза разразилась рыданіями, когда увидѣла ее, и начала умолять разсказать о Таге. Няня разсказывала долго и обстоятельно, Эльза внимательно слушала и разспрашивала.

— Вѣрно, фру ужасно тяжело здѣсь?—сказала, наконецъ, няня.

— Да, ужасно. Скажите это барину. А вотъ здѣсь я написала ему.— Эльза достала маленькій свертокъ и торопливо засунула его нянѣ за платье на грудь.—Никто не долженъ знать этого,—прошептала она.— Вы должны скрыть это, если даже васъ будутъ допрашивать. Иначе я буду страшно несчастна.

Няня кивнула съ видомъ полнаго пониманія.

— Фру можетъ положиться на меня.

Въ эту минуту вошелъ профессоръ.

— Ну что-же, это та самая дѣвушка, которую вы хотѣли видѣть?— ласково спросилъ онъ.

— Да, спасибо,—отвѣтила Эльза. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ и вышелъ.

Когда няня уходила, Эльза проводила ее черезъ корридоръ.—Вотъ посмотрите, кто меня окружаетъ здѣсь, говорила она останавливаясь передъ открытыми дверями камеръ.

— Фу, Господи, какія отвратительныя лица!

Няня закрыла лицо руками.

На слѣдующій день, въ четвергъ, погода была прекрасная, ясная; солнце свѣтило съ утра. Эльзѣ казалось, что и въ сердцѣ ея также свѣтитъ солнце. Шумъ и безпрерывные крики больныхъ проходили для нея незамѣтно. Сегодня Кнутъ придетъ навѣрно.

«Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ.
«Гдѣ рѣки льются чище серебра,
«Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
«Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...

Это стихотвореніе русскаго поэта Эльза прочла на оборванномъ клочкѣ газеты, который она нашла утромъ на столѣ въ корридорѣ, и теперь эти чудныя строки раздавались у нея въ душѣ, между тѣмъ какъ грудь ея то вздымалась отъ радости при мыслѣ о веснѣ, которая теперь уже должна была чувствоваться въ воздухѣ, то сжималась отъ тоски по солнечному свѣту и свободѣ. Въ неопредѣленныхъ, мягко расплывчатыхъ, далекихъ образахъ предстали предъ ней картины юношескихъ дней, когда она любовалась скалами съ снѣжными вершинами, блестѣвшими на солнцѣ и тянувшимися къ высокимъ небесамъ, а въ долинахъ уже шумѣли потоки, омывая тропинки, поросшія мохомъ, покатые камни и отлогіе холмы, покрытые роскошной зеленью. Тогда солнце грѣло такъ сильно и весело освѣщало тонкія зеленыя вѣтви бѣлоствольныхъ стыдливыхъ березъ. Эльза слушала легкое дуновенье лѣтняго вѣтерка и чувствовала запахъ только что скошеннаго сѣна.

Глаза ея наполнились слезами, но она продолжала стоять у окна и ждала Кнута. Вонъ, въ углу двора, въ высокомъ заборѣ продѣлана маленькая калитка, которую такъ хорошо видно. Черезъ нее проходятъ посѣтители.

Пробило одиннадцать, Эльза все стояла и съ безпокойнымъ ожиданіемъ смотрѣла въ окно. Надежда ея какъ будто начинала ослабѣвать.

— Не ждите вашего супруга, — услыхала она позади себя голосъ фрэкенъ Стенбергъ:—уже двѣнадцать часовъ.

Эльза сѣла въ кресло и залилась горькими слезами разочарованія. Но она скоро успокоилась и надежда вернулась къ ней. Она будетъ терпѣливо ждать до завтра.

На слѣдующее утро опять была ясная солнечная погода. Эльза опять стояла въ ожиданіи у окна и опять въ ушахъ ея раздавались слова:

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ...

— Сегодня мужъ вашъ придетъ навѣрно,—сказалъ докторъ.

«Да, навѣрно»,—подумала Эльза. Вѣдь сегодня пятница, а она писала, что будетъ ждать до пятницы.

Но сегодня повторилось то-же, что было наканунѣ. Она простояла у окна до двѣнадцати часовъ, потомъ отвернулась и сѣла въ кресло, убитая, уничтоженная.

— Вы не были сегодня въ корридорѣ,—сказала фрэкенъ Стенбергъ и взяла Эльзу за руки.—Пойдемте, мы соскучились безъ васъ.

Да, Кнутъ могъ еще прійти. «До вечера пятницы—самое позднее»—писала она. О, Кнутъ, Кнутъ! Если-бы ей только удалось поговорить съ нимъ, доказать ему, что ей вовсе незачѣмъ ѣхать въ сумасшедшій домъ. Вѣдь онъ никогда, никогда не оставлялъ ее въ тяжелую минуту.

Послѣ обѣда Эльза не могла сидѣть спокойно ни минуты. Мучительное волненіе овладѣло ею, и страшное напряженіе отзывалось болью въ груди. Въ шесть часовъ Эльза окончательно потеряла всякую надежду.

XXIX.

Безпокойство и напряженіе замѣнились теперь въ Эльзѣ какою-то ледяной тупостью, въ которой она застыла. Такъ, значитъ, правда, что Кнутъ не хотѣлъ ее видѣть. Если онъ не пришелъ послѣ того письма, которое она послала ему, то... Она не понимала, какъ это могло случиться, но это все равно. На слѣдующее утро докторъ опять заговорилъ о томъ, что господинъ Кантъ долженъ непремѣнно прійти.

— Меня это вовсе не безпокоитъ. Я не желаю видѣть мужа,—рѣзко прервала Эльза,—никогда въ жизни.

— Ой-ой-ой!—докторъ покачалъ головой.

— Онъ могъ оставить меня здѣсь, не навѣстить ни разу!

— Будьте благоразумны, фру Кантъ.—Докторъ взялъ руку Эльзы и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.—Вы вѣдь не знаете, подъ какимъ давленіемъ находится вашъ мужъ.

— Но какъ можетъ онъ такъ слѣпо довѣрять, относиться, какъ къ авторитету? И къ кому-же? Къ такому заблуждающемуся человѣку, какъ Іеронимусъ!

— Вѣдь мы должны вѣрить докторамъ — не правда-ли, фру Кантъ? Это прививается образованнымъ людямъ.

— Что-же это за образованіе!—воскликнула Эльза съ горечью.

Черезъ часъ пришелъ профессоръ.

— Я долженъ между прочимъ передать вамъ кое-что. — Іеронимусъ положилъ на столъ передъ Эльзой письмо отъ Кнута. Эльза сейчасъ-же замѣтила, что оно было распечатано.

— Я не буду читать письма отъ мужа, которое распечатали вы! — воскликнула Эльза и быстро встала.

— Мнѣ очень жаль вашего мужа,—отвѣтилъ Іеронимусъ.

Эльза отошла на нѣсколько шаговъ и повернулась къ нему спиной.

— Впрочемъ, это въ высшей степени безполезное возмущеніе,—съ насмѣшкой сказалъ профессоръ.—Вѣдь вы были раньше въ больницѣ и знаете, что письма душевно-больныхъ всегда распечатываются.

— Мои письма не распечатывались.

— Гм. Вы очевидно забыли.

Эльза смѣрила его холоднымъ взглядомъ.

— Вы должны стараться сдерживаться! — насмѣшливо воскликнулъ Іеронимусъ.—У васъ будетъ случай научиться этому, когда вы поступите въ больницу св. Георгія на болѣе продолжительное время.

Эльза не отвѣтила ни слова. Профессоръ не спѣшилъ оставлять ее. Когда онъ ушелъ, Эльза взяла двумя пальцами письмо и выбросила его въ корридоръ на столъ.

«Вы вѣдь были раньше въ больницѣ!..» И онъ, психіатръ, бросаетъ ей это съ насмѣшкой въ лицо. Да, была. Какъ покойно и хорошо было ей тогда въ заведеніи гуманнаго стараго доктора, который уже давно лежитъ въ могилѣ. Тогда тоже продолжительная безсонница, вызванная душевными потрясеніями, довела ее до болѣзни, которая была гораздо серьезнѣе, чѣмъ теперь. Эльза не узнавала самыхъ близкихъ людей, и передъ ней не переставая прыгалъ какой-то толстенькій сѣдой человѣчекъ со свѣчей между ногъ. Но какъ только она пріѣхала въ больницу, она начала спать. Сѣдой человѣчекъ исчезъ, и въ душѣ воцарился миръ и покой. Когда, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, она должна была выписаться, она просила позволенія остаться еще. Но добрый докторъ, улыбаясь, покачалъ своей сѣдой головой и сказалъ, что не имѣетъ права держать ее дольше, потому что нужно мѣсто настоящей больной. И только воспоминаніе объ этомъ заставило ее съ такой охотой искать помощи у Іеронимуса. У Іеронимуса! Онъ написалъ нѣсколько сочиненій, имѣвшихъ успѣхъ, и читалъ лекціи, интересовавшія молодыхъ медиковъ. Больше о немъ никто ничего не зналъ, говорили только, что у него больной желудокъ и что онъ очень раздражителенъ.

На слѣдующее утро больныхъ навѣщалъ профессоръ въ сопровожденіи одного изъ кандидатовъ. Когда они пришли, Эльза ходила взадъ и впередъ по маленькому корридору, около своей комнаты. Она слышала шаги, но не обернулась, пока не дошла до конца корридора.

— Здравствуйте,—сказалъ Іеронимусъ.

— Здравствуйте,—пробормотала Эльза.

— Какъ поживаете?

— Какъ всегда.

Эльза прошла мимо профессора и, войдя въ свою комнату, остановилась у окна, спиною къ двери.

XXX.

На Кнута письмо Эльзы подѣйствовало какъ взрывъ бомбы, разбросавшей во всѣ стороны его мысли. Онъ не подозрѣвалъ, что дѣло обстояло такъ. Онъ дрожалъ отъ состраданія къ женѣ, и въ груди его ныло опасеніе, что все пребываніе ея въ больницѣ было ошибкой. Но въ этомъ дѣлѣ онъ не смѣлъ дѣйствовать на свой страхъ. Онъ тотчасъ-же отправился съ письмомъ къ доктору Тведе.

— Что намъ дѣлать?—спросилъ Кнутъ съ тайной надеждой увидѣть я въ Тведе такую-же неувѣренность и готовность отказаться отъ начатого дѣла.

— Ты долженъ выждать,—серьезно отвѣтилъ Тведе: — если прекратить лѣченіе теперь, то можетъ выйти одинъ вредъ.

— Но эти постоянныя душевныя и физическія страданія?..

— Да, я не понимаю, зачѣмъ Іеронимусъ держитъ ее въ своемъ отдѣленіи. Повидимому, это не подходящее мѣсто.

— Или онъ не подходящій человѣкъ. Я начинаю думать, что между нимъ и Эльзой произошла борьба, и что Іеронимусъ оказался въ ней слабѣйшимъ. Теперь онъ не выпускаетъ ея, чтобы одержать побѣду.

Тведе въ сомнѣніи покачалъ головой.

— Мы напишемъ старшему врачу больницы Св. Георгія, — сказалъ онъ.—Можетъ быть тамъ ей будетъ лучше.

— Поговори съ Эльзой. Вѣдь меня не пускаютъ,—да пожалуй теперь это только повредило-бы.

— Хорошо.

Въ этотъ-же день Тведе заболѣлъ. Онъ написалъ Кнуту, что не можетъ навѣстить Эльзу раньше, какъ черезъ нѣсколько дней. Кнутъ былъ въ отчаяніи. Онъ написалъ Эльзѣ письмо. Оно всетаки могло принести ей утѣшеніе—во всякомъ случаѣ отвѣтъ до истеченія назначеннаго ею срока. Но письмо, вопреки убѣдительной просьбѣ Кнута, пролежало нѣсколько дней въ карманѣ Іеронимуса.

Наконецъ, въ воскресенье, утромъ, профессоръ объявилъ Кнуту, что теперь можетъ состояться переѣздъ въ больницу Св. Георгія. Состояніе его жены ухудшилось за это время, и онъ положительно не совѣтуетъ видѣться съ ней до переѣзда. Выйдетъ только раздирательная сцена, которая повредитъ ей. Въ первый разъ въ тонѣ профессора слышалось участіе и дружба.

— Въ больницѣ Св. Георгія вамъ незачѣмъ помѣщать ее по первому разряду, — сказалъ онъ между прочимъ. — Это дѣлаютъ только очень богатые люди. Второй разрядъ тамъ соотвѣтствуетъ нашему первому.

Кнутъ поблагодарилъ профессора, онъ и не подозрѣвалъ, что его совѣтъ былъ неправильный.

XXXI.

Ахъ это долгое, долгое, томительное воскресенье! Эльза пролежала на кушеткѣ большую часть дня—тихая, лишенная всякой надежды, окаменѣвшая. Послѣ обѣда зашла фрэкенъ Стенбергъ; она сѣла около Эльзы и начала ласкать ее по головѣ и плечамъ.

— Скоро я уѣду?—спросила вдругъ Эльза.

— Да, фру Кантъ,—отвѣтила фрекенъ Стенбергъ тихимъ, ласковымъ голосомъ,—завтра, рано утромъ.

Эльза бросилась къ ней на шею и заплакала.

— Сейчасъ присылали сказать, чтобы ваши вещи были готовы. Изъ дому уже послали еще свертокъ.

— Изъ дому... — Эльзу кольнуло въ сердце!—Вѣдь у нея больше нѣтъ дома.

— Не огорчайтесь, фру Кантъ,—утѣшала фрэкенъ Стенбергъ.—Въ больницѣ Св. Георгія вы долго не останетесь, повѣрьте мнѣ.

— Нѣтъ,—тупо отвѣтила Эльза.—Тамъ я по крайней мѣрѣ не буду видѣть Іеронимуса.

Потомъ пришла графиня. Она сидѣла около Эльзы и плакала вмѣстѣ съ ней. Она была такая-же убитая, какъ и Эльза.

Подъ вечеръ пришелъ докторъ.

— Вотъ видите, мужъ мой всетаки не былъ,—сказала Эльза.—Господинъ Іеронимусъ прекрасно держитъ свое слово.

— Пойдемте вмѣстѣ навѣщать больныхъ,—сказалъ докторъ, взявъ Эльзу подъ руку, и они пошли въ камеры. Чувство благодарности и дружбы, которое питала Эльза къ доктору, всплыло въ ней въ эту минуту съ новой силой и полнотой.

Беллу Гольмъ перевели, и въ ея камерѣ лежала старуха крестьянка съ перебитымъ бедромъ. Она стонала и жаловалась тонкимъ, ежеминутно обрывающимся фальцетомъ на эту адскую западню, въ которую она попала, и требовала, чтобы ее отправили домой, потому что она должна готовить обѣдъ мужу.

— Ей вы дама!—крикнула она Эльзѣ,—попросите за меня профессора.

— Нашли кого просить!—воскликнула Эльза, почти смѣясь.

Настало послѣднее утро. Эльза уложила вещи. Потомъ съ невѣроятной быстротой она написала Іеронимусу письмо, въ которомъ дала волю своему презрѣнію и недоброжелательству и по пунктамъ изложила всѣ обвиненія. Подъ конецъ она давала профессору слово, что онъ будетъ призванъ къ отвѣту за свое обращеніе съ ней, какъ только она выйдетъ изъ больницы Св. Георгія и подписалась: «вашъ явный врагъ Э. К.»

Она только что кончила письмо, когда вошелъ докторъ.

— Могу я поговорить съ вами наединѣ?—спросила Эльза.—Обѣщайте мнѣ отвѣтить на мой вопросъ такъ, какъ отвѣчаютъ человѣку, который не находится въ сумасшедшемъ домѣ. Вы обѣщаете?—повторила Эльза, когда докторъ затворилъ дверь.

— Да,—сказалъ докторъ,—я сдѣлаю это.

— Такъ скажите-же мнѣ, замѣтили-ли вы во мнѣ какую-нибудь душевную болѣзнь, какъ я была здѣсь?

— Нѣтъ,—серьезно отвѣтилъ докторъ.

— И вы всетаки не находите возмутительнымъ, что меня отсылаютъ въ больницу Св. Георгія?

— Я тутъ не причемъ.

— Неужели законъ даетъ мужу право запереть свою жену въ домъ умалишенныхъ *противъ* ея желанія, или онъ и какой-нибудь докторъ находятъ, что она душевно больная?

— Да.

— И я лишена всякихъ правъ? Я не имѣю права поговорить съ адвокатомъ или другомъ?

— Нѣтъ, пока вы здѣсь. И старшій докторъ больницы Св. Георгія можетъ держать больныхъ годами, если захочетъ.—Въ глазахъ доктора блеснуло выраженіе торжества, точно онъ смаковалъ власть докторовъ.—Но онъ этого не сдѣлаетъ,—прибавилъ онъ немного погодя,—онъ такой добрый.

— Значитъ, время, которое держатъ паціентку, зависитъ отъ того, добръ-ли старшій докторъ, или нѣтъ!

Докторъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, этого не будетъ,—сказала Эльза. — Меня отправляютъ въ больницу при самомъ горячемъ протестѣ съ моей стороны. И васъ я беру въ свидѣтели этого. Меня не за чѣмъ помѣщать въ больницу.

— Прощайте!—сказалъ докторъ, протягивая руку.—Какая прекрасная погода для вашего путешествія.

— Ужъ лучше-бы была отвратительная погода!—воскликнула Эльза.

— Какая вы пессимистка!.. Во всякомъ случаѣ счастливаго пути.

— Прощайте! — сказала Эльза и сердечно пожала руку доктора. — Большое спасибо за вашу дружбу.

— Помилуйте... Ну, будьте-же здоровы.

Эльза надѣла пальто и простилась съ графиней и сидѣлками, которыхъ она цѣловала и благодарила за все. Потомъ она пошла къ больнымъ. Фру Сювертсъ подала на прощанье руку и сказала нѣсколько язвительныхъ словъ относительно этой отвратительной комедіи.

Большая створчатая дверь тихаго отдѣленія открылась еще разъ. Эльза услыхала то же щелканье замка, что и въ первый вечеръ, когда

Кнутъ проводилъ ее сюда. Она оглянулась назадъ, на длинный корридоръ, гдѣ на желтыхъ стульяхъ сидѣло нѣсколько паціентокъ и среди нихъ Белла Гольмъ, сконфуженная и низко нагнувшая голову надъ вязаньемъ. Эльзу вдругъ охватила грусть, глаза ея увлажились. Вѣдь здѣсь ее знали, здѣсь она ко всѣмъ привыкла, здѣсь она страдала, боролась и побѣдила. Что ждетъ ее въ иномъ мѣстѣ?

Фрэкенъ Стенбергъ провожала Эльзу до самаго подъѣзда. Эльза снова вспомнила тотъ вечеръ, когда они пришли сюда съ Кнутомъ. Двадцать пять дней провела она здѣсь. Двадцать пять дней, которые давили ее тяжестью двадцати пяти лѣтъ.

Передъ подъѣздомъ стоялъ экипажъ, запряженный парой лошадей. На козлахъ сидѣли два лакея. Около экипажа стояла пожилая женщина съ добродушнымъ лицомъ, которая должна была смотрѣть за Эльзой въ продолженіе долгаго пути въ больницу Св. Георгія.

На подъѣздѣ Эльза обняла еще разъ фрэкенъ Стенбергъ и сердечно поблагодарила за ея доброту. Потомъ она сѣла въ экипажъ вмѣстѣ съ пожилой женщиной.

Солнце заливало яркимъ свѣтомъ чистый дворъ больницы. Эльза выглянула въ окно экипажа и подумала съ чувствомъ, похожимъ на зависть, о фру Фосъ и самоубійцѣ, которыхъ тоже увезли отсюда.

Итакъ она ѣхала, наконецъ, въ свою новую тюрьму.

КОНЕЦЪ.

Вольная Русь.

Эскизы современной дѣйствительности.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приступая къ печатанію очерковъ г. Б. Корженевскаго, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Вольная Русь», мы считаемъ не лишнимъ указать на ту основную цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ въ своихъ отдѣльныхъ разсказахъ. Написанные въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, очерки эти, несмотря на отсутствіе единства времени и мѣста, составляютъ рядъ последовательныхъ наблюденій и эскизовъ, непосредственно взятыхъ изъ народной жизни, и отмѣчаютъ тѣ ея оригинальныя формы, въ которыя отлилась «освобожденная Русь» за истекшее 35-тіе. Стремясь прослѣдить новыя теченія народной мысли на ряду съ живучестью старыхъ традицій, стараясь уловить преемственную связь между вымирающими типами дореформенной эпохи и «новыми» людьми деревни, пришедшими на смѣну—авторъ считалъ необходимымъ для цѣлостности впечатлѣнія сохранить индивидуальность языка, выраженій, характерныя особенности мѣстнаго говора описываемыхъ лицъ,—какъ типическія черты при передачѣ живыхъ образовъ современной дѣйствительности, насколько это возможно безъ нарушенія художественной правды.

I. Никита Лоскутъ.

«Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то и знай—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!»

Н. Некрасовъ.

I.

Я огибалъ небольшую рѣченку, змѣйкой извивавшуюся среди высокихъ обрывистыхъ холмовъ, и любуясь яркой пестрой зеленью засѣвшаго на нихъ чернолѣсья, медленно приближался къ мѣсту своего назначенія. День стоялъ лѣтній, тихій, ласкающій... Придорожныя липы, березы, пышныя, словно вымытыя послѣднимъ дождемъ, слегка трепетали листвою, будто нѣжась въ теплыхъ лучахъ іюньскаго полдня. Голубая небесная ширь надъ темными макушками далекаго бора, слабо тронутая прозрачною дымкой таявшихъ облаковъ—казалось предвѣщала хорошую, прочно установившуюся погоду. Послѣ долгихъ, утомительныхъ дней холоднаго ненастья природа какъ-будто оживала дѣвственной красотой своихъ красокъ. По лѣсу несся, звенѣлъ гомонъ птицъ: трещали дрозды, звонко перекликались иволги, дятелъ тупо долбилъ своимъ носомъ, гдѣ-то тосковала кукушка. И весь этотъ невидимый хоръ только на минуту смолкалъ, какъ-бы прислушиваясь къ жесткимъ мѣрнымъ ударамъ топора, доносившимся по временамъ съ сосѣдней пустоши.

На крутомъ обрывѣ праваго берега, выступая надъ рѣкой фасадомъ своихъ строеній, виднѣлась вдали знакомая мнѣ усадьба «Ограда» помѣщика Зубчикова. Владѣлецъ ея Григорій Михайловичъ, отставной морякъ, вдовецъ, жилъ замкнуто, мало былъ съ кѣмъ знакомъ и почти никуда не выѣзжалъ изъ своей родовой вотчины. У сосѣдей онъ слылъ чудакомъ и во всемъ округѣ о немъ разсказывали самыя невѣроятныя небылицы. Впрочемъ, старикъ дѣйствительно отличался странностями. Въ домѣ терпѣть не могъ цвѣтовъ, не выносилъ обой, мебель распланировывалъ по корабельной каютъ-кампаніи, самъ спалъ на койкѣ и прислугу звалъ ударомъ въ ладоши. Будучи крайне суевѣрнымъ, онъ слѣдовалъ непоколебимо предсказаніямъ разныхъ темныхъ ворожей и постоянно «строился»—глубоко убѣжденный, что иначе, какъ только

«оформитъ» свою усадьбу, непремѣнно долженъ «отойти въ вѣчность». Поэтому граберы, да плотничьи артели у него никогда не переводились. Страсть къ постройкамъ его почти что разорила и не живи съ нимъ сестра, старая дѣва, особа педантически настойчивая и энергично боровшая съ его «маніей»—Зубчиковъ вѣроятно простроилъ-бы и послѣдніе остатки своего нѣкогда кругленькаго состоянія. Мнѣ приходилось имѣть съ нимъ дѣла по размежеванію спорной дачи въ сосѣдней губерніи и вотъ около недѣли я поневолѣ гостилъ здѣсь, тщетно добиваясь какого-либо окончательнаго результата.

«Ужъ сдѣлайте милость, пріѣзжайте», писалъ мнѣ старый чудакъ изъ своего благословеннаго захолустья:--«мы здѣсь скорѣй дѣло сладимъ. Живемъ мы хотя и въ глуши, но зато въ самомъ «нутрѣ» Руси-матушки благодатно, не тужимъ... и добрымъ людямъ всегда рады. Отъ станціи до меня съ небольшимъ верстъ сорокъ—мы васъ мигомъ доставимъ...» Нечего было дѣлать—пріѣхалъ, но размежеваніе наше подвинулось мало. Зубчиковъ тянулъ, упирался въ мелочахъ и при томъ былъ обуреваемъ своей обычной—«строительной» лихорадкой. Педантической сестрицы какъ на бѣду не было: она лѣчилась на Кавказѣ отъ ожирѣнія. Временами мнѣ казалось, что чудакъ нарочно зазвалъ меня въ свою «Отраду», томясь одиночествомъ, и терпѣніе мое истощалось. Но любезность и радушіе моего хозяина постоянно меня обезоруживали. Я рѣшилъ побиться еще нѣсколько дней и уѣхать. Пока Григорій Михайловичъ изнывалъ на стройкѣ, я короталъ часы въ скитаніяхъ по полямъ и лѣсамъ захолустнаго уѣзда.

И теперь, возвращаясь пѣшкомъ изъ обычнаго «похода», я различалъ уже очертанія рѣзныхъ коньковъ на тесовыхъ воротахъ, скрипучіе флюгера и скворешникъ, торчавшій на жерди сзади сарая, какъ вдругъ крупныя капли дождя застучали по пыльной дорогѣ и заставили меня прибавить шагу. Небольшое облачко причудливой формы выползало изъ-за лѣсу и длинной синеватой грядой какъ разъ висѣло надо мною. Надо было куда-нибудь укрыться, такъ какъ до дому, вдоль извилинъ рѣки, оставалось еще съ добрыхъ полверсты. Я вспомнилъ, что на ближайшемъ участкѣ у Зубчикова строился новый сѣнной сарай—и свернувъ съ дороги, сталъ спускаться въ пологую ложбину, одну изъ тѣхъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ называютъ «пустошками».

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже подъ навѣсомъ большого, почти достроеннаго сарая. Человѣкъ шесть плотниковъ, все видный, рослый народъ—«володимірцы»—калякали между собой, укрывшись отъ дождя подъ узкой полосой подрѣшеченой крыши, которую только что начинали крыть гонтомъ. Мы поздоровались—большинство изъ нихъ меня знало. Рабочіе радушно дали мнѣ мѣсто, а старшій изъ всей артели, Фадѣй, красивый широкоплечій мужчина съ сильно загорѣлымъ

лицомъ, обрамленнымъ небольшой кудреватой бородкой, оглядѣвъ меня съ любопытствомъ, любовно ощупалъ края моей намокшей рубашки.

— А смочило таки тебя, господинъ!—проговорилъ онъ улыбаясь.— Поди рубаху-то теперь мѣнять надо-ть?

— Не бѣда! — отвѣчалъ я, — высохнетъ и такъ. Это дождикъ лѣтній, здоровый!

— Знамо здоровый!—согласился Фадѣй.—отъ него человѣку ростъ прибавляется.

— Ну куда намъ съ тобой расти-то? — усмѣхнулся я, гляди на его внушительную фигуру. — Ты, слава Богу и такъ, посмотри какой выросъ!

— Сажень погонная! — отозвался плотникъ Андрей, коренастый чернобровый дѣтина. — Онъ и то надысь башкой-то чуть творило въ погребѣ не высадилъ!

— Ну ужъ и творило! Нечего сказать! — проговорилъ Фадѣй съ презрѣніемъ.—Въ кленовый листъ... четверть вершка, безъ осьмушки!

Всѣ замолчали.

Я растянулся на грудѣ желтоватыхъ пахучихъ стружекъ. Дождь зачастилъ крупными тяжелыми каплями, ударявшими въ гонтъ съ силою града. Яркія свѣтовыя пятна померкли, сразу надвинулись хмурыя тѣни и примолкнувшая было артель опять понемногу разговорилась.

— Вотъ поди-жъ, братецъ ты мой, како дѣло удивительное! — проговорилъ одинъ изъ плотниковъ, послѣ минутной паузы.—Нонѣ лѣто мокрое, не знаешь, куда отъ дождя дѣться, а въ прошломъ году — засуха страшенная была!

— Непогожая засуха! — подтвердилъ другой плотникъ, молодой, безусый парень съ дѣтски-наивнымъ выраженіемъ лица. — Небывалая, старики баютъ! Земля почитай въ ладонь шириной трескалась... пить просила!.. А ужъ какъ Господа умоляли! По церквамъ служили, молебны на межахъ, поди, разовъ десять стоивали—нѣтъ, не услышалъ Господь. Чего ужъ тамъ—всѣмъ обчествомъ молились, дождя просили. Опосля того всемірное подъятіе иконъ сдѣлали изъ всѣхъ, значитъ, помѣстныхъ церквей—нѣтъ, ничего не вышло!

— Знамо, когда нѣтъ отъ Бога соизволенія! — наставительно замѣтилъ третій.—Опять тоже и грѣхи наши...

— А ты какъ, Андрюха, думаешь?! Ежели, значитъ, теперь христьяне въ закостѣніи вѣры—такъ и сами святители Господа умолить не могутъ! Право слово!

— Къ тому-же и климатъ спортился,—вставилъ кто-то.—Старики баютъ, допрежде того много лучше было. И всякій произрастающій плодъ въ обиліи родился. А таперече хлѣбушка сталъ совсѣмъ плохъ. У насъ-то уже гдѣ на торговлю—на пропитаніе семейное, къ примѣру

сказать, не хватаетъ! А слышь, ребята, гдѣ душъ-то въ семействѣ много, каково энто выходитъ?.. Волкомъ нонѣ воютъ, особливо въ глухомъ мѣстожительствѣ. Отъ города далеко, промыслу, значитъ, нѣтъ никакого и домашній рукомеслъ не устроенъ—вотъ тутъ и поди, прокармливайся!

— По грѣхамъ нашимъ, по грѣхамъ терпимъ!—отозвался въ свою очередь Фадей съ глубокимъ вздохомъ.

— И опять тоже отъ бѣдности,—не унимался Андрюха.—Въ старину, бывало, ежели и пошлетъ Господь како вразумлѣніе — неурожай тамъ, градобитіе, аль еще что, старики сейчасъ деньгу вытащатъ и сыты. Дядя Митяй самъ сказывалъ, какъ у нихъ бумажки въ кубышкахъ про запасъ хоронились! А нонѣ како у кого богачество? На обсѣвку у хрестьянина по инымъ мѣстамъ не хватаетъ капиталу! Вѣрное слово! Горюшко, братики, чистое! Тяжелое горе!..

Всѣ умолкли вдругъ, какъ будто сговорились; видимо, каждый вспомнилъ свою докучную тему. Нѣсколько минутъ длилось тягостное молчаніе.

Я, наконецъ, приподнялся и закурилъ папиросу.

— Что-жъ, братцы, много вамъ здѣсь работы осталось?—спросилъ я Фадѣя, оглядывая стѣны сарая. Плотники встрепенулись.

— Нѣтъ, немного! Кады-бъ ни фундаментъ, мы-бъ его живо къ отдѣлкѣ представили!

— Какой фундаментъ?

— Да подъ сарай-то! Обнаковенный фундаментъ, а только совсѣмъ онъ по здѣшней стройкѣ безъ смысла! Тутъ и на колодѣ ставить — вѣку не будетъ! А то вишь—«на вѣсу» работаемъ — того гляди, въ канаву угодишь, право слово!

— Знамо ужъ у Григорья Михалыча всегда затѣй новый!—вмѣшался въ разговоръ бойкій «Андрюха».—Онамедни каку-то сорочницу строить надумалъ, да вишь досокъ у насъ не хватаетъ!

— Какую сорочницу?—изумился я.

— Да такъ энто—тоже пустое! Вѣстимо, зря! Сороковъ надумалъ ловить—онъ вишь ихъ разводить на продажу хочетъ! Скупщикъ, быдто къ нему пріѣзжалъ, перьё разное для шляпъ наторговывалъ и цѣну хорошую давалъ... Извѣстно, хиромантія одна и ничего больше!

Я едва удержался отъ улыбки.

— Хотя-бы ты его, сударь, урезонилъ! Можетъ, онъ тебя послушаетъ?—замѣтилъ въ свою очередь Фадѣй и, почесавъ затылокъ, надвинулъ совсѣмъ на глаза блинообразный картузъ, ползавшій и безъ того по всей головѣ къ немалой досадѣ хозяина.

— Урезонь ты пріятеля!.. Опять-же энто и не къ чему! Ну кака стать сороковъ прокармливать?!. Слава тебѣ Господи, отъ нихъ по здѣш-

нимъ мѣстамъ дѣться некуда? Смѣхъ съ нимъ одинъ да и только! Другому разсказать—животы надорветъ, а я ему сказывать сталъ ономнясь, такъ онъ меня ругательски изругалъ, право! Ну я себѣ и думаю: плевать, все равно, что мнѣ не строить, хотя-бъ Вонвилонское строеніе,—да прокъ отъ какой? Только дерево портитъ! Опять тоже,— добавилъ Фадѣй: сестрица-то его, гляди, не похвалитъ, когда съ теплыхъ водъ вернется! Такъ руками всплеснетъ, какъ каланчу-то энту увидитъ! Знаю вѣдь я!

Плотники разсмѣялись.—По запрошлый годъ поди цѣльную недѣлю все мачты ставили да скворешники строили. Что дерева извели—страсть! Тридцать шесть штукъ понадѣлали, сударь! Вѣшали ихъ, вѣшали, братецъ ты мой, опосля того глядимъ и наткнуть некуда! Такъ съ десятокъ въ сарай и бросили даромъ!.. Да что!—поди вотъ второй годъ висятъ, а хоть-бы кака ледящая птица въ нихъ заглянула... ни Боже мой! Сопрѣли ужъ всѣ, а узнаетъ—гляди новые дѣлать велитъ!..

Въ эту минуту съ другого конца стройки до меня донеслась заунывная пѣсня. Я не разобралъ ея словъ. Визгливый бабій голосъ комкалъ мелодію, какъ-то странно выговаривая, почти глотая цѣлыя строфы. Минуту спустя, пѣсня оборвалась и тотъ-же женскій голосъ затянулъ новую; по своимъ быстрымъ перехватамъ она напоминала плясовую. На этотъ разъ каждое слово доносилось отчетливо-рѣзко:

Какъ у тятьки огородъ
Истопталъ кругомъ народъ,
Лёли народъ, народъ,
Лёлюшки, да народъ!..

— Славно поетъ баба! — замѣтилъ я.

Рабочіе съ недоумѣніемъ переглянулись.

— Кака баба?—спросилъ Фадѣй.

— Какая? Неужели не слышишь?!

— Эхва! Да развѣ энто баба? Н-ну баринъ!—добавилъ онъ улыбнувшись и тряхнулъ укоризненно головою.

Плотники дружно разсмѣялись. А тонкій фальцетъ заливался:

Меня тятенька ругалъ,
Гулять въ садикъ не пущалъ,
Лёлюшки не пущалъ,
Лёлюшки не пущалъ!..

Кто-то началъ подсвистывать пронзительно-рѣзко, что придавало пѣснѣ молодецкое, захватывающее духъ удальство.

— Развѣ эндакъ бабѣ пѣть возможно?!—проговорилъ Фадѣй: — никогда!

— Ни въ жисть,—подтвердили рабочіе единодушно.

— Да кто-же поетъ-то?!—спросилъ я, недоумѣвая.

— Кто поетъ? Знамо мужикъ!—отвѣчалъ Фадѣй и, улыбнувшись, посмотрѣлъ на меня съ боку. Признаюсь, я вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Н-да... мужикъ поетъ! — добавилъ онъ наставительнымъ тономъ:— Нашъ мужичекъ... Микита, по прозвищу— Лоскутъ! Онъ и землекопъ, онъ и каменьщикъ, онъ-же на всѣ руки мастеръ! Такъ-то!

Насъ Микитою зовутъ.
А прозванье намъ «Лоскутъ».
Лёли Лоскутъ. Лоскутъ,
Лёлюшки да Лоскутъ!

Какъ будто эхо выводилъ вдали визгливый голосъ.

— Ишь—словно подслушалъ! — отозвался кто-то изъ плотниковъ.

— Ну,—удивился я:—ловко! Зачѣмъ-же онъ поетъ бабьимъ голосомъ?

— А кто его знаетъ? Говоритъ-то онъ по-просту — по-мужицки, а какъ пѣть—такъ ужъ эндакая, выходитъ, у него природа,—пояснилъ мнѣ Фадѣй и кивкомъ головы поправилъ своенравный картузъ, опять съѣхавшій на бокъ.

II.

Въ то-же время изъ-за угла стройки показалась, скрипя по doскамъ, сперва тачка съ кирпичами, потомъ двѣ мускулистыя руки и наконецъ передо мною очутился высокій коренастый мужчина съ рыжеватой бородою, безъ шапки, въ синяхъ портахъ и пестрядиной рубахѣ.

— Вонъ она баба-то!—разсмѣялся Андрюха.

Я невольно улыбнулся.

— Микита, а Микита! — крикнулъ ему Фадѣй: — слышь, братъ, тебя въ бабій епартаментъ зачислили!

Тотъ нисколько не смутился.

— Скаль зубы-то, бѣлѣй будутъ! — добродушно усмѣхнулся старикъ и, ловко обернувъ тачку, сталъ осторожно выкладывать кирпичи въ клѣтку. Я сталъ съ любопытствомъ къ нему приглядываться.

Есть на Руси лица, которыя такъ и просятся на полотно, которыхъ каждый изгибъ, каждое движеніе заслуживаетъ кисти художника. Они такъ типичны, а обладатели ихъ такъ оригинальны, что встрѣтивъ ихъ разъ, никогда не забудешь. Лоскутъ поразилъ меня удивительнымъ сходствомъ съ извѣстнымъ Рембрандовскимъ *«старикомъ»* — замѣчательной картиной, украшавшей нѣкогда дворецъ Питта. Тѣ-же контуры головы, тотъ-же абрисъ широкихъ плечъ и груди. Цѣлая копна спутанныхъ курчавыхъ волосъ обрамляла такой-же костистый

лобъ, изрытый бороздами глубокихъ морщинъ. Окладистая клочковатая борода заросла вплотную до самой впадины глазъ, спокойно глядѣвшихъ на васъ подъ густыми нависшими бровями. Въ нихъ теплилась какая-то величавая грусть примиренія съ мачихой-жизнью. Этотъ русскій породистый носъ, эти тронутыя скорбной улыбкой губы, даже косой воротъ разстегнутой синей рубахи, обнажавшей часть загорѣлой груди, только усиливали, дополняли сходство Никиты съ классическимъ оригиналомъ.

Приглядываясь къ его лицу, я невольно изумлялся разнообразію быстро смѣнявшихся въ немъ выраженій, настолько иногда неожиданныхъ и противуположныхъ, что опытному, хорошо владѣющему карандашемъ, портретисту—Лоскутъ оказался-бы незамѣнимой «натурой».

Мнѣ особенно понравилось въ его физіономіи то наивное, чисто-дѣтское добродушіе, которое такъ свойственно русскому человѣку, которое такъ идетъ къ его открытому славянскому лицу. Это отнюдь не дурковато-растерянный видъ латыша или эста и не расплывшееся тупоуміе осетина—нѣтъ, это то чисто-русское добродушіе, которое придаетъ человѣку подкупающую симпатичность, окрещивая его эпитетомъ: «душа на распашку».

Каждая складка этого морщинистаго, запыленнаго лица принимала столько разнообразныхъ положеній, глядя по настроенію, что совершенно измѣняла экспрессію, дѣлая его почти неузнаваемымъ. И странно, его рваный старенькій зипунъ, пестрядевыя порты, запеленутыя тесемкой грязныя онучи лаптей, закорузлыя, мозолистыя, запачканныя землей руки, даже специфическій запахъ пота, которымъ пропитанъ каждый рабочій человѣкъ — не отталкивали васъ отъ него, не внушали обычнаго чувства брезгливости.

Старикъ сложилъ кирпичи и, пересчитавъ ихъ, опять торопливо взялся за тачку.

— Что, бѣлоручки, отъ дождя-то въ кошму притулились!—добродушно подтрунилъ онъ надъ калякавшей артелью.—языкомъ-то молотить—знать не цѣпомъ! Эхъ вы, мужички-работяги! Топоры чай смочить боитесь—не отчистить, гляди, заржавлютъ!

— Н-ну и Лоскутъ! Уязвитъ—какъ скажетъ!—весело отозвался Андрюха.—И то правда! Вставай, ребята—капель пошла.

Плотники съ шумомъ поднялись съ своихъ мѣстъ, натянули зипуны и вслѣдъ за Никитой разбрелись на работу.

Я переждалъ дождикъ и вернулся въ усадьбу.

III.

На другой день вечеромъ, когда рабочіе послѣ ужина отправлялись на сѣновалъ «въ ночевку», я замѣтилъ «Лоскута», сидѣвшаго на сложенныхъ бревнахъ, подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ.

— Вы отъ меня, батюшка, того... подальше! — началъ онъ отодвигаясь:—а то... на мнѣ погани разной много. По нашей работѣ безъ нея никакъ невозможно,—добавилъ онъ откровенно и какъ-будто извиняясь.—Опять тоже въ баню по здѣшнему мѣсту сходить некуда, перемѣниться тоже нечѣмъ... что на мнѣ—только и всего одѣянья! Погорѣлъ я—всего рѣшился...

Никита вздохнулъ не то съ сожалѣніемъ, не то съ досадой.

— Какъ такъ?—заинтересовался я.

— Знамо по Божьему хотѣнію, да по бабьей дурости!.. Старуха-то у меня куда хватъ!... Съ лучиной на сѣновалъ полѣзла; едва оттуда выкатилась. Почитай что полсутокъ опосля того безъ духу вылежала.

— Заронила, вѣроятно.

— Вѣстимо, батюшка, заронила! Такъ все огнемъ и слизало... избу и клѣти. Ажно я и оглянуться не успѣлъ—какъ въ «бобыляхъ» остался! Вотъ теперь безъ одежонки-то — плохо; такъ и перебиваюсь!

— А какой костюмъ погорѣлъ—страсть добавилъ онъ сокрушенно. Два тулупа овчинныхъ новешенькихъ; одинъ тогда же къ Покрову только что справилъ. Поддевка опять изъ синей трики, что Алексѣй Сезофонгычъ, благодѣтель, царство ему небесное, подарилъ. Хороша трика, аршавска, просто жалости достойно! Сапоги тоже, голенища новешенькія, только большіе пальцы и пробились на каменотесѣ — а то почитай совсѣмъ новые...

— Эхъ Господи, Боже милостивый,—вздохнулъ Никита:—что истеряно только — не разсказать!.. Три порты синія, гляди ненадеванныя такъ и стлѣли отъ бабьяго разума! Опять тоже шляпа полярковая—хорошая; баринъ одинъ заѣзжій оставилъ. А объ лаптяхъ и сказу нѣтъ: паръ, поди, десять было!.. Тьфу, проваленная, прости ты Господи!—плюнулъ съ досадой Лоскутъ и подгорюнившись вздохнулъ глубоко и порывисто.—Никита говорилъ вразумительно, хотя нѣсколько витьевато, усердно размахивалъ руками, стараясь усилить жестами экспрессивность своихъ повѣствованій.

— Ну что жъ ты дѣлать будешь?—спросилъ я помолчавъ:—Чай, деньгу зашибать надо?

— Да гдѣ ужъ тамъ,—тоскливо отозвался старикъ:—Такъ пока разной работишкой пробавляюсь. На пропитаніе себѣ со старухой добываю. Разное дѣлаю: кирпичъ вожу, землю рыть—все могу. Колодезю-ли тебѣ, фанталъ-ли тамъ какой—все это мнѣ возможно! Опять тоже по стройкѣ разное, окромя *вертипасю* [1]) наводить, энтого мнѣ никакъ невозможн. А то крышу-ли желѣзой крыть, аль тамъ щепой, гонтомъ-

[1]) Ватерпасъ.

ли, гдѣ черепками—это могу. Потому, разному я рукомеслу обучился на вѣку своемъ, всякаго народа не мало видывалъ и много, къ примѣру сказать, земель обошелъ...

— Какихъ земель?—полюбопытствовалъ я:—да куда же ты, кромѣ работы, ходишь?

— Ахъ, милый человѣкъ, Кискинкинъ... не знаю по отчеству-то твоему какъ, ахъ родной! Да развѣ я завсегда работаю?! Нѣтъ, это такъ когда, а то я больше въ хожденіяхъ нахожусь.

— Въ какихъ хожденіяхъ?

— Въ разныхъ. По Господу, значитъ, хожу по нашему сказать! Гдѣ кака работа по церквамъ — я туда! Ямы-ли рыть, кельи строить, фундаменты опять тоже—это меня! Скрозь всю Рассею-Матушку, работаючи, прошелъ и вездѣ во славу угодниковъ святыхъ потрудился!

— Неужели?!

— Ахъ, Боже мой, милый ты человѣкъ Кискинтинъ, какъ возможно! У Сергія Преподобнаго, у Саввы, у Заравшанской Божіей матери, у Миколы теперь Явленнаго, за старый, за новый Осколъ хаживалъ... Вплоть, значитъ, братецъ ты мой, до самой Дунай-рѣки, къ Измаилу. Знаешь, гдѣ ратники наши за царскій престолъ свою кровь проливали, вѣрой-правдой послужили, басурманъ посрамили?!.. Былъ я и у *Марсіянъ* [1]), въ хуторахъ ихнихъ потерся. И вездѣ разовъ по шести, а то, почитай, и больше будетъ! Чего ужъ тутъ: на *Кирилу Бѣлаго* [2]) и то два раза хаживалъ!..

— Не любишь ты, должно быть, Никита дома сидѣть, на родинѣ!—замѣтилъ я, улыбаясь.

— Не люблю, братецъ ты мой!—сознался онъ тотчасъ же откровенно:—не люблю. Это вѣрно! Какъ, значитъ, почую матушку весну, самый этотъ ядреный воздухъ, опять тоже почка разная распущаться начнетъ—такъ у меня душа-то и затоскуетъ, такъ и занудитъ, ажно не въ моготу станетъ!.. Слѣдовательно идтить нужно!.. Я сейчасъ обряжусь, со старухой прошусь... и съ Богомъ!

— И уходишь? А дома-то безъ тебя кто-жъ управляется?

— И ухожу. Со старухой у меня питомникъ-пріемышъ живетъ. Да и пойду себѣ—вкругъ! Сперва къ Сергію, а тамъ на Угрѣшу, а тамъ въ Новъ-Іерусалимъ, что священный человѣкъ Никонъ построилъ, ереси злой сокрушитель. Оттуда къ Саввѣ Преподобному, а тамъ въ Нилову пустынь, оттуда въ Колочь—монастырь... Заморишься—страсть! Въ Колочѣ-то ужъ и передохнешь маненько!

— Чѣмъ-же ты сытъ, пріятель?

---

[1]) Малороссіянъ.

[2]) Кирилло Бѣлозерскій монастырь.

— Сытъ?! А какò мнѣ въ дорогѣ питаніе-то, родной? Пустое! Гдѣ работишкой какой мелкій грошъ зашибу, гдѣ такъ добрые люди пропитаютъ, а гдѣ я именемъ Христовымъ!

— Неужели подаяніе просишь?

— А какже?!—удивился Лоскутъ.—Какъ-же не просить-то, батюшка мой? Вѣдь я человѣкъ *странный*... убогій! Какъ обнищаешь до полушки, не станетъ, значитъ, за душой ни грошика—тутъ сичасъ, станешь коло Божьяго храма, руку протянешь и затянешь!

— Будь милостивый отецъ и мать!
За домъ-жительство твое Бога молимъ.
Христа просимъ!
За здравіе души вѣчнаго спасенія,
Помилуй васъ, Господи!
Кто поитъ и кормитъ насъ странныхъ.
Отъ темной ночи въ дому укрываетъ,
Отца небеснаго заповѣдь сполняетъ!
Пошли вамъ Господи
За здравіе души вѣчнаго спасенія.
Праведнымъ вашимъ родителямъ
Царства небеснаго!
А вамъ добраго здравія, скорбей облегченіе.
У Отца небеснаго молитвъ исполненіе.
Желаемъ вамъ, братіе,
Прежде смерти получить покаяніе.
Причащеніе, исповѣданіе!..

Никита произнесъ эту тираду жалобнымъ протяжнымъ голосомъ, на распѣвъ, оригинально, по-своему разставляя на словахъ удареніе. На его добродушномъ открытомъ лицѣ появилось въ эту минуту выраженіе какой-то особенной грусти и печали; умные каріе глаза смиренно потупились, голосъ слегка какъ-бы дрогнулъ. Въ это мгновеніе передъ вами положительно стоялъ нищій, забитый, растерянный. Протянутая мозолистая рука съ согнутой ладонью, казалось, такъ и ждала подаянья...

— Ну и что-же, много даютъ? — спросилъ я удивленный неожиданной метаморфозой.

— Даютъ, батюшка ты мой, даютъ; знамо не пòровну!—отвѣчалъ онъ,—а все что-нибудь на пропитаніе и заполучишь. Конечно, нашему брату обижаться на всякаго не приходится,—добавилъ онъ,—а другой и поскуднымъ словомъ обзоветъ! Только, знамо, намъ это ничего, потому, родной ты мой, Христосъ и не то терпѣлъ — и намъ повелѣлъ!.. Да!

Никита вздохнулъ, умолкъ и задумался. Курчавая голова его медленно поникла на грудь, мозолистыя руки обхватили согнутыя колѣна. Богъ знаетъ, что думалъ онъ въ эту минуту, но его смиреніе, его

покорность, самые мотивы, ихъ вызывавшіе, поразили меня глубиной простоты и правды.

— Ну, а въ монастыряхъ-то странника обласкаютъ?—поинтересовался я,—вѣдь тоже отъ васъ монахамъ нѣтъ отбою!

Лоскутъ встрепенулся.

— Нѣтъ, какъ возможно! Обитель завѣтами старцевъ крѣпка и завсегда творитъ благостыню! Конечно, всяко бываетъ—да вѣдь и среди нашего брата, *странныхъ*, огульныхъ немало! Глядишь—будто въ заправду къ ладону льнетъ, а самъ тютюномъ задымилъ. Страсть не люблю, братецъ мой, этого самаго курева—гадость! Другой въ храмъ идетъ, а отъ него табачищемъ несетъ. На что похоже? Какъ есть мужикъ необразованный... А ежели себя собюдаешь—долженъ завсегда и во всякомъ мѣстѣ свое обхожденіе знать! Такъ-то!

— Придешь теперь въ монастырь, сейчасъ ты долженъ предстать къ архимандриту. Такъ, молъ, и такъ... жилъ при отцѣ, при матери и по слабости женился! Звали меня люди Богу молиться, а я себѣ и думаю: куда мнѣ идтить? И пошелъ себѣ въ городъ Звенигородъ, потомъ зашелъ къ Саввѣ преподобному, отслушалъ молебенъ, оттуда въ Колочъ... А теперь прямо къ вамъ. Здравствуйте, ваше преподобіе!

— Здравствуй! скажетъ.—Что ты есть за раба Божія!

— Хрестьянинъ.

— Знаешь-ли ты назвать, кто сему дому хозяинъ и настоятель въ Господнемъ храмѣ?

— Ваше преподобіе, въ живности отецъ архимандритъ.

— А еще кто?

— Отецъ казначей, что выдаетъ для Божьяго храма свѣчи и ладонъ, а для просфоръ муку покупаетъ.

— А кто еще? скажетъ.

— Отецъ намѣстникъ, что завсегда при братіи, что-бъ они завѣтъ чтили, молитвы творили отъ нынѣ и до вѣку.

— А еще кто у насъ?

— Отецъ ризничій, что въ Господнемъ храмѣ ризу выноситъ и предъ личностью вашей главу склоняетъ!

— А еще?

— Отецъ благочинный, что за квартирами слѣдитъ.

— А еще?

— Отецъ економъ—насъ *странныхъ* питатель!

— Вѣрно. Благославляю, скажетъ, и отпу..аю!

— Ну, значитъ, сейчасъ въ трапезную... къ братіи. А тамъ завсегда кормленіе нашего брата—хрестьянина. Попьешь, поѣшь, помолишься... и сейчасъ къ економу. Благословите, ваше преподобіе, отъ

нищеты нашей, ради святыхъ угодниковъ и Божескихъ щедротъ, въ потѣ лица потрудиться, святой вашей обители послужиться.

— Благословляю, скажетъ, овцу, церковью пасомую, во имя Отца и Сына и Св. Духа!

— Аминь. Како будетъ отъ вашего преподобія послушаніе? Камень-ли рыть, драва-ли рубить, колодезю копать, храмъ Божій прощюкатурить, или иное прочее изъ домашняго обихода?

— Благословляю, скажетъ, канавы рыть! — Ну, тутъ, значитъ, поклонъ да и вонъ. Сейчасъ за работу, гдѣ укажутъ... Недѣлю пороешь, передохнешь день, другой и ступай съ Богомъ дальше!

— И много ты такъ монастырей обойдешь?—полюбопытствовалъ я.

— Да какъ тебѣ сказать, милъ человѣкъ? Вѣдь я не по однѣмъ обителямъ работáю! И у господъ нанимаюсь, у купцовъ тоже... Какъ зашибу деньжатъ, чтобъ на подати, да на зимовку хватило—такъ и баста! Начну это съ самой майской поры. да и хожу вплоть до зимы, до морозовъ. А тамъ ужъ наровлю и къ дому!

Лоскутъ вздохнулъ и поникнувъ головой на минуту задумался.

— Да и куда мнѣ спѣшить-то, милый?—проговорилъ онъ помолчавъ и видимо анализируя вслухъ набѣжавшія думы.—Къ кому торопиться? Дѣтворы у меня нѣтъ и допрежь того не было. Уголъ свой былъ—и того не стало... Старуха-то съ пріемышемъ теперь на пасѣкѣ у дяди Софрона проживаютъ; сродственникомъ онъ намъ приходится, Софронъ-то! Очень баба моя насчетъ пчелъ горазда,—оживленно и не безъ гордости добавилъ Лоскутъ.—Такъ ей Господь на пчелу талакъ далъ... Любитъ она ее словно дите родное, и та ее знаетъ, идетъ! И на рой у старухи моей тоже рука таровата... Ну, Софронъ, покель что, къ себѣ ее и принялъ. По малости и мальчонка нашъ подсобляетъ— вѣдь старики... Живутъ въ ладахъ, безъ ссоры...

Я глядѣлъ на эту почти сѣдую голову — на старости лѣтъ безпріютно мыкавшуюся по бѣлу свѣту, и невольно изумлялся той властной силѣ примиренія съ жизнью и ея невзгодами, которой такъ богато одарена натура русскаго человѣка. Лице Лоскута дышало такимъ дѣтски-наивнымъ добродушіемъ, когда онъ излагалъ мнѣ все пережитое, что даже жутко становилось предъ этимъ эпическимъ спокойствіемъ, быть можетъ, безсознательнаго самообладанія...

— Тоже идтить мнѣ къ нимъ безъ времени—не резонъ, — продолжалъ свои разсужденія Никита. — Только ротъ будетъ лишній... Опять подати справлять надо-ть, а то землю безпримѣнно отымутъ! У насъ, милъ человѣкъ, міръ—сурьезный, баловству неповадливый... Народъ себя соблюдать должонъ всегда въ аккуратѣ, вотъ-какъ! Гулять-то гуляй, а подать подай! Такъ-то!

Лоскутъ вдругъ встрепенулся и поглядѣлъ на небо. Багровая полоса угасавшей зари почти уже потухла на далекомъ горизонтѣ. Багрянецъ ея гасъ, какъ послѣднія искры костра, постепенно принимая оранжевый оттѣнокъ. Палевыя облака, тронутыя отблескомъ — позолотой умиравшаго заката, толпились какъ стаи причудливыхъ птицъ на краю фіолетоваго неба. Съ востока, въ густѣющемъ сумракѣ ночи, вспыхивая одна за другой, зажигались серебристыя звѣзды. Потянулъ свѣжій вѣтеръ... Старикъ всталъ и набожно перекрестился. Степенно помолясь на всѣ четыре стороны—онъ поклонился мнѣ и, проговоривъ: «простите Христа ради; нашему темному невѣжеству не осудите!»—тихо побрелъ подъ навѣсъ сарая. Оттуда доносились уже храпъ и покашливанье засыпавшей артели.

IV.

Какъ-то дня черезъ два, въ одно изъ моихъ обычныхъ скитаній по обширному помѣстью г. Зубчикова, я снова забрелъ въ знакомый уже читателю сарай, который былъ достроенъ и въ него свозили сѣно. Артель работала въ другомъ мѣстѣ, на хуторѣ, гдѣ Григорій Михайловичъ пропадалъ цѣлыми днями, возводя какой-то затѣйливый телятникъ и голубятню. Разсудительный Фадѣй отзывался объ этихъ новыхъ сооруженіяхъ еще неодобрительнѣе, жалуясь на безтолковщину, и соболѣзновалъ вмѣстѣ со мной объ отсутствіи мудрой «сестрицы».

Въ сараѣ царилъ пріятный полумракъ. Только мѣстами сквозь плотную гонтовую чешую новой крыши пробивались тонкія, золотистыя нити солнечныхъ лучей, въ которыхъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, причудливо вилась прозрачная пыль. Первые укосы свѣжаго сѣна были уже частью свезены и сложены въ двухъ ближайшихъ звеньяхъ.

Утомленный ходьбой, я съ радостью бросился въ его мягкія, душистыя волны, всей грудью вдыхая наркотическій ароматъ и подъ гомонъ шумнаго чернолѣсья, доносившійся ко мнѣ въ настежъ раствореныя ворота—собирался вздремнуть на привольѣ, какъ вдругъ съ противуположнаго конца сарая застучали невидимые топоры и минуту спустя послышался говоръ. Я съ недоумѣніемъ приподнялся, прислушиваясь. Судя по перебою ударовъ—работало двое. Звуки доносились до меня откуда-то сверху, и скоро по шарканью о крышу подошвъ я догадался, что это были плотники. Вѣроятно они обшивали тесомъ гребень.

— И что теперь только надумаетъ?—послышалось мнѣ черезъ минуту.—Очинно даже интересно! Н-ну и впрямъ чудодѣйственный баринъ! Какъ есть «воженый»—право слово!

Говорившій произнесъ это на распѣвъ теноркомъ, которымъ славился во всей артели весельчакъ Андрюха.

— Не видалъ ты знать воженыхъ-то, вотъ что! — замѣтилъ ему

не безъ укоризны другой голосъ.—Воженые-то не таковскіе бываютъ—пошли ихъ Господи!

— Неужели? —изумился Андрей и тотчасъ добавилъ. — Какъ же такъ, словно, какъ-бы... того...

— А ты, паря, слухай! Не даромъ я по свѣту-то Божьему брожу, людей слѣжу—тоже наглядѣлся!—И говорившій степенно крякнулъ.

— Годовъ это съ десятокъ, аль можетъ и больше тому, пришелъ я за Дономъ за рѣкой къ одному янаралу...

Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что повѣствовавшій былъ никто иной, какъ Лоскутъ—я скоро призналъ его голосъ.

— А прозваніе тому Анаралу Багрятинъ. Служилъ онъ самъ, братецъ ты мой, на Капказѣ, а дѣдюшку-то его, такъ выходитъ, французъ при нашествіи на Рассею въ Бородинѣ полѣ одолѣлъ. Тамъ ему и камень, подъ колонкой, большущій поставленъ съ означеніемъ, какъ онъ за Царя и отечество животъ свой въ страженіи положилъ. А я, братецъ ты мой, все это доподлинно знаю, потому что самъ отъ тамошнихъ мѣстовъ не въ далекѣ жительство имѣю!

— Такъ-съ, дядя Микита,—вставилъ свое слово Андрей: — вѣдь ишь, какъ потрафилъ!

— Ну вотъ! Прихожу это я къ янаралу на кухню, а у него все солдаты орудуютъ. Поваръ-ли тамъ, аль лакей—все военная косточка. Покрестился на иконы, да и говорю его слугамъ: Не будетъ-ли какой милости *странному* человѣку? Потому, очень я, другъ любезный, въ дальней дорогѣ износился. Лаптишонки какъ есть всѣ протеръ и прочій костюмъ, порты тамъ къ примѣру, рубаху и все эдакое совсѣмъ истрепалъ. Не подадутъ-ли чего, говорю, ихъ милость, господинъ янаралъ, его благородіе?!

— А мнѣ лакей-то и сказываетъ: «Ахъ, говоритъ, старикъ, янаралъ-то у насъ необнаковенный! Разная на него «хандря» временемъ находитъ, потому въ голову его на войнѣ оконтузило!.. Какъ, говоритъ, придется; подойдетъ стихъ и много отсыплетъ, а то больше онъ любитъ васъ, странныхъ, чубукомъ бить!»

— Что жъ, говорю, дядя теперь дѣлать? а вы все попросите, можетъ онъ и смилуется?

Лакеюшко усмѣхнулся, ушелъ, а я самъ себѣ думаю: не янаральскаго-ли родителя отецъ на нашемъ полѣ почиваетъ?

Хорошо. Только зовутъ меня вдругъ къ янаралу въ покои. Вхожу. Сидитъ это онъ въ креслѣ, глаза эндакіе суровые, а въ рукахъ трубка большущая, огромадная, можно сказать. Посмотрѣлъ я на нее, братецъ ты мой, такъ меня оторопь и взяла, ажно духъ захватило! Поклонился ему, да и говорю: «Явите божескую милость, отецъ вы нашъ, благодѣтель, странныхъ кормитель!.. Подайте Христа-ради!..» а самъ-то ему

въ поясъ кланяюсь. Онъ глядитъ на меня, да знай трубку раскуриваетъ. Брови насупилъ, бѣлки выпучилъ и дымъ съ носу пущаетъ.

— Ишь-ты, какъ есть необнаковенный! — сочувственно отозвался Андрюха:—ну, дяденька, ну?

— Тутъ и войди энтотъ самый лакей, что меня въ кухнѣ-то стращалъ, несетъ ему на подносѣ чай куштать. А я то все въ земь кланяюсь, я-то кланяюсь. Н-н-да! Качался я, качался, братецъ ты мой, да какъ-то и сповихнись: затылкомъ-то у лакея подносъ изъ рукъ и вышибъ. И какъ его только нанесла на меня нелегкая сила! Что мнѣ однако кипятку энтаго самаго за воротъ налилось — не выговоришь! Ошпарился весь, всю себѣ спину кипяткомъ обдалъ—а ужъ куда тутъ. Ожоги-то и не чувствую; только одинъ страхъ разбираетъ. Что, думаю, онъ теперь со мною, къ примѣру сказать, сдѣлаетъ?.. Смотрю, поднялъ онъ это чубукъ, ногами затопалъ, да какъ взмахнетъ имъ—прямо меня по шеѣ.

— Осерчалъ очинно значитъ,—соображалъ Андрюха.

— Не взвидѣлъ я свѣта, братецъ ты мой, ажно въ глазахъ помутилось. Не разберу, гдѣ янаралъ сидитъ, гдѣ слуга стоитъ, только и успѣлъ выговорить: «Пощадите, ваше высокоблагородіе, жителя Бородина поля, ради дѣдюшки вашего!» да и повалился въ ноги. Слышу, братецъ ты мой, не бьетъ, а самъ у лакея спрашиваетъ: «Что это онъ такое сказалъ?.. Подыми-ка его! Мнѣ рожу эту, говоритъ, видѣть желательно!» Подняли это меня, поглядѣлъ онъ поглядѣлъ, покачалъ головой, да и улыбнулся.

— А я-то стою, трясуся.—Сказывай, говоритъ, что ты есть за человѣкъ, да смотри не ври, а то жестоко покараю!—Такъ я даже сомлѣлъ весь!

— Знамо, сомлѣешь,—соболѣзновалъ Андрей:—вѣдь приключится эдакое дѣло!

— Хрестьянинъ, говорю, ваше благородіе, господинъ янаралъ, крестьянинъ Микита, сейчасъ умереть, Смоленской губерніи, Аржатскаго уѣзда, Темряковской волости, деревни «Кабылкина»—Малые Пузыри, по нашему, по простецки, выходитъ. Недалеча, можно сказать, отъ гробницы дѣдюшки вашего живу, подъ Спасскимъ монастыремъ...

— Да ты, говоритъ, може и врешь?!

— Какъ возможно, ваше высокоблагородіе, отецъ-благодѣтель, у меня на то и паспортъ изъ волости даденъ. А самъ скорѣй за пазуху, свидѣтельство свое тащу.

— Ловко-же, братецъ ты мой извернулся!—похвалилъ Лоскута Андрей.

— Ладно... Прочиталъ онъ, да и говоритъ:—На, спрячь! Ну счастье твое быть-бы тебѣ биту, да такъ ужъ ради мѣстожительства твово

около гробу отцова родителя отпущаю! Накормите, говоритъ, дурака этого и водки дайте!

— Тутъ и повели меня, братецъ ты мой, опять въ кухню. Напоили, накормили, только смотрю лакей мнѣ рубаху новую англицкаго коленкора несетъ. На, говоритъ, пріодѣнься! Сапоги тоже; узковаты маненько, едва я ихъ натянулъ да ничего. Куда ужъ разбирать-то! Знамо: нищій-то радъ, все ему кладъ!.. Хорошо. — Иди, говоритъ, опять къ янаралу!

И повели меня сызнова скрозь всѣ покои въ его департаментъ. Иду это я себѣ, а самъ руками махать сдерживаюсь, потому боюсь; опять-бы чего не раскокать! Приходимъ, гляжу, янаралъ мой совсѣмъ другой сидитъ, и нѣтъ ужъ на лицѣ никакого остервененія. Поманулъ онъ это меня къ себѣ ручкой и говоритъ эдакъ ласково:—Ну, Микита, убѣдился я въ подлинности твоего житія на Бородинскомъ полѣ, около гробу дѣдюшки мово, а потому желаю я тебѣ приказъ дать: чтобы снесъ ты, говоритъ, отъ меня письмо къ самой игуменьи монастырской и поставилъ-бы свѣчку за упокоі отцова родителя!

— Слушаю ваше благородіе, господинъ янаралъ.

— Такъ желательно мнѣ сдѣлать, и ежели, говоритъ, ты мнѣ это въ аккуратѣ устроишь—награжу тебя всячески; а ежели какой обманъ окажется—сыщу на днѣ морскомъ и накажу по-свойски! Ну, а теперь, говоритъ, отправляйся; поживи у меня, отдохни малость, покуштай маво хлѣба,—а тогда я тебя позову! И махонулъ мнѣ ручкой. Меня и повели опять, братецъ ты мой, вонъ!

— Ай да, Никитушка — порадѣлъ о себѣ знатно!—разсмѣялся Адрей, видимо крайне довольный такимъ исходомъ.

— Опосля того прожилъ я тамъ недѣлю цѣльную! продолжалъ Лоскутъ, смакуя каждое слово.—Въ баню сходилъ разовъ пять, попарился во все свое удовольствіе, причесался. Супруга его, дай Господи ей здоровья, тогда-же костюмъ мнѣ справила: господскія *бруки* подарила, да *хувайку* вязанную. Окромя того, рубля два денегъ передъ отходомъ дала. Вотъ призываетъ меня подъ конецъ янаралъ, даетъ патетъ толстый—претолстый, да сказываетъ:—Снеси это письмо игуменіи, поклонись и скажи, что, молъ, отъ янарала Багратина съ Капказу! Да смотри не потеряй, завѣтъ мой помни!

— Слушаю, благодѣтель! Какъ же возможно—будьте спокойны!

— А вотъ, говоритъ, тебѣ трешницу на дорогу и велѣно, окромя того, мѣшокъ припасу дать разнаго. Да сапоги возьми и рубаху!—Поблагодарилъ это я его, поклонился, дому ихнему разныхъ благъ пожелалъ да и отправился во свояси...

— Что же теперь, козелки подшивать станемъ? неожиданно—прервалъ свою рѣчь Лоскутъ, быстро мѣняя интонацію.

— Лѣстница-то у насъ, гляди, не дохватитъ? отозвался ему Андрей и тотчасъ добавилъ: —Аль ничего—примостимся?

— Приспособимся и на ней! Лѣзь, паря!—По крышѣ грузно заерзали кованные сапоги, а затѣмъ поползло чье-то тѣло, видимо увлекаемое изрядной тяжестью. На минуту все стихло. Но вотъ, влѣво отъ меня, уже внизу, заскрипѣла приставленная къ стѣнѣ лѣстница, кто-то стукнулъ тесиной, опять послышались удары топора—работа возобновилась.

— Опосля того, что же? проговорилъ Андрей, видимо заинтересованный прерваннымъ разговоромъ.

— И что вышло-то, братецъ ты мой—какъ есть удивленіе!—продолжалъ Лоскутъ свое повѣствованіе:—Пришелъ это я въ Спасскій монастырь черезъ мѣсяцъ, передалъ патетъ кому слѣдуетъ. Хорошо. Повели меня прямо къ игуменіи. Такъ и такъ, говоритъ, ты ли Микита, что съ Капказу письмо принесъ?

— Я матушка, ваше преподобіе!

— Получай пять рублевъ за доставленіе денегъ на упокой души болярина Петра!

Взялъ я это деньги, диву дивлюся.—Ну, говоритъ, ступай съ Богомъ! Мы сами отъ себя отпишемъ, что ты порученіе справилъ благонадежно и въ аккуратѣ. Оставь мнѣ, говоритъ, обозначеніе тваво мѣстожительства! Записали это онѣ, гдѣ я живу—и пошелъ я себѣ домой съ деньгами, восхваляючи Бога. И что-жъ, братецъ мой, опосля того случилось!.. Какъ ты думаешь?..

— Н-ну? съ напряженнымъ вниманіемъ проговорилъ Андрей.

— Прожилъ я съ годъ тогда дома; лѣто пришло, подошелъ сѣнокосъ—и пошли мы всей деревней на косьбу. Только вдругъ день, другой проходитъ—является на лугъ нашъ староста Захаръ Митричъ и окликаетъ: «Гдѣ, говоритъ, Микита? Давайте его сюда!»

Позвали это меня, а сусѣди смѣются: «Вотъ, говорятъ, дошлялся Лоскутъ до непріятностевъ; будетъ ему теперь на орѣхи!» А сами-то промежъ себя думаютъ, что я въ како-нибудь недоброе дѣло ввязался—почему меня и ищутъ. А у насъ, вѣришь ты, парень, въ тѣ поры такая со старухой нищета подошла, что хоть послѣднюю коровушку со двора веди! Недоимки не плачены, хлѣбушка, братецъ ты мой, нѣтъ! Горе чистое, хоть вой волкомъ! Очень ужъ той зимой прохворалъ я сильно...

Подхожу это это я къ старостѣ, а онъ меня и спрашиваетъ:

— Каки-таки у тебя, Микита, благодѣтели на чужой сторонѣ?

— А что-же, говорю, есть вѣстимо!

— Ну вотъ на тебя патетъ съ Капказу пришелъ: 25 рублевъ вложено. Иди получай, да расписывайся!

— Вотъ такъ важно управился, Микитушка!—не вытерпѣлъ Андрей, и весело подсвистнулъ.

— Такъ вѣришь-ли, тутъ такъ вся деревня и ахнула. Эндакое привалило горемыкѣ счастье!.. Вотъ каки на свѣтѣ воженые-то бываютъ! Кто какъ со смысломъ! — добавилъ Лоскутъ: — Пошли имъ Господи добраго здоровья! Опосля того онъ меня къ себя письмомъ звалъ, жить у него переманывалъ — да куда, далеко!.. Тоже старуха тогда не пущала. — Мнѣ одной, говоритъ, какая управа? Очинно нуженъ ты мнѣ коло дому! А на что я ей, такъ-то сказать, нуженъ? Вѣстимо, дурь бабья!.. Тьфу!—и Никита съ досадой плюнулъ.

Наступила короткая пауза.

— А ты думаешь, я и отседа не уйду, когда мнѣ не въ моготу станетъ?—послышался мнѣ его таинственный шопотъ. — Уйду, вотъ-те хрестъ не останусь!.. Эдакъ-то встанете по утру—Господи благослови, гдѣ Лоскутъ? Анъ нѣтъ его—былъ вчера-сь, а сегодня весь вышелъ! Такъ-то!

Онъ дѣйствительно недолго наработалъ.

V.

— До, страсти я съ тобой, милъ человѣкъ, гуторить люблю! объявилъ мнѣ неожиданно Никита, уже самъ подхаживаясь однажды вечеромъ на лавочку и, добродушно улюбаясь, похлопалъ меня дружески по колѣнкѣ.—А отъ чего? Потому, что душевный ты есть человѣкъ! Нѣтъ въ тебѣ надсмѣшки надъ моей простотой, право слово!

— Чего же мнѣ надъ тобой смѣяться? удивился я.—Какая мнѣ стать?.. Сказывай, говори—если спать не хочешь.

— Ну такъ, родной ты мой, это такъ... правильно! обрадовался онъ и, подумавъ съ минуту, продолжалъ:—хочешь ты знать, съ чего меня «Лоскутомъ» прозвали?—и тотчасъ добавилъ:—Отъ убожества мово, милый другъ, отъ горестнаго мово неимущества! Какъ, значитъ, погорѣлъ я отъ бабьяго разума, такъ съ тѣхъ поръ въ *Лоскуты* и опредѣлился! И нѣтъ мнѣ другого прозванья, окромя «Лоскутъ» и баста!.. А ты, можетъ, думаешь, я на то обижаюсь?—спросилъ онъ помолчавъ:—никады! Потому каждый и съ богачества, не токмо что съ нашего сусловію во всякое время въ такой конфузъ придти можетъ! Вѣрно я тебѣ говорю. На все воля Божья!

— Зато и на сердцѣ у меня, какъ допрежъ, ничего не сосетъ. Пускай я бобылемъ предъ обчествомъ остался—что-жь теперь дѣлать? Статься можетъ—доведется померѣть и въ *мірскихъ* людяхъ [1])... Міръ,

[1]) «Мірскими» людьми въ нашихъ мѣстахъ народъ называетъ крестьянъ, хотя и приписанныхъ къ сельскому обществу, но по старости или по болѣзни отказавшихся

братецъ мой, великое дѣло! Ему отъ своей голытьбы отказываться не мочно, не безъ гордости заявилъ мнѣ Лоскутъ, степенно разглаживая бороду.—Міръ-то самъ предъ Богомъ да царемъ за меня отвѣтчикъ— и за мое горюшко и за мою волюшку. Право!—и онъ радостно тряхнулъ посѣдѣвшими кудрями.

— Не порокъ наша бѣдность! Все перейдетъ, все переминется—такъ-то! Вѣрь ты мнѣ, Кискинкинычъ! Горе съ тоской—какъ туманъ морской—сейчасъ есть, а черезъ часъ—глянь, его и нѣту! Вотъ теперь я работаю, копѣйку себѣ со старухой зашибаю, а придетъ время—я опять въ хожденія пошелъ. И опять тогда никому неизвѣстно, «Лоскутъ» я, или нѣтъ!.. Такъ-ли я говорю, Кискинкинычъ?

— Вѣрно, Никита, вѣрно!

— А ежели тебѣ все-то сказать, такъ я этакую думу надумалъ...—Лоскутъ вдругъ радостно улыбнулся.—Ужъ какъ тебѣ объявиться—не знаю! Больно хитро оно что-то выходитъ...

— Что такое? удивился я необычайной таинственности Никитинаго откровенія.

Старикъ, видимо волнуясь, даже привсталъ со скамьи, съ минуту потоптался на одномъ мѣстѣ, какъ человѣкъ, подавленный новизной непривычнаго настроенія, и опять сѣлъ рядомъ со мной. Мы оба сосредоточенно молчали. Наконецъ—Никита не выдержалъ и, какъ-будто рѣшившись повѣрить постороннему свою тайну, придвинулся ко мнѣ ближе. Лицо его озарилось какой-то дѣтски-безмятежной радостью. Мозолистые пальцы загорѣлой руки замѣтно дрожали, перебирая окладистую бороду. Онъ заговорилъ сдержанно, понизивъ голосъ и видимо съ трудомъ скрывая охватившее его волненіе...

— Вотъ оно дѣло-то, милый! И мудрено выходитъ, и просто—съ какой стороны поглядѣть... Нашло, вишь, на меня, бобыля, искушенье! Даже не выговоришь. Впало въ голову—будто съ той самой поры, какъ я обнищалъ, Господнее счастье впервой мнѣ открылось...

Я взглянулъ на Лоскута съ удивленіемъ.

— Понадумалась-же диковинная думушка,—а ты, Кискинкинычъ, обсуди ее по совѣсти... Такъ выходитъ, что въ бѣдности моей, въ нищетѣ-то большой бѣды нѣту! Потому—Христова она, вотъ что! А сокрытъ въ ней таланъ—его же не всѣ имутъ!

Рѣчь Никиты становилась все болѣе спокойной и плавной. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ, въ которомъ медленно, но упорно зрѣло и

отъ своего надѣла. Они обыкновенно мѣсяцами проживаютъ у односельчанъ, переходя изъ одного двора къ другому. «Бобыль» же, нетеряя надѣла, временно—до поправленія своихъ средствъ отхожимъ промысломъ или наймомъ въ рабочіе,—числится неимущимъ и, если аккуратно вноситъ подати и платитъ повинности, сохраняетъ за собою, какъ мірскія права, такъ и свою долевую недвижимость.

сложилось дорогое ему міросозерцаніе, до котораго онъ дошелъ путемъ мучительно-сложнаго мыслительнаго процесса. Онъ излагалъ свои взгляды, безгранично вѣря въ ихъ правоту, предугадывая въ собесѣдникѣ откликъ сочувствія.

— А свободу истинную — продолжалъ старикъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собою.—только нищета и даетъ человѣку. Отпущаетъ на всѣ четыре стороны. Въ бѣднотѣ-то жить выходитъ вольготнѣй. Какъ я теперь погляжу—много съ души моей тяготы убыло. Да и много-ль намъ надоть, Господи Іисусе, покель руки кормятъ, покель земляноситъ? Повѣришь ли, милый, съ неимущества мово я любовнѣе сталъ, право слово! Всѣхъ-то мнѣ теперече жаль, и самого, куда ни приду, вездѣ меня, погорѣльца, жалѣютъ во какъ!..

На глазахъ Лоскута задрожали слезинки. Онъ сморгнулъ ихъ торопливо, видимо смущаясь за свою чувствительность.

— А допрежъ того много во мнѣ было этого самаго озлобленія.— Какъ на духу скажу, нѣтъ у меня съ той поры ни къ чему ни зависти,. ни корысти! Стараго только и жаль было добра—а какъ погорѣлъ, такъ теперь ничего не надо-ть! Покуштать—мнѣ и руки достанутъ; а на иной обиходъ—Богъ пошлетъ. Такъ-то подумаешь разъ, другой—даже весело станетъ: старуха съ сынкомъ на пасѣкѣ кормятся, имъ легко и Сафрону помога. А самъ я—хотя-бы въ «Лоскутахъ» проживаю, доволенъ зато какъ птица небесная... Вонъ она, глянько-сь! и Никита указалъ мнѣ рукой на весело щебетавшую стаю стрижей, что носилась надъ нами въ теплемъ вечернемъ воздухѣ.

— Жисть-то у нихъ какая—безъ горей, безъ заботы!—добавилъ старикъ съ сочувственнымъ вздохомъ. Хорошо такъ-то жить, кому привелось днемъ единымъ... По Христову выходитъ! Право! Часъ да часъ—вѣкъ для насъ!

— Это кто-же тебѣ сказалъ?—удивился я такому неожиданному выводу.

— А ты что-же, милый, думаешь—даромъ я по обителямъ работаю? Отъ бездѣлья слоняюсь! Н-н-нѣтъ, Кискинкинычъ—милостью угодниковъ Божьихъ, да Заступницы небесной мнѣ темному человѣку, сидѣвшему въ тьмѣ смертной—просіялъ свѣтъ! Не грѣши меня осужденьемъ, а вникни...

И радостно вздохнувъ, Никита широко перекрестился. Я глядѣлъ на Лоскута съ все болѣе и болѣе возраставшимъ изумленіемъ.

Сѣрый, убогій мужичекъ, выхваченный изъ сѣрой будничной обстановки народныхъ массъ—и какія гнетутъ его думы, сколько кроется въ немъ любящихъ силъ, незамѣтныхъ, едва проступающихъ изъ грубаго сердца живыми слезами... Ни тѣни высокопарности, ни громкихъ фразъ, ни обычной въ подобныхъ «исповѣдяхъ» рисовки и фальши—

нѣтъ въ его задушевной бесѣдѣ. И странно, на меня самого отъ этихъ «простыхъ» словъ повѣяло вдругъ чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ и бодрящимъ... Какъ будто пахнуло весеннимъ тепломъ, чистыми грезами прожитой юности «тѣхъ дней, когда на утратѣ бытія—я самъ былъ лучше, чище и добрѣй».

VI.

А Лоскутъ, весь отдавшись обаянію высказаннаго, глядѣлъ на меня, довольный и счастливый.

— Сказывай-же дальше!—проговорилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Ну вотъ! И задумался я, родной, опосля того по бѣлу свѣту ходючи... Задумался сильно—да и о сю пору той думушки не осилю. Гляжу это, какъ вездѣ люди бьются, вездѣ другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ, словно звѣрь какой лютый—и все о долѣ своей распостылой печалуются. Словно не видятъ, что жисть отъ того и стала не въ моготу что нѣтъ въ ней правды... Скулятъ мужики, воютъ бабы день деньской маючись и ночью-то себѣ спокоя не знаючи... И все единственно въ каждомъ сусловіи; никто, то есть, своей долей-судьбой не доволенъ! Ахти, Господи!

Никита покачалъ головою.

— Ежели въ достаткѣ человѣкъ проживаетъ—глядишь, злой ворогъ ему отдыху не даетъ... Днемъ—его завистью, аль гордыней гложетъ, а ночью сердце тоской скребетъ, словно во дворъ воромъ ломится... Понаглядѣлся я тоже—маята жестокая! Другой въ бѣднотѣ—съ воды на соль съ трудомъ перебивается — а все на ту же стать норовитъ. Всю-то грудь ему горе высушитъ, всѣ глаза-то слеза выѣстъ — анъ нѣтъ, отстать, вишь, не хочетъ, все за другими тянется. Не хотитъ человѣкъ предъ долюшкой своей смириться! Все наровитъ своей силушкой силу-судьбину обуздать и все то свою голову не въ примѣръ прочимъ ставитъ! Этотъ, молъ, дуракъ, тотъ — родомъ такъ, а мы сами съ усами. Обратаемъ и не таковское! И не видитъ изъ насъ никто, что все по одной тропочкѣ, по тому же полю топчется! Вотъ какой мракъ диковинной наведенъ—диво дивное!

И Никита замолкъ, тоскливо махнувъ рукою.

— Думалъ я сперваначала,—продолжалъ онъ помолчавъ и какъ-бы собираясь съ мыслями:—что все это отъ нашей рабьей темноты дѣется... Одначе выходитъ—нѣтъ! Почему же тогда благородные, ученые, скажи на милость, на ту же линію норовятъ и своего полону не видятъ?.. Возьми хоть господъ образованныхъ. Кажись не мужики, и все у нихъ есть въ избыткѣ, а какъ мнѣ пожить у нихъ довелось — все одна канитель выходитъ: тотъ же ихъ червь гложетъ. Все-то, братецъ ты мой, богатѣя нудитъ и тревожитъ. Пьетъ-ли онъ, ѣстъ-ли—одну

заботу кормитъ. Ты возьми, погляди—ну хотя бъ здѣшній баринъ? Не въ осужденіе говорю—къ примѣру. Григорій Михалычъ господинъ въ лѣтахъ и разсудкомъ не обиженъ, а я диву даюсь, на него глядючи. Словно онъ каторжный какой, прости Господи, при своемъ добрѣ мается. Строитъ и строитъ—лѣсъ свой изводитъ! И чего только, кажись, не хватаетъ: усадьба—важнѣющая, домъ—первый сортъ, что твои хоромы, жены нѣтъ—маяться не для кого, дѣтей тоже... У сестрицы-то,—баютъ, свой капиталъ положенъ. Жить-бы да жить во спасеніе... Анъ нѣтъ! и Никита съ недоумѣніемъ развелъ руками.—Опять-таки человѣкъ судьбой своей не доволенъ—спокою себѣ не знаетъ! Съ утра это онъ вскочитъ, голову взъерочитъ—глядишь, уже побѣжалъ на стройку, путемъ не поѣвши... На людей завсегда недоволенъ—день деньской не въ духа̀хъ, на всѣхъ, знай только, лается! Удивленіе даже—отъ своихъ отъ хлѣбовъ худѣетъ! И лико-то у него, погляди, такое жалостливое. Будто-то онъ, братецъ ты мой, въ сухотку пошелъ—тоскуетъ. Ну-а какой въ этомъ прокъ? Боже милостивый—и какъ только себя человѣкъ самъ извести можетъ! Право!

— А я такъ скажу—сладокъ кусокъ, а въ тоскѣ горекъ. Домъ, хутора—опять тоже, утѣха; одначе они по рукамъ, по ногамъ тѣ-же путы. Сиди коло нихъ, когда разстаться боишься... Тьма—тьмой и будетъ!

— Какъ-же быть? Что-же дѣлать? обратился я къ Лоскуту, гладившему свою курчавую бороду.

Никита испуганно расширилъ зрачки, видимо озадаченный моимъ вопросомъ...

— Вотъ она, дума-то! пробормоталъ онъ вскакивая.—Самъ я надъ ней, Кискинкинычъ, маюсь! Неужели въ самомъ дѣлѣ слѣпотѣ нашей прозрѣнія не будетъ?

И Лоскутъ растерянно устремилъ свой взглядъ въ густѣющій сумракъ надвигавшейся ночи. Грудь его порывисто дышала, руки безпомощно опустились...

— Жить надо-ть по совѣсти—вотъ что. Свѣтлѣй будетъ!—проговорилъ онъ вдругъ, весь охваченный своей думой.—Жить—работать безъ заботы... День пришелъ—день уйдетъ, а за себя передъ Богомъ отвѣчать надо-ть! Тосковать—грѣхъ большой. Сердце-то волюшку любитъ, а тоска силу губитъ! И безъ силъ-то развѣ жисть одолѣешь? Нѣтъ, такъ и маяться тебѣ въ ней рабомъ темнымъ до вѣку! Возьметъ она тебя соблазномъ, да завистью, богачествомъ своимъ приманитъ, надъ людьми гордыней подыметъ—не запримѣтишь... Неправдой своей обведетъ и сама тебѣ зенки закроетъ—спи, молъ, не думай, дитя малое, неразумное... А какъ поддался ты разъ злу житейскому—такъ и бродить тебѣ въ его путахъ до конца, до могилушки.

Никита вздохнулъ и поникъ головою.

— Сказывалъ мнѣ такъ-то, въ молодые годы, одинъ человѣкъ,—да я ему не повѣрилъ. Берегись, говоритъ, ты, несмышленнымъ, золотой неволи, неправедной доли. За другими не тянись, не тягайся—своей тропой пробирайся. Куда она идетъ—гляди не домекаешь, а когда тебя горюшко просвѣтитъ, тогда узнаешь!

— Вотъ она жисть-то наша, Кискинкинычъ, неразгаданная! Словно ночка звѣздная, темная—и огнями горитъ, и тьмой обляжетъ—и ничего не скажетъ! неожиданно заключилъ свою рѣчь Лоскутъ и всей грудью потянулъ въ себя влажный ночной воздухъ.

Я и самъ не замѣтилъ, какъ догорѣла вечерняя заря, какъ затеплились надъ головой яркія звѣзды. Ночныя тѣни заволокли уже даль и стихшая усадьба потонула въ ней, слилась очертаніями своихъ построекъ. Природа торжественно отходила ко сну, разливая спокойствіе и прохладу. Я приподнялся со скамьи и оглянулся... Лоскутъ стоялъ предо мной сосредоточенный, но по-прежнему спокойный, поднявъ глаза къ небу. Взоръ его, лихорадочно-страстный, устремленъ былъ въ звѣздную высь, и казалось, только оттуда старикъ ждалъ на свои думы желаннаго отвѣта.

VII.

Черезъ нѣсколько дней, добившись наконецъ рѣшенія спорнаго дѣла, я покинулъ «Отраду» и двинулся въ путь, во свояси. До ближайшей желѣзно-дорожной станціи считалось съ небольшимъ верстъ сорокъ. Мнѣ предстояло трястись въ тарантасѣ по скверному пыльному проселку, и только половина пути выпадала на долю шоссейной дороги.

Я выѣхалъ рано утромъ, въ часу шестомъ, и не спѣша, щадя лошадей и собственные бока, сталъ удаляться отъ гостепріимнаго крова моего пріятеля. День обѣщалъ быть хорошимъ. Голубое прозрачное небо, только слегка кое-гдѣ оттѣненное бѣловатой дымкой таявшаго облачка, было какъ-то особенно чисто и казалось выше поднялось надъ проснувшейся землею. Природа доканчивала свой утренній туалетъ, небрежно, какъ юная красавица, драпируясь влажною зеленью пробуждавшагося лѣса и вся убиралась пышными полевыми цвѣтами, обрызганными блестящими каплями прозрачной утренней росы. Прибитая влажною ночною сыростью, пыль едва поднималась и липла къ копытамъ. Глаза невольно прищуривались отъ яркихъ золотистыхъ лучей; солнце краснымъ огненнымъ шаромъ всплывало надъ пашней. Откуда-то доносилось ржаніе. Табунъ сытыхъ деревенскихъ лошадей, возвращаясь съ «ночного», рѣзво перебѣгалъ зеленую полосу луга, слегка оттѣненную узкой каймой, черной, рыхлой, буграстой пахоти. Мальчуганъ-пастушенокъ, въ рваномъ сѣромъ зипунишкѣ безъ рукавовъ, весело болтая

босыми ногами, несся за табуномъ на огромной пѣгой кобылѣ, одной рукою придерживая на головѣ своей старый солдатскій картузъ, а другой тщетно старался затянуть веревочный поводъ. Стая лѣсныхъ птичекъ, испуганныхъ приближеніемъ моего тарантаса, дружно поднялась съ вѣтвей раскидистой придорожной липы и съ громкимъ чириканьемъ пронеслась надъ дорогой. Изъ деревни послышался отдаленный лай... Эхо гулко повторило вдругъ раскаты ружейнаго выстрѣла.

Дорога вилась узкой лентой, исчезая мѣстами въ оврагахъ размытыхъ весенней водой и снова всползала въ оправѣ зеленыхъ луговъ на крутые пригорки. Вотъ ужъ новый спускъ передъ вами, ближе, ближе... Тройка упирается, скользитъ по глинистому скату, коренникъ вылѣзаетъ изъ хомута, валики бьютъ пристяжнымъ заднія ноги. Вы быстро погружаетесь, и глядь—уже на днѣ оврага. Еще моментъ—васъ сильно тряхонуло и вслѣдъ затѣмъ тройка дружно, въ карьеръ выноситъ экипажъ въ гору. Снова всплыли передъ вами окрестности, снова тѣшитъ взоръ живописная картина.

Мы опять поплелись рысцею и четверть часа спустя нагнали мужичка съ котомкой за плечами, бойко шагавшаго придорожной тропою. Я заглянулъ ему въ лицо и едва не вскрикнулъ отъ изумленія. Никита Лоскутъ, старый пріятель, стоялъ передо мною.

— Никита!—окликнулъ я старика и велѣлъ остановилъ лошадей.

— Я, батюшка, я, Кискинкинычъ!—обрадовался онъ въ свою очередь, поспѣшно подбѣгая къ тарантасу.

— Ишь обрядился, словно въ походъ *некрутъ*!—замѣтилъ зубчиковскій кучеръ, которому велѣно было доставить меня на станцію.

— Собрался я, батюшка, во дороженьку, въ дальній путь!—проговорилъ Лоскутъ съ веселой улыбкой.—Собрался, родной—потому время мое пришло, волюшка тянетъ! И теперь, значитъ, никто меня удержать не можетъ: ни хозяинъ, ни найматель, ни собственная моя баба! Потому что каждому свой зарокъ даденъ!

— Ишь ты какой!—недовѣрчиво усмѣхнулся кучеръ и обернувшись съ козелъ лукаво прищурился.

— И когда ты успѣлъ уйти!—удивился я.

— Сядне утромъ ушелъ, милый, сядне! И денегъ своихъ не дополучилъ малость, а все-жъ не остался! Потому время мое пришло—идтить надо!

— Куда-же теперь шагаешь!

— Въ Коренную, родной, въ Курску губернію мѣчу, да приведетъ-ли еще Господь добраться—ничего неизвѣстно.

— А дорогу знаешь?

— Ахъ, Боже ты мой, какъ-же не знать?! Мнѣ вотъ теперь

только до *шуши* [1]) добраться, а тамъ взялъ на-лѣво да и пошелъ себѣ прямикомъ, безъ сумлѣнія! — проговорилъ онъ, улыбаясь. — Есть тамъ старецъ одинъ,—добавилъ онъ мнѣ уже шепотомъ:—жисти праведной—вотъ что! Я ему въ своей думѣ покаюсь, что съ тобой ономнясь толковали, пусть онъ правду-то Божью мнѣ скажетъ.

— Ну садись на козлы: подвезу,—проговорилъ я, и велѣлъ кучеру дать ему мѣсто. Тотъ отодвинулся съ пренебреженіемъ. Никита съ радостью взобрался на облучекъ и мы тронулись снова.

— Вотъ за это спасибо, Кискинкинычъ,— проговорилъ онъ, торопливо усаживаясь,—спасибо большое, что подсадилъ старика! Пошли тебѣ Господь добраго здоровья! — И Лоскутъ не преминулъ перекреститься.

Его ласковая улыбка, глубокій, задумчивый взглядъ, спокойная кротость, сквозившая въ каждой складкѣ запыленнаго лица — напомнили мнѣ тихій вечеръ таинственнаго признанія. Образъ Никиты съ его христіанскимъ смиреніемъ, съ мощной покорностью передъ судьбой, съ удивительнымъ стоицизмомъ относившагося къ ея испытаніямъ — навѣялъ и мнѣ тѣ знакомыя думы, что волновали вѣроятно и теперь сѣдую голову моего пріятеля. Настроеніе Лоскута, уже охваченнаго неудержимымъ стремленіемъ—разрѣшить накипѣвшій душевный разладъ въ новыхъ поискахъ правды—передавалось и окружающимъ, вызывая тревожное раздумье...

Въ хмурыхъ сумеркахъ обыденнаго прозябанія, которое обыкновенно принято называть «жизнью», среди мелкой лжи, самообмана и постояннаго притворства съ ближнимъ—встрѣча съ человѣкомъ, которому настолько чужды всѣ условности нашихъ обычныхъ взаимныхъ отношеній, предъ которымъ во всѣ стороны, куда-бы онъ ни шагалъ—пролегаетъ одинъ только путь, ведущій къ правдѣ и свѣту—явленіе рѣдко-глубокое и не для такой поры, какъ наша...

«Жить надо-ть»!—вспомнилось мнѣ, «работать надо-ть! Что тосковать-то? Съ тоски сердце гніетъ, силушка вянетъ — а безъ силъ-то, милый, нонече трудно! Ахъ, какъ трудно—не выговоришь!» Философія Лоскута меня оживила. Я почувствовалъ новый приливъ радостной, бодрой энергіи.

— А вотъ она и *шуша*!—раздался вдругъ звучный голосъ Никиты и минуту спустя мелкій щебень захрустѣлъ подъ колесами моего тарантаса. Лоскутъ спрыгнулъ съ козелъ—я приказалъ остановиться.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали.

— Ну прощай, милъ человѣкъ,—проговорилъ Никита, слегка вздрогнувъ, потупился и снялъ шапку.

---

[1]) Шоссе.

— Прощай, братъ!—отвѣтилъ и я съ искренней грустью.—Прощай, Никита; столкнетъ Богъ—можетъ и опять увидимся!

— Свидимся, родной, свидимся!—успокоительнымъ голосомъ проговорилъ Лоскутъ и быстро сморгнулъ набѣжавшую на глаза слезинку. Мы обнялись по-пріятельски: пожелали другъ другу всяческихъ благъ и лошади тронулись.

— Стой, стой!—донесся до меня вдругъ знакомый голосъ. Никита запыхавшись подбѣжалъ къ экипажу.—На вотъ тебѣ!—проговорилъ онъ, шепотомъ,—было и запамятовалъ совсѣмъ, лѣкарствіе отъ холеры—чуть что клади за щеку, какъ рукой сниметъ!—И онъ торопливо сунулъ мнѣ въ руку какой-то корешокъ, завернутый въ обрывокъ газетной бумаги.

— Спасибо, Никитушка!

— На здоровье, родной!..—Лоскутъ отошелъ и перекрестился. Лошади тронулись бодрою рысью. Снова захрустѣлъ подъ колесами шоссейный щебень, снова медленно заскользили окрестности.

Я оглянулся. Правильной, узкой лентой далеко бѣлѣла дорога. На ней едва виднѣлась крохотная фигура моего удалявшагося пріятеля. Я взглянулъ на него послѣдній разъ и откинулся въ глубину тарантаса.

Борисъ Корженевскій.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажинъ.

II.

Но въ эту минуту въ комнату вошелъ тотъ самый монахъ, который приходилъ раньше, а вмѣстѣ съ нимъ и двое другихъ старшихъ. За ними монастырскіе слуги внесли плетеныя корзины, а въ нихъ находились бурдюки съ виномъ и различныя, наскоро собранныя лакомства. Монахи привѣтствовали княгиню и снова упрекнули ее за то, что не заѣхала въ аббатство, а она еще разъ объяснила имъ, что, выспавшись за день, она и весь дворъ ея путешествуютъ ночью, ради прохлады, а потому въ отдыхѣ не нуждаются — и не желая будить ни благороднаго аббата, ни монаховъ, захотѣли остановиться на постояломъ дворѣ только для того, чтобы размять ноги.

Послѣ большого количества любезныхъ словъ, они въ концѣ концовъ остановились на томъ, что по окончаніи заутрени и ранней обѣдни, княгиня со всѣмъ дворомъ своимъ позавтракаетъ и отдохнетъ въ монастырѣ. Радушные монахи, вмѣстѣ съ Мазурами, краковскими землевладѣльцами, пригласили также и Мацько изъ Богданца, который и безъ того намѣревался отправиться въ аббатство, чтобы оставить тамъ все имущество, захваченное на войнѣ, или полученное даромъ отъ щедраго Витольда и предназначенное на выкупъ Богданца. Но молодой Збышко не слышалъ этихъ приглашеній, потому что побѣжалъ къ своимъ и дядинымъ повозкамъ, охраняемымъ слугами. Онъ рѣшилъ переодѣться и въ болѣе приличной одеждѣ предстать передъ княгиней и Данусей. И взявъ съ повозки дубочный сундукъ, велѣлъ его внести въ комнату слугъ и тамъ началъ переодѣваться. Прежде всего, завивъ наскоро

волосы, онъ всунулъ ихъ въ шелковую сѣтку съ янтарными бусами, спереди украшенную настоящимъ жемчугомъ. Потомъ онъ взялъ кафтанъ изъ бѣлаго шелка, расшитый золотыми грифами съ красивымъ рисункомъ на подолѣ, а сверху опоясался двойнымъ золоченымъ кушакомъ, у котораго висѣла небольшая сабля, оправленная серебромъ и слоновой костью. Все это было новое, блестящее, совершенно незапятнанное кровью, хотя отнятое грабежомъ у молодого фризскаго рыцаря, служившаго у крестоносцевъ. Потомъ Збышко натянулъ красивые штаны, одна половина которыхъ была въ зеленыхъ и красныхъ полосахъ, другая—въ лиловыхъ и желтыхъ, и обѣ на верху заканчивались пестрыми клѣтками. И наконецъ одѣлъ красные башмаки съ длинными носками. Прекрасный и освѣженный, отправился онъ въ общую комнату.

Когда онъ показался на порогѣ, его внѣшность произвела на всѣхъ впечатлѣніе. Княгиня, увидавъ, какой прекрасный рыцарь клялся ея Данусѣ въ вѣчной вѣрности, еще больше обрадовалась, а Дануся въ первую минуту вскочила и побѣжала къ нему, какъ серна. Но красота-ли юноши, или изумленные голоса придворныхъ смутили ее, прежде чѣмъ она добѣжала, такъ что, остановившись въ двухъ шагахъ отъ него, она вдругъ опустила глаза и, сложивъ руки, начала вертѣть пальчиками, зардѣвшаяся и смущенная.

За ней приблизились и другіе: сама княгиня, придворные, музыканты и монахи, потому что всѣмъ хотѣлось лучше осмотрѣть юношу. Панны Мазовецкія глядѣли на него, какъ на радугу, и теперь каждая сожалѣла, что онъ выбралъ не ее. Старшіе изумлялись цѣнности его наряда. Однимъ словомъ, вокругъ него образовался цѣлый кружокъ любопытныхъ; а Збышко стоялъ посерединѣ съ хвастовской усмѣшкой на молодомъ лицѣ и поварачивался на мѣстѣ для того, чтобы его можно было лучше разсмотрѣть.

— Кто это?—спросилъ одинъ изъ монаховъ.

— Это рыцарь, племянникъ этого человѣка,—отвѣчала княгиня, указывая на Мацько,—онъ только что клялся въ вѣчной вѣрности Данусѣ.

Монахи не выказали изумленія, потому что такая клятва ни къ чему не обязывала. Клялись въ вѣчной вѣрности и замужнимъ женщинамъ, а у знатныхъ, которымъ хорошо были знакомы западные обычаи, почти каждая женщина имѣла своего рыцаря. Если рыцарь давалъ клятву вѣрности дѣвицѣ, то это не значило, что онъ дѣлался ея женихомъ: напротивъ того, чаще всего она выходила замужъ за другого, а рыцарь, по скольку обладалъ добродѣтелью постоянства, не переставалъ быть ей вѣрнымъ, но также женился на другой.

Нѣсколько больше изумляли монаховъ молодые годы Дануси, но и то не слишкомъ, такъ какъ въ тѣ времена шестнадцатилѣтіе под-

ростки часто бывали сенаторами. Самой великой королевѣ Ядвигѣ, въ минуту ея прибытія въ Венецію, было не болѣе пятнадцати лѣтъ, а тринадцати-лѣтнія дѣвочки выходили замужъ. Впрочемъ, въ ту минуту глядѣли больше на Збышко, чѣмъ на Данусю, и слушали Мацько, который, гордый своимъ племянникомъ, разсказывалъ, какимъ образомъ юноша овладѣлъ столь благородной одеждой.

— Годъ и девять недѣль тому назадъ,—говорилъ онъ,—насъ пригласили въ гости къ рыцарямъ саксонскимъ. У нихъ былъ также въ гостяхъ одинъ рыцарь далекаго народа фризовъ, которые живутъ тамъ, у самого моря; а съ нимъ вмѣстѣ былъ сынъ, тремя годами старше Збышко. Разъ на пиру этотъ сынъ сталъ неприлично надсмѣхаться надъ Збышко за то, что у него нѣтъ ни усовъ, ни бороды. А Збышко, всегда горячій, не выслушалъ спокойно этихъ словъ, а сейчасъ же схвативъ того за губу, выдернулъ у него всѣ волосы, за что потомъ мы дрались на смерть.

— Какъ это—вы дрались?—спросилъ шляхтичъ изъ Длуголяса.

— Да мы; отецъ за сына заступился, а я за Збышко: а потому мы дрались самъ четвертъ, въ присутствіи гостей, на утоптанной землѣ. И заключили мы такое условіе, что тотъ, кто побѣдитъ, тотъ заберетъ и слугъ, и лошадей, и повозки побѣжденнаго. И Богъ насъ благословилъ. Мы побѣдили этихъ фризовъ, хоть и съ большимъ трудомъ, потому что у нихъ не было недостатка ни въ храбрости, ни въ силѣ, а добычу взяли мы огромную: четыре повозки, въ каждой по парѣ лошадокъ, и четыре огромныхъ жеребца, и девять слугъ, и два прекрасныхъ вооруженія, у насъ такія не часто встрѣчаются. Правда, мы шлемы въ бою попортили, но Господь Богъ насъ утѣшилъ въ другомъ, потому что дорогихъ одеждъ былъ цѣлый сундукъ, превосходно кованный, и все то, во что одѣлся теперь Збышко, находилось въ немъ!

Послѣ этого разсказа, оба землевладѣльца изъ подъ Кракова и всѣ Мазуры стали съ большимъ почтеніемъ глядѣть на дядю и племянника, а шляхтичъ изъ Длуголяса, по имени Обухъ, сказалъ:

— Вижу, это храбрые и смѣлые молодцы!

— Теперь мы вѣримъ, что этотъ малый принесетъ три шлема съ павлиньими перьями.

А Мацько смѣялся, при чемъ въ суровомъ лицѣ его было дѣйствительно что-то хищническое.

Но тѣмъ временемъ монастырскіе слуги достали вино и лакомство изъ большихъ корзинъ, а изъ людской дѣвки начали выносить блюда, полныя дымящейся яичницы, окруженной колбасой. Распространился сильный, вкусный запахъ свиного сала. При видѣ этого, у всѣхъ явилось желаніе ѣсть и всѣ двинулись къ столамъ.

Но никто, однако, не занималъ мѣста противъ княгини, и она, сѣвъ посерединѣ, велѣла Збышко и Данусѣ сѣсть противъ себя и потомъ сказала Збышко:

— Вы съ Данусей должны ѣсть изъ одной тарелки, но смотри не жми ея ноги подъ скамейкой и не трогай ея колѣнъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые рыцари, потому что она слишкомъ молода для этого.

Онъ отвѣчалъ на это:

— Я не сдѣлаю этого, всемилостивѣйшая государыня, даже черезъ два или четыре года, когда Господь позволитъ мнѣ выполнить мою клятву и эта ягодка созрѣетъ, а что касается до того, чтобы жать ея ногу, то я не могу это дѣлать, если бы и желалъ, потому что ея ноги не достаютъ до пола.

— Правда, отвѣчала княгиня,—но мнѣ пріятно знать, что у тебя приличное обхожденіе.

Послѣ этого наступило молчаніе, такъ какъ всѣ начали ѣсть. Збышко отрѣзывалъ толстые куски колбасы и подавалъ ихъ Данусѣ, или просто клалъ ей ихъ въ ротъ, а она, довольная тѣмъ, что ей служитъ такой парядный рыцарь, ѣла, отдувъ щеки, моргая глазенками и улыбаясь то ему, то княгинѣ.

Послѣ того, какъ блюда были опустошены, монастырскіе слуги начали наливать сладкое и душистое вино,—мужчинамъ побольше, а дѣвицамъ понемногу; рыцарство Збышко выказалось особенно тогда, когда внесли полные гарнцы присланныхъ изъ монастыря орѣховъ. Тамъ были и лѣсные, и рѣдкіе, потому что они были привезены изъ далека, и воложскіе, на которые все общество набросилось съ большой охотой, такъ что черезъ минуту во всей комнатѣ слышно было только щелканіе орѣховъ. Но напрасно кто-нибудь подумалъ-бы, что Збышко заботился только о себѣ: онъ и княгинѣ, и Данусѣ хотѣлъ показать свою рыцарскую силу и воздержаніе и не хотѣлось ему прослыть жаднымъ на рѣдкія лакомства и тѣмъ унизить себя въ ихъ глазахъ. И потому набирая каждую минуту цѣлую горсть орѣховъ,—лѣсныхъ или воложскихъ, не клалъ ихъ въ ротъ, какъ дѣлали другіе, но сжималъ своими желѣзными пальцами, раздавливалъ ихъ и потомъ подавалъ Данусѣ вычищенныя зерна. Онъ даже выдумалъ для нея забаву: выбравъ зерна, онъ приближалъ руку къ губамъ и сразу выдувалъ скорлупу своимъ сильнымъ дыханіемъ такъ, что она долѣтала до самого потолка. Дануся такъ смѣялась, что княгиня изъ страха, что дѣвочка задохнется, принуждена была даже приказать ему, оставить эту забаву, но, видя радость дѣвочки, спросила:

— А что, Дануська, хорошо имѣть своего рыцаря?

— Ой, хорошо!—отвѣчала дѣвочка.

А потомъ, вытянувъ свой розовый пальчикъ, дотронулась имъ до шелковаго кафтана Збышко и, спрятавъ его тоточасъ же, спросила:

— А завтра тоже мой будетъ?

— И завтра, и въ воскресенье, и до самой смерти — отвѣчалъ Збышко.

Ужинъ продолжался, потому что послѣ орѣховъ подали сладкіе «пляцки», полныя изюминокъ. Нѣкоторымъ изъ придворныхъ хотѣлось танцовать, другіе желали лучше слушать пѣніе музыкантовъ или Данусино; но у Дануси глаза начали подъ конецъ слипаться и головка закачалась въ обѣ стороны; она еще раза два взглянула на княгиню, потомъ на Збышко, еще разъ протерла глаза, а потомъ опершись съ необыкновенной довѣрчивостью на плечо рыцаря, заснула.

— Спитъ?—спросила княгиня.—Вотъ тебѣ и «дама».

— Она для меня милѣе спящая, чѣмъ всѣ другія танцующія—отвѣчалъ Збышко, сидя прямо и неподвижно, чтобы не разбудить дѣвочку.

Но ее не разбудили даже музыка и пѣнье. Одни притоптывали въ тактъ музыкѣ, другіе стучали о тарелки, но чѣмъ больше они шумѣли, тѣмъ лучше спала она, открывъ ротикъ, какъ рыбка.

Проснулась она только тогда, когда запѣли пѣтухи, и при звонѣ монастырскаго колокола всѣ встали со скамеекъ, крича:

— Къ заутрени! къ заутрени!

— Пойдемъ пѣшкомъ вознести хвалу Господу,—сказала княгиня.

И взявъ за руку проснувшуюся Данусю, она первая вышла, а за ней двинулся весь дворъ.

Ночь ужъ поблѣднѣла, на востокѣ виднѣлся небольшой свѣтъ, сверху зеленоватый, снизу розоватый, а подъ нимъ какъ бы узкая золотая ленточка, которая разросталась на глазахъ. На западѣ мѣсяцъ, казалось, уничтожался передъ этимъ свѣтомъ. Разсвѣтъ все усиливался, розовѣлъ. Міръ пробуждался влажный отъ обильной росы, радостный и отдохнувшій.

— Богъ послалъ хорошую погоду, но зной будетъ сильный!—говорили придворныя княгини.

— Это не мѣшаетъ—успокоивалъ шляхтичъ изъ Длуголяса,—мы выспимся въ монастырѣ, а въ Краковъ пріѣдемъ подъ вечеръ.

— Навѣрно, снова на пиръ.

— Теперь тамъ каждый день пиры, а послѣ родовъ королевы и послѣ состязаній будутъ еще болѣе пышные.

— Посмотримъ, каковъ будетъ Данусинъ рыцарь.

— Эхъ! этотъ молодецъ какъ-бы сколоченъ изъ дуба... Слышали вы, что говорили объ этой битвѣ самъ-четвертъ?

— Они можетъ быть присоединятся къ нашему двору. Они кажется совѣтуются другъ съ другомъ о чемъ-то.

А Мацько и Збышко дѣйствительно совѣщались о чемъ-то, такъ какъ первый не слишкомъ-то былъ доволенъ тѣмъ, что произошло; онъ шелъ въ хвостѣ свиты нарочно пріостанавливаясь, чтобы поговорить на свободѣ:

— Правду говоря, мнѣ все это не нравится. Я-то какъ-нибудь протолкаюсь къ королю, хотя бы съ этимъ дворомъ — и мы можетъ быть что-нибудь и получимъ. Всего больше хотѣлось бы какой-нибудь маленькій замокъ, или небольшое укрѣпленіе... Но, увидимъ... Богданецъ мы, своимъ чередомъ, выкупимъ, потому что чѣмъ владѣли отцы, тѣмъ и намъ владѣть. Но откуда взять крестьянъ? Кого аббатъ поселилъ, того онъ и назадъ возьметъ,—а земля безъ крестьянъ все равно что ничего. Ты послушай, что тебѣ я скажу: ты себѣ клянись, или не клянись, кому хочешь, а на татаръ съ паномъ изъ подъ Мельштина къ князю Витольду долженъ идти. Если въ походъ протрубятъ до родовъ королевы, ты тогда не ожидай ни родовъ, ни состязаній рыцарскихъ, а иди, потому что это можетъ быть тебѣ полезно. Ты знаешь, какой щедрый князь Витольдъ,—а онъ тебя уже знаетъ. Справишься, такъ онъ щедро наградитъ. А, главнымъ образомъ, ты можешь набрать плѣнниковъ сколько захочешь. Татаръ столько на свѣтѣ, сколько муравьевъ. Въ случаѣ побѣды на каждаго придется по цѣлой копѣ [1]).

И тутъ Мацько, который любилъ землю и работу, сталъ мечтать:

— Ей-Богу! Пригнать человѣкъ пятьдесять крестьянъ и поселиться въ Богданцѣ! Расчистили бы мы тогда порядочный кусокъ пустыря! Мы бы оба тогда разбогатѣли. А ты знаешь, что нигдѣ нельзя столько набрать плѣнныхъ, сколько тамъ.

Но Збышко закачалъ головой.

— Ого! этихъ конюховъ, живущихъ лошадиной падалью, непривычныхъ къ земледѣлію. Что имъ дѣлать въ Богданцѣ? А, кромѣ того, я поклялся три нѣмецкихъ шлема принести. Гдѣ я ихъ найду у татаръ?

— Клялся, потому что ты дуракъ и клятва твоя такая же.

— А какъ же моя рыцарская честь?

— А Рынгалла?

— Рынгалла отравила князя и пустынникъ разрѣшилъ меня отъ моей клятвы.

— А эту тебѣ разрѣшитъ въ Тынцѣ аббатъ. Аббатъ лучше пустынника, тотъ походилъ больше на разбойника, чѣмъ на монаха.

— А я не хочу!

Мацько остановился и гнѣвно спросилъ:

— Ну, такъ какъ же это будетъ?

---

[1]) «Копа»—60 штукъ.

— Поѣзжайте одинъ къ Витольду, потому что я не поѣду.

— Ахъ ты смердъ! А кто поклонится королю?.. и не жаль тебѣ моихъ старыхъ костей?

— На ваши кости и дерево упадетъ, такъ не поломаетъ ихъ. А хоть бы мнѣ и жаль васъ было—не поѣду я къ Витольду!

— Что же ты будешь дѣлать? Соколятникомъ, или можетъ быть музыкантомъ остаешься при мазовецкомъ дворѣ?

— Развѣ быть соколятникомъ что-нибудь дурное? Если ты хочешь ворчать, вмѣсто того, чтобы слушать меня, такъ ворчи себѣ.

— Куда же ты поѣдешь? Значитъ Богданецъ тебѣ не дорогъ? Что же собственными когтями будешь въ немъ орать? безъ крестьянъ?

— Неправда! Наговорили вы тутъ о татарахъ! Слышали вы, что говорили русины, что татаръ найдешь столько, сколько, лежитъ убитыхъ па полѣ, а плѣнныхъ никто не возьметъ, потому что татарина въ степи не словить. На чемъ я за ними гнаться буду? На этихъ тяжеловѣсныхъ жеребцахъ, которыхъ мы взяли у нѣмцевъ! Вотъ видите! А какую добычу мы тамъ возьмемъ? Паршивые кожухи и больше ничего! Вотъ такъ богачемъ выѣду я въ Богданецъ! Какъ бы меня тамъ не приняли за владѣтельнаго графа!

Мацько замолчалъ, потому что въ словахъ Збышко было много справедливаго, и только черезъ минуту заговорилъ:

— Да, но тебя бы наградилъ князь Витольдъ.

— Ахъ! вы сами знаете: одному онъ даетъ много, другому ничего.

— Разсказывай, а всетаки поѣдемъ...

— Къ Юранду изъ Спыхова.

Мацько отъ злости скрутилъ поясъ на кожанномъ контушѣ и сказалъ:

— Чтобъ ты ослѣпъ!

— Послушайте,—отвѣчалъ спокойно Збышко. — Я говорилъ съ Николаемъ изъ Длуголяса и онъ думаетъ, что Юрандъ желаетъ отомстить нѣмцамъ за жену. Я пойду и помогу ему. Во-первыхъ вы сами говорили, что мнѣ не страшно ужъ сразиться съ нѣмцами, потому я знаю и ихъ, и ихъ обычаи. Во-вторыхъ, я тамъ скорѣе найду, эти павлиньи шлемы, а въ-третьихъ, вы знаете, что павлиньи перья носитъ не каждый кнехтъ, а потому, если Господь пошлетъ мнѣ перья. то будетъ и добыча! И, наконецъ, плѣнный нѣмецъ не татаринъ. Такого поселить въ лѣсу не жалко будетъ.

— Что-жъ, молодецъ, развѣ ты потерялъ разумъ! Вѣдь нѣту-же теперь войны. И Богъ знаетъ когда будетъ.

— О! заключили медвѣди и не портятъ улья, меду не ѣдятъ! Ха! ха! А развѣ это для васъ новость, что хоть большое войско не воюетъ, и хоть король вмѣстѣ съ курфюрстомъ ставятъ печати на пергаментѣ,

на границѣ всегда бываютъ стычки? Отняли другъ у друга скотъ, стадо, такъ за одну коровью голову жгутъ по нѣскольку деревень и замки осаждаютъ. А похищенья парней и дѣвокъ? А ограбленіе купцовъ на проѣзжей дорогѣ? Вспомните давнишнія времена, о которыхъ вы сами мнѣ разсказывали. Развѣ плохо было тому Наленчану, который схватилъ сорокъ рыцарей, ѣхавшихъ къ крестоносцамъ, посадилъ въ подземелье и не выпустилъ до тѣхъ поръ, пока курфюрстъ не прислалъ ему цѣлый возъ гривенъ? Юрандъ изъ Спыхова ничего другого не дѣлаетъ и на границѣ всегда есть работа.

Нѣкоторое время они шли молча, а тѣмъ временемъ окончательно разсвѣло и яркіе солнечные лучи озарили горы, на которыхъ построено было аббатство.

— Коли Богъ поможетъ, такъ всюду можетъ посчастливиться, — сказалъ наконецъ Мацько, болѣе мягкимъ голосомъ: — проси, чтобы Онъ благословилъ тебя.

— Это вѣрно, что все въ Его рукахъ.

— И думай больше о Богданцѣ, потому что въ этомъ ты не убѣдишь меня, что ты ради Богданца, а не ради этого пустомели Юранда, изъ Спыхова хочешь ѣхать.

— Не говорите этого, потому что я разсержусь. Я люблю смотрѣть на нее и не отрекаюсь отъ этого; эта клятва не такая, какъ та, что я Рынгаллѣ далъ. Встрѣчали вы болѣе красивую?

— Что мнѣ до ея красоты! Лучше возьми ее, когда выростетъ, если она дочь зажиточнаго графа.

А лицо Збышко прояснилось молодой, доброй улыбкой.

— И это можетъ быть. Ни другой королевы, ни другой жены! Когда у васъ кости силу утратятъ, такъ вы будете няньчить внуковъ отъ нея и меня.

Усмѣхнулся Мацько и уже совсѣмъ смягченный отвѣчалъ:

— Грады! Грады!.. пусть ихъ будетъ какъ граду. На старость радость, а послѣ смерти освобожденье. Дай-то Богъ!

III.

Княгиня Данута, Мацько и Збышко уже раньше бывали въ Тынцѣ, но среди придворныхъ были такіе, которые видѣли его въ первый разъ — и они, поднявъ глаза, съ изумленіемъ глядѣли на красивое аббатство, на зубчатыя стѣны, идущія вдоль скалъ, надъ обрывами, на строенія, стоящія на склонахъ горы, и за заборами, высокіе и сверкающіе золотомъ при восходящемъ солнцѣ. По этимъ великолѣпнымъ стѣнамъ и строеніямъ, по домамъ, предназначеннымъ для различныхъ надобностей, по садамъ, лежащимъ у подошвы горы и по тщательно обработаннымъ

полямъ, которыхъ глазъ охватывалъ съ высоты, можно было при первомъ-же взглядѣ судить о вѣковомъ богатствѣ, къ которому не привыкли и которому должны были изумляться люди изъ убогаго Мазовша. Правда и въ другихъ мѣстахъ существовали зажиточные аббатства, какъ напримѣръ въ Любушѣ надъ Одеромъ, въ Плоцкѣ, въ Великой Польшѣ, въ Могильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, но, однако, ни одно не могло равняться съ тынцовскимъ, богатства котораго превышали не одно удѣльное княжество, а доходы могли возбуждать зависть даже у королей того времени. Среди придворныхъ изумленіе все росло, а нѣкоторые почти не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Тѣмъ временемъ княгиня, желая скоротать скорѣе время и занять дѣвицъ, стала просить одного изъ монаховъ, чтобы онъ разсказалъ ей старую страшную сказку о «Вальгержѣ Удаломъ» [1]), которую она ужъ слышала, хотя безъ подробностей, въ Краковѣ.

Услыхавъ это, дѣвицы сбились тѣсной толпой около княгини и всѣ медленно пошли подъ гору, озаренныя теплымъ солнечнымъ свѣтомъ, подобныя движущимся цвѣтамъ.

— Пусть братъ Гидульфъ разскажетъ о Вальгержѣ; онъ вѣдь явился ему однажды ночью,—сказалъ одинъ изъ монаховъ, взглянувъ на другого, человѣка уже не молодыхъ лѣтъ, который нѣсколько согнувшись шелъ рядомъ съ Николаемъ изъ Длуголяса.

— Вы собственными глазами видѣли его, благочестивый отецъ?—спросила княгиня.

— Да,—мрачно отвѣчалъ монахъ,—потому что есть такіе сроки, когда съ соизволенія Господа Бога онъ покидаетъ преисподнюю и появляется на свѣтѣ.

— Когда-же это бываетъ?

Монахъ взглянулъ на двухъ другихъ и замолкъ, потому что существовало мнѣніе, что духъ Вальгержа появляется тогда, когда нарушается законъ и когда монахи больше, чѣмъ слѣдуетъ, помышляютъ о земныхъ радостяхъ и довольствѣ.

Въ этомъ, конечно, ни одинъ не хотѣлъ сознаться во всеуслышанье, хотя, впрочемъ, говорили, что видѣніе предсказываетъ также и войну, или другое какое-нибудь бѣдствіе, поэтому братъ Гидульфъ, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ:

— Появленіе его не означаетъ ничего хорошаго.

— Я тоже не хотѣла-бы увидѣть его,—сказала княгиня, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ,—но почему онъ въ аду, если, какъ я слыхала, онъ отмстилъ только за собственное поруганье?

[1]) «Walgierz Wdaly»—средневѣковыйпольскій романъ, заимствованный, по всей вѣроятности, у германцевъ или скандинавовъ; на польской почвѣ онъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія.

— Если-бы онъ даже всю жизнь былъ добродѣтельнымъ,—сурово отвѣчалъ монахъ, — онъ-бы все равно былъ погибшій, потому что жилъ во времена языческія и не былъ омытъ святымъ крестомъ отъ прородительскаго грѣха.

Послѣ этихъ словъ брови княгини болѣзненно сжались, потому что ей пришло въ голову, что ея великій отецъ, котораго она любила всей душой, также умеръ въ язычествѣ,—и значитъ долженъ былъ вѣчно горѣть.

— Мы слушаемъ,—сказала она, помолчавъ немного.

И братъ Гидульфъ началъ разсказъ:

— Жилъ былъ во времена языческія могущественный графъ, котораго за его красоту называли Вальгержомъ Удалымъ. И весь тотъ край, все, что можно было охватить глазомъ, принадлежало ему, а въ походы, кромѣ пѣхоты, онъ водилъ по сто копьеносцевъ, потому что всѣ властелины, на западъ до самаго Ополя, а на востокъ до Сандоміра, всѣ были его вассалами. Стадъ его никто сосчитать не могъ, а въ Тынцѣ у него была цѣлая башня, наполненная деньгами, какія теперь имѣютъ крестоносцы въ Мальборгѣ.

— Они имѣютъ, я знаю!—прервала его княгиня Данута.

— И былъ онъ, какъ великанъ,—продолжалъ монахъ,—и вырывалъ онъ дубы съ корнями, а въ красотѣ, въ игрѣ на лютнѣ и въ пѣніи никто на всемъ свѣтѣ не могъ съ нимъ состязаться. И вотъ разъ, когда онъ былъ на дворѣ короля франкскаго, влюбилась въ него королевна Хельглунда, которую отецъ хотѣлъ выдать замужъ во славу Божію, и бѣжала она съ нимъ въ Тынецъ, гдѣ оба жили въ развратѣ, потому что ни одинъ ксендзъ не хотѣлъ повѣнчать ихъ по-христіански. А въ Вислицѣ жилъ Виславъ Прекрасный, принадлежавшій къ роду короля Попеля. Во время отсутствія Вальгержа Удалого онъ опустошалъ графство Тынецкое. Вальгержъ прекратилъ это и захватилъ его въ плѣнъ, не зная того, что какая только женщина увидитъ его, та готова была сразу и отца, и мать, и мужа оставить, лишь-бы только утолить свою страсть. Тоже случилось и съ Хельгундой. Она сейчасъ-же выдумала такія вещи про Вальгержа, что онъ великанъ, хоть вырывалъ дубы, но распутать ихъ не могъ, — и предала его Виславу, который повезъ его въ Вислицу. Но Рынга, сестра Вислава, услыхавъ въ подземельѣ пѣніе Вальгержа, сейчасъ-же влюбилась въ него и освободила его изъ подземелья, а онъ до смерти зарубилъ Вислава и Хельгунду, тѣла ихъ оставилъ воронамъ, а самъ возвратился съ Рынгой въ Тынецъ.

— Развѣ онъ не правильно поступилъ?—спросила княгиня.

А братъ Гидульфъ отвѣчалъ:

— Если-бы онъ принялъ крещеніе и передалъ Тынецъ бенедиктинцамъ, можетъ быть Богъ отпустилъ-бы ему его грѣхи, но онъ ничего этого не сдѣлалъ, значитъ земля пожрала его.

— А развѣ въ этомъ королевствѣ были тогда бенедиктинцы?

— Бенедиктинцовъ въ этомъ королевствѣ еще не было, потому что они сами были тогда язычниками.

— Такъ какъ-же онъ тогда могъ крещеніе принять, или Тынецъ отдать?

— Не могъ, и собственно поэтому онъ осужденъ на вѣчныя мученія въ аду,—вѣско отвѣчалъ монахъ.

— Вѣрно! Онъ правильно говоритъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Но тѣмъ временемъ шествіе приблизилось къ главнымъ монастырскимъ воротамъ, въ которыхъ аббатъ ожидалъ княгиню во главѣ цѣлаго отряда монаховъ и шляхтичей. Свѣтскихъ людей: «экономовъ», «адвокатовъ», «старостъ» и различныхъ церковныхъ служителей въ монастырѣ всегда бывало много. Много землевладѣльцевъ, даже зажиточныхъ помѣщиковъ, владѣли безчисленными монастырскими землями по довольно исключительному въ Польшѣ ленному праву,—и они, какъ «вассалы», пребывали на дворѣ «сюзерена», такъ какъ близь алтаря легко можно было разсчитывать получить кое-что даромъ, освобожденіе отъ налоговъ и всевозможныхъ благодѣяній, иногда зависящее отъ удачнаго слова, мелкой услуги, или отъ минутнаго хорошаго настроенія благочестиваго аббата.

Приготовляющіяся въ столицѣ пиршества также привлекали массу подобныхъ вассаловъ изъ отдаленныхъ краевъ, а тѣ, которымъ трудно было по причинѣ большой толкотни найти въ Краковѣ гостинницу, помѣщались въ Тынцѣ. По этой причинѣ «abbas centum villarum» могъ привѣтствовать княгиню со свитой еще болѣе многочисленной, чѣмъ обыкновенно.

Аббатъ былъ человѣкъ высокаго роста, съ худымъ, умнымъ лицомъ, съ обнаженной головой, только окруженной какъ-бы вѣнцомъ сѣдѣющихъ волосъ, съ проницательными глазами, высокомѣрно глядящими изъ подъ черныхъ бровей. На лбу у него былъ рубецъ отъ раны, очевидно, полученной въ болѣе молодыхъ рыцарскихъ годахъ. Онъ былъ одѣтъ такъ-же, какъ и другіе монахи, но сверху у него былъ черный плащъ, подбитый пурпуромъ, на шеѣ была золотая цѣпочка, на концы которой висѣлъ также золотой крестъ, осыпанный дорогими камнями,—знакъ аббатскаго достоинства. Во всей его внѣшности сказывался человѣкъ надменный, самоувѣренный, привыкшій повелѣвать.

Но тѣмъ не менѣе, онъ любезно привѣтствовалъ княгиню, и даже приниженно, потому что помнилъ, что мужъ ея происходилъ отъ того самаго рода князей Мазовецкихъ, изъ котораго происходили короли Вла-

диславъ и Казиміръ, а по женской линіи и теперешняя королева, владѣтельница одного изъ самыхъ большихъ государствъ во всемъ свѣтѣ. Онъ переступилъ черезъ порогъ воротъ, низко склонилъ голову и потомъ благославилъ Анну Дануту и весь дворъ маленькимъ золотымъ ларчикомъ, который держалъ въ пальцахъ правой руки, и сказалъ:

— Привѣтствую тебя, всемилостивѣйшая государыня, въ убогой монастырской обители. Пусть святой Бенедиктъ изъ Нурсіи, святой Маурусъ, святой Бонифацій и святой Бенедиктъ изъ Аняна и также и Иванъ изъ Толомеи, наши покровители, обитающіе въ вѣчности, одарятъ тебя здоровьемъ, счастьемъ и пусть они благословятъ тебя по семи разъ въ день во все время живота твоего.

— Если бы они не выслушали слова столь великаго аббата, значитъ, они были-бы глухими, благосклонно проговорила княгиня,—тѣмъ болѣе, что мы пришли сюда къ обѣднѣ, во время которой я отдамъ себя подъ ихъ защиту.

Сказавъ это, она протянула ему одну руку, которую онъ, преклонивъ одно колѣно, поцѣловалъ по—рыцарски, послѣ чего они вмѣстѣ вошли въ ворота. Очевидно ихъ ждали съ обѣдней, такъ какъ въ эту минуту раздался звонъ колоколовъ и колокольцевъ. У костельныхъ дверей трубачи затрубили въ честь княгини въ звонкія трубы, другіе ударили въ огромные котлы, выкованные изъ красной мѣди и обтянутые шкурой, дающей громкій звукъ. На княгиню, которая не родилась въ христіанской странѣ, всякій костелъ до сихъ поръ производилъ впечатлѣніе, а тѣмъ болѣе тынецкій, который по красотѣ своей врядъ ли можно было сравнивать съ какимъ нибудь другимъ. Сумракъ господствовалъ внутри храма, только у высокаго алтаря дрожала полоска разноцвѣтныхъ огней, смѣшивающихся съ блескомъ свѣчъ, освѣщавшихъ позолоту и рѣзьбу. Монахъ въ облаченіи вышелъ, поклонился княгинѣ и приступилъ къ жертвоприношенію. По всему храму разнесся дымъ благовонный и изобильный, который закрылъ ксендза и алтарь и медленно клубами сталъ подниматься къ верху, увеличивая таинственную торжественность храма. Анна Данута склонила голову и, закрывъ лицо руками, начала горячо молиться. Но, когда раздались звуки органа, рѣдкаго въ тѣ времена, то потрясая воздухъ чудными громкими расказами, то наполняя его нѣжными ангельскими голосами, то заливаясь соловьиными трелями, тогда глаза княгини обратились къ небу, лицо ея вмѣстѣ съ набожностью и страхомъ приняло выраженіе безграничнаго восторга и взглянувшему на нее могло бы показаться, что это святая, которая въ чудесномъ видѣніи зритъ разверстое небо.

Такъ молилась рожденная въ язычествѣ дочь Кейстута, которая въ повседневной жизни такъ же какъ всѣ люди того времени легкомысленно вспоминала имя Господне, но въ домѣ Господа съ дѣтскимъ страхомъ и

покорностью поднимала глаза къ таинственному и неизмѣримому всемогуществу.

И такъ же набожно, хотя съ меньшимъ страхомъ, молился весь дворъ, Збышко стоялъ на колѣняхъ предъ рѣшоткой, среди Мазуровъ, потому что только придворные вошли съ княгиней за рѣшотку, и также отдавалъ себя подъ защиту Божью. Иногда онъ взглядывалъ на Данусю, которая сидѣла съ полузакрытыми глазами около княгини, и думалъ, что стоило быть рыцаремъ такой дѣвочки, но что и не легкій обѣтъ далъ онъ ей. Веревкой онъ ужъ опоясался тогда, когда одѣвалъ свой кафтанъ, но вѣдь это было только исполненіе одной половины обѣта, послѣ чего надо было выполнить и другую, гораздо болѣе трудную. И потому теперь, когда пиво и вино, которыя онъ выпилъ въ монастырѣ, нѣсколько вывѣтрились изъ его головы, онъ не мало сталъ тревожиться о томъ, какъ онъ выполнитъ его. Войны не было. Правда, на границѣ, среди вѣчныхъ столкновеній, легко было натолкнуться на какого-нибудь вооруженнаго нѣмца и либо ему поломать кости, либо самому сложить голову. Такъ онъ говорилъ Мацько. «Но, думалъ онъ,— не всякій нѣмецъ носитъ павлиньи или страусовыя перья на шляпѣ». Развѣ какой нибудь графъ изъ гостей крестоносцевъ, а среди самихъ крестоносцевъ развѣ комтуръ, да и то не каждый. Если не будетъ войны, то могутъ пройти цѣлые годы, прежде чѣмъ онъ добудетъ свои три шлема, потому что ему пришло въ голову также и то, что не будучи до сей поры опоясанный, онъ на поединокъ могъ вызывать только неопоясанныхъ. Правда, онъ надѣялся что рыцарскій поясъ онъ получитъ изъ рукъ короля во время состязаній, которыя были объявлены во время крестинъ, потому что онъ уже давно заслужилъ его, но что же потомъ? Поѣдетъ онъ къ Юранду изъ Спыхова, будетъ помогать ему, убьетъ кнехтовъ, сколько попадется,— и на этомъ конецъ. Кнехты крестоносцевъ это не рыцари съ павлиньими перьями на головѣ.

А поэтому, видя, что безъ милости Божіей не многое удастся ему, онъ началъ молиться:

«Пошли, Боже, войну съ крестоносцами и съ нѣмцами, которые враги этого королевства и всѣхъ народовъ, прославляющихъ Святое Имя Твое на нашемъ языкѣ. И насъ благослови, а ихъ уничтожь, потому что они скорѣе служатъ сатанѣ въ преисподней, чѣмъ тебѣ, и противъ насъ носятъ ненависть въ сердцѣ своемъ, потому что они сердиты за то, что нашъ король съ королевой окрестилъ Литву, мѣшаетъ ихъ мечамъ убивать твоихъ слугъ христіанскихъ. Накажи ихъ за этотъ гнѣвъ. А я, грѣшный Збышко, каюсь предъ тобой и отъ пяти ранъ твоихъ прошу помощи, чтобы убить трехъ знатныхъ нѣмцевъ съ павлиньими перьями на шляпѣ, что бы ты какъ можно скорѣе послалъ мнѣ ихъ, и въ милосердіи своемъ позволилъ бы мнѣ убить ихъ. И это

потому, что я обѣщалъ эти перья дѣвицѣ Данутѣ, дочери Юранда и твоей слугѣ, въ чемъ поклялся ей своей рыцарской честью.

«А что еще найдется при убитыхъ, я все твоему святому костелу отдамъ въ десятину, чтобы и ты, Христосъ, имѣлъ пользу и славу черезъ меня, и чтобы позналъ, что я искренно давалъ тебѣ обѣтъ, а не попусту. А такъ какъ это правда, то помоги мнѣ. Аминь!»

И по мѣрѣ того какъ онъ молился, сердце его все больше утопало въ молитвѣ—и онъ прибавилъ еще лишній обѣтъ: что послѣ выкупа Богданца онъ отдастъ также на костелъ весь воскъ, который пчелы за годъ въ ульяхъ сложатъ. Онъ надѣялся, что дядя Мацько не воспротивиться этому, а Господь Іисусъ Христосъ особенно будетъ радъ воску, и, желая скорѣе получить его, скорѣе поможетъ ему въ этомъ. Эта мысль показалась ему такой вѣрной, что радость совершенно наполнила ему душу. Теперь онъ почти былъ увѣренъ, что молитва его будетъ услышана, и что война очень скоро начнется, а если и не начнется, такъ все равно его желанія исполнятся. Онъ въ ногахъ и рукахъ почувствовилъ такую силу великую, что въ эту минуту онъ могъ бы ударить одинъ на цѣлую хоругвь. Онъ даже подумалъ, что, прибавивъ Богу одинъ обѣтъ, можно было-бы и Дануси прибавить пару нѣмцевъ! Юношескій пыль толкалъ его на это, но на этотъ разъ благоразуміе взяло верхъ, потому что онъ боялся, чтобы черезмѣрнымъ желаніемъ не истощить терпѣнія Господа Бога.

Но увѣренность его еще выросла, когда послѣ обѣдни и послѣ продолжительнаго отдыха, онъ во время завтрака услышалъ бесѣду аббата съ Анной Данутой.

Въ тѣ времена жены князей и королей, изъ набожности, а также и потому, что магистры орденовъ дѣлали имъ великолѣпные подарки, выказывали большую дружбу крестоносцамъ. Даже набожная Ядвига, пока жила, удерживала руку своего владѣтельнаго мужа, вознесенную надъ ними. Одна только Анна Данута, семьѣ которой они много причинили обидъ, ненавидѣла ихъ всей душой. Поэтому, когда аббатъ спросилъ ее о Мазовшѣ и его дѣлахъ, она начала горько жаловаться на орденъ: «Каковы могутъ быть дѣла государства, у котораго были такіе сосѣди? Развѣ можетъ быть спокойствіе: письмами и послами обмѣниваются, а несмотря на это нельзя быть увѣреннымъ ни въ одномъ днѣ, ни въ одномъ часѣ. Кто вечеромъ ложится спать на границѣ никогда не знаетъ, не проснется-ли онъ въ путахъ, или съ острымъ мечомъ у горла, или съ пылающимъ потолкомъ надъ головой. Ни клятвы, ни печати, ни пергаменты не спасаютъ отъ измѣны. Вѣдь подъ Злоторіей не лучше было, когда среди полнѣйшаго мира князя взяли въ неволю. Крестоносцы думали, что этотъ замокъ можетъ быть для нихъ опаснымъ. Но замки строятся для обороны, а не для нападенія, и какой

князь не имѣетъ права строить или перестраивать ихъ на собственной землѣ? Не примиритъ ордена ни слабый, ни сильный, потому что слабаго презираютъ, а сильнаго желаютъ довести до паденія. Кто имъ сдѣлаетъ добро, тому они отплачиваютъ зломъ. Гдѣ найдется другой такой орденъ, который въ другихъ королевствахъ получилъ-бы столько благодѣяній, какія они получили отъ польскихъ королей, а чѣмъ отплатили? Ненавистью, захватомъ земель, войной и измѣной. И безполезно упрекать ихъ, безполезно жаловаться на нихъ самой столицѣ апостольской, такъ какъ они живутъ въ роскоши и грѣхѣ и даже самого римскаго папу не слушаютъ. Они теперь какъ будто прислали посольство на роды королевы и на ожидаемые крестины, но это только для того, чтобы отвратить отъ себя гнѣвъ могучаго короля за все, что они сдѣлали на Литвѣ. Но въ сердцахъ своихъ они всегда думаютъ о гибели королевства и всего польскаго племени».

Аббатъ почтительно слушалъ и поддакивалъ, а потомъ сказалъ:

— Я знаю, что во главѣ посольства въ Краковъ пріѣхалъ Комтуръ Лихтенштейнъ, братъ Ордена, извѣстнаго рода, очень уважаемый за разумъ и мужество. Можетъ быть всемилостивѣйшая государыня увидитъ его здѣсь, потому что вчера онъ прислалъ мнѣ извѣщеніе, что, желая помолиться нашимъ реликвіямъ, пріѣдетъ въ Тынецъ.

Услыхавъ это, княгиня снова стала жаловаться:

— Люди говорятъ,—и дай Богъ, чтобы это была правда,—что скоро должна быть великая война, въ которой, съ одной стороны, будетъ воевать великое королевство польское и всѣ народы, говорящіе на языкѣ, подобномъ польскому, а съ другой всѣ нѣмцы и Орденъ. Объ этой войнѣ существуетъ предсказаніе какой-то святой...

— Бригиты,—прервалъ ее ученый аббатъ,—восемь лѣтъ тому назадъ она была причислена къ лику святыхъ. Благочестивый Петръ изъ Альвастра и Матвѣй изъ Липкöпинъ списали ея откровеніе, въ которомъ дѣйствительно она предсказывала великую войну.

Збышко отъ радости весь задрожалъ даже, услыхавъ эти слова, и не въ силахъ будучи удержаться, спросилъ:

— А скоро она должна быть?

Но аббатъ, занятый княгиней, не разслышалъ, а можетъ быть только сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ.

А княгиня продолжала:

— Молодые рыцари радуются у насъ ожидаемой войнѣ, но старшіе и болѣе благоразумные такъ говорятъ: «Не нѣмцевъ боимся мы, хоть у нихъ много силы и надменности, не копій ихъ и мечей, но, говорятъ они, реликвій крестоносцевъ боимся мы, потому что противъ нихъ ничто вся сила человѣческая».

Тутъ Анна Данута со страхомъ взглянула на аббата и шепотомъ прибавила:

— Они дѣйствительно имѣютъ дерево отъ Святого Креста: какъже съ ними воевать?

— Имъ прислалъ его король франкскій,—отвѣчалъ аббатъ.

Наступила минута молчанія, и вдругъ раздался голосъ Николая изъ Длуголяса, именуемаго Обухомъ, человѣка бывалаго и знающаго:

— Я былъ въ плѣну у крестоносцевъ,—сказалъ онъ,—и видѣлъ процессіи, во время которыхъ эту великую святыню носили. Но, кромѣ этого, въ монастырѣ въ Оливіи есть много другихъ главнѣйшихъ реликвій, безъ которыхъ орденъ не дошелъ-бы до такого могущества.

Услыхавъ это бенедиктины вытянули шеи и съ огромнымъ любопытствомъ стали разспрашивать говорившаго:

— Разскажите, что тамъ есть?

— Есть кусокъ отъ ризы Пресвятой Дѣвы, — отвѣчалъ Николай изъ Длуголяса,—есть коренной зубъ Маріи Магдалины и головня отъ огненнаго столпа, въ которомъ самъ Богъ Отецъ явился Моисею, есть рука святого Либерія, а сколько костей другихъ святыхъ, такъ пересчитать ихъ не хватило-бы пальцевъ рукъ и ногъ вмѣстѣ...

— Какъ-же съ ними воевать?—со вздохомъ повторила княгиня.

А аббатъ нахмурилъ свой высокій лобъ, и остановившись на минуту, тихо отвѣчалъ:

— Съ ними трудно воевать хотя-бы потому, что они монахи и крестъ на плащахъ носятъ, но если они перешли всякую границу въ своихъ злодѣяніяхъ, то и этимъ реликвіямъ пребываніе среди нихъ можетъ опротивѣть, а въ такомъ случаѣ не только онѣ имъ не придадутъ силы, но онѣ отымутъ ее у нихъ, чтобы попасть въ болѣе благочестивыя руки. Да пощадитъ Богъ христіанскую кровь, но если наступитъ великая война, то и въ нашемъ королевствѣ имѣются реликвіи, которыя будутъ насъ защищать. Голосъ въ откровеніи святой Бригиды говоритъ: «Я опредѣлилъ ихъ пчелами полезными и утвердилъ ихъ на берегу земель христіанскихъ. Но они возстали противъ меня. Потому что они не заботятся о душѣ и не жалѣютъ тѣла тѣхъ людей, которые по ошибкѣ обратились къ вѣрѣ католической и ко мнѣ. И сдѣлали они изъ него невольниковъ и не научаютъ ихъ повелѣніямъ Господнимъ и отнимаютъ отъ нихъ Святое Таинство, присуждаютъ ихъ къ еще бо̀льшимъ мученіямъ адскимъ, чѣмъ, если-бы онъ оставался въ язычествѣ. А войны они ведутъ для распространенія своей власти. Поэтому наступитъ минута, когда зубы ихъ будутъ выбиты и будетъ у нихъ отрублена правая рука, а на правую ногу они будутъ хромать, дабы они познали грѣхи свои».

— Пошли-то Богъ!—закричалъ Збышко.

Другіе рыцари и монахи также набрались храбрости, когда услыхали слова пророчества, а аббатъ обратился къ княгинѣ и сказалъ:

— Поэтому надѣйтесь на Бога, всемилостивѣйшая государыня, потому что ихъ дни сочтены короче чѣмъ ваши, а пока примите съ благодарностью вотъ этотъ ларецъ, въ которомъ находится палецъ отъ ноги святого Птоломея, одного изъ нашихъ покровителей.

Княгиня протянула руки, дрожащія отъ счастья, и преклонивъ колѣно, приняла ларецъ, который сейчасъ-же стала прижимать къ устамъ. Радость княгини раздѣляли и придворные, потому что никто не сомнѣвался, что такой подарокъ принесетъ благословеніе и благополучіе на всѣхъ, а можетъ быть и на все королевство.

Збышко также чувствовалъ себя счастливымъ, потому что ему казалось, что война должна была наступить сейчасъ-же послѣ празднествъ краковскихъ.

IV.

Полдень давно уже миновалъ, когда княгиня вмѣстѣ со всѣми двинулась изъ Тынца въ Краковъ. Въ тѣ времена рыцари, выѣзжая въ большіе города или въ замки, зачастую надѣвали на себя полное боевое вооруженіе. Правда, существовалъ обычай снимать его, какъ только подходили къ воротамъ, къ чему въ замкахъ призывалъ самъ хозяинъ словами освященными обычаемъ: «Снимите вооруженіе, благородные рацари, потому что вы пріѣхали къ друзьямъ,» —но тѣмъ не менѣе выѣздъ «военный» считался самымъ нарядпымъ и подымалъ значеніе рыцаря. Въ виду этого, какъ Мацько, такъ и Збышко одѣлись въ лучшіе панцыри и оплечья, взятые у фризскихъ рыцарей,—блестящіе и по краямъ украшенные продернутой золотой ниткой. Николай изъ Длуголяса, видѣвшій въ своей жизни много свѣта и не мало рыцарей и бывшій хорошимъ знатакомъ всего военнаго, сразу увидѣлъ, что эти вооруженія выкованы медіалонскими кузнецами, самыми лучшими на свѣтѣ, такъ что только самые богатые рыцари могутъ пріобрѣтать подобные, и что каждый изъ нихъ таки порядочно стоитъ. Изъ этого онъ заключилъ, что эти Фризы, должно быть, были знатными людьми въ своемъ народѣ, и съ тѣмъ большимъ почтеніемъ сталъ глядѣть на Мацько и Збышко. Но ихъ шлемы, хотя также не изъ самыхъ худшихъ, не были такъ богаты; а огромные жеребцы, прекрасно покрытые, возбудили общее изумленіе и зависть. И Мацько, и Збышко, сидя на чрезмѣрно высокихъ сѣдлахъ, поглядывали сверху на весь дворъ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ длинное копье, у каждаго былъ съ боку мечъ и сѣкира у сѣдла. Щиты они для удобства отдали на повозку, но и безъ нихъ оба выглядывали такъ, какъ будто они шли на бой, а не въ городъ.

Оба ѣхали по близости того экипажа, въ которомъ на заднемъ сидѣньи сидѣла княгиня съ Данусей, а на переднемъ статная придворная дама Офка, вдова Христіана изъ Яржомбкова и старый Николай изъ Длуголяса. Дануся съ интересомъ поглядывала на желѣзныхъ рыцарей, а княгиня вынимала отъ времени до времени ларецъ съ реликвіями Св. Птоломея и подносила его къ губамъ.

— Мнѣ очень любопытно знать, какія кости находятся внутри,— сказала она, наконецъ,—но я сама не открою, чтобы тѣмъ не оскорбить святого. Пусть это сдѣлаетъ епископъ въ Краковѣ.

На это осторожный Николай изъ Длуголяса отвѣчалъ:

— Эхъ, лучше не выпускать этого изъ рукъ, ужъ слишкомъ это лакомый кусокъ.

— Можетъ быть вы и правы,—сказала княгиня, послѣ нѣкотораго молчанія, а потомъ прибавила:—Давно никто не доставлялъ мнѣ такого удовольствія, какъ этотъ благочестивый монахъ,—этимъ подаркомъ и тѣмъ, что успокоилъ мой страхъ передъ реликвіями крестоносцевъ.

— Онъ умно говорилъ и справедливо,—замѣтилъ Мацько изъ Богданца.—У нихъ и подъ Вильно были различныя реликвіи, и тѣмъ болѣе, что они всѣхъ своихъ гостей хотѣли убѣдить, что воюютъ они съ язычниками. Ну и что-же? Наши увидали, что стоило въ руку плюнуть и топоромъ махнуть, такъ и шлемъ пополамъ, и голова. Святые помогаютъ—грѣхъ говорить другое,—но только справедливымъ, которые ради справедливости, во имя Божіе на битву идутъ. Такъ я и думаю, всемилостивѣйшая государыня, что если они пріѣхали для великой войны, такъ если даже всѣ нѣмцы будутъ помогать крестоносцамъ, мы ихъ побьемъ на поваль, потому что нашъ народъ многочисленнѣе и Господь Іисусъ Христосъ большую силу далъ нашимъ костямъ. А что касается реликвій,—такъ у насъ, въ монастырѣ Святаго Креста, развѣ нѣтъ древа отъ креста.

— Да, это правда, какъ и то, что я люблю Бога, сказала княгиня.—Но у насъ оно остается въ монастырѣ, а они его съ собой возятъ въ битвы.

— Все равно, для могущества Божія нѣтъ разстоянія.

— Да это правда? Разскажите,—какъ спрашивала княгиня, обращаясь къ мудрому Николаю изъ Длуголяса, а онъ отвѣчалъ:

— Этому присягаетъ и каждый епископъ. До Рима далеко, а папа управляетъ міромъ,—а чтоже Богъ?

Слова эти совершенно успокоили княгиню, а потому она начала говорить о Тынцѣ и его великолѣпіи. Въ общемъ Мазуровъ удивляло не только богатство аббатства, но также богатство и красота всей страны, черезъ которую имъ теперь приходилось проѣзжать. Кругомъ были

частыя зажиточныя деревни, при нихъ сады, наполненные фруктовыми деревьями, липовыя рощи, гнѣзды аистовъ на липахъ, а ниже ульи съ соломенными крышами. Вдоль дороги съ одной и съ другой стороны тянулись поля со всевозможнымъ хлѣбомъ. По временамъ вѣтеръ волновалъ еще зеленое море колосьевъ, среди которыхъ часто, какъ звѣзды на небѣ, мелькали головки синихъ васильковъ и ярко-красныхъ маковъ.

Далеко, за полями кое-гдѣ чернѣлъ боръ, кое-гдѣ радовали глазъ дубравы и олешники, утопающіе въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, кое-гдѣ виднѣлись сырые луга съ высокой травой и кружащіе надъ ними чайки, и снова холмы, на склонахъ которыхъ ютились хаты, и снова поля; землей этой очевидно владѣлъ народъ богатый и работящій, любящій земледѣліе и какъ далеко ни простирался взоръ—вся страна не только казалась землей съ молочными рѣками и медовыми берегами, но спокойной и счастливой.

— Это королевское хозяйство, — сказала княгиня — здѣсь только жить и не умирать.

— И Іисусъ Христосъ радуется такой землѣ, отвѣчалъ Николай изъ Длуголяса, - и благословеніе Господне надъ ней; но какъ-же можетъ быть иначе, если тутъ когда ударятъ въ колокола, то нѣтъ такого угла, въ который бы не проникъ ихъ звонъ. Мнѣ извѣстно, что злыэ духи не могутъ этого вынести и должны убѣгать до самой границы венгерской въ густые лѣса.

— Это-то меня и удивляетъ,—заговорила Офка, вдова Христіана, изъ Яржомбкова, — что Вальгержъ Адалой, о которомъ разсказывали монахи, можетъ показываться въ Тынцѣ, гдѣ семь разъ на день звонятъ въ колокола.

Это замѣчаніе встревожило нѣсколько Николая, но, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, Божіи пути неисповѣдимы, а во-вторыхъ, имѣйте въ виду, что каждый разъ онъ испрашиваетъ особенное разрѣшеніе.

— Ахъ! это мнѣ все равно, но я очень рада, что мы не ночуемъ въ монастырѣ. Я бы умерла отъ страха, если-бы мнѣ явился какой-нибудь великанъ изъ преисподней.

— Ну! это неизвѣстно, потому что говорятъ, что онъ очень красивъ.

— Если-бы даже онъ былъ красивѣе всѣхъ на свѣтѣ, я не хочу поцѣловать того, у кого изо-рта сѣрой пахнетъ.

— Ахъ, даже когда о чертяхъ говорятъ,—и тогда у васъ поцѣлуи на умѣ.

Послѣ этихъ словъ княгиня, а за ней и Николай изъ Длуголяса начали смѣяться. Смѣялась по примѣру другихъ и Дануся, не понимая почему, а Офка изъ Яржембкова обратила свое разсерженное лицо къ Николаю и сказала:

— Все-таки лучше онъ, чѣмъ вы.

— Ей! не вызывайте волка изъ лѣса!—отвѣчалъ весело Мазуръ, потому что этотъ чортъ часто шатается по дорогѣ между Краковомъ и Тынцемъ, а въ особенности подъ вечеръ: вдругъ онъ услышитъ васъ и появится предъ вами въ образѣ великана.

— Не накличьте,—отвѣтила Офка.

Но въ эту минуту, Мацько изъ Богданца, который сидя на высокомъ жеребцѣ могъ видѣть дальше, чѣмъ тѣ, что сидѣли въ экипажѣ, натянулъ поводья и сказалъ:

— Ого, ей Богу, что это такое?

— Что?

— Какой-то великанъ выѣзжаетъ изъ-за холма.

— Ахъ, слова эти исполнились!—закричала княгиня.—Не говорите только ничего.

Но Збышко поднялся на стременахъ и сказалъ:

— Ей Богу—это великанъ Вальгержъ и никто другой.

Возница отъ страху остановилъ лошадей и не выпуская изъ рукъ возжей, сталъ креститься, потому что и онъ съ козелъ увидалъ огромную фигуру великана на противуположномъ холмѣ.

Княгиня поднялась и сейчасъ-же опустилась назадъ, съ измѣнившимся отъ безпокойства лицомъ. Дануся спрятала голову въ платье княгини. Придворные и музыканты, которые ѣхали верхами за экипажемъ, услышавъ зловѣщее имя, стали собираться около него. Мужчины какъ будто еще смѣялись, но и у нихъ въ глазахъ читался страхъ; дѣвицы поблѣднѣли, но Николай изъ Длуголяса, который много видывалъ на своемъ вѣку, сохранилъ спокойствіе и желая успокоить княгиню сказалъ:

— Не бойтесь, всемилостивѣйшая государыня. Вѣдь солнце еще не зашло, а еслибы и ночь была, такъ святой Птоломей справится съ Вальгержемъ.

А тѣмъ временемъ неизвѣстный всадникъ, въѣхавъ на продолговатый хребетъ холма, остановилъ коня и не двигался. Его можно было хорошо разглядѣть въ лучахъ заходящаго солнца и дѣйствительно фигура его, казалось, превышала обыкновенные человѣческіе размѣры. Пространство между нимъ и всѣмъ обозомъ княгини равнялась какимъ-нибудь трехстамъ шагамъ.

— Зачѣмъ онъ стоитъ?—сказалъ одинъ изъ музыкантовъ.

— Потому что и мы стоимъ!—отвѣтилъ Мацько.

— Онъ глядитъ на насъ, какъ будто хочетъ кого-нибудь выбрать себѣ,—замѣтилъ другой музыкантъ,—если-бы я зналъ, что это человѣкъ, а не сатана, такъ я подъѣхалъ-бы къ нему и лютней ударилъ-бы его въ лобъ и свалилъ.

Женщины совершенно перепугались и начали громко молиться, а Збышко, желая порисоваться своей храбростью передъ княгиней и Данусей, сказалъ:

— А я такъ поѣду! что мнѣ Вальгержъ!

Услыхавъ это, Дануся почти плача закричала: «Збышко! Збышко!» но онъ тронулъ коня и помчался все быстрѣе и быстрѣе, увѣренный въ томъ, что еслибы даже это дѣйствительно былъ Вальгержъ, то онъ его насквозь пронзитъ копьемъ.

А Мацькс, у котораго было хорошее зрѣніе, сказалъ:

— Онъ кажется великаномъ, потому что стоитъ на высотѣ. Это какой-нибудь рослый молодецъ, но человѣкъ обыкновенный—ничего другого. Эхъ! поѣду-ка и я! чтобы не допустить драки между нимъ и Збышко.

Тѣмъ временемъ Збышко ѣхалъ рысью и размышлялъ сразу-ли выставить копье, или прежде взглянуть какое лицо у этого человѣка, стоящаго на холмѣ. Онъ порѣшилъ сначала посмотрѣть на него и сразу-же убѣдился, что это была болѣе удачная мысль, потому что, по мѣрѣ того какъ онъ приближался, незнакомецъ на глазахъ терялъ свои необыкновенные размѣры. Это былъ огромный человѣкъ и сидѣлъ онъ на огромной лошади, еще болѣе рослой, чѣмъ жеребецъ Збышко,—но онъ не превышалъ человѣческихъ размѣровъ. Онъ былъ безъ вооруженія, въ бархатной шапкѣ, имѣющей форму колокола, и въ бѣломъ полотнянномъ, защищающемъ отъ пыли плащѣ, изъ-подъ котораго выглядывала зеленая одежда. Голова его была обращена къ небу и онъ молился. Очевидно онъ и лошадь остановилъ для того, чтобы кончить вечернюю молитву.

«Эхъ! что это за Вальгержъ!» — подумалъ Збышко.

Онъ доѣхалъ такъ близко, что могъ-бы копьемъ тронуть незнакомца, а этотъ послѣдній, увидавъ предъ собой прекрасно одѣтаго рыцаря, привѣтливо улыбнулся ему и сказалъ.

— Хвала Господу нашему Іисусу Христу!

— Во вѣки вѣковъ.

— Не дворъ-ли это княгини Мазовецкой, тамъ внизу?

— Да.

— Вы ѣдете изъ Тынца?

Но на это отвѣта ужъ не воспослѣдовало, потому что Збышко даже не разслышалъ вопроса. Минуту онъ стоялъ какъ-бы окаменѣвшій, не вѣря собственнымъ глазамъ, когда въ нѣсколькихъ шагахъ за незнакомцемъ онъ увидалъ отрядъ всадниковъ, во главѣ которыхъ, но значительно ближе, ѣхалъ рыцарь, весь одѣтый въ свѣтлую одежду, въ бѣлый суконный плащъ съ чернымъ крестомъ и въ стальномъ шлемѣ съ пышными павлиньими перьями наверху.

— Крестоносецъ!—прошепталъ Збышко и при видѣ всего этого, онъ подумалъ, что молитва его услышана, что Богъ въ милосердіи своемъ посылаетъ ему нѣмца, о которомъ онъ просилъ его въ Тынцѣ, что надо пользоваться милостью Божіей, и когда все это промелькнуло у него въ головѣ, когда онъ пришелъ въ себя отъ изумленія не колеблясь ни минуты, согнувшись въ дугу и издавъ крикъ: «Грады! Грады!»—бросился на крестоносца.

А тотъ также изумился. Онъ остановилъ лошадь, и не наклоняя копья, торчащаго вверхъ отъ самаго стремени, глядѣлъ передъ собой, какъ-бы не увѣренный въ томъ, что онъ видитъ.

— Наклони копье! — кричалъ Збышко, вонзая желѣзные концы стремянъ въ бока лошади.

— Грады! Грады!

Пространство между ними уменьшалось. Крестоносецъ, видя, что нападеніе дѣйствительно направлено на него, стегнулъ коня, опустилъ забрало и уже вотъ-вотъ копье Збышко должно было сломаться о его грудь, какъ вдругъ какая-то могучая рука сломала его въ рукѣ Збышко по самую рукоятку, какъ сухой тростникъ, потомъ та-же рука натянула поводья его лошади съ такой силой, что оно всѣми четырьмя ногами врылась въ землю и остановилась какъ вкопанная.

— Безумный, что ты дѣлаешь!—послышался низкій грозный голосъ:—ты мѣтишь въ посла, короля оскорбляешь.

Збышко оглянулся и увидѣлъ того же самаго исполина, котораго приняли за Вальгержа и который минуту назадъ такъ напугалъ всѣхъ придворныхъ княгини.

— Пусти меня! кто это? закричалъ онъ, хватаясь за сѣкиру.

— Прочь съ сѣкирой!—говорю я,—потому что я свалю тебя съ коня!—еще грознѣе закричалъ незнакомецъ.—Ты оскорбилъ величество короля и тебя судить будутъ.

Потомъ онъ обратился къ людямъ, которые ѣхали за крестоносцемъ и крикнулъ:

— Эй!

Но тѣмъ временемъ подъѣхалъ Мацько съ обезпокоеннымъ и зловѣщимъ лицомъ. Онъ ясно понималъ, что Збышко поступилъ какъ безумный и что все это легко могло погубить его, но тѣмъ не менѣе онъ приготовился къ битвѣ. Вся свита незнакомаго рыцаря и крестоносца едва состояла изъ пятнадцати человѣкъ, изъ которыхъ у однихъ были только копья, у другихъ луки, а потому два совершенно покрытые рыцаря могли съ ними встрѣтиться не безъ надежды на побѣду. Мацько подумалъ также, что если бы имъ въ будущимъ грозилъ судъ, то можетъ быть лучше избѣжать его, не трогать этихъ людей, а потомъ спрятатся гдѣ-нибудь, пока не минетъ буря. Лицо его сморщилось, какъ

пасть волка, готоваго укусить, и вдвинувъ свою лошадь между Збышко и незнакомцемъ, онъ спросилъ, держась за мечъ:

— Кто вы? какое имѣете право?

— Я имѣю право—отвѣчалъ незнакомецъ,—по тому что король поставилъ меня наблюдать надъ спокойствіемъ страны, а зовутъ меня Повала изъ Тачева.

Услыхавъ эти слова, Мацько и Збышко взглянули на рыцаря, спрятали свои мечи и опустили головы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*
* *

На поникшихъ цвѣтахъ задрожала,
Словно жемчугъ, роса.
Торопливо заря догорала,
Золотя небеса.

Блѣдныхъ тучекъ неслись вереницы
Изъ невѣдомыхъ странъ,
Разсѣкалъ золотыя границы
Ихъ нѣмой караванъ.

Свѣтлыхъ образовъ хоръ окрыленный,
Возносясь отъ земли,
Плылъ, въ туманное небо влюбленный,
Чтобъ погаснуть вдали.

І. Ясинскій.

Плоскогорье.

Романъ.

Часть четвертая.

Близкіе и далекіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I.

Андрей былъ на службѣ, когда Нина переѣхала, наконецъ, въ свою комнату,—небольшую, узенькую, какой у нея еще никогда не было. До возвращенія Андрея оставалось нѣсколько часовъ. Нина разложила вещи, разставила и убрала все по своему, и отпустивъ прислугу, которой нѣсколько стѣснялась,—открыла дверь къ Андрею. У него было неуютно и безпорядочно. Нинѣ хотѣлось и здѣсь устроить все по своему, но она еще не рѣшалась касаться его вещей. Въ душѣ ея было радостно и свободно. Свѣтлая задумчивость набѣгала на нее и успокаивала волненіе. Раскладывая и перебирая вещи, она иногда отвлекалась отъ мысли о своемъ новомъ положеніи и потомъ вдругъ точно просыпалась.

Комната полна была солнечнаго свѣта; пыльный воздухъ дымился въ его лучахъ. Давно уже Нина не видѣла солнца въ комнатѣ. И сердце ея радостно вздрагивало, какъ у человѣка, погружающагося въ свѣтлую, прозрачную воду среди жаркаго и душнаго лѣтняго дня. Предыдущіе дни вспоминались ей, словно какая-то горячка. Она столько волновалась, тревожилась, такъ жутко было въ послѣднюю минуту оторваться отъ всего стараго. Но вотъ уже перейденъ этотъ порогъ. Въ душѣ разлита молодая бодрость. Ничего нѣтъ страшнаго впереди. Глав-

ное, никого не бояться, быть увѣренной въ себѣ, въ своей правотѣ, убѣдить въ ней другихъ—не словами, которыхъ они не понимаютъ, а полнымъ спокойствіемъ. Во всякомъ случаѣ, у нея останется нѣсколько друзей: Суровцевъ, Незванова. . Она мало видѣла Незванову за послѣднее время. Незванова занята своимъ дѣломъ, живетъ на Островѣ—въ Гавани, заходитъ изрѣдка и ненадолго, и каждый разъ говоритъ, что ей нужно разсказать о чемъ-то очень интересномъ, о какихъ-то новыхъ знакомствахъ и мысляхъ, но до сихъ поръ все откладывала. Послѣдній разъ, когда онѣ встрѣтились на улицѣ, два дня тому назадъ, Незванова, которая шла не одна, а съ какой-то худенькой, плохо одѣтой женщиной, весело сказала ей:

— Когда мнѣ зайти къ вамъ? Мнѣ непремѣнно нужно повидать васъ.

— Я, кажется, переѣду на новую квартиру,—отвѣтила Нина.— Впрочемъ, я вамъ напишу, и когда вы придете...—Нина вдругъ покраснѣла и засмѣялась.—Ну, тогда я вамъ все скажу..

Она крѣпко и дружески пожала ея руку и пошла дальше, съ мягкимъ и нѣжнымъ чувствомъ къ Незвановой, говоря себѣ, что ее одну она ужъ, навѣрное, не потеряетъ при переходѣ въ новую жизнь. Да, она простая, милая, ясная. Если она за что-нибудь осуждала Нину до сихъ поръ, такъ именно за недостатокъ простоты и твердости. А въ ея теперешнемъ поступкѣ есть и простота, и твердость. Есть, быть можетъ, нѣчто большее: смѣлый и радостный порывъ,—этого Незванова пожалуй не пойметъ... Но она будетъ сочувствовать ей уже потому, что любитъ правду и презираетъ лицемѣрную условность. Она не скажетъ, какъ тетка, что ея поступокъ погубитъ курсы и что она скорѣе должна была разбить свою жизнь, чѣмъ допустить въ обществѣ нареканіе на бывшую курсистку.

Нина засмѣялась, вспомнивъ волненія и крики тетки. Чувство молодой и бодрой рѣшимости снова охватило ее. Она подошла къ столу и написала Незвановой. Короткая записка, всего нѣсколько строкъ, — Незванова сразу все пойметъ изъ нея. Она и такъ должна была обо всемъ догадываться, еще съ весны, съ послѣдняго разговора передъ отъѣздомъ. Нина такъ и написала: «Мой новый адресъ все скажетъ вамъ, неправда-ли? Вы почти единственная, на которую я разсчитываю въ моей новой жизни».

Нина едва дописала записку, какъ въ передней раздался звонокъ и она услышала голосъ Андрея. Она остановилась, ожидая его на порогѣ своей и его комнаты. Андрей сощурился, точно отъ слишкомъ яркаго солнечнаго свѣта,—и въ его комнатѣ также весело играло теперь солнце. Она смотрѣла, какъ онъ подходилъ къ ней, и не шевелилась. И опять сердце трепетало у нея, какъ у человѣка, сошедшаго въ хо-

лодную, прозрачную воду. Даже сознаніе на минуту затуманилось и дыханіе захватило,—она не находила ни одного слова, чтобы встрѣтить Андрея. Онъ смотрѣлъ на нее такъ серьезно и сосредоточенно и съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что Нина вдругъ не выдержала.

— Ты точно не узнаешь меня!—воскликнула она и бросилась ему на шею.

— О, какъ это глупо! Зачѣмъ я плачу? — говорила она сквозь смѣхъ, прижимаясь щекой къ его лицу.—Какой ты холодный! У тебя холодное лицо... Развѣ такой морозъ?.. Я не замѣтила, когда ѣхала сюда... Я ужъ совсѣмъ устроилась.—Она отклонилась и заглянула ему въ лицо. Онъ былъ взволнованъ и глаза его блестѣли. — Что-жъ ты не говоришь ничего?.. точно ты не радъ...

— Развѣ я не радъ?

Голосъ его прозвучалъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ самъ не зналъ, радость или не радость было то волненіе, которое онъ испытывалъ, идя сюда, и которое стѣснило его сердце, когда онъ увидѣлъ ее на порогѣ только что открытой двери изъ сосѣдней комнаты.

— Пойдемъ-же! — Она тащила его за руку и онъ крѣпко сжалъ ея руку своими похолодѣвшими пальцами.—Садись сюда! Ты видишь, я переставила все по своему! Правда хорошо?..—Она прижалась къ его плечу, потомъ опять заглянула ему въ лицо. — Почему у тебя такіе грустные глаза?—прошептала она, измѣнившись.

Онъ закрылъ глаза рукой.

— Нина, какая ты! развѣ ты не знаешь... У всякаго по своему... И потомъ у меня голова болитъ.

— О!

Въ ея восклицаніи прозвучало не только сочувствіе къ его боли, но и собственная душевная боль отъ сознанія, что онъ радъ по-другому, чѣмъ она, и что его радость не была такой полной. Сердце у нея упало. Она хотѣла положить ему на лобъ свою руку, но не рѣшилась, подумавъ, что, можетъ быть, ему будетъ это непріятно. Ей стало больно при мысли, что ея чувство не соотвѣтствовало его настроенію и что всѣ ея поступки могли показаться ему слишкомъ шумными. И грусть незамѣтно подкралась къ ней, грусть, смѣшанная съ нѣжностью и жалостью къ нему. Если-бы можно было высказать ему это чувство безъ словъ, безъ движеній, еслибъ онъ понялъ самъ! Ему стало-бы легче, казалось ей. Она глядѣла на его лобъ, на его волосы, и его близость, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, который позволялъ видѣть мельчайшія морщинки его кожи, по новому волновала ее. У нея начинало биться сердце отъ желанія поцѣловать его, прижаться къ нему. Онъ открылъ глаза и улыбнулся.

— Ты смотришь мнѣ на лобъ, я чувствую.

— Ты чувствуешь!

Она засмѣялась счастливымъ смѣхомъ. Онъ долженъ былъ все чувствовать безъ словъ. Она раскраснѣлась и съ ребяческой шаловливостью быстро забралась на диванъ съ ногами.

— Послушай, вотъ что... Нѣтъ я забыла, что хотѣла сказать...

У нея было что-то серьезное въ душѣ, но мысль о томъ, что лишнія слова мѣшаютъ, связывала ее.

— Что же?—сказалъ онъ и поймалъ ея руку.

— Нѣтъ, ничего... какіе-то пустяки... Кажется, я хотѣла тебя спросить...—Она начала смѣяться.—Кажется, насчетъ обѣда... Видишь, какіе пустяки!.. Я не знаю, какъ это будетъ. Вѣдь, мы-же будемъ все-таки обѣдать? Я съ утра ничего не ѣла.

— Конечно, пойдемъ къ Мильбрету.

Онъ весело поднялся.

— Къ Мильбрету? А, ну что-жъ!.. пойдемъ.

— Тебѣ, кажется, не хочется туда? Что ты подумала?

— Я тебя тамъ встрѣтила.

— Развѣ это препятствіе?—Андрей улыбнулся.

— Послушай!—она хотѣла ему сказать, что она счастлива тѣмъ, что онъ улыбается: онъ такъ рѣдко улыбался. Но и это показалось ей лишнимъ.

— Нѣтъ, ты подумала еще что-то... Тебѣ не хочется идти туда?

Нина покраснѣла.

— Кажется, ты меня поймалъ... я подумала, что тамъ обѣдаетъ Колонтаровъ.

— Колонтаровъ? тебѣ непріятно встрѣтиться съ нимъ теперь?

— Нѣтъ, какой вздоръ! Пойдемъ, пойдемъ.

— Можно въ другое мѣсто,—сказалъ Андрей.

— Нѣтъ, туда, пожалуйста! И ты увидишь, какъ я съ нимъ раскланяюсь,—воскликнула Нина съ новымъ порывомъ рѣшимости.

Онъ серьезно взглянулъ на нее и пошелъ къ двери. Нина остановила его почти на порогѣ.

— Послушай, я страшно счастлива,—прошептала она.

Андрей мелькомъ взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

«Вотъ, лучше было-бы не говорить!»—подумала Нина. Она чувствовала, что ея слова стѣсняютъ его, а потому эти слова оставляли въ ней самой чуть замѣтный слѣдъ сожалѣнія и грусти. «У всякаго по-своему!» повторила она мысленно, какъ-бы убѣждая себя не забывать этого.

II.

— Что ты будешь дѣлать сегодня?—спросила Нина, входя вечеромъ того-же дня въ комнату Андрея.

— Ничего особеннаго. У меня тутъ есть одна книга, которую я не дочиталъ... А что?

Андрей всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Она долго смотрѣла на него, потомъ перешла на диванъ и, прикрывъ глаза, задумалась. Лампа издали освѣщала ея склоненную голову. Андрей порывисто подошелъ къ ней и опустилъ руки на ея плечи. На его вискахъ вздулись жилки.

— Не смотри такъ,—проговорила Нина, слегка волнуясь.

— Нина, я еще не привыкъ къ тому, что ты тутъ, со мной...

Онъ опустился подлѣ нея съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и, неловко захвативъ ея руки, хотѣлъ привлечь ее къ себѣ.

— Нѣтъ, не надо... теперь, Андрей, милый,—сказала Нина, неровнымъ голосомъ.—Перенеси сюда лампу. Я хочу видѣть тебя, говорить. Который часъ?

Она покраснѣла, осторожно освободила свою вздрагивающую руку и забралась въ другой уголъ дивана. Маятникъ часовъ щелкалъ за тонкой стѣной. Минуты уходили, тихія, блаженныя. Нина провела рукой по глазамъ, на которые набѣжалъ туманъ, и взглянула на Андрея.

— Вотъ хотѣла говорить и молчу. У меня въ головѣ такой сумбуръ сегодня... точно во снѣ... У тебя не болитъ больше голова?

— Нѣтъ, кажется не болитъ.

Она тихо засмѣялась.

— Что ты?—Онъ улыбнулся ей почти одними глазами.

— Ты сказалъ: кажется не болитъ. Если ты не чувствуешь, значитъ не болитъ.

— Нѣтъ. Я такъ привыкъ къ этому, что иногда не замѣчаю.

Нина стала серьезной.

— Ты обращался къ доктору? Я замѣтила, что ты не ѣшь ничего...

По его лицу пробѣжала тѣнь, глаза потускнѣли.

— Что съ тобой?—сказала она испуганно.

— Ахъ, Нина, неужели всѣ женщины говорятъ объ этомъ?

— О чемъ?

Нина вдругъ догадалась, что онъ сравнивалъ ее съ кѣмъ-то изъ прошедшаго и у нея захолонуло въ сердцѣ. Она облокотилась на столъ и долго сидѣла, задумавшись, отгоняя отъ себя грусть, которая сегодня была особенно болѣзненна. Взволнованная рѣзкой перемѣной жизни, она

готова была принять самое мимолетное ощущеніе грусти за какое-то недоброе предзнаменованіе. Она чувствовала малѣйшій свой промахъ и ей было больно, что ея почти безпредѣльная осторожность въ обращеніи съ Андреемъ все таки не давала ей возможности уберечь себя и его отъ тягостныхъ ощущеній. Ей казалось теперь, что за одинъ этотъ день она пережила страшно много, что у нея явился опытъ, котораго раньше не было. И въ душѣ шевелилась тревога... Андрей коснулся ея руки. Она порывисто обернулась и встрѣтила его взглядъ, неподвижный, затуманенный. На лбу его опять выступали жилки.

Это было такъ неожиданно, что она чуть не расплакалась.

— О, Андрей, воскликнулъ она, склонившись къ нему.

— О чемъ ты думала? У тебя такое выразительное лицо,—сказалъ Андрей робко.

Она тихонько высвободилась, почувствовавъ себя разгоряченной.

— О чемъ я думала?.. о, такъ много!.. Мысли бѣгутъ такъ скоро... Вотъ видишь... мнѣ еще недавно казалось, что я тебя знаю. Но теперь, сегодня, я почему-то каждую минуту чувствую, что ты—другой...

— Какъ другой?

— Другой чѣмъ я, непохожій. Нѣтъ, не смотри такъ, Андрей. Я вижу, что ты не понимаешь меня. Пойми, я хочу все знать, всего тебя, твою душу, потому что иначе... какъ-же быть, чтобы... чтобы, однимъ словомъ, не огорчать тебя, чтобы ты понялъ, какъ я тебя люблю.

Она стремительно протянула къ нему свои тонкія сухія руки.

— Я и такъ знаю, Нина.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты говоришь о томъ, что я пришла къ тебѣ, оставила все тамъ... Но, вѣдь, это-же такъ просто. А я хочу цѣлую жизнь, всегда быть съ тобой, помогать тебѣ.

— Въ чемъ помогать?.. Нина, не будемъ говорить объ этомъ. Умоляю тебя! У меня сегодня неясно въ головѣ, вѣдь, и у тебя тоже... ты сама сказала...

— О, да, правда... У меня страшный сумбуръ... Ну, не смотри-же такъ грустно, развеселись...—Она довѣрчиво придвинулась и улыбнулась.—Послушай, я не разсказала тебѣ... Эта недѣля была такая сумасшедшая. Мнѣ казалось, что если я потеряю хоть день, меня не пустятъ къ тебѣ... Это глупо, конечно! Кто смѣлъ-бы меня не пустить! Но ты представить себѣ не можешь, какой скандалъ подняла тетка!.. — Наговорила, будто меня и тебя сошлютъ или засадятъ... И это тетка, съ ея либеральными мыслями!.. Андрей, тебя разстраиваетъ это?.. Но вѣдь я сейчасъ-же поняла, что это вздоръ, и я даже рада этому переполоху, потому что я знаю теперь, что у меня, у насъ, есть настоящій другъ.

— Другъ? Кто это?

— Суровцевъ. Онъ такъ мило все объяснилъ мнѣ, и такъ хорошо, такъ просто отнесся...

— Суровцевъ? Этотъ адвокатъ? При чемъ онъ?—перебилъ Андрей, вспыхнувъ, и невольно снялъ съ своего плеча руку Нины.

— Что съ тобой, Андрей? Ну, я не буду разсказывать. — Нина покраснѣла до слезъ.—Я стала говорить, потому что не хотѣла имѣть на душѣ ничего такого, что ты не зналъ-бы, — проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Онъ, кажется, самъ ухаживалъ за тобой, этотъ господинъ!

— Да, смущенно отвѣтила Нина. — Но вѣдь ты-же помнишь, Андрей, ты-же помнишь, какъ все это было, когда онъ взялъ билеты, чтобы ѣхать со мной въ театръ, а я... убѣжала къ тебѣ....

Она заслонила глаза рукой.

Андрей встрепенулся. Острая нѣжность шевельнулась въ немъ при воспоминаніи о ихъ первомъ сближеніи.

— Нина! — окликнулъ онъ и сильнымъ, увѣреннымъ движеніемъ отвелъ отъ лица ея руку.

Она посмотрѣла на него загорѣвшимися смущенными глазами.

— Ну, не будемъ говорить о томъ, что непріятно. Я не хочу ни о чемъ думать. Я хочу быть счастлива сегодня...—прошептала она дрогнувшими губами и охвативъ руками его голову, стала цѣловать его лицо. Все забылось...

III.

Вернувшись съ прогулки. Нина вошла въ комнату Андрея.

— Тамъ письмо, барышня. Барину или вамъ, я ужъ забыла... На столѣ положено.

Нина подумала, что это письмо было отъ жены Андрея, и въ связи съ этой уколовшей ее мыслью, обращеніе прислуги, называющей ее барышней, показалось ей особенно непріятнымъ.

«Вѣроятно, она по своему осуждаетъ меня», подумала Нина и направилась къ столу Андрея. Ее тянуло взглянуть на письмо, увидѣть этотъ незнакомый почеркъ. Она была теперь совершенно увѣрена почему-то, что это письмо отъ жены Андрея, отвѣтъ на его письмо: онъ долженъ былъ написать ей обо всемъ, онъ навѣрно написалъ,—и сердце ея непріятно, тоскливо сжималось при этой мысли. Но, подойдя къ столу, Нина съ изумленіемъ остановилась. На конвертѣ съ адресомъ извѣстной петербургской гостинницы и съ городской маркой, она узнала крупный разбросанный почеркъ своего дяди, Павла Ивановича.

— Что это?

Она взяла письмо, нѣсколько разъ перечла адресъ съ величайшимъ недоумѣніемъ, какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ, и вдругъ поблѣднѣла. Онъ пріѣхалъ сюда, онъ все знаетъ,—потому и пріѣхалъ. Тетка написала... А она сама только все собиралась написать отъ себя, успокоить, убѣдить ихъ въ своей правотѣ, и вотъ... Холодный потъ выступилъ у нея на лбу. Ей стало ясно, что могъ писать Павелъ Ивановичъ Андрею: какое-нибудь грубое оскорбленіе или еще хуже...

Нина сидѣла съ письмомъ въ рукахъ, и ноги, и руки ея холодѣли. Мучительная тошнота безпокойства душила горло. Вдругъ она поднялась и рѣшительнымъ движеніемъ оборвала край конверта. Надо знать... Она никогда не допуститъ... Изъ-за нея!.. Бѣшенство противъ всей своей семьи поднялось въ ней. И онъ! Послѣ того, какъ онъ измѣнилъ ей ради какой-то... Она почувствовала отвращеніе къ этому человѣку, который когда-то любилъ ее и теперь пріѣхалъ разрушать ея счастье.

Она пробѣжала письмо. Руки ея такъ дрожали, что буквы прыгали въ глазахъ. Но смыслъ былъ ясенъ: онъ требовалъ Андрея къ себѣ для объясненій.

— Я поѣду, я!—воскликнула она, смявъ и швырнувъ письмо на полъ.

Нѣтъ, это комната Андрея. Онъ придетъ и можетъ найти. Она заставила себя поднять письмо и разорвала его въ мелкіе клочки. Вотъ, вотъ! Чтобы и слѣда не осталось... отъ всей этой подлости. Поѣхать и сказать ему, что онъ не смѣетъ, что онъ недостоенъ сказать двухъ словъ съ Андреемъ.

Она торопливо одѣлась и выбѣжала на улицу. Извощикъ, котораго она взяла, ѣхалъ, казалось ей, недостаточно скоро. Она сердилась и убѣждала его поторопиться.

— Здѣсь, здѣсь, стой! Господинъ Украинцевъ въ какомъ номерѣ?

Большая парадная лѣстница, расторопные швейцары и лакеи.

— Пожалуйте,—въ бельэтажъ, вторая дверь направо.

Нина, запыхавшись, взбѣжала по лѣстницѣ и сильно постучала въ дверь.

— Войдите.

Хриплый голосъ показался чужимъ изъ-за двери. Нина остановилась, переводя дыханіе. Она не знала, что скажетъ. Гнѣвъ и отвращеніе душили ее. Въ комнатѣ послышались поспѣшные, рѣшительные шаги. Она сама распахнула дверь и остановилась на порогѣ. Павелъ Ивановичъ попятился, увидѣвъ ее. Она стояла съ поблѣднѣвшими, сжатыми губами и смотрѣла на него, не находя словъ. Ей казалось, что онъ пьяный или сумасшедшій,—такіе у него были мутные глаза, съ красными жилками на бѣлкахъ. Располнѣвшее красное лицо, посѣдѣвшіе волосы. Такимъ она видѣла его послѣдній разъ, лѣтомъ. Тогда онъ былъ ей жалокъ, теперь ненавистенъ.

— Какъ-же это? Тебѣ сказали, что я здѣсь? — заговорилъ онъ, смущенно бѣгая глазами, и пошелъ ей навстрѣчу, протягивая руку.

Она отстранилась и не дала руки. Языкъ онѣмѣлъ, а сердце быстро и тревожно тикало, словно карманные часы. Павелъ Ивановичъ измѣнился въ лицѣ, еще гуще покраснѣлъ и вдругъ засмѣялся:

— Что-жъ, пожалуйте, моя милая племянница... Садитесь!

Онъ отодвинулъ для нея кресло у преддиваннаго стола, на которомъ стояла пустая бутылка и стаканъ вина.

Нина безсильно опустилась въ это кресло. Ей становилось почти дурно и, стараясь овладѣть собой, она осматривала большой просторный номеръ съ бархатной мебелью и драпировками. Павелъ Ивановичъ спустилъ зачѣмъ-то драпировку у алькова.

— Что-же это? Въ гости ко мнѣ?—заговорилъ онъ вдругъ, рѣшительно подходя къ столу.—Или, можетъ быть, этотъ джентльмэнъ послалъ васъ объясняться со мной?

Нина поднялась.

— О комъ это вы говорите? Я пришла... Я прочла ваше письмо, потому что оно попало въ мои руки, и пришла вамъ сказать, что я не допущу...

— Чего, собственно, не допустишь? Въ толкъ не возьму! — проговорилъ Павелъ Ивановичъ хриплымъ срывающимся голосомъ и оглянулся кругомъ, ища графинъ съ водой. Графинъ былъ пустой. Онъ приподнялъ его замѣтно-дрожащей рукой, поставилъ на мѣсто, выпилъ остатки вина изъ стакана и уронилъ его на полъ.

— Разбился!—Павелъ Ивановичъ нервически разсмѣялся.—Такъ, что такое вы изволите говорить?

— Вы не слышали! Я сказала, что... что не допущу, потому что вы права не имѣете!

— Позвольте, милая племянница, я, вѣдь, не вамъ писалъ. Съ дѣвицами на эту тему не объясняются.

Нина не узнавала его срывающагося фальшиваго голоса. Въ этомъ человѣкѣ ничего не осталось отъ того дяди Поля, какимъ она знала его прежде.

— Зачѣмъ вы пріѣхали сюда?—испуганно вскрикнула она.—Какъ вы смѣете! И какъ вы могли узнать... я даже не понимаю.

Павелъ Ивановичъ сѣлъ и уставился на нее мутными глазами.

— Вы слышите, я не позволю вамъ оскорблять.

— Оскорблять?—переспросилъ Павелъ Ивановичъ, точно въ бреду.

— Да.

— Позвольте, мой другъ, я не оскорблять, а смыть оскорбленіе... Дѣло чести... Въ нашемъ роду такого случая, можно сказать... Ниночка, что съ тобой?

Онъ бросился къ ней: у нея на минуту голова закружилась такъ сильно, что она пошатнулась. Она оттолкнула его отъ себя.

— Не смѣйте!—вскрикнула она.—Вы должны уѣхать, слышите? Я не могу понять, какъ папа допустилъ, чтобы вы пріѣхали! Я ихъ всѣхъ знать не хочу! Если я, по ихъ мнѣнію, поступила дурно, такъ я не дочь имъ больше! Но вы... вы... по какому праву, я васъ спрашиваю? Даете вы мнѣ слово, что уѣдете?

— Нѣтъ-съ. Не женское дѣло... Вы тутъ лицо пострадавшее...

Павелъ Ивановичъ тяжело и шумно дышалъ. Глаза его остановились.

— А, вотъ вы какъ думаете!

Нина вся похолодѣла отъ сознанія своего безсилія.

— Послушайте... Если вы это сдѣлаете, если вы... я убью себя! И вы... должны знать, что вы мнѣ гадки—слышите, и что я васъ презираю, какъ... какъ низкую тварь!—крикнула она внѣ себя и безъ оглядки побѣжала изъ комнаты.

IV.

Не зная, что дѣлать, куда броситься, чтобы предотвратить несчастье, Нина, едва держась на ногахъ, остановилась у подъѣзда отеля. Убѣдить Андрея, чтобы онъ не принималъ вызова, доказать ему, что это безсмысленно, не нужно... Она не представляла себѣ, что думалъ объ этомъ Андрей, какъ онъ поступитъ, и ужасъ возможнаго кровопролитія бросалъ ее въ холодъ. Нѣтъ, она сама должна сдѣлать что-нибудь, чтобы помѣшать. «Суровцевъ!» мелькнула у нея мысль. У нея былъ этотъ другъ, недавній, но, кажется, надежный. Она сейчасъ же взяла извощика къ Суровцеву.

Въ гостиной адвоката сидѣли посторонніе люди: это былъ его пріемный часъ. Нина написала нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и послала ему въ кабинетъ съ лакеемъ. Невозможно было отложить это дѣло. Ей казалось, что Павелъ Ивановичъ уже ѣдетъ въ это время туда, къ нимъ, къ Андрею.

— Аркадій Павловичъ просятъ васъ въ столовую. Они сейчасъ выйдутъ,—доложилъ лакей.

Ожидая Суровцева въ столовой, Нина такъ волновалась, что не могла сидѣть на мѣстѣ. Онъ, навѣрно, уже ѣдетъ...

— Что случилось?—заговорилъ Суровцевъ, быстро входя въ столовую.

— Ахъ, Аркадій Павловичъ, вы не можете себѣ представить...

— Садитесь!

Онъ озабоченно, мягко потянулъ ее за руку на стулъ и самъ сѣлъ близко отъ нея, черезъ уголъ стола.

— Мой дядя пріѣхалъ, Украинцевъ... Онъ хочетъ... дуэль... Вы понимаете, изъ-за меня, изъ-за того, что я теперь...

— Не волнуйтесь, пожалуйста, моя дорогая! Выпейте воды!.. Я не совсѣмъ понимаю, однако. Вы говорите, вашъ дядюшка?..

— Да. дядя Поль... Украинцевъ... Вы его помните? Вы видѣли его одинъ разъ,—когда вы были у насъ въ деревнѣ.

Суровцевъ сосредоточенно надѣлъ пенснэ, какъ будто оно помогало ему видѣть въ дали прошедшаго.

— Припоминаю. Онъ, кажется, старикъ, довольно желчный... Нужно, однако, узнать, дѣлаетъ-ли онъ это съ вѣдома вашего батюшки.

— Я не знаю, право. Мнѣ не до этого было, когда я говорила.

— Какъ? вы объяснялись съ нимъ сами?..

— Да, я прочла письмо и поѣхала... Но, вѣдь, это все равно... Надо скорѣе!

Нина растерянно посмотрѣла на стѣнные часы. Суровцевъ взглянулъ на карманный хронометръ и сдѣлалъ движеніе головою въ сторону пріемной.

— У васъ пріемъ? Вы не можете поѣхать сейчасъ?

Нина съ трудомъ удерживала слезы при мысли, что единственный человѣкъ, на котораго она разсчитывала, отказывался помочь ей.

— Нѣтъ, это пустяки! Мнѣ тутъ только одного господина надо сплавить... Но я не вполнѣ понимаю, въ какомъ смыслѣ вы хотите, чтобъ я...

— Поѣхать къ нему, убѣдить его! Нельзя же допустить... Онъ убьетъ его, я чувствую!—вскрикнула Нина и зарыдала.

— Ради Бога, мой другъ!.. Что это? Вы принимаете все это дѣло слишкомъ въ серьезъ. Самая обыкновенная исторія... формальности...

— Нѣтъ, это очень серьезно. Вы не знаете всего, Аркадій Павловичъ! Я не могу теперь... Время идетъ и...

— Тутъ есть, очевидно, какія-то осложненія... Я долженъ ознакомиться.

Суровцевъ остановился.

— Вотъ что: позвольте мнѣ только отпустить этого господина, котораго я бросилъ въ кабинетѣ. Я скажу остальнымъ, что сегодня не имѣю возможности продолжать пріема. Вы подвезете меня къ вашему дядюшкѣ и дорогой...

— Благодарю васъ!—горячо перебила Нина.

— Пустяки.—Онъ схватилъ протянутую ему руку и налету поцѣловалъ ее. Подождите здѣсь. Двѣ-три минуты—не больше. Выпейте воды и успокойтесь.

Онъ торопливо пошелъ въ кабинетъ. Нина, нѣсколько успокоенная надеждой, ждала. Но время тянулось нестерпимо медленно. Пять, десять

минутъ прошло прежде, чѣмъ Суровцевъ вернулся. Лицо у него было озабоченное, но какъ бы довольное.

— Отпустилъ. Поѣдемте.

Дорогой Нина безсвязно и взволнованно разсказывала Суровцеву свой разговоръ съ дядей.

Сани, поскрипывая на морозѣ, быстро неслись. Фонари мелькали навстрѣчу.

— Странный человѣкъ! Повидимому, онъ не совсѣмъ нормаленъ,— замѣтилъ Суровцевъ.— Признаюсь, мнѣ все-таки неясно,—почему изъ всѣхъ вамъ близкихъ именно онъ принялъ такъ къ сердцу вашу судьбу?

Нина не отвѣтила.

— Онъ любилъ меня,—промолвила она, наконецъ, какъ бы говоря сама съ собою. Голосъ ея прозвучалъ тихо, словно изъ глубины.

— А! Это мѣняетъ дѣло.

Сани остановились у отеля.

— Ну, поѣзжайте домой! Я пріѣду къ вамъ,—проговорилъ Суровцевъ, торопливо выходя изъ саней, и побѣжалъ въ ярко освѣщенное крыльцо подъѣзда.

V.

— Нѣтъ, ты неправа, Нина! Въ это нельзя вмѣшиваться, — проговорилъ Андрей, и лицо его хмурилось и подергивалось.

— А что же, по твоему, лучше, чтобъ онъ оскорбилъ тебя? И потомъ...

Андрей нервно закурилъ папиросу, но сейчасъ же швырнулъ ее на полъ.

— А теперь это не оскорбленіе, — то, что тебѣ приходится загораживать меня, прикрывать?

— О, какъ ты не понимаешь!

Голосъ Нины звучалъ надорванно.

Я это предчувствовала. Надо было скрыть,—думала она.—Но какъ скрыть, когда все на виду, каждая минута жизни. Пришлось бы говорить съ Суровцевымъ. и Андрей все равно узналъ бы. Какъ онъ долго не ѣдетъ, Суровцевъ. Нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они разстались у подъѣзда отеля. Что это можетъ означать? Опасность все еще висѣла надъ нею. Но самое мучительное, самое безнадежное было то, что Андрей не одобрилъ ея поведенія.

— Но, вѣдь, ты же долженъ понять,—начала она слабымъ голосомъ, тяжело переводя дыханіе.—Я вижу, что человѣкъ готовъ Богъ знаетъ на что...—Она съ трудомъ удерживалась отъ слезъ, которыя подступали къ горлу.—И ты бы принялъ вызовъ?

— А по твоему, я долженъ былъ бы отказаться!

— И сталъ бы стрѣлять въ него?

Глаза Андрея горѣли сухимъ недобрымъ блескомъ.

— Да почему я знаю, наконецъ!

— Значитъ, вы стоите другъ друга!—тихо выговорила она, похолодѣвъ отъ негодованія.

— Всѣ люди стоятъ другъ друга. Я никогда не выдавалъ себя за героя добродѣтели.

У Нины стали дрожать руки. Лицо и губы блѣднѣли.

Онъ сжалъ виски руками, и пошелъ въ другой конецъ комнаты. Слезы покатились изъ глазъ Нины. Она встала и быстро подошла къ нему:

— Что съ тобой?

— Ничего, оставь!—Онъ отвернулся.

— Андрей, развѣ ты не понимаешь. что твоя жизнь...

— Что моя жизнь?

— Что ее нельзя изъ-за какой-нибудь глупости... что она нужна! настойчиво и страстно проговорила Нина.

Онъ взглянулъ на нее.

— Ты думаешь?

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!—подумала Нина. Мучительная жалость къ Андрею и досада на это меланхолическое и безсильное отношеніе къ своей жизни смѣшались въ ея душѣ. Онъ одинъ существовалъ для нея въ эту минуту, ему одному вся жизнь, вся ея любовь...

Вдругъ раздался громкій звонокъ.

— Суровцевъ!..

Нина бросилась въ переднюю.

— Аркадій Павловичъ!—сказала она и, не имѣя силъ спросить что-нибудь, отворила дверь въ свою комнату.—Войдите, войдите...

Суровцевъ вошелъ, не снимая холодной шубы и шапки, и нерѣшительно перевелъ духъ.

— Что же, вы видѣли его?—крикнула Нина и оглянулась на неплотно прикрытую дверь въ комнату Андрея.

— Да. Только видите ли... Не пугайтесь, пожалуйста,—той опасности нѣтъ... Но только... Я не засталъ вашего дядюшку.

— Какъ не застали?—беззвучно прошептала Нина.

— Видите-ли, онъ былъ, очевидно, въ ненормальномъ состояніи, какъ вы, впрочемъ, и говорили.—Суровцевъ остановился.—Я надѣюсь, вы не были особенно близки, и это извѣстіе, не такъ ужъ... Онъ покончилъ съ собой, вашъ дядюшка.

Нина посмотрѣла на Суровцева долгимъ помутившимся взглядомъ и пошатнулась.

VI.

Нина открыла глаза и пришла въ сознаніе. Она ничего не почувствовала, кромѣ легкаго холода, который бѣжалъ дрожью по всему тѣлу. Аркадій Павловичъ стоялъ противъ Андрея и вполголоса, съ таинственными и озабоченными интонаціями, переговаривался съ нимъ.

Застрѣлился... — отчетливо разслышала Нина. Но ей казалось, что она все знаетъ, какъ будто она только что была тамъ. На серьезныхъ остановившихся глазахъ Андрея дрогнули рѣсницы.

— Я уже былъ у тетушки Нины Сергѣевны. Она дала знать родственникамъ. Вообще, я сдѣлалъ все, что могъ. Надѣюсь, что въ этомъ дѣлѣ не произойдетъ никакихъ осложненій.

— Осложненій?

— Онъ не оставилъ никакой записки, какъ это дѣлаютъ обыкновенно самоубійцы. Мнѣ бы хотѣлось устроить такъ...

Суровцевъ понизилъ голосъ и взглядомъ далъ понять Андрею, что хочетъ говорить съ нимъ въ другой комнатѣ. Андрей поморщился и вышелъ. Но Суровцевъ обернулся къ Нинѣ. Она невольно приподнялась и только теперь замѣтила, что сидитъ на диванѣ съ отстегнутыми верхними пуговками платья. Подлѣ нея была подушка, которую принесли ей съ постели.

— Вамъ лучше?—озабоченно спросилъ Аркадій Павловичъ.

— Да. Не безпокойтесь, пожалуйста!

Нина съ трудомъ, чуть слышно выговорила эти слова.

— Не дать-ли вамъ чего-нибудь? Можетъ быть, позвать дѣвушку?

— Нѣтъ, не надо,—вы хотѣли говорить о чемъ-то.

И она равнодушно откинулась къ спинкѣ дивана. Ей стало вдругъ противно, что о ней такъ заботятся, что она проявила такую слабость. Суровцевъ оглянулся на нее еще и еще разъ, и на цыпочкахъ вышелъ въ комнату Андрея. Нинѣ хотѣлось быть одной. Въ головѣ и глазахъ была тяжесть, точно послѣ глубокаго сна. Но голосъ Суровцева, раздававшійся за стѣною, неуловимыя слова разговора волновали ее.

«Это глупо. Я должна все знать», подумала она и хотѣла пойти туда, но тяжесть въ ногахъ мѣшала подняться, и она осталась. Лихорадочная дрожь пробѣгала по спинѣ и разливалась по всему тѣлу.

... Батюшка Нины Сергѣевны,—явственно услышала она черезъ полуоткрытую дверь.

Да, вѣдь, они пріѣдутъ, подумала Нина. Отецъ, можетъ быть, братъ, знакомые—всѣ тамъ соберутся. И всѣ будутъ думать, что это изъ-за нея, изъ-за того, что она ушла отъ нихъ. Страхъ по-

редъ скандаломъ, передъ разговорами о томъ, о чемъ было не нужно и гадко говорить, мутилъ ея душу.

— Нѣтъ, по счастью, я первый узналъ объ этомъ. Это дало мнѣ возможность предпринять кое-что для упрощенія дѣла, — послышались слова Суровцева, который, очевидно, увлекся разговоромъ. Отвѣтныя слова Андрея нельзя было разобрать.—Прямо въ цѣль, сюда,— сказалъ Суровцевъ и, громко вздохнувъ, прибавилъ:—Вы понимаете, если ударъ вѣрно направленъ, это дѣло одной минуты.

Теперь Нина поняла, что она не можетъ достаточно ясно представить себѣ всего, что тамъ было,—какъ ей это показалось въ первую минуту, когда она пришла въ себя послѣ дурноты. Ей необходимо было зачѣмъ-то ясно представить себѣ все, что тамъ было. Она безпокойно поднялась и прежде, чѣмъ выйти, поправила волосы передъ зеркаломъ, но въ ту же минуту съ содраганіемъ подумала: я еще могу смотрѣться въ зеркало! Что это такое? Точно тяжелый, твердый кусокъ льда въ груди. Она вялой нетвердой походкой подошла къ двери и остановилась на порогѣ.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете?—тревожно заговорилъ Суровцевъ, направляясь къ ней.

— Я хотѣла бы поѣхать туда,—сказала она.

— Туда? Господь съ вами! Зачѣмъ?

— Я хочу видѣть.

— Полноте, дорогая моя. Что за идея! Вѣдь, завтра вамъ, навѣрно, предстоитъ эта тяжелая обязанность. Вы должны бы, напротивъ, подкрѣпиться за ночь. На васъ лица нѣтъ. Андрей Васильевичъ, скажите Нинѣ Сергѣевнѣ, что она въ самомъ дѣлѣ должна поберечь себя.

Аркадій Павловичъ обернулся къ Андрею, какъ бы приглашая его повліять на Нину.

— Нина Сергѣевна сама должна рѣшить, какъ ей надо поступить,—отозвался Андрей.

Суровцевъ передернулъ плечами.

— Конечно. Вообще, это очень щекотливо мѣшаться въ такія дѣла, сказалъ онъ обидчиво и обратился опять къ Нинѣ—Какъ хотите, но, право, я не понимаю васъ, мой другъ. Все улажено, теперь ночь, съ какой стати мучить себя?

— Да я вовсе не мучусь, — громко и раздражительно сказала Нина и вышла въ свою комнату. Ей стало гадко. Она закрыла дверь и досадливо повернула ключъ, потомъ легла на диванъ и прижалась къ подушкѣ грудью. За стѣной раздавались шаги и голоса, потомъ къ ней вошла черезъ переднюю дѣвушка и съ скромной ласковостью предложила помочь ей раздѣться.

— Нѣтъ, не надо, благодарю васъ,—отвѣтила Нина, и когда дѣвушка ушла, она заплакала. Ей казалось, что она плачетъ только отъ того, что дѣвушка тронула ее своимъ простымъ участіемъ. Но слезы бѣжали все сильнѣе, тихій плачъ переходилъ въ острыя рыданія. Въ двери ея постучались. Она ничего не сказала и затихла. Опять раздавались шаги и голоса за стѣной. Нина слышала ихъ въ тяжелой дремотѣ. Потомъ Суровцевъ уѣхалъ. Андрей затворилъ за нимъ дверь. Нина подумала, что онъ сейчасъ же зайдетъ къ ней и ждала этого. Говорить она не могла, но еслибы онъ просто посидѣлъ въ этой комнатѣ, ей было бы легче. Андрей прошелъ прямо къ себѣ. Ей казалось, что она совсѣмъ одна въ цѣломъ мірѣ со своею душевною тяжестью. Она сбросила платье, которое душило ее, но тяжесть все болѣе давила. Нина заснула на диванѣ глубокимъ мертвымъ сномъ.

Ночью она вдругъ проснулась. Въ комнатѣ было темно. Должно быть, лампа выгорѣла и потухла. Въ домѣ и на улицѣ стояла тишина. Что случилось? Дядя Поль? Она ясно увидѣла въ темнотѣ его образъ— не такимъ, какимъ онъ былъ сегодня, но похожимъ,—какимъ она видѣла его послѣдній разъ въ Знаменкѣ и какимъ представляла его себѣ съ тѣхъ поръ. Мысли закружились у нея. Дядя Поль все стоялъ передъ глазами и при видѣ этого постарѣвшаго, возбужденнаго лица и дрожащихъ рукъ, она содрагалась, невольно узнавая въ немъ черты прежняго дяди Поля, съ умиленнымъ и восторженнымъ взглядомъ.

— Онъ любилъ меня,—сказала Нина и вздрогнула отъ своего голоса. Вдругъ она сразу поняла, что его уже не было, что онъ лежитъ теперь холодный. И ужасъ словно толкнулъ ее въ бездну. Ей показалось, что она падаетъ внизъ головой среди глубокой тьмы. Нѣсколько разъ подрядъ повторилось это ощущеніе..., она опрокидывается внизъ головой и падаетъ... Нина закричала слабымъ сдавленнымъ крикомъ и приподнялась въ холодномъ поту. Кругомъ было темно и тихо.

— Андрей!—закричала она испуганно.—Андрей, Андрей!

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось движеніе. Но ей стало отъ этого только еще страшнѣе. Долго никто не шелъ. Потомъ раздались шаги. Андрей вошелъ, со свѣчей въ рукахъ, совсѣмъ одѣтый.

— Что съ тобой?—сказалъ онъ.

— Мнѣ страшно. Побудь со мной.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ и сѣлъ вдали отъ нея.

— Пойди сюда. Мнѣ страшно.

Онъ не шевельнулся.

— Ты не хочешь подойти ко мнѣ?

— Успокойся, Нина.

Она закрыла лицо холодными руками и долго лежала неподвижно.

— Иди,—сказала она, наконецъ, слабымъ голосомъ.—Извини, что я разбудила тебя.

Онъ ничего не отвѣтилъ, взглянулъ на нее и медленно вышелъ, оставивъ свѣчу.

VII.

На другой день, ослабѣвшая и разбитая, Нина пріѣхала въ гостинницу къ панихидѣ. Она входила съ нервнымъ трепетомъ, ожидая, что сейчасъ же увидитъ умершаго, застрѣлившагося дядю. Но въ комнатѣ ей прежде всего бросились въ глаза духовенство, Вѣра Ермолаевна, Суровцевъ, отельная прислуга. Въ центрѣ всѣхъ этихъ собравшихся людей было что-то жуткое и чуждое,—но не дядя...

— Начинать прикажите?—спросилъ священникъ и сталъ облачаться.

— Вотъ, мой другъ, какъ все кончается!—шептала Вѣра Ермолаевна, наклонившись къ Нинѣ и сжимая ея руку.

Началась панихида, и Нина впала въ какое-то безчувственное недоумѣніе. Торжественный обрядъ, съ мерцаніемъ восковыхъ свѣчей, съ блескомъ серебряныхъ галуновъ на черныхъ ризахъ, заслонялъ смерть. Душистыя, дымныя волны ладана и стройный хоръ пѣвчихъ наводили забытье. Нина все смотрѣла туда, куда обращены были взоры всѣхъ присутствующихъ. На черномъ ступенчатомъ катафалкѣ стоялъ глазетовый гробъ съ кистями по угламъ, а въ немъ лежала большая кукла, съ желтымъ лицомъ, нижняя часть котораго была прикрыта ватой. Это лицо не было лицомъ дяди Поля...

— Удивительно поютъ эти пѣвчіе! —шептала Вѣра Ермолаевна, вздыхая и вытирая глаза.—Я распорядилась, чтобы все было какъ слѣдуетъ. Покойникъ любилъ это. Несчастный человѣкъ! До чего довела его жизнь. Говорятъ, онъ пріѣхалъ сюда безъ копѣйки и посылалъ за какими-то ростовщиками.

«Она не знаетъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ»,—подумала Нина.

Вѣра Ермолаевна крестилась, становилась на колѣни и плакала. А Нина стояла не шевелясь у стѣны съ мертвеннымъ, застывшимъ лицомъ.

— Нинѣ Сергѣевнѣ надо было-бы отдохнуть,—сказалъ по окончаніи панихиды Суровцевъ тѣмъ почтительнымъ сдержаннымъ голосомъ, какимъ разговариваютъ при покойникахъ.

— Я думаю увезти Нину къ себѣ. Къ чему всѣ эти счеты, размолвки? Когда подумаешь...

Вѣра Ермолаевна сокрушенно покачивала головой, а Нина думала, что все это непріятно и фальшиво, потому что тетка почти не знала покойнаго. Ей хотѣлось уѣхать домой, но она точно потеряла всякую волю и, когда Суровцевъ сталъ уговаривать ее поѣхать къ теткѣ, она согласилась. Весь этотъ день она ни минуты не оставалась одна. Къ

теткѣ приходили разныя дамы, и Вѣра Ермолаевна всѣмъ разсказывала одно и то-же про несчастнаго Украинцева, который окончилъ жизнь самоубійствомъ, запутавшись въ долгахъ.

Послѣ вечерней панихиды, возвратясь домой, Нина вошла въ комнату Андрея. Онъ лежалъ на постели, но сейчасъ-же поднялся и молча перешелъ къ столу.

— Тебѣ нездоровится?—спросила Нина.

— Нѣтъ, пустяки.

«Вотъ ужъ второй день, что онъ не смотритъ мнѣ въ глаза»,—подумала она. Послѣ необычнаго, суетливаго дня у тетки, послѣ двухъ панихидъ, она была утомлена. Въ ушахъ все звучали панихидные напѣвы, густые голоса священника и дьякона. «Во блаженномъ успеніи вѣчный покой... усопшему рабу твоему, болярину Павлу»... Платье, закапанное воскомъ свѣчи, пропиталось тяжелымъ запахомъ ладана. Нинѣ хотѣлось тишины, но остаться въ одиночествѣ она не рѣшалась. Она чувствовала, что въ ней шевелятся жуткія и мучительныя мысли. Андрей не оборачивался. Нинѣ хотѣлось-бы, чтобы онъ успокоилъ ее, отвлекъ отъ впечатлѣній этого дня, и его безмолвіе казалось ей обиднымъ равнодушіемъ. Она всегда думала раньше, что въ тяжелыя минуты любовь должна быть поддержкой и утѣшеніемъ. И то, что она сознавала себя именно теперь совсѣмъ одинокой, было неожиданно и страшно. Безпокойство заставило ее заговорить.

— Андрей!

Онъ отложилъ книгу и обернулся, но опять не посмотрѣлъ ей въ глаза.

Она не находила словъ. Ея внутренняя тревога была еще смутная и расплывчатая, какъ дымныя волны ладана.

— Я хотѣла спросить, ты не пойдешь на похороны?

— Нѣтъ.

Видно было, что ему тяжело говорить. Нина долго молчала.

— Тебѣ не жаль его!—сказала она задумчиво.

— Я его не зналъ.

— А прежде?—хотѣла сказать Нина, но вспомнила, что Андрей пережилъ когда-то отъ покойнаго тяжелую обиду. Неужели онъ и теперь имѣетъ въ душѣ злое чувство противъ него? Не зналъ! Да, конечно. Вся жизнь разная. Оттого онъ и не можетъ понять всего, что чувствуетъ она.

Андрей поднялся и пошелъ по направленію къ постели, но сейчасъ-же вернулся.

— Ты хочешь лечь? Я мѣшаю тебѣ?

— Нѣтъ.

«Почему онъ стѣсняется меня, точно чужой?» — Нина сдержала вздохъ, встала и пошла въ свою комнату.

Звонокъ въ передней и голосъ Суровцева перебили ея мысли. Ей было пріятно, что онъ пріѣхалъ. Она чувствовала къ нему благодарность за его заботливое участіе.

— Войдите, Аркадій Павловичъ,—сказала Нина, притворяя дверь въ комнату Андрея.—Я очень рада, что вы заѣхали.

Суровцевъ поцѣловалъ ея руку.

— Вотъ что, мой другъ. Я на одну минуту. У меня сегодня вечеромъ еще тысяча дѣлъ. Я заѣхалъ только предупредить васъ. Видите-ли, мнѣ не удалось-таки вполнѣ освободить васъ отъ непріятнаго безпокойства. Вѣроятно, вамъ задастъ нѣсколько вопросовъ слѣдователь.

— Ахъ, какъ это непріятно!.. Неужели нельзя...

— Вотъ затѣмъ-то я и пріѣхалъ. Вы должны имѣть въ виду, что необходимо подчеркнуть его пристрастіе къ алкоголю.

— Нѣтъ,—сказала Нина рѣшительно.

— Но, вѣдь, это совершенная правда, дорогая моя. Я понимаю, родственныя чувства и все такое. Я сдѣлалъ все, отъ меня зависящее...

— Что вы сдѣлали?

Нинѣ было противно все, о чемъ онъ говорилъ.

— Боже, какъ вы волнуетесь! Поймите-же меня. Покойный не оставилъ никакой записки, въ этотъ день у него были люди, и наконецъ вы сами,—за какіе-нибудь полъ-часа до того, какъ его нашли...

— Вы говорите,—перебила Нина задыхаясь,—вы говорите, послѣ моего посѣщенія?

— Да. Вѣдь, тутъ все очень ясно. Вы сами сказали мнѣ,—Аркадій Павловичъ скромно опустилъ глаза,—вы дали мнѣ понять, что его чрезмѣрное волненіе находилось въ связи...

— О, какой ужасъ, какой ужасъ!—воскликнула Нина, вставая.—А я и не подумала объ этомъ!

— Позвольте, но, вѣдь, это...

— Это изъ-за меня!—потому что я сказала... сказала ему что-то страшное, гадкое! Это я его...

— Боже милосердый! Неужели вы думаете, что кто-нибудь могъ-бы осудить васъ? Вы защищали того, кому вы вручили свою судьбу.

— Не говорите этого, Аркадій Павловичъ! Уйдите, умоляю васъ! Ради Бога! Дайте мнѣ побыть одной!

— Я уйду, уйду... Вамъ необходимо спокойствіе. Но мнѣ страшно оставить васъ въ такомъ состояніи одну.

— Я не одна...

— Андрей Васильевичъ дома?—спохватился Суровцевъ.

— Да, да, онъ дома.

Суровцевъ простился.

Боже мой! Это все я, я надѣлала, — съ ужасомъ говорила себѣ Нина. И я еще осуждала Андрея за какія-то его недобрыя чувства. А онъ, можетъ быть понялъ, что я одна виновата... Ей хотѣлось броситься къ Андрею, выплакать передъ нимъ все свое отчаяніе.

Она отворила дверь. Андрей лежалъ на постели, закрывъ глаза. Нина остановилась. Нѣтъ онъ нездоровъ, и онъ ничего не найдетъ сказать ей. Она одинока и никому, рѣшительно никому не нужна.

VIII.

— Такъ вотъ какія событія!—сказала Незванова и задумалась, глядя на снопъ солнечнаго свѣта, идущій отъ окна.—Если-бъ вы написали мнѣ раньше, я-бы пришла.

— Я, вѣдь, писала вамъ—помните, двѣ недѣли тому назадъ?

— Да, правда. Но то ваше письмо было такое счастливое. Я и подумала, что нечего торопиться.

Лицо Незвановой было спокойно, несмотря на участіе, которое она высказывала Нинѣ по поводу ея горя. Солнечный четырехугольникъ, падавшій отъ окна, захватывалъ колѣни Незвановой, ярко освѣщая сѣренькое бежевое платье, сшитое еще болѣе простымъ и старомоднымъ фасономъ, чѣмъ прежде, и мѣстами тщательно подштопанное. Нина, въ траурѣ, съ осунувшимся, измученнымъ лицомъ, сидѣла въ углу дивана, отворачиваясь отъ солнца.

— Вы, кажется, Лидія Степановна, окончательно отдались утѣшенію несчастныхъ и меня записали въ ихъ число?—сказала Нина съ раздражительной насмѣшливостью.

— Полноте, Нина Сергѣевна! Что вы это? У васъ нервы разстроены.

И Незванова посмотрѣла такимъ яснымъ и серьезнымъ взглядомъ, что Нина устыдилась. Нѣтъ, правда, въ ней нѣтъ никакого благотворительнаго лицемѣрія. Она дѣйствительно простая и хорошая.

— Послушайте, Лидія Степановна,—заговорила она,—я имѣю къ вамъ просьбу, очень серьезную. Можно разсказать вамъ подробно?

— Еще-бы. Что за церемоніи!

— Вотъ, видите-ли, я теперь въ очень затруднительномъ положеніи. Тутъ былъ мой отецъ, на похоронахъ дяди. Онъ очень не доволенъ моимъ... моимъ поступкомъ,—нерѣшительно выговорила Нина. Съ начала свиданія она избѣгала говорить съ Незвановой о своемъ новомъ положеніи.—Вы понимаете,—продолжала она, запинаясь,—мой отецъ человѣкъ старыхъ дворянскихъ традицій... Онъ горячился и даже... попрекнулъ меня смертью дяди... потому что мой дядя...—онъ собственно пріѣхалъ сюда, чтобы драться на дуэли... изъ за меня! — прибавила Нина скороговоркой, послѣ нѣкотораго колебанія.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула Незванова.

— Это васъ удивило?

— Нѣтъ, я знаю, конечно, какъ это все бываетъ. Но за послѣднее время я такъ отошла отъ всѣхъ этихъ ужасовъ. У насъ тамъ совсѣмъ другія несчастія. Вотъ наводненіе послѣднее, — бѣднота, голодъ.

— Да. Наводненіе... — Нина кинула на Незванову смущеный взглядъ.

— Я слушаю. Вы говорите, что у васъ вышли непріятности съ отцомъ?

— Да. И я сказала отцу, что не хочу брать у него ни копѣйки денегъ, что не хочу имѣть съ нимъ ничего общаго.

— Зачѣмъ-же вы такъ рѣзко сказали?

— Развѣ человѣкъ можетъ взвѣшивать каждое слово, Лидія Степановна!

— Нѣтъ, не взвѣшивать, но если-бъ у людей было побольше доброты и любви другъ къ другу...

Что это она все говоритъ о любви къ людямъ? — подумала Нина. Прежде она всегда говорила просто о дѣлѣ... — Ясные сѣрые глаза Незвановой свѣтились какой-то новой мыслью и заботой, но круглое лицо было попрежнему невыразительно и спокойно.

— Чѣмъ-же я могу помочь вамъ? — участливо спросила Незванова.

— Я хотѣла попросить васъ найти мнѣ какую-нибудь работу, потому что, вы понимаете, я осталась безъ средствъ. Не могу-же я жить на средства Андрея Васильевича!

— Я думаю, вашъ отецъ только погорячился. Онъ, навѣрное, будетъ очень сожалѣть и попроситъ попрежнему принимать то, что онъ посылалъ вамъ.

— Нѣтъ, Лидія Степановна. Я не могу вамъ всего объяснить, но это невозможно, — раздражительно сказала Нина. — Право, я не ожидала, что вы будете такъ разсуждать. Вы сами столько разъ смѣялись надо мною, называя меня барышней, а теперь, когда я хочу начать самостоятельную жизнь... Я не могу жить такъ, какъ жила прежде. Все равно, мнѣ и дѣло какое-нибудь нужно. Я сижу здѣсь полъ-дня въ одиночествѣ. Съ ума можно сойти отъ тоски! — сказала Нина, въ порывѣ волненія нечаянно изливъ всѣ мысли и чувства, которыя накопились у нея въ душѣ за послѣднее время.

— Это ужъ совсѣмъ другое дѣло, объ этомъ я и сама думала, — отозвалась Незванова. — Сколько разъ я васъ вспоминала за послѣднее время. Вы знаете, я этимъ лѣтомъ была въ Воронежѣ... Ахъ, Нина Сергѣевна, вотъ-бы вамъ въ этотъ міръ окунуться! Вы тутъ хандрите да жизнь свою проклинаете...

— Что-же было въ Воронежѣ? — перебила Нина.

— Вы читали послѣднее сочиненіе Толстого?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно.—Мнѣ теперь некогда. А пріѣзжайте ко мнѣ какъ-нибудь въ воскресенье я вамъ все разскажу и съ людьми нѣкоторыми познакомлю. Право, это будетъ очень полезно для васъ. Который теперь часъ?

— Четыре,—отвѣтила Нина, взглянувъ на свои дорогіе часики. Надо будетъ продать ихъ,—подумала Нина.

Незванова заторопилась уходить.

IX.

— Ну, что, мой другъ, какъ вы?—говорилъ Аркадій Павловичъ, здороваясь съ Ниной.—Вы просто безпокоите меня своимъ нездоровымъ видомъ. Вамъ бы нужно было развлечься. Вы не можете держаться предразсудковъ, которые запрещаютъ въ траурѣ даже такія невинныя развлеченія, какъ напримѣръ музыка.

— У меня нѣтъ здѣсь рояля,—кротко отвѣтила Нина.

— Я думалъ собственно о концертной музыкѣ, но и рояль взять напрокатъ совсѣмъ не дорого. Хотите, я вамъ устрою?

— Нѣтъ, Аркадій Павловичъ, я вамъ очень благодарна, я не могу,—взволнованно сказала Нина.—У меня денегъ совсѣмъ нѣтъ,— прибавила она вполголоса.

Суровцевъ вскинулъ глазами.

— Скажите,—заговорилъ онъ, ближе подвинувъ свой стулъ и понизивъ голосъ.—Будемъ говорить откровенно.—вы знаете, какъ я вамъ преданъ. Развѣ вашъ... развѣ Андрей Васильевичъ такъ плохо обезпеченъ? Онъ, кажется, служитъ въ транспортной конторѣ?

— Это Колонтаровъ служитъ въ транспортной конторѣ,—отвѣтила Нина съ обидой.

— Колонтаровъ? кто такое Колонтаровъ? Ахъ, да. Я все путаю эти мѣста службы. Мы, люди вольныхъ профессій...

— Я отлично понимаю,—перебила Нина, вспыхнувъ,—что это неважно, гдѣ человѣкъ служитъ и что, пожалуй, можно забыть, смѣшать. Но, Андрей Васильевичъ... онъ совершенно не похожъ...

Она поднялась отъ волненія и безсознательно направилась къ двери, въ комнату Андрея, чтобы притворить ее.

— Меня очень огорчаетъ, что вы такъ дурно поняли меня, Нина Сергѣевна,—смиренно заговорилъ Суровцевъ.—Право, я не заслужилъ того, чтобы вы такъ запальчиво защищали отъ меня того, кому оказало довѣріе ваше сердце.

— Но вы заговорили въ такомъ странномъ тонѣ, Аркадій Павло-

вичъ,—сказала Нина, нѣсколько смягчившись и опять переходя къ столу, подлѣ котораго сидѣлъ Суровцевъ.

— Въ тонѣ стараго друга!—отозвался Суровцевъ съ нѣжнымъ упрекомъ,—друга, который отъ всей души желаетъ вамъ счастья и которому довелось не мало видѣть, не мало пережить на своемъ вѣку! «Не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ!...»—какъ сказалъ нашъ безсмертный поэтъ. Вашъ случай не первый на моихъ глазахъ, дорогая моя, и признаюсь... меня смущаетъ ваша нервность. Событія послѣдняго времени неизбѣжно должны были бросить печальную тѣнь на вашу жизнь, а между тѣмъ вы нуждаетесь въ бодрости и энергіи. Для того, чтобы нести свой крестъ...

Нина поморщилась.

— Почему вы говорите о крестѣ, Аркадій Павловичъ? Точно въ моемъ... въ моемъ поступкѣ есть какое-то самоотреченіе, или я не знаю, что. Я сдѣлала это для себя, потому что хотѣла этого, потому что я... потому что Андрей Васильевичъ очень замѣчательный человѣкъ, и я готова на все... со всѣми порвать.

Аркадій Павловичъ испытующее и, какъ показалось Нинѣ, недовѣрчиво взглянулъ на нее.

— У васъ, кажется, вышли непріятности съ вашимъ батюшкой?—замѣтилъ онъ.

— Я разошлась со своимъ отцомъ.

Аркадій Павловичъ вздохнулъ.

— Да, это вѣчныя недоразумѣнія между отцами и дѣтьми. Что прикажите... Но это не на долго, я надѣюсь.

— Нѣтъ, — грустно отозвалась Нина.—Еслибъ онъ осуждалъ только... однимъ словомъ, мою жизнь,—то, что я живу такъ...—пояснила она, склонившись головой къ столу,—можетъ быть онъ, дѣйствительно, примирился бы. Но мы разошлись... потому что онъ сталъ рѣзко говорить объ Андреѣ Васильевичѣ. Онъ никогда не пойметъ его, онъ не способенъ... Я не хочу дурно говорить о своемъ отцѣ,—перебила она самое себя, покраснѣвъ.

— Но онъ, конечно, смягчится съ теченіемъ времени,—отвѣчалъ Суровцевъ успокоительно.—Наконецъ, возможно вліяніе на него, посредничество. Я былъ бы очень радъ съ своей стороны, пользуясь пріятельскими отношеніями...

— Благодарю васъ, Аркадій Павловичъ,—сказала Нина съ горькой усмѣшкой.—Но я боюсь. Я не знаю.. Вы сами... мнѣ кажется, думаете объ Андреѣ Васильевичѣ не такъ, какъ надо. Его трудно понять, потому что жизнь его сложилась такъ...

Нина говорила тихо, не глядя на Суровцева, въ мягкомъ взволнованномъ тонѣ, въ которомъ вылилась вся ея любовь къ Андрею, ея

скрытое, постоянно возростающее безпокойство. Она взглянула мелькомъ на Суровцева сквозь набѣжавшія слезы и застѣнчиво отвернулась.

— У Андрея Васильевича были всегда большія литературныя способности, — продолжала она, — а между тѣмъ... вы знаете, какъ это бываетъ.

— Да, да. Мнѣ-ли не знать? Эта сутолока жизни, борьба за существованіе, игра самолюбій... Сколько талантливыхъ людей погибло на моихъ глазахъ!

— Вы говорите, погибло, Аркадій Павловичъ! — воскликнула Нина съ безпокойствомъ. — Но вѣдь, Андрей Васильевичъ... онъ еще молодъ... и вообще... — Наконецъ, неужели же я ничего не могу для него!...

Она забыла на минуту о присутствіи Суровцева, но сейчасъ же опомнилась.

Суровцевъ поднялся.

— Да, да, любовь прекрасной женщины много значитъ въ жизни человѣка. Это половина судьбы. Это можетъ быть вся судьба, потому что, въ концѣ концовъ, все зависитъ отъ того, кто находится подлѣ насъ. Женщина можетъ потопить человѣка, но она же можетъ поднять его на горнюю высоту, сдѣлать героемъ. И повѣрьте, не мнѣ сомнѣваться въ томъ, что тотъ, кому вы отдали свою жизнь, имѣетъ рѣдкое счастье, рѣдкій источникъ вдохновенія...

Нина молча посмотрѣла на него благодарными просіявшими глазами.

Аркадій Павловичъ протянулъ руку.

— Вы уходите? — сказала она съ удивленіемъ.

— Да, я долженъ летѣть. Но вы знаете, что по первому вашему зову я всегда буду у васъ. Стоитъ вамъ черкнуть два слова.

Суровцевъ ушелъ, а Нина, оставшись одна, задумалась. Въ самомъ дѣлѣ, онъ правъ. Такъ много зависитъ отъ нея...

Она встала, отворила дверь въ комнату Андрея и, увидѣвъ его лицо, освѣщенное лампой, съ давно неиспытанной нѣжностью подошла къ нему и положила ему на голову свою руку.

— Что ты? — сказалъ онъ удивленно и мягко, снимая ея руку, и поднялъ къ ней лицо.

— Андрей! Мнѣ кажется, я такъ давно не видѣла тебя. Я живу подлѣ и точно одна. Андрей! Я... я люблю тебя.

Онъ все смотрѣлъ недоумѣвающими глазами въ ея возбужденное, поблѣднѣвшее лицо.

— Я хочу, чтобы ты... Что ты тутъ дѣлалъ?

— Я? — Онъ всталъ и повернулся спиной къ столу.

Нина обернулась. На столѣ лежала газета.

— Вотъ видишь, я читалъ «Новое Время». Это очень прозаично, но совсѣмъ не стыдно, а между тѣмъ твой вопросъ смутилъ меня.

Онъ усмѣхнулся. Нина опустила голову.

— Да, правда,—сказала она.—У меня были совсѣмъ другія мысли. Это такъ странно. Мы живемъ вмѣстѣ, а между тѣмъ... настроенія не совпадаютъ.

— Да.

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Полно, Нина. Зачѣмъ ты такъ смотришь на меня?

— Андрей, мнѣ страшно, что я ничего не составляю для тебя. Я хочу... пойми же! Она крѣпко сжала его руки. Я хочу, чтобы ты... чтобы всѣ понимали, цѣнили тебя.

— Зачѣмъ ты думаешь о другихъ, Нина?—Въ голосѣ его прозвучало неудовольствіе.—У тебя съ дѣтства была эта черта: думать о томъ, что скажутъ другіе.

Это замѣчаніе укололо ее.

Она отстранилась, но не выпустила его руки: ей казалось, что если она теперь выпуститъ ее, ихъ разногласіе сдѣлается похожимъ на ссору.

— Я думаю только о тебѣ,—сказала она.

Онъ ничего не отвѣтилъ и внимательно посмотрѣлъ на нее. И ей показалось, что эти ясные каріе глаза опять какъ прежде, давно, не выражаютъ, а только заслоняютъ его душу.

X.

Въ одну изъ субботъ зимняго сезона Нина уѣхала съ Суровцевымъ въ симфоническій концертъ. Андрей былъ одинъ. Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и, перемогая нездоровье, заставлялъ себя думать о томъ, о чемъ онъ обязанъ былъ думать сегодня.

Днемъ, вернувшись со службы, онъ нашелъ на столѣ письмо отъ жены. Онъ сейчасъ-же спряталъ его въ карманъ, не желая, чтобы его видѣла Нина. Но Нина уже видѣла письмо. Андрей понялъ это, когда она вошла, чтобы звать его обѣдать—по неувѣренности ея голоса, по безпокойному блеску глазъ и, наконецъ, по тому, что она избѣгала смотрѣть на столъ, гдѣ только что передъ тѣмъ лежало это письмо,—съ отчетливымъ почтовымъ штемпелемъ.

— Мнѣ не хочется обѣдать,—сказалъ онъ.

Нина хотѣла что-то отвѣтить, но сдержалась и молча вышла. Черезъ полчаса она вошла опять, одѣтая, чтобы идти на улицу.

— Ты такъ и не пойдешь?

— Нѣтъ, мнѣ сегодня нездоровится.

— Какъ хочешь.

Она постояла, сжавъ губы, потомъ быстро спустила вуаль и пошла одна. Только тогда, когда за ней закрылась выходная дверь, Андрей вынулъ и сталъ читать письмо жены. Нѣсколько разъ онъ останавливался, и кровь бросалась ему въ голову. Вотъ,—это заслуженное наказаніе ему! Мѣсяцъ прошелъ, цѣлый мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ съ Ниной, и Анюта еще не знала объ этомъ. Нѣсколько разъ онъ собирался написать ей, но кончилъ тѣмъ, что послалъ половину своего мѣсячнаго жалованья, при краткомъ извѣщеніи, что надѣется посылать ей деньги съ этихъ поръ аккуратно каждый мѣсяцъ. Объясненіе онъ отложилъ до другого раза, когда будетъ въ настроеніи. Но стоило ему вспомнить о женѣ, какъ онъ начиналъ чувствовать слабость и разсѣянность въ мысляхъ. Теперь Анюта, получивъ деньги, извѣщала его, что надѣется черезъ нѣсколько дней выѣхать въ Петербургъ—повидаться съ нимъ.

Андрей долго сидѣлъ ошеломленный, приниженный, со стыдомъ и страхомъ въ душѣ...

Теперь онъ имѣлъ передъ собою цѣлый свободный вечеръ: ему стало легче, когда онъ узналъ, что Нина уѣзжаетъ въ концертъ съ Суровцевымъ,—за это время онъ успѣетъ обдумать и написать письмо Анютѣ.

Нѣсколько разъ онъ брался за перо и сейчасъ-же клалъ его. Чѣмъ больше онъ искалъ словъ, тѣмъ больше расплывались его мысли. То, что онъ хотѣлъ объяснить ей, было сложно и неуловимо; то, что можно было сказать въ короткихъ и рѣшительныхъ фразахъ, было грубо, обидно для нея и противно ему самому. Сказать ей, что онъ никогда не любилъ ее и, уѣзжая, даже не думалъ вернуться къ ней, а теперь сошелся съ другой женщиной по любви? Онъ не могъ написать ей этихъ обидныхъ словъ, правдивыхъ и въ то-же время не передающихъ правды. Онъ не узнавалъ въ нихъ самого себя, своей внутренней жизни. Развѣ онъ хотѣлъ обманывать ее, когда говорилъ, уѣзжая, что возьметъ ее къ себѣ! Развѣ онъ лгалъ, когда писалъ весной, послѣ смерти дѣвочки, что хотя не можетъ въ настоящее время ни поѣхать къ ней, ни позвать ее къ себѣ, но что онъ помнитъ ее, страдаетъ съ ней и всегда будетъ свято чтить въ ней свою жену, мать своего единственнаго умершаго ребенка. Такъ онъ думалъ, чувствовалъ и тогда, когда писалъ Нинѣ, прося ее пріѣхать и увѣряя, что все останется по прежнему. Но потомъ все это стало мертвымъ, безсмысленнымъ и невозможнымъ... Прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ измѣнилъ свою жизнь сообразно съ этими новыми, незамѣтно возникшими и созрѣвшими чувствами,— и душа опять мѣнялась, находили сомнѣнія, тревога за Нину, сознаніе, что и ей онъ не можетъ дать никакого счастья. Эта тревога уже входила въ его отношенія съ Ниной, прорывалась въ его

безмолвныхъ взглядахъ, мѣшала ему видѣть Нину въ прежнемъ радостномъ свѣтѣ. О чемъ же и какъ могъ онъ писать Анютѣ?

— Баринъ, чай пить сейчасъ будете, или барышню подождете?— спросила, открывъ дверь, дѣвушка.

— Нѣтъ, я подожду,—сказалъ Андрей, вздрогнувъ, и посмотрѣлъ на часы. Нина могла пріѣхать каждую минуту, а письмо не написано...

Раздавшійся звонокъ бросилъ его въ жаръ и холодъ. Онъ поднялся, прислушиваясь къ голосамъ въ передней. На него напалъ страхъ, что это уже пріѣхала Анюта. Нѣтъ, какая нелѣпость!... Но она уже собирается въ дорогу,—два-три дня и она будетъ здѣсь. Задержать ее сейчасъ же, немедленно, телеграммой. Онъ быстро набросалъ телеграмму; «не пріѣзжай ни въ какомъ случаѣ. Подробности письмомъ». Потомъ онъ торопливо одѣлся и пошелъ въ почтамтъ.

Сухой, дымный туманъ стоялъ въ воздухѣ. Морозъ сжималъ лицо, рѣзалъ легкія. Фонари казались красноватыми точками. На перекресткахъ улицъ пылали большіе костры, и вокругъ нихъ, озаренные багровымъ колеблющимся свѣтомъ, грѣлись озябшіе извощики. Андрей шелъ скоро. Холодъ сдавилъ мозгъ и успокоилъ тревожныя мысли. Онъ видѣлъ только мелькающія фигуры пѣшеходовъ, слышалъ окрики кучеровъ и визгъ саней, скользившихъ по крѣпкому, застывшему снѣгу... Спокойный, холодный сонъ.

Темная громада Исакіевскаго собора встала передъ глазами на широкой площади. Низъ зданія тонулъ въ туманѣ, но куполъ очерчивался рѣзкимъ темнымъ силуэтомъ съ одной стороны, а съ другой обозначался отсвѣчивающей выпуклостью. Гдѣ-то на небѣ, скрытая высокими домами, свѣтила луна.

— Да, вотъ теперь налѣво,—подумалъ Андрей.—Почтамтъ, телеграмма...

Отправивъ телеграмму онъ почувствовалъ полное облегченіе. Точно онъ загородилъ себя отъ несчастій.

XI.

Вернувшись домой, Андрей услышалъ изъ комнаты Нины развязный голосъ Суровцева:

— Кажется, нашъ хозяинъ вернулся?

Нина съ оживленнымъ и обрадованнымъ лицомъ распахнула дверь:

— Гдѣ ты пропадаешь? Иди къ намъ!

— Сейчасъ...—отвѣтилъ Андрей.—Ему не хотѣлось видѣть Суровцева, но онъ зналъ, что, отказываясь идти, огорчитъ Нину.

— Хорошо, что вы пришли,—заговорилъ Суровцевъ,—а то Нина Сергѣевна, въ теченіи получаса, что мы здѣсь, кажется, разъ десять

спрашивала у прислуги, куда вы дѣлись. Право, мнѣ, какъ старому холостяку, оставалось только позавидовать.

Андрей хотѣлъ улыбнуться, но улыбка вышла натянутая, почти враждебная.

— Успокоились теперь?—болталъ Суровцевъ, обращаясь къ Нинѣ.— Вы видите, что Андрей Васильевичъ цѣлъ и невредимъ. Я могу сдать васъ ему на руки и бѣжать. Завтра у меня дѣло въ сенатѣ, а я еще не готовъ... Но какой тонкій музыкальный вкусъ у Нины Сергѣевны!— перебилъ онъ себя, обернувшись къ Андрею.—Ужасно жаль, что она зарываетъ въ землю свои таланты.—Я удивляюсь, что Андрей Васильевичъ не обратитъ на это вниманія и не заставитъ васъ работать.

— Я мало понимаю музыку, сухо сказалъ Андрей.

Нина бросила на него безпокойный взглядъ. Каждый разъ, когда онъ разговаривалъ съ Суровцевымъ, она съ особенной силой чувствовала сухость и негибкость его тона, и въ то же время стѣснялась закругленныхъ, развязныхъ фразъ Суровцева; въ присутствіи Андрея онѣ ее коробили.

— Удивительная вещь!—заговорилъ Суровцевъ.—Я не разъ замѣчалъ это. Молодые супруги или друзья сплошь да рядомъ не только не поддерживаютъ другъ друга, но проявляютъ какую-то особенную требовательность, недовѣріе... Право, это знаменіе времени. Прежде любовь высказывалась въ томъ, что люди усматривали другъ въ другѣ совершенно несуществующія достоинства и таланты...

«Зачѣмъ онъ говоритъ о любви?»—подумала Нина и смущенно взглянула на Андрея.

— Однако, я рѣшительно заболтался,—сказалъ Суровцевъ, вставая.

— Ой, ой, ой! какая вы, однако!—шепнулъ онъ въ передней, куда Нина проводила его.

— Какая?

— Ну, ужъ я знаю какая. Простите на сей разъ, и если я сказалъ лишнее, постарайтесь загладить дурное впечатлѣніе передъ вашимъ другомъ.

Онъ быстро и шумно исчезъ.

«Онъ понялъ, что произвелъ дурное впечатлѣніе на Андрея», подумала Нина.—«У него есть чутье».

Она вошла въ свою комнату. Звуки музыки, игривая, любезная болтовня Суровцева все еще стояли у нея въ ушахъ. Неподвижное лицо Андрея было въ полномъ противорѣчіи съ этими впечатлѣніями. Письмо, полученное имъ сегодня, его тяжелое настроеніе сразу вспомнились ей. Возбужденіе смѣнилось тоскливой тревогой.

— Андрей!—начала она нерѣшительно.—Послушай... Куда ты ходилъ вечеромъ?

— Я?—просто прошелся.

Онъ не смотрѣлъ ей въ глаза.

— А то письмо,—съ трудомъ выговорила Нина.—Вѣдь, оно было...

— Ну да. Отъ моей жены.

— Это былъ отвѣтъ?—глухо спросила она.

— Какой отвѣтъ?

— Вѣдь, ты же писалъ ей... обо мнѣ?

— Послушай, Нина, предоставь мнѣ самому знать мои обязанности.

Нина вспыхнула, поднялась и отошла къ темному, холодному окну. Глубокая безъисходная тоска сковала ея душу. Въ комнатѣ стало тихо. Она чувствовала за спиной присутствіе Андрея, но онъ не шевелился. Онъ оскорбилъ ее и не возметъ своихъ словъ обратно, не извинится даже... Отъ окна дуло. Холодный воздухъ пробѣгалъ дрожью по груди и плечамъ. Нинѣ хотѣлось отворить форточку и дышать этимъ морозомъ, стынуть въ немъ до тѣхъ поръ, пока не проникнетъ въ нее болѣзнь и смерть... Противоположный домъ, глухой и мертвенный при солнцѣ, сквозилъ теперь безчисленными освѣщенными комнатами, въ которыхъ двигались люди. Внизу улицы, тяжело скрипя по снѣгу, прокатилась извощичья карета. Потомъ послышалось бойкое бряцанье мелкихъ бубенчиковъ и встряхивающихся бляхъ—кто-то ѣхалъ на тройкѣ за городъ, кутить, веселиться...

Андрей пошевелился, медленно всталъ и пошелъ въ свою комнату.

— Андрей!—окликнула Нина.

— Что ты хочешь сказать?

Въ его голосѣ слышалось такое болѣзненное утомленіе, что она мгновенно простила ему обиду.

— Андрей, помиримся, ради Бога!

— Боже мой! Развѣ мы ссорились?

— Нѣтъ, Андрей, но хуже, хуже! Еслибъ ты зналъ, какія мысли меня мучатъ! Не уходи, я хочу высказать...

Онъ покорно остался и сѣлъ.

— Какія мысли?

— Я замѣчаю, что тебѣ непріятно, когда къ намъ приходятъ люди, напримѣръ Суровцевъ...

— Да. Я не люблю его.

Нина слегка поблѣднѣла.

— Зачѣмъ ты касаешься вопросовъ, которые ведутъ къ непріятнымъ и безплоднымъ разговорамъ? Вѣдь я не мѣшаю тѣбѣ поддерживать съ нимъ знакомство. Да и по какому праву? У тебя своя жизнь...

— Развѣ это нормально?—съ усиліемъ выговорила Нина.

— Нормально-ли! Право не знаю. Ты развлекаешься, я очень радъ, а что этотъ болтунъ кажется мнѣ пошлымъ и грубымъ...

— Ты очень рѣзко судишь, Андрей!—перебила Нина, вспыхнувъ.— Я неспособна поддерживать отношенія съ пошлыми и грубыми людьми. Суровцевъ—не кто-нибудь, онъ очень извѣстный, талантливый человѣкъ!..

— Да. Конечно... Талантливый!

Нина долго молчала, глядя на огонь. Глаза ея туманились отъ грусти.

— Послушай, Андрей,—начала она неровнымъ голосомъ:—Еслибъ я думала, что тебѣ доставитъ какое-нибудь облегченіе... вообще, въ твоей жизни... то, что я раззнакомилась бы съ Суровцевымъ... я-бы это сдѣлала. Вѣдь, ты знаешь, что когда я пришла сюда, переѣхала — вѣдь, я была на все готова. И мнѣ совсѣмъ не было-бы скучно!.. Но теперь мнѣ кажется, что ты самъ неправъ, удаляясь отъ людей. Мнѣ кажется, что твоя жизнь не была-бы такъ... однообразна, что тебѣ легче было-бы добиться, достигнуть...

— Чего достигнуть, Нина? Ты все еще не хочешь понять... Словно тебѣ стыдно признаться въ своей ошибкѣ.

— Не говори такъ, Андрэй! — вскрикнула Нина и закрылась руками.

— Перестань, Нина! — сказалъ онъ, едва сдерживая раздраженье.—Неужели нельзя вынести правды безъ слезъ? Пойми же, наконецъ, что это просто невыносимо,—словно ты оплакиваешь меня.

— Я не оплакиваю тебя, Андрей!—возразила Нина, испуганно уронивъ руки на колѣни и удерживая слезы.—Но... если я убѣждена, что ты не можешь, не долженъ такъ жить! Нужно-же черпать откуда-нибудь силы.

— Не знаю, Нина, не знаю, откуда можно черпать силы. Когда я былъ мальчишкой, я воображалъ, что стоитъ мнѣ выйти въ люди, какъ говорилъ мой отецъ, — и меня всему научатъ, все передо мной откроется, останется только дѣйствовать. учить уму разуму другихъ, низшихъ!.. Но только это все вздоръ. Люди ничему серьезному не научатъ. Разговоры пустые, путанница... Можетъ быть я самъ виноватъ...

— Мнѣ кажется,—прежде, одно время... ты думалъ иначе,—попробовала возразить Нина робкимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Можетъ быть, Нина. Это вѣдь всегда такъ. Когда что нибудь новое входитъ въ жизнь, мы приподнимаемся. Кажется, что только идти да идти куда-то впередъ... А потомъ видишь,—куда же собственно идти?

Андрей говорилъ съ горькой, задумчивой усмѣшкой, точно разсуждалъ самъ съ собой. Нина слушала его и холодѣла. Вѣки ея отяжелѣли отъ неподвижности.

— И съ моей любовью тебѣ некуда идти!

Она хотѣла произнести эти слова, но губы ея сомкнулись и невысказанная мысль тяжело опустилась въ глубь души.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

На улицѣ было еще свѣтло и надъ городомъ проносились мѣрные удары вечерняго благовѣста: былъ канунъ Вербнаго Воскресенья. Но въ маленькой сырой комнатѣ. окнами во дворъ, куда хозяйка перевела за послѣдніе дни Феню, уже темнѣло. Феня не поднималась съ постели. Въ обѣденное время къ ней заходила хозяйка и завела съ ней разговоръ о томъ, что она не станетъ больше отпускать обѣдовъ и что Феня должна либо подумать о заработкѣ, либо, если она и вправду больна, переѣхать въ больницу. Феня молча слушала хозяйку и неясно понимала ея слова. Ей было все равно. Давно уже наступило это одиночество.

Около мѣсяца тому назадъ вспыхнула въ душѣ Фени обманчивая радость: она едва смѣла подѣлиться ею съ Струнскимъ,—ей жутко было, что онъ становился за послѣднее время такойсердитый,—и она не знала, какъ приметъ онъ это волнующее открытіе. Вся съёжившись отъ смущенія, она стала неразборчиво шептать ему что-то на ухо. «У меня маленькій будетъ»,—разслышалъ онъ, наконецъ, и Феня сейчасъ же перепугалась и заплакала. Онъ совсѣмъ не обрадовался, а только разстроился и сказалъ, что этого не можетъ быть. Потомъ онъ водилъ ее къ какой-то фельдшерицѣ, и та тоже сказала, что это все пустяки. Скоро послѣ этого Феня сильно заболѣла. Струнскій навѣщалъ ее такой скучный и неласковый, что она начала бояться его, а когда она нѣсколько оправилась, Струнскому пришлось на время уѣхать... Онъ оставилъ ей двѣ радужныя бумажки, но онѣ скоро вышли. Хозяйка дорого брала за комнату и обѣдъ, а часть денегъ попросила въ долгъ Эмма, молоденькая нѣмка, хористка, съ которой Струнскій познакомилъ Феню въ первый же день при переѣздѣ въ эту новую квартиру. Эмма была очень ласковая и веселая дѣвушка, и Феня ее сейчасъ-же полюбила. Эмма часто забѣгала въ комнату Фени, тормошила ее, хохотала и разсказывала про своихъ знакомыхъ на смѣшномъ русскомъ языкѣ съ полудѣтскимъ, полуиностраннымъ выговоромъ. Феня охотно давала ей надѣвать свои самыя новыя и лучшія вещи, но разговаривать съ ней она не умѣла. Когда Эмма приставала къ ней съ вопросами, она отвѣчала коротко и испуганно, а Эмма начинала смѣяться:

— Ахъ ти, Фенишь!.. Вотъ ти какой смѣшной дурошка!..

Когда Струнскій уѣхалъ, Эмма нѣсколько разъ звала Феню вечеромъ ѣхать съ ней въ театръ. Но Фенѣ никуда не хотѣлось ѣхать безъ Струнскаго—она просто не знала, какъ отдѣлаться. Дни проходили

сѣрые, скучные. Феня ждала и порою переставала ждать Струнскаго, замирая отъ страха. Она была слаба и нездорова и цѣлые дни лежала на постели, уткнувшись въ подушку. Все хуже, все страшнѣе становилось съ каждымъ днемъ. Безпокойство, недоумѣніе, отчаяніе поднималось у нея въ душѣ. Постепенно, незамѣтно приходило убѣжденіе, что Струнскій не вернется. И у нея не было даже силъ плакать. Но за послѣднее время все заслонилось новыми страхами и тревогами. Каждый день хозяйка говорила о деньгахъ, каждый день Эмма приставала къ ней, звала ее съ собой и бранила за ея робость. Недѣлю тому назадъ Эмма прибѣжала къ ней, веселая и ласковая, и стала ее уговаривать попробовать голосъ:

— Ти какъ пѣть будешь!.. Какъ птичка... Ахъ ти, хорошенькій моя... ну пойдемъ, одѣвайся...

Она сама вытащила Фенино платье, суетливо помогла ей одѣться, набѣлила и нарумянила ея лицо: съ первыхъ же дней по переѣздѣ сюда, Эмма научила Феню этому фокусу. Феня не вспомнилась отъ радости при мысли, что покажется Струнскому такой свѣженькой и красивой.

Нарядивъ Феню, Эмма привезла ее къ какому-то высокому плотному господину, съ густымъ серьезнымъ басомъ, и стала его увѣрять, что Феня поетъ, какъ птичка. Но когда господинъ сѣлъ за рояль и велѣлъ Фенѣ пѣть, она залилась слезами. Эмма засуетилась, стала пѣть сама и уговаривала Феню пѣть вмѣстѣ съ нею. Но Феня рѣшительно ничего не могла спѣть. Эмма очень сердилась за это и потомъ нѣсколько дней не заходила къ ней въ комнату.

А Фенѣ опять сдѣлалось хуже и она слегла. Лихорадочная тревога разливалась въ ея душѣ. Страшные сны видѣлись ей, какъ только она забывалась. Въ головѣ туманъ, ознобъ мелкими мурашками бѣжитъ по тѣлу, потомъ дѣлается жарко, потомъ наступаетъ такая тоска и такое безпокойство,— словно чего-то не хватаетъ. Въ полуснѣ ей представляется, что подлѣ нея Струнскій. Жаркая нѣжность наполняетъ ее. Она хочетъ что-то сказать и не можетъ. Въ тѣлѣ истома; красныя пятна вертятся передъ глазами. Гдѣ-то за стѣной играютъ на корнетъ-а-пистонѣ; звуки тянутся длинные, тонкіе. Красныя пятна вертятся и расплываются. Феня открываетъ глаза и видитъ передъ собой большіе красныя цвѣты на обояхъ. Они все ростутъ, желтые пестики ихъ шевелятся, какъ живые. Эмма напѣваетъ въ своей комнатѣ какой-то вальсъ. А съ другой стороны корнетъ-а-пистонъ вытягиваетъ длинные, пронзительные звуки. Феня хочетъ приподнять голову и не можетъ. Цвѣты на обояхъ кажутся огромными, сливаются въ большой красный занавѣсъ. Занавѣсъ колеблется; посреди сцены сидитъ черноглазая красавица съ длинными буклями, въ пестромъ платьѣ. Феня узнаетъ ее: это Фатьма—«чудо востока», которую ей показывалъ Струнскій въ какомъ то театрѣ. У ногъ краса-

вицы сидитъ смуглая старуха, такая же беззубая и страшная, какъ хозяйка. Она поетъ гнусавымъ голосомъ непонятныя пѣсни. Рядомъ старый негръ въ бѣлой чалмѣ пиликаетъ на кривой скрипкѣ. Ломаются бедрами полураздѣтыя смуглыя дѣвицы съ цвѣтными шарфами въ рукахъ. Страшный негръ скалитъ бѣлые зубы. Пронзительные звуки скрипки или трубы пробѣгаютъ холодкомъ по спинѣ. Феня крѣпко сжимаетъ чью-то теплую руку.

— Нѣтъ, заснула!—слышитъ она знакомый голосъ и не можетъ сразу понять, кто это говоритъ.

Передъ глазами, низко склонившись надъ ней, непріятное смуглое лицо хозяйки, съ выбитымъ зубомъ, и ея вѣчная черная кофта съ оборванной стеклярусной бахрамой.

— Чтожъ такъ лежать! Послать за дворникомъ, да свести въ больницу,—говоритъ она своимъ низкимъ сиповатымъ голосомъ.

— Нѣтъ, встанетъ! — ласково щебечетъ Эмма. — Ну, душенька мой...—Она здорова... Заснула немножко... Правда, здорова!.. Ну, пойдемъ гулять.

Глаза у Фени закрываются и вмѣсто голоса Эммы она слышитъ опять томительные, тягучіе звуки корнетъ-а-пистона, и страшный негръ опять скалитъ зубы.

— Нѣтъ, Марій Ивановна, она встанетъ... Вотъ, я ей скажу. . Вотъ смотрите... Фенишь, слушай—какой я тебѣ скажу исторію маленькій... Твой господинъ пріѣхалъ... да... да... Митенька— веселенькой такой. Тотъ самый. Вѣрно я говорю.

И Эмма смѣется.

Феня вдругъ широко открыла глаза, приподнялась на постели и спустила ноги.

— Я же говорю!—она пойдетъ... Ну, миленькій моя,—совсѣмъ здорова!..

Хозяйка посмотрѣла еще нѣкоторое время, поговорила съ Эммой на нѣмецкомъ языкѣ и ушла. А Эмма стала одѣвать Феню. Феня боялась переспросить Эмму: правда-ли пріѣхалъ Струнскій и куда онѣ идутъ къ нему, но сердце ея замирало отъ надежды.

— Вотъ такъ—такъ!..—весело приговаривала Эмма, одѣвая Феню, которая смотрѣла на нее горящими лихорадочными глазами.

— У-у, миленькій какая!.. Я сказала Марій Ивановна,—она не больна!—Вотъ сейчасъ. Ѣдемъ.

— Куды?—чуть слышно проговорила Феня.

— Э, сейчасъ все видѣть!.. будешь Сегодня не очень весело,— праздникъ завтра,—все закрытъ. Но мы пойдемъ пить шоколадъ... Хочешь шоколадъ?... А гдѣ же колечко?

Феня спрятала свое кольцо въ самый дальній уголъ комода: она боялась, что Эмма попроситъ у нея эту драгоцѣнность. Но теперь она была такъ благодарна Эммѣ, что всѣ опасенія ея разсѣялись.

— Тамъ,—сказала она, протягивая руку къ комоду.

Эмма быстро перерыла весь комодъ и вытащила футляръ.

— Вотъ штучка миленькій!

Она повертѣла кольцо передъ огнемъ, потомъ надѣла на палецъ Фени, еще болѣе хўдой и потемнѣвшій, чѣмъ прежде, и побѣжала сама одѣваться.

Ожидая ее, Феня боролась съ лихорадочной дремотой.

Когда Эмма, въ плюшевой кофточкѣ и въ большой шляпѣ съ перьями, прибѣжала за ней изъ своей комнаты и онѣ пошли подъ руку на улицу, Феня вся дрожала. Радостныя надежды расплывались въ бреду.

II.

Въ невысокой длинной комнатѣ кофейни, примыкающей къ кондитерской, было душно. Въ воздухѣ висятъ клубы табачнаго дыма. Пахнетъ кипящемъ саломъ. Въ кондитерской поминутно хлопаютъ входныя двери. Противъ противней съ жареными пирогами суетятся дамы, офицеры, студенты, и утомленный мальчикъ въ бѣломъ поварскомъ колпакѣ надоѣдливо выкрикиваетъ всѣмъ подходящимъ одно и то же: «съ мясомъ, съ рисомъ, съ творогомъ, съ капустой»! Въ кофейнѣ, подлѣ мраморныхъ столиковъ, сидитъ публика. Раздается крикливый развязный говоръ и смѣхъ, шуршаніе перелистываемыхъ юмористическихъ журналовъ. Служители въ бѣлыхъ канифасовыхъ передникахъ проносятъ стаканы кофе и тарелочки съ кондитерскимъ пирожнымъ.

Феня съ Эммой сидѣли за однимъ изъ столиковъ съ чашками шоколада. Отъ продолжительнаго голода, отъ духоты, отъ смутнаго томительнаго ожиданія, Фенѣ было такъ дурно, что она едва держалась на стулѣ. Она припоминала, что была здѣсь когда-то со Струнскимъ, и слова Эммы, что сегодня онѣ непремѣнно увидятъ его, казались ей правдоподобными. Каждый разъ, когда кто-нибудь входилъ въ кофейню, ей представлялось, что это онъ. Мелькнула темная фигура въ форменной фуражкѣ, съ свѣтлой бородкой. Феня вся похолодѣла. Но господинъ въ фуражкѣ прошелъ мимо, и, не различая отъ волненія его лица, Феня уже знаетъ, что это не онъ, а кто-то чужой.

Нѣсколько разъ она умоляюще взглядывала на Эмму. Но Эмма, нарядная и веселая, съ бѣлокурыми кудряшками на лбу, съ подведенными глазами, которые кажутся большими и круглыми, смѣется, разговаривая съ чужимъ господиномъ, который одиноко сидитъ за сосѣднимъ столикомъ.

— Ты не кушаешь шоколадъ?—спрашиваетъ Эмма.—Кушай... Я ей дала шоколадъ, обращается она къ господину, къ которому все время пристаетъ.

— А вы любите шоколадъ? спрашиваетъ неподатливый мрачный господинъ, съ опущенными темными усами.

— У!.. я люблю. Конфетки люблю, сиропъ... Очень люблю сиропъ!.. Здѣсь тоже даютъ сиропъ?

Мрачный господинъ снисходительно усмѣхается и велитъ человѣку принести бутылочку сиропу.

— Мороженое тоже люблю,—говоритъ Эмма и щуритъ глазки.

— Холодно теперь мороженое кушать. Простудитесь.

— У, никогда. Я такой здоровенькая... никогда не больна... А вотъ она часто больна,—прибавляетъ Эмма, указывая на Феню и сострадательно покачивая головой.—Ну, кушай сиропъ.

Но Фенѣ такъ скверно, что она даже не можетъ смотрѣть на сиропъ и на остывшій шоколадъ.

Опять она поворачивается къ входной двери—каждый входящій человѣкъ кажется Струнскимъ. Вотъ опять онъ, опять...—все мимо. Чужіе... У нея начинаетъ кружиться голова отъ усталости. Комната наполнена красноватымъ рѣжущимъ свѣтомъ. Клубы дыма расплываются въ воздухѣ и застилаютъ лица. Звонъ ложекъ о посуду кажется продолжительнымъ и отдается болью въ головѣ. Тяжелый запахъ жареныхъ пироговъ сжимаетъ горло. Веселые глазки Эммы кажутся огромными, круглыми и жадными.

Въ глазахъ Фени темнѣетъ—вотъ-вотъ она сейчасъ упадетъ. Она хочетъ позвать Эмму, но изъ пересохшаго горла вырывается только слабый стонъ:

— Ой!

— Барышня, кажется, нездорова?—говоритъ кавалеръ Эммы.

— Нѣтъ, сегодня здорова. Скучаетъ немножко.

— Что-жъ такъ?

— Тутъ былъ у нея одинъ... Митенька такой,—добрый, богатъ очень.

Феня едва различаетъ слова Эммы и среди тумана и звона въ ушахъ ей кажется, что Эмма подтверждаетъ свое обѣщаніе показать ей здѣсь Струнскаго. Все мелькаютъ чужія лица—входящихъ и выходящихъ. Жаръ усиливается въ головѣ и воспаленные глаза застилаются слезами.

— А барышня-то совсѣмъ больна,—говоритъ чужой господинъ, пересѣвшій наконецъ за ихъ столикъ.

Феня чувствуетъ, что она, дѣйствительно, больна. Ей становится холодно и страшно.

— Вы бы ее домой отвезли.

— А вы поѣдете съ нами? Бѣдненька!.. Правда, какъ она!..—восклицаетъ Эмма, заглядывая ей въ лицо.

Феня чувствуетъ, какъ сквозь сонъ, что ее берутъ подъ руки. Потомъ они ѣдутъ на извощикѣ. Холодный воздухъ рѣжетъ и щекочетъ лицо, забирается подъ воротникъ и дуетъ въ рукава. Чужой господинъ сидитъ напротивъ, на маленькой лавочкѣ извощика. Потомъ наступаетъ глубокій мракъ.

Феня приходитъ въ себя уже въ своей комнатѣ. лежа на постели. Она не раздѣта и платье стѣсняетъ ее. За стѣной раздается говоръ и смѣхъ Эммы. Черезъ окно, не закрытое шторой, видѣнъ свѣтъ, идущій чрезъ узенькій дворикъ отъ противоположнаго окна. Кто-то занимается, склонившись надъ столомъ, подлѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ. И Феня не можетъ оторвать глазъ отъ этого единственнаго свѣта, проникающаго издали въ тьму ея одинокой комнаты. Гдѣ-то близко люди. и она хочетъ позвать кого-нибудь на помощь. Но губы, языкъ пересохли, на груди тяжесть... Опять все погружается въ тяжкій мракъ.

III.

Прошло нѣсколько дней. Фенѣ стало лучше. Какъ тяжелый сонъ, вспоминалось ей, что приходилъ докторъ, низенькій старичекъ, съ большой лысиной, холодными глазками и непріятной бородавкой въ углу насмѣшливаго рта. Подлѣ него была хозяйка. Она что-то говорила доктору и онъ усмѣхался, а когда она ушла, докторъ сталъ выстукивать и выслушивать Феню, и обращался съ ней такъ безцеремонно, что у Фени глаза остановились отъ страха и стыда. Потомъ Эмма давала Фенѣ лѣкарство и супу.

Пока продолжалась болѣзнь, Феня почти не думала о хозяйкѣ и о деньгахъ. Но какъ только жаръ прошелъ и она могла подняться, прежняя забота подступила съ мучительной силою. Вотъ опять пришла хозяйка и бранится своимъ грубымъ, сиповатымъ голосомъ, грозя послать за полиціей и отобрать всѣ вещи. «Кольца носишь»... хрипитъ она, и Феня понимаетъ, что у нея отнимутъ это послѣднее сокровище,—кольцо, подарокъ Струнскаго. Она чувствовала себя богатой. когда надѣвала его... И Феня тряслась отъ рыданій, понимая, что пришла пора разстаться съ этимъ богатствомъ.

— Не плачь, Фенишь, не плачь, миленькій!—лепетала прибѣжавшая Эмма.—Мы его только еврейскій языкъ учить немножко,—въ закладъ. Мы потомъ опять достанемъ...

И ласковая Эмма суетливо, сбивчиво успокаивала Феню, объясняя что кольцо возьмутъ только на время.

Ночью Фенѣ приснилось, что старикъ, похожій на доктора, который ее лѣчилъ, даетъ ей за кольцо много денегъ — сотню рублей, а потомъ приходитъ Эмма, говоритъ на какомъ-то непонятномъ, еврейскомъ

языкѣ и отдаетъ ей кольцо обратно... Утромъ она проснулась уже нѣсколько освоившись съ этой мыслью. На время только возьмутъ! И уже за одно это дадутъ много денегъ: оно очень дорогое,—и хозяйка не будетъ больше бранить ее.

Было довольно поздно, когда Эмма, торопясь по своимъ дѣламъ, подвела Феню къ ломбарду и объяснила ей, куда надо пройти и что дѣлать. Вздрагивая отъ страха передъ этимъ новымъ и жуткимъ дѣломъ, Феня поднялась по сырой каменной лѣстницѣ. Въ темноватыхъ комнатахъ, съ рѣшетчатыми отгородками, за которыми сидѣли какіе-то господа, было много посѣтителей. Женщина, покрытая байковымъ платкомъ, держала въ рукахъ большой узелъ и въ ожиданіи очереди громко вздыхала; былъ какой-то человѣкъ въ ободранномъ пальто, съ длинными волосами и мутными глазами; барыня въ порыжѣвшей бархатной шубкѣ вынимала изъ футляра серебряныя ложки.

— Чего вамъ? Закладывать или выкупать? — спросилъ у Фени сторожъ, сердитый старикъ съ небритымъ лицомъ.

Феня вытащила изъ кармана свой футляръ и безпокойно взглянула большими выпуклыми глазами. Сторожъ указалъ ей на окошечко рѣшетчатой перегородки. За окошечкомъ сидѣлъ черноволосый господинъ, плотный, спокойный и медлительный въ движеніяхъ, и взвѣшивалъ на маленькихъ вѣсахъ золотую цѣпочку. Феня неувѣренно посматривала то на этого серьезнаго господина, то на ожидающую у рѣшетки даму, смущенную и нѣсколько раскраснѣвшуюся.

— Сколько желаете получить? — спросилъ господинъ за рѣшеткой и посмотрѣлъ на даму внимательными глазами.

— Рублей двадцать... мнѣ давали.

Господинъ опять взялъ цѣпочку въ руку, повертѣлъ, взвѣсилъ для чего-то на ладони и спокойно отвѣтилъ:

— Девять.

Дама вся покраснѣла, поторговалась трепетнымъ голосомъ и, смахнувъ набѣжавшую отъ волненія слезу, получила какой-то билетикъ.

И вдругъ Феня почувствовала, что этотъ господинъ не добрый и можетъ обмануть ее. Сердце ея стало биться частыми неровными ударами.

— У васъ что?

Дрожащей рукой она протянула свой футляръ. Господинъ открылъ его, медленно вынулъ кольцо, взялъ его осторожно двумя пальцами за тоненькій обручъ, и повернулся къ свѣту. Потомъ онъ скребъ камень, разсматривалъ его вблизи и издали. Казалось, что эта пытка продолжается безконечно долго. Наконецъ, онъ приблизился къ окошечку.— Феня не понимала, въ чемъ дѣло: онъ протягивалъ кольцо обратно. Она взяла его, посмотрѣла на брилліантъ и съ недоумѣніемъ подняла глаза.

— Стразъ,—сказалъ господинъ вяло.

— Что это?—прошептала Феня.

Господинъ съ презрѣніемъ взглянулъ на нее. — Ну, поддѣльный, фальшивый. Мы не принимаемъ... Сами не знаютъ, что приносятъ! — прибавилъ онъ и, отвернувшись, сѣлъ за свой столикъ съ маленькими вѣсами.

Феня держала кольцо въ рукѣ и ничего больше не понимала. Ей стало стыдно и страшно, словно ее уличили въ обманѣ. Поддѣльный... Она все смотрѣла на кольцо и едва вѣрила своимъ глазамъ. Здѣсь, въ этой мрачной комнатѣ, съ запыленными стеклами въ окнахъ, дорогой лучистый камень сдѣлался тусклымъ, мертвымъ...

— Чего же вы? Дайте дорогу людямъ, сударыня!—сердито сказалъ господинъ за рѣшеткой.

Феня отошла и сейчасъ-же почувствовала, что тѣло у нея отяжелѣло, а ноги стали легкими и шаткими. Она съ трудомъ выбралась на лѣстницу и сѣла тамъ на желтомъ деревянномъ диванѣ, держа въ рукахъ открытый футляръ. Не настоящій! А она и не знала...

Сверху лѣстницы послышались громкіе шаги. Какая-то дама, весело болтая, спускалась внизъ съ офицеромъ, шпоры котораго звякали о лѣстницу; у офицера были большіе бѣлокурые усы...

Феня вдругъ вскочила, уронила футляръ съ кольцомъ на полъ и бросилась бѣжать внизъ. За ней раздавались голоса, ее окликали. Она бѣжала безъ оглядки, боясь остановиться, боясь упасть. Обида и отчаяніе гнали ее все дальше. Она не узнавала улицъ... А надъ городомъ стлался медленный кроткій благовѣстъ великопостной вечерни.

IV.

Теперь Феня была совсѣмъ одна. Ей отвели грязноватую, узкую коморку, выходившую на какой-то третій дворъ, полный грохота и лязга. Рядомъ была мастерская, въ которой съ утра до ночи колотили по желѣзу. Внизу находилась прачешная, и людей, проходившихъ по двору, обдавало теплымъ паромъ, съ запахомъ мыла и чего-то прѣлаго. Подлѣ Фени не было даже доброй, беззаботной Эммы. Порой проносились уродливые обрывистые воспоминанія; потомъ находило отупѣніе. Ее прогоняли, призывали дворника. Она плакала, кричала и билась, пока не потеряла сознаніе. Эмма побѣжала за тѣмъ старымъ докторомъ, который уже былъ у Фени. Онъ успокаивалъ ее и привезъ къ вечеру сюда... Уходя, онъ сказалъ, что зайдетъ, но теперь она понимала, что онъ былъ гадкій и страшный. Въ сосѣднихъ комнатахъ жили другія дѣвушки. Днемъ онѣ спали, потомъ ссорились, а вечеромъ уходили и возвращались съ гостями. Обрюзгшая старуха съ тяжелой одышкой, съ бѣльмомъ на глазу, нѣсколько разъ приходила къ ней по вечерамъ и посылала на улицу.

Былъ Страстной четвергъ. Феня сидѣла въ темнотѣ и съ огорченіемъ думала о томъ, что другія дѣвушки пошли въ церковь, а ее не взяли съ собой. Ни одна не была похожа на добрую Эмму... Вотъ сейчасъ придетъ старуха опять, ругаясь, погонитъ ее гулять. Вотъ уже раздаются ея тяжелые шаги въ корридорѣ. Феня схватила пальто и шляпу и, дрожа отъ страха, стала одѣваться. Сварливый голосъ старухи догонялъ ее по грязной темноватой лѣстницѣ. На воздухѣ стало легче. Феня шла по затихшему, скользкому двору. Апрѣльскія лужицы къ вечеру подмерзли. Тусклые удаленные другъ отъ друга фонари освѣщали улицу, глухую набережную узкаго канала. На тротуарахъ было пусто. Потомъ стали попадаться люди. Что это?.. Маленькіе робкіе огоньки двигались навстрѣчу. Молодая свѣжая дѣвушка со старикомъ прошли мимо, держа въ рукахъ зажженыя восковыя свѣчи, которыя они осторожно прикрывали рукой отъ вѣтра. Колеблющійся огонекъ освѣщалъ ихъ склоненныя лица, сосредоточенныя и умиленныя. Они были въ церкви и теперь спокойно возвращались къ себѣ домой. Непривычная скорбная зависть шевельнулась въ душѣ Фени. Она не знала, куда и зачѣмъ идти. Въ одномъ освѣщенномъ окнѣ, невысоко отъ земли, видна была комната, накрытый столъ и люди за самоваромъ. Изъ сосѣдней подвальной лавки пахнуло запахомъ теплаго печенаго хлѣба, и Феня почувствовала голодъ.

Улицы становились люднѣе. Ласковыхъ мигающихъ восковыхъ свѣчей уже не встрѣчалось. Но на тротуарахъ было свѣтло отъ оконъ магазиновъ. Во всѣхъ булочныхъ выставлены были куличи и пасхи съ большими бумажными розами, въ другихъ окнахъ—разложены и развѣшены фарфоровые, стеклянные и конфектные яйца. Феня останавливалась и разсматривала ихъ. На одной изъ шумныхъ и нарядныхъ улицъ была такая толкотня, что прохожіе нѣсколько разъ задѣвали Феню. Молодой, еще безусый приказчикъ шушукнулъ прямо ей въ лицо, засмѣялся и пошелъ дальше. Потомъ встрѣтился оборванный пьяница, котораго качало изъ стороны въ сторону и который чуть не упалъ на Феню. Она пугливо бросилась отъ него на мостовую. Трескъ извощиковъ, казавшійся особенно громкимъ и рѣзкимъ послѣ зимы, заставлялъ ее вздрагивать. Наконецъ, она почувствовала томительную усталость. Голова начала кружиться. Мелькающіе люди, яркіе огни,—все стало другимъ неотчетливымъ, жуткимъ. Руки и ноги озябли, но лицо горѣло отъ усиливающейся тревоги и голода. Широкія зеркальныя окна колоніальнаго магазина привлекли вниманіе Фени. Она невольно остановилась. Оттуда глядѣли колбасы, пироги, а у самаго стекла разложены были желтыя, точно восковыя яблоки съ яркимъ румянцемъ.

Кто-то подошелъ къ окну и, протянувъ къ свѣту руку, быстро открылъ и защелкнулъ карманные часы. Феня подняла голову и отшат-

нулась: какъ во снѣ, встало передъ ней лицо брата Андрея. Онъ быстро скрылся въ темнотѣ, въ давкѣ чужихъ людей... Феня слабо, растерянно вскрикнула что-то, пробѣжала нѣсколько шаговъ и остановилась. Сердце ея раздалось въ груди, стало большимъ и теплымъ. Андрюша тутъ!.. Она вѣдь знала объ этомъ и раньше, когда жила у тетки, но съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала со Струнскимъ, ни разу даже и не подумала, что онъ былъ, дѣйствительно, здѣсь, въ этомъ самомъ Петербургѣ. И это откровеніе было такъ внезапно. Андрюша тутъ! Найти его скорѣе...

Феня все еще стояла у освѣщенныхъ оконъ магазина, ничего передъ собой не видя. Какой-то чужой господинъ подошелъ къ ней и пригласилъ въ кондитерскую пить кофе. Она сначала вздрогнула, потомъ взглянула разсѣянными, благодарными глазами и пошла за нимъ.

V.

Прошло уже болѣе двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Феня встрѣтила на улицѣ Андрея, но она все еще не знала, гдѣ онъ и какъ найти его. Просыпаясь по утрамъ, послѣ тяжелыхъ ночей, отравленныхъ страшными и скверными снами, Феня вспоминала, что здѣсь въ городѣ былъ ея братъ Андрюша. Вся любовь ея сердца, любовь, которую она отдавала то одному, то другому и которая каждый разъ оказывалась отвергнутой, сосредоточилась теперь на братѣ, какъ въ дѣтствѣ. Она не могла жить одна. То, что началось для нея съ тѣхъ поръ, какъ ее перевезли сюда, въ эту послѣднюю квартиру, было для нея совершенно не по силамъ. Феня не могла войти въ эту жизнь: всѣ ея попытки заработать деньги,—за исключеніемъ того вечера, когда она встрѣтила брата и потомъ пошла съ вѣжливымъ чужимъ господиномъ, оканчивались неудачей. Она никому не была нужна тамъ, гдѣ кромѣ нея были другія. Ея робость, ея глупость вызывали дружный смѣхъ новыхъ сосѣдокъ. Неотступная мысль о братѣ дѣлала ее разсѣянной. Ей все казалось, что Андрюша гдѣ-то тутъ, близко, что онъ придетъ, что онъ встрѣтится ей непремѣнно, сегодня-же, на томъ-же мѣстѣ. Нѣсколько разъ она выходила на улицу днемъ. Въ воздухѣ стоялъ праздничный трезвонъ. Было тепло, солнечно, оживленно. Феня смотрѣла на красныя яйца, которыя продавали на лоткахъ, и думала о томъ, какъ она похристосуется съ Андрюшей. Но пасхальная недѣля уже миновала. Андрей нигдѣ не встрѣчался. По тротуару шли безъ конца, толпами и въ одиночку, чужіе люди. Онъ былъ спрятанъ гдѣ-то, въ одномъ изъ этихъ высокихъ многооконныхъ домовъ.—Богъ знаетъ гдѣ.—Если-бы спросить у кого нибудь! Можетъ быть, кто нибудь и знаетъ... Такой большой городъ, ничего не найти, всѣ чужіе. Дни проходили. Фенина хозяйка выходила изъ себя, и каж-

дый вечеръ, заслышавъ ея шаги, Феня поспѣшно одѣвалась и бѣжала на улицу. Стояли уже майскіе, прозрачно-сумрачные вечера. Феня узнавала на улицѣ своихъ сосѣдокъ по квартирѣ. Онѣ ходили попарно. пересмѣивались, визжали и приставали къ прохожимъ или стояли въ одиночку на углахъ, со своими модными крылатыми шляпами, словно тоскующія, хищныя птицы. А Феня всего пугалась. Одинъ разъ, когда она стояла вечеромъ подлѣ освѣщеннаго магазина, утомленно ожидая чего-то и не переставая думать объ Андрюшѣ, ее окликнулъ грубый чужой голосъ и пьяный краснолицый мужикъ обхватилъ ее руками. Она вскрикнула, вырвалась и убѣжала...

Хозяйка посылала ее гулять вмѣстѣ съ другой дѣвицей, уже не очень молодой и нахальной, но и въ этотъ разъ Фенѣ не повезло. На слѣдующій день ее оставили въ наказаніе безъ обѣда.

На улицѣ стоялъ теплый вечеръ. Феня притихла въ своей коморкѣ, сидя у открытаго окна. Въ сосѣдней мастерской уже смолкъ трескъ и лязгъ металическихъ ударовъ. Мастеровые, звонко переругиваясь, расходились по домамъ. Все стихло. На противоположной крышѣ послышался протяжный и плачущій, потомъ пронзительный, рѣжущій крикъ кота. Другіе коты и кошки откликнулись тонкимъ, гнусавымъ мяуканьемъ, похожимъ на призывный плачъ ребенка. Легкій бѣгъ послышался на крышѣ, заигрывающее фырканье, потомъ опять тѣ же раздирательные, плачущіе крики. Феня залилась слезами. Ей казалось, что кто-то зоветъ и ждетъ ее, и сама она ждетъ, и нѣтъ никакой надежды...

Вотъ опять идетъ старуха. Опять тѣже ругательства и угрозы. Прогонитъ, завтра же прогонитъ... И Феня отчаянно, надорванно рыдала.

— Тетенька!—говорила она, захлебываясь, — Ой... ой... тетенька! Я пойду! пойду...—Андрюша!..—вскрикнула она вдругъ, неожиданно для самой себя, и выговоривъ его имя, уже не могла остановиться:—Андрюша, тетенька! Онъ... онъ... мнѣ братъ... онъ здѣсь... Онъ меня любитъ... лепетала она, дрожа и захлебываясь слезами.

Хозяйка, тяжело пыхтя, прислушалась.

— Здѣсь, такъ и проваливай къ нему. Братъ тутъ, а она по чужимъ людямъ побирается!..—сказала она съ сварливымъ гнѣвомъ.

— Я не знаю, гдѣ, тетенька... Я пойду... Я... я не знаю куды... Я не знаю... онъ здѣсь... я не знаю, какъ найтить...

И не имѣя больше никакой надежды найти его, Феня рыдала и металась, переставая понимать, что съ ней дѣлается... Потомъ все помутилось въ головѣ. Она припала къ подоконнику и замерла. Хозяйка постояла надъ ней, хлопнула дверью и вышла.

Она рѣшила разспросить Феню про ея брата и спровадить ее, какъ ни къ чему непригодную.

VI.

Сжимая въ рукѣ бумажку съ адресомъ брата, добытымъ сегодня по указанію хозяйки, Феня быстро шла, полная радостнаго смятенія. Это ничего, что хозяйка грозила завтра-же прогнать ее, что она называла ее дрянной и ни къ чему негодной,—теперь ужъ не страшно. Она доберется до Андрюши и все раскажетъ ему, обниметъ его и будетъ просить прощенья, пока онъ не станетъ добрымъ. Всякій разъ, когда съ Феней дѣлалось что-нибудь тяжелое, ей казалось, что она передъ кѣмъ-то виновата и нужно загладить вину. Когда Андрюша сердился и дулся на нее въ дѣтствѣ, она лѣзла ласкаться къ нему, мириться, и просила прощенья, пока онъ, наконецъ, не усмѣхался добродушной улыбкой. И теперь такъ... Она одѣлась въ свое нарядное платье и навела румянецъ на лицо, чтобы лучше понравиться ему. Ей представлялось, что только она доберется, все будетъ попрежнему, какъ въ дѣтствѣ, въ полутемной сторожкѣ отца у полосатаго шлагбаума. Запыхавшись отъ быстрой и долгой ходьбы, Феня поднялась на высокую лѣстницу и позвонила у двери. Она едва могла объяснить прислугѣ, съ изумленіемъ осмотрѣвшей ее, кого-ей было нужно. Изъ комнаты, прилегавшей къ передней, доносился громкій и горячій разговоръ. Фенѣ казалось, что она узнаетъ голосъ Андрюши. Горничная попросила ее подождать и вышла. Феня увидѣла, черезъ открывшуюся дверь, накрытый чайный столъ и теплый свѣтъ уютной комнаты. Она торопливо скинула пальто и шляпу. За стѣной не громко переговаривались. Потомъ дверь распахнулась и Феня увидѣла Андрея. Онъ, казалось, недоумѣвалъ—словно не узнавалъ ее.

— Андрюша,—прошептала она.—Это я...

Андрей подался нѣсколько впередъ, вглядываясь въ это странное набѣленное лицо, съ некрасивой косматой челкой, и узналъ Феню. Онъ не ожидалъ увидѣть ее такой.

— Феня? Ахъ, Боже мой! Мнѣ и въ голову не пришло, что это ты.—Онъ какъ-то растерянно подалъ ей руку и сейчасъ-же повернулся къ двери.

— Это сестра моя,—сказалъ онъ громко.

Феня увидѣла издали стройную даму въ черномъ платьѣ. И вдругъ ей стало страшно. Все это было совсѣмъ не такъ, какъ она ожидала. Что это такое? Онъ не радъ ей...

— Я не знаю, что-жъ, мнѣ пожалуй, провести ее къ себѣ? — спросилъ Андрей.

— Нѣтъ, отчего-же... все равно. Попроси ее, пожалуйста, сюда, твою сестру.

Феня робко вошла вслѣдъ за Андреемъ. Надежда, волненіе, все

пропало. Она перестала понимать, что вокругъ нея дѣлается, — гдѣ и съ кѣмъ она.

Нина поднялась, взглянула на Феню, поклонилась ей, и, точно сконфузившись, сѣла на прежнее мѣсто, передъ потухшимъ самоваромъ и пустыми стаканами. Феня мелькомъ замѣтила все это среди своего глубокаго смущенія и перевела глаза на брата. Онъ былъ другой, не прежній: подъ глазами его обозначились синіе круги, носъ выдался.

— Ну, что-жъ, Феня, ты теперь въ Петербургѣ? —спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія, которое было такъ тягостно ему самому, что на похудѣвшихъ, точно сдавленныхъ вискахъ его надулись жилки.

— Да.

Андрей сталъ искать чего-то на столѣ.

— Что ты?—спросила Нина.

— Спички тутъ... не знаю гдѣ.

— Кажется, у тебя въ карманѣ.

— Ахъ да, дѣйствительно.

Онъ торопливо закурилъ папиросу. Феня смотрѣла на него, не отводя глазъ, съ застывшимъ любопытствомъ, съ испугомъ въ душѣ. Она не знала больше, что хотѣла сказать ему.

— Кажется, я стѣсняю васъ?—сказала Нина, поднимаясь.—Можетъ быть, вамъ надо поговорить о какихъ-нибудь домашнихъ дѣлахъ?

Она не знала, какъ держать себя, что дѣлать. Ей и въ голову не приходило, что сестра Андрея могла быть такою. Это безвкусное яркое платье, это некрасивое, тупое, намазанное лицо съ остановившимися черными глазами!

— Нѣтъ, отчего-же... Кажется, у насъ съ Феней нѣтъ особенныхъ секретовъ.

— Ну, все равно, я потомъ приду,—неувѣренно сказала Нина и вышла въ сосѣднюю комнату.

Феня взглянула ей вслѣдъ, перевела глаза на Андрея и на минуту ей показалось, что стало легче.

— Ну, что ты, Феня?—получаешь извѣстія изъ дому?

— Нѣтъ,—испуганно прошептала Феня.

Она поняла, что онъ ничего не зналъ, что надо все разсказать ему.

— Я вотъ... я у хозяйки...—начала она.

— Какъ это?—спросилъ Андрей, и взглянувъ на нее, вдругъ болѣзненно сморщился, опустилъ голову и сталъ ломать дрожащими руками спичечную коробку.

Феня ничего не могла больше сказать. Надо было сказать все сразу, надо было, чтобъ онъ понялъ, что долженъ спасти ее, что хозяйка ее прогонитъ и, главное, что она любитъ его и на него одного

надѣется. Она молча глядѣла на него. ожидая, что онъ подниметъ голову, посмотритъ на нее. Еслибъ онъ только посмотрѣлъ.

— Что-жъ, тебѣ теперь, пожалуй, все-таки веселѣе, чѣмъ у тетки?— съ трудомъ проговорилъ Андрей искусственнымъ, неровнымъ голосомъ.

Опять Феня чувствовала, что ей надо сказать все сразу, но словъ не было, и ее охватывала мелкая, холодная дрожь.

— Какъ это ты мой адресъ узнала?—спросилъ Андрей, не обративъ вниманія на то, что она не отвѣтила на его предыдущій вопросъ.

— А мнѣ хозяйка... она... она сама посылала..., она сказала... вонъ прогонитъ,—проговорила Феня.

— Ахъ вотъ какъ, хозяйка послала!—Скорбная и брезгливая улыбка прошла по лицу Андрея.—Зачѣмъ-же она собственно послала тебя?

Ему почудилось, что какая-то скверная женщина, хозяйка этой несчастной Фени, послала ее сюда для вымогательства, для какихъ-то грязныхъ цѣлей.

Феня почувствовала раздражительную ноту въ его голосѣ и смутно поняла, что пропасть, отдѣляющая ихъ, все увеличивается. Она тупо смотрѣла на чистую бѣлую скатерть, на вазочку съ вареньемъ, въ розовомъ сиропѣ котораго плавали красныя ягоды. Дыханіе стало частымъ и всхлипывающимъ. Но даже слезъ не было у нея на этотъ разъ.

Она забывала отъ волненія, о чемъ хотѣла просить его. Потомъ одна мысль, съ усиліемъ пробираясь въ потемкахъ, всплыла передъ ея глазами.—Чтобъ взять...—заговорила она:—чтобъ отъ нея къ себѣ...

— Что взять, Феня?

— Чтобъ меня... къ себѣ... Она меня бить будетъ... У ней тамъ Паша одна...

— Ахъ, Феня, это ужасно тяжело то, что ты говоришь! Но что же я могу...—Андрей прикрылъ глаза рукой.

— Андрюша милый!.. Я не могу у ней... Я къ тебѣ... Я... я умру у ней!

— О что ты, Феня! полно!

Онъ всталъ и перевелъ духъ.

— Ты говоришь—бить будетъ. Да она права не имѣетъ. Ты жаловаться можешь. И потомъ, вѣроятно, тебѣ это такъ кажется,—не можетъ быть, чтобъ она била...

Феня взглянула на него, на его лицо—во всей его фигурѣ было какое-то безпокойство и нетерпѣніе—и тоже встала. Ей хотѣлось объяснить ему, что она говоритъ правду. Но дрожь въ ногахъ стала такой мучительной, что ей показалось, будто она сейчасъ упадетъ.

— Ты успокойся, Феня! Право, я думаю, тебѣ это только такъ показалось. Ну, а если она будетъ бить, ты придешь и скажешь мнѣ.

Она хотѣла возразить ему. Какія-то слова съ холоднымъ звономъ толклись въ ея опустѣвшей головѣ. Она уже не помнила, сказала ли ихъ вслухъ или нѣтъ.

По тому, что онъ взглянулъ на дверь, она почувствовала, что онъ ждалъ ея ухода. И она пошла. Онъ проводилъ ее въ переднюю и сказалъ что-то, чего она какъ будто не дослышала. Сырая каменная лѣстница, уходившія внизъ ступеньки... Голова такъ кружится, что можно упасть.

VII.

Феня почувствовала, что ее обдало тепломъ. Въ душномъ воздухѣ собиралась первая гроза. Феня шла, все шибче, шибче, точно въ бреду. Смутно мелькали встрѣчные люди; раздавалась пьяная пѣсня; изъ открытаго окна подвала валилъ смрадъ. За красной кумачной занавѣской трактира ревѣлъ органъ. Все смѣшивалось, перебивалось. Теплая, почти жаркая ночь... На одномъ перекресткѣ движеніе воздуха принесло съ собою прохладный запахъ распускающихся тополей. Феню опять бросило въ лихорадочную дрожь. Но теперь ужъ скоро. Вотъ Мойка. Дома, дома, ворота, знакомые дворы. Феня поднималась по скользкой темной лѣстницѣ. Двери открыты. Вотъ ея комната. Она вошла, быстро раздѣлась и остановилась...

Андрюша!... подумала она, какъ всѣ эти дни, просыпаясь утромъ. И вдругъ она поняла, что все кончено, что она уже была у него и что все это не вышло. Она даже не поцѣловала его и ничего не сказала ему какъ слѣдуетъ, а онъ уже отказалъ и не было больше никакой надежды. Ноги ея подкосились. Она бросилась на полъ, головой на мягкій край постели, и рыдающій крикъ вырвался изъ ея горла. Нестерпимая боль стянула все ея жилы, сдавила глотку. Казалось, что грудь ея, мозгъ разрывается отъ тоски. Пронзительные, воющіе, скрежещущіе звуки наполняли комнату и, забывая, откуда они шли, Феня цѣпенѣла отъ ужаса и тоски. Все росла и ширилась тоска, потому что ей не на чемъ было остановиться... Открывшаяся дверь пропустила въ комнату полосу свѣта. Грубый голосъ хозяйки раздался надъ Феней и ударилъ ее точно кнутомъ. Она вся съежилась, замерла отъ испуга Сыпались какія-то безобразныя слова, отъ нея чего-то требовали, запрещали плакать, гнали ее...

Потомъ дверь хлопнула съ легкимъ звономъ металической защелчки. Феня сидѣла на полу съ широко открытыми воспаленными глазами. Въ душной темнотѣ комнаты ей представился накрытый чайный столъ ея брата,—и она опять зарыдала отъ обиды, отъ отчаянія. Послѣ минутнаго затишья стало еще страшнѣе. И опять ростетъ тоска и боль во всемъ тѣлѣ, сверлитъ колѣни, душитъ горло... И все красныя ягоды

варенья передъ глазами, и накрытый столъ, за которымъ ей не дали чаю, и Андрюша, Андрюша, котораго она даже не поцѣловала. Никогда не кончится эта боль, съ каждой минутой все хуже. Шея стянута рыданьемъ, словно рѣжущей веревкой, такъ что распухшій языкъ выходилъ изъ горла. Вотъ сейчасъ совсѣмъ сдавитъ, до смерти, — больнѣе, страшнѣе этого не будетъ,—только-бы скорѣе... И Феня вскочила. Все освѣтилось одной мыслью. Вотъ веревка, здѣсь, подъ кроватью,—вещи ея перевязывали, когда везли сюда. И она схватила эту цѣпкую, шершавую веревку, дрожа, прислушиваясь, и стала завязывать ее и прилаживать, и къ чему-то примащиваться, долго и неловко. Только-бы не упасть,—темно, такъ больно тянетъ колѣни. Вотъ сейчасъ. Гвоздь съ платьемъ... Трепещущія руки сбрасываютъ это ненужное платье на полъ, нащупываютъ что-то. Нестерпимая тошнота разливается во всемъ тѣлѣ... Деревянный стулъ тяжело полетѣлъ на полъ. Грубая боль рванула глотку и затылокъ свела ноги. Все освѣтилось багровымъ свѣтомъ, красная волна захлестнула мозгъ... Стало темно и тихо.

Л. Гуревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. С. Лѣсковъ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

«Томленіе духа». — Смиренный Коза и его фантазіи. — Праздничное явленіе божества —Сѣрые будни.—Волшебство въ искусствѣ. —«Чертогонъ».—Штрихи изъ личной жизни Лѣскова.—Описаніе чертогона.—Безобразная фантазія и покаяніе.—Философія чертогона.—Пизонскій, «воронъ» Авениръ и «бѣлая лебедь» Платонида. — Драматическія событія и тишина.—Оттѣнки тихой правды.—«Благотишное пристанище».— «Тупейный художникъ». — Страсть въ изображеніи Лѣскова. — Цыбастая и рыхлая красавицы.—Любимый типъ русской женщины въ разобранныхъ произведеніяхъ. — Хроники Лѣскова.—Карлики.—Поблекшія картины стариннаго письма.—«Овцебыкъ» и «Безстыдникъ».

I.

Одинъ небольшой разсказъ въ произведеніяхъ Лѣскова называется «Томленіе духа». Трудно представить себѣ силу таланта, которая достигла-бы на немногихъ страницахъ болѣе полнаго и значительнаго впечатлѣнія. Отъ начала до конца разсказъ этотъ, представляющій, быть можетъ, отроческое воспоминаніе автора, кажется чудесной фантазіей на божественную тему—фантазіей, сложившейся изъ самыхъ простыхъ жизненныхъ явленій и ощущеній. Какъ и въ предыдущихъ художественныхъ очеркахъ, Лѣсковъ раскрываетъ здѣсь то міровоззрѣніе, которое должно принадлежать первоначальнымъ моментамъ религіознаго развитія. Тѣ-же черты, съ какими мы встрѣчались въ «Соборянахъ», «Запечатлѣнномъ ангелѣ» и «На краю свѣта», мы находимъ и въ настоящемъ разсказѣ, но только еще болѣе просвѣтленными, еще болѣе обостренными и, въ цѣломъ, еще болѣе вдохновенными. По изяществу исполненія «Томленіе духа» находится на одной высотѣ съ величайшими произведеніями русскаго искусства, не уступая даже лучшимъ разсказамъ Толстого. Иногда, читая этотъ разсказъ, какъ-бы теряешь отчетливость

чисто художественнаго воспріятія: слышится что-то пѣвучее, гармоническое, торжественное, несмотря на примитивность содержанія, радостное и трогательное, какъ тихій шелестъ молодой весенней листвы. При необычайной точности, образы даютъ одно нераздѣльное впечатлѣніе—чудесное, непостижимое, обновляющее. Какъ настоящій художникъ, Лѣсковъ открываетъ неожиданныя глубины подъ самыми ничтожными фактами, и небольшое повѣствованіе становится живительнымъ изліяніемъ, свободнымъ отъ случайныхъ ограниченій мѣстныхъ и историческихъ красокъ. Въ каждомъ языкѣ должны найтись слова, которыя могли-бы передать эту свѣжую и свѣтлую красоту первыхъ непосредственныхъ соприкосновеній души съ тайною міра, блаженное ощущеніе божества, освобождающее отъ тягостной прозы повседневной жизни.

Прослѣдимъ этотъ великолѣпный очеркъ во всѣхъ его подробностяхъ.

По счастливому вдохновенію, которое не допускаетъ никакихъ ошибокъ въ выборѣ словъ, Лѣсковъ на девяти страницахъ разбросалъ рѣдкія сокровища своего литературнаго стиля. Отдѣльныя выраженія, производящія на душу мгновенное и вначалѣ неуловимое дѣйствіе, становятся понятными, когда разсказъ дочитанъ до конца, когда угадывается, наконецъ, его таинственная и многообъемлющая философія. И какъ это постоянно бываетъ въ художественныхъ произведеніяхъ, мудрыхъ подобно органическимъ произведеніямъ божества,—философія автора, вдругъ блеснувшая передъ сознаніемъ, сейчасъ-же опять облекается въ приданную ей форму, потому что эта форма является ея совершеннымъ выраженіемъ, потому что внѣ этой формы она лишена жизни и можетъ говорить только къ разсудку. Критическій анализъ, какъ и при чтеніи «Запечатлѣннаго ангела», долженъ обратиться здѣсь не къ отдѣльнымъ картинамъ и эпизодамъ, но къ отдѣльнымъ словамъ, которыя заключаютъ въ себѣ разгадку безсознательнаго и сознательнаго творчества писателя. Герой разсказа — гувернеръ-нѣмецъ, Иванъ Яковлевичъ, по прозванію Коза, человѣкъ смирный и хорошій, «но съ фантазіями». Слово «фантазія» имѣетъ особенный смыслъ въ этомъ повѣствованіи, какъ слово «очарованіе» въ другихъ произведеніяхъ Лѣскова. Ивана Яковлевича пригласили въ помѣщичій домъ съ уговоромъ, чтобы онъ обучалъ дѣтей нѣмецкому языку, но никакихъ своихъ фантазій никому не показывалъ. Читатель чувствуетъ, что въ этомъ чудаковатомъ нѣмцѣ откроются какія-то очаровательныя фантазіи. На одной страницѣ и въ тѣсной близости авторъ бросаетъ это слово, возбуждая къ нему особенный интересъ. Смирный Коза три мѣсяца твердо и невозмутимо исполнялъ свои учительскія обязанности, но потомъ вдругъ не выдержалъ тона и показалъ фантазію, которая всѣхъ ошеломила. Въ домъ помѣщика заѣхала однажды въ гости жена губернатора съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ одиннадцати. Дѣти пошли въ фруктовый садъ и тамъ гость оборвалъ какую-

то рѣдкостную сливу. «Мы испугались его поступка, говоритъ разсказчикъ, и дали себѣ клятву во всемъ запираться и ничего не сказывать». Когда кража обнаружилась, хозяинъ дома, подозрѣвая ни въ чемъ неповиннаго сына садовника, велѣлъ наказать его розгами. Прикрытый мальчиками, губернаторскій сынъ молчалъ. Но двое изъ дѣтей не выдержали клятвы и бросились съ признаніемъ къ Козѣ. Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ, почувствовавъ, что время смиренія прошло. Дѣти поклялись не выдать правды и допустили совершить насиліе надъ невиннымъ, вопреки благому совѣту Христа — чтить свою свободу прежде всего, не заграждая путей для правды никакими формальными обѣщаніями и стѣсненіями. Коза волнуется и со слезами на глазахъ упрекаетъ мальчиковъ, объясняя имъ, что они совершили отвѣтственный поступокъ, который разрѣшится въ немъ бурными фантазіями и радостнымъ возмущеніемъ противъ «тьмы вѣка». Уже готовый дать исходъ бунтующимъ чувствамъ, Коза на минуту приложился лбомъ къ холодному оконному стеклу, вздохнулъ и побѣжалъ изъ комнаты. На слѣдующее утро дѣти узнали отъ дворовой дѣвушки, что Иванъ Яковлевичъ явился къ господамъ «въ безчеловѣчномъ видѣ» и сдѣлалъ неслыханную фантазію, разсказавъ губернаторшѣ про недостойное поведеніе ея сына. Этотъ мальчикъ стерпѣлъ, чтобы высѣкли того, кто не былъ ни въ чемъ виноватъ. Онъ былъ причиною того, что его товарищи дали клятву скрыть виновника, хотя Іисусъ Христосъ «никому не позволялъ и *просилъ*» не давать никакихъ клятвъ. Съ губернаторшей сдѣлалось дурно, а Козѣ немедленно отказали отъ мѣста. Три слова въ этомъ разсказѣ старой дворовой дѣвушки: фантазія, безчеловѣчный видъ и «просьба» Христа—незамѣтно рисуютъ божественный духъ своеобразнаго бунтаря, который, при первыхъ признаніяхъ дѣтей, еще не побѣдивъ своего негодованія, уже предвкушаетъ сладость предстоящаго страданія въ Богѣ и ту успокоительную душевную прохладу, къ которой приведетъ его «безчеловѣчная» борьба съ тьмою вѣка. Фантазія обнаружилась. Этотъ человѣкъ, смиренный по натурѣ, ничтожный и безсильный среди житейской суеты, вдругъ облекается «безчеловѣчнымъ видомъ», иначе говоря—обнаруживаетъ передъ людьми то, что въ немъ есть сверхчеловѣческаго, не прозаическаго и обычнаго, а фантастическаго, не личнаго и всегда безсильнаго, а мірового и всемогущаго. Повседневная работа его, какими-бы путями она ни шла, представляется лишь сплошнымъ томленіемъ духа, тоскою по Богѣ. Скрытыя силы бродятъ въ немъ тихо и незримо, чтобы вдругъ разрѣшиться очистительною грозою. Настанетъ моментъ, когда фантазія одѣнется въ плоть и кровь и, ничего не теряя въ своей безплотности, пройдетъ передъ людьми живымъ и говорящимъ видѣніемъ, какъ высшая міровая правда, какъ само божество въ своемъ праздничномъ торжественномъ воплощеніи, какъ сим-

волъ воинствующей, но нѣжной правды. Съ обаятельнымъ невѣдѣніемъ грубо-человѣческихъ условностей, Коза напоминаетъ губернаторшѣ, что Христосъ *просилъ* не давать никакихъ клятвъ: Христосъ просилъ не клясться—однимъ только словомъ, неожиданнымъ по своей чарующей простотѣ, художникъ превращаетъ своего чудаковатаго героя въ провозвѣстника самыхъ отдаленныхъ и благословенныхъ временъ, самыхъ сокровенныхъ переворотовъ въ человѣческой исторіи,—наиболѣе благороднаго пониманія того, какими должны быть отношенія людей другъ къ другу и къ Богу. Христосъ «просилъ», а не приказывалъ, потому что онъ былъ нѣжнѣйшимъ изліяніемъ божественной правды на землѣ, потому что въ его личности вся исторія новокультурнаго человѣчества сдѣлала поворотъ къ тихой и мудрой глубинѣ, потому что его ученіе, показавшее человѣка въ мягкомъ свѣтѣ божества, создало идеалъ новой красоты — красоты самоотреченія и безнасильнаго освобожденія. Прежняя человѣческая религіозность, которая питала личное начало въ ущербъ высшему безличному, проявлялась въ фантазіяхъ жестокаго изступленія, — новая религіозность, соединенная съ болѣе широкимъ и проникновеннымъ кругозоромъ, должна была вылиться въ фантазіяхъ, чуждыхъ порывамъ себялюбія и внѣшней стихійности, въ фантазіяхъ, имѣющихъ непреодолимую силу нѣжнаго протеста и сопротивленія. Такимъ именно фантазеромъ является герой настоящаго разсказа, нѣмецъ Коза, описанный безъ привычнаго для Лѣскова національнаго колорита—какъ-бы для того, чтобы раздвинуть горизонтъ религіознаго созерцанія и придать ему общечеловѣческое значеніе. Онъ возмутился противъ тьмы вѣка и, совершивъ подвигъ нравственнаго прямодушія, далъ исходъ своей божественной фантазіи. Козѣ показываютъ, «гдѣ Богъ и гдѣ порогъ», и авторъ въ немногихъ словахъ, таящихъ въ себѣ скорбную сатиру на грубое насиліе, даетъ почувствовать, что насиліе это не угнететъ, а подниметъ восторженную душу нѣмца. Оно разрѣшитъ его духовное томленіе и разсѣетъ сѣрые туманы, которые заглушаютъ въ человѣкѣ животворное ощущеніе божества. Совершится торжественное чудо непосредственнаго объединенія между человѣкомъ и Богомъ,—и вся фигура смѣшного гувернера озарится особеннымъ, неземнымъ сіяніемъ. Изъ человѣка, который молчалъ, терпѣлъ, неслышно исполняя мелкія, прозаическія обязанности, онъ обращается, на глазахъ читателя, въ какого-то прекраснаго говорящаго духа, слова котораго дѣйствуютъ прямо на сердце, волнуютъ его и незамѣтно пріобщаютъ къ тайнамъ міра. Даже не почувствовавъ ни на мгновеніе, что онъ униженъ передъ людьми, Коза уходитъ изъ помѣщичьяго дома спокойно и торжественно, съ лицомъ, выражающимъ веселіе. Его поджидаютъ на дорогѣ два любимыхъ ученика, которыхъ онъ привѣтствуетъ словами, полными великаго удовольствія. «Прекрасно, дѣти! Прекрасно!—воскли-

цаетъ онъ. О, сколько для меня есть радости въ одну эту минуту». Дѣти выражаютъ ему свое глубокое сочувствіе, безпокоятся о его будущей участи, но Коза, освѣженный душевною бурею, объясняетъ имъ великія истины страстотерпическаго подвига съ умилительною простотою. Нѣтъ почти никакихъ логическихъ доводовъ, есть одно только изліяніе духа въ словахъ, дѣйствующихъ подобно легкому освѣжительному вѣтерку. Нѣсколькими до геніальности художественными фразами Лѣсковъ передаетъ тайную музыку божественной логики, и обычныя человѣческія умозаключенія незримо сливаются въ одно цѣлое и просвѣтленное настроеніе ума, который до глубины видитъ то, что смутно ощущаетъ сердце. Вотъ моментъ въ литературной дѣятельности Лѣскова, когда онъ явнымъ образомъ превзошелъ самого себя — порывомъ проповѣдническаго таланта, который часто измѣнялъ ему, падалъ и переходилъ, при столкновеніи съ новыми жизненными явленіями. въ талантъ мелко и злостно обличительный. Передъ нами человѣкъ и Богъ въ явномъ союзѣ. Не только понимаешь. но и видишь, чувствуешь, какъ-бы осязаешь, что вдохновенная рѣчь изгоняемаго нѣмца проникнута божественною силою— слышишь ея вѣяніе и невольно. непосредственно самъ вовлекаешься въ игру таинственныхъ и волшебныхъ ощущеній, разлитыхъ во всѣхъ подробностяхъ картины. Что-то истинно сверхчувственное воплотилось въ трогательной сценѣ прощанія героическаго учителя съ учениками. Коза, съ блаженствомъ настоящаго проповѣдническаго наитія, разсказываетъ дѣтямъ то, что онъ сдѣлалъ. и почему онъ сдѣлалъ такъ. а не иначе. Надо было разсѣять стѣсненіе. созданное необдуманною клятвою, и онъ, Коза, пришелъ и разсѣялъ. «Надо было разорить, — восклицаетъ онъ, — и я разорилъ. Надо было бунтовать и я бунтовалъ... Проснулся къ жизни духъ, свободный духъ отъ всякой клятвы. И я пошелъ, я говорилъ, я стеръ, я опровергъ клятву». Клятва дѣтей создала ложь и насиліе надъ невиннымъ,—и вотъ они измѣнили тому, кто выше всѣхъ на свѣтѣ, кто уничтожилъ страхъ, кто одинъ только истинно управляетъ благими помыслами людей. Когда слышится вѣяніе Христа,—страха нѣтъ. «Гдѣ онъ здѣсь? восклицаетъ Коза съ безмѣрнымъ вдохновеніемъ. Его здѣсь нѣтъ. Здѣсь трое насъ и кто между насъ? А! Кто? Страхъ? Нѣтъ, не страхъ. а нашъ Христосъ! Онъ съ нами! Что? Вы это видите-ли? Вы это чувствуете-ли? Вы это понимаете-ли?» *Видѣть* Христа, не ограничиваясь только идейными соприкосновеніями съ нимъ,—вотъ вѣковѣчная задача, непостижимая, но возможная. живая, но требующая сверхчеловѣческаго проникновенія. Именно въ этомъ порядкѣ: видѣть, чувствовать и понимать—совершается многозначительный процессъ непосредственнаго общенія съ Богомъ въ простыхъ и цѣльныхъ натурахъ, какія изображаетъ Лѣсковъ. Пониманіе Бога является въ нихъ только завершеніемъ того, что дѣлается въ простыхъ ощущеніяхъ, и само это

пониманіе, отъ начала до конца, проникнуто живительной силой религіознаго чувства, превращающаго страданіе въ веселіе, всегда освободительнаго и героическаго по отношенію къ жизни, всегда торжественнаго и въ то-же время бодрящаго. «Я радъ! Я очень радъ! восклицаетъ Коза. Мы ведемъ войну противъ тьмы вѣковъ и противъ духа злобы, а они гонятъ насъ и убиваютъ, какъ ранѣе гнали и убивали тѣхъ, которые были во всемъ насъ лучше». Коза идетъ къ «блаженной вѣчности», и теперь, когда ему только что показали, гдѣ Богъ и гдѣ порогъ, онъ чувствуетъ себя на вершинѣ своего человѣческаго и сверхчеловѣческаго назначенія. Онъ идетъ къ блаженной вѣчности, не разбирая, «по какому тракту», потому что важно только «божье дѣло», которое начинается страданіемъ и томленіемъ и кончается просвѣтленіемъ и освобожденіемъ. Онъ бѣдный грѣшникъ, который вышелъ изъ полнаго ничтожества, онъ «червякъ, который выползъ изъ грязи». Но Богъ не смотритъ на его ничтожество. Онъ держитъ его «на своихъ колѣняхъ», онъ носитъ его «въ своихъ объятіяхъ, какъ сына, который не умѣетъ ходить», онъ не бросаетъ его, не сердится на него за то, что онъ такой «неумѣха». Не взирая на ограниченность его понятій, Богъ дастъ ему возможность уразумѣть себя—какъ разъ столько, сколько ему нужно. Онъ говоритъ къ нему духомъ, и когда приходитъ спасеніе, человѣкъ не спрашиваетъ, откуда оно пришло. «И это все надо тихо,—говоритъ Коза. Тссъ! Богъ идетъ въ тишинѣ. Still!» Слово, которое звучало почти на каждой страницѣ «Соборянъ», произносится здѣсь въ минуту высшаго подъема художественной и отвлеченной фантазіи автора. Богъ открывается тихо—въ глубинѣ и тишинѣ человѣческой души, какъ высшая мудрость, которая не шумитъ, а нѣжно чаруетъ разумъ, которая не разливаетъ никакого паѳоса, а прохладно навѣваетъ смиренный экстазъ передъ блаженной вѣчностью. Это настроеніе, достойное исключительнаго таланта, овладѣвало Лѣсковымъ каждый разъ, когда онъ касался родной стихіи простой, цѣльной, неразрушимой вѣры, съ ея фантастическими откровеніями и сверхчеловѣческими радостями. Обращаясь къ религіи праведниковъ и божьихъ людей, онъ становился настоящимъ волшебникомъ слова, придумывая самые тонкіе оттѣнки для выраженія того, что постоянно развивается и накипаетъ въ ихъ нетронутыхъ душахъ, что придаетъ ихъ страдальческой жизни плѣнительное изящество, сверхчувственную красоту. Въ безсознательномъ для самого себя откровеніи, Лѣсковъ говоритъ какими-то таинственными, загадочными словами, которыя въ совокупности создаютъ впечатлѣніе именно художественнаго волшебства. Произнеся слова о Богѣ, грядущемъ въ тишинѣ, Коза начинаетъ шептать молитву съ глазами полными слезъ. Мальчики, безъ его приглашенія, снимаютъ съ головы свои шапочки и молятся съ нимъ. Затѣмъ Коза прощается съ ними, обни-

маетъ и цѣлуетъ ихъ и уходитъ въ городъ, «совершенно безпріютный и совершенно счастливый». Дѣти слѣдили сквозь слезы за удаляющимся учителемъ. Какъ-бы не удовлетворяясь впечатлѣніемъ, имѣющимъ чисто-нравственный характеръ, Лѣсковъ дополняетъ картину нѣсколькими мѣткими штрихами, одновременно красочными и, такъ сказать, метафизическими, и картина становится настоящимъ чудомъ просвѣтленнаго искусства. Слѣдя за удаляющимся Козою, мальчики чувствуютъ, что онъ метнулъ въ нихъ «что-то острое и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное до восторга». Онъ что-то призвалъ на нихъ, чѣмъ-то обвѣялъ ихъ, и они захотѣли понять какую-то тайну, и бросились за нимъ. «Иванъ Яковлевичъ! Иванъ Яковлевичъ!»—закричали они. Коза остановился, обернулся, и тогда мальчикамъ показалось, что онъ вдругъ сдѣлался «какой-то другой: выросъ какъ-то и разсвѣтился». Авторъ чувствуетъ, что онъ приблизился къ тѣмъ тайнамъ художественнаго творчества, которыя не могутъ вызвать довѣрія въ прозаическихъ умахъ: «вѣроятно это происходило отъ того, говоритъ Лѣсковъ, что онъ стоялъ на холмѣ и его освѣщало солнце». Но уже показавъ свою разсудочную трезвость этимъ натуралистическимъ объясненіемъ, художникъ возвращается къ сказочнымъ краскамъ своего описанія, прибавляя, что и голосъ учителя измѣнился: «онъ какъ-будто лилъ слова по воздуху». Въ этихъ фразахъ каждое слово продумано вдохновенно и сильно. Ощущеніе, которое Коза возбуждаетъ въ своихъ ученикахъ, должно быть острымъ и радостнымъ до восторга, потому что оно пронизываетъ своимъ свѣтомъ тьму духовнаго томленія, потому что оно ставитъ человѣка лицомъ къ лицу не съ земною красотою, которая возбуждаетъ радость, а съ красотою безплотной правды, которая возбуждаетъ восторгъ. Вызвавъ въ дѣтяхъ чувство духовной благодати, Коза тѣмъ самымъ измѣняетъ ихъ сознаніе и заставляетъ ихъ видѣть вещи въ новомъ свѣтѣ: этимъ объясняется, почему онъ самъ кажется имъ теперь другимъ, просвѣтленнымъ, хотя, можетъ быть, вся перемѣна произошла въ данномъ случаѣ только въ нихъ. Каждое слово многозначительно, какъ художественный символъ, каждая фраза изображаетъ одинъ изъ неслышныхъ переходовъ духа отъ томленія къ радостному очарованію, отъ прозаическаго бездѣйствія къ разрушительнымъ и освободительнымъ фантазіямъ.

Но чудо вдохновеннаго искусства продолжается, и на одной страницѣ мы имѣемъ нѣсколько глубокомысленныхъ эффектовъ, достойныхъ самаго внимательнаго истолкованія. Когда талантомъ овладѣваетъ безсознательная сила творчества, писатель самъ не видитъ своего дѣла, не сознаетъ значенія своихъ словъ, которыя живутъ помимо него, какъ бы отдѣльной отъ него жизнью. Никогда, ни въ какомъ самомъ удачномъ разговорѣ, Лѣсковъ не намѣтилъ бы ни единымъ штрихомъ такой широкой правды, какая неслышно переливается въ заключительной сценѣ

его разсказа. Каждое выраженіе требуетъ утонченнаго истолкованія, хотя, и не будучи истолковано, оно дѣйствуетъ на душу какъ-то непосредственно и незамѣтно. Дѣти спрашиваютъ учителя, увидятся ли они съ нимъ когда-нибудь. и Коза даетъ отвѣтъ—не то прямой, ни то аллегорическій, отъ котораго горитъ и трепещетъ ихъ сердце. Они увидятся, говоритъ Коза. совсѣмъ неожиданно и потомъ опять пройдетъ время, когда его не будетъ. пока новый неожиданный случай не откроетъ его для нихъ—все равно гдѣ. какимъ бы пространствомъ они ни были раздѣлены. Вотъ черта настоящаго. чисто народнаго пониманія присутствія божества въ мірѣ. Учитель даетъ понять дѣтямъ, что свиданіе съ нимъ, который въ эту минуту выражаетъ не свою личную. а міровую истину, который въ эту минуту преобразился въ божествѣ, совершенно не зависитъ ни отъ какихъ пространственныхъ ограниченій, но случается въ особенно торжественные. какъ бы праздничные моменты жизни, когда душа пережила глубокое потрясеніе. Томительные будни повседневнаго существованія, проходящіе подъ облачнымъ небомъ, смѣняются вдругъ на мгновеніе роковымъ событіемъ, которое пріобщаетъ человѣка къ Богу. Явленіе Бога смѣняетъ суету и сухую прозу. которая обыкновенно держитъ въ плѣну и безплодно изнуряетъ душу. Въ этомъ раздѣленіи душевной жизни на будни, полные тягостныхъ томленій и волнующихъ ожиданій. и на праздники, освященные живымъ соприкосновеніемъ съ Богомъ, сказалась вся простота и умилительная прелесть первоначальнаго религіознаго созерцанія. уже недоступная на высшихъ ступеняхъ умственнаго развитія и образованія. Тонко постигая русскую народную стихію въ томъ. что есть въ ней непосредственнаго и неразработаннаго никакими историческими вліяніями, и даже самъ принадлежа къ ней своими природными духовными инстинктами, Лѣсковъ заставляетъ своего героя изрекать слова. близкія и понятныя каждому читателю. Учитель и ученики обмѣниваются очень немногими словами, но они сердцемъ угадываютъ торжественную правду его аллегорическаго пророчества, они видятъ, чувствуютъ и понимаютъ то, что скрыто въ немъ,—тотъ утѣшительный свѣтъ, который обновляетъ и возрождаетъ душу. Но чудо вдохновеннаго искусства еще не исчерпано. Услышавъ издали прощальное пророчество, дѣти бросаются вслѣдъ за учителемъ,—и вотъ по истинѣ волшебная черта. которою Лѣсковъ запечатлѣваетъ послѣдній эпизодъ разсказа. Дѣти бѣгутъ за учителемъ, а между тѣмъ имъ кажется, что идетъ онъ одинъ—все дальше и дальше отъ глазъ, уменьшаясь въ отдаленіи. Простой обманъ зрѣнія, осложненный возвышенными и поэтическими настроеніями, незамѣтно пріобрѣтаетъ, какъ и простыя прощальныя слова учителя, многозначительный характеръ. Свѣтъ откровенія, внезапно блеснувшій въ человѣческой душѣ, быстро потухаетъ, оставляя въ ней безрадостную тревогу и горестное сознаніе, что, при всей

стремительности внѣшняго движенія, духъ человѣческій остается въ безсильномъ, неподвижномъ, скованномъ состояніи. Человѣку кажется, что онъ покинутъ Богомъ. Со всѣхъ сторонъ на него надвигаются разныя житейскія стихіи, охлаждая воображеніе, угашая свѣтлыя фантазіи. Ничто не рисуется въ тѣхъ чертахъ, которыя только что очаровывали красотою. Изнуренные собственнымъ возбужденіемъ, мальчики въ послѣдній разъ видятъ на горизонтѣ фигуру учителя, но въ эту минуту имъ кажется, что это—маленькій человѣкъ, который «какъ будто даже *смѣшно* затрепеталъ ручками и *побѣжалъ*, побѣжалъ и скрылся». Только что величественный и вдохновенный учитель сталъ маленькимъ, смѣшно затрепеталъ ручками и побѣжалъ: нельзя придумать болѣе тонкой и горькой ироніи надъ безсиліемъ лучшихъ, даже божественныхъ человѣческихъ порывовъ, нельзя болѣе сдержанно и прекрасно, почти не прикоснувшись ни къ какимъ трагическимъ орудіямъ искусства, излить свою скорбь о невольныхъ измѣнахъ души своимъ праздничнымъ настроеніямъ, своей праздничной красотѣ. Дѣтямъ кажется, что Коза побѣжалъ отъ нихъ — какая мудрая и нѣжная иронія, въ которой внутреннее явленіе души, ея быстрое паденіе съ идеальной высоты, воплощено въ формѣ правдоподобной зрительной иллюзіи. Коза тихо и равномѣрно продолжаетъ свой путь, но утомленныя дѣти духовно удаляются отъ него съ замѣтною быстротою — безконечно скорѣе, чѣмъ онъ самъ удаляется отъ нихъ физически. Коза скрылся—наступили томительные будни.

Но чудо безсознательно-философскаго таланта еще не кончается. Эта послѣдняя страница разсказа таитъ въ себѣ несмѣтныя сокровища вдохновенія и ума. Безрадостные будни, наступающіе за праздничнымъ лицезрѣніемъ божества, окутываютъ душу, какъ сѣрый туманъ, но въ глубинѣ ея, невѣдомо для сознанія, совершается тихое броженіе, которое рано или поздно разрѣшится бурными, освободительными фантазіями. Глухое томленіе незамѣтно подвигаетъ человѣка на пути къ освобожденію. Какъ бы далеко ни отстоялъ онъ въ своемъ сознаніи отъ божества, отъ высшаго закона жизни, внутри его творится, помимо его воли, развитіе его божественныхъ силъ: человѣкъ спитъ, но Богъ не дремлетъ. Заключая повѣствованіе дидактическимъ разсужденіемъ, Лѣсковъ замѣчаетъ, что когда наступалъ праздникъ религіознаго откровенія, онъ ощущалъ незамѣтную работу прошедшихъ будничныхъ дней. Мнѣ казалось, говоритъ онъ, будто «я не совсѣмъ все стоялъ» — вотъ слова, обнаруживающія глубокое и тонкое пониманіе сознательныхъ и безсознательныхъ законовъ психологическаго развитія. Всякій внутренній процессъ, высшаго и низшаго порядка, совершается вначалѣ за порогомъ сознанія и, только дойдя до извѣстной степени развитія, становится достояніемъ ума. Этимъ раздѣлительнымъ порогомъ между безсознательными и сознательными сношеніями съ Богомъ является, по характерному толко-

ванію Лѣскова, внезапное и рѣзкое страданіе. страданіе позорнаго жизненнаго оскорбленія. Случалось, говоритъ художникъ, что я чувствовалъ себя слабымъ, усталымъ, отставшимъ, неспособнымъ мужественно продолжать жизненную дорогу. «Но тутъ всегда приходитъ нежданная помощь: откуда-то, кто-то возьмется и покажетъ, *гдѣ Богъ*, и тогда сейчасъ же опять ободришься, всѣхъ своихъ тогда чувствуешь въ собственномъ сердцѣ, и ни съ однимъ изъ нихъ уже не боишься разстаться, потому что у всѣхъ, напоенныхъ однимъ духомъ, должно быть одно разумѣніе жизни». Такъ именно проснулась душа стараго гувернера Козы, когда ему показали, «гдѣ Богъ и гдѣ порогъ». Слѣдуя народному понятію объ освободительномъ значеніи всякаго страданія, Лѣсковъ ярко подчеркиваетъ страстотерпческій характеръ этого религіознаго пробужденія: въ томительномъ предчувствіи будущихъ радостей Коза ищетъ бурныхъ столкновеній съ людьми за правду, охотно идетъ навстрѣчу страданіямъ и находитъ удовлетвореніе только тогда, когда люди грубо и оскорбительно выталкиваютъ его изъ обычной жизненной колеи и онъ остается какъ бы наединѣ съ Богомъ. Прославляя острое страданіе, какъ рѣшительный толчокъ, переносящій человѣка изъ одной стихіи въ другую, изъ жизни къ Богу, художникъ даетъ типично народное представленіе о путяхъ, ведущихъ къ религіозному блаженству. Но это представленіе, несмотря на глубину, несмотря на нравственную красоту, которая свойственна всякому стремленію къ практическому подвигу, не обнимаетъ всѣхъ возможныхъ путей, которыми человѣкъ приводится къ Богу. Не въ одномъ этомъ разсказѣ, но и въ другихъ произведеніяхъ Лѣскова побудительною причиною праведныхъ подвиговъ и освободительныхъ фантазій является только свой или чужой грѣхъ, только свое или чужое горе. Стремленіе къ подвигу и бурныя грѣхопаденія постоянно сплетаются въ жизни, а божескій духъ открывается только въ рѣдкіе праздничные моменты, принося съ собой радость, которую душа человѣческая едва въ силахъ обнять, понять и удержать. Соприкосновеніе съ Богомъ дается лишь на короткій срокъ, но оно наполняетъ человѣка полнымъ и цѣльнымъ блаженствомъ. Только на примитивныхъ ступеняхъ развитія, не раздвоеннаго никакими діалектическими противорѣчіями, не обезображеннаго никакимъ демонизмомъ, Богъ открывается людямъ не въ отвлеченныхъ идеяхъ и логическихъ понятіяхъ, а въ простыхъ живыхъ ощущеніяхъ, неразлучныхъ съ радостью. Эта цѣльность религіознаго міросозерцанія, недоступная въ переходныя эпохи сомнѣній и броженій, повторится только тогда, когда разумъ и чувство, просвѣтленные наукою, придутъ въ новое гармоническое сочетаніе и возвратятъ человѣку его природное духовное равновѣсіе.

II.

Въ «Томленіи духа» мы имѣли дѣло съ религіознымъ явленіемъ міроваго характера. Авторъ, какъ мы видѣли, придалъ своему герою нѣкоторыя иностранныя черты — какъ бы для того, чтобы сдѣлать его словесный бунтъ мѣриломъ общечеловѣческой, художественной и жизненной красоты. Теперь мы должны перейти къ разсказу, тѣсно связанному съ предъидущимъ единствомъ конечныхъ цѣлей и настроеній, но написанному въ чисто русскомъ духѣ. Мы говоримъ о «Чертогонѣ». По таланту повѣствованія этотъ разсказъ стоитъ на высотѣ извѣстнѣйшихъ разсказовъ Лѣскова, но въ немъ нѣтъ того умилительнаго изящества, съ какимъ написано «Томленіе духа», той одухотворенной красоты, которою проникнуты «Запечатлѣнный ангелъ» и «На краю свѣта». Онъ написанъ грубыми, рѣшительными, подчасъ тяжеловѣсными чертами, съ необычайной сжатостью, разсчитанною на то, что каждое слово произведетъ надлежащее впечатлѣніе, что читатель обдумаетъ и пойметъ каждую фразу, каждый отрывочный красочный мазокъ. Выдержанный отъ начала до конца въ одномъ тонѣ, этотъ разсказъ приводитъ черезъ большой дикій шумъ къ религіозному экстазу и мирному успокоенію. Тотъ же душевный процессъ, который въ «Очарованномъ странникѣ» превращаетъ грубаго чувственнаго героя въ смиренника и постника, показанъ здѣсь какъ бы въ сокращенномъ видѣ, но безъ той свѣтлой воздушной перспективы, которая придаетъ первому разсказу такую поэтическую прелесть. Въ «Чертогонѣ» нѣтъ никакихъ поэтическихъ красокъ: это исканіе «жисти» путемъ грознаго, мрачнаго, неистоваго разгула, которое разрѣшается столь же неистовымъ покаяніемъ, безъ единаго проблеска утѣшительной чарующей нѣжности. Описывается Москва, затхлый міръ московскаго купечества, съ его самодурными «обрядами», съ его слѣпымъ исканіемъ хотя-бы временнаго внутренняго освобожденія, затхлый міръ московскаго купечества, отрѣзанный отъ широкихъ русскихъ полей и степей, среди которыхъ совершалось искупленіе и обновленіе очарованнаго странника. Лѣсковъ не разъ подходилъ къ одной и той же темѣ, но показавъ однажды свою художественную мысль въ ослѣпительно-красивой формѣ, онъ съузилъ ее въ «Чертогонѣ», потому что подошелъ къ предмету, ограниченному неподвижными бытовыми чертами. Воображеніе, связанное тонкимъ писательскимъ тактомъ, не могло захватить здѣсь ни одной теплой краски, не нарушая мѣстнаго колорита. Но уступая «Очарованному страннику» въ поэтичности, «Чертогонъ» не уступаетъ ему въ народной характерности содержанія: въ этомъ типичномъ для Лѣскова произведеніи сказалась цѣлая философія или, вѣрнѣе сказать, темпераментъ народной вѣры, какъ ее понялъ художникъ, испытавшій на самомъ себѣ

восторгъ и радость «возстанія» послѣ вольнаго или невольнаго «паденія». Интересно привести по этому поводу нѣсколько штриховъ изъ личной жизни художника, сохранившихся въ нашей памяти. Однажды Лѣсковъ, удовлетворяя моей просьбѣ показать портретъ Артура Бенни, принесъ изъ своей интимной комнаты фотографическую карточку, на которой товарищъ его молодости изображенъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Лицо молодого Лѣскова, съ плотными чертами и острымъ, страстнымъ взглядомъ, сразу затмило въ моемъ впечатлѣніи болѣе нѣжный, нѣсколько загадочный обликъ юнаго прогрессиста. «Однако, какой вы были!»—невольно воскликнулъ я, инстинктивно желая вызвать Лѣскова на какія нибудь личныя признанія. «У-у! Настоящимъ ангеломъ былъ!»—съ глухимъ, нервнымъ смѣхомъ прорвался Лѣсковъ, переживая возставшій образъ тяжелой бурной молодости. Въ другой разъ, увидѣвъ меня послѣ одного концерта, Лѣсковъ сталъ жадно разспрашивать о моихъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ. Я уронилъ невинное замѣчаніе, что видѣлъ въ публикѣ одну извѣстную въ Петербургѣ даму.

— Какая же она?—воскликнулъ Лѣсковъ, съ оживившимися глазами.

Я сдѣлалъ отрывочное описаніе наружности этой незнакомой ему дамы:

— Довольно полная...

— Ну!—нетерпѣливо перебилъ Лѣсковъ.

— Рыжая.

— Ну!

— Съ зелеными кошачьими глазами.

По тучному тѣлу Лѣскова пробѣжалъ трепетъ угасающаго сладострастія.

— Брр!.. Я зналъ такихъ,—проговорилъ онъ и замолкъ.

Лицо его на мгновеніе помертвѣло, а глаза загорѣлись полубезсмысленнымъ огнемъ. Черезъ нѣсколько минутъ Лѣсковъ перевелъ разговоръ на другіе предметы, но скрытое волненіе продолжало бродить, пока, наконецъ, онъ не излилъ его въ разсужденіи на тему, которая вообще не переставала занимать его. Заговоривъ съ обычнымъ брюзжаніемъ и замаскированнымъ негодованіемъ о нѣкоторыхъ современныхъ людяхъ, проповѣдующихъ цѣломудріе, онъ коснулся вопроса о чувственности. Было ясно, что эту сторону жизни онъ постигъ со всею глубиною могучаго темперамента.

— Они вотъ говорятъ: чувственность! Это тоже шутка сказать! Чувственность! А что она такое? Тоже вѣдь она въ насъ. Что же съ ней дѣлать! Это загадка. Откуда она и зачѣмъ?

Помню, что я ушелъ въ тотъ вечеръ отъ Лѣскова, нѣсколько взволнованный его отрывочными, страстными восклицаніями. Думалось мнѣ тогда, что этотъ человѣкъ, съ исключительнымъ талантомъ, съ громадными художественными силами, напрасно пытался вогнать свою жизнь въ искусственную для него рамку современнаго аскета и постника-веге-

таріанца. Возвышенныя, славныя на своемъ мѣстѣ и при настоящемъ вдохновеніи черты нравственнаго подвижничества казались напускными, наносными въ этомъ неугомонномъ характерѣ, который—при трусливомъ отношеніи къ общественному суду—не продѣлалъ своего чертогона до конца. Мнѣ думалось тогда, что двѣ стихіи, жившія въ душѣ Лѣскова: божественная тишина и демоническія волненія чувственности, то, за что онъ самъ назвалъ себя аггеломъ,—могли бы создать изъ него обаятельнаго даже для толпы писателя, если бы онъ не поддавался такъ часто приступамъ болѣзненнаго самолюбія, которое выливалось то въ позировкѣ, то въ страхѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ...„

Чертогонъ есть «обрядъ» — объясняетъ Лѣсковъ въ первой же строкѣ своего разсказа. «Я видѣлъ чертогонъ съ начала до конца—гогоритъ онъ.—благодаря одному счастливому стеченію обстоятельствъ и хочу это записать для настоящихъ знатоковъ и любителей серьезнаго и величественнаго въ національномъ вкусѣ». Илья Федосѣевичъ, богатый московскій купецъ, благочестивый, съ большимъ вѣсомъ въ городѣ, солидный и величавый, выѣзжаетъ на прогулку со своимъ племянникомъ. Лошади-львы сразу приняли ихъ и понеслись. Илья Федосѣевичъ сидѣлъ молча, хмуро, съ крѣпко надвинутымъ на лобъ цилиндромъ,—«и на лицѣ у него этакая, что называется, плюмса, какъ бываетъ отъ скуки». Онъ разсѣянно поглядывалъ вокругъ, но вдругъ метнулъ на племянника равнодушный взглядъ и проговорилъ:

— Совсѣмъ жисти нѣтъ!

Неожиданно онъ велѣлъ ѣхать къ Яру. При видѣ Ильи Федосѣевича изъ ресторана вылетѣла прислуга. Не шевелясь и апатично постукивая набалдашникомъ палки о зубы, онъ отдалъ приказаніе, чтобы къ вечеру весь ресторанъ былъ для него очищенъ. Пощелкивая по картѣ кушаній палкою, онъ заказалъ самое дорогое и роскошное угощеніе на сто человѣкъ. «Эѳіопы», два оркестра, цѣлый погребъ винъ—все должно быть готово къ его пріѣзду. Кромѣ того, немедленно послать за Рябыкой. Въ ресторанѣ не должно быть ни одной посторонней души. Повернувъ лошадей, Илья Федосѣевичъ поѣхалъ паркомъ, приглашая на разгулъ встрѣчныхъ людей. Къ назначенному времени у Яра собралась вся компанія. Илья Федосѣевичъ отдалъ великану Рябыкѣ палку вмѣстѣ съ бумажникомъ и портмонэ. Палку Рябыка молча куда-то спряталъ. Начался кутежъ... Лѣсковъ почти не описываетъ этого безобразнаго, дикаго, неистоваго разгула, но каждое слово создаетъ впечатлѣніе шума и движенія. Чувствуется, что въ помѣщеніи ресторана, отрѣзаннаго на этотъ разъ отъ всего міра, совершается чудовищная оргія. Разсказаны только два эпизода—о томъ, какъ былъ допущенъ въ общество важный московскій фабрикантъ, «мужъ нарочито великъ и видомъ почтененъ», котораго заставили бить въ барабанъ,—и какъ ошалѣвшее отъ хмѣля купечество

рубило оранжерейныя деревья и атаковало гротъ, куда попрятались, дразня компанію, цыганки. Перебита была посуда, люстры, зеркала, сорваны драпировки. Илья Федосѣевичъ не разставался съ полусѣдымъ, массивнымъ великаномъ, «учителемъ» Рябыкой, призваннымъ для того, чтобы не допустить его до какого-нибудь смертоубійственнаго скандала. Цыганки плясали, а Илья Федосѣевичъ, сидя на мѣстѣ, дрыгалъ ногами. Утромъ, когда публика постепенно исчезала, Илья Федосѣевичъ, сидя одинъ посреди дивана, пилъ квасъ и все еще дрыгалъ ногами.

Такова первая половина разсказа—описаніе чертогона. Помимо чисто внѣшняго великолѣпія красокъ, котораго нельзя передать прозаическимъ изложеніемъ, въ этомъ описаніи бросаются въ глаза слѣдующія важныя строки. Желая дать понять, что купцы совершаютъ настоящій «обрядъ», чуждый игры тщеславія и мелкаго цинизма, Лѣсковъ пишетъ: «Двери были заперты и о всемъ мірѣ было сказано такъ: что ни отъ нихъ къ намъ, ни отъ насъ къ нимъ перейти нельзя». Передъ нами не обычное пьяное пиршество, а изступленное, слѣпое исканіе «жисти» посредствомъ чертогона. Это обстоятельство даетъ освѣщеніе всему кутежу и подготовляетъ развязку, къ которой безсознательно стремится отяжелѣвшій, но все еще неукротимый въ страстяхъ купецъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами — *чертогонъ*. Совершается нѣчто столь важное, что никакія жертвы не могутъ показаться чрезмѣрно великими. По окончаніи разгула, Илья Федосѣевичъ, не моргнувъ глазомъ, уплачиваетъ огромную сумму—до двухъ десятковъ тысячъ рублей. Это—жертва, моментъ въ жизни, цѣлое событіе, не идущее ни въ какое сравненіе съ повседневною прозою. Это «фантазія съ ужаснымъ размахомъ», которая покупается дорогою цѣною. Но «страшный дикій звѣрь», изнуренный чертогономъ, присмирѣетъ, жизнь войдетъ въ обычную колею, и тогда каждая копѣйка станетъ величиною, которою Илья Федосѣевичъ не пренебрегаетъ въ своемъ разсчетливомъ хозяйствѣ. Эта рѣзкая противоположность между подъемомъ и щедростью чертогона и бережливостью сѣрыхъ будней схвачена и показана художникомъ въ немногихъ, но выпуклыхъ деталяхъ. Только что уплативъ по счету ресторана, Илья Федосѣевичъ даетъ очень скромное вознагражденіе Рябыкѣ, торгуясь съ нимъ и крайне неохотно дѣлая надбавку. Отправляясь пить чай въ трактиръ, онъ поджидаетъ сосѣда, потому что «троимъ собираютъ на цѣлый пятакъ дешевле». Эти мелкія черты, не упущенныя художникомъ, показываютъ, до какой степени Лѣсковъ, рисуя чертогонъ, имѣлъ въ виду его особенныя свойства, которыя поднимаютъ его на уровень своеобразной, но тоже освободительной фантазіи. Благородный Коза въ «Томленіи духа» прерываетъ житейскую прозу негодующимъ протестомъ противъ несправедливости. Облегчившись немногими словами, онъ уходитъ, торжествующій, праз-

ничный, невѣдомо куда, потому что съ этого момента онъ чувствуетъ свою свободу, онъ ощущаетъ Бога. Ему безразлично, по какому тракту направить свою жизнь, потому что Богъ вездѣ. Открывая душу для правды, Коза учиняетъ невинный и трогательный словесный бунтъ, а не безобразное буйство. Иное дѣло Илья Федосѣевичъ съ его чудовищнымъ чертогономъ. Фантазія Козы прямо сливается съ правдой, ибо при нѣжной и тонкой оболочкѣ, душа его, въ торжественный моментъ бунта, разливаетъ вокругъ себя тихую, ласковую прохладу. Фантазія Ильи Федосѣевича, съ ея шумнымъ и грубымъ буйствомъ, только прокладываетъ дорогу къ очистительному, покаянному настроенію. Безобразная и нелѣпая по формѣ, она пышетъ зноемъ низменныхъ страстей, въ которыхъ Бога нѣтъ. Чертогонъ есть усмиреніе инстинктовъ посредствомъ доведенія ихъ до абсурда, посредствомъ пресыщенія. Въ чаду пьянаго разгула, въ варварскомъ истребленіи красивыхъ произведеній человѣческихъ рукъ проявляется то, что есть въ человѣкѣ уродливаго, враждебнаго всякому изяществу, а Богъ обнаруживаетъ себя только въ изяществѣ.

За чертогономъ начинается типично русская процедура омовенія грѣшнаго тѣлеснаго сосуда въ банѣ. Илья Федосѣевичъ и въ омовеніи остается вѣренъ своей свирѣпой натурѣ. Онъ растянулся подъ душемъ на полу, и не въ обыкновенной позѣ, «а какъ-то апокалипсически». Опираясь объ полъ самыми кончиками ножныхъ и ручныхъ пальцевъ, онъ подставилъ спину подъ брызги холоднаго дождя и весь трепеталъ и ревѣлъ «сдержаннымъ ревомъ медвѣдя, вырывающаго себѣ больничку». Затѣмъ, напившись квасу, онъ приступилъ къ болѣе успокоительному финалу—стрижкѣ у француза-парикмахера. Теперь «внѣшность сосуда была очищена, но внутри ходила глубокая скверна и искала своего очищенія». Передъ вечеромъ онъ ѣдетъ къ Всепѣтой, чтобы замолить грѣхопаденіе и удостоиться небеснаго прощенія. Онъ пріѣзжаетъ къ концу богослуженія и проситъ сдѣлать ему въ церкви «благодатный сумракъ». Илья Федосѣевичъ молится не на людяхъ, почти такъ-же, какъ онъ продѣлываетъ свой чертогонъ. Оставшись безъ лишнихъ свидѣтелей, онъ не упалъ, а рухнулъ на колѣни, ударилъ лбомъ объ полъ и, всхлипнувъ, точно замеръ. Но какъ истинный художникъ, Лѣсковъ не даетъ своему герою совершить искупительное моленіе въ спокойномъ благочестіи. Не боясь нарушить торжественность религіознаго впечатлѣнія, онъ показываетъ уже безсильные отголоски чертогона въ Ильѣ Федосѣевичѣ и тогда, когда онъ неподвижно застылъ въ земномъ поклонѣ, охваченный вдохновеннымъ экстазомъ. Племянникъ безпокоится за самую его жизнь, но опытная монахиня, «возжегши тоненькую свѣчечку» и тихо обойдя его на цыпочкахъ, обращаетъ вниманіе на его ноги: онѣ все еще дрыгаютъ точно доплясываютъ трепака. «Онъ духомъ къ небу горитъ, а нож-

ками-то еще къ аду перебирается», замѣчаетъ инокиня, тонко знающая всѣ формы покаяннаго очищенія. Вдругъ Илья Федосѣевичъ зарыдалъ,— въ эту минуту омылась самая душа его. Потомъ онъ незамѣтно всталъ на ноги и тихимъ благочестивымъ голосомъ заговорилъ: «Теперь мнѣ прощено! Прямо съ самаго сверху, изъ подъ кумпола, разверстой десницей сжало мнѣ всѣ власы вкупѣ и прямо на ноги поставило». Илья Федосѣевичъ почувствовалъ «жисть».

Читая послѣднія страницы разсказа, мы невольно ощущаемъ, какъ и при описаніи чертогона, нѣкоторую духоту и спертость атмосферы, соотвѣтствующей герою разсказа. Ни одной нѣжной черты, создающей поэтическое впечатлѣніе,—того, чѣмъ прекрасенъ «Очарованный странникъ» въ каждомъ изъ періодовъ повѣствованія. Что-то мрачное, суровое и тяжелое виситъ въ воздухѣ, не поднимаясь высоко къ небу. Пережитъ чертогонъ, совершено искреннее покаяніе съ обильными облегчительными слезами, но спасенія всетаки не чувствуется: нѣтъ полнаго торжества духа, нѣтъ той легкости и свѣтлости настроенія, безъ которыхъ недостижима правда обновленія и спасенія. Временное пробужденіе можетъ завтра же перейти въ нравственную летаргію, съ обычнымъ кулачествомъ, съ грошевыми разсчетами, возведенными въ законъ жизни. Чертогонъ, сопровождаемый покаяніемъ, не является тою ступенью для перехода къ высшему состоянію, какою является для «очарованнаго странника» каждое новое событіе его бурной и скитальческой жизни. Въ Ильѣ Федосѣевичѣ не совершается тотъ процессъ душевнаго развитія, который мало-по-малу просвѣтляетъ «странника». Не обладая подвижными и глубокими силами, которыя могли бы сдѣлать его способнымъ къ великимъ внутреннимъ потрясеніямъ, онъ и въ своемъ изступленіи остается на поверхности разгульнаго обряда, опасаясь перейти мѣру грѣхопаденія, доступную его очистительному экстазу. Илья Федосѣевичъ, при всей необузданности своихъ страстей, человѣкъ разсчетливый, разсудочный, заблаговременно предусматривающій тѣ бѣды, которыхъ ему нельзя будетъ замолить никакими слезами. Приготовляясь къ кутежу, онъ призываетъ Рябыку, на котораго возложена обязанность сокращать его «ужасный размахъ» въ тѣ минуты, когда онъ можетъ совершить что-нибудь непозволительное. Въ отличіе отъ Ильи Федосѣевича, очарованный странникъ, какъ бы исполняя высшее предначертаніе, хотя и является по временамъ неудержимымъ злодѣемъ, но постоянно идетъ впередъ и гдѣ-то въ глубинѣ совершенствуется. Въ немъ работаетъ совѣсть—тонкое, нѣжное чувство, законодатель внутренняго изящества, ведущаго къ Богу. Очарованный странникъ, при всѣхъ своихъ паденіяхъ, постепенно спасается, проникаясь широкою міровою правдою,—Илья Федосѣевичъ, прорываясь въ разгульныхъ оргіяхъ, только отмаливается и откупается отъ своихъ грѣховъ, безсильно и безплодно, не постигая безмятежнаго уродства своей повседневной жизни.

Чѣмъ глубже вчитываешься въ это характерное повѣствованіе, тѣмъ яснѣе выступаютъ внутреннія свойства чертогона, этой русской борьбы съ чортомъ, который сидитъ въ каждомъ человѣкѣ. Крайне важно замѣтить, что при удивительной живописности красокъ, въ разсказѣ нѣтъ ни одной чисто психологической черты: это значитъ, что самое представленіе о чортѣ, какъ о зломъ началѣ жизни, показано художникомъ, какъ это и слѣдовало въ картинѣ, рисующей русскіе нравы, во всей его первобытности. Въ данномъ изображеніи мы имѣемъ борьбу русскаго человѣка съ собственнымъ темпераментомъ, съ тѣми страстями, которыя кипятъ не въ глубинахъ его души, а на ея тѣлесной поверхности, съ физическими инстинктами, не переработанными сознаніемъ. Описаніе буйнаго кутежа передаетъ характеръ чего-то грандіозно-нелѣпаго именно потому, что здѣсь устранены всѣ утонченные мотивы, то, что могло-бы сообщить кутежу, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую внѣшнюю красоту. Передъ читателемъ раскрылась большая писательская сила, но, не получая ни одного нѣжнаго впечатлѣнія, онъ быстро утомляется, хотя разсказъ занимаетъ всего нѣсколько печатныхъ страницъ. Ничто художественно отрадное, мягкое и благородное не противопоставлено тому безчинству, которое составляетъ главный предметъ разсказа и продолжается даже тогда, когда Илья Федосѣевичъ замираетъ въ глубокомъ земномъ поклонѣ. Ноги его все еще дрыгаютъ, доплясывая трепакъ чертогона, а вымоленное прощеніе представляется въ видѣ «разверстой десницы», которая, спустившись «изъ подъ кумпола» и взявъ «за власы», ставитъ его прямо на ноги. Ни одной свѣтлой подробности, кромѣ летучей черты при описаніи утомленнаго возвращенія Ильи Ѳедосѣевича въ Москву. Глазъ отдыхаетъ съ удовольствіемъ на слѣдующихъ поэтическихъ словахъ: Москва была вся на виду — «въ прекрасномъ утреннемъ освѣщеніи, въ легкомъ дымкѣ очаговъ и мирномъ благовѣстѣ, зовущемъ къ молитвѣ».

Безобразіе чертогона усиливается еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ. Какъ мы знаемъ, кутящая компанія отрѣзываетъ себя отъ внѣшняго міра: никто не долженъ видѣть того, что дѣлается въ ресторанѣ, «обрядъ» изгнанія чорта совершается при закрытыхъ дверяхъ. Мы уже сказали, что этою важною подробностью Лѣсковъ рѣшительно устраняетъ вопросъ о внѣшнемъ цинизмѣ. Собравшееся у Яра купечество предается чувственной оргіи съ какой-то безсмысленной серьезностью. Но въ этомъ странномъ «обрядѣ» нѣтъ единства чувства и никакого душевнаго увлеченія. Несмотря на шумъ и плясъ, разгулявшіеся старики не испытываютъ веселья. Слышатся раскаты грубаго хохота, но легкій беззаботный смѣхъ недоступенъ этимъ людямъ. Тяжелые, неподвижные, съ отпечаткомъ застывшаго нравственнаго уродства на лицѣ, они бушуютъ, неистовствуютъ, но во всемъ, что они дѣлаютъ, не видно

того праздничнаго настроенія, которое неразлучно съ изяществомъ. Отрѣзывая себя отъ міра, Илья Федосѣевичъ безсознательн выдаетъ собственное отношеніе къ устроенной вакханаліи: онъ знаетъ, что это грѣхъ, что тутъ есть нѣчто постыдное, неловкое, не подобающее его степенству. Несмотря на низкій уровень развитія, душа Ильи Федосѣевича не можетъ всецѣло отдаться своей чудовищной пьяной фантазіи, потому что въ нее уже брошено зерно иного міропониманія. Онъ сознаетъ, что такое пиршество—не отъ Бога, что въ немъ гуляетъ чортъ, и не можетъ предаться кутежу съ слѣпымъ вдохновеніемъ. Въ этой разметавшейся стихійной силѣ отсутствуетъ внутренній центръ, равновѣсіе, и потому художественное изображеніе ея, сдѣланное національнымъ художникомъ съ истиннымъ мастерствомъ, не представляетъ интереса высшаго порядка, какъ нѣкоторыя другія, не менѣе яркія картины Лѣскова. «Чертогонъ» является превосходнымъ произведеніемъ только въ нѣкоторомъ условномъ смыслѣ. Въ немъ обрисована весьма характерная сторона русской жизни, но художникъ, какъ-бы угнетенный собственнымъ тяжелымъ темпераментомъ, не бросилъ на нее того пронизывающаго поэтическаго свѣта, который—безъ всякаго резонерства отъ автора—опредѣляетъ истинную мѣру вещей, вѣсъ, смыслъ и значеніе всякаго предмета, всякаго факта, природу и красоту явленія. Мы говоримъ—*красоту*, потому что духъ художника, который прозрѣваетъ вещи до конца, можетъ пересоздать даже чудовищное уродство въ эстетическое явленіе высшаго порядка. Но данное произведеніе Лѣскова, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательное, не производитъ на читателя просвѣтляющаго дѣйствія.

III.

Мы должны вернуться къ «Соборянамъ». Въ этой хроникѣ старогородской жизни мелькнула фигура божьяго человѣка Пизонскаго, обрисованная въ разсказѣ «Котинъ Доилецъ и Платонида». На двухъ страницахъ «Соборянъ» Лѣсковъ даетъ намъ сцену, проникнутую высшею красотою. Поэзія земли и религіозное умиленіе слились здѣсь въ одно неразрывное цѣлое. Предъ нами обычная нотатка протопопа Туберозова—съ его тонкими волненіями, быстро переходящими въ душевную тишину. Туберозовъ передаетъ впечатлѣнія протекшаго дня. Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на бакчу полу-нищаго Пизонскаго. Только что вспаханная, черная, даже синеватая, земля нѣжилась подъ утреннимъ солнцемъ. По бороздамъ прохаживались тощія черныя птицы «въ блестящемъ перѣ» и подкрѣплялись свѣжимъ червемъ. Старый Пизонскій стоялъ на лѣсенкѣ передъ утвержденнымъ на столбахъ разсадникомъ. Имѣя въ одной рукѣ чашу съ сѣменами, онъ другою погружалъ зерна

въ землю и, взглядывая на небо, шепталъ свою молитву: «Боже! Устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и спраго, хотящаго, просящаго и произволящаго, благословляющаго и неблагодарнаго». Кончивъ свое дѣло, Пизонскій сошелъ съ лѣстницы, всполошивъ птицъ, а съ разостланной рогожи поползъ къ нему по мягкой землѣ съ отраднымъ дѣтскимъ смѣхомъ его маленькій пріемышъ. Пизонскій почувствовалъ себя счастливымъ и запѣлъ: аллилуія. Созерцая эту божественно трогательную картину, Туберозовъ умиленно заплакалъ. «Въ этихъ цѣлебныхъ слезахъ я облегчилъ мои досажденія, пишетъ онъ, и понялъ, сколь глупа была скорбь моя, и долго послѣ дивился, какъ дивно врачуетъ природа недуги души человѣческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на земли на всякую долю: на хотящаго, просящаго, на произволящаго и неблагодарнаго... Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! Этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился! Это, можетъ быть, гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогаетъ. О, моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!» Черезъ нѣкоторое время Туберозовъ, въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей, вспомнилъ Пизонскаго и облилъ его своею хвалою, и мы уже знаемъ, что скромный Пизонскій, при первыхъ намекахъ на свою добродѣтель, цѣломудренно исчезъ изъ церкви. Въ третьемъ мѣстѣ хроники Пизонскій, въ бесѣдѣ съ людьми, показываетъ неистощимыя богатства природы, которая своею красотою насыщаетъ его душу. «Сами мы наги, говоритъ онъ, а видимъ красу—видимъ лѣса, видимъ горы, видимъ храмы, воды, зелень. Вонъ тамъ выводки утиные подъ бережкомъ попискиваютъ. Вонъ рыбья мелкота цѣлой стаей играетъ. Сила Господня!» Таковъ Пизонскій въ «Соборянахъ».

Въ новомъ разсказѣ «Котинъ Доилецъ и Платонида» поэзія земли, природы и религіознаго чувства, всецѣло обратившагося къ землѣ, раскрывается въ особенно обаятельной пластической формѣ. Въ противоположность «Чертогону», въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одной грубой тяжеловѣсной черты. При глубинѣ драматическаго дѣйствія и нравственнаго настроенія, все произведеніе запечатлѣно фантастической наивностью, каждая его подробность близка къ природѣ. Коротенькій набросокъ, который мы находимъ въ «Соборянахъ», написанъ въ нѣжномъ тонѣ новаго разсказа. Такъ-же, какъ «Соборяне», онъ весь окутанъ тишиной. Такъ-же, какъ въ «Соборянахъ», здѣсь повсюду чувствуется влажный запахъ свѣжевспаханной земли, которая нѣжится подъ солнечнымъ свѣтомъ. Такъ-же, какъ въ «Соборянахъ», по всему разсказу разлита божественная нѣжность и—черта характерная для всего повѣствованія—герой разсказа, Пизонскій, воспитанный въ женскомъ монастырѣ, говоритъ о себѣ, по привычкѣ сохранять въ секретѣ свой полъ, въ

женскомъ родѣ. Въ воздухѣ слышится вольный трепетъ птичьяго полета: люди, событія, страсти—все это облечено въ упрощенныя, легкія формы и человѣческая жизнь, такъ сказать, приравнивается къ жизни природы. Вотъ почему всѣ дѣйствующія лица разсказа, быть можетъ, невольно со стороны художника, постоянно уподобляются разнымъ птицамъ, и это уподобленіе создаетъ невидимыя связи между міромъ безплотныхъ настроеній и міромъ земныхъ тварей. Самъ Пизонскій уподобленъ насѣдкѣ. Унося отъ злой нищенки Пустырихи двухъ маленькихъ дѣвочекъ, Пизонскій долженъ былъ заночевать въ подгородныхъ коноплянникахъ. «Здѣсь онъ взялъ обѣихъ дѣвочекъ подъ мышки, пишетъ Лѣсковъ, вытрясъ на землю бывшее въ плетушкѣ сѣно, сѣлъ надъ ними на корточки, какъ насѣдка, и подобравъ ихъ подъ грудь, въ теченіе всей короткой ночи согрѣвалъ ихъ животною теплотою собственнаго тѣла и самъ плакалъ... сладко плакалъ отъ счастья». Пизонскій, какъ насѣдка, согрѣвалъ дѣтей своей животною теплотою—этимъ натуралистическимъ штрихомъ, въ одно и то-же время простымъ и проникновеннымъ, Лѣсковъ придаетъ своему герою необыкновенную цѣльность. Это уподобленіе отнюдь не является искусственною метафорой: оно является лишь естественнымъ выраженіемъ того свѣтлаго взгляда на живой міръ, который позволяетъ видѣть игру духовныхъ силъ въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ животнаго инстинкта. Передъ тѣмъ, какъ увести дѣтей, Пизонскій предается очаровательнымъ для него мечтаніямъ. Къ утру вокругъ него «запорхали какія-то чудныя грезы» — въ этихъ немногихъ словахъ слышится именно какой-то вольный трепетъ идей и чувствъ, ставшихъ живыми, дѣятельными силами. Забывая собственную безпомощность и безпріютность, Пизонскій сталъ умолять старуху, чтобы она отдала ему сиротокъ. Выслушивая добродушныя укоризны бабушки Роховны по поводу своего излишняго самоотверженія, Пизонскій отвѣчаетъ ссылкою на пророка Илію, котораго кормилъ въ пустынѣ воронъ.

— Послалъ къ нему Господь ворона, говорилъ, оживляясь, Пизонскій, и повелѣлъ птицѣ кормить слугу своего, и она его кормила. Замѣчай: птица, бабушка, кормила! *Птица!..*

Художникъ не удержался здѣсь отъ курсива: какъ бы не довѣряя проницательности своего читателя, онъ чисто внѣшнимъ способомъ выдвигаетъ божественную любовь въ простыхъ тваряхъ, которыя несутся на легкихъ крыльяхъ къ высшимъ цѣлямъ, послушныя волѣ Бога. Продолжая разговоръ съ Роховной, Пизонскій выражаетъ надежду, что при помощи добрыхъ людей ему удастся прокормить своихъ цыплятокъ. «И сама стану на ноги», прибавляетъ онъ, говоря о себѣ по обыкновенію въ женскомъ родѣ: самая тонкая нѣжность свѣтится въ этой подробности, созданной неземнымъ юморомъ. Эти добрые люди, которые помо-

гаютъ Пизонскому,—«воронъ» Авениръ и «лебедь» Платонида. «Кучерявый» парень Авениръ, какъ воронъ, кружитъ надъ красавицей Платонидой, своей невѣсткой. Молодая замужняя красавица сама неравнодушна къ деверю, но не поддается своему чувству, потому что она чиста, какъ лебедь. Авениръ подходитъ къ ней «тихой, щеголеватой походкой», пишетъ Лѣсковъ, изображая въ первый разъ ихъ случайное свиданіе. Оба эпитета неразрывны съ намѣченнымъ образомъ: въ нихъ выражена и осторожность, и заигрываніе домогающагося обожателя. Когда Авениръ подступаетъ къ ней ближе обыкновеннаго и даже слегка трогаетъ ее за бѣлый кисейный рукавъ, Платонида рѣшительно отгоняетъ его отъ себя. «Бѣлая лебедь Платонида Андреевна!», съ восхищеніемъ говоритъ о ней Пизонскій. Платонида не любила своего мужа. Возвращаясь съ похоронъ, она въ первый разъ почувствовала прелесть свободы. «Ясные, съ темной поволокой глаза молодой вдовы были очень мало заплаканы, и чуть только она со свекромъ выѣхали съ кладбища на поле, отдѣляющее могилки отъ города, эти ясные глаза совсѣмъ высохли и взглянули изъ подъ густыхъ рѣсницъ своихъ еще чище, чѣмъ смотрѣли доселѣ. Словно они только умылись слезой». О скрытомъ волненіи Платониды «говорили не одни глаза красавицы, но и ея бѣлая грудь, которая вздыхала теперь вольно и широко, колышась подъ кармазинной душегрѣйкой». При видѣ этой расцвѣтающей красоты, старый свекоръ чувствуетъ, что въ немъ зашевелились какія-то заглохшія страсти. «Тебѣ неловко сидѣть, Платонида, говоритъ онъ ей по пути въ городъ,—сядь, лебедь, сюда, ближе!» При этомъ старикъ подвинулъ невѣстку къ своимъ колѣнямъ и добавилъ: «Сядь такъ». Какъ бы не владѣя собой, Маркелъ Семеновичъ обѣщаетъ ей всякое покровительство въ домѣ и, слѣзая у воротъ съ дрожекъ, крѣпко сжимаетъ ея локоть: «Не бойся, моя лебедь, никого не бойся», шепчетъ онъ ей. Въ ту же ночь подъ окнами Платониды разъигрывается тяжелая драма. Переодѣваясь въ ночную сорочку, Платонида замѣтила, что передъ окномъ ея комнаты, по прилегавшей къ дому галлереѣ, мелькнула тѣнь. Сначала она подумала, что это дерзкій воронъ Авениръ. Она быстро задула свѣчу и, приложившись ухомъ къ окну, услышала, что царапающійся къ ней человѣкъ тяжело дышитъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Платонида подвинулась ближе и вдругъ остолбенѣла: у окна стоялъ ея сѣдой свекоръ, Маркелъ Семеновичъ. «Лебедь, лебедь!»—шепталъ ошалѣвшій старикъ, цѣлуя стекло, къ которому прилегалъ локоть Платониды, царапаясь по окну, какъ «блудливый котъ въ закрытую скрыницу». Мѣдный крючекъ рамы слетѣлъ, жилистыя руки старика обхватили станъ красавицы и онъ уже занесъ ногу, чтобы перешагнуть черезъ окно въ комнату. Разгоряченная борьбой, потерявъ голову отъ ужаса, Платонида схватилась за топоръ и размахнулась имъ на свекра. Топоръ, только слегка

задѣвъ его плечо, вонзился въ дерево подоконника. Старикъ свалился на полъ. Теперь онъ «не чувствовалъ ни своей вины, ни своего стыда и униженія». Въ крови его не было страсти, въ сердцѣ—негодованія, силы—въ мышцахъ. «Старая плоть его, распалясь виномъ и взыгравъ сластью желаній, сразу упала до совершеннаго безсилія. Такъ оцѣпенѣвшій подъ снѣгомъ оврагъ порой взыграетъ при мартовскомъ солнцѣ, зашумитъ быстрымъ подснѣжнымъ потокомъ и, сбѣжавъ, обезсиленный рухнетъ всей своей массою на холодное днище». Чудесный образъ, взятый изъ природы, завершаетъ картину загорѣвшихся страстей, внося въ разсказъ освѣжающее дуновеніе широкой художественной мысли... Это была ночь, полная тревоги, борьбы и суевѣрныхъ страховъ. Для людей, близкихъ къ природѣ, драматическія событія жизни всегда сопровождаются игрою таинственныхъ ощущеній, въ которыхъ разсудокъ еще безсиленъ открыть настоящій смыслъ. Вотъ почему, приступая къ изображенію рѣшительной катастрофы въ жизни Платониды, художникъ заставляетъ ее испытывать темныя предчувствія. У нея чешутся локти—это къ горю, говоритъ она. Очутившись первый разъ одна въ спальнѣ, Платонида, какъ школьница, получившая отпускъ, тѣшится своей свободой. Она сбросила на полъ подушки покойнаго мужа, легла поперекъ кровати, потомъ вспрыгнула, закинула за голову руки, закрыла глаза и черезъ минуту, раскрывъ ихъ, бросилась въ уголъ постели и задрожала. «На верхней подушкѣ покойнаго Марка пала небольшая ложбиночка, какъ будто здѣсь кто-то незримый лежалъ головою. Въ самомъ верху надъ этой запавшей ложбинкой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на мертвецкомъ вѣнцѣ нарисованъ Спаситель, сидѣлъ сѣрый ночной мотылекъ. Онъ сидѣлъ, высоко приподнявшись на тоненькихъ ножкахъ, и то поднимая, то опуская свои крылышки, словно схимникъ, осѣняющій воскрытіемъ своей мантіи незамкнутую могилу... Сѣрая пыльная тля въ мгновеніе истлила ея эгоистическую радость». Въ эту минуту Платонидѣ послышалось, что за дверью кто-то вздохнулъ.

Мы уже знаемъ, чѣмъ кончилась борьба Платониды со свекромъ: бѣлая лебедь осталась чистою. Но думая, что она запятнала себя кровью старика, она въ ужасѣ безоглядно бѣжитъ изъ дому, скрывается подъ крыломъ Пизонскаго и, наконецъ, заточается въ монастырѣ. Долгое время спустя въ народѣ прошла молва, что «провидущая» старица Іоиль есть бѣжавшая Платонида. Она выплакала себѣ очи, была слѣпа, ходила ощупью, съ палочкой, а въ «глазныхъ впадинахъ у нея были вставлены образочки». Бѣлая лебедь, не успѣвшая расправить своихъ пышныхъ крыльевъ, замираетъ въ глубокомъ мракѣ, въ которомъ бродятъ только неземныя видѣнія.

На сценѣ разсказа сильное драматическое движеніе, но всякій разъ, когда художникъ показываетъ намъ борьбу страстей и чувствъ, онъ не-

замѣтно разливаетъ вокругъ успокоительную тѣнь. Наиболѣе яркія проявленія человѣческой души, которыя у другихъ писателей какъ бы ничѣмъ не уравновѣшиваются, выступаютъ у Лѣскова — здѣсь, какъ и въ «Соборянахъ» — на фонѣ величавой таинственной тишины. Слово «тихо» встрѣчается почти на каждой страницѣ, съ разнообразными красочными оттѣнками, выражая. въ сочетаніяхъ съ другими словами, то легкость и грацію или сдержанность движенія, то замираніе, чуткость душевнаго состоянія передъ надвигающейся грозою, то спокойствіе авторскаго суда надъ игрою житейскихъ стихій. Не можетъ быть, чтобы Лѣсковъ, такъ часто прибѣгавшій къ этому утонченному эпитету, не вкладывалъ въ него нѣкоторую сознательную мысль—какъ бы противопоставляя незыблемую мудрость глубокаго художественнаго творчества кричащей риторикѣ банальнаго сочинительства, которое шумно плескалось вокругъ него въ свѣтѣ всеобщаго сочувствія. Это одинъ изъ секретовъ его неподражаемаго искусства, который естественно раскрывается именно теперь, въ воздухѣ современной эпохи, когда особенно назрѣла потребность освѣжить литературу новыми идеями, скрытыми въ глубинѣ искусства. И надо сказать, что эта тайна творчества незримо соединяетъ Лѣскова съ настоящими глубинами народной души. Разобранное нами произведеніе — «Котинъ Доилецъ и Платонида»—все построено на самой нѣжной, восхитительной мудрости. Въ лицѣ Пизонскаго изображенъ уродливый по внѣшности человѣкъ, съ прекрасною тихой душою,—и рядомъ съ этимъ человѣкомъ поставлена молодая красавица, нарисованная изящными, плавными чертами, съ безгрѣшной душою, которая, переживъ бурю темперамента, тоже успокаивается въ глубокой многозначительной тишинѣ. Эти двѣ фигуры поставлены рядомъ, и — при внѣшнемъ несходствѣ — между ними существуетъ внутренняя гармонія. Ихъ окутываетъ свѣтлая прозрачная тишина. Какъ только рѣчь заходитъ о Пизонскомъ или Платонидѣ, Лѣсковъ невольно роняетъ это слово. Уродливый старикъ Пизонскій, вызвавъ своимъ появленіемъ въ городѣ злой смѣхъ уличной толпы, «тихо поплакалъ, сѣвши подъ ракитою за городской заставой». Ни одного слова протеста противъ людей,—онъ плачетъ слезами тихими, какъ его душа. Борясь съ нищетою, Пизонскій, «тихо и не спѣша снискивалъ себѣ общую расположенность»: не надоѣдая людямъ никакими жалобами, онъ самъ неслышно творилъ свою судьбу, плѣняя ихъ души своей внутренней красотой. Пизонскій «велъ себя тихо, ровно, и не возносясь своими успѣхами, не возбуждалъ и ничьей зависти». Такъ-же описывается и Платонида. Похоронивъ мужа, она «тихонько поплакала»: на этотъ разъ въ словѣ тихонько авторъ какъ бы подчеркиваетъ относительную легкость ея настроенія. Еще не переживъ сильнаго потрясенія, Платонида не могла дойти до той глубокой тишины, которая окутаетъ ея дѣйствительныя страданія. Впервые принимая любезность отъ

своего обожателя, Платонида «взяла виноградную кисть, объѣла на ней всѣ ягоды, обтерла рукавомъ алыя губы и, выбросивъ на галлерейку за окно пустую кисть, потихоньку засмѣялась»: настроеніе Платониды держится еще на поверхности, хотя она уже чувствуетъ возможность какихъ-то перемѣнъ. Вечеромъ, забывшись безпокойнымъ сномъ, она вдругъ вскочила, «потиховьку» подошла къ двери свекровой спальни и прилегла къ ней ухомъ: «въ опочивальнѣ старика было тихохонько». Читатель чувствуетъ здѣсь тревожный оттѣнокъ тишины. Что-то должно случиться,— еще нѣсколько переходныхъ моментовъ, и Платониду обойметъ зловѣщая, нѣмая тишина. На подушкѣ покойнаго мужа она видитъ сѣраго мотылька. Онъ «три раза тихо коснулся подушки своими крылами, и тихо же снялся, и тихо пропалъ во тьмѣ теплой ночи». Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Замѣтивъ неожиданное движеніе по галлереѣ, она «тихо притаилась» у окна: «на галлереѣ теперь все было тихохонько, не слышно было ни шума, ни шороха». Нельзя придать большей выразительности одному слову. Настроеніе читателя наростаетъ по мѣрѣ того, какъ тишина охватываетъ Платониду. Тишина виситъ надъ всѣмъ, что дѣлается съ нею и вокругъ нея. Даже распаленный желаніями старикъ невольно становится робкимъ: онъ глухо пробормоталъ что-то за окномъ и «тихо застучалъ въ стекло косточкою средняго пальца». Когда Платонида, не открывая ему окна, испуганно спрашиваетъ его, чего онъ хочетъ, Маркелъ Семеновичъ «снова что-то зашепталъ еще тише»... Бурныя событія прерываютъ тихое теченіе ея жизни. Но перестрадавъ и перегорѣвъ до конца, красавица Платонида смирила всѣ порывы своего темперамента и направила путь свой «къ пристанищу благотишному». Эти именно слова стоятъ въ концѣ разсказа, служа выраженіемъ той же идеи, которая создала «очарованнаго странника». Благородная натура Платониды выдержала всѣ испытанія жизни, полной тревожныхъ запросовъ и неразрѣшившихся грозовыхъ силъ, какъ тотъ описанный авторомъ тяжелый день, который «тихо сгорѣлъ передъ ея глазами». Природа и люди на протяженіи всего разсказа живутъ въ поэтическомъ единеніи и взаимодѣйствіи.

Рисуя на фонѣ тишины человѣческія страсти, Лѣсковъ умѣлъ при этомъ выдвигать то, что есть въ нихъ красиваго, сильнаго, пластичнаго и увлекательнаго. Ухаживаніе Авенира за молодою Платонидою производитъ обаятельное впечатлѣніе: подробности живутъ поэтической жизнью, разговоры, встрѣчи, осторожное заигрываніе залиты разнообразными свѣтлыми красками съ неуловимыми дымными переходами. Какъ фигура, Платонида — одно изъ самыхъ прекрасныхъ созданій этого подвижнаго таланта. Борьба съ свекромъ описана съ молодою цѣломудренною живостью, которая для самого художника явилась какимъ-то праздничнымъ подъемомъ настроенія и которая придала разсказу эстетическую цѣль-

ность и гармоничность. Если-бы малѣйшее пятнышко легло на бѣлое крыло этой чистой лебеди, разсказъ не оправдалъ бы задуманной авторомъ параллели между Платонидою и Пизонскимъ: онъ былъ бы внутренно разбитъ. Но художникъ остался на высотѣ своей задачи до послѣдней черточки, и это короткое повѣствованіе читается съ великимъ наслажденіемъ, эстетическимъ и нравственнымъ.

Это было обычнымъ пріемомъ Лѣскова — показывать человѣческія страсти, бурныя и тревожныя, въ сочетаніи съ умиротворяющими силами духа. Иногда онъ достигаетъ при этомъ очень сильнаго дѣйствія на читателя, даже въ такихъ разсказахъ, которые не отличаются столь высокими достоинствами, какъ «Котинъ Доилецъ и Платонида». Въ небольшомъ очеркѣ «Тупейный художникъ» описывается страдальческая жизнь крѣпостной актрисы, замученной произволомъ и насильничествомъ. Сидя на могилѣ нѣкогда любимаго человѣка—тупейнаго художника— она вспоминаетъ свою прошедшую жизнь. Нѣкоторыя происшествія воскресаютъ передъ нею съ большою яркостью: люди, какъ живые, проходятъ передъ ея глазами, хотя между настоящимъ моментомъ и тѣмъ, что было, протянулась цѣлая вереница лѣтъ. Отдѣльными словами Лѣсковъ, съ поражающей реальностью, даетъ понять, чѣмъ была жизнь крѣпостной женщины. Однако, въ цѣломъ, разсказъ не проникнутъ тою отрадною художественною ясностью, въ которой иногда какъ бы растворяются сгущенныя краски его причудливой живописи. Движенія быстры, но характеры не представляютъ значительнаго идейнаго интереса. Вотъ почему и оттѣнокъ тишины, который является привычнымъ для Лѣскова въ извѣстной полосѣ его творчества, не производитъ здѣсь особенно глубокаго впечатлѣнія, хотя трагическая жизнь замученной женщины обрисована съ большою теплотою. Одинъ только моментъ, заключительный моментъ повѣствованія, гдѣ сказалась святая скорбь художника о многострадальныхъ жертвахъ крѣпостного строя, производитъ, несмотря на простоту содержанія, почти трагическое впечатлѣніе. Разсказчикъ передаетъ свои дѣтскія воспоминанія о мукахъ душевнаго замиранія бывшей актрисы. «Какъ сейчасъ я ее вижу и слышу: бывало, каждую ночь, когда всѣ въ домѣ уснутъ, она тихо приподнимается съ постельки, чтобы и косточка не хрустнула. Прислушивается, встаетъ, крадется на своихъ длинныхъ простуженныхъ ногахъ къ окошечку... Стоитъ минутку, озирается, слушаетъ: не идетъ ли изъ спальной мама. Потомъ тихонько стукнетъ шейкой флакончика о зубы, приладится и пососетъ... Глотокъ, два, три... Уголекъ залила и Аркашу помянула, и опять въ постельку,—юркъ подъ одѣяльце и вскорѣ начинаетъ тихо-претихо посвистывать: фю-фю, фю-фю, фю-фю. Заснула! Болѣе ужасныхъ и раздирающихъ душу поминокъ я во всю мою жизнь не видывалъ», заключаетъ разсказчикъ. Трагическое впечатлѣніе, которое производятъ эти строки, вытѣсняетъ нѣсколько

томительныя и неглубокія впечатлѣнія всѣхъ предъидущихъ страницъ разсказа.

Съ особенной пластической силой описана страсть въ разсказѣ подъ нѣсколько искусственнымъ заглавіемъ: «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда». Лѣсковъ сослался однажды на это свое произведеніе, какъ на одно изъ произведеній, съ которыми должна быть связана его литературная репутація. Когда у меня происходила эта бесѣда съ Лѣсковымъ, я не читалъ еще названнаго очерка. Помню, что Лѣсковъ нѣсколько загорячился, уловивъ—со свойственной ему самолюбимой наблюдательностью—тонъ виноватаго смущенія въ моихъ глазахъ: онъ заговорилъ объ этой вещи именно по тому поводу, что новѣйшее поколѣніе не читаетъ вещей, достойныхъ вниманія. Дѣйствительно, это одно изъ очень яркихъ произведеній Лѣскова, хотя и значительно уступающее по глубинѣ другимъ его произведеніямъ. Отдѣльныя страницы разсказа отличаются поразительной красотой и жгучей страстностью. Но его главныя дѣйствующія лица не обнаруживаютъ душевной сложности, а нагроможденность преступленій, описанныхъ въ разсказѣ, придаетъ ему характеръ нѣкоторой исключительности и надуманности. Достоинства этого повѣствованія именно въ великолѣпіи внѣшнихъ красокъ,—когда художникъ описываетъ страсть, вспыхнувшую почти случайно и разгорѣвшуюся въ чудовищный пожаръ, когда онъ изображаетъ ненасытныя ласки влюбленныхъ, свѣтлыя лунныя ночи, напоенныя страстями, всесильными, неудержимыми, но бездушными. Первая встрѣча скучающей купеческой жены съ мужнинымъ прикащикомъ, красивымъ дерзкимъ молодцомъ, избалованнымъ многочисленными успѣхами у женщинъ, представлена съ какою-то художественною упругостью. Катерина Львовна внезапно почувствовала «приливъ желанія разболтаться и наговориться словами веселыми и шутливыми». Красавецъ ловитъ ее на неосторожномъ словѣ и предлагаетъ ей помѣриться силами—схватиться «на-борки». Катерина Львовна «приподняла кверху свои локоточки». Сергѣй обнялъ молодую хозяйку и «прижалъ ея твердую грудь къ своей красной рубашкѣ. Катерина Львовна только было пошевельнула плечами, а Сергѣй приподнялъ ее отъ полу, подержалъ на рукахъ, сжалъ и посадилъ тихонько на опрокинутую мѣрку. Катерина Львовна не успѣла даже распорядиться своею хваленою силою. Красная-раскрасная поправила она, сидя на мѣркѣ, свалившуюся съ плеча шубку, и *тихо* пошла изъ амбара». Въ нѣсколькихъ строкахъ данъ основной тонъ грубому роману, который съ этого момента будетъ развиваться съ стихійной быстротою. Безстыдная, физическая страсть представлена съ откровенностью вольнаго художественнаго разбѣга. Сцена любовнаго свиданія въ саду, въ весенюю лунную ночь, полную тревожныхъ, волнующихъ звуковъ животнаго царства, является во всей красѣ, во всей гармоніи человѣка и

природы. Лунный свѣтъ фантастически играетъ на лицѣ разметавшейся подъ яблоней красавицы, въ воздухѣ тихо, дышится «чѣмъ-то томящимъ, располагающимъ къ лѣни, къ нѣгѣ и къ темнымъ желаніямъ». Подъ заборомъ, въ густомъ черемушникѣ, «заколотилъ соловей» и жирная лошадь «томно вздохнула за стѣнкой конюшни». По выгону, за садомъ, пронеслась, безъ всякаго шума, «веселая стая собакъ и исчезла въ безобразной, черной тѣни полуразвалившихся, старыхъ соляныхъ магазиновъ». Катерина Львовна требуетъ отъ своего любовника опьяняющихъ поцѣлуевъ: «Ты меня такъ поцѣлуй, говоритъ она, чтобы вотъ съ этой яблони, что надъ нами, молодой цвѣтъ на землю посыпался». Молодой бѣлый цвѣтъ посыпался на нихъ съ кудрявой яблони. И «плескаясь въ лунномъ свѣтѣ, да покатываясь по мягкому ковру, рѣзвилась и играла Катерина Львовна съ молодымъ мужнинымъ прикащикомъ». Незамѣтно пролетѣла ночь. Подъ утро, когда уже потускнѣлъ мѣсяцъ, съ кухонной крыши раздался пронзительный кошачій дуэтъ, потомъ «послышались плевокъ, сердитое фырканье и вслѣдъ за тѣмъ два или три кота, оборвавшись, съ шумомъ покатились по приставленному къ крышѣ пуку теса».

— Пойдемъ спать, сказала Катерина Львовна, медленно, словно разбитая, приподнимаясь съ ковра, и какъ лежала въ одной рубашкѣ, да въ бѣлыхъ юбкахъ, такъ и пошла по тихому, до́ мертвенности тихому купеческому двору, а Сергѣй понесъ за нею коверчикъ и блузу, которую она, расшалившись, сбросила.

Такая страсть не могла не захватить скучавшей женщины цѣликомъ. Преступленія—убійство свекра, мужа, мѣшавшихъ благополучному ходу ея любовной исторіи, наконецъ, мальчика, который сдѣлался ея сонаслѣдникомъ,—все это оказывается естественнымъ слѣдствіемъ расходившейся страсти. Ея внезапно измѣнившаяся жизнь, полная тревогъ, опасеній и галлюцинацій, заканчивается печальнымъ путешествіемъ на каторгу, вмѣстѣ съ любовникомъ, который участвовалъ въ ея злодѣяніяхъ. Развязка представляетъ новый взрывъ страсти, на этотъ разъ ревнивой. Соучастникъ Катерины Львовны уже охладѣлъ къ ней и сошелся на пути съ молодой каверзной бабенкой, тоже приговоренной къ каторгѣ. Разъяренная издѣвательствомъ своего бывшаго любовника и счастливой соперницы, русская леди Макбетъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, схватила Сонетку за ноги и «однимъ махомъ перекинулась за бортъ парома». Напрасно пробуютъ спасти ихъ, бросая въ воду багоръ на длинной веревкѣ. Вынырнувъ на поверхность, Катерина Львовна кидается на Сонетку, «какъ сильная щука на мягкоперую плотицу» и вмѣстѣ съ ней тяжело опускается на дно.

Таковъ сюжетъ разсказа. Въ отличіе отъ разсказа «Котинъ Доилецъ и Платонида», гдѣ жизнь героевъ раскрывается на фонѣ природы крот-

кой и одухотворенной, съ уподобленіями нѣжнымъ или изящнымъ животнымъ, настоящій разсказъ даетъ картину безпощадныхъ, чисто-стихійныхъ силъ природы и низшихъ животныхъ страстей. Можно сказать, что въ противоположность лучшимъ, наиболѣе вдохновеннымъ произведеніямъ Лѣскова, въ этомъ разсказѣ нѣтъ тѣхъ освободительныхъ религіозныхъ идей, которыя среди самыхъ паденій и даже злодѣяній обновляли и возрождали душу изображенныхъ героевъ. Подъ яркими густыми красками картины не видно глубокаго внутренняго замысла, которымъ опредѣляется значительность всякаго произведенія. Души героевъ какъ бы не участвуютъ въ ходѣ драматическаго дѣйствія, описаннаго внѣшними чертами. Образъ русской леди Макбетъ, съ той минуты, какъ она вовлекается въ свое первое злодѣяніе, кажется неподвижнымъ, лишеннымъ человѣческой сложности и потому производитъ нѣсколько мелодраматическое впечатлѣніе. Только подъ самый конецъ разсказа, когда Катерина Львовна попадаетъ въ среду каторжниковъ, болѣе грубыхъ по натурѣ, чѣмъ она сама, она нѣсколько мгновеній увлекаетъ читателя своими тяжелыми и обидными страданіями. Ея ревность къ Сонеткѣ и даже къ общедоступной солдаткѣ Фіонѣ естественна и понятна, а потому и трогаетъ, какъ всякое живое чувство. Но если въ этомъ образѣ главной героини разсказа попадаются сильныя и правдивыя черты, то фигура соучастника въ ея злодѣяніяхъ является созданіемъ уже совершенно плоскимъ и почти деревяннымъ. Несмотря на внѣшнюю красивость, Сергѣй ничѣмъ не завоевываетъ читательскаго интереса: его любовныя страсти носятъ характеръ мелкихъ похожденій и шашней, съ оттѣнкомъ примитивно-пошлаго фатовства. Его измѣна Катеринѣ Львовнѣ, проявляющаяся въ очень грубой формѣ, не заключаетъ въ себѣ никакой психологіи — и не потому, чтобы ходъ событій или самый характеръ героя требовали безучастія души къ судьбѣ любовницы, а только потому, что авторъ писалъ свой разсказъ по нѣкоторой надуманной, но, можетъ быть, не глубоко продуманной программѣ. Съ опрометчивостью, почти невѣроятною въ столь глубокомъ художникѣ, Лѣсковъ прямолинейными чертами изобразилъ намъ двухъ злодѣевъ—безъ угрызеній совѣсти, безъ внутренней тревоги, даже безъ мгновенныхъ просвѣтленій, не уразумѣвъ, на этотъ разъ, что въ жизни есть злодѣи, но нѣтъ злодѣйскихъ душъ...

Для пониманія настроеній Лѣскова въ разобранной нами группѣ его литературныхъ работъ, мы должны еще остановиться на томъ, какъ онъ воспринималъ и цѣнилъ физическія и душевныя свойства женщинъ. Наблюдая за ними съ тайнымъ, но жаднымъ интересомъ. Лѣсковъ изображалъ ихъ съ тѣмъ особеннымъ трезвымъ здравомысліемъ, которое обыкновенно сочетается съ грубой жизнью личныхъ страстей, иногда доводящихъ до пресыщенія. Въ искусствѣ онъ хочетъ оставаться

на чисто-русской почвѣ и даетъ женскіе типы, выхваченные изъ хорошо знакомой ему среды. Мы видѣли, какой обаятельный образъ женщины созданъ имъ въ «Соборянахъ», въ лицѣ протопопицы. Она почти не кажется созданіемъ изъ плоти и крови и даже, поставленная рядомъ съ бѣлой лебедью Платонидою, представляется существомъ неземнымъ по своей душевной красотѣ, излюбленною грезою художника. Протопопицѣ Натальѣ Николаевнѣ родственна, по внутреннему складу, старостиха въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ». Обрисованная почти мелькомъ, она остается всетаки въ памяти, благодаря нѣсколькимъ мѣткимъ художественнымъ словамъ, которыя даютъ живое понятіе о темпераментѣ, склонномъ къ мученичеству. Но эти образы, среди которыхъ только Платонида отмѣчена яркими чувственными чертами, являются нѣсколько исключительными между другими женскими портретами въ разобранныхъ нами произведеніяхъ. Они созданы непосредственнымъ вдохновеніемъ, которое залило очищающимъ свѣтомъ искусства привычные жизненные взгляды автора, дающіе себя чувствовать въ другихъ образахъ, менѣе возвышенныхъ въ его собственныхъ глазахъ. Въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ» мы имѣемъ цѣлое разсужденіе о двухъ типахъ женской красоты въ русскомъ духѣ. Можно сказать, что въ данномъ случаѣ устами разсказчика говоритъ самъ авторъ. Женщина высокая, цыбастая, тоненькая, «бровеносная», съ рѣзкимъ гордымъ носомъ, съ «воздушной эфемерностью» ему не по вкусу. Такія женщины не соотвѣтствуютъ своему назначенію. «Цыбастенькая побѣжитъ, да спотыкнется»—тонконогая женщина неустойчива, обнаруживаетъ нежелательную склонность къ тратѣ силъ на капризы и фантазіи, которые дѣлаютъ ее существомъ несговорчивымъ, безпокойнымъ, даже невозможнымъ въ сношеніяхъ съ мущиною. Такая женщина—суха, своенравна, полна противорѣчій, которыя создаютъ разныя драматическія затрудненія для призванныхъ зиждителей того порядка, который установленъ самою природою! Женщина «бровеносная»—съ рѣшительными бровями, которыя придаютъ серьезность и проницательность взгляду,—является сильною, опасною соперницею въ области властолюбивыхъ стремленій: она умна, хитра или упорна въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и, можетъ быть, безконтрольно предается обличительнымъ размышленіямъ о жизни—въ поэтическомъ одиночествѣ, отдѣльно отъ мущины. Такая женщина, съ опасными причудами, тоже не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Сухой гордый носъ, какъ рельефный признакъ неприступной породы, довершаетъ представленіе о женщинѣ энергичной, требовательной, неудобной во всѣхъ отвѣтственныхъ случаяхъ жизни—и тогда, когда мущина домогается ея расположенія, и тогда, когда, насытившись ея ласками, онъ начинаетъ отталкивать отъ себя пріобрѣтенную любовь. Однимъ словомъ, женщина цыбастая, бровеносная, съ рѣшительными, рѣзкими чертами лица со-

вершенно расходится съ тѣмъ «добрымъ типомъ» женщины, которой Лѣсковъ отдаетъ свое скрытое предпочтеніе. Настоящая русская женщина, та, которая по вкусу художнику, должна стоять на крѣпкихъ ногахъ, не теряя мягкой подвижности, должна быть нѣдристою,—«потѣльнѣе и помясистѣе». Брови у нея открытыя, приподнятыя легкой дугой, взглядъ выражаетъ кротость, доступность и повадливость. Такая женщина какъ разъ соотвѣтствуетъ своему назначенію. и при внѣшнемъ обличьѣ, которое устраняетъ непріятную мысль о какихъ-то подвохахъ и каверзахъ, сразу располагаетъ въ свою пользу мужскую половину человѣчества, преданную высокимъ дѣламъ! Нарисовавъ такую женщину,—пышную, мягкую и покорную,—художникъ благодушно развеселился. Рѣшительному, нервному лицу цыбастой женщины, съ сухимъ гордымъ носомъ, онъ противопоставилъ округлое здоровое лицо славянской красавицы: «у нашихъ, пишетъ онъ, носики не горбылемъ, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе». Разсуждая о такой «благоувѣтливой» женщинѣ, нѣдристой, устойчивой, податливой, художникъ не прочь устранить лишнія стѣсненія въ выборѣ словъ. Подъ видомъ невмѣняемаго народнаго юмора, писатель невольно даетъ проскальзывать нѣкоторымъ чертамъ собственной натуры, съ ея невзыскательными требованіями по отношенію къ женщинамъ.

Любимый типъ русской женщины можно прослѣдить, какъ мы уже сказали, по многимъ изъ разобранныхъ нами разсказовъ. «Однодумъ» Рыжовъ привелъ въ городъ жену—«ражую, бѣлую, румяную, съ добрыми карими глазами и съ покорностью въ каждомъ движеніи». Въ этой описательной фразѣ всѣ черты соотвѣтствуютъ знакомому образу доброй женщины. Женщина, любимая «несмертельнымъ Голованомъ», въ каждомъ словѣ обнаруживаетъ «бездну привѣта, доброжелательства и ласки». Переходя къ женщинамъ, представляющимъ нѣкоторую болѣе утонченную разновидность рыхлой красавицы, какова, напримѣръ, Платонида, мы видимъ, что Лѣсковъ охотно подчеркиваетъ одну чувственную подробность, почти не стѣсняясь повтореніями. «Ея бѣлая грудь вздыхала вольно и широко, колышась подъ кармазинной душегрѣйкой», пишетъ онъ въ разсказѣ «Котинъ Доилецъ и Платонида». Это была «рослая, дородная красавица съ душой младенца, съ силою мущчины, съ грудью, которая должна была вскормить богатыря», читаемъ мы черезъ нѣсколько страницъ. «Платонида продолжала стоять тихо, прикрывая накрестъ сложенными руками бѣлую грудь»—та же чувственная черта мелькаетъ даже въ минуту тревожнаго затишья, когда на первомъ планѣ должно быть душевное состояніе героини. «Свекоръ рванулъ сильной рукой врозь ея руки и впился горячими губами въ ея обнаженную грудь» — чувственная черта, отмѣченная сладострастіемъ, рисуется

наиболѣе притягательною для распаленнаго желаніями старца. Лѣсковъ хорошо зналъ не только первобытную психологію человѣческой страсти, но и всевозможныя приключенія, сопровождающія жизнь страстей—несчастныя и счастливыя. Въ разсказѣ подъ названіемъ «Пигмей» имѣется нѣсколько строкъ, открывающихъ просвѣтъ именно въ эту область любовныхъ приключеній, изученную авторомъ. Рѣчь идетъ о французѣ, несправедливо обвиняемомъ въ покушеніи на честь дѣвочки. Въ доказательство обвиненія мать дѣвочки указываетъ на расцарапанный—будто бы въ борьбѣ—носъ француза. «Престранный шрамъ, пишетъ Лѣсковъ: точно расчитано, на какомъ мѣстѣ его отмѣтить. По большей части это никогда такъ не бываетъ: по большей части женщины въ такихъ случаяхъ прямо въ глаза, а еще больше въ щеки цапаютъ—потому она, когда ее одолѣваютъ, руками со сторонъ къ лицу взмахиваетъ, а это какъ-то по кошачьи, прямо въ середину, какъ разъ по носу и къ губѣ пущено». Тонкія и, можетъ быть, вѣрныя черты, которыя куплены не иначе, какъ прямыми и проницательными наблюденіями надъ разнообразными женскими типами. Въ разсказѣ «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда» мы имѣемъ оба типа женщинъ, намѣченныхъ вышеприведеннымъ разсужденіемъ изъ «Запечатлѣннаго ангела». Катерина Львовна, съ ея лѣнью, скукою и быстрымъ паденіемъ при первой встрѣчѣ съ красивымъ дерзкимъ молодцомъ, представляетъ смѣсь того и другого типа. Она не высока ростомъ, но стройна, съ точеной шеей, крѣпкой грудью и тонкимъ прямымъ носомъ. Въ ней есть упругость и упорство, при нравственномъ безволіи. Описывая эту женщину, Лѣсковъ опять-таки постоянно выдвигаетъ ту же самую чувственную подробность. «Сергѣй обнялъ молодую хозяйку и прижалъ ея твердую грудь къ своей красной рубашкѣ». Въ страшномъ кошмарѣ большой сѣрый котъ «тычется своей тупой мордой въ ея упругую грудь». Сергѣй прижимаетъ своей могучей рукой «ея грудь къ своему горячему лицу». Убивая мальчика, Катерина Львовна навалилась на прикрывшую его подушку своею «крѣпкою упругою грудью». Кромѣ этого смѣшаннаго типа женщины, въ разсказѣ имѣются еще два чистыхъ типа: солдатки Фіоны и молодой дѣвушки Сонетки. Фіона—«роскошная женщина», съ густою черною косою и темными глазами, нрава мягкаго и лѣниваго,—«русская простота, которой даже лѣнь сказать кому-нибудь: прочь иди, и которая знаетъ только одно, что она баба». Сонетка—востролицая блондинка съ нѣжною розовой кожей, съ крошечнымъ ротикомъ и золотисто русыми кудрями. Сонетка имѣла вкусъ, «блюла выборъ и даже, можетъ быть, очень строгій выборъ». Она любила страсть съ пряною пикантною приправою, съ страданіями и жертвами. Это — типъ цыбастой, каверзной дѣвчонки. Изъ двухъ соперницъ истинной мучительницей для Катерины Львовны была только Сонетка. Авторъ подчеркиваетъ, что мягко-

тѣлая Фіона—сама простота и доброта, что въ этой общедоступной женщинѣ есть совѣсть. Когда однажды ночью Сергѣй жестоко надругался надъ своей бывшей любовницей, Катерина Львовна кинулась къ Фіонѣ и на ея «полной груди, еще такъ недавно тѣшившей сластью разврата невѣрнаго любовника», она теперь «выплакивала нестерпимое свое горе и, какъ дитя къ матери, прижималась къ своей глупой и рыхлой сопериицѣ».

Нельзя сказать, чтобы въ намѣченныхъ образахъ вполнѣ раскрылась натура русской женщины, какъ она выступаетъ въ психологическихъ произведеніяхъ Пушкина, Тургенева и Толстого,—однако, нельзя не видѣть, что въ нихъ отчетливо отразился страстный духъ и сластолюбивый темпераментъ самого автора, этого пестраго, яркаго, но не міроваго таланта. Для извѣстныхъ областей у Лѣскова не хватало нѣкоторыхъ красокъ, и вотъ почему у него попадаются произведенія, которыя имѣютъ ограниченный, условный смыслъ и не раскрываютъ глубинъ жизни, выступающихъ только въ бѣломъ свѣтѣ всесторонней мудрости.

IV.

Одна довольно большая хроника, составленная изъ трехъ очерковъ, дала Лѣскову нѣкоторый матеріалъ для «Соборянъ». Помѣщица Марѳа Андреевна Плодомасова и карлики Николай Аѳанасьевичъ и Марья Аѳанасьевна дѣйствуютъ въ «Соборянахъ», хотя образъ помѣщицы остается тамъ нѣсколько неяснымъ, загадочнымъ. Въ настоящей хроникѣ, подъ названіемъ «Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ», Марѳа Андреевна выступаетъ довольно цѣльнымъ лицомъ, хотя въ ея обрисовкѣ Лѣсковъ прибѣгаетъ къ рѣзкимъ штрихамъ, которые создаютъ изъ нея слишкомъ прямолинейный характеръ. Исторія ея «умыканья» бояриномъ Никитою Юрьевичемъ, самъ Никита Юрьевичъ, его бурное самодурство, не знающее никакихъ предѣловъ, наконецъ, жертва, добровольно принесенная боярину его молодою, насильственно похищенною женою, все это описано съ обычнымъ талантомъ, но безъ свойственной Лѣскову оригинальности замысла. Люди—живые, бытъ очерченъ въ его типическихъ признакахъ, событія давно прошедшаго крѣпостного времени чередуются быстро и естественно, но подъ зыбью тяжелыхъ внѣшнихъ происшествій нѣтъ психологической глубины. Даже исторія «хрустальнаго» вдовства Марѳы Андреевны, несмотря на отдѣльныя трагическія подробности, не производитъ того очаровывающаго впечатлѣнія, на которое, повидимому, разсчитывалъ авторъ. Въ разсказѣ отсутствуетъ нѣжность, теплота,—спартанская непоколебимость и суровость Марѳы Андреевны не объяснена никакими понятными, близкими душѣ мотивами. Вспышка гнѣва по поводу романическаго похожденія ея сына съ сѣнной дѣвушкой, затѣмъ

примиреніе съ сыномъ, съ крѣпостной красавицей и даже чудо взращенія раньше времени родившагося внука въ рукавѣ заячьей шубки—не волнуютъ и не трогаютъ читателя: развитіе повѣствованія совершается безъ жизненной плавности, въ рѣзкихъ, крупныхъ эпизодахъ, неразработанныхъ въ характерныхъ частностяхъ. Авторъ какъ бы не прозрѣлъ сквозь отдаленіе времени именно тѣхъ мелкихъ фактовъ и явленій быта, которыя особенно цѣнны во всякой хроникѣ. Картина написана общими грубыми мазками, которые не позволяютъ видѣть и ощутить былое въ его наиболѣе тонкихъ и примиряющихъ чертахъ. Только исторія двухъ крѣпостныхъ карликовъ, переданная устами одного изъ нихъ, производитъ глубокое подкупающее впечатлѣніе. Маленькій Николай Аѳанасьевичъ, который переживаетъ своею маленькой душой и скорбь, и радость любимой помѣщицы и, разсказывая уже въ глубокой старости о событіяхъ ихъ общей жизни, бросается въ уголъ, чтобы стыдливо смахнуть набѣгающія слезы, представляетъ собою настоящаго благороднаго человѣка въ уменьшенномъ видѣ. Онъ чувствуетъ, какъ другіе люди, и перебирая вязальными спицами, тонко вникаетъ во все, что дѣлается кругомъ. Онъ и думаетъ, какъ всѣ, но каждая мысль, зародившаяся въ его умѣ, на словахъ пріобрѣтаетъ особенный оттѣнокъ трогательнаго безсилія. По наружности Николай Аѳанасьевичъ—весь чистота и благообразіе. Таковъ же онъ и внутри. Выслушивая его умилительные разсказы о минувшихъ дняхъ, великанъ Ахилла Десницынъ невольно восклицаетъ: «Ахъ ты, старичекъ прелестный!» Дойдя въ своихъ воспоминаніяхъ до того щекотливаго пункта, какъ онъ, по требованію Мароы Андреевны, долженъ былъ ухаживать за карлицей генеральши Вихіоровой, Николай Аѳанасьевичъ вызываетъ у того же Ахиллы Десницына сочувственный возгласъ: «Маленькій!» Что-то истинно великолѣпное, мягкое и задушевное, похожее на сказку недавняго, но духовно очень отдаленнаго времени, проникаетъ весь очеркъ, посвященный плодомасовскимъ карликамъ. Такая тема, открывающая просторъ для утонченной живописи,—какъ на картинахъ геніальнаго Андреа Мантенья, была настоящей находкой для художественной кисти Лѣскова, любившаго всякія рѣдкостныя явленія. Поставить рядомъ съ большими, рѣшительно очерченными фигурами созданія крохотной величины, но строго выдержанной пропорціональности, это было задачей, можно сказать, достойной Лѣскова, и если въ литературныхъ размышленіяхъ позволительны случайныя параллели, то должно сказать, что задача эта исполнена Лѣсковымъ не хуже, не менѣе смѣло и вдохновенно, чѣмъ на картинѣ Мантенья, изображающей дворъ мантуанскаго маркиза. При этомъ, страницы, рисующія обоихъ карликовъ, полны и мягкаго, сдержаннаго юмора, и тихаго благодушія—въ стилѣ лучшихъ произведеній Лѣскова. Несмотря на анекдотичность и странность сюжета, настроеніе разсказа

величаво, почти торжественно и подкупаетъ своимъ широкимъ эпическимъ напѣвомъ. Кажется понятнымъ, почему Лѣсковъ называетъ всю эту отжившую эпоху, съ ея капризнымъ барствомъ и игрою нѣжной божественной стихіи въ сердцахъ его рабовъ, старою сказкою, не лишенною поэтическаго обаянія. «Чуденъ и свѣтелъ новый храмъ возведутъ на Руси и будетъ въ немъ и свѣтло, и тепло молящимся внукамъ, но больно глядѣть, какъ старыя бревна безжалостно рубятъ!» задумчиво восклицаетъ о. Туберозовъ, размышляя по поводу разсказовъ Николая Аѳанасьевича и желая дать почувствовать своему собесѣднику, что въ прошедшемъ была своя красота. На него пахнуло русскимъ духомъ отъ воспоминаній карлика. Гордая и своенравная старуха Марѳа Андреевна, привязанная къ своему карлику особенно тонкими и нѣжными узами, и этотъ карликъ, восмидесятилѣтній старичекъ, проливающій слезы умиленія каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о Марѳѣ Андреевнѣ—въ этихъ фигурахъ для Туберозова живетъ именно старая русская сказка, которую онъ любитъ и жалѣетъ среди заботъ и дѣлъ новѣйшаго обновительнаго разрушенія. «Живите, государи мои, люди русскіе, говоритъ Туберозовъ, въ ладу со своею старою сказкою. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость! Для васъ вотъ эти прутики старушекъ ударяютъ монотонно, но для меня съ нихъ каплетъ сладкихъ ощущеній источникъ. О, какъ бы я желалъ умереть въ мирѣ съ моею старою сказкою!». Въ этихъ словахъ слышится убѣжденіе самого Лѣскова. При склонности дѣлать разныя уступки духу времени, даже при нѣкоторой готовности слѣдовать за великими творцами новыхъ теченій въ литературѣ, которая стала обозначаться въ немъ особенно за послѣдніе годы его жизни, Лѣсковъ остался, въ сущности, исключительно одареннымъ изографомъ стариннаго письма. Старая сказка всегда держала въ очарованіи его фантазію. Всегда, когда Лѣсковъ отдается наиболѣе самобытнымъ силамъ своего таланта, когда онъ пишетъ, не измѣняя внутреннему кругозору, не давая своей натурѣ, религіозной по народному типу, увлекаться злобными инстинктами, передъ нами встаетъ художникъ, воспроизводящій разновидности одной большой русской сказки — дикой и доброй, шумной и тихой, широкой и мелкой, одной большой русской сказки, которая на нашихъ глазахъ расплывается и таетъ, уступая мѣсто новымъ тревожнымъ сказкамъ...

Эта же старая русская сказка отразилась въ другой хроникѣ, подъ названіемъ «Захудалый родъ». Надо сказать, что, въ отличіе отъ предъидущей хроники, не во всемъ удовлетворяющей требованіямъ именно литературной хроники, «Захудалый родъ» (или «Семейная хроника князей Протозановыхъ») написанъ безподобнымъ стилемъ и въ строго выдержанномъ эпическомъ тонѣ. Мѣстами чувствуется увлеченіе стариннаго быто-

писателя, который сквозь даль временъ видитъ и ощущаетъ почти неуловимыя подробности прошедшей жизни и созерцаетъ ее въ ея маленькихъ герояхъ, заслоненныхъ для историческаго лѣтописца ея значительными, иногда величественными представителями. Лѣсковъ тонко понималъ, чѣмъ должна быть литературная хроника. По таланту, это былъ писатель, призванный именно возвеличить маленькаго человѣка, подчеркнуть и освѣтить, какъ мы уже говорили въ предъидущей статьѣ, величіе божественной малости на землѣ. Крохотные карлики въ перспективѣ людскихъ положеній, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова, притягивали его вниманіе преимущественно передъ фигурами болѣе или менѣе грандіозными, имѣющими внѣшнее превосходство надъ другими людьми. Какъ никто, Лѣсковъ умѣлъ вникать въ психологію своихъ маленькихъ героевъ обыденнаго строя жизни и незамѣтно для читателя поднимать ихъ выше будничныхъ интересовъ, сообщая ихъ поступкамъ и влеченіямъ характеръ особенной религіозной праведности. Этимъ способомъ онъ окружилъ обаяніемъ о. Туберозова—простого священника въ маленькомъ захолустномъ городкѣ, о. Киріака—скромнаго миссіонера въ далекомъ краю сѣверной Россіи, обычныхъ дѣятелей раскольничьей среды въ разсказѣ «Запечатлѣнный ангелъ». неслышнаго Памву—беззлобнаго и беззавистнаго отшельника, очарованнаго странника—полудикаго кучера, дошедшаго путемъ исключительно внутреннихъ переломовъ до высшаго душевнаго просвѣтленія. До сихъ поръ мы еще не встрѣтили въ произведеніяхъ Лѣскова ни одного героя въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово толпа. Его герои—божьи люди, потому что, по духу и по всему своему умственному кругозору, Лѣсковъ былъ чисто русскимъ писателемъ, писателемъ русской народности, съ ея тонкимъ, природнымъ, почти первобытнымъ чутьемъ въ вопросахъ настоящаго человѣческаго величія, чуждаго мишуры и торжественности внѣшняго идолопоклонства. Мы видѣли, что въ предъидущей хроникѣ Лѣскову особенно удались карлики: онъ описалъ ихъ съ почти божественной любознательностью къ малымъ величинамъ. Въ настоящей «хроникѣ князей Протозановыхъ» болѣе крупныя фигуры хотя и описаны сочными красками, всетаки уступаютъ представителямъ подчиненной среды. Она вся передъ глазами въ своихъ неотъемлемыхъ чертахъ, живая, полная скрытыхъ силъ и волнующихъ настроеній, несмотря на тяжесть жизненнаго давленія. Сдѣлавъ общую характеристику главнаго дѣйствующаго лица этой хроники, Лѣсковъ приступаетъ къ обрисовкѣ ея второстепенныхъ героевъ,—и тутъ онъ бросаетъ нѣсколько строкъ, показывающихъ, до какой глубины и ясности онъ доходилъ въ пониманіи своей задачи, какъ хроникеръ. Вся хроника ведется какъ бы отъ лица одной изъ княженъ Протозановыхъ, по ея записнымъ книжкамъ. «Какъ понятно мнѣ, пишетъ она, то, что Данте разсказываетъ объ одномъ миніатюристѣ XIII в., который, начавъ рисовать изображенія

въ священной рукописи, чувствовалъ, что его опытная рука постоянно дрожитъ отъ страха, какъ бы не испортить миніатюрныя фигуры». Пока она писала свою бабушку, графиню Варвару Николаевну и другихъ предковъ Протозановскаго рода, она не ощущала никакой робости. Но теперь ей предстоитъ нарисовать «ближайшихъ бабушкиныхъ друзей»—друзей, которыхъ она избирала, не соображаясь съ ихъ общественнымъ положеніемъ. Это маленькіе люди, въ которыхъ надо найти, понять и оцѣнить душевную красоту, и вотъ княжна Протозанова чувствуетъ невольный трепетъ. «Могу ли я хоть сколько-нибудь отчетливо изобразить симпатичныя, умиляющею теплотой и безмѣрнымъ благородствомъ дышавшія черты этихъ маленькихъ людей?»—спрашиваетъ она себя передъ тѣмъ, какъ написать цѣлый рядъ великолѣпныхъ и психологически правдивыхъ портретовъ. Хроника полна интереса,—рядомъ съ фигурами, крупными по положенію, очерчены фигуры, подкупающія своими внутренними достоинствами, живыя, гибкія, проникнутыя нравственнымъ изяществомъ. На самыхъ послѣднихъ страницахъ хроники Лѣсковъ, съ какимъ-то поразительнымъ провидѣніемъ умственныхъ типовъ будущаго времени, показываетъ образъ мудраго учителя Меѳодія Мироныча Червева, которому жизнь не даетъ возможности развернуть свои силы. Сказаніе о семьѣ Протозановыхъ, быть можетъ, растянутое по формѣ, читается, однако, до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. Нѣсколько потухшія, поблекшія краски величавой, «самодумной» старины, уже отошедшей въ область поэтическихъ преданій, огромныя длинныя полотна, которыхъ нельзя обозрѣть съ одного пункта,—съ пестрымъ содержаніемъ, съ многочисленными характерными лицами, выступающими въ освѣщеніи широкой, любвеобильной и богобоязненной человѣчности, наконецъ, самая манера письма, спокойная, плавная и сосредоточенная,—все это невольно напоминаетъ драгоцѣнныя картины старыхъ музеевъ. Дышишь воздухомъ былыхъ временъ, изучая такую картину, проникаясь тѣмъ, что есть въ ней вѣчнаго, несокрушимаго въ стремительномъ бѣгѣ историческихъ событій. Сживаясь и сливаясь съ неумирающей красотой сошедшихъ со сцены людей, душа освобождается отъ мелкихъ случайныхъ тревогъ, выростаетъ въ своемъ объемѣ и, выростая, утихаетъ въ новомъ, широкомъ теченіи своихъ интересовъ. Такую именно свободную тишину создаетъ въ душѣ Лѣсковъ нѣкоторыми эпизодами обѣихъ разобранныхъ нами хроникъ.

Отмѣтимъ еще, въ заключеніе, что даже въ этой спокойной эпической картинѣ, Лѣсковъ, рисуя женскую красоту, мѣстами далъ прорваться нѣкоторымъ особенностямъ своей натуры—въ вышеотмѣченномъ направленіи. Вотъ какъ онъ описываетъ красавицу, ухаживающую за больнымъ дворяниномъ, Дермидонтомъ Рогожинымъ: «глаза большіе, изсѣра-темные, подъ черною бровью дужкою, лицо горитъ жизнью, зубы словно перлы,

зерно къ зерну низаны, сочныя алыя губы полуоткрыты, шея башенькой, на плечахъ—эполетъ клади, а могучая грудь какъ корабль волной перекачиваетъ». Поправляя подушку больного, красавица, описанная привлекательными для Лѣскова чертами рыхлаго типа, подводитъ ему подъ плечи «круглую упругую руку» и держитъ все время его голову «у своей груди». Наталкиваясь, посреди великолѣпныхъ страницъ, выдержанныхъ въ тускломъ старинномъ колоритѣ, на такія рѣзкія чувственныя подробности, читатель невольно испытываетъ легкую досаду на автора за его несдержанность въ описаніи женской красоты.

Къ той же серіи разсказовъ въ формѣ воспоминаній Лѣсковъ отнесъ и два маленькихъ произведенія: «Овцебыкъ» и «Безстыдникъ». Но обѣ эти вещи, при нѣкоторой живости, которая никогда не покидала Лѣскова, не отличаются никакими выдающимися качествами. «Овцебыкъ» есть произведеніе искусственное, путанное и суетливое. «Безстыдникъ»—разсказъ, написанный на мелко-разсудочную, обличительную тему, крайне неблагодарную въ психологическомъ отношеніи. Всякій, кто лично зналъ Лѣскова, припомнитъ, что посреди серьезнаго увлекательнаго разговора на него находила иногда какая-то шумливость: онъ вдругъ начиналъ нервно посмѣиваться, перебирать старые нелѣпые анекдоты, безпорядочно перескакивать, по случайнымъ совпаденіямъ, съ предмета на предметъ, давая волю раздраженію на нѣкоторыхъ современныхъ, мелкихъ, но постоянно задѣвавшихъ его писателей. «А вотъ *онъ*»... неизмѣнно начиналъ Лѣсковъ, гнѣвно оживляясь, послѣ какихъ-нибудь смѣхотворныхъ изліяній, не имѣвшихъ къ этому «онъ» никакого отношенія. Собственнаго имени при этомъ такъ и не говорилось, но опытные слушатели знали, что этотъ непріятный *онъ* есть никто иной, какъ нововременскій фельетонистъ Буренинъ. Лѣсковъ разражался бурною филиппикою, изъ которой въ сотый разъ можно было узнать, какъ Буренинъ оскорбилъ однажды двухъ дамъ, отнеся ихъ къ публичнымъ дѣятелямъ. Оба названныхъ разсказа, «Овцебыкъ» и «Безстыдникъ», написаны именно въ такомъ шумливо-безпорядочномъ стилѣ,—повидимому, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайно набѣжавшихъ пестрыхъ впечатлѣній, которыя нарушали красоту и тишину его настоящаго, вдохновеннаго творчества.

А. Волынскій.

Бѣлый лебедь.

Бѣлый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.
Подъ тобою—глубь нѣмая,
Безъ привѣта, безъ отвѣта,
Но скользишь ты, утопая
Въ безднѣ воздуха и свѣта.
Надъ тобой—эѳиръ бездонный
Съ яркой утренней звѣздою,
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотою.
Символъ нѣжности безстрастной,
Недосказанной, несмѣлой,
Призракъ женственно-прекрасный,
Лебедь чистый, лебедь бѣлый.

К. Бальмонтъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Полемика, вызванная выборами въ «Союзѣ русскихъ писателей».—Мнимая безпартійность руководителей «союза».—Мѣры противъ оппозиціи въ средѣ «союза».—Нѣкоторыя особенности устава.—Безапеляціонный судъ чести.—Сужденія провинціальныхъ газетъ о «союзѣ».

Страстная полемика, сопровождавшая на столбцахъ петербургскихъ газетъ первые выборы во вновь основанномъ «Союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей при Русскомъ литературномъ обществѣ», какъ и слѣдовало ожидать, быстро откликнулась во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, отголоски эти не внесли никакихъ новыхъ данныхъ въ случайно или умышленно осложненный вопросъ о характерѣ и значеніи «Союза». Вмѣсто того, чтобы разбираться въ отраженныхъ мнѣніяхъ и взглядахъ, поневолѣ разбрасываясь въ частичныхъ возраженіяхъ, мы постараемся выяснить дѣло по существу, на основаніи однихъ безспорныхъ документовъ,—оставивъ въ сторонѣ весь полемическій матеріалъ, порожденный личными счетами и взбудораженными самолюбіями писателей, съ особеннымъ рвеніемъ изобрѣтавшихъ узорчатую вязь, которая навсегда сочетала-бы ихъ имена съ названіемъ «Союза»—въ назиданіе неблагодарнымъ современникамъ и на удивленіе потомству.

Въ небольшой замѣткѣ, посвященной въ прошлой книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» г. Волынскимъ мнимому «празднику русской литературы», отчетливо намѣчена очевидная всякому безпристрастному наблюдателю грань между интересами русской литературы и «профессіональными интересами русскихъ писателей», какъ выражается уставъ «Союза». Между первыми и вторыми часто не только имѣется мало общаго, но нерѣдко они пребываютъ въ явномъ и непримиримомъ антагонизмѣ: напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда масса посредственныхъ писателей для которыхъ «шкурные» интересы превыше всякаго иного стимула, ополчается на одиноко стоящаго, даровитаго и самобытно мыслящаго подвижника пера, обличающаго ихъ въ нетерпимости и невѣжествѣ.

«Объединившись на почвѣ профессіональныхъ интересовъ», — которые могутъ очень чувствительно пострадать, если читатели выслушаютъ съ достаточнымъ вниманіемъ опередившаго свое время обличителя. — посредственная и косная масса, конечно, не проявитъ ни малѣйшей готовности къ самоустраненію—во имя интересовъ литературы. Новаторскія попытки въ искусствѣ никогда не пользовались поддержкой большинства, объединеннаго, прочнѣе всякихъ спеціальныхъ уставовъ, своею заурядностью.

Никакіе «Союзы», даже организованные съ самыми благими практическими намѣреніями. не могутъ создать *процвѣтанія* литературы. Отсюда, конечно, вовсе не слѣдуетъ, что житейскія условія, въ которыя поставлены писатели, нисколько не вліяютъ на ихъ творчество. Если-бы новый «Союзъ русскихъ писателей» ограничился скромною ролью дѣлового посредника между нѣкоторымъ числомъ лицъ, принадлежащихъ къ нашей печати и ощущающихъ потребность въ учрежденіи, которое устраивало-бы ихъ матеріальныя порученія, охраняло-бы *среди нихъ* добрые нравы и даже чинило *между ними* судъ и расправу, мы не удѣлили-бы ему особеннаго вниманія, преимущественно передъ другими явленіями современной жизни. Если сахарозаводчики и нефтепромышленники считаютъ полезнымъ для своихъ профессіональныхъ интересовъ объединиться въ синдикатъ, нормирующій ихъ производство, почему-же и людямъ, существующимъ перомъ, не образовать общества, которое помогало-бы имъ пристраивать свой трудъ какъ можно выгоднѣе? Писателю, не желающему пользоваться услугами такого общества, оставалось-бы только устраниться отъ участія въ немъ, предоставивъ общникамъ распоряжаться *въ своей средѣ*, какъ имъ угодно, и высказываться съ присущею всѣмъ дѣятелямъ печати свободно отъ своего имени, не посягая на властное представительство отъ лица всей русской литературы. Между тѣмъ въ «уставѣ», внимательное разсмотрѣніе котораго одно лишь можетъ дать прочную почву для какихъ-бы то ни было выводовъ, говорится, что «Союзъ» имѣетъ цѣлью:

а) «Объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ, для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати».

Въ этомъ первомъ и основномъ пунктѣ устава выражено пожеланіе «объединить» не лицъ, которыя войдутъ въ члены «Союза», а вообще «русскихъ писателей». Задачу «охраненія добрыхъ нравовъ», неизбѣжно связанную съ предупредительными и карательными мѣрами, «Союзъ» также распространяетъ не только на своихъ добровольныхъ участниковъ, но и на всѣхъ «дѣятелей печати», среди которыхъ, конечно, всегда можетъ оказаться достаточное число лицъ, совсѣмъ не желающихъ подчиняться произвольной и не обставленной никакими гарантіями юрисдикціи случайныхъ и не подготовленныхъ для административно-судебной дѣятельности избранниковъ «Союза». Къ понужденію строптп-

выхъ могутъ быть примѣнены слѣдующіе пункты, гласящіе, что «Союзъ» имѣетъ цѣлью:

> б) «*Посредничество* между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами, съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія труда, такъ и для *разсмотрѣнія* ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ, въ случаѣ возникновенія таковыхъ;
>
> в) *посредничество* и *разсмотрѣніе* личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ между членами союза, а также *между ними* и *посторонними лицами*.

Въ обоихъ этихъ пунктахъ ни слова не говорится о томъ, какимъ должно быть «посредничество»—насильственнымъ или полюбовнымъ; для предоставленія-же еще большаго простора судьямъ «Союза» отъ «посредничества» отдѣлено «разсмотрѣніе», очевидно, чѣмъ-то отличающееся отъ перваго и, согласно пункту *в*, примѣнимое «и къ постороннимъ лицамъ».

Въ двухъ послѣдующихъ пунктахъ «Союзъ» ставитъ себѣ цѣлью «представительство на русскихъ и иностранныхъ съѣздахъ и *въ другихъ случаяхъ*, когда союзъ признаетъ это нужнымъ» и «ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся *литературной профессіи*». Въ первомъ случаѣ замалчивается, отъ чьего имени будетъ представительствовать «Союзъ»: составители устава, наградивъ свое дѣтище всѣми прерогативами до безапелляціонности включительно, надо полагать, дошли мысленно до полнаго слiянія литературы съ «Союзомъ». Второе-же право «ходатайствовать по *предметамъ*, касающимся «литературной профессіи», опираясь на иллюзорную довѣренность «отъ всей литературы», чревато всякаго рода огорченіями для непричастныхъ къ «Союзу» писателей, неимѣющихъ возможности протестовать противъ ходатайства заправилъ «Союза»...

Мы находимся еще въ самомъ началѣ утомительной, но неизбѣжной работы,—и уже слышимъ нетерпѣливые возгласы сангвиническихъ читателей: «помилуйте! чего-же эти «стоящіе въ сторонѣ» писатели зѣвали! отчего они не кликнули кличъ въ свое время, не попытались войти въ «Союзъ» хоть-бы въ нѣкоторомъ меньшинствѣ, не проявили своей оппозиціи дѣятельнымъ образомъ! Да и теперь еще время не потеряно,—что мѣшаетъ вамъ и вашимъ единомышленникамъ сдѣлаться членами «Союза» и начать борьбу съ его узурпированнною властью?»

Что мѣшаетъ? Капканы, рогатки и западни, разставленныя самымъ невиннымъ и, конечно, безъ всякаго предварительнаго умысла образомъ. Въ статьѣ 3-й устава говорится:

> «Членами Союза *могутъ быть* безъ различія направленій лица, заявившія себя трудами въ области литературы, науки и періодической печати, а также *лица*, *редактирующія* органы періоди-

ческой печати и *состоящія постоянными сотрудниками* этихъ послѣднихъ».

— Ну, вотъ видите,—продолжаетъ нашъ неугомонившійся оппонентъ,—*могутъ быть!* Если состоятъ сотрудниками или чѣмъ-нибудь заявили себя, имѣютъ право сдѣлаться членами «Союза».

— Нѣтъ, *могутъ быть* вовсе не значитъ «имѣютъ право», — это значитъ только, что *могутъ и не быть* членами «Союза». А, при нѣкоторыхъ условіяхъ, эти слова легко примутъ смыслъ «не могутъ быть».

Для того, чтобы сократить поясненіе этого пункта, мы сопоставимъ въ нѣсколькихъ строкахъ, какъ долженъ былъ сформироваться «Союзъ», *не различающій направленій*, и какъ онъ сформировался на самомъ дѣлѣ. Если-бы существовало искреннее намѣреніе привлечь «всю текущую литературу и печать» къ участію въ «Союзѣ», группѣ лицъ, орудующей въ немъ, стоило-бы только своевременно разослать приглашеніе *всѣмъ* редакціямъ, которыя, въ свою очередь, опросили-бы своихъ постоянныхъ или выдающихся сотрудниковъ. Въ оповѣщенное затѣмъ въ газетахъ учредительское собраніе явились-бы всѣ лица, желающія и имѣющія право примкнуть къ обществу, которое, такимъ образомъ, составилось бы, дѣйствительно, внѣ давленія кружковъ и партій. На дѣлѣ-же, заправилы «Союза», претендующаго на безпартійность, вовсе не оповѣстили редакцій, съ которыми не находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, составили келейно учредительскіе списки, обезпечившіе имъ большинство голосовъ, и открыли дѣйствія общества, оградившись съ двухъ сторонъ статьями 20-й и 30-й. Послѣдняя налагаетъ узду на всякую оппозицію въ средѣ «Союза», угрожая судомъ чести «за поступки члена Союза, если въ нихъ усматривается *противодѣйствіе цѣлямъ* Союза». Въ каждомъ критическомъ замѣчаніи, хотя-бы и основательномъ, можетъ быть, при желаніи, усмотрѣно противодѣйствіе и виновный рискуетъ быть выключеннымъ изъ общества. Статьѣ 20-й предназначена роль фильтра:

> «Лица, желающія поступить въ члены Союза, подаютъ о томъ въ комитетъ заявленіе. Они *избираются* общимъ собраніемъ по *предложенію* комитета. Если комитетъ *отказывается* сдѣлать это предложеніе общему собранію, желающіе вступить въ члены Союза могутъ *потребовать* баллотировки въ общемъ собраніи. Въ этомъ случаѣ выборъ считается состоявшимся, если при баллотировкѣ за кандидата было подано не менѣе *двухъ третей* голосовъ изъ наличнаго состава собранія».

Послѣдній пунктъ показываетъ, что редакторы устава — люди веселые, расположенные и въ сухую кодификаціонную работу внести комическую нотку. Откуда, спросимъ мы, взяться вдругъ такому подавляющему большинству заступниковъ за забракованнаго комитетомъ кандидата, когда въ составѣ одного этого комитета насчитывается 16 человѣкъ!..

Не вдаваясь въ обсужденіе, поскольку тѣ или другія лица, избранныя на почетныя должности въ «Союзѣ», подходятъ къ предложенной имъ роли, мы считаемъ небезъинтереснымъ отмѣтить странное несоотвѣтствіе между огромнымъ числомъ этихъ должностей—ихъ, вмѣстѣ съ кандидатами 32—и весьма мизернымъ контингентомъ явившихся на выборы избирателей. Абсолютное большинство, необходимое для избранія, ни въ одномъ случаѣ не достигало 50 человѣкъ. Такимъ образомъ почти всѣ избиратели, примкнувшіе къ большинству, могли тутъ-же получить награду, оказавшись избранными фигурировать «отъ лица всей литературы безъ различія направленій». И это произошло въ Петербургѣ, гдѣ «лицъ, заявившихъ себя трудами въ области литературы, науки и періодической печати, редактирующихъ органы періодической печати и состоящихъ постоянными сотрудниками», т. е. располагающихъ данными для принятія, согласно § 3 устава, въ члены «Союза», насчитывается по меньшей мѣрѣ нѣсколько тысячъ!.. Оставалось лишь учредить еще одну должность—кандидатовъ къ кандидатамъ, чтобы всѣ «милостивые государи», пришедшіе на выборы, поголовно выбрали другъ друга.

Насколько такой распорядокъ пришелся по душѣ руководителямъ «Союза», свидѣтельствуютъ предусмотрительныя заботы ихъ, чтобы и впредъ почетные кадры «всероссійскихъ литературныхъ представителей» пополнялись, главнымъ образомъ, изъ лицъ «своего лагеря». По статьѣ 9-й устава «половина подлежащихъ избранію (на мѣсто четырехъ выбывающихъ ежегодно) членовъ комитета избираются по кандидатскому списку, составленному комитетомъ въ *двойномъ* числѣ противъ подлежащаго избранію». Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ половина членовъ комитета всегда будетъ избираться по усмотрѣнію того кружка писателей, который придалъ такую яркую окраску и разбираемому нами уставу, и первымъ выборамъ, на цѣлыя десятилѣтія лишившимъ «Союзъ» фактической возможности сколько-нибудь обновиться. На выборы другой половины членовъ комитета установлено оказывать болѣе прикровенное давленіе: нынѣшній комитетъ, на основаніи статьи 9-й, въ день слѣдующихъ выборовъ предложитъ замѣстить четырехъ выбывающихъ членовъ комитета, руководствуясь кандидатскимъ спискомъ, въ который будутъ внесены четыре лица. Двухъ изъ этихъ кандидатовъ избрать *обязательно,* остальныхъ-же—*не возбраняется*. Не трудно представить себѣ, насколько упростится трудъ гг. избирателей, если они, вмѣсто непріятной баллотировки по способу вычеркиванія, «подмахнутъ» цѣликомъ весь кандидатскій списокъ, предложенный комитетомъ! Кто хоть разъ присутствовалъ на баллотировкахъ подобнаго рода, пойметъ, насколько безошибоченъ «психологическій» разсчетъ, внушившій авторамъ устава статью 9-ую.

Послѣ разсмотрѣнныхъ выше крючкотворныхъ статей устава, представляющаго пока единственный документальный результатъ прославленной дружественными и заинтересованными перьями дѣятельности

руководителей «Союза», коротенькая седьмая глава «о судѣ чести» производитъ уже самымъ своимъ заглавіемъ довольно странное и неожиданное впечатлѣніе. Главка эта, умѣщающаяся на одной страничкѣ, носитъ чисто юридическій характеръ: это—писанный законъ, lex scripta, на основаніи котораго людей будутъ привлекать къ суду, судить и подвергать всенародно наказанію. Значеніе этого закона непомѣрно усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что никакихъ аппеляцій и кассацій на рѣшеніе союзнаго ареопага «чести» не полагается. Въ судахъ «совѣсти» надобность въ контролирующихъ инстанціяхъ устраняется въ силу полюбовнаго соглашенія тяжущихся сторонъ, поручающихъ свое дѣло лицамъ, которымъ они довѣряютъ. Допустимъ, что въ данный моментъ въ члены союзнаго судилища, представляющаго постоянный трибуналъ, избраны лица, пользующіяся всероссійскимъ довѣріемъ,—мы обсуждаемъ не свойства отдѣльныхъ лицъ, а достоинство самого учрежденія. Кто-же поручится, что въ будущіе судьи не проникнутъ разные ловкіе цѣльцы, способные злоупотребить своей диктатурой, не связанной даже обычными правовыми нормами?.. При такой постановкѣ дѣла, неизбѣжно возникаютъ два тревожныхъ вопроса: въ защиту какой именно *чести* основатели Союза соорудили спеціальное судилище? И *кто* будетъ привлекаться къ отвѣту передъ нимъ,—лица, добровольно признавшія его компетентность, или насильственно вынуждаемыя подчиниться ей? Обращаемся къ единственному источнику для разрѣшенія нашихъ недоумѣній Въ ст. 24-й устава, которою начинается главка «о судѣ чести», сказано:

«Судъ чести разбираетъ дѣла, какъ между *членами Союза*, такъ *въ случаяхъ*, касающихся профессіональной дѣятельности членовъ Союза. по заявленіямъ частныхъ лицъ—если обѣ стороны обратятся къ нему, или—одна изъ сторонъ откажется отъ третейскаго суда, а другая обратится къ суду чести».

Нужно-ли быть юристомъ. искусившимся въ уловленіи мельчайшихъ неточностей въ законѣ, чтобы усмотрѣть въ этой безграмотной фразѣ, въ которой «членамъ Союза» противопоставляются «случаи», широчайшій просторъ для самого вопіющаго произвола? Она устанавливаетъ такую подсудность, какою не располагаетъ ни одинъ судъ въ мірѣ. На основаніи ея можно привлечь къ суду чести любого писателя, не только не состоящаго членомъ союза, но и не вступавшаго въ личныя сношенія съ кѣмъ-либо изъ «союзниковъ»; можно засудить любого издателя, редактора, типографа, корректора, наборщика, разсыльнаго изъ типографіи и даже извощика, если отъ его недостаточно усерднаго помахиванія кнутомъ пострадала «профессіональная дѣятельность членовъ союза» и онъ «отказался отъ третейскаго суда». При достаточномъ предрасположеніи и нѣкоторой восторженности воображенія, все, происходящее въ мірѣ семъ, легко можетъ быть подведено подъ рубрику «случаевъ, касающихся профессіональной дѣятельности членовъ Союза» и признано подсуднымъ «ареопагу чести».

Что въ такомъ толкованіи нѣтъ ни малѣйшей натяжки, убѣдительно доказываетъ статья 27-ая:

«Судъ чести приглашаетъ для объясненій обѣ стороны. Членъ Союза, не явившійся по такому приглашенію безъ достаточныхъ причинъ, считается выбывшимъ изъ Союза».

Если-бы союзный ареопагъ предназначался для однихъ членовъ союза, ему пришлось бы, на основаніи этой статьи, пребывать въ неизмѣнномъ бездѣйствіи: чувствующій за собою какую-либо провинность членъ союза, очевидно, не сталъ бы ожидать повѣстки отъ суда и вышелъ бы заблаговременно изъ состава общества; сознающій-же свою правоту членъ союза не могъ-бы привлечь къ отвѣтственности лицо, не подвѣдомственное союзу. Суду «чести» оставалось бы мирно почивать въ своихъ курульныхъ креслахъ. Для тѣхъ-же рѣдкихъ спорныхъ случаевъ, когда обѣ стороны считаютъ себя правыми, прежній третейскій судъ всегда сохранитъ огромное преимущество, судя на основаніи общечеловѣческой совѣсти, а не условныхъ требованій невѣдомаго кодекса спеціально писательской чести.

Но составители устава вовсе не имѣли въ виду обречь измышленный ими ареопагъ на почетное бездѣйствіе. Предоставивъ членамъ союза возможность жаловаться своему судилищу на всякое лицо, «отказавшееся отъ третейскаго суда», они приняли мѣры на случай вѣроятной неявки обвиняемаго. «Въ случаѣ неприбытія одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ,—гласитъ статья 29-ая,—судъ чести выслушиваетъ явившуюся сторону и, разсмотрѣвъ ея доводы и доказательства, высказываетъ свое мнѣніе, которое *можетъ быть опубликовано*», по желанію восторжествовавшей надъ отсутствующимъ противникомъ стороны, если комитетъ «не найдетъ къ тому препятствій».

Мы исчерпали почти все фактическое содержаніе главки о судѣ чести, но пока не нашли въ ней даже отдаленнаго указанія на то, что понимаютъ подъ этимъ терминомъ руководители «союза». Единственное указаніе на этотъ существеннѣйшій пунктъ находимъ въ статьѣ 30-й, которою и заканчиваемъ наши выписки:

«Комитетъ можетъ передать на разсмотрѣніе суда чести поступки члена союза, если въ нихъ усматривается противодѣйствіе цѣлямъ союза, плагіатъ, контрафакція, клевета или *вообще что-либо противное чести писателя*».

Такимъ образомъ противодѣйствіе цѣлямъ союза приравнивается къ плагіату, контрафакціи и клеветѣ и признается несовмѣстимымъ съ «честью писателя». Очевидно, честь эта чрезвычайно щекотлива и нетерпима, если оппозицію «союзу», ставитъ на одну доску съ преступленіями и проступками уголовнаго свойства. Но подъ родовой терминъ «противодѣйствіе цѣлямъ союза» можно подвести безконечное число видовыхъ явленій. Напримѣръ, критика устава «союза», хотя-бы сдержанная и безпристрастная, не составляетъ-ли «противодѣйствія»? И если составляетъ, то въ

какой мѣрѣ слѣдуетъ признать ее несовмѣстимой съ «писательскою честью» и какой карѣ подвергать виновнаго? Противно-ли «чести писателя», ревизуя дѣятельность руководителей «союза», выразить порицаніе оной, рискуя быть уличеннымъ въ «противодѣйствіи», или-же, напротивъ, «честь писателя» требуетъ такого изобличенія, хотя бы затѣмъ послѣдовало постановленіе комитета на основаніи статьи 31-ой «отмѣтить члена выбывшимъ»? И какъ долженъ поступать трибуналъ союза, когда на почвѣ «противодѣйствія» возникнетъ конфликтъ между совѣстью и «честью» писателя? Если, напримѣръ, совѣсть предписываетъ ему всячески противодѣйствовать составленію и подачѣ какого-нибудь ходатайства, а статья 30-ая устава признаетъ такую оппозицію «противною чести писателя»? И, вообще, можетъ-ли служить къ чести писателя измышленіе какихъ-то спеціальныхъ, шаткихъ нормъ, которыя поведутъ лишь къ развитію сутяжничества въ литературной средѣ, въ ущербъ нелицепріятному суду совѣсти, безшумно и свободно творимому писателями путемъ живымъ и единственно ихъ достойнымъ, путемъ печати.

Провинціальныя газеты, побудившія насъ высказать эти замѣчанія, не найдутъ въ нихъ никакихъ комплиментовъ по своему адресу. Мы надѣемся, однако, что эта попытка освѣтитъ вопросъ о «союзѣ» на основаніи однихъ документальныхъ данныхъ и будетъ принята ими, какъ необходимая поправка къ тѣмъ многочисленнымъ присыламъ изъ заинтересованныхъ источниковъ, которые не перестаютъ появляться на ихъ столбцахъ. Въ «Одесскомъ листкѣ» (№ 41) г. Оболенскій расхваливаетъ «почтенныя провинціальныя газеты» за поддержку, оказываемую ими «союзу». Изъ похвалъ его, однако, вовсе не слѣдуетъ, что «почтенныя провинціальныя газеты» должны пребывать въ невѣдѣніи относительно дѣла, которое касается ихъ столько-же, сколько петербургскія изданія. Было бы весьма прискорбно, если-бы при организаціи филіальныхъ отдѣленій «союза» въ провинціи повторились неурядицы, бросающія сомнительную тѣнь на самое предпріятіе и на тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ въ немъ первенствующее участіе.

К. Льдовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Университетскій вопросъ.—Преобразованіе губернскихъ учрежденій.—Отрицаніе хлѣбнаго и с.-х. кризиса.—Дворянская задолженность.—Улучшеніе судебной части.—Вопросъ о водныхъ путяхъ.

Броженія въ нашей университетской жизни, обратившія на себя въ послѣднее время общее вниманіе, положили конецъ безучастному отношенію общества къ разсадникамъ знанія—къ университетамъ. То, что считалось неизбѣжнымъ зломъ, съ чѣмъ стали-было сживаться въ ожиданіи, что все перемѣнится къ лучшему само собою, начало насъ безпокоить. Безпощадная логика жизни, какъ это часто бываетъ, рѣзко поставила передъ нами одну изъ своихъ жестокихъ дилеммъ: или оставить дѣло statu quo, рискуя повтореніемъ, броженіемъ и дальнѣйшимъ упадкомъ науки, или же скорѣе приняться за обновленіе университетскаго строя, не утѣшаясь тѣмъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ скверномъ мірѣ. Оказалось, что приходится подумать о скорѣйшемъ обновленіи, и вотъ въ печати началось обсужденіе университетскаго вопроса вкривь и вкось. Въ этомъ обсужденіи приняли участіе и профессора и простые смертные. Говорилось и о возможности вернуться къ прежней университетской автономіи, и объ упорядоченіи студенческихъ занятій, объ измѣненіи положенія касательно ученыхъ степеней, приватъ-доцентуры, гонораровъ, etc. Въ пылу полемики вырисовались три главныхъ мнѣнія: одни стояли за отмѣну существующаго устава 1884 г. и за возвращеніе къ уставу 1863 года; другіе считая и тотъ и другой уставы непригодными, упирали на необходимость составленія новаго устава; третьи—правда очень немногіе—поддерживали существующій порядокъ, боясь всякихъ новшествъ, къ которымъ еще надо примѣняться.

Защитники перваго мнѣнія не оставили въ дѣйствующемъ уставѣ живого мѣста и какъ крупные его недостатки выставляли бюрократическій характеръ университетовъ, превратившихся изъ храмовъ науки въ учрежденія по учебной части; уничтоженіе доцентуры, что затруднило

занятіе наукою для начинающихъ талантливыхъ абитуріентовъ. Доказывалось, что идея параллельныхъ курсовъ и свободнаго соперничества ученыхъ потерпѣла полное фіаско. Доказывалось, что система гонораровъ внесла деморализацію въ университетскую среду и рѣзкое неравенство, обездоливъ провинціальные университеты въ пользу столицы; тамъ многіе профессора и приватъ-доценты получаютъ гонораръ, едва-ли достаточный для покупки вицъ-мундира, въ столицахъ-же преподающіе однородные предметы огребаютъ тысячи и перестаютъ завидовать окладамъ директоровъ крупныхъ банковъ. Въ провинцію неохотно идутъ даже въ профессора, ибо на одно профессорское жалованье безъ гонорара существовать и тамъ трудно; въ столицахъ появились приватъ-доценты, которые хорошо существуютъ безъ всякаго жалованья на одинъ гонораръ со слушателей.

Другіе, соглашаясь съ этими указаніями, доказывали, что возстановленіе устава 1863 г. не поможетъ дѣлу, что онъ при современныхъ требованіяхъ, будетъ обветшавшимъ и незаконченнымъ. Его главнымъ недостаткомъ выставлялось то, что вводя корпоративное устройство въ средѣ профессоровъ—онъ оставлялъ въ сторонѣ студенчество съ его научными и жизненными требованіями, чего нельзя не признать справедливымъ. Эти господа рекомендовали составить совершенно новый уставъ, относительно характера котораго мнѣнія расходились. Одни хотѣли расширить корпоративное устройство. Другіе же думали ограничиться лишь отмѣною гонораровъ, возстановленіемъ децентуры, отмѣною «назначеній» профессоровъ со стороны министерства, увеличеніемъ окладовъ жалованья. Нѣкоторые профессора требовали установленія несмѣняемости ихъ, подобно тому, какъ это установлено для судей.

На сторонѣ лицъ, не желающихъ никакихъ перемѣнъ въ университетскомъ строѣ, было лишь одно соображеніе, имѣющее подобіе серьезности, а именно: университеты въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, являются лишь простымъ отраженіемъ эпохи и состоянія самаго общества, плотью отъ плоти и костью отъ костей его, а потому надо выжидать, пока улучшится общее положеніе вещей, что подготовитъ почву и для университетской реформы. Но если стоять на этой точкѣ, то всѣ наши учрежденія являются отраженіемъ своего времени, и ихъ недостатки надо терпѣть, предоставивъ вещи естественному ходу. Но если такъ разсуждать и ни за что не приниматься, то откуда же явятся тѣ элементы, тѣ живыя силы, которыя помогутъ общему улучшенію. Развѣ такъ называемая «эпоха» или «общій порядокъ вещей» не слагаются изъ отдѣльныхъ элементовъ. Развѣ университеты не составляютъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ факторовъ, могущихъ помочь улучшенію всего нашего строя. А разъ это такъ, то и оставлять ихъ долѣе въ настоящемъ положеніи никакъ невозможно. Иначе до чего дойдетъ этотъ переживаемый нами кризисъ университетской науки, совпавшій со всякими другими кризисами въ нашей общественной и экономической

жизни. Нельзя же, безъ ущерба умственному развитію націи, допускать, чтобы университетъ застывалъ на безжизненной формѣ служебнаго учрежденія, чтобы профессора все болѣе и болѣе превращались въ «чиновниковъ по учебной части» (каковой терминъ и существовалъ лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ назадъ), а студенты оставались, какъ теперь, временно-причисленными къ наукѣ, отбывающими своего рода ученую повинность ради достиженія служебныхъ и иныхъ благъ. Нельзя же оставить безъ исправленія ту брешь, какая внесена въ стройное зданіе науки системою «назначеній» и «гонораровъ», при которой сталъ тормозиться доступъ болѣе талантливымъ ученымъ, какъ конкурентамъ по гонорару, а въ профессора стали нерѣдко попадать субъекты, чуждые наукѣ, но сумѣвшіе найти «ходы», а также лица, добивающіеся званія профессора или даже приватъ-доцента, чтобы подъ прикрытіемъ ученаго званія зашибать деньги на другихъ неученыхъ поприщахъ, въ частныхъ предпріятіяхъ, въ сферѣ юридической и медицинской практики, даже на чиновничьихъ мѣстахъ, и пр. Нельзя, наконецъ, оставить университетъ въ томъ положеніи, при которомъ самое занятіе наукою считается неблагодарнымъ, и она отходитъ на задній планъ.

Существующій уставъ, принесшій такіе горькіе плоды и подорвавшій развитіе русской науки, конечно, долженъ быть замѣненъ другимъ. Но главное дѣло не столько въ самомъ уставѣ, сколько въ его духѣ. Въ новомъ уставѣ слѣдуетъ сохранить духъ устава 1863 г., введя тѣ стороны, какія въ то время не были приняты во вниманіе. Необходимо очистить университетскій строй отъ наносныхъ элементовъ, напримѣръ, отъ приватъ-доцентуры и гонораровъ, которые выказали у насъ лишь худшія свои стороны и ни одной хорошей, какъ на западѣ. Прежде всего предстоитъ освободить профессоровъ отъ участія въ административно-хозяйственныхъ заботахъ, предоставивъ эти заботы другимъ лицамъ, а за ними оставивъ чисто-научную область, облегчивъ имъ болѣе тѣсную связь со слушателями и воздѣйствіе на занятія послѣднихъ. За профессорами надо признать полную самостоятельность и авторитетность въ дѣлахъ науки, увеличивъ также ихъ вознагражденіе, а то оно теперь меньше, чѣмъ проэктировалось тридцать пять лѣтъ назадъ; должности экстраординарнаго профессора, достигаемой путемъ многолѣтнихъ усилій, присвоенъ окладъ гораздо меньшій, чѣмъ младшаго помощника акцизнаго надзирателя. Улучшеніе-же положенія профессоровъ въ отношеніи самостоятельнаго руководства научной жизнью университетовъ и со стороны матеріальнаго обезпеченія дастъ имъ возможность посвятить наукѣ всѣ силы, не уклоняясь въ сторону для постороннихъ заработковъ. Но такое положеніе неразлучно съ ихъ корпоративнымъ устройствомъ, при которомъ профессора должны избираться факультетомъ, а не совѣтомъ, гдѣ легче образуются партіи. Они должны быть независимы во всемъ, что касается научной области, т. е. вліянія на занятія студентовъ, выбора и распредѣленія предметовъ преподаванія, присуж-

денія ученыхъ степеней и пр. При такомъ строѣ только и возможенъ высокій нравственный авторитетъ профессорской корпораціи, возвышающій значеніе самихъ университетовъ въ глазахъ молодежи и всего общества. Но установленіе корпоративнаго устройства для профессоровъ при оставленіи студентовъ въ настоящемъ положеніи не дастъ цѣльности университетскому строю. Корпоративное начало должно быть, въ силу органической связи, распространено и на студентовъ. Правда, еще считается спорнымъ вопросъ о томъ,—должны-ли студенты только учиться или-же, кромѣ лекцій, могутъ интересоваться общественными и другими вопросами. Но самый споръ объ этомъ является празднымъ. Если даже и признать, что студенты должны быть глухи и слѣпы ко всему, кромѣ посѣщенія и штудированія лекцій, то вѣдь все равно этого достигнуть нельзя: юноши, какъ таковые, не въ силахъ не отзываться на многія явленія жизни хотя-бы ужъ потому, что они должны знакомиться съ нею, какъ будущіе дѣятели. Лучше предупредить всякіе могущія быть осложненія и идти навстрѣчу естественнымъ стремленіямъ, узаконивъ учрежденіе студенческихъ кружковъ для разныхъ полезныхъ цѣлей: въ виду взаимопомощи, самообразованія, здоровыхъ развлеченій, собственнаго суда и пр.; это хотя не вполнѣ, но допущено у насъ для студентовъ военно-медицинской академіи и для нѣкоторыхъ корпорацій, причемъ принесло только одни хорошіе результаты, что подтверждается также вѣковымъ опытомъ англійскихъ и германскихъ университетовъ. Такой строй для нашихъ студентовъ положитъ конецъ настоящей ихъ, все возростающей отчужденности отъ университета, болѣе свяжетъ ихъ съ кругомъ университетскихъ интересовъ.

При такой постановкѣ вопроса университетъ, какъ чисто-ученое учрежденіе, во всей его цѣльности будетъ жить автономной жизнью. Это начало притомъ и не представляетъ собою никакого опаснаго новшества. Автономія университетовъ, сослужившая на западѣ такую службу наукѣ и государству, у насъ была установлена закономъ еще въ 1804 году. При обсужденіи проекта новаго устава въ 1861 г. всѣ мнѣнія представителей университетовъ, администраціи и попечителей округовъ сводились къ необходимости автономіи, какъ основѣ просвѣтительнаго вліянія университетовъ на страну. По мнѣнію Н. И. Пирогова, «безъ этой автономіи невозможно и процвѣтаніе университета, который процвѣтаетъ тамъ, гдѣ сами правительства заботятся усилить его самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его научно-нравственное вліяніе на цѣлое общество. Уже давно сознавалось, что идеаломъ для русскихъ университетовъ долженъ быть тотъ Universitas litterarum, который въ отличіе отъ французскихъ факультетовъ давалъ возможность стройнаго и самостоятельнаго развитія знаній. Законодательства всѣхъ европейскихъ народовъ признавали полную свободу науки и ея ученій за непреложный принципъ. Къ этому началу и надо подходить, чтобы университетъ былъ свободнымъ проводникомъ знаній, чтобы профессорская корпорація

могла измѣнять и программы и распредѣленіе факультетовъ, могла-бы, подъ своей отвѣтственностью, организовать курсы и внѣ стѣнъ университета.

Для. того, чтобы въ новомъ уставѣ было соблюдено это начало, необходимо, не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, образовать особое совѣщаніе изъ представителей отъ университетовъ съ приглашеніемъ извѣстныхъ ученыхъ, къ нимъ не принадлежащихъ. Это совѣщаніе лучше всего намѣтитъ содержаніе новаго устава. При этомъ разрѣшится не только университетскій вопросъ, но и много другихъ вопросовъ съ нимъ связанныхъ. Окажется излишнимъ и споръ о томъ—должно-ли въ университетахъ изучать лишь науку для науки, помимо всякихъ правъ, или-же они необходимы, чтобы давать Россіи образованныхъ дѣятелей съ широкимъ кругозоромъ, въ которыхъ она такъ нуждается.

Съ проложеніемъ желѣзной дороги въ глубь Сибири страна эта съ каждымъ годомъ становится къ намъ ближе не только географически, но и въ другихъ отношеніяхъ; ею больше интересуются, ее больше узнаютъ и чаще посѣщаютъ. Присущіе ей особые порядки становятся уже анахронизмами, и мало-по-малу ее пріобщаютъ къ общеевропейской культурѣ. Въ прошломъ году въ Сибири завели новые суды, хотя и съ извѣстными ограниченіями, предстоитъ сравнять ее со внутренними губерніями и въ отношеніи административнаго строя вывести ее изъ прежней отчужденности и дореформеннаго положенія. Недавно поднятъ вопросъ о преобразованіи губернскихъ учрежденій въ Сибири, которыя представляютъ собою какой-то отжившій конгломератъ. Здѣсь мы видимъ рядъ административныхъ наслоеній, мало понятныхъ для европейскаго жителя. Такъ, въ Сибири существуетъ, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ, неизбѣжное губернское правленіе, но тутъ-же рядомъ съ нимъ дѣйствуетъ неизвѣстное у насъ губернское присутствіе, оба они механически соединены въ одно установленіе—подъ наименованіемъ «губернскаго управленія», въ компетенцію обоихъ этихъ учрежденій вторгается еще самостоятельная канцелярія губернатора. Границы и распредѣленіе дѣлъ всѣхъ трехъ канцелярій точно не размежованы, такъ что бумаги часто путешествуютъ изъ одного въ другое, вызывая замедленія и нанося убытки частнымъ лицамъ. Затѣмъ, въ Сибири еще существуетъ губернскій совѣтъ съ особой канцеляріей—учрежденія, также неизвѣстныя внутренней Россіи. Въ числѣ многочисленныхъ отдѣленій, комитетовъ и присутствій, имѣющихся, впрочемъ, и во внутреннихъ губерніяхъ, въ Сибири фигурируетъ архаическій приказъ общественнаго призрѣнія, давно упраздненный у насъ, причемъ самое воспоминаніе о немъ стало уже исчезать. Такое нагроможденіе губернскихъ учрежденій вредитъ правильному теченію дѣлъ, причемъ на нѣкоторыя изъ нихъ возлагались тѣ или другія функціи внѣ законодательнаго порядка и даже безъ разрѣшенія министерства, а просто по отдѣльнымъ распоряженіямъ

мѣстныхъ начальствъ, причемъ многое являлось внѣ какой-либо системы, въ видѣ отрывочныхъ мѣръ. Понятно, что такимъ порядкомъ построенныя учрежденія, помимо излишней волокиты и бумажной процедуры, были неудобны еще тѣмъ, что исключали возможность вниканія въ мѣстныя нужды, не могли доставлять своевременныхъ и точныхъ свѣдѣній въ Петербургъ: благодаря имъ, при варварскихъ разстояніяхъ, чувствовались всѣ недостатки централизаціи, а ея немногія удобныя стороны вовсе не могли проявиться. Учрежденія были далеки отъ мѣстныхъ интересовъ, всякія распоряженія на пользу края медленно подготовлялись и еще медленнѣе выполнялись, что отзывалось весьма неблагопріятно на населеніи особенно сѣверныхъ округовъ, гдѣ такъ необходимы своевременныя мѣры, напр. по снабженію инородцевъ продовольствіемъ. При этомъ дѣло не обходилось безъ печальныхъ случаевъ.

На неустройство мѣстнаго управленія указывалось уже десятки лѣтъ, но только съ прошлаго года предположено привести его въ болѣе сносный видъ, причемъ составленъ проектъ объединенія губернскихъ учрежденій. Конечно, такое объединеніе должно быть отнюдь не механическимъ, а органическимъ въ связи съ упрощеніемъ дѣлопроизводства и сосредоточеніемъ однородныхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ. Но кромѣ приведенія губернскихъ учрежденій въ стройный видъ, предстоитъ, въ виду обширности административныхъ раіоновъ, развить мѣстные органы, болѣе близкіе къ населенію, которые всего лучше организовать по типу нашихъ земскихъ учрежденій. Такіе органы могли-бы на мѣстѣ заботиться о правильной постановкѣ продовольственнаго, учебнаго, врачебнаго, пожарнаго, строительнаго, дорожнаго и другихъ дѣлъ. Это упроститъ дѣятельность губернскихъ учрежденій, которые будутъ только объединять дѣйствіе мѣстныхъ. При этомъ, разумѣется, нельзя оставить и давно устарѣвшіе, прежніе оклады жалованья, мизерность которыхъ служитъ оправданіемъ для поборовъ, разбивая всѣ усилія немногихъ администраторовъ, задававшихся мыслію о борьбѣ со взяточничествомъ. Преобразованіе губернскихъ учрежденій съ усиленіемъ окладовъ поведетъ къ ослабленію этого зла, пустившаго въ Сибири такіе глубокіе корни.

Вопросъ о преобразованіи губернскихъ учрежденій важенъ не только для Сибири. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ ея учрежденій придется логически обратить вниманіе на нѣкоторыя устарѣвшія формы въ административномъ механизмѣ внутреннихъ губерній; онъ напоминаетъ собою старые помѣщичьи дома, къ которымъ по мѣрѣ увеличенія семейства—дѣлались пристройки и надстройки, уродовавшія все зданіе. Губернское управленіе внутреннихъ губерній представляетъ собою смѣшеніе остатковъ екатерининскихъ учрежденій съ позднѣйшими наслоеніями, которыя принаровлялись не только къ потребностямъ отдѣльныхъ отраслей управленія, но часто даже и къ потребностямъ минуты, что не разъ отмѣчалось оффиціально. Для каждаго изъ такихъ установленій опредѣлялся свой составъ, свой порядокъ движенія дѣлъ, своя подчиненность и различная

степень власти. Это хаотическое положеніе губернскихъ учрежденій отразилось и на уѣздныхъ, которыя вмѣсто живого дѣла и отзывчивости къ мѣстнымъ нуждамъ, влачатъ пассивное существованіе, потонувъ въ морѣ канцелярщины и формальностей. Отчеты сенаторскихъ ревизій уже пятнадцать лѣтъ назадъ отмѣчали въ области губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій неопредѣленность права и обязанностей, разнообразіе предъявленныхъ къ нимъ требованій при невозможности выполнить послѣднія какъ слѣдуетъ, безплодную переписку между вѣдомствами и даже между столами, отнимающую время и трудъ, и т. д. Указывалось при этомъ, что, напр., въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи ведутся 32 книги и 61 родъ дѣлъ и что такое обширное письмоводство, замедляя всѣ дѣла, отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей; въ большинствѣ уѣздныхъ управленій число исходящихъ бумагъ доходитъ до 20—30 тыс. въ годъ, а входящихъ немного меньше; въ управленіяхъ губернскихъ городовъ число такихъ бумагъ вдвое и втрое. Ясно, что всѣ эти учрежденія также нуждаются въ коренной реформѣ.

На зыбкой, поверхности нашей экономической жизни какъ пузыри вскакиваютъ разные вопросы. Досужіе люди берутся за перья, обсуждаютъ ихъ вкривь и вкось, причемъ предметомъ политики становятся даже такія вещи, которыя давно вошли въ общее сознаніе какъ безспорныя. Что выгоднѣе—дешево продать хлѣбъ или дорого? Что лучше—хорошій урожай или неурожай? Даже на эти вопросы бываютъ разные отвѣты.

Въ теченіи этого мѣсяца, когда вся Россія плакалась на низкія цѣны, мы были свидѣтелями цѣлой политики по поводу того, что и низкія цѣны выгодны, если не совпадаютъ съ неурожаемъ, а хорошія цѣны невыгодны при плохомъ урожаѣ. Одни резонно считали, что низкія цѣны, не покрывающія во многихъ мѣстахъ издержекъ производства, знаменуютъ собою кризисъ, другіе-же отрицали это и становились на сторону министерства финансовъ, какъ извѣстно признавшаго низкія цѣны выгодными для населенія. Въ самый разгаръ политики появилось на сцену солидное изданіе, подлившее масла въ огонь. Мы говоримъ о книгѣ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» (вѣрнѣе было бы сказать—на народное благосостояніе), изданной и составленной 12 статистиками и профессорами подъ общей редакціею проф. Чупрова и г. Посникова. Это объемистое изданіе, вынырнувшее на свѣтъ Божій какъ-то сразу, само по себѣ представляетъ интересное явленіе, но разбирать его здѣсь не мѣсто, а придется отмѣтить лишь нѣкоторыя характерныя черты. При ближайшемъ разсмотрѣніи самаго содержанія книги, можно подумать, что она какъ-бы замѣнила собою труды коммиссіи о народномъ благосостояніи, о которой свѣдѣнія заглохли. Уже съ перваго раза можно усмотрѣть въ ней натяжки и усилія доказать, что положеніе нашего земледѣльческаго класса

вовсе не такъ плохо, что кризиса нѣтъ. При этомъ обходятся такіе факты, какъ ослабленіе урожайности земли, упадокъ скотоводства, пониженіе заработной платы въ сельскомъ хозяйствѣ.

Обходится также вопросъ о томъ — выгодно ли для земледѣльца, имѣющаго отъ урожая 200 пудовъ, продать изъ нихъ 50 по 50 коп., а 160 оставить себѣ, или же при цѣнѣ въ 25 коп. продать 100 п., а себѣ оставить только 100. Напротивъ, доказывается, что при хорошемъ урожаѣ низкія цѣны невредны. Значительная часть книги посвящена усиліямъ доказать то, что извѣстно младенцамъ, т. е., что хорошій урожай лучше неурожая; при этомъ сравнивается вліяніе разныхъ урожаевъ при разныхъ цѣнахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ, что не можетъ быть допустимо съ методологической точки зрѣнія ни въ одной серьезной работѣ. Можно только сравнивать вліяніе разныхъ урожаевъ при равныхъ цѣнахъ, или же вліяніе разныхъ цѣнъ при равныхъ урожаяхъ въ данной мѣстности. Въ числѣ выводовъ приводится и такое неожиданное положеніе, что «въ періодъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ землевладѣніе всѣхъ размѣровъ и всѣхъ сословій бываетъ устойчивѣе». Это вѣрно, если устойчивость понимать въ смыслѣ равенства всѣхъ передъ кризисомъ и обладанія большими запасами хлѣба, на который нѣтъ спроса. Какъ будто все равно — уплатитъ-ли мужикъ подати двадцатью пудами хлѣба (при хорошихъ цѣнахъ) или сорока пудами (при плохихъ цѣнахъ).

Подобныя натяжки станутъ понятнѣе, если заглянуть въ самый конецъ «введенія», заключающаго въ себѣ многіе другіе выводы. Достойно вниманія, что оно заканчивается тѣми словами доклада министра финансовъ по росписи прошлаго года, гдѣ трактуется, что низкія цѣны вообще не противорѣчатъ интересамъ общегосударственнымъ и крестьянства, а стѣсняютъ лишь положеніе крупнаго землевладѣнія къ облегченію котораго и направлены усилія министерства. Здѣсь приведены слова, повторяющія то же, что было сказано и въ докладѣ на 1895 г., при чемъ дано совершенно иное толкованіе отрицательному факту паденія цѣнъ, которое прежде всего обрушивается на крестьянъ; изъ нихъ только небольшая часть, въ сѣверной полосѣ Имперіи, живетъ на покупномъ хлѣбѣ, огромное-же большинство вынуждено продавать его, и при томъ не во-время, для своевременнаго покрытія платежей, недоимокъ, неотложныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Между тѣмъ вновь оказывается «страдательною» не земледѣльческая масса. Новое-же изданіе, съ участіемъ такихъ массъ, старается заднимъ числомъ, т. е. на основаніи работы, произведенной въ 1896 году, доказать правильность оффиціальныхъ мнѣній, высказанныхъ за годъ и за два раньше, а также оправдать возведеніе отрицательнаго явленія русской экономической жизни на степень положительнаго. Даже съ капиталистической точки зрѣнія, приводимой въ докладѣ министерства и съ точки зрѣнія успѣховъ промышленности защита низкихъ цѣнъ является непримиримымъ противорѣчіемъ, ибо такія цѣны, подрывая покупательныя силы населенія, тор-

мозятъ сбытъ фабрично-заводскихъ издѣлій, что въ свою очередь наноситъ подрывъ промышленности, которая теперь выдвигается на первое мѣсто. Въ одной распространенной газетѣ одинъ изъ служащихъ министерства поддерживалъ выводы упомянутой книги, при чемъ дошелъ даже до того, что отрицалъ кризисъ и соглашался признать его лишь тогда, когда низкія цѣны станутъ постояннымъ, хроническимъ явленіемъ. Комментаріи тутъ излишни.

Только что вышедшій отчетъ дворянскаго банка за 1895 годъ показываетъ, что за одинъ этотъ годъ капитальная сумма долга возросла съ 350 м. р. до 395 м. или на 13%. Въ 53 губерніяхъ было заложено ни много, ни мало—11,7 милл. десятинъ, около 1/5 всей площади дворянскаго землевладѣнія, территорія, равная Бельгіи, Голландіи и Даніи, взятымъ вмѣстѣ. По отдѣльнымъ губерніямъ размѣръ задолженности колеблется; есть такія губерніи, гдѣ въ одномъ дворянскомъ банкѣ заложено больше половины всѣхъ дворянскихъ земель. Если же присчитать къ этому долги частнымъ банкамъ и лицамъ, то получится цифра довольно умопомрачительная!

За 1895 годъ выдано ссудъ дворянскимъ банкомъ на 82 м. р.—цифра, до сихъ поръ небывалая! Но изъ нея на руки заемщикамъ выдано всего лишь 24 м. р., а остальные 58 м. пошли въ зачетъ прежнихъ долговъ. Ясно, что о вліяніи такого кредита на подъемъ хозяйства не можетъ быть и рѣчи. Смущающая вещь и то, что къ 1 января 1896 г. просроченныхъ платежей, съ пропускомъ всѣхъ льготныхъ сроковъ, оставалось на небывалую прежде сумму 9,8 м. р. или 18% всего годового оклада. За невзносъ ноябрьскаго платежа было назначено въ продажу 2,874 имѣнія или болѣе 1/5 всего ихъ числа. Правда, на дѣлѣ вышло не такъ страшно: продано съ торговъ только 40 имѣній, на нѣкоторыя вовсе не было покупателей, а за остальныя внесли. Въ общемъ—дѣла такія, что платить въ банкъ становится все труднѣе. Одни дѣлаютъ ради взносовъ новые долги, другіе для той-же цѣли запродаютъ будущій урожай, что еще больше давитъ на цѣны, и безъ того невеселыя. Иные же, изнемогая въ борьбѣ, пытаются подвести свое положеніе подъ force majeure и обвиняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ государство въ томъ, что ихъ довели до такого положенія, оставляя сельское хозяйство внѣ покровительства. На этомъ основаніи они требуютъ, какъ справедливой льготы, отсрочки платежей лѣтъ этакъ на пять, на десять, а также прощенія прежнихъ недоимокъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе вещей такъ серьезно, что приходится думать о новыхъ формахъ содѣйствія сельскому хозяйству и о другихъ мѣрахъ.

Давно стало неоспоримой истиною, что хорошій судъ нуженъ всякому государству, независимо отъ формы правленія и степени культурности.

Государство въ другихъ отношеніяхъ можетъ отставать, но правосудіе все же должно быть поставлено выше всякихъ вѣяній и партій. Но всегда находятся люди, которые закрываютъ глаза на очевидные факты и на обсолютныя начала, желая задержать поступательное развитіе тѣхъ формъ, которыя имъ не нравятся или просто неудобны. Такъ и у насъ, въ Россіи, находились люди, возражавшіе противъ новаго суда. Ихъ смущало и то, что новые суды выдвинулись у насъ, какъ передовая форма, изъ ряда другихъ учрежденій и не были вдвинуты, вмѣстѣ съ ними, въ общія тѣсныя рамки. Они не хотѣли понять, что судъ менѣе, чѣмъ что либо другое, можно повернуть назадъ, также, какъ нельзя вернуться, напримѣръ, къ каменному вѣку или къ пастушескому состоянію. При томъ же, превосходство его надъ старыми судами ярко бросалось въ глаза и не допускало никакихъ сравненій. Хотя и были такія лица, которыя предсказывали, что судебные уставы 1864 г. у насъ не привьются, что мы до нихъ еще не доросли, но опытъ 33 лѣтъ блистательно опровергъ всѣ сомнѣнія. Какъ бы ни были стѣснены нѣкоторыя отдѣльныя стороны, все же населеніе сжилось съ новымъ судебнымъ положеніемъ, какъ съ лучшимъ для него. Возражали, напримѣръ, и противъ суда присяжныхъ, говорили, что онъ можетъ быть воспринятъ лишь народами вполнѣ культурными. И что-же? Не взирая на нашу болѣе чѣмъ скромную культурность, судъ этотъ нашелъ благодарную почву въ здравомъ смыслѣ народа, въ его широкой отзывчивости. Даже безграмотные и убогіе крестьяне-присяжные, набиравшіеся по пути на сессію, и тѣ оказались на высотѣ своего призванія, неся съ собою живую правду, которая пробивалась сквозь дебри казуистики, сквозь туманы косвенныхъ уликъ и судебныхъ преній. Среди всѣхъ затрудненій и попятныхъ стремленій новый судъ пролагаетъ себѣ широкую дорогу. Знамя правосудія въ духѣ уставовъ 1864 г. выкинуто и въ полудикомъ Туркестанѣ, и на погибельномъ Кавказѣ, а недавно и въ хладной Сибири, переживающей въ другихъ отношеніяхъ чуть-ли еще не бронзовую эпоху. Теперь нужно ввести дальнѣйшія улучшенія въ этомъ стройномъ механизмѣ, сдѣлать маленькія поправки, задѣлать нѣкоторыя бреши. Для этой цѣли и работаютъ извѣстныя коммиссіи при министерствѣ юстиціи. Здѣсь былъ—какъ бы въ видѣ уступки людямъ извѣстнаго направленія—поставленъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сократить компетенцію суда присяжныхъ. Вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ сохраненія ея въ прежнемъ объемѣ. Недавно, затѣмъ, коммиссія по улучшенію судебной части заявила во всеуслышаніе, что главныя начала судебной реформы 1864 г. должны остаться непоколебимыми, что нельзя касаться цѣлости такихъ началъ, какъ гласность, устность и состязательность процесса, охрана личности передъ судомъ, независимость суда, незыблемость законной силы судебнаго приговора, участіе въ судѣ общественнаго элемента, высокій цензъ судебной службы и пр. Это заявленіе должно радовать всѣхъ сторонниковъ нашего передового движенія,

также какъ и признаніе со стороны министерства всей необходимости приблизить судъ къ мѣстному населенію, для чего въ составѣ коммиссіи образованъ особый отдѣлъ по организаціи мѣстныхъ судебныхъ учрежденій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ придется реорганизовать и волостное судопроизводство, отдѣливъ его отъ администраціи и поставивъ его въ лучшее и болѣе независимое положеніе, по примѣру крестьянскихъ судовъ въ остзейскихъ губерніяхъ и гминныхъ въ привислянскихъ, которые показали себя съ хорошей стороны. Затѣмъ, предстоитъ позаботиться объ ускореніи судебной процедуры, а также объ улучшеніи слѣдственной части, которая давно отстала отъ другихъ частей судебнаго организма: небрежное и медленное слѣдствіе, недостаточное огражденіе личности, ненормальное положеніе слѣдователей, исключающее возможность привлекать для этой важной должности опытныхъ людей,—все это сильно мѣшаетъ правильному отправленію правосудія. Должны быть подведены подъ общія нормы и существующія наказанія, причемъ тѣлесныя наказанія, какъ пережитокъ отъ временъ варварства, должны исчезнуть изъ нашего кодекса. Наконецъ, нужно позаботиться и объ изданіи краткаго популярнаго кодекса, подобнаго французскому, по которому можно бы знакомиться съ основными законами, а ихъ до сихъ поръ плохо знаютъ не только простые, но и образованные люди, тогда какъ незнаніемъ законовъ отговариваться нельзя. Всѣ указанныя здѣсь и другія улучшенія должны быть твердо осуществлены въ духѣ начала 1864 г.

Въ теченіи февраля засѣдалъ въ Петербургѣ съѣздъ дѣятелей по водянымъ путямъ, на дняхъ только закрывшійся. Онъ оказался оживленнѣе прежнихъ съѣздовъ, далъ нѣсколько серьезныхъ докладовъ, выдвинулъ вопросы объ улучшеніи нашихъ рѣкъ, о надзорѣ за ними. Хорошо было-бы, если-бы на этотъ разъ дѣло не ограничивалось академическими бесѣдами. Давно пора вывести водные пути изъ періода забвенія. Нельзя забывать, что протяженіе судоходной линіи этихъ даровыхъ путей съ неограниченной провозоспособностью почти втрое длиннѣе, чѣмъ вся сѣть желѣзныхъ дорогъ, потребовавшая такихъ непосильныхъ жертвъ отъ государства. Наши рѣки, какъ извѣстно даже малолѣтнимъ ученикамъ, сослужили для государства большую историческую службу, а лѣтъ сорокъ назадъ были единственными путями для массоваго передвиженія грузовъ; и въ настоящее время по нимъ перевозится болѣе милліарда пудовъ. Но перевозка эта встрѣчаетъ большія затрудненія, наносящія огромный убытокъ всему народному хозяйству. Пути эти какъ-то сразу забросили, и съ 60-хъ годовъ главное вниманіе было обращено на сооруженіе дорогой желѣзно-дорожной сѣти. Систематическихъ работъ по улучшенію судоходныхъ условій нашихъ артерій не производилось, а были лишь отрывочныя палліативныя мѣры, часто походившія на сизифову работу. Многія большія рѣки, судоходныя встарину, теперь пропадаютъ безъ пользы, между тѣмъ какъ на западѣ не только урегулированы гораздо

меньшія рѣки, но вдобавокъ проведена цѣлая сѣть искусственныхъ водныхъ путей, которыхъ тамъ даже больше, чѣмъ естественныхъ. Особенно запущены у насъ верховья рѣкъ, гдѣ задерживается зря много воды, что ухудшаетъ условія плаванія на ихъ судоходныхъ участкахъ и въ низовьяхъ.

Самое экономическое развитіе страны требуетъ, чтобы на рѣки было обращено особое вниманіе, ибо онѣ—на ряду съ желѣзной дорогой—составляютъ части одного цѣлаго, улучшеніе тѣхъ и другихъ должно идти въ гармонической связи и служить одной общей цѣли—подъему хозяйственныхъ силъ страны. Наши рѣки требуютъ такой заботливости въ усиленной степени уже потому, что удовлетворяютъ идеальнымъ требованіямъ отъ такого рода путей; направляются отъ центра страны къ периферіямъ, изъ внутреннихъ областей во всѣ стороны къ морямъ, связывая самые разнохарактерные раіоны; вершины ихъ сходятся близко, а устья расходятся далеко, запасъ воды въ нихъ больше, чѣмъ нужно; остается только распредѣлить ее какъ слѣдуетъ, т.-е. расчистить трудныя мѣста, съузить, гдѣ нужно, русло, укрѣпить берега, регулировать теченіе и пр. Въ связи съ этимъ надо установить наблюденіе за верховьями и притоками, поощрять синдикаты побережныхъ владѣльцевъ для регуляціонныхъ работъ, береговыя насажденія и пр. Всѣ такія заботы приведутъ къ тому, что мы получимъ новыя тысячи судоходныхъ верстъ, которыя теперь пропадаютъ, т.-е. каждый затраченный на это дѣло рубль вернется сторицею. Если-бы на водные пути была употреблена хоть часть тѣхъ переплатъ, какія пошли строителямъ желѣзныхъ дорогъ, то мы имѣли-бы великолѣпную водную сѣть. Если-бы на наши рѣки была затрачена хоть $^1/_{30}$ той суммы, какую поглотили желѣзныя дороги, то и это составило-бы болѣе 100 м. р.

Улучшеніе водныхъ путей дастъ новые заработки населенію, усилитъ промышленное развитіе прибрежныхъ раіоновъ, дастъ новые грузы для желѣзныхъ, дорогъ; а главное, предупредитъ огромныя переплаты и затрудненія въ будущемъ, что несомнѣнно уже потому, что суходоходство и пароходство съ каждымъ годомъ предъявляютъ все бо́льшія требованія. Какъ-бы ни была велика сѣть желѣзныхъ дорогъ, она не можетъ поднять всего возрастающаго количества грузовъ и, если не развивать рѣчныхъ путей, то экономическому развитію страны и торговлѣ будетъ большой тормазъ.

А. Я. Пассоверъ.

I.

2 февраля нынѣшняго года сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ съ большимъ увлеченіемъ и не въ обычныхъ традиціонныхъ формахъ, въ которыхъ принято у насъ на Руси справлять «юбилеи», чествовало двадцатипятилѣтіе адвокатской дѣятельности своего уважаемаго и славнаго сочлена Александра Яковлевича Пассовера. Въ торжественномъ собраніи конференцій помощниковъ и ихъ руководителей были прочтены привѣтственеыя посланія отъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ, говорились привѣтственныя рѣчи В. Д. Спасовичемъ и К. К. Арсеньевымъ, въ которыхъ характеризовалась дѣятельность Александра Яковлевича, какъ адвоката, юриста и ревностнаго руководителя адвокатской молодежи въ такъ называемыхъ «конференціяхъ», этомъ «вольномъ университетѣ», по выраженію привѣтственнаго посланія помощниковъ.

Затѣмъ, когда была исчерпана торжественная часть засѣданія, юбиляру отвѣсили низкій поклонъ и подъ его предсѣдательствомъ приступили къ обычнымъ занятіямъ въ конференціи—выслушанію доклада, случившагося на очереди.

Не было, такимъ образомъ, ни традиціоннаго юбилейнаго обѣда съ обильнымъ возліяніемъ, ни напряженнаго звяканія бокаловъ, восполняющаго недостатокъ естественнаго оживленія, ни пустопорожнихъ, банальныхъ тостовъ, подогрѣтыхъ винными парами. Всѣ разошлись по домамъ съ здоровыми желудками, съ трезвыми головами и лишь съ сердцемъ, слегка опьяненнымъ тѣмъ легкимъ и здоровымъ хмѣлемъ духовной радости, который, къ сожалѣнію, такъ рѣдко выпадаетъ на долю русскаго общественнаго человѣка.

Самой оригинальной простотѣ ритуала, съ которой чествовалась адвокатская карьера юбиляра, мы всецѣло обязаны ему-же. Предполагалось все какъ по писанному: адресы и телеграммы на дому, потомъ обѣдъ съ рѣчами и тостами и т. д. вплоть до знаменитой «дружеской и непринужденной бесѣды», которая по газетамъ обязательно-бы «затянулась

далеко за полночь». Александръ Яковлевичъ рѣшительно отклонилъ все это и, взамѣнъ совмѣстнаго принятія пищи тѣлесной, не отказался лишь раздѣлить «пищу духовную» въ обществѣ своихъ старыхъ и молодыхъ товарищей.

«Вы, Александръ Яковлевичъ, совершенно не умѣете, я не говорю уже гнуться, сгибаться, нѣтъ—даже слегка наклоняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ требованій. Вы оригинальны во всемъ!—воскликнулъ въ своей рѣчи маститый Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ и этимъ, какъ нельзя болѣе удачно, вставилъ портретъ юбиляра въ подходящую для него раму.

Александръ Яковлевичъ дѣйствительно прежде всего оригиналенъ, но, я прибавилъ бы,—оригиналенъ съ нашей русской точки зрѣнія. Къ числу внѣшнихъ примѣтъ его оригинальности въ сферѣ профессіи относятъ охотно даже такія мелочи: онъ по старомодному носитъ фракъ застегнутымъ на всѣ пуговицы; являясь въ судъ, онъ не снимаетъ перчатокъ, пока не настанетъ минута говорить передъ судомъ; при немъ никогда нѣтъ портфеля съ книгами законовъ и дѣловыми бумагами. Но, если вдуматься, то всѣ эти оригинальности распадутся на азбуку цѣлесообразностей, до которыхъ странно какъ не додумался каждый. Въ сквознякѣ судебныхъ корридоровъ закрытый фракъ—единственная защита отъ простуды; перчатки—единственная защита отъ «милліона», если не терзаній, то рукопожатій самой сомнительной чистоты; отсутствіе портфеля съ громоздкими томами законовъ и замѣтокъ лучшая порука, что вся эта черная работа тщательно уже продѣлана дома и что судебный ораторъ, какъ и надлежитъ быть, выступитъ съ готовымъ блюдомъ, а не станетъ на глазахъ всѣхъ перетирать свои кострюли. Только недостатокъ прилежанія, труда или времени можетъ привести адвоката къ необходимости безпрестаннаго возбужденія своей памяти путемъ заглядыванія въ книги, замѣтки и т. п. Внѣшній пріемъ, свидѣтельствующій о томъ, что адвокатъ, выступая въ судѣ, «держитъ все нужное уже въ своей головѣ»—доказываетъ только, что онъ вполнѣ овладѣлъ своимъ предметомъ и что въ дальнѣйшей подготовкѣ «на скорую руку» онъ больше не нуждается. Это, опять-таки, такая оригинальность, которой давай Богъ побольше для всякаго умственнаго работника, претендующаго на общественное значеніе и вниманіе.

Упрямой стойкости во внѣшней профессіональной тренировкѣ себя, столь полно выражающейся во всѣхъ пріемахъ Александра Яковлевича, соотвѣтствуетъ и внутренняя его личность, какъ юриста и, въ особенности, какъ адвоката. Онъ осуществляетъ собою тотъ идеалъ борца за право, который, доведенный до своей наиболѣе яркой окраски, всегда какъ будто не по душѣ расплывчатой и мягкой славянской натурѣ. Недаромъ Александръ Яковлевичъ предпочитаетъ область частнаго, гражданскаго права, въ которой онъ особенно великолѣпенъ и силенъ. Въ каждомъ защищаемомъ имъ случаѣ вы чувствуете, какъ въ предѣлахъ ча-

стной иниціативы борьбы за «свое» право выростаетъ мощный образъ борьбы за право «вообще». Вы можете быть спокойны, видя такого адвоката у трибуны, и, если бы всѣ призванные защищать и отстаивать чужое право были именно таковы, насъ не могли бы смутить болѣе слова Рудольфа Іеринга, которыми онъ замыкаетъ общественное значеніе неустанной борьбы за право: «когда произволъ и беззаконіе осмѣливаются дерзко поднимать голову, то это вѣрный признакъ того, что призванные къ защитѣ закона не исполняютъ своей обязанности».

Мы опасаемся, чтобы тѣ рѣзкіе, какъ бы неподвижные контуры, въ которые мы пытались заключить Александра Яковлевича, какъ адвоката и юриста, не отсѣкли бы отъ внутренней его личности какихъ-нибудь существенныхъ чертъ. Это была бы непоправимая и непростительная ошибка. Облечь въ заранѣе выкованныя по мѣркѣ «рыцаря права» доспѣхи возможно и манекена. Но въ томъ-то и обаяніе, въ томъ-то и оригинальность личности Александра Яковлевича, что съ внѣшней стороны, какъ бы разъ навсегда закованный въ свои адвокатскія доспѣхи, онъ со стороны внутренняго, духовнаго міра являетъ такое неистощимое и эластичное богатство содержанія, которое только дисциплиною ума и воли удерживается всегда въ предначертанныхъ предѣлахъ. Прежде всего это человѣкъ, выдающійся по своему образованію, начитанный тѣмъ старымъ методомъ рафинированнаго «умника», который читаетъ только книги, достойныя этого названія. Умъ его философски свободный, чуждый тенденцій, не засоренный непереваренной пищей модныхъ недомолвокъ и иносказаній, видитъ далеко и ясно, какъ свѣтлый глазъ дальнозоркаго. Сфера юридическая, которая, какъ намъ кажется, въ его глазахъ имѣетъ чисто математическое построеніе, представляется для Александра Яковлевича лишь всегда готовою ареною для его умственной гимнастики. И на этой аренѣ онъ выступаетъ настоящимъ атлетомъ. Надо заранѣе изучить дѣло, по которому онъ выступаетъ, надо знать всѣ его слабыя и сильныя мѣста, чтобы затѣмъ, слушая его рѣчь, вполнѣ насладиться ею, вполнѣ оцѣнить ту мощь и кажущуюся легкость, съ которыми онъ (говоря терминомъ настоящихъ атлетовъ) «выжимаетъ» неимовѣрныя тяжести.

Это противникъ очень опасный. Сила логики, остроуміе, сарказмъ, даже проблескъ чувства и негодованія—оружія, одинаково ему доступныя. Съ внѣшней стороны это не однообразное, хотя-бы и искусное соло виртуоза, это скорѣе исполненіе пьесы цѣлымъ оркестромъ въ управленіи геніальнаго маэстро. Въ адвокатской средѣ принято думать, что въ лицѣ А. Я. Пассовера, какъ судебнаго оратора, мы имѣемъ дѣло съ импровизаторомъ чистой пробы; никто никогда не видѣлъ текста написанной имъ рѣчи. Я этого, однако, не думаю. Я, наоборотъ, совершенно убѣжденъ въ томъ, что задолго до произнесенія своей рѣчи онъ всю ее подробно, до мельчайшихъ деталей не только обдумалъ, но и просмаковалъ въ своей головѣ. Она не написана, т. е. ничто не записано словами на

бумагѣ, но ноты, но партитура не только готовы, но и разучены наизусть. Это гораздо лучшій пріемъ для упражненія ораторской памяти, нежели простое записываніе рѣчи и затѣмъ механическое воспроизведеніе ея наизусть. При такомъ способѣ помнишь не слова, которыя могутъ только стѣснять настроеніе и оказаться даже баластомъ, а помнишь только путь своей мысли, помнишь этапы и трудности пути, инстинктивно нащупываешь привычною рукою заранѣе приготовленное оружіе, которое должно послужить. При этомъ остается еще полная свобода, еще полная возможность отдаться минутѣ возбужденія, находчивости и вдохновенія. Если хотите, въ противуположность первому методу, это—также импровизація. Но импровизація вооруженная, а не та «нутрянная», россійская импровизація, которая, что называется, дуетъ «съ плеча» и не прочь съ голыми руками идти на медвѣдя. Мы не поклонники этой послѣдней, и, при всей высотѣ мнѣнія о силѣ ораторскаго дарованія Александра Яковлевича, рѣшительно отвергаемъ возможность признать его такого рода импровизаторомъ.

По силѣ и мощи производимаго рѣчью Александра Яковлевича впечатлѣнія—это всегда настоящій боевой походъ, настоящее сраженіе. Онъ не склоненъ вовсе парадировать, хотя самый планъ его сраженій сохраняетъ всегда извѣстный програмный характеръ, который, при ближайшемъ изученіи, можетъ представляться даже разъ навсегда установленнымъ. Очень негромкое и какъ бы намѣренно беззвучное вступленіе, въ которое обыкновенно укладываются всѣ побочныя, почему либо неблагопріятныя стороны защищаемаго дѣла, затѣмъ энергичныя разбросанныя нападки на слабыя мѣста противника, и послѣ естественнаго замѣшательства въ рядахъ послѣдняго сильный сосредоточенный ударъ собранными силами на главный пунктъ укрѣпленія. Аттака ведется тѣмъ продолжительнѣе, сильнѣе и настойчивѣе, чѣмъ энергичнѣе сопротивленіе, причемъ родъ оружія и порядокъ нападенія зависитъ уже отъ общихъ условій борьбы и характера занятыхъ позицій. Финальный аккордъ никогда не бываетъ ни торжествующе-банальнымъ, ни растерянно-отступательнымъ. Дѣло суда рѣшить, кто выигралъ. Это не дѣло адвоката. Адвокатъ только сражается. Побѣдитъ онъ или будетъ побѣжденъ,—онъ одинаково долженъ съ достоинствомъ, безъ хвастливой кичливости, но и безъ растерянной оторопѣлости, вложить оружіе въ ножны. Онъ свое дѣло сдѣлалъ.

Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу [1]) мы уже намѣтили тотъ идеалъ судебнаго оратора, какимъ онъ намъ представляется. Мы писали: «Если-бы нужно было прибѣгнуть къ сравненію, чтобы оттѣнить вполнѣ условія, въ которыхъ только и можетъ процвѣтать искусство судебнаго оратора, по всей справедливости слѣдовало-бы сравнить предъявляемыя къ нему требованія съ современными требованіями, предъявляемыми

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ» 1891 г. «Современная французская адвокатура».

къ организаторскимъ способностямъ полководца. И тамъ, и здѣсь, во имя той же внѣшней задачи—*побѣдить въ нужную минуту*,—приходится и въ мирное время питать огромное количество войска, имѣть всѣ роды оружія... Говоря проще, современному судебному оратору, желающему стоять на высотѣ своей задачи, нужно обладать такими разносторонними качествами ума и дарованія, которыя позволяли бы ему съ одинаковою легкостью овладѣть всѣми сторонами защищаемаго имъ дѣла. Въ немъ онъ даетъ публично отчетъ цѣлому обществу и судейской совѣсти, причемъ, по односторонности-ли своего дарованія, по отсутствію-ли достаточныхъ знаній и подготовки, онъ не въ правѣ отступать ни передъ психологическимъ, ни передъ бытовымъ, ни передъ политическимъ или историческимъ его освѣщеніемъ».

Александръ Яковлевичъ Пассоверъ изъ извѣстныхъ мнѣ дѣйствующихъ «боевыхъ» судебныхъ ораторовъ нашихъ всего полнѣе и ярче осуществляетъ рисующійся мнѣ идеалъ. Мнѣ приходилось слышать его много разъ. Я никогда не забуду рѣчи, произнесенной имъ въ Харьковѣ въ знаменитомъ «дѣлѣ таганрогской таможни» въ защиту Вальяно. Не смотря на участіе въ этомъ процессѣ почти всѣхъ лучшихъ нашихъ адвокатовъ обѣихъ столицъ и провинціи, рѣчь Александра Яковлевича выдавалась изъ всѣхъ рѣчей глубиною изученія дѣла, полнотою освѣщенія, неистощимою оригинальностью, остротою и, такъ сказать, безпощадностью аргументаціи. Присутствовавшій при этой защитѣ Ѳ. Н. Плевако, помнится, выразился тогда о складѣ ума и ораторскихъ пріемахъ Александра Яковлевича такъ: «это удивительный умъ, пожалуй не русскій, — онъ совсѣмъ не разбрасывается, не глядитъ по сторонамъ. Это умъ, отточенный какъ бритва, пронизывающій безпощадно какъ разъ то, что онъ хочетъ пронизать». Съ этою характеристикою нельзя не согласиться. Въ рѣчи Александра Яковлевича, какъ на хорошо оснащенномъ боевомъ караблѣ, есть вся необходимая, нерѣдко даже блестящая, роскошь, ласкающая и самый прихотливый взоръ, но вся эта роскошь, весь этотъ блескъ—обманъ зрѣнія, получаемый только отъ симметріи, изящества, легкости и лоска въ сущности исключительно смертоноснаго и боевого оружія. Отъ эстетической стороны его рѣчей всегда вѣетъ нѣкоторымъ холодомъ.

Александру Яковлевичу, не какъ оратору, а какъ адвокату и юристу, дѣлаютъ обыкновенно два упрека. Первый упрекъ,—что онъ не записываетъ и не издаетъ своихъ рѣчей. Упрекъ по меньшей мѣрѣ не по адресу. Онъ произноситъ свои рѣчи публично, стало быть отъ издателей двухъ юридическихъ газетъ и всѣхъ цѣнителей благороднаго ораторскаго искусства зависѣло-бы посылать искуснаго стенографа для записыванія выдающихся рѣчей. Но у насъ это дѣло поставлено невозможно. Вы не остыли еще отъ страшнаго утомленія, благодаря только что произнесенной рѣчи, какъ отъ васъ требуютъ новыхъ усилій: загорайся заново и воспроизводи свою рѣчь дословно. Благо тому сорту

ораторовъ, у которыхъ на такой конецъ заранѣе приготовлена въ кармане аккуратная тетрадка, но Александръ Яковлевичъ не изъ такихъ. Онъ, я убѣжденъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ истинныхъ мастеровъ устнаго слова, которымъ было бы даже немного стыдно и, ужь во всякомъ случаѣ, очень скучно повторять заранѣе написанное. За такимъ ораторомъ надо умѣть записывать, а не ему же пенять тѣмъ, что онъ—ораторъ.

Второй упрекъ сводится къ тому, что Александръ Яковлевичъ не удѣляетъ своего досуга нашей, такъ называемой «юридической литературѣ». Признаемся, и этотъ упрекъ для насъ непонятенъ. Прежде всего: есть-ли у Александра Яковлевича необходимый досугъ? Адвокатъ, предъявляющій къ себѣ столь неотступныя требованія въ изученіи принимаемыхъ дѣлъ, какъ это дѣлаетъ Александръ Яковлевичъ, едва-ли имѣетъ большой досугъ. Во всякомъ случаѣ не большій, чѣмъ это необходимо для умственнаго отдыха и удовлетворенія своихъ обще-интелектуальныхъ потребностей. Потомъ, каждая рѣчь Александра Яковлевича непремѣнно затрогиваетъ и разрабатываетъ тотъ или другой юридическій вопросъ. Это всегда цѣлая лекція именно по юридическому предмету, и ужь, конечно, лекція гораздо болѣе цѣнная и блестящая, чѣмъ большинство тѣхъ, никому не нужныхъ, писаній, которыми заполняются наши спеціальные журналы. Упрекъ, стало быть, опять-таки сводится къ тому-же: Александръ Яковлевичъ не является своимъ собственнымъ стенографомъ и не желаетъ являться. Въ этомъ, можетъ быть, отмѣчена только черта его скромности. Если наша юридическая литература прозѣвала и проглядѣла за эти 25 лѣтъ такого дѣятеля на юридическомъ поприщѣ, какъ Александръ Яковлевичъ Пассоверъ, и не съумѣла ничего извлечь изъ его богатой и многосторонней практики, то пусть ужь сама на себя и пеняетъ... Какъ адвокатъ и ораторъ, Александръ Яковлевичъ далъ все, что могъ и долженъ былъ дать. И славу свою, какъ адвокатъ и юристъ, онъ полагаетъ именно въ томъ, что онъ—ораторъ.

Или недостаточно славно дѣйствовать на томъ или иномъ поприщѣ, чтобы заслужить спасибо современниковъ, а обязательно еще быть при этомъ своимъ собственнымъ историографомъ? Повидимому,—такъ! Но вѣдь мы отмѣтили выше, что Александръ Яковлевичъ во всемъ оригиналенъ. Его не переубѣдишь! И на приглашеніе: «записать» самого себя на страницы исторіи, онъ намъ, пожалуй, отвѣтилъ-бы стихомъ Лермонтова:

«Такой... цѣною я вашей славы не куплю!»

Ник. Карабчевскій.

Февраль 1897 г.
С.-Петербургъ.

II.

Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи конференцій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ 2-го февраля 1897 г.

Вы, конечно, знаете, высокоуважаемый юбиляръ, что *vox populi*—*vox Dei*, а эта vox populi утвердила за вами качество величайшаго оригинала, своеобразнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Во всемъ, что вы не только скажете, но какъ вы держитесь, одѣваетесь и ходите, лежитъ такая печать законченной въ себѣ индивидуальности и совершенной послѣдовательности, которая дѣлаетъ невозможнымъ всякій плагіатъ, всякое подражаніе даже вашей манерѣ говорить, вашему слогу. Мнѣ случилось быть съ вами на консультаціи у одной великосвѣтской дамы, тонкой и остроумной наблюдательницы, которая мнѣ потомъ сказала: «да, это истый англичанинъ съ головы до пятокъ». Я полагаю, что если-бы пришлось опредѣлять васъ въ Англіи англичанамъ, то въ виду этой, вамъ присущей, своеобразности и того, что вы не подходите ни подъ какіе наблюдаемые типы, они могли-бы сказать: да, это русскій человѣкъ. То, что васъ выдѣляетъ изъ общей массы, не есть ни англійское, ни русское, но нѣчто не передаваемое и вамъ однимъ свойственное. Впрочемъ, если уже подводить васъ подъ какую-нибудь опредѣленную національность, то пришлось бы сказать, что у васъ складка ума, привычки отзывчивости и чувствованій наиболѣе англійскія. Я слышалъ, что ваша мать была англичанка, что Англія ваша ближайшая родина, если не по расѣ, то по первоначальному воспитанію. Этими чертами вы многихъ, а въ томъ числѣ и меня къ себѣ привлекали. Я васъ люблю за уваженіе къ человѣческой личности, за стойкость въ борьбѣ за право, о которомъ нѣмцы такъ много говорятъ и пишутъ, но что одни англичане умѣютъ проводить на дѣлѣ практически, за неспособность вашей спины сгибаться, даже кланяясь. Я всегда восхищался вашимъ постоянно корректнымъ, но необычайно свободнымъ отношеніемъ и къ противникамъ и къ самому суду.

Я сказалъ, что печать своеобразности лежитъ на всемъ, что вы говорите; я никакъ не могъ-бы добавить: и на томъ, что вы пишете, потому что вы ничего не пишете, что и составляетъ вашъ самый крупный недостатокъ. Когда я васъ видѣлъ въ вашемъ кабинетѣ, среди вашихъ шкаповъ съ книгами, мнѣ всегда вспоминался «Скупой рыцарь» Пушкина, запирающійся въ своей кладовой, открывающій свои «вѣрные сундуки» и ставящій передъ каждымъ свѣчку, съ тѣмъ, чтобы по цѣлымъ часамъ тѣмъ, что въ нихъ накоплено, любоваться. Вы тоже любуетесь, вѣроятно, накопленными въ вашей головѣ воспоминаніями и мыслями, точно алмазами и червонцами. Только самую малую долю вашихъ умственныхъ богатствъ вы пускаете въ оборотъ. Вы большой богачъ, я знаю весьма немногихъ, одинаково, какъ вы, образованныхъ, имѣющихъ

одинаково обширныя свѣдѣнія. Ваши знанія весьма обширны, нетолько въ области права, но и въ исторіи, въ философіи (вамъ по сердцу всего болѣе Шопенгауеръ) и въ изящной литературѣ. Такъ какъ накопленными въ вашей головѣ сокровищами пользуется не писатель, такъ какъ писателя, который въ васъ несомнѣнно былъ, вы въ себѣ атрофировали и затѣмъ совсѣмъ выжили, то эти драгоцѣнности могутъ созерцать и ими наслаждаться только тѣ лица, которыя находятся съ вами въ непосредственномъ личномъ общеніи и съ которыми вы сообщаетесь только глаголомъ устъ, а не письменами. А такъ какъ звукъ произносимыхъ словъ не выходилъ за стѣны комнаты или залы засѣданій и такъ какъ все то, что изъ рѣчей фиксируется стенографами, выходитъ въ печати блѣдное, общипанное и часто до неузнаваемости изуродованное, то и польза отъ васъ получается малая, количествомъ минимальная въ сравненіи съ тою, которую вы могли-бы приносить, но въ дѣйствительности не приносите.

Зато, съ другой стороны, ваша живая рѣчь для тѣхъ, кому удалось ее слышать часто и долго, имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимую прелесть живой непосредственности. Въ товарищеской многолѣтней бесѣдѣ вы веселый, увлекательный, сатирическій собесѣдникъ. Вы превосходный юристъ, наставникъ и руководитель на конференціяхъ помощниковъ и глубокомысленный консультантъ по запутаннѣйшимъ дѣловымъ вопросамъ. Какъ судебный ораторъ, вы становитесь на трудно-достигаемой высотѣ по одной особенности вашего дарованія, которой почти всѣ мы лишены. Всѣ мы, современные русскіе присяжные повѣренные-ораторы—и я, и князь А. И. Урусовъ, и С. А. Андреевскій, и В. И. Жуковскій прежде всего литераторы, т. е. мы отдѣлены отъ родника всякаго ораторства письменнымъ сочинительствомъ. Наши мысли и чувства изливаются изъ насъ только профильтрированные сквозь литературное сочинительство, дѣйствующее какъ своего рода холодильникъ. Какъ мы ни вышколены въ искусствѣ возбуждать и приподнимать себя и въ дѣланіи ораторскихъ движеній, но проницательный взглядъ опытнаго наблюдателя усмотритъ въ нашихъ рѣчахъ выступающій каплями потъ усиленной мозговой работы, замѣтный одинаково какъ у тѣхъ изъ насъ, которые оттачиваютъ и полируютъ свои слова и фразы, заботясь преимущественно о красотѣ, плавности и гармоніи частей, такъ и у тѣхъ, которые свой матеріалъ подвергаютъ холодной ковкѣ, чтобы фраза выходила шершавая, колючая, врѣзывающаяся въ память, рѣзко характерная, но все-таки съ извѣстнымъ усиліемъ добытая. Римляне говорили: «poetae nascuntur, oratores fiunt». Это неправда, вы обличитель этой неправды. Ваша рѣчь всегда вытекаетъ свѣтящимся и неостывшимъ сплавомъ. Вы говорите медленно и даже запинаясь, но при этомъ вашемъ какъ-бы заиканіи каждая остановка служитъ средствомъ для лучшаго и всесторонняго выраженія мысли при самомъ ея воплощеніи въ слова, при самомъ ея вытеканіи изъ своего теплаго подземнаго ключа.

Вы знаете, что Шиллеръ дѣлилъ поэзію на naïve und sentimenale Dichtkunst или на непосредственную и рефлектирующую поэзію; себя онъ относилъ ко второму роду, а Гете къ первому. Если бы можно было примѣнить это дѣленіе къ краснорѣчію, то я бы васъ отнесъ къ небольшому числу непосредственныхъ ораторовъ.

Принося вамъ мой глубокій поклонъ за это рѣдкое качество вашего ораторскаго таланта, я долженъ еще остановиться на васъ, какъ на человѣкѣ. Вы принадлежите къ отборной немногочисленной дружинѣ такихъ людей, по отношенію къ которымъ безсмысленнымъ является дѣленіе рода человѣческаго по расамъ, религіямъ, національностямъ. Въ просто человѣкъ. Я претендую къ вамъ, что вы, принадлежа въ теченіи четверти вѣка къ нашей корпорнціи, слишкомъ мало помнили, что вы присяжный повѣренный, слишкомъ уклонялись отъ несенія общественныхъ обязанностей нашей жизни корпоративной. Вамъ естественнѣйшимъ образомъ надлежало бы засѣдать въ нашемъ совѣтѣ. Вы на всѣхъ выборахъ при голосованіи оказываетесь непремѣннымъ кандидатомъ въ члены совѣта, несмотря на ваши упорныя отреченія отъ этого званія. Я выражаю наше всеобщее пожеланіе въ видѣ просьбы: не уклоняйтесь, снимите зарокъ, который вы на себя напрасно наложили, дайте себя увлечь. Это скрѣпитъ еще болѣе вашу связь съ сословіемъ, которое гордится тѣмъ, что считаетъ васъ въ числѣ своихъ членовъ.

В. Спасовичъ.

КРИТИКА.

Ибсен. Джонъ Габріэль Боркманъ. Переводъ А. П. Ганзенъ. Изданіе Суворина. Петербургъ, 1897.

Новая драма Ибсена имѣетъ иную судьбу, чѣмъ другія его произведенія. Какъ всякое слово, вышедшее изъ-подъ пера Ибсена, она заняла собой европейскую критику, но въ оцѣнкѣ ея сходятся люди самыхъ различныхъ направленій, чего никогда не случалось съ прежними пьесами Ибсена. Ибсенъ примирилъ съ собой, благодаря этой драмѣ, и тѣхъ, кто нападалъ на его пьесы, и тѣхъ, кто цѣнилъ его творчество за отраженныя въ немъ философскія идеи. Въ самомъ дѣлѣ, «Джонъ Габріэль Боркманъ» пьеса чисто психологическая и напоминаетъ по своему содержанію ближе всего пьесы перваго періода Ибсена. Сюжетъ драмы житейскій. Обанкротившійся дѣлецъ, раззоренная семья, жертва его ошибокъ, и т. д.—все это, казалось-бы, переноситъ зрителя въ сферу тягостной житейской прозы, точно такъ-же, впрочемъ, какъ и исторія съ векселемъ въ «Норѣ». И все-таки при внимательномъ изученіи этой житейской драмы, ожесточенные жизненными неудачами люди, дѣйствующіе въ драмѣ, являются носителями не только своей личной судьбы.

Особенность новой драмы Ибсена въ томъ, что все ея дѣйствіе въ прошломъ. Передъ зрителемъ разыгрывается только эпилогъ длинной житейской исторіи. Предъ глазами проходитъ рядъ старыхъ утомленныхъ людей, съ сѣдыми волосами; они подводятъ итоги своему прошлому и безсильно стремятся найти новый принципъ жизни, убѣдившись въ несостоятельности прежнихъ. Джонъ Габріэль Боркманъ жаждалъ неограниченнаго могущества, хотѣлъ сдѣлаться благодѣтелемъ страны и властителемъ ея. Онъ съ легкимъ сердцемъ пожертвовалъ своей первой любовью, обѣщавъ руку любимой имъ дѣвушки человѣку, отъ котораго зависѣло назначеніе, открывавшее ему путь къ власти. Дѣвушка эта хотѣла только неограниченнаго счастья любви, а когда Боркманъ, какъ ей казалось, разлюбилъ ее, она гордо отказалась отъ всякихъ компромиссовъ и стала жить одиноко, внѣ общества. Старшая сестра ея, сдѣлав-

шаяся женой Боркмана, тоже полна была твердыхъ требованій отъ жизни. Банкротство мужа было для нея позоромъ, и она вся проникласъ презрѣніемъ къ нему и любовью къ ребенку, который долженъ былъ возстановить честь ея имени. Но теперь, когда всѣ эти люди, въ которыхъ прежде кипѣли страсти, становятся стариками, въ нихъ просыпается желаніе примириться, найти хоть какое-нибудь маленькое счастье. Это счастье воплотилось для всѣхъ нихъ теперь въ молодомъ вѣтреномъ юношѣ, сынѣ Боркмановъ. Вся драма происходитъ изъ-за того, что эти старые люди хотятъ каждый завладѣть привязанностью юноши, отдохнуть отъ неудачъ прошлаго, а онъ, этотъ юноша, легкомысленный и пустой, оставляетъ ихъ всѣхъ ради легкомысленной, пустой молодой женщины. Онъ уѣзжаетъ съ нею на югъ, къ солнцу и теплому морю, предоставляя обманутымъ жизнью старикамъ замерзать на угрюмомъ сѣверѣ. Въ этомъ исканіи счастья и въ различіи пониманія его людьми разныхъ возрастовъ и разныхъ духовныхъ міровъ заключается смыслъ пьесы. Авторъ занятъ вопросомъ о томъ, слѣдуетъ-ли жертвовать личнымъ счастьемъ для удовлетворенія высшихъ потребностей духа. Въ данномъ случаѣ эти высшія потребности сводятся, въ сущности, къ честолюбію чисто житейскаго свойства. Джонъ Габріэль Боркманъ практическій дѣлецъ, съ особеннымъ таинственнымъ оттѣнкомъ. Онъ не просто хотѣлъ разбогатѣть и пользоваться матеріальнымъ могуществомъ. Онъ говоритъ о томъ, что его увлекали таинственные голоса земли, что ему мерещились тайныя сокровища, и онъ чувствовалъ непобѣдимую жажду вызвать ихъ къ жизни. Этому стремленію, которое, въ сущности, означаетъ стремленіе человѣческой личности проявить свою внутреннюю силу, онъ приноситъ въ жертву и свое личное счастье, и другихъ людей. Пользуясь всеобщимъ довѣріемъ, онъ употреблялъ для своихъ цѣлей чужіе вклады и когда замыслы его оказались слишкомъ широкими и предпріятіе лопнуло, то вмѣстѣ съ нимъ раззорено было множество другихъ людей. Боркманъ жестоко пострадалъ за свои самонадѣянныя мечты. Онъ искупилъ свою вину долгими годами заключенія и теперь, освобожденный, онъ живетъ одинокій въ верхнемъ этажѣ дома, внизу котораго живетъ его жена. Они не видятся другъ съ другомъ. И все-таки онъ не смирился. Въ немъ живетъ прежняя увѣренность, прежняя жажда могущества, хотя единственнымъ удовлетвореніемъ ея являются разговоры съ Фольдалемъ, раззореннымъ имъ-же старикомъ, который теперь приходитъ и выслушиваетъ безсильно-гордыя рѣчи Боркмана. Боркманъ ждетъ каждую минуту, что отворится дверь и войдутъ они, люди, съ признаніемъ его генія, и позовутъ его опять владѣть ими. Но вмѣсто этихъ людей является Элла Рентхеймъ, отвергнутая имъ возлюбленная, сестра его жены. Съ нею возвращается къ нему мысль о прошедшемъ и начинается драма раскаянія. Ее смирила судьба и теперь она мечтаетъ только объ одномъ: чтобы сынъ Боркмана, который часть своего дѣтства провелъ у нея, вернулся къ ней и сдѣлался опо-

рой ея старости. Она пришла просить Боркмана помочь ей отвоевать сына у матери. Но жена Боркмана тоже видитъ въ сынѣ единственную цѣль своей жизни и борется за него. Когда-же оказывается, что онъ не принадлежитъ ни одному изъ этихъ отживающихъ людей, всѣ они втроемъ сплачиваются въ борьбѣ за этотъ призракъ счастья. Боркманъ рѣшается покинуть свое одиночество, снова стать человѣкомъ и идти навстрѣчу жизни. Онъ понялъ теперь, что отказываться отъ личнаго счастья безумно и безцѣльно. Но и счастье оказывается такой-же химерой, какъ и прежнія стремленія Боркмана.

Послѣ трехъ актовъ, посвященныхъ итогамъ и сожалѣніямъ, Боркманъ съ женой и Эллой идутъ на встрѣчу будущему. Они хотятъ помѣшать юношѣ Экгарту уѣхать съ его возлюбленной, но мимо нихъ летятъ подъ звукъ бубенчиковъ уносящіе молодую пару сани, и послѣдняя химера исчезаетъ изъ жизни Боркмана. Но онъ и безъ того лишился послѣднихъ силъ. Онъ слишкомъ долго прятался отъ свѣта и холода внѣшней жизни, и теперь, выйдя на просторъ, не выноситъ воздуха и падаетъ мертвымъ. Надъ его трупомъ обѣ женщины, враждовавшія между собой всю жизнь, подаютъ другъ другу руки.

Въ драмѣ чувствуется автобіографическій элементъ. Художникъ какъбы подводитъ итоги своимъ собственнымъ широкимъ стремленіямъ и спрашиваетъ себя объ ихъ результатахъ, о томъ, возможна-ли жизнь тамъ, гдѣ счастье замѣнено вѣрностью своему призванію. Печальная судьба Боркмана является отрицательнымъ отвѣтомъ.

Переводъ исполненъ гг. Ганзенами съ обычною тщательностью и литературностью.

Всеобщая исторія. Подъ редакціей Лависса и Рамбо. Переводъ Невѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. Томъ I-й. М. 1897 г. Ц. 3 р.

Вотъ еще крупное и полезное предпріятіе, за которое взялся извѣстный московскій меценатъ, г. Солдатенковъ. Послѣ 16-ти большихъ томовъ «Всемірной исторіи» Вебера и 7-ми томовъ Гиббона, послѣ множества подобныхъ же переводовъ Гизо, Вейса, Грина, Дройзена, Моммсена, Курціуса, Куглера, Любке, Лотце, Каррьера, Геттнера, Тикнора, Файфа и другихъ историковъ, послѣ цѣнной «Экономической Библіотеки», не говоря уже о рядѣ оригинальныхъ русскихъ произведеній, г. Солдатенковъ принялся теперь за передачу на русскій языкъ такого обширнаго изданія, какъ выходящая теперь въ Парижѣ «Всеобщая Исторія». Въ оригиналѣ появилось уже восемь извѣстныхъ томовъ этой всеобъемлющей исторіи, достигающихъ только 18-го вѣка. Очевидно, она превзойдетъ размѣрами такого Левіафана, какъ «большой Веберъ». Г. Солдатенковъ не почилъ на лаврахъ, издавъ 16 грузныхъ томовъ (каждый изъ нихъ стоитъ трехъ книгъ обыкновеннаго размѣра) нѣмецкой всеобщей исторіи; онъ взялся за всеобщую исторію французскую, которая далеко превосходитъ свою соперницу и по внутреннему достоинству.

Веберъ, какъ извѣстно,—компиляторъ. Одолѣваемый необъятнымъ матеріаломъ, онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше давалъ его сырьемъ, превращая въ сухое, справочное изданіе, въ наборъ фактовъ, искусственно связанныхъ хронологіей. Особенно страдала у него въ этомъ смыслѣ культурная сторона исторіи, хотя она и была выдвинута у него на обложкѣ. Къ тому же Веберъ былъ «немножко слишкомъ» патріотъ—грѣхъ, свойственный почти всѣмъ нѣмецкимъ историкамъ и всецѣло воплотившійся въ ихъ «знаменитомъ» офиціозномъ «исторіографѣ», Трейчке. Наконецъ, трудно вынести на своихъ плечахъ такую обузу, какъ «всемірная» исторія, притомъ начатая Веберомъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Французское же предпріятіе—сборное. Писать всеобщую исторію многимъ лицамъ—другая бѣда: тутъ такъ трудно спѣться авторамъ, и почти неизбѣжны повторенія да нескладица въ изложеніи, и даже во взглядахъ. Но при нынѣшнемъ состояніи науки, съ ея массой матеріала, съ ея законнымъ стремленіемъ къ спеціализаціи, иначе, какъ коллективно, и нельзя дѣлать такого дѣла, не рискуя впасть въ поверхностность и крупные промахи. Къ чести современныхъ французовъ, ихъ историки спѣлись недурно: и каждый отвѣчаетъ за свою долю работы собственнымъ именемъ. Конечно, тутъ имѣютъ свое значеніе и личныя свойства редакціи. Профессора Лависсъ и Рамбо—люди почтенные, всѣми уважаемые во Франціи; а академикъ Лависсъ—даже любимецъ страны и особенно молодежи. Лависсъ, какъ ученый, многосторонне образованный, очевидно руководитъ тѣмъ, что у насъ называется «всеобщей исторіей»; Рамбо извѣстный спеціалистъ по славяновѣдѣнію, завѣдуетъ «русскою исторіей» и соприкосновенными съ нею областями. Славянскій отдѣлъ выдвинутъ въ ихъ изданіи и блещетъ свѣжими свѣдѣніями, какъ никогда еще не случалось въ подобныхъ изданіяхъ на Западѣ. Да и вообще для издателей, стоящихъ на вполнѣ современной точкѣ зрѣнія на свою науку, нѣтъ ни исключительно великихъ, ни презрѣнныхъ народовъ. Они серьезно слѣдятъ за историческимъ процессомъ всюду: восточный міръ у нихъ не обдѣленъ почти также, какъ и европейскій. И вездѣ дѣло ведетъ опытный спеціалистъ, какъ видно уже по богатой и разумной библіографіи при каждомъ отдѣлѣ, правильно распадающейся на «источники» и «пособія». Французское предпріятіе отрадно отличается и отсутствіемъ излишняго патріотизма. Конечно, Франція занимаетъ въ немъ видное мѣсто: да такъ поступилъ бы и всякій иностранный добросовѣстный историкъ по отношеніи къ такой передовой и по истинѣ великой націи. Но во «Всеобщей Исторіи» Франціи принадлежитъ не львиная доля, какъ Германіи—у Вебера, Шлоссера и даже у Ранке: она съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и даже сочувствіемъ воздаетъ должное такому, напримѣръ, исконному врагу Франціи, какъ Англія, богатая исторія которой еще недостаточно оцѣнена за ея предѣлами. А главное, замѣчательно и плѣнительно то отсутствіе квасного шовинизма, которое ярко отразилось во «Всеобщей Исторіи», какъ

лучшій плодъ бѣдствій, испытанныхъ французами, поколѣніе тому назадъ, отчасти за ихъ былую заносчивость. И вообще разбираемое изданіе—своего рода дипломъ на самосознаніе французской націи. Странно сказать, а до сихъ поръ у этихъ пресловутыхъ популяризаторовъ науки не было собственной «Всемірной Исторіи». Они пробавлялись переводами, даже съ нѣмецкаго, а больше воспитывались на плохомъ итальянцѣ, Чезаре Канту, который въ сорочкѣ родился. Только одинъ Маріусъ Фонтанъ затѣялъ было, лѣтъ 15 тому назадъ, французскую всемірную исторію, но скоро провалился: диллентантъ, знавшій только случайно (онъ тамъ былъ консуломъ) Востокъ, на Востокѣ и сѣлъ.

Конечно, въ такомъ обширномъ предпріятіи найдется не мало мѣстъ, благодарныхъ для критики. Но послѣдняя не можетъ быть цѣлью бѣглой рецензіи, которая желаетъ только обратить вниманіе русскаго читателя, жаждущаго теперь обученія, на полезный и добросовѣстный учебникъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, причемъ достающійся ему по такой дешевой цѣнѣ, какую можетъ выдержать только г. Солдатенковъ. Замѣтимъ только, что такая великая, но зато и такая мудреная вещь, какъ культура, страдаетъ и здѣсь. Она подавляется политикой. Вина, быть можетъ, отчасти и въ редакціи. Лависсъ, при всей его разносторонности, политикъ по преимуществу: это сказалось ясно въ его новой книжкѣ— «Une générale de l'histoire politique de l'Europe». Но главная бѣда— трудность и неразработанность культурной стороны исторіи. Спасибо и за то, что политика (и не одна внѣшняя, но и внутренняя) разработана у нашихъ издателей недурно и стоитъ на высотѣ современной науки: это ясно уже изъ дѣльной постановки такого труднаго вопроса, какъ феодализмъ. Спасибо также за то, что всѣ авторы *стараются* хоть намѣтить основы культуры: есть §§ и о литературѣ, и объ искусствѣ, даже о нравахъ и понятіяхъ въ разные періоды исторіи. Трезвъ и слогъ авторовъ: иногда поражаетъ даже крайняя дѣловитость, доходящая до сухости: напримѣръ перечислены всѣ 100 провинцій Римской имперіи! Словомъ у французовъ, у этихъ пресловутыхъ «краснобаевъ», словно исчезъ знаменитый «историческій слогъ», какъ говорятъ нѣмецкіе патріоты, т. е. напыщенное фразерство! Можно отнести къ очевиднымъ недостаткамъ французскаго изданія и то, что оно—несовсѣмъ оправдываетъ свое названіе «Всеобщая Исторія», а начинается съ 395 г. по Р. Х.! И напрасно издатели стараются доказывать, что этотъ годъ— какой-то правильный предѣлъ, а 1095-й годъ—второй предѣлъ для «Зачатковъ» (les Origines) новой цивилизаціи. Они говорятъ: «Мы начали съ непосредственнаго происхожденія тѣхъ европейскихъ націй, исторія которыхъ сдѣлалась наконецъ исторіей всего земного шара. Послѣ 1095 г. въ Европѣ не образовалось ни одной націи (турокъ авторы считаютъ случайностью), и ни одна изъ прежнихъ націй не утратила своего существованія». Все это довольно искусственно: такихъ предѣловъ можно найти не мало въ исторіи человѣчества. Ларчикъ просто открывается.

1095-й годъ удобенъ для начала слѣдующаго тома, который и называется «Крестовые походы». А 395-й годъ взятъ потому, что, если не считать неудачной попытки Фонтана, сочиненія Дюрюи по исторіи классическаго міра представляютъ довольно хорошую «Древнюю Исторію» на французскомъ языкѣ.

В. Ф. Залѣсскій. Власть и право. Казань. 1897 г. Философія объективнаго права. (XXII + 297 стр.).

Шопенгауэръ, сопоставляя настоящаго мыслителя съ поверхностнымъ, очень остроумно замѣчаетъ, что первый обыкновенно излагаетъ то, что онъ думалъ, второй-же только то, что онъ читалъ. Къ послѣднему роду мыслителей надо причислить и г. Залѣсскаго. На 300 страницахъ своей книжки онъ цитируетъ 308 сочиненій и если нѣтъ вѣскихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онъ ихъ прочелъ, то все-таки такое нагроможденіе чужихъ мыслей не только утомительно дѣйствуетъ на читателя, но въ сущности и безполезно. Авторъ не далъ себѣ даже труда какъ слѣдуетъ сгруппировать излагаемыя имъ чужія мысли, отдѣлить важное отъ неважнаго и дать общую характеристику каждой группы. Онъ ограничивается безконечнымъ нанизываніемъ именъ и теорій безъ всякой перспективы. На стр. 191 мы узнаемъ даже, что г. Залѣсскій читалъ статью японскаго профессора Гироюки Като, хотя повидимому сей японецъ ничего любобытнаго Европѣ не сообщилъ.

Сущность всей книжки состоитъ въ построеніи понятія объективнаго права на почвѣ утилитарно-эволюціонной теоріи. Представителемъ этой теоріи въ правѣ авторъ считаетъ Рудольфа Іеринга. Онъ высоко цѣнитъ послѣдняго за приложеніе теоріи Дарвина къ области правовыхъ явленій, такъ какъ борьба за право есть не что иное, какъ борьба за существованіе (108). По содержанію своему право есть этическій минимумъ. Взаимоотношеніе права и морали таково, что область морали шире области права. Эта идея проглядываетъ у Іеринга, но, къ сожалѣнію, онъ «не развилъ въ подробностяхъ эту въ высшей степени благотворную мысль» (119), а потому г. Залѣсскій беретъ эту задачу на себя и пытается съ этой точки зрѣнія разграничить право и нравственность (глава 15). Всѣ возраженія противъ опредѣленія права, какъ этическаго минимума, авторъ признаетъ неубѣдительными. Такъ, если, напримѣръ, многіе указываютъ, что существуетъ масса нравственно-безразличныхъ нормъ, то, по мнѣнію Залѣсскаго, большая часть этихъ нормъ «совсѣмъ не такъ нравственно-безразличны, какъ съ перваго раза может показаться; напр. сроки совершеннолѣтія устанавливаются согласно строгимъ требованіямъ нравственности» (стр. 277). Что-же касается того утвержденія, что часто законъ является безнравственнымъ, то на это г-нъ Залѣсскій возражаетъ, что «и требованія нравственности могутъ быть дурны» (проституція, гостепріимство и т. п.), ст. 280. Далѣе мы узнаемъ, что правовое чувство прирождено человѣку, «унаслѣдовано

имъ, какъ полезный признакъ отъ предковъ, почему старые философы, какъ Кантъ, признавали требованія права вмѣстѣ съ требованіями нравственности, безусловными и называли категорическимъ императивомъ» (стр. 293). Если-же нравственность представляетъ изъ себя правило поведенія согласно съ цѣлями общества, то право является гарантіей исполненія правилъ поведенія, «соблюденіе которыхъ безусловно необходимо для жизнеспособности общества» (стр. 292).

Высшая форма права—законъ—отличается безусловной принудительностью; вопросъ-же объ отношеніи силы къ праву авторъ признаетъ празднымъ (стр. 183). Если понимать подъ силой силу государственной власти, то нѣтъ никакого затрудненія признать, что сила создаетъ право. «Самый фактъ существованія тѣхъ или иныхъ государствъ уже говоритъ въ пользу существующихъ въ нихъ порядковъ... Правовой порядокъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ хорошъ, такъ какъ онъ создается естественнымъ отборомъ» (стр. 183).

Въ заключеніи своей книги авторъ заявляетъ, что сліяніе морали и права есть тотъ идеалъ, къ которому мы стремимся (ст. 297). Авторъ не додумался, повидиму, до того, что прежде, чѣмъ называть право этическимъ минимумомъ, надо пояснить, что-же такое этическій максимумъ. Вѣдь опредѣленіе нравственности, какъ правила поведенія, согласно цѣлямъ общества, есть въ сущности фраза, лишенная опредѣленнаго содержанія. А вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого положенія г. Залѣскій считаетъ возможнымъ вывести понятіе этическаго минимума, т. е. права. Вотъ ужъ поистинѣ опредѣленіе неизвѣстнаго при посредствѣ неизвѣстнаго. Это обстоятельство, однако, не смущаетъ автора, и онъ съ великолѣпнымъ спокойствіемъ утверждаетъ, что нравственность можетъ быть безнравственной, что право современемъ поглотитъ окончательно нравственность, такъ-какъ «нормы права первоначально считались десятками, а съ теченіемъ времени разрослись до десятковъ тысячъ, подобнаго-же умноженія предписаній нравственности не наблюдается» (стр. 297). Такъ-же глубокомысленно замѣчаніе, «что самый фактъ существованія тѣхъ или иныхъ государствъ свидѣтельствуетъ въ пользу существующихъ въ нихъ порядковъ», т. е. другими словами Небесная Имперія, какъ существующая всего дольше, является идеаломъ государства. Но непросвѣщенный читатель не только это узнаетъ отъ «ученаго писателя». Авторъ сообщаетъ ему еще, что «такъ-называемыя органическія вещества отличаются весьма существенно отъ неорганическихъ» (стр. 288); что «для органическаго существа достаточно незначительнаго толчка, чтобы причинить такъ-называемую смерть» (289).

Стиль г. Залѣскаго безподобенъ, такъ, напр., онъ пишетъ: «въ свою очередь нравственность *прогрессируя* въ отношеніи содержанія, *интенсифицируя* въ людяхъ сознаніе ихъ взаимной *солидарности*, развивая все болѣе и болѣе *импонирующее* чувство долга, распространяетъ свой *категорическій императивъ*» и т. д. и т. д. (стр. 297).

На этой книжкѣ не стоило-бы и останавливаться, если-бы авторъ ея не былъ магистромъ политической экономіи и если-бы ея содержаніе не являлось плодомъ «чтенія курса энциклопедіи и исторіи философіи права въ казанскомъ университетѣ», чтенія, произведеннаго «по порученію его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія», какъ заявляетъ г. Залѣскій въ предисловіи къ своему труду.

Багешотъ. Научные законы развитія народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Переводъ съ французскаго изданія К. Г—вой и А. О—ва. Харьковъ. 1896.

Книга англійскаго ученаго Багешота (Баджота?), умершаго уже 20 лѣтъ тому назадъ, появилась впервые на англійскомъ языкѣ еще въ 1872 г., въ самый разгаръ вліянія Дарвина. (Напомнимъ, что послѣднее значительное произведеніе Дарвина «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» появилось въ 1871 г.). Это вліяніе видно на каждой страницѣ разсматриваемой книги. Въ ней Баджотъ дѣлаетъ попытку примѣнить теоріи Дервина о естественномъ подборѣ и наслѣдственности къ вопросу объ образованіи политическаго общества. Авторъ стремится вникнуть въ процессъ развитія соціальной жизни,—загадки которой не могутъ быть выяснены никакими историческими документами при посредствѣ того метода, который съ такимъ успѣхомъ примѣняется въ наукахъ естественныхъ, подобно тому, какъ естествоиспытатель изъ остатковъ органической жизни доисторической эпохи создаетъ цѣлую картину постепеннаго развитія и распредѣленія видовъ, такъ и Баджотъ изъ преданій культурныхъ народовъ, изъ наблюденій надъ жизнью дикарей черпаетъ свой матеріалъ для представленія картинъ развитія соціальной жизни человѣчества. Такой способъ разрѣшенія задачи особенно при недостаткѣ фактическаго матеріала приводитъ автора къ извѣстной односторонности и къ нѣсколько смѣлымъ обобщеніямъ, но зато онъ даетъ возможность ясной, опредѣленной постановки вопроса, дѣлаетъ всѣ выводы автора крайне характерными и придаетъ всему изложенію яркость и интересъ. Теперь, по прошествіи 10 лѣтъ, книга Баджота не утратила своей свѣжести и не потеряла своихъ крупныхъ достоинствъ. Во-первыхъ, она написана блестяще. Англичане сохранили тайну писать изящные «опыты». Они «эссеисты» по преимуществу, и Баджотъ является подтвержденіемъ этого. Затѣмъ, авторъ съ замѣчательнымъ тактомъ устраняетъ изъ своего изложенія всѣ вопросы, которые могли бы усложнить дѣло и придать его работѣ тенденціозный характеръ. Такъ, онъ не только не предрѣшаетъ вопроса о природѣ духа и матеріи и объ ихъ взаимномъ вліяніи (ст. 8—9), не только избѣгаетъ вопроса о вліяніи ученія Дарвина на религіозныя убѣжденія (ст. 42), но даже не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи человѣческихъ расъ (стр. 101). Онъ исходитъ изъ факта ихъ множественности и интересуется лишь происхожденіемъ *народовъ*, а не расъ. Естественный подборъ и наслѣдственность ничто

нное, какъ подмѣченное единообразіе явленій въ мірѣ органической жизни. Основываясь на этомъ, авторъ даетъ исторію человѣческихъ обществъ. У него нѣтъ доказательствъ, что эта исторія осуществлялась именно такъ, какъ онъ ее излагаетъ, но за то ему кажется, что онъ съ достаточной убѣдительностью доказалъ, что это развитіе *могло* происходить въ той формѣ, какъ онъ это предполагаетъ.

Правда, законы наслѣдственности еще мало изслѣдованы, но несомнѣнно то, «что потомки культурныхъ родителей въ силу своей нервной организаціи воспріимчивѣе къ культурѣ, чѣмъ потомки родителей некультурныхъ, и эта воспріимчивость возрастаетъ съ поколѣніями въ огромной пропорціи» (стр. 8). Безъ этого принципа наслѣдственности невозможно понять сущности цивилизаціи человѣчества въ ея различныхъ стадіяхъ. Такихъ-же стадій, по мнѣнію Баджота, было три. 1-я стадія есть эпоха полнаго господства закона естественнаго подбора и связанной съ нимъ борьбы за существованіе. Это война всѣхъ противъ всѣхъ. Цивилизація появляется потому, что съ нею связаны преимущества въ борьбѣ (стр. 49). Война создаетъ общества (стр. 73) и только постоянная борьба ведетъ къ усовершенствованію народовъ (стр. 78). Цивилизація вступаетъ во вторую стадію, стадію господства неизмѣнныхъ устойчивыхъ обычаевъ и религій. Всесильный обычай поглощаетъ, все задерживаетъ поступательное движеніе и препятствуетъ индивидуальному развитію человѣка. Такая остановившаяся цивилизація неумолимо убиваетъ всѣ отступленія отъ началъ, освященныхъ обычаемъ (стр. 51), и только то общество, которое вопреки этому началу равновѣсія, стремится къ свободному *обсужденію* основныхъ началъ своего устройства—носитъ въ себѣ зародыши дальнѣйшаго развитія, только оно переходитъ въ третью стадію развитія, стадію «своднаго обсужденія».

Таковы въ краткихъ чертахъ тѣ главныя положенія, изъясненію и развитію которыхъ авторъ посвящаетъ свой трудъ. Вопросы, имъ затрагиваемые, одни изъ самыхъ интересныхъ и таинственныхъ въ области соціологіи и антропологіи. Дѣйствительно, нельзя не задуматься надъ тѣмъ, почему молодая европейская культура такъ разнится отъ старой, неизмѣняющейся, но обладающей многовѣковой исторіей, культуры Азіи, и отчего эта послѣдняя такъ отлична отъ культуры дикихъ народностей, не имѣющихъ никакой исторіи. Баджотъ очень опредѣленно ставитъ эти вопросы, но воздерживается отъ ихъ разрѣшенія (стр. 171). Онъ только ставитъ *условія*, необходимыя для перехода человѣчества изъ одной стадіи цивилизаціи въ другую (стр. 152). *причину-же* появленія этихъ условій, по его мнѣнію, *пока* опредѣлить нельзя, такъ-же какъ нельзя объяснить, почему Бэконъ былъ естествоиспытателемъ, или Мильтонъ геніемъ (стр. 172). Такой результатъ можетъ показаться неудовлетворительнымъ, но это впечатлѣніе быстро проходитъ, потому что именно ознаніе *предѣловъ* изслѣдованія придаетъ труду Баджота тотъ харак-

теръ яснаго спокойствія, которое должно быть присуще всякому сочиненію, стоящему выше узко-сектантскихъ увлеченій. Читатель можетъ не соглашаться со многими мыслями автора, но считаться онъ съ ними долженъ, и это большое достоинство разсматриваемаго труда. Онъ будитъ мысль, не насилуя убѣжденій читателя.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленіе русскаго перевода этой книжки; но, къ сожалѣнію, харьковскіе переводчики оказались далеко не на высотѣ задачи. Во-первыхъ, переводъ сдѣланъ не съ англійскаго, а съ французскаго. Ужь это одно заставляетъ сомнѣваться въ его точности. Но кромѣ этого, переводчики во многихъ случаяхъ совершенно извратили самый смыслъ изложенія автора. Такъ напр., въ русскомъ переводѣ сказано (стр. 25): «Вопросъ о разницѣ между духовными и законодательными *трудами* (?) никогда не долженъ подыматься». Должно-же быть: «вопросъ о разницѣ между духовными и свѣтскими *наказаніями* не могъ подыматься». Очевидно во французскомъ переводѣ стоитъ слово «les peines», которое харьковскіе переводчики перевели словомъ «трудъ». Затѣмъ на стр. 79 встрѣчается слѣдующая фраза: «Естественный подборъ, означаетъ *личностей* (?) которыя счастливо борятся съ противными силами своего народа (?)». Должно-же быть: «Естественный подборъ означаетъ сохраненіе тѣхъ личностей, которыя успѣшно борятся съ силами враждебными ихъ расѣ». И такихъ примѣровъ неточностей перевода не оберешься. Мы ужъ не говоримъ о томъ, что орѳографія англійскихъ именъ собственныхъ совершенно фантастична. Кто узнаетъ, что «М. Букле» обозначаетъ Бокля (стр. 10), или что «г. Вальясъ» (стр. 103) есть Уоллэсъ. Очевидно, что для перевода недостаточно одного бѣглаго знанія иностраннаго языка, а надо еще имѣть спеціальныя свѣдѣнія въ той области, къ которой относится переводимое сочиненіе.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЛИТЕРАТУРА.

Ф. Брюнетьеръ. **Возрожденіе идеализма.** Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Французскій академикъ Брюнетьеръ пытается въ своей рѣчи обозначить характерныя черты той реакціи противъ позитивизма въ наукѣ и натурализма въ искусствѣ, которая крѣпнетъ съ каждымъ днемъ. Эту реакцію Брюнетьеръ называетъ возрожденіемъ идеализма. Подъ идеализмомъ онъ разумѣетъ ученіе, которое, «признавая несомнѣнную силу фактовъ, историческихъ событій или явленій природы», полагаетъ, что они «не освѣщаются собственнымъ свѣтомъ», что они «управляются кое-чѣмъ высшимъ и по времени предшествующимъ». Одобряя сочувственное отношеніе Брюнетьера къ идеализму, мы, однако, думаемъ, что французскій академикъ не совсѣмъ вѣрно представляетъ себѣ нѣкоторыя черты новаго направленія. *Во-первыхъ*, процессъ, замѣчаемый то тамъ, то здѣсь людьми, чуткими къ вѣяніямъ эпохи, гораздо сложнѣе, чѣмъ думаетъ Брюнетьеръ. *Во-вторыхъ*, никто не имѣетъ права говорить о «банкротствѣ науки», взявшейся за разрѣшеніе основныхъ вопросовъ человѣческой жизни. Наука очень рѣдко выступаетъ въ своемъ чистомъ видѣ. Большею частью она осложняется элементомъ философскимъ, который сообщаетъ ей то или другое направленіе. До послѣдняго времени наука большею частью окрашена была матеріалистическими или позитивными красками. Если Брюнетьеръ, говоря о банкротствѣ науки, разумѣлъ науку такого направленія, то онъ правъ. Но онъ неправъ передъ наукой вообще, которая шире всякихъ направленій. Стоитъ наукѣ, или, точнѣе, людямъ науки проникнуться идеальными началами, заложенными въ насъ и въ цѣломъ мірѣ,—и тотчасъ же станетъ яснымъ, что всѣ эти роковые вопросы, столько вѣковъ мучащіе людей, могутъ и должны быть разрѣшены *научно.*

Немировичъ-Данченко. Вас. И. **Волчья сыть.** Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897 г. 387 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣйствіе новаго романа даровитаго автора «Сказокъ дѣйствительности» происходитъ въ небольшомъ городѣ одной изъ центральныхъ губерній и въ прилежащемъ къ нему округѣ, изнывающемъ въ тенетахъ непомѣрно алчнаго и безпощаднаго паука, высасывающаго всѣ соки изъ крестьянскаго и оскудѣвшаго дворянскаго населенія. Захудалый мѣщанинъ наказуемаго «бичемъ Божіимъ» городка пояснилъ автору, что весь округъ для этого міроѣда—«волчья сыть»: «Волчья сыть, говорю. Московское слово... Я въ Москвѣ въ ученьѣ жилъ... Это, видите-ли, когда на лѣто господа наѣдутъ въ деревню—съ ними до пропасти псовъ этихъ самыхъ. Ну, на легкомъ воздухѣ собачки-то еще пуще и расплодятся. Къ зимѣ—господа назадъ, а потомство отъ барскихъ трезорокъ на произволъ судьбы остается.. Стаями округъ деревни бѣгаетъ до ноября. Въ ноябрѣ новые господа жалуютъ, волки, и въ мѣсяцъ все очистятъ: ни одной собачки отъ городского приплода не уцѣлѣетъ. Оттого и имя ему: волчья сыть. Такъ вотъ-съ и нашъ городъ для Акула Матвѣевича та-же самая волчья сыть. Ужъ онъ наполовину обобралъ насъ; коли Господь Богъ купца Безмѣнова не утихомиритъ кондрашкой, онъ и другую половину съ аппетитомъ слопаетъ». Предсказаніе мѣщанина въ романѣ не осуществляется: купца Безмѣнова «утихомириваютъ» его собственные сыновья, на имя которыхъ онъ отписалъ все свое имущество и капиталы, когда ему угрожалъ процессъ изъ-за обворованнаго имъ банка. Сыновья эти, воспитанные въ традиціяхъ не останавливающагося ни передъ чѣмъ стремленія къ наживѣ, отрѣшаютъ отца въ «голодный годъ» отъ управленія

награбленнымъ имъ богатствомъ, такъ какъ опасаются его «жалостливаго сердца». Возникаетъ яростная борьба между отцомъ и старшимъ сыномъ, приспособленнымъ «по купеческой части"; младшій сынъ доканчиваетъ образованіе въ Петербургѣ, съ цѣлью выйти потомъ въ прокуроры и «всѣхъ засуживать». Старый кулакъ, въ которомъ авторъ вскрываетъ передъ читателемъ не вполнѣ заглохнувшія человѣческія чувства, оказывается побѣжденнымъ. На фонѣ этой борьбы между старшимъ и новымъ типами хищниковъ-пріобрѣтателей нарисовано нѣсколько жизненныхъ и не лишенныхъ оригинальности образовъ Самымъ цѣльнымъ и удачныхъ изъ нихъ вышелъ генералъ Узорный, изъ убѣжденныхъ фронтовиковъ, совмѣщающій въ себѣ крутость врава съ младенческой наивностью и полною незлобивостью души. Посаженный Безмѣновымъ на предсѣдательское кресло въ общественный банкъ, онъ считаетъ свои обязанности выполненными «по совѣсти», когда всѣ дѣловыя бумаги снабжены его подписями. Осужденный за расхищеніе кассы банка, совершенное Безмѣновымъ, онъ, въ доказательство своей правоты, застрѣлился на глазахъ судей. Менѣе жизненна фигура «идеальной помѣщицы» изъ великосвѣтскихъ фельдшерицъ, ушедшихъ «въ народъ» въ эпоху увлеченія меньшей братіей; романическій эпизодь изъ ея трудовой и исполненной самоотверженія жизни написанъ колоритнымъ, звучнымъ языкомъ, съ тѣмъ поэтическимъ одушевленіемъ, которымъ проникнуты лучшія страницы Вас. И. Немировича Данченка. Въ описаніяхъ его, на ряду съ мазками, отзывающимися импрессіонизмомъ, просвѣчиваетъ зачастую тотъ безыскусственный, ровный блескъ, который дается только истинному таланту.

Борисъ Корженевскій. **По Востоку**. Путевые очерки и картины съ 17 иллюстраціями. 223 стр. М. 1897 г. Ц 2 р. 75 к.

Г. Корженевскій, какъ это видно изъ предисловія издателя, былъ командированъ въ 1891 г Обществомъ любителей естествознанія антропологіи и этнографіи, состоящимъ при московскомъ университетѣ, на Востокъ, въ Турцію, Грецію, Сирію, Палестину и Египетъ. Плодомъ этого путешествія явился рядъ очерковъ, печатавшихся сначала въ періодическихъ изданіяхъ и выходящихъ нынѣ отдѣльной книгой. Большая часть книги посвящена впечатлѣніямъ, пережитымъ г. Корженевскимъ въ Палестинѣ. Въ виду того значенія, какое имѣетъ для христіанскихъ народовъ эта страна, книга «По Востоку» пріобрѣтаетъ особенный интересъ Написанная изящнымъ картиннымъ языкомъ, книга г. Корженевскаго доставитъ истинное удовольствіе читателямъ своими художественными описаніями природы, замѣчательныхъ мѣстъ и памятниковъ, а также быта и нравовъ восточныхъ народовъ

М. Юрьинъ. **Искатель новыхъ впечатлѣній**. Повѣсть. Спб. 1896 г. Ц. 1 р 25 к.

Г. Юрьинъ изображаетъ въ своей повѣсти типъ «искателя новыхъ впечатлѣній». Сергѣй Александровичъ Плескачевъ, еще молодой человѣкъ, получившій образованіе въ петербургскомъ университетѣ, попадаетъ въ Москву. Должность секретаря при предсѣдателѣ правленія въ «Среднеазіатскомъ кредитѣ» позволяетъ ему войти въ близкія сношенія съ многочисленными представителями богатаго московскаго купечества и удовлетворить свою жажду новыхъ впечатлѣній. Среди этихъ впечатлѣній не послѣднюю роль играютъ и впечатлѣнія страсти нѣжной. Неудача въ любви и дуэль, возникшая изъ-за грязной сплетни, потрясаютъ Плескачева такъ, что онъ даже нравственно перерождается. Мучительныя размышленія надъ собою и надъ собственною жизнью приводятъ его къ выводу, что нѣтъ разумнаго смысла въ погонѣ за новыми впечатлѣніями, что каждый человѣкъ долженъ подчинить свою жизнь не впечатлѣніямъ, а сознательно выработанному идеалу. Съ этою мыслью Плескачевъ покидаетъ Москву и уѣзжаетъ въ провинцію искать себѣ дѣятельности, болѣе подходящей къ новому настроенію. Повѣсть читается легко Авторъ обладаетъ данными, позволяющими надѣяться, что изъ него выработается порядочный беллетристъ.

Библіотека маленькаго читателя. 1) *Калымовъ В* **Сборникъ разсказовъ и стихотвореній** Книжка первая и вторая. 64+58 стр. 2) *Ивинъ А*. **Сборникъ разсказовъ и стихотвореній** 45 стр. 3) *Догановичъ А*. **Ѳомка дуракъ**. 44 стр. М. 1896 г. Ц. по 15 коп, въ папкѣ 23 коп. Изданіе Спиридонова.

Обыкновенно ребенокъ въ колыбели является объектомъ для самыхъ разнообразныхъ экспериментальныхъ опытовъ. Большую дозу участія принимаютъ въ подобномъ экспериментированіи различные г-да опекатели и благодѣтели, какъ Вольфъ, и многіе другіе издатели баснословно дорогихъ по цѣнѣ книгъ, нерѣдко съ невыдерживающимъ никакой критики содержаніемъ. Особенно страшно дѣлается за ребенка при появленіи различныхъ энциклопедическихъ изданій, литературна о вениграда, подобно выписаннымъ выше. Не знаемъ, чѣмъ собственно задаются составители дѣтскихъ энциклопедій: желаніемъ ли добра» маленькому читателю, стремленіемъ ли къ наживѣ или можетъ быть еще чѣмъ либо другимъ? Что собственно могла бы дать ребенку хрестоматія, въ которой помѣщается, какъ говорится, съ бору да съ сосенки перлы и алмазы русской литературы? Какое впечатлѣніе могутъ произвести на ребенка всѣ тѣ отрывки, ку-

сочки различныхъ статей (можетъ быть даже очень художественно написанныхъ), которыми наполняются подобныя изданія? По нашему мнѣнію, кромѣ вреда, ровно ничего. А между тѣмъ, въ предисловіяхъ къ нимъ г-да издатели и составители растекаются въ красивыхъ потокахъ словъ объ образовательномъ и воспитательномъ значеніи литературы, о томъ, что книга *должна* соотвѣтствовать возрасту и степени развитія читателя, о необходимости разнообразія и интересности содержанія. И что-же? въ результатѣ ребенку предлагаются тѣ-же стихи и небольшіе отрывки изъ статей, заучиваемые имъ въ школѣ. Гдѣ-же здѣсь то занимательное чтеніе, о которомъ такъ накричали радѣтели просвѣщенія? Мало того, отрывки изъ статей помѣщаются, въ большинствѣ случаевъ, по занимательности чтенія, совершенно не интересные, пропитанныя той невыносимой для ребенка пасторальной моралью, которою онъ и безъ того питается изъ окружающей обстановки. Кромѣ мертвечины, притупляющей умъ и чувства ребенка, ровно ничего не доставляется этимъ «занимательнымъ чтеніемъ». Книжечки, изданныя г. Спиридоновымъ, не смотря на опрятность внѣшности, безусловно принадлежатъ къ подобному типу и совершенно излишни въ дѣтской библіотекѣ, не смотря на свою «занимательность», о которой такъ хлопочетъ издатель и его сотрудники.

Что касается разсказа г-жи Догановичъ, можемъ сказать, что не смотря на обширную рекомендацію отъ нѣкоего г-на С., онъ читается вяло, вовсе не производя того впечатлѣнія, на которое разчитываетъ г. авторъ. Разсказъ дѣланый, вымученный, написанъ якобы народнымъ языкомъ.

Артуръ Шюкэ. **Ж.-Ж. Руссо**. Переводъ съ французскаго П. Н. Шараповой. Москва. 1897 г.

Эта книга по своему характеру, объему и содержанію соотвѣтствуетъ хорошо извѣстнымъ публикѣ біографіямъ замѣчательныхъ людей изданія Павленкова. Она состоитъ изъ одиннадцати главъ: 1) Жизнь; 2) Рѣчи; 3) Письмо о театрѣ; 4) Новая Элоиза; 5) «Эмиль»; 6) «Общественный договоръ»; 7) Религія; 8) «Исповѣдь»; 9) Союзъ; 10) Вліяніе и 11) Заключеніе.

Жизнь Руссо такъ разнообразна и интересна какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по своимъ внѣшнимъ условіямъ, что разсказать ее занимательно очень не трудно. И Артуръ Шюкэ разсказалъ ее очень не дурно. Условіе дѣтства Руссо и свойства его родителей описаны живо и уясняютъ страстный темпераментъ творца «Новой Элоизы» и многія другія его особенности. Изложеніе-же событій позднѣйшихъ лѣтъ его жизни не отличается стройностью, необходимой для того, чтобы дать отчетъ во множествѣ событій и фактовъ. Слѣдующія затѣмъ главы знакомятъ съ содержаніемъ главнѣйшихъ сочиненій Руссо, разъясняя болѣе или менѣе ихъ вліяніе и значеніе. Напримѣръ, называя «Эмиля» самой замѣчательной книгой о воспитаніи, авторъ указываетъ на то, что большинство послѣдователей педагогическихъ воззрѣній Руссо были нѣмцы. Вліяніе Руссо замѣтно во взглядахъ на этотъ предметъ Канта, въ педагогической дѣятельности Базедова, въ ученія Песталоцци. И Фребель, основывая дѣтскіе сады, воодушевленъ былъ идеями Жанъ-Жака Руссо. Но въ этихъ идеяхъ, въ свою очередь, замѣтно вліяніе Локка. «Наша педагогика,—говоритъ Шюкэ,—многимъ обязана Руссо и будетъ еще обязана».

Въ VI главѣ мы находимъ изложеніе знаменитаго сочиненія Руссо «Общественный договоръ». Справедливо замѣчая сходство основныхъ идей Руссо съ взглядами на государство древнихъ философовъ, Шюкэ указываетъ также на вліяніе протестантизма и Женевы. Извѣстно, что принципъ народной верховной власти былъ провозглашенъ въ Женевѣ давно; онъ отчетливо выраженъ въ хартіи 1387 г. Вліяніе этого сочиненія Руссо на ближайшія къ нему событія во Франціи разсмотрѣно довольно обстоятельно и подробно. Авторъ говоритъ между прочимъ: «Когда останки Жанъ-Жака переносили въ Пантеонъ, передъ конвентомъ несли *Общественный договоръ*, этотъ маякъ законодателей *того* времени. Намъ также извѣстно, что и другія сочиненія Руссо, «Исповѣдь» и «Новая Элоиза» оставили глубокіе слѣды своего вліянія. Байронъ перечитывалъ «Элоизу», когда посѣтилъ берега Лемана. Джоржъ Элліотъ пишетъ: «Руссо оживилъ мою душу и возбудилъ во мнѣ новыя силы».

Освѣтить жизнь и оцѣнить дѣятельность Руссо дѣло нелегкое! Въ книгѣ Шюкэ мы не находимъ никакихъ оригинальныхъ мыслей; она не блещетъ остроуміемъ, не поражаетъ насъ строгостью сужденія, но во всякомъ случаѣ, авторъ очень старательно и умѣло выполнилъ задачу: дать намъ вѣрное понятіе о личности и общемъ характерѣ главныхъ произведеній Руссо, какъ человѣка, который «мечталъ о простотѣ нравовъ, объ естественности чувствъ, о хорошо организованномъ государствѣ, гдѣ каждый бы получалъ образованіе, научающее его исполнять свои обязанности и свое человѣческое назначеніе».

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Мозговая работа и переутомленіе. *Д. Блэкка*. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 30 к. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пэтербургъ. 1897 года.

Въ этомъ очень небольшомъ сочиненіи, относящемся къ важному для насъ предмету, мы находимъ очень много намъ из-

вѣстныхъ, если хотите, избитыхъ истинъ, но на ряду съ ними попадаются цѣнныя замѣчанія—плодъ самостоятельныхъ наблюденій и размышленій автора книги. Эти замѣчанія и заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія. Въ главѣ IV *отдыхъ въ трудѣ*, Блэккъ совершенно основательно совѣтуетъ обратить вниманіе на врожденныя или пріобрѣтенныя особенности человѣка, съ которыми у насъ принято во чтобы то ни стало бороться; напримѣръ, онъ говоритъ: «Привычка къ систематическому труду, столь важная для многихъ, повидимому, *невозможна* для другихъ. Существуютъ люди, мозгъ которыхъ бываетъ способенъ къ работѣ только временами, наступленіе которыхъ не можетъ быть опредѣлено впередъ».

Легко замѣтить, что признаніе такого факта должно привести къ созданію различныхъ формъ передачи знаній дѣтямъ, сообразныхъ съ индивидуальными свойствами ихъ ума и характера.

Далѣе Блэккъ приводитъ мысль о необходимости для нѣкоторыхъ профессій пріучить мозгъ работать урывками. Собственнымъ опытомъ авторъ убѣдился въ томъ, какъ полезно доктору-практику выработать у себя привычку писать, читать и вообще заниматься умственнымъ трудомъ въ любые моменты: передъ обѣдомъ, въ каретѣ, въ своемъ пріемномъ кабинетѣ между визитами двухъ паціентовъ.

Такое умѣнье обусловливается выработаннымъ навыкомъ быстро приниматься за предметъ и быстро его оставлять.

Помимо такихъ замѣчаній, подготовленныхъ самой жизнью, книга Блэкка полезна какъ конспектъ всѣхъ свѣдѣній, выработанныхъ современной гигіеной умственнаго труда.

Для того, чтобы показать, какъ она касается всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ даннымъ предметомъ, мы познакомимъ читателя съ содержаніемъ книги. Первая глава представляетъ введеніе; въ ней находимъ мы отвѣтъ на вопросъ, увеличивается ли распространеніе нервныхъ болѣзней и такое опредѣленіе общей цѣли книги: данная книга должна предостеречь отъ ближайшихъ и отдаленныхъ причинъ нервнаго разстройства. Вторая глава посвящена обзору общихъ причинъ нервнаго разстройства (Внѣшнія вліянія. Излишество. Алкоголь. Чай и кофе.—Обжорство). Въ третьей главѣ разсматриваются условія работы (Вліяніе душевныхъ волненій и умственной работы.—Орудія мозга. Ненужная работа. — Надлежащій возрастъ для труда). Четвертая глава носитъ названіе: Отдыхъ въ трудѣ. Сюда относится оцѣнка закона привычныхъ дѣйствій, указаніе надлежащаго времени для работы и мнѣніе автора о разнообразіи въ работѣ. Пятая глава—Отдыхъ въ развлеченіяхъ и шестая—Отдыхъ во снѣ представляютъ большой интересъ для воспитателей. Въ седьмой главѣ *въ заключеніи* обращаютъ на себя вниманіе признаки упадка умственной дѣятельности, своевременное наблюденіе которыхъ можетъ предостеречь отъ ихъ гибельныхъ послѣдствій.

Д-ръ *Алексѣевъ*. **О пьянствѣ**. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное съ предисловіемъ Льва Толстого: Для чего люди одурманиваются. Изданіе Посредника для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1896 г.

Гр. Л. Толстой въ своемъ предисловіи слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ цѣль и значеніе данной книги: «Люди поняли страшный вредъ одуряющихъ веществъ; это *сознаніе* неизбѣжно приведетъ къ устраненію этого вреда и кажется, что это уже начинается. И, какъ всегда, начинается съ высшихъ классовъ тогда, когда заражены всѣ низшіе».

«Предлагаемая книга излагаетъ исторію развитія этого сознанія». Въ противоположность многимъ другимъ врачамъ докторъ Алексѣевъ возстаетъ не только противъ пьянства, но и противъ *умѣреннаго* употребленія вина. Онъ говоритъ: «Умѣренность не такъ вредна, какъ пьянство, но малое зло не есть еще добро». И требуетъ совершеннаго воздержанія отъ вина.

Содержаніе книги посвящено главнымъ образомъ многостороннему изслѣдованію причинъ пьянства. Что-же касается мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ, то онѣ разсмотрѣны далеко не такъ обстоятельно.

Въ заключеніи своемъ авторъ говоритъ, что въ борьбѣ съ пьянствомъ *первое* и *главное* это «личный примѣръ собою: проповѣдовать своимъ поведеніемъ молча безъ рѣзкостей пропагандиста. Не пить самому ничего, содержащаго спиртъ, не подчивать, не угощать никогда, никого спиртными напитками». Далѣе онъ совѣтуетъ строго и взыскательно относиться къ подчиненнымъ, изобличеннымъ въ пьянствѣ. Своихъ дѣтей слѣдуетъ воспитывать въ строгомъ воздержаніи. Всего же болѣе надо полагаться на распространеніе *здравыхъ понятій о дѣйствіи спиртныхъ напитковъ*.

Въ концѣ книги приведенъ списокъ сочиненій, которыми можно пользоваться для преслѣдованія намѣченной цѣли.

Мы думаемъ, что сказаннаго нами достаточно для общей характеристики книги.

Для людей-же, знакомыхъ съ первымъ ея изданіемъ, прибавимъ: второе изданіе отличается тѣмъ, что въ изложеніе вошли новыя данныя относительно дѣйствія алкоголя на человѣческій организмъ и переченъ болѣзней отъ пьянства.

П. Злотчанскій. **Погода и предсказаніе ея.** Научно-популярный очеркъ. Цѣна 30 к. Одесса. 1897 г.

Посвятивъ весьма сложному содержанію книгу въ пятьдесятъ страницъ, г. Злотчанскій, разумѣется, не могъ раз-

смотрѣть избранный имъ предметъ подробно и всесторонне. Но мы не можемъ и ожидать ничего другого отъ сочиненія, которому самъ авторъ далъ названіе популярно-научнаго очерка. Цѣль автора, какъ видно, дать общее понятіе о явленіяхъ природы, съ которыми связаны предсказанія погоды, о степени достовѣрности этихъ предсказаній въ зависимости отъ данныхъ науки и самой организаціи метеорологическихъ наблюденій и ихъ сообщеній.

Къ сожалѣнію, большая часть книги относится къ описанію физическихъ явленій и приборовъ, извѣстныхъ людямъ, получившимъ среднее образованіе, о предсказаніи же погоды сказано сравнительно немного. Принимая во вниманіе самый способъ его изложенія, мы предполагаемъ, что авторъ предназначилъ свой трудъ не для людей, обладающихъ только начальнымъ образованіемъ. Для интеллигентныхъ же читателей описаніе устройства барометра является излишнимъ, но было бы крайне полезно подробное изложеніе организаціи метеорологическихъ наблюденій въ Америкѣ и въ Россіи. Что касается первыхъ, то о нихъ сказано слишкомъ мало. Нѣсколько большее вниманіе удѣлилъ г. Злотчанскій метеорологическимъ наблюденіямъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи интересны свѣдѣнія о дѣятельности профессора новороссійскаго университета А. В. Клоссовскаго. Занявъ каѳедру физической географіи въ 1881 г. г. Клоссовскій привлекъ на свои лекціи по метеорологіи массу слушателей. Благодаря его энергіи, вскорѣ была построена физическая обсерваторія и были открыты метеорологическія станціи. Съ 1887 г. началось быстрое распространеніе сѣти. Въ программу наблюденій вошли изслѣдованія осадковъ, грозъ, градобитій, температуры облачности, направленія и сила вѣтра, ливней, ударовъ молніи, высоты снѣгового покрова, заносовъ и мятелей, вскрытія и замерзанія рѣкъ, періодическихъ явленій въ жизни животныхъ и растеній, песчаныхъ бурь и т. д. Наблюдатели на станціяхъ всѣ—добровольцы: землевладѣльцы, учителя, священники. И они, по словамъ профессора, оказались на высотѣ возложенныхъ ими на себя обязанностей.

На обложкѣ книги г. Злотчанскаго находится метеорологическая карта. Согласно этому мы встрѣчаемъ у г. Злотчанскаго и толковое изложеніе пользованія метеорологическими картами.

Фэдо. **Научныя забавы. Явленія и опыты, основанные на обманѣ чувствъ: осязанія, обонянія, вкуса и зрѣнія**, съ 128 рисунками. Переводъ съ французскаго Е. Предтеченскаго. Цѣна 60 к. С.-Петербургъ. Изданіе Ф. Павленкова.

Фэдо, какъ извѣстно, авторъ многихъ сочиненій, направленныхъ къ одной цѣли—*учить забавляя*. Возможность достигнуть этой цѣли имѣетъ, разумѣется, свои предѣлы. Стремленіе совершенно превратить ученье въ забаву навсегда останется утопіей. Но въ тоже время, мы не сомнѣваемся въ томъ, что очень многое изъ того, чему мы учимъ ребенка и юношу въ классѣ, онъ можетъ легче и скорѣе усвоить въ формѣ умственныхъ развлеченій. Вслѣдствіе этого, нельзя не привѣтствовать всякую болѣе или менѣе удачную попытку обогатить ребенка нѣкоторыми познаніями, не требуя съ его стороны большой затраты силъ. Мы склонны думать, что не далеко отъ насъ то время, когда умственныя развлеченія дѣтей и учащейся молодежи составятъ самостоятельное цѣлое, идущее параллельно съ систематическимъ курсомъ обученія.

Книга Фэдо «Научныя забавы», представляетъ довольно удачный опытъ доставить не только ребенку, но и взрослому пріятное и полезное для ума занятіе.

Въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ: «Обстоятельное изученіе обмановъ чувствъ одно только даетъ возможность объяснить какъ тѣ явленія, о которыхъ мы сейчасъ сказали, такъ и другія, еще болѣе любопытныя, которымъ мы поддаемся неудержимо». Явленія эти: температура предмета, направленіе, по которому доходитъ звукъ, отдаленность горы, ширина рѣки или высота зданія и т. д.

Всѣ обманы чувствъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ, распредѣляются соотвѣтственно органамъ чувствъ. Такимъ образомъ первая глава посвящена чувству осязанія, вторая—обонянія, третья чувству вкуса, четвертая слуха. Остальныя же четырнадцать главъ заключаютъ въ себѣ обманы чувствъ въ области зрѣнія. Въ концѣ книги мы находимъ описаніе органовъ чувствъ.

Такое расположеніе матеріала неизбѣжно приводитъ къ тому, что на ряду съ простѣйшими опытами, какъ нельзя болѣе доступными ребенку, мы находимъ очень сложные, требующіе знаній и уже выработанной способности наблюдать явленія природы. Изъ этого слѣдуетъ, что книгой Федо можетъ самостоятельно пользоваться только ученикъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Что же касается учениковъ элементарныхъ школъ и младшихъ классовъ гимназій, то все доступное для нихъ въ этой книгѣ должно быть выдѣлено и приведено въ особую систему знающимъ человѣкомъ. Напримѣръ, мы считаемъ очень полезнымъ для начинающихъ изучать геометрію предварительное знакомство съ нѣкоторыми обманами въ области зрѣнія. Эти обманы при надлежащемъ ихъ толкованіи заставятъ учениковъ ощутить необходимость въ томъ доказательствѣ простѣйшихъ теоремъ, которое они часто считаютъ излишнимъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

А. Ѳ. Кони. **Судебныя рѣчи.** 1868—1888. Изданіе третье. Спб. 1897 г. (XII+730 стр.).

Третье изданіе—для сочиненія имѣющаго главнымъ образомъ спеціально-юридическій интересъ—нужно признать фактомъ исключительнымъ, свидѣтельствующимъ о рѣдкомъ успѣхѣ книги. Въ данномъ случаѣ, такой успѣхъ вполнѣ понятенъ. Авторъ вышеназваннаго труда, А. Ѳ. Кони, является однимъ изъ лучшихъ юристовъ-практиковъ и судебныхъ ораторовъ въ Россіи. Кажется, нѣтъ сложнаго, запутаннаго формально или матеріально-правоваго вопроса, который не былъ бы подвергнутъ со стороны автора тонкому анализу и не былъ бы имъ изложенъ въ блестящей формѣ, секретъ которой принадлежитъ только прирожденнымъ ораторамъ. Укажемъ, напр., на замѣчательный анализъ понятій клеветы и диффамаціи по русскому праву (дѣла Соболевскаго, Федорова, Ланггауза). Но трудъ г. Кони цѣнится не только среди юристовъ. Книга его распространена также и въ большой публикѣ. Объясняется это тѣмъ, что авторъ не только юристъ и ораторъ, но также яркій представитель тѣхъ общественныхъ принциповъ, которые не могутъ не найти сочувственныхъ откликовъ въ молодыхъ сердцахъ. Прочитавшій статьи Кони не только приближается къ пониманію духа судебныхъ уставовъ Александра II, но видитъ также картину самыхъ разнообразныхъ, соприкасающихся съ правомъ явленій общественной жизни, явленій, освѣщенныхъ съ опредѣленной, весьма почтенной точки зрѣнія. Укажемъ на разборъ института присяжныхъ и его общественнаго значенія (дѣло Юханцева), или на замѣтку о значеніи печатнаго слова (дѣло редактора Федорова) или на тотъ благородный образъ предсѣдателя суда, образъ, который встаетъ передъ глазами читателя, при чтеніи заключеній по дѣлу Скопинскаго банка, или по дѣлу Кетхудова и другихъ. Благодаря всему этому труды А. Ѳ. Кони возбуждаютъ интересъ не только юриста, но и вообще всей читающей публики.

Михайловъ, И. И. **Роль и значеніе первобытной женщины.** Спб. 1897 г. in 8° 40 стр. Ц., 25 к.

2) *Бюхеръ, К. проф.* **Женскій вопросъ въ средніе вѣка.** Пер. съ нѣм. Л. С. Зака. Одесса. 1896 г., in 8° 48 стр. Ц. 20 к.

3) *Колеръ, проф.* **Право какъ элементъ культуры.** Пер. А. Э. Ворыса. М. 1896 г. in 8° 53 стр. Ц. 20 к.

Первая книжка представляетъ изъ себя нѣчто иное, какъ рефератъ, читанный въ Археологическомъ институтѣ, выслушанный съ тѣмъ должнымъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно выслушиваются рефераты ученыхъ обществъ. Какъ видно изъ предисловія, г. составителя, брошюра представляетъ изъ себя «матеріалы» для «случайнаго» читателя, собранные авторомъ для его большого труда «Роль и значеніе женщины въ допетровской Руси» съ обильными (?) недостатками и пробѣлами (по словамъ самого автора), за которые онъ проситъ извиненія у читателей. Обратившись къ содержанію книжечки, мы были поражены тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ, кромѣ своего собственнаго изслѣдованія, на тѣхъ-же 40 страничкахъ пытается критически характеризовать точку зрѣнія семнадцати выдающихся изслѣдователей въ области культуры, а затѣмъ даетъ свое изслѣдованіе. Излагая существенныя положенія характеризуемыхъ авторовъ, г. Михайловъ (умышленно-ли или не умышленно) производитъ «нѣсколько пробѣловъ и недостатковъ». Всѣхъ ихъ приводить, конечно, мы не будемъ, но для иллюстраціи выписываемъ характеристику одного изъ выдающихся экономическихъ матеріалистовъ Каутскаго, который, по словамъ автора, въ своихъ изслѣдованіяхъ приходитъ «къ весьма безотрадному, вполнѣ справедливому заключенію, что развитіе цивилизаціи не только не улучшаетъ положенія женщины, но скорѣе ухудшаетъ». На сколько намъ знакомъ этотъ авторъ, какъ по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ, такъ и по приложенію ихъ къ окружающей дѣйствительности, такое заключеніе невѣрно. Что-же касается собственныхъ изслѣдованій автора въ области интересующаго его вопроса, то по нашему мнѣнію, они—неудачно. Предлагать читателю, а тѣмъ болѣе «широкому» — пикантные анекдоты совершенно безъ всякаго освѣщенія и безъ взаимной связи довольно странно. Изложеніе эпизодично, безпорядочно. Переходныя стадіи въ области развитія брака, переходъ отъ метріархата къ патріархату — не выдержаны. Въ похвалу автору можно сказать, что анекдотическая сторона мѣстами интересна.—и только. Но изслѣдованіе по серьезному вопросу, на нашъ взглядъ, заключается не въ подборѣ тѣхъ или иныхъ анекдотическихъ подробностей.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе оставляютъ двѣ слѣдующія брошюрки, посвященныя тому-же предмету. Брошюра пр. Бюхера, благодаря ясности и трезвости взгляда, читается съ интересомъ. Изъ названной брошюрки мы узнаемъ, что нѣкогда женщина находилась въ совершенномъ подчиненіи мужчинѣ; она была, какъ говоритъ г-жа Цеткинъ въ своей рѣчи работницамъ — «усладою мужчины par excellence, разводила племя и исключительно заботилась о существованіи мужа и семьи». Затѣмъ начинается періодъ ея раскрѣпощенія, продолжающійся до середины XIII в. Женщина допускается и терпима въ различ-

ныхъ цеховыхъ корпораціяхъ, организуетъ свои собственныя; для нея устраиваются общественными учрежденіями и правительствомъ общежитія вродѣ монастырей (Bekinenanstalten). Авторъ останавливаетъ попутно свое вниманіе на развитіи проституціи въ средніе вѣка, совершенно не похожей на современную. Женщины, посвящающія себя этой спеціальности, организовались въ корпораціи, имѣли свои уставы, допускались на общенародныя празднества, княжескіе пріемы, танцы, устраиваемые именитыми гражданами и т. п.

Третья брошюра содержитъ въ себѣ вступительную лекцію сравнительнаго правовѣдѣнія и посвящена бѣглому разсмотрѣнію различныхъ правовыхъ институтовъ, въ связи съ поступательнымъ развитіемъ человѣческаго прогресса. Особенно много вниманія авторъ удѣляетъ развитію брачныхъ отношеній (11—33 стр.). Изложеніе брошюры содержательно, интересно; авторъ разсматриваетъ развитіе правовыхъ учрежденій съ исторической точки зрѣнія. «Историческое познаніе освобождаетъ насъ; оно снимаетъ съ нашихъ глазъ ту повязку, которая мѣшаетъ намъ видѣть сущность явленій» Изданіе выполнено вполнѣ безукоризненно. Въ общемъ предисловіи ко всей серіи брошюръ, предполагаемыхъ къ изданію, издатель говоритъ, что онъ задался цѣлью дать въ популярной формѣ критически провѣренное изложеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ или опытовъ науки. Пробѣгая прилагаемый списокъ сотрудниковъ, можно заранѣе поручиться, что дѣло будетъ поставлено солидно.

Ж. Бертильонъ. **Курсъ административной статистики.** Ч. 1-я: пріемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній; переписи населенія. Переводъ съ французскаго Н. Ф. Джунковскаго и съ вступительной статьей «О научной обработкѣ статистическихъ матеріаловъ», проф. А. Ф. Фортунатова. Ц. 1 р. 50 к.

Популярный курсъ статистики Ж. Бертильона, переведенный г. Джунковскимъ на русскій языкъ, восполняетъ существующій въ нашей статистической литературѣ пробѣлъ: онъ даетъ въ общедоступной и сжатой формѣ понятіе о теоріи и техникѣ статистики и такимъ образомъ можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ для большого круга лицъ, интересующихся статистикой и желающихъ ознакомиться съ ней по болѣе легкимъ руководствамъ, чѣмъ труды Янсона, Федоровича и др.

Въ первой части разсматриваемой книжки выясняется значеніе статистики и разсматриваются общіе ея методы; во второй—трактуется о техникѣ статистическихъ работъ, третья посвящена вопросамъ научной обработки статистическаго матеріала; наконецъ, четвертая касается организаціи и производства переписей населенія. Авторъ даетъ понятіе о постановкѣ народныхъ переписей во Франціи и Германіи и приводитъ касающіяся переписей постановленія международныхъ конгрессовъ. Переводъ курса Бертильона былъ изданъ незадолго до первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи и несомнѣнно могъ быть очень полезнымъ для участниковъ въ производствѣ этой переписи, помогая имъ лучше оріентироваться въ вопросахъ переписныхъ листовъ, въ особенности по отношенію къ занятіямъ и промысламъ населенія: относительно этого вопроса въ книжкѣ приведены три номенклатуры профессій, принятыя международнымъ статистическимъ институтомъ. Въ особомъ приложеніи приведены: положеніе, инструкціи и формы переписныхъ листовъ первой всеобщей переписи населенія Россіи.

Л. С. Закъ. **Народныя переписи.** Общедоступный очеркъ. Изд. южно-русск. общества печатн. дѣла. Ц. 30 к.

Краткій очеркъ г. Зака прежде всего касается вопроса о научномъ и практическомъ значеніи статистики; затѣмъ авторъ излагаетъ теоретическія требованія, которымъ должны удовлетворять народныя переписи, и излагаетъ исторію переписей; въ заключеніе дается понятіе объ основаніяхъ первой всеобщей переписи населенія Россіи 28 января 1897 г. Очеркъ написанъ ясно, общедоступно; выпущенный передъ производствомъ переписи онъ, несомнѣнно, принесъ бы не малую пользу, если бы критическая оцѣнка основаній переписи изложена была полнѣе. Авторъ, напр., довольно долго останавливается на неясности термина «хозяйство» и на преимуществахъ переписи крестьянскаго населенія на сельскихъ сходахъ передъ принятымъ главною переписною комиссіей подворнымъ обходомъ населенія счетчикомъ, но ничего не говоритъ о главномъ и побочномъ занятіяхъ населенія, тогда какъ на практикѣ именно этотъ пунктъ программы и возбуждалъ наиболѣе частыя недоумѣнія, разъясненія которыхъ въ оффиціальныхъ инструкціяхъ найти было нельзя.

Ф. Баръ. **Организація сельскихъ имѣній и полевого хозяйства и аренды.** М. 1895 г. 2 изд. Ц. 3 р. 50 к.

Появленіе книги г. Бара 2-мъ изданіемъ является нѣсколько загадочнымъ. Она состоитъ изъ разныхъ благихъ совѣтовъ и рецептовъ, которые теперь услужливо предлагаются сельскимъ хозяевамъ. Г. Баръ часто имъ напоминаетъ о необходимости избѣгать непроизводительныхъ расходовъ. Въ числѣ этихъ непроизводительныхъ расходовъ ему слѣдовало бы упомянуть тѣ 3 р. 50 к., которыя кто-либо изъ сельскихъ хозяевъ вздумалъ бы затратить на пріобрѣтеніе его книги. Купитъ какой-нибудь сельскій хозяинъ книгу г. Бара и прочтетъ на стр. 308, что «ему необходимо усвоить себѣ сельскохозяйственныя

познанія посредствомъ чтенія соотвѣтствующихъ сельскохозяйственныхъ руководствъ».

За прочтеніе такихъ благихъ совѣтовъ положительно не стоитъ платить 3 р. 50 к.

Бильдерлингъ. **Бесѣды по земледѣлію,** Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

«Бесѣды по земледѣлію» Бильдерлинга уже печатались въ литерат. прил. «Нивы« и теперь выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ безъ измѣненій.

«Бесѣды» изложены въ формѣ разговоровъ сельскаго учителя съ мужикомъ.— разговоровъ, иногда вызывающихъ смѣхъ по своей несообразности. Г. Бильдерлингъ смѣшалъ популярность изложенія съ наивностью того, что онъ излагаетъ. Многіе изъ учителей будутъ осмѣяны мужиками, если они вздумаютъ бесѣдовать съ ними о земледѣліи по Бильдерлингу. Правда, и самъ Бильдерлингъ иногда совѣтуетъ учителямъ прерывать его бесѣды заявленіемъ, что «объ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ еще поговоримъ».

Такимъ замѣчаніемъ прерываетъ Бильдерлингъ свою бесѣду о «зеленомъ удобреніи», а мужики могли бы такое замѣчаніе поставить чуть ли не въ началѣ любой его бесѣды, такъ какъ имъ теперь не до «зеленаго удобренія» и другихъ подобныхъ благихъ разговоровъ о хорошихъ матеріяхъ. «На голодное брюхо — ученіе глухо»—скажутъ мужики и будутъ правы, такъ какъ у доброй половины «животы подвело» отъ постояннаго «недоѣданія».

Н. П. Бѣлоконскій. **Народное начальное образованіе въ Курской губерніи.**

Въ послѣдніе годы многими губернскими земствами поднятъ вопросъ объ активномъ ихъ участіи въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, которое вѣдается земствами уѣздными. Къ числу такихъ земствъ относится и курское губернское, образовавшее для разработки школьныхъ вопросовъ особую коммиссію по народному образованію. По предложенію этой коммиссіи, статистикомъ г. Бѣлоконскимъ и составлена разсматриваемая книжка. Матеріаломъ для этой работы послужили, съ одной стороны — земскія многолѣтнія изданія, а съ другой — многочисленные (1265) отвѣты сельскихъ учителей на спеціальную программу школьной коммиссіи. Спѣшность работы, обусловленная необходимостью представить ея результаты къ началу послѣдней сессіи губернскаго собранія, отразилась, конечно, на ея достоинствѣ, положивъ отпечатокъ бѣглости и безсистемности въ изложеніе нѣкоторыхъ главъ и вообще нѣкоторой незаконченности самаго труда. Изъ приложенныхъ къ книжкѣ вопросныхъ программъ, видимъ, что курской коммиссіей были собраны не только подробныя свѣдѣнія о школахъ, но и поименныя свѣдѣнія объ учащихся въ годъ изслѣдованія, многолѣтнія, также поименныя, данныя объ окончившихъ курсъ и, наконецъ, подворныя свѣдѣнія о дѣтяхъ школьнаго возраста. Но не всѣ собранныя свѣдѣнія использованы въ книжкѣ съ достаточной полнотой и подробностью; напр., весьма интереснымъ даннымъ подворной переписи авторомъ работы отведено только $^1/_2$ страницы (стр. 159), и вопросъ о современныхъ занятіяхъ бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ (окончившихъ курсъ) разсмотрѣнъ на 3-хъ страницахъ (303—305). Наряду съ подобной скупостью въ разработкѣ очень важныхъ въ школьномъ дѣлѣ вопросовъ въ разбираемой книжкѣ мы находимъ массу сырого, совсѣмъ не переработаннаго матеріала, въ видѣ дословныхъ выписокъ изъ отвѣтовъ учителей; такая «статистическая беллетристика» занимаетъ болѣе трети книжки (120 стр. изъ 308-ми).

Вообще, разбираемая книжка, какъ статистическая работа, возбуждаетъ очень много недоумѣній, говорящихъ не въ пользу ея составителя; но какъ работа, преслѣдующая опредѣленныя практическія задачи мѣстной земской жизни, она представляетъ живой интересъ и принесетъ несомнѣнную пользу. Достаточно сказать, что къ большинству заключеній этого труда губернское собраніе отнеслось сочувственно, а уѣздныя земства, основываясь на томъ-же трудѣ, рѣшили приступить къ осуществленію проектированной авторомъ сѣти школьныхъ районовъ по каждому уѣзду.

Н. А. Туръ. **Австрійскій законъ 27 мая 1896 г. о порядкѣ взысканія и обезпеченія.**

Австрійскій законъ 27 мая 1896 г., при всѣхъ его недостаткахъ, является самымъ послѣднимъ словомъ науки, по сколько она могла получить примѣненіе въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Переводъ этого закона, за нѣкоторыми исключеніями, отличается точностью, и его статьи сопровождаются указаніями на соотвѣтствующія постановленія нашего устава гражданскаго судопроизводства. Можно пожалѣть о томъ, что г. Туръ ограничился однимъ переводомъ австрійскаго закона и указанными его сопоставленіями съ нашимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, и не предпослалъ обстоятельнаго теоретическаго введенія, которое ознакомило бы читателей съ тѣми вопросами, которые разрѣшаются австрійскимъ закономъ 27 мая 1896 года.

ЖУРНАЛИСТИКА.

„Русскій Архивъ". Окончаніе „Русалка" Пушкина.—„Русское Обозрѣніе". Записки Е. Францовой: „А. С. Пушкинъ въ Бессарабіи".

Еще въ январѣ настоящаго года въ газетахъ появилось сенсаціонное извѣстіе о томъ, что отыскано окончаніе «Русалки» Пушкина и что, такимъ образомъ, будетъ, наконецъ, пополнено одно изъ самыхъ зрѣлыхъ, хотя и не вполнѣ отдѣланныхъ произведеній великаго поэта. На дняхъ это окончаніе поэмы появилось въ третьемъ выпускѣ «Русскаго Архива» съ необходимыми разъясненіями г. Бартенева, изъ которыхъ оказывается, что въ ноябрѣ 1836 г. (т. е. приблизительно за два мѣсяца до смерти Пушкина), поэтъ читалъ у Э. И. Губера свою «Русалку» вполнѣ. На этомъ чтеніи присутствовали нѣкто Дмитрій Павловичъ Зуевъ, нынѣ маститый старецъ, а въ то время—еще отрокъ. Обладая замѣчательной памятью, онъ, по возвращеніи отъ Губера, записалъ для себя послѣднія сцены «Русалки», наиболѣе поразившія его. Послѣ этого эти сцены были прочитаны Пушкинымъ еще два раза по настоятельной просьбѣ Д. П. Зуева, которую поддержалъ Э. И. Губеръ. Втеченіи шестидесяти лѣтъ эта рукопись хранилась у г. Зуева и только въ концѣ прошлаго года была имъ передана Борису Николаевичу Чичерину, который передалъ ее, съ согласія г. Зуева, въ «Русскій Архивъ» для напечатанія. Лично ни г. Чичеринъ, ни г. Бартеневъ, редакторъ «Русскаго Архива», не сомнѣваются въ томъ, что рукопись г. Зуева есть подлинный текстъ пушкинской «Русалки». Такова исторія этой находки. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ самому разбору зуевской записи, мы должны напомнить читателю вообще исторію пушкинскихъ бумагъ и въ частности «Русалки».

Во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина «Русалка» печатается, какъ отрывокъ, заключающій въ себѣ начало этой драматической поэмы, состоящее изъ пяти сценъ и семнадцати стиховъ шестой сцены. Въ такомъ видѣ поэма была отыскана въ бумагахъ Пушкина послѣ его смерти, и въ началѣ 1837 г. была напечатана въ «Современникѣ».

Тогда-же укоренилось убѣжденіе, что «Русалка» не была окончена поэтомъ, или же, что ея окончаніе было, какимъ-то образомъ, утрачено. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе вѣроятно, что хотя самъ Пушкинъ держалъ всегда свои бумаги въ большомъ порядкѣ, но по кончинѣ его многіе пожелали сохранить на память его автографы. Къ Жуковскому бумаги Пушкина поступили уже послѣ того, какъ побывали въ рукахъ чиновниковъ III отдѣленія, которые, какъ говоритъ г. Бартеневъ, «особенно поусердствовали вслѣдствіе строгаго выговора, полученнаго графомъ Бенкендорфомъ отъ Государя Николая Павловича по поводу Пушкинскаго поединка». Затѣмъ, рукописи, оставшіяся послѣ Пушкина, какъ извѣстно, очутились въ распоряженіи г. Тарасенка-Отрѣшкова, который обращался съ ними довольно безцеремонно. Нѣкоторыя изъ этихъ рукописей находятся нынѣ у г. Онѣгина въ Парижѣ, который почему-то не желаетъ съ ними разстаться и который отказался сообщить ихъ даже Л. Н. Майкову, отыскивающему для академическаго изданія сочиненій Пушкина его подлинныя рукописи. Другія—неизвѣстно гдѣ. Понятно, поэтому, что и полная «Русалка» могла затеряться или гдѣ-нибудь застрять, если только ея окончаніе было дѣйствительно написано. Однако, относительно этого послѣдняго обстоятельства и существуетъ сомнѣніе, такъ какъ у насъ нѣтъ никакого фактическаго указанія о томъ, что Пушкинъ окончилъ свою поэму. Только А. О. Смирнова въ своихъ «Запискахъ» («Сѣверный Вѣстникъ», 1897 г., 1, 139) со словъ Жуковскаго утверждаетъ, что за нѣсколько дней до поединка Пушкинъ разсказывалъ друзьямъ о своей «Русалкѣ» и «затѣмъ передалъ имъ конецъ драмы». Не говоря уже о томъ, что въ этихъ словахъ г-жи Смирновой могла вкраться какая-нибудь неточность, мы въ нихъ все-таки не видимъ положительнаго указанія на то, что драма была окончена поэтомъ; въ этихъ словахъ говорится только о томъ, что Пушкинъ разсказалъ своимъ друзьямъ конецъ драмы, но былъ-ли этотъ конецъ уже написанъ, или же только былъ пока задуманъ—мы не знаемъ.

Во всякомъ случаѣ полной рукописи «Русалки» не оказалось въ бумагахъ Пушкина. Начало поэмы въ оставшейся рукописи не имѣетъ заглавія. Послѣ первой сцены сдѣлана поэтомъ помѣтка, которую Анненковъ указываетъ дважды—въ двухъ видахъ: «12 апрѣля 1832 г.» (т. 1, стр. 362) и «27 апрѣля 1832 г.» (т. IV, стр. 465). Замѣчательно, что и самая программа поэмы, набросанная Пушкинымъ, прерывается почти на томъ-же, на чемъ прерывается пьеса. Вотъ эта программа: «Мельникъ и его дочь. Свадьба. Княгиня и мамка. Русалки. Князь. Старикъ и русалочка. Охотники». Еще замѣчательнѣе другое обстоятельство, на которое указалъ первый, если не ошибаемся, Анненковъ, а именно, что и самую мысль «Русалки» Пушкинъ могъ заимствовать изъ славянской пѣсни «Янышъ-Королевичъ» («Пѣсни западныхъ славянъ»), которую Пушкинъ перевелъ изъ Мериме. Эта пѣсня въ сжатомъ видѣ передаетъ содержаніе «Русалки» очень близко и въ томъ порядкѣ, въ какомъ это

содержаніе является въ «Русалкѣ», и кромѣ того пѣсня прерывается на появленіи русалкиной дочери. Необходимо прибавить, что въ примѣчаніи къ «Янышу-Королевичу» Пушкинъ писалъ: «пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую и ту не всю». Всѣ эти странныя совпаденія невольно заставляютъ призадуматься относительно окончанія «Русалки». Программа, остановившаяся на томъ, на чемъ остановилась «Русалка», переводъ «Яныша», остановившійся на томъ, на чемъ остановилась тоже «Русалка». все это заставляетъ предполагать. что Пушкинъ заинтересовался началомъ сюжета, отысканнаго имъ въ «Янышѣ» и изобразилъ его въ начальныхъ сценахъ «Русалки». но конецъ ему, повидимому, показался неудачнымъ и онъ не докончилъ свою драму. Къ такому заключенію приводятъ извѣстные намъ факты. Къ такому-же заключенію, отчасти, приводитъ и разсмотрѣніе записи г. Зуева.

Зачѣмъ понадобилось г. Зуеву записывать прочитанную Пушкинскую драму? Если эта драма была въ 1832 г. окончена и къ печатанію ея не представлялось никакого затрудненія, то записывать ее г. Зуеву не представилось никакой надобности: онъ и безъ того имѣлъ бы ее въ печатномъ оттискѣ. Затѣмъ, въ печати было уже обращено вниманіе на то, что запись г. Зуева касается только послѣдней части драмы, и начинается какъ разъ съ того стиха, которымъ заканчивается автографъ Пушкина. И въ самомъ дѣлѣ, обстоятельство очень странное и можетъ подрывать довѣріе къ подлинности новаго текста: г. Зуевъ словно предвидѣлъ, что подлинный текстъ будетъ утраченъ съ того именно стиха, съ котораго онъ началъ записывать. Съ другой стороны, зачѣмъ г. Зуевъ упрашивалъ Пушкина еще два раза прочитать драму? Для того, чтобы по памяти записать? Но въ этомъ не представлялось никакой надобности, потому что г. Зуевъ могъ просто взять рукопись и тутъ-же списать ее, не боясь какихъ-либо уклоненій отъ текста, если ужъ онъ непремѣнно рѣшилъ имѣть драму въ рукописи. Всѣ эти соображенія, повторяемъ, не внушаютъ довѣрія въ записи г. Зуева, которая представляется и ненужной и лишней. Къ тому-же и г. Бартеневъ въ своихъ разъясненіяхъ выражается слишкомъ не точно: онъ говоритъ только, что г. Зуевъ записалъ послѣднія сцены, но съ какого именно мѣста начи налась эта запись—-мы не знаемъ. Логически допустимо одно лишь предположеніе: или г. Зуевъ записалъ всю драму, боясь почему-то, что она никогда не попадетъ въ печать, или же ничего не записывалъ, такъ какъ это былъ лишній и ненужный трудъ. И не только ненужный, но и почти невозможный трудъ, потому что нужна колоссальная, почти невѣроятная память, чтобы записать, безъ отступленій и погрѣшностей, хотя бы послѣдніе 237 стиховъ.

И самое разсмотрѣніе записи, по крайней мѣрѣ отчасти приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Стихъ въ большинствѣ случаевъ мало поэтиченъ и далеко не всегда выдержанъ тонъ. характеръ Пушкинскаго

стиха. въ особенности въ тотъ періодъ жизни поэта, къ которому относится «Русалка». Часто попадаются стихи неправильные, неуклюжіе, съ заѣзженными общими мѣстами (чего никогда не позволялъ себѣ Пушкинъ). Напримѣръ:

Прочь съ глазъ! Продавецъ дочери проклятой!

или

Пѣснью *страстною* своей.

Въ другомъ мѣстѣ попадается такой стихъ:

Скорѣй! Непраздною... погибла... важность!

Такой стихъ едва-ли можно приписать Пушкину.

Однако, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, будто-бы самый замыселъ окончанія—жалкій, какъ выразилась одна газета. Его можно было бы разработать ярче и глубже, но и въ томъ видѣ, въ какомъ намъ даетъ его г. Зуевъ, окончаніе тоже логически развиваетъ положеніе и коллизію, данныя Пушкинымъ; въ этомъ окончаніи нѣтъ ничего ни произвольнаго, ни случайнаго,—развязка вытекаетъ изъ самаго содержанія. Мы должны, кромѣ того, прибавить, что въ записи г. Зуева есть мѣсто, дѣйствительно достойное Пушкина. Это—сонъ княгини.

Въ общемъ можно сказать, что теперь г. Зуевъ даетъ отдаленный, поблекшій отзвукъ пушкинскаго замысла, но искаженный неумѣлыми стихами и не отражающій характерныхъ особенностей поэзіи Пушкина.

На нынѣшній разъ Пушкину вообще посчастливилось. Кромѣ конца «Русалки», о которомъ, несомнѣнно, будетъ еще много толковъ въ русской печати, пока вопросъ о подлинности новаго текста не выяснится окончательно,—въ «Русской Старинѣ», напримѣръ, появилась небольшая замѣтка г. Авенаріуса о первомъ знакомствѣ Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ, а въ «Русскомъ Обозрѣніи», помимо начала статьи г. Черняева о «Пророкѣ» Пушкина въ связи съ его-же подражаніемъ Корану, напечатано начало большой, повидимому, статьи г-жи Францевой: «А. С. Пушкинъ въ Бессарабіи». О статьяхъ гг. Черняева и Авенаріуса мы говорить не будемъ, но считаемъ нужнымъ остановиться на воспоминаніяхъ г-жи Францевой.

Г-жа Францева—дочь нѣкоего Киріенко-Волошинова, который, по ея словамъ, нѣкоторое время находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, когда поэтъ пріѣхалъ въ Кишеневъ и служилъ въ канцеляріи Инзова. Большинство свѣдѣній о Пушкинѣ, сообщаемыхъ г-жей Францевой, заключается въ тѣхъ разсказахъ, которые она слышала отъ своего отца и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, хорошо знавшихъ Пушкина въ Кишиневѣ; кромѣ того, она многое сама заучила на память изъ тѣхъ подлинныхъ и нигдѣ не напечатанныхъ рукописей поэта, которыя имѣла въ рукахъ. Едва-ли можно особенно довѣрять такого рода «воспоминаніямъ» и разсказамъ, слышаннымъ, можетъ быть, лѣтъ пять десять тому

назадъ. Еще менѣе можно довѣрять тѣмъ отрывкамъ изъ не напечатанныхъ и никому неизвѣстныхъ произведеній Пушкина, которыя уцѣлѣли въ памяти автора. По крайней мѣрѣ то стихотвореніе, которое г-жа Францева помѣстила въ началѣ своихъ воспоминаній, такъ плохо, такъ прозаично и такъ неостроумно, что приписать его Пушкину не представляется никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, г-жа Францева сообщаетъ много фактовъ, вообще интересныхъ и до извѣстной степени освѣщающихъ бессарабскій періодъ жизни Пушкина, довольно плохо еще изслѣдованный.

Всѣмъ извѣстно, что Пушкинъ былъ плохой чиновникъ. Хотя первое время по пріѣздѣ въ Кишеневъ онъ и занимался службой, но это продолжалось недолго. Вскорѣ онъ совсѣмъ охладѣлъ къ своимъ «обязанностямъ» и по нѣскольку дней не бывалъ въ канцеляріи. Въ Кишеневѣ онъ завелъ знакомство сомнительнаго достоинства. Съ искателями и искательницами приключеній Пушкинъ иногда среди дня показывался на бульварѣ, переодѣтый грекомъ, туркомъ или лицомъ какой-нибудь другой національности. Всѣ эти эксцентричности, впрочемъ, извѣстны изъ другихъ источниковъ. Но г-жа Францева прибавляетъ и нѣчто новое. Онъ сблизился съ Киріенко-Волошиновымъ и сталъ проводить у него не только дни, но и ночи. «Онъ всю ночь напролетъ проводилъ въ изліяніяхъ всякаго рода и задушевныхъ бесѣдахъ съ товарищемъ, сопровождаемыхъ однимъ только чаемъ, безъ всякаго иного къ нему прибавленія. Разговаривая и споря съ пріятелемъ, Пушкинъ всегда держалъ въ рукахъ перо или карандашъ, которымъ въ то-же время набрасывалъ на бумагу каррикатуры всякаго рода съ соотвѣтственными имъ надписями внизу, или хорошенькія головки женщинъ и дѣтей, большею частію другъ на друга похожія. Но довольно таки часто случалось такъ, что онъ вдругъ въ серединѣ бесѣды внезапно смолкалъ, оборвавъ на полусловѣ свою горячую рѣчь, и, какъ-то странно повернувъ къ плечу голову, какъ бы внимательно прислушивался къ чему-то внутри себя, долго, долго сидѣлъ въ такомъ состояніи неподвижно. Затѣмъ, съ такимъ-же выраженіемъ напряженнаго къ чему-то вниманія, онъ снова принималъ прежнюю позу у письменнаго стола и начиналъ быстро и непрерывно водитъ по бумагѣ перомъ, уже очевидно не слыша и не видя ничего ни внутри себя, ни вокругъ. Въ такихъ случаяхъ хозяинъ квартиры со спокойною совѣстью уходилъ въ сосѣднюю комнату спать, ибо навѣрное зналъ, что гость уже ни единаго слова не скажетъ до свѣта и будетъ безъ перерыва писать, до тѣхъ поръ, пока перо само не выпадетъ изъ рукъ у него, а голова не упадетъ въ глубокомъ снѣ тутъ-же на столъ». Все такимъ образомъ написанное или уничтожалось на другой день самимъ Пушкинымъ или оставалось брошеннымъ въ квартирѣ Киріенко-Волошинова. Такихъ рукописей въ концѣ концовъ накопилось много; когда отецъ г-жи Францевой умеръ, всѣ эти бумаги перешли къ ея брату, то-же вскорѣ умершему. Въ Кишеневѣ тогда г-жи Францевой не было.

а потому она и не знаетъ, что сдѣлалось съ ними. Но она, конечно, читала эти рукописи и многое изъ нихъ, какъ увѣряетъ, запомнила.

Затѣмъ г-жа Францева переходитъ къ главному содержанію своихъ воспоминаній,—къ тому, какъ Пушкинъ былъ свидѣтелемъ убійства молодой дѣвушки въ цыганскомъ таборѣ,—случай, который легъ въ основаніе его поэмы «Цыганы». Г-жа Францева сообщаетъ, что Пушкинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ собственными глазами слѣдовъ преступленія, тогда-же написалъ въ Кишеневѣ поэму, содержаніемъ которой послужило происшествіе, надѣлавшее много шуму въ Бессарабіи. Однако, впослѣдствіи онъ до такой степени измѣнилъ эту поэму, что въ ней почти ничего не осталось похожаго на первую ея редакцію, а, слѣдовательно. и на преступленіе, которое имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Эта первая редакція «Цыганъ», рукопись которой находилась у отца г-жи Францевой, погибла вмѣстѣ съ другими бумагами, и о ней до сихъ поръ никто ничего не зналъ.

По разсказу г-жи Францевой дѣло происходило очень просто. Пушкинъ съ Киріенко-Волошиновымъ какъ-то отправились гулять по окрестностямъ Кишенева и случайно попали въ цыганскій таборъ, среди галдѣвшей толпы, давившей другъ друга, желая пробраться куда-то впередъ, откуда неслись еще болѣе ужасные вопли и стоны. Вскорѣ они замѣтили какого-то цыгана, сидѣвшаго на камнѣ, что-то страшно выкрикивавшаго по-цыгански, точно грозя кому-то. Неподалеку отъ старика лежало тѣло убитой цыганки поразительной красоты; въ одной рукѣ она сжимала большой охотничій ножъ,—обычная принадлежность костюма молодыхъ людей цыганскаго племени. По всей вѣроятности, жертва убійцы уже въ самую послѣднюю минуту ожесточенной съ нимъ борьбы вырвала изъ рукъ его этотъ ножъ, закоченѣвшій въ рукѣ ея. Нѣсколько дальше, внизу, подъ самымъ холмомъ, скорѣе валялось, чѣмъ лежало, тѣло какого-то высокаго роста мужчины. Такова обстановка, по разсказу г-жи Францевой, драмы, которой свидѣтелемъ оказался Пушкинъ. Затѣмъ въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Францева помѣстила очень длинную сцену последующихъ событій въ цыганскомъ лагерѣ. Вся эта сцена, разсказанная очень подробно и даже слишкомъ подробно, пересыпанная разговорами дѣйствующихъ лицъ, разговорами, въ которыхъ участвовалъ и самъ Пушкинъ,—не имѣетъ никакого документальнаго интереса, и скорѣе похожа на отрывокъ изъ плохого романа, чѣмъ на дѣйствительность. Странно, что г-жа Францева, которой тогда, можетъ быть, и на свѣтѣ не было, и которая, во всякомъ случаѣ, не присутствовала при этой сценѣ, извѣстной ей лишь по разсказамъ ея отца,—странно, говоримъ мы, что г-жа Францева передаетъ ее такъ, какъ если-бы она и въ самомъ дѣлѣ была свидѣтельницей этой сцены, описывая наружность дѣйствующихъ лицъ, жесты, образуемыя послѣдовательно группы, выраженія лицъ, и дословно приводитъ цѣлые діалоги, изъ того, что говорилось или выкрикивалось. Совершенно очевидно, что если въ основѣ своей этотъ разсказъ

и отвѣчаетъ какой-либо дѣйствительности, то въ передачѣ г-жи Францевой онъ является скорѣе плодомъ чистѣйшей фантазіи, чѣмъ воспоминаніемъ того, что она когда-то могла слышать. Все это тѣмъ болѣе жаль, что подобный пріемъ подрываетъ довѣріе къ воспоминаніямъ, которыя при другихъ условіяхъ могли имѣть нѣкоторое историческое значеніе. Къ сожалѣнію, большинство «воспоминаній» пишутся у насъ именно въ такомъ беллетристическомъ тонѣ; авторы ихъ, повидимому, до такой степени увлекаются своей «творческой фантазіей», что забываютъ свою роль историковъ и становятся беллетристами... довольно плохого, во всякомъ случаѣ, качества.

На Западѣ.

I. Политическая лѣтопись.

I.

Политическая тревога.

Увы, *политическая* лѣтопись, которая уже съ четверть года занимаетъ во всемъ мірѣ особенное вниманіе мыслящихъ людей, значительно выдвигается на первый планъ. Говоримъ такъ съ сокрушеніемъ сердца, потому что большинство все еще держится стараго взгляда на политику, какъ на «искусство» или «клубокъ нитей», т.-е. какъ на сокровищницу козней коварныхъ дипломатовъ, какъ на поприще «борьбы націй», одержимыхъ «километритомъ» и кровожадными вожделѣніями.

Правда, геній этого искусства начала вѣка, Бисмаркъ, сталъ уже «отставнымъ» и самъ снимаетъ себя со счетовъ исторіи, сказавши на-дняхъ: «Я потерялъ всякую любовь къ жизни: она не имѣетъ теперь никакой опредѣленной цѣли. Службы у меня нѣтъ, а быть зрителемъ—вовсе не радость. Я чувствую себя одинокимъ. Мало-по-малу и политика перестала меня занимать. Словомъ, у меня нѣтъ охоты жить—и въ этомъ вся моя болѣзнь». Стадо большинства думаетъ: «да, а дай-ка ему *службу*, позволь ему учинить новые Седаны и Садовыя—и нашъ 82-хъ-лѣтній старецъ станетъ 22-хъ-лѣтнимъ юношей!» И оно ликуетъ, указывая на текущія событія, какъ-бы намекающія на то, что «искусство» къ лицу и «концу вѣка»...

Такъ-ли это—увидимъ въ концѣ настоящей лѣтописи, гдѣ подведутся нѣкоторые итоги нынѣшней политической сутолоки. Но пока не можемъ не повторить искренняго сожалѣнія о томъ, что газеты всего міра превратились, за февраль, въ печальный и надоѣдливый перечень подвиговъ дипломатической канители, а отчасти даже военной доблести. Мысль Европы опять сосредоточилась на извѣстіяхъ о «визитахъ» консуловъ и пословъ другъ другу, объ ихъ многозначительныхъ «совѣщаніяхъ» да объ

отправкѣ крейсеровъ и миноносокъ то туда, то сюда. И въ парламентахъ то и дѣло слышатся «запросы» о восточномъ вопросѣ и смущенныя рѣчи министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Если эти «собесѣдованія» иногда разнообразятся по формѣ, то «народамъ» подается, увы! то-же блюдо подъ другимъ соусомъ. Примѣръ— такіе полюсы могущества и ничтожества (нынѣ великіе друзья между собой), какъ Англія и Италія. Образецъ заботъ о *внутренней* политикѣ—британская палата общинъ—только и сдѣлала, за февраль, что приняла проектъ правительства о такомъ увеличеніе арміи (около 160,000 солдатъ), что, если не считать крымской войны,—столько воинства не было за весь періодъ съ 1815 г. въ этой мирной странѣ, любящей проливать кровь не свою, а наемническую. И какъ блистательно прошелъ проектъ! Поправка извѣстнаго enfant terrible палаты, «полоумнаго» Лабушера, объ «уменьшеніи» арміи, была отвергнута большинствомъ 134 голосовъ противъ 20. Италія «мобилизуетъ», т.-е. гоняетъ свои войска съ мѣста на мѣсто, снаряжаетъ небывалый флотъ,—все это, чтобы играть чуть-ли не первую скрипку въ европейскомъ «концертѣ», по «ливанскимъ» дѣламъ. Какая-же это Италія? А вотъ какая. 1-го февраля открылась новая судебная сессія тамъ, гдѣ «лимоны зрѣютъ» и вѣчно солнце блещетъ,— и президенты всѣхъ судовъ преподнесли націи пріятную статистику: преступность, съ каждымъ годомъ, возростаетъ въ странѣ «въ ужасающей прогрессіи», и особенно среди молодыхъ людей, почти дѣтей. А доброе, мирное и либеральное министерство маркиза де-Рудини трепещетъ предъ предстоящими выборами въ парламентъ, въ виду титанической дѣятельности синьора Криспи, этого «уличнаго фонаря», мѣстнаго отставного генія и главнаго виновника «ужасающей» цифры.

Французская палата не отставала отъ своихъ сосѣдей въ заботахъ объ арміи и флотѣ. Правда, потрачено много энергіи и на внутреннюю политику, но эта политика была-бы просто смѣшна, если-бы... если-бы бурбонскій дворецъ не обратился вновь въ мѣняльную лавочку депутатской совѣсти, напоминая сладостные дни Артона и комп. или Панамы, по сознанію самихъ парижскихъ газетъ. Тамъ разсуждали о сахарѣ, о «преміяхъ» сахарнымъ «синдикатамъ»,—и «отечественное» производство было, конечно, спасено въ странѣ, гдѣ министерствуетъ г. Мелинъ, мѣстный Мак-Кинлей. А о «реформѣ» налоговъ въ пользу бѣдноты некогда было поразмыслить: она только выложена правительствомъ, въ видѣ проекта, на столъ палаты, гдѣ легко можетъ очутиться подъ сукномъ.

Итакъ, читатель, мы должны смириться и пѣть общую пѣсню, не отказываясь только отъ попытокъ уловить въ ней скромные новые лады. Съ этою послѣднею цѣлью, постараемся разобраться въ ворохѣ телеграфнаго и корреспондентскаго матеріала по восточному вопросу, сберегая тѣ мелочи, которыми нерѣдко лучше всего обрисовываются свойства и смыслъ переживаемой минуты.

II.

Націонализмъ и филэллинизмъ.

Передъ нами та-же сцена—плѣнительные берега восточнаго басейна Средиземнаго моря, этотъ земной рай Эллады, Архипелага и Босфора, съ Золотымъ Рогомъ и Принцевыми островами. Но актеры—другіе. Жалкихъ «паріевъ исторіи», армянъ, смѣнили потомки Перикла и Аристотеля. Нужды нѣтъ, что эти потомки больше напоминаютъ намъ хлѣбныхъ магазинеровъ да разносчиковъ съ губками и мышеловками: если греки—не классическіе эллины, то все-же они говорятъ языкомъ Платона и Демосѳена и стараются воскресить его чистоту въ своемъ «ромайкосѣ». Они стремятся къ привитію у себя той европейской культуры, начатки которой были даны ихъ предками; и изъ нѣдръ ихъ многострадальной земли выходятъ все новые останки великой древности, чарующіе взоры нашихъ эстетиковъ. А главное, это—живой народъ, жаждущій будущаго: это—«маленькій забіяка», какъ выразился Либеръ въ рейхстагѣ. На ряду съ славянами, ему приходится послѣднему въ Европѣ выносить, на своихъ еще слабыхъ плечахъ, бремя *націонализма*.

Всѣ европейскіе народы пережили, въ свое время, эпоху обостреннаго націонализма. Уже переходя въ новую стадію историческаго развитія, Европа все еще понимаетъ Грецію.

Повсюду на западѣ закипаетъ родникъ сочувствія грекамъ, напомнившимъ байроническую эпоху новымъ подъемомъ героическаго націонализма. Даже тамъ, гдѣ правительства только и думаютъ, что о прославленіи молчалинскихъ качествъ, собираются пожертвованія, говорятся на сходкахъ горячія рѣчи, дѣлаются въ парламентахъ рѣзкіе запросы отъ избытка чувствъ; и газеты всего міра переполняются теплыми пожеланіями злополучнымъ смѣльчакамъ. И замѣчательно: это новое теченіе въ цивилизованномъ человѣчествѣ все расширяется. Сначала люди словно не знали, что́ думать; потомъ задушевное чувство прорвало плотину, и ледъ растаялъ вдругъ. Въ Англіи ревностно работаетъ въ пользу грековъ рядъ комитетовъ съ Байроновскимъ обществомъ во главѣ. Даже консервативная печать Англіи вторитъ органу гладстонцевъ, «Daily News», который заявилъ недавно, что «вся Европа была-бы возмущена», еслибы Сольсбери рѣшилъ возвратить Критъ Турціи. Та-же нотка зазвучала подконецъ и во французской печати, которая сначала поддерживала молчалинскіе совѣты своего министра иностранныхъ дѣлъ, Ганото. Въ особенности горячими филэллинами оказались итальянцы, на плечахъ которыхъ, вѣроятно, еще не подсохли слѣды чужеземныхъ цѣпей. У нихъ это чувство стало народнымъ: по улицамъ Рима, Милана, Генуи, Неаполя, даже мелкихъ городовъ ходятъ толпы съ криками: — «Да здравствуетъ Греція! Свобода Криту!» Передовые депутаты, Имбріани, Бовіо и др., записываются въ члены филэллинскихъ комитетовъ и умоляютъ Рудини не

препятствовать «благородному движенію». Римскіе студенты послали пылкое привѣтствіе своимъ товарищамъ въ аѳинскомъ университетѣ, который отвѣчалъ имъ такою-же благодарностью, въ лицѣ своего ректора. Наконецъ, самъ папа, дышащій на ладанъ старецъ, голосъ котораго еще не лишенъ значенія для правовѣрныхъ Запада, поблагодарилъ Францію за покровительство критскимъ христіанамъ.

III.

Панэллинизмъ и «мирная блокада».

Чтобы убѣдиться въ правахъ Греціи на сочувствіе цивилизованнаго міра, а также чтобы понять главныя событія за февраль, да будетъ позволено намъ сдѣлать двѣ-три историческихъ справки.

Исторія громко свидѣтельствуетъ о живучести національнаго сознанія у грековъ. Со временъ оттоманскаго завоеванія, ихъ усилія были постоянно направлены къ освобожденію отъ азіятскаго ига и къ собиранію своей земли. Оттого-то съ начала 19-го в., когда національный вопросъ, отчасти подъ вліяніемъ великой революціи и Наполеона I, сталъ душой политики, «панэллинизмъ» безпрестано тревожилъ дипломатовъ: онъ озабочивалъ ихъ раньше, чѣмъ такія крупныя явленія, какъ «панславизмъ» и даже «пангерманизмъ». 20-е и 30-е годы наполнены его вспышками, которые всегда приводили всю Европу въ содроганіе, такъ какъ онѣ непосредственно связывались съ грознымъ восточнымъ вопросомъ. Извѣстное и на Руси сочиненіе историка Финлея лучше всего отразило въ себѣ міровое значеніе панэллинизма и филэллинизма.

Не проходило года, чтобы не загоралась тревога на материкѣ или на островахъ, населенныхъ греками. Райское затишье царствовало только въ одномъ укромномъ уголкѣ,—примѣръ крайне поучительный: небольшой о. Самосъ наслаждался спокойной, трудовой жизнью. Тамъ, съ 1832 г., установилось, благодаря державамъ, человѣческое управленіе: губернаторъ острова несмѣняемый «князь», христіанинъ-грекъ; онъ управляетъ по мѣстной конституціи, платя только Портѣ дань въ 300,000 фунтовъ; на островѣ все «свое», даже свой національный флагъ. Зато другой греческій островъ, и самый большой, Критъ, служитъ самымъ живымъ и самымъ больнымъ мѣстомъ эллинской націи. Тамъ уже 200 л. идетъ почти безпрерывная борьба грековъ съ небольшимъ числомъ турокъ [1]), поддерживаемыхъ всею силой Порты: за это время населеніе уменьшилось почти втрое! А на нашихъ глазахъ на Критѣ уже восьмое движеніе «инсургентовъ».

[1]) На Критѣ всего 300,000 обитателей. Изъ нихъ турки живутъ только въ Канеѣ да въ 2—3 городахъ. Если мусульманъ насчитывается 100,000, то это—правовѣрные по принужденію, какъ на Кипрѣ, гдѣ они массами возвращались въ христіанство, когда англичане заняли островъ.

Этотъ-то многострадательный Критъ «дѣлалъ исторію» въ теченіе истекшаго февраля.

IV.

«Маленькій забіяка» и «оккупація» Крита.

2-го февраля консулы удостовѣрили Европу, что на Критѣ возобновились кровопролитія: они призвали «стаціонеровъ» (военныя суда на стоянкѣ) къ себѣ на помощь. И они дознались, что зачинщики—мусульмане, *недовольные реформами*,—обстоятельство важное для дальнѣйшихъ соображеній европейской дипломатіи. 5-го февраля, столица острова (въ с.-зап. его углу), Канея, превратилась въ цѣлое поле битвы. Власти роздали оружіе мусульманамъ изъ арсенала—и тѣ начали избивать христіанъ сотнями и выжигать цѣлые кварталы. Команды европейскихъ судовъ сошли на берегъ, чтобы охранять бѣгущихъ: французскіе матросы имѣли даже столкновеніе съ турецкими войсками. Другія суда увозили несчастныхъ: въ Канеѣ остались одни мусульмане. Затѣмъ изнутри острова пошли тѣ же извѣстія; только мѣстами зачинщиками являлись уже озлобленные христіане, которые каннибальствовали даже надъ женщинами и дѣтьми не хуже курдовъ и баши-бузуковъ. Число бѣглецовъ съ Крита росло съ каждымъ днемъ: транспортныя суда Европы не успѣвали перевозить ихъ на другіе греческіе острова: на одномъ маленькомъ Милосѣ скопилось до 7.000 женщинъ, дѣтей и немощныхъ, въ самомъ нищенскомъ состояніи.

Изъ Канеи все бѣжало: генералъ-губернаторъ. Беровичъ, ушелъ на русское военное судно, вмѣстѣ съ своею молодой женой и съ своими тѣлохранителями, 30-ю черногорцами, завербованными въ новую жандармерію.

По всей Элладѣ проявляются манифестаціи въ пользу критянъ. Аѳинское правительство забрасываютъ адресами и рѣшеніями народныхъ сходокъ, требующихъ «активной политики въ національномъ духѣ». Національная лига въ Аѳинахъ печатаетъ во всѣхъ греческихъ газетахъ воззваніе къ критянамъ о немедленномъ присоединеніи острова. Въ Аѳинахъ бурное засѣданіе совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ самого короля, который предлагаетъ отправить эскадру на Критъ. Деліаннсъ рѣзко возражаетъ Георгу и грозитъ отставкой: но тотъ беретъ на себя отвѣтственность—и министръ проситъ хоть не высаживать войскъ на островъ. Волненіе въ странѣ ростетъ съ каждымъ часомъ. Отовсюду стекается масса добровольцевъ, даже старики и отставные берутся за оружіе; врачи и студенты предлагаютъ свои услуги правительству. Народъ устраиваетъ оваціи королю, и его восторженные клики сливаются съ воплями королевы, при проводахъ ея второго сына, королевича Георгія, назначеннаго командиромъ критской эскадры. Самъ Деліаннсъ преображается. Онъ дѣлаетъ горячее патріотическое заявленіе въ парламентѣ,

настроенномъ на высокій ладъ, и говоритъ газетчикамъ: «пора прекратиться комедіи, длившейся цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ съ такъ-называемыми совѣщаніями пословъ». Онъ даже оставляетъ посланниковъ безъ инструкцій, задерживая на сутки ихъ телеграфныя сношенія съ своими правительствами. A la guerre comme à la guerre!

И пять полковъ потянулись къ турецкой границѣ: а изъ Аѳинъ вылетѣла молодцоватая эскадра подъ командой королевича и адмирала Вассоса, храбраго сына генерала, отличавшагося во время войны за независимость Греціи. 10-го февраля, въ тотъ самый день, когда «инсургенты» развернули греческій флагъ, она стала противъ Канеи, рядышкомъ съ британскимъ броненосцемъ, адмиралъ котораго тотчасъ сдѣлалъ визитъ Вассосу. Эскадра не отдала чести турецкому флагу на стоявшемъ тутъ крейсерѣ Порты. Затѣмъ она начала стрѣлять въ турецкое вѣстовое судно и выгрузила оружіе и боевые припасы въ окрестностяхъ Канеи. 16-го числа Вассосъ высадился въ разстояніи часа отъ Канеи, у Платаніи разбилъ лагерь и обратился съ воззваніемъ ко всему населенію, «безъ различія религіи и національности», извѣщая его о «военной оккупаціи» острова и приглашая сдать столицу. Электрическая искра пробѣжала по Элладѣ. Огромная толпа собралась у дворца короля, все царствованіе котораго прошло въ борьбѣ изъ-за злополучнаго острова. Съ криками «да здравствуетъ Критъ!» она двинулась и къ Деліанису, который воскликнулъ съ балкона: «будемъ надѣяться!» Тоже повторилось во всѣхъ провинціальныхъ городахъ. И всѣ возликовали отъ приказа Георга созвать резервы—сначала 70—хъ, потомъ 90—хъ годовъ.

Тѣмъ временемъ греческіе крейсеры забирали турецкія суда, а ихъ команды показались въ разныхъ частяхъ острова и даже за его предѣлами, напримѣръ, на о. Хіосѣ. Мѣстами онѣ схватывались съ турецкими гарнизонами. И вездѣ страдающею стороной оказывались уже малочисленные мусульмане, покинутые Портой на произволъ судьбы... ихъ семьи избивались христіанами; при взятіи форта Вуколича, взорваннаго динамитомъ, были вырѣзаны цѣликомъ двѣ турецкія роты.

Такъ Вассосъ безпрепятственно производилъ «оккупацію» острова. Наконецъ, онъ сталъ обстрѣливать крѣпость Канеи, и съ ея гарнизономъ уже разразился упорный бой, какъ вдругъ произошло ошеломившее весь міръ событіе, имѣющее значеніе поворотнаго пункта въ описываемой исторіи. Для объясненія его нужно обратиться къ поведенію державъ за февраль.

V.

Торгашъ въ Египтѣ и двойственница.

Державы убѣдились окончательно въ неспособности турокъ къ реформамъ: реформы для армянъ, представленныя султану еще осенью 1895, и новѣйшая реформа для Крита не привели ровно ни къ чему; а

французская желтая книга доказываетъ сейчасъ то-же самое депешами Камбона, французскаго посла въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, даже Сольсбери, изрекшій въ январѣ смертный приговоръ Портѣ, присоединился къ девизу всемогущей двойственницы—*неприкосновенность Турціи*, но... *реформы*, хотя—и съ *принудительными мѣрами*.

Такой поворотъ въ поведеніи Англіи особенно важенъ. Такъ какъ Германія и Австрія, до настоящихъ дней, выказывали нерѣшительность и просто-таки молчали, то эта могучая держава, ведущая къ тому же за собой на буксирѣ Италію, могла одна только составлять противовѣсъ двойственницѣ. Какъ извѣстно, она сначала рвалась растерзать Турцію: такъ ставилъ вопросъ Сольсбери, который самъ бывалъ въ Стамбулѣ и уже въ 1858 признавалъ въ ней «больного» человѣка заодно съ Гладстономъ, противъ Пальмерстона. Говорили даже, что Англія мечтаетъ отнять у султана халифатъ, чтобы подорвать его вліяніе на 50 милл. своихъ магометанъ въ Индіи. Но главная страсть, которая губитъ, позоритъ Джона Буля, это—Египетъ. И она, быть можетъ, никогда не проявлялась такъ грубо, пошло и дерзко, какъ въ рѣчи канцлера казначейства, Гикса Бича. Вѣдь, если уже нѣтъ совѣсти, нѣтъ желанія исполнить неоднократное обѣщаніе очистить Египетъ, какъ незаконное пріобрѣтеніе, то просто для всякаго практическаго ума ясно, что совсѣмъ задушить несчастныхъ феллаховъ—теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо, въ виду усиленія Франціи, заслуги которой передъ Египтомъ признаютъ сами англичане. Кажется ясно, что Египетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Франція же подарила ему Суэзскій каналъ, объявленный, въ 1888 г., вѣчно-нейтральнымъ, долженъ быть, въ международномъ смыслѣ, Бельгіей или Швейцаріей: недаромъ же тамъ учреждены и международный судъ и такая-же долговая касса. А англійскій торгашъ завладѣлъ этимъ ключемъ къ злату, забывая, что у несчастнаго феллаха есть свой національный хедивъ да еще сюзеренъ—султанъ, важный для него, какъ халифъ. Торгашъ преспокойно уже 15 л. владѣетъ Египтомъ, да такъ безцеремонно, что недавно позаимствовалъ изъ «международной» кассы [1]) крупный кушъ для донгольской экспедиціи, цѣль которой—именно закрѣпленіе его владычества на Нилѣ.

Когда Европа потребовала возвращенія позаимствованнаго, торгашъ отвѣчалъ новою дерзостью: онъ предложилъ самъ заплатить за Египетъ, т. е. сдѣлать имъ же разоряемаго феллаха своимъ вѣчнымъ должникомъ, рабомъ. Да еще заявилъ, что за донгольскою экспедиціей послѣдуетъ хартумская! Двойственница протестовала—и вотъ, 5-го февраля, лондонская палата общинъ была осквернена рѣчью во вкусѣ Китъ Китыча. Предлагая депутатамъ разрѣшить заемъ Египту на донгольскую экспедицію, Гиксъ Бичъ не только не краснѣлъ, но доказалъ,

[1]) Чтобы обнаружить всю безцеремонность Англіи, приводимъ 39-ю статью закона 1885 г. объ египетскихъ долгахъ: «никакой новый заемъ не можетъ быть заключенъ египетскимъ правительствомъ безъ предварительнаго мнѣнія долговой кассы».

что Джонъ Буль удивитъ міръ своею торгашеской беззастѣнчивостью. Онъ обрушился на Францію за то, что она «не даетъ ему полной свободы дѣйствій въ Египтѣ». Онъ объявилъ, что ему плевать на «сопротивленіе державъ»: мы-де «полагаемъ, что наша политика правильная, и мы будемъ слѣдовать ей и впредь»; и мы дадимъ Египту сумму, которая «скорѣе продлитъ оккупацію, чѣмъ сократитъ ее». Ораторъ даже намекнулъ, что разсчитается съ державами въ будущемъ году, когда истекаетъ срокъ нынѣшнимъ членамъ международнаго суда въ Египтѣ! Гиксъ Бичъ зналъ, что говорилъ, указывая на «огромное большинство» въ Англіи: на другой день великій «Times» отчеканилъ, что «англичане настойчивы: если они рѣшили покончить съ Египтомъ, то ничто не заставитъ ихъ отказаться отъ этого». И сама «Daily News» одобрила Гикса Бича, упрекнувъ его лишь въ неловкости нѣкоторыхъ выраженій. Въ то-же время англійская печать вопила противъ Франціи за то, что та не даетъ британскимъ судамъ изъ Индіи распространить чуму, хотя французы подвергали ихъ осмотру наравнѣ съ кораблями другихъ націй, а палата общинъ приняла предложеніе своего канцлера большинствомъ 169 голосовъ противъ 57. И только безшабашный Лабушеръ уязвилъ правительство за «полную свободу дѣйствій», да «адъютантъ» Гладстона, Гаркуръ, замѣтилъ, что подобная «вызывательная» политика «можетъ стоить многихъ милліоновъ». Одинъ честный Морлей снова горячо напомнилъ о чистыхъ рукахъ: «подобныя рѣчи, воскликнулъ онъ, лишь оправдываютъ подозрѣніе Франціи и Россіи относительно искренности нашихъ обѣщаній очистить Египетъ». А донгольскую экспедицію онъ назвалъ «безумнымъ» предпріятіемъ, въ которое «правительство втягигаетъ страну».

Морлей оказался правъ. Наглый вызовъ англійскаго Кита Китыча, Гикса Бича, оскорбилъ двойственницу. Французы вознегодовали со всѣмъ пыломъ своей неугомонной натуры. Ихъ газеты закричали, что такое «попраніе международнаго права возмутитъ нравственное чувство всего міра». 7-го февраля бурбонскій дворецъ былъ переполненъ публикой, которая метала злобные взгляды на англійскаго посла, отважно явившагося на засѣданіе. Вожди оппозиціи сдѣлали запросъ правительству по поводу «оскорбительной» для Франціи рѣчи британскаго канцлера. Ганото успокоилъ палату. Онъ сказалъ о пресловутой рѣчи, что это были лишь «слова... слова». Франція «не допуститъ посягательствъ на свои права и на международные акты». Она, именемъ «кредиторовъ Египта», предупреждаетъ египетское правительство, что оно «вступаетъ на путь приключеній и, быть можетъ, дефицита». Этотъ ударъ по карману торгаша Джона Буля, сдѣланный съ французскою галантностью, покончилъ печальный эпизодъ въ текущей исторіи восточнаго вопроса: «инцидентъ исчерпанъ», заявила парижская печать.

VI.

«Ново-греческая Византія» и «Наваринъ на изнанку».

Этотъ эпизодъ—ключъ къ разгадкѣ смысла переживаемой минуты въ политикѣ. Чтобы соблюсти миръ посредствомъ «европейскаго концерта», Англія круто повернула свой дипломатическій руль, тотчасъ послѣ эпизода съ Гиксомъ Бичемъ.

По поводу армянъ. Сольсбери съострилъ, что, какъ ни могучъ британскій флотъ, онъ не можетъ плавать по Арарату. Но теперь не до армянина, котораго словно и на свѣтѣ не было: выступилъ грекъ. Раздраженные Англіей и опасаясь за нарушеніе мира, державы доказывали теперь, что оружіе для критскихъ и македонскихъ инсургентовъ куплено въ Англіи и доставлено ея пароходами. Особенно нѣмецкія газеты стали съ пѣной у рта приписывать Англіи «инкубаціонный процессъ (зарожденіе) ново-греческой византійской имперіи», какъ выразился «National Zeitung»: онѣ даже говорили о тайномъ договорѣ между Англіей и Греціей. А «Nord» заявилъ, 7-го февраля, что двойственница, ради «сохраненія мира», рѣшила отклонить великую мысль о раздѣлѣ Турціи, «на чемъ до сихъ поръ продолжаетъ настаивать Англія». Въ то же время султанъ обмѣнялся съ Сольсбери язвительными депешами по поводу лондонскаго митинга негодованія, а его посолъ въ Лондонѣ заперся дома, отказываясь отъ всякихъ офиціальныхъ приглашеній. Наконецъ, сама греческая печать начала винить Россію во всѣхъ неудачахъ своего отечества, восхваляя Англію и забывая, что Джонъ Буль, который не такъ давно владѣлъ Іоническими о-ми, и теперь держитъ Кипръ въ своемъ кулакѣ.

Тѣмъ болѣе цѣнно, въ смыслѣ миролюбія, самовоздержаніе такого «настойчиваго» и беззастѣнчиваго господина, какъ Джонъ Буль. 15-го февраля, Сольсбери заявилъ въ палатѣ лордовъ, а Бальфуръ—у общинъ, что поведеніе Греціи «крайне необдуманно» и что Англія «идетъ заодно съ другими державами, держится единственнаго возможнаго пути—мирнаго рѣшенія критскаго вопроса. И «Daily News» согласилась съ этимъ, и «Times» назвалъ «упрямство» Греціи «безуміемъ», а филэллинизмъ «истерикой». Тогда-же Сольбери предупредилъ Римъ, который вполнѣ согласился съ нимъ, а въ Аѳинахъ онъ возвѣстилъ, что «никто» не станетъ помогать Греціи. И командиръ британской эскадры у Крита объявилъ королевичу Георгію, что употребитъ противъ него силу, если тотъ не уберется во свояси: королевичъ немедленно очутился на Милосѣ.

Остальныя державы уже 10-го объявили Греціи нотой, что онѣ «больше всего дорожатъ сохраненіемъ мира, отвергаютъ всякіе перевороты и стараются путемъ реформъ устранить замѣшательства на Востокѣ»: по-этому онѣ «настаиваютъ на своемъ неодобреніи политики Греціи, которая вызываетъ ихъ недоумѣніе и можетъ подвергнуть страну серьезнымъ послѣдствіямъ». А европейскія эскадры получили пред-

писаніе «отвести греческія суда обратно». Въ печати затрубили о томъ, что двойственницу «безусловно поддерживаютъ» и Германія съ Австріей, которыя до сихъ поръ все молчали да смущали міръ чутъ не ежедневными таинственными бесѣдами своихъ императоровъ съ послами Россіи, Франціи и Англіи. Германія даже заявила державамъ, «что считаетъ ниже своего достоинства вступать съ Греціей въ переговоры, пока ея суда и войска не уйдутъ изъ Крита». Даже Румынія, Болгарія и Сербія возвѣстили, что онѣ примыкаютъ къ концерту. Словно гора свалилась съ плечъ. Газеты всѣхъ странъ почти поголовно обрушились на греческаго забіяку. Биржи Берлина, Вѣны и Парижа, метавшіеся, какъ угорѣлыя, отъ слуховъ о мобилизаціи въ Россіи, Австріи и Франціи, вдругъ успокоились, получивъ оффиціальное увѣдомленіе о «солидарности державъ».

Но Греція продолжала свое дѣло на Критѣ и усиливала войска въ Ѳессаліи; а на грозную ноту державъ Деліанисъ отвѣчалъ. что его страна не можетъ и не станетъ дѣйствовать иначе. Король прибавилъ, что скорѣе объявитъ войну Турціи, чѣмъ исполнитъ требованія державъ; а національная лига погрозила,—если не дадутъ Крита, заварить «опасную для европейскаго мира кашу въ провинціяхъ, еще находящихся во власти турокъ». Тогда державы покинули, наконецъ, роль Гамлета. 15-го февраля Канея была занята русскими, французскими, англійскими и итальянскими моряками, по сотнѣ каждыхъ, съ 50-ю австрійцами; на ея укрѣпленіяхъ взвились флаги державъ, знаменуя единодушіе державъ. Германія опоздала; зато, когда прибыла ея эскадра, она поступила подъ команду французскаго адмирала. Адмиралы поспѣшили увѣдомить своего сосѣда, Вассоса, что заняли столицу. Тотъ отвѣчалъ: «а я обязанъ исполнить приказаніе занять страну». За это державы изловили три греческихъ судна. Затѣмъ онѣ высадили обратно, для русскаго консула, 80 черногорцевъ и поставили, день за днемъ, трехъ генералъ-губернаторовъ: сначала отказался Измаилъ-паша, потомъ Каратеодоръ-паша; хилый старецъ Фотіадесъ-бей (чиномъ ниже) еще не отказался. Наконецъ, европейцы высадились и въ другихъ пунктахъ.

Но мы видѣли. что греческій Васька преспокойно продолжалъ свое дѣло. Тогда Германія предложила, мирную блокаду Греціи. Австрія согласилась, Россія и Франція также изъявили готовность. Но Англія и Италія уперлись. отчасти подъ вліяніемъ филэллинизма, который сталъ овладѣвать тогда ихъ народами, проникая даже во французскую и германскую печать. Европа опять задрожала: «согласіе державъ въ опасности!»—такъ гласитъ «Berliner Tageblatt».

21-го февраля, Вассосъ двинулся на Канею. Произошелъ короткій бой—и турки стали отступать. Тогда первые корабли, съ того фланга, съ котораго наступали греки, германскій русскій, итальянскій и три англійскихъ, начали вторить турецкимъ батареямъ...

Самой Европѣ стало «не по себѣ». Въ парламентахъ поднялись негодующіе запросы правительствамъ. 22-го бурбонскій дворецъ былъ пе-

реполненъ возбужденной публикой, которая тѣснилась вокругъ него шумнымъ роемъ. Оппозиція горячо напала на министерство, требуя даже принудительныхъ мѣръ противъ Турціи. Ганото долго говорилъ, «съ полной откровенностью», о «мирѣ и прогрессѣ», о «концертѣ» державъ, о «либеральной формулѣ реформъ» для Востока, которую Европа, тѣмъ или другимъ способомъ. но «принудитъ» султана принять. Онъ горячо защищалъ дипломатію, которая, по его мнѣнію, даже «внесла европейскій духъ въ мятежный міръ мусульманскаго Востока и приготовила его къ реформамъ» (sic). Министръ призналъ даже, что къ грекамъ «всѣ въ Европѣ питаютъ лишь однѣ симпатіи», но онъ доказывалъ, что необходимо сдержать ихъ «честолюбивыя вожделѣнія» ради устраненія «всеобщей войны», ради сохраненія «земельной неприкосновенности Турецкой имперіи». Палата одобрила министра большинствомъ 413 голосовъ противъ 83. Въ тотъ же день Бальфуръ получилъ 243 голоса противъ 125 въ британской палатѣ общинъ. Онъ говорилъ тоже объ «единодушномъ желаніи державъ избѣгнуть всего, что напоминаетъ войну». Но, по его мнѣнію, «всякія реформы, вынужденныя у Порты, какъ бы онѣ ни были красивы на бумагѣ, раздѣлятъ судьбу прежнихъ». И Сольбери, на основаніи этого, разослалъ ноту державамъ съ предложеніемъ дать Криту автономію Самоса. 22-го же числа Маршаль заявилъ въ рейхстагѣ, что «у Германіи нѣтъ особенныхъ интересовъ на Востокѣ», но у нея на 220 милл. марокъ греческихъ фондовъ, и она лучше всего удовлетворитъ требованіямъ здравой гуманности, если, совмѣстно съ другими правительствами, будетъ всячески предупреждать опасность войны». Рейхстагъ единодушно высказался противъ «маленького забіяки на о. Критѣ». Всѣ мы—сказалъ одинъ депутатъ, — черно-бѣло-красные внѣ нашихъ предѣловъ, хотя во внутреннихъ — наоборотъ».

Телеграфъ гласитъ отъ 22—26 февраля: «можно утверждать съ увѣренностью, что соглашеніе между державами установлено полное и по всей линіи. Въ Канеѣ аттаки прекратились; европейскія суда стоятъ вдоль берега. Греческій король принимаетъ условія державъ».

А что же дѣлаетъ потомокъ Османа и Солимана Великолѣпнаго въ своемъ роскошномъ Илдызъ-Кіоскѣ?

VII.

Васька слушаетъ, но не ѣстъ.

Что касается султана, то онъ усвоилъ теперь новую, самую удобную политику—ничего не дѣлать. Правда, какъ только зашевелился забіяка, у него поднялась было шерсть, изъ Порты полетѣли приказы о вооруженіяхъ въ Македоніи и о снаряженіи флота. Но флотъ оказался совсѣмъ негоднымъ, вслѣдствіе дурного содержанія и хищенія въ морскомъ вѣдомствѣ; потребовалось-бы много времени, а главное—денегъ, чтобы вы-

пустить только 4 «лучшихъ» броненосца. Войскъ можно-бы собрать малость, но опять эти деньги! Хотѣли отправлять 3.000 солдатъ на Критъ, но пароходныя общества отказались перевезти ихъ, требуя платы впередъ. Немудрено, что самъ гази Османъ-паша проповѣдуетъ миръ.

Тоже съ этими докучливыми реформами. Подите, исполняйте ихъ, когда правовѣрные не хотятъ и слышать о нихъ. Между тѣмъ державы, повидимому, спѣлись всерьезъ: изъ французской Желтой Книги видно, что уже 29 января Муравьевъ съ Ганото такъ торопили Порту съ реформами, что даже пригрозили «понужденіями». И султанъ избралъ благую часть: передать Европѣ всецѣло и охрану Турціи и реформы. Отсюда его изумительная покорность. Потомокъ Османа готовъ на все: реформы—такъ реформы, разоруженіе—такъ разоруженіе, умиротвореніе Крита—такъ умиротвореніе; онъ даже самъ просилъ державы занять Канею.

А у себя дома у султана есть отеческія мѣры. Младо-турокъ онъ мнитъ обезоружить милостями. Вдругъ прекратились гоненія на нихъ; наперсникъ султана поѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ обѣщать имъ амнистію, деньги, мѣста, а также исполненіе ихъ желаній, только «постепенно», и даже дарованіе парламента, только «не такого, какъ въ 1877 г.». Въ самомъ Константинополѣ поступаютъ еще болѣе поотечески. Передъ рамазаномъ засадили временно въ кутузку болѣе опасныхъ армянъ. Когда султанъ ѣхалъ для цѣлованія мантіи пророка, по дорогѣ были закрыты всѣ проходы и обшарены всѣ дома, даже сточныя трубы; и ѣхалъ онъ тайкомъ, въ лодкѣ, а золотыя кареты прослѣдовали пустыя. Да и въ будни доносы процвѣтаютъ въ Стамбулѣ такъ, что небезопасно поболтать на улицѣ втроемъ. Напечатаютъ какую-нибудь гадость иностранныя газеты—ихъ конфискуютъ цѣлыми тюками для подтопокъ въ Илдызъ-Кіоскѣ. И оффиціальный «Moniteur» увѣряетъ, что все обстоитъ благополучно: онъ гласилъ 13-го февраля, что на Критѣ царствуетъ «полное спокойствіе»!

Правда, грозятъ возстаніями не одни греки, армяне, друзы, а еще македонцы, арнауты, сербы, болгары. Но улита ѣдетъ, когда-то будетъ! Да покровительство-то на что? Вотъ, Австрія отвѣчала на жалобы своихъ босняковъ и герцеговинцевъ распущеніемъ церковной общины въ Мостарѣ; а эти народцы стремятся къ сліянію съ Сербіей точно такъ-же, какъ и македонскіе сербы. Сербія-же опять передерется съ Болгаріей, какъ въ 1886 г., когда послѣдняя присоединила къ себѣ Восточную Румелію. Болгарія уже грозитъ сцѣпиться еще съ Греціей, ибо въ Македоніи есть и болгары. Ея министръ, Стоиловъ, уже заявилъ въ парламентѣ, 25-го февраля, при «шумныхъ виватахъ», что готовится счетецъ Европы: «какъ только, сказалъ онъ, станетъ извѣстно содержаніе реформъ, наступитъ моментъ высказаться, предъявить наши требованія, выступить въ защиту нашей родины». Таже потасовка между христіанами происходитъ въ Ускюбѣ; а греческій «вселенскій» соборъ отставилъ

своего патріарха за потворство славянамъ, между тѣмъ какъ македонскіе вожаки отпадаютъ отъ патріархата по той же причинѣ.

VIII.

Утѣшеніе въ горѣ.

Сверхъ ожиданія, мы можемъ окончить и нашу нынѣшнюю тревожную лѣтопись перечнемъ новыхъ чертъ этой благотворной «болѣзни»—миролюбія. Всѣ обратили вниманіе на трогательныя отношенія между Германіей и Франціей. У Крита французскій адмиралъ командуетъ германскими броненосцами. Вильгельмъ II привѣтствуетъ Ганото за его рѣчь 22-го февраля; и его министръ перефразируетъ ее въ рейхстагѣ. У Рейна шумъ—отъ радости: Германія разрѣшила, въ Мюльгаузенѣ, профессору прочесть публичную лекцію о Гюго на французскомъ языкѣ.

Англо-американскій договоръ о третейскомъ судѣ не сходитъ со страницъ газетъ, пріобрѣтая новыхъ поклонниковъ. И Ганото намекнулъ, въ своей рѣчи, на этотъ судъ относительно египетскаго вопроса. Франція протянула до Абиссиніи свою цѣпь торговыхъ договоровъ. Нашъ «Правительственный Вѣстникъ» напечаталъ соглашеніе между Россіей и Японіей по поводу Кореи, хотя оно и было подписано еще лѣтомъ 1896 г. Онъ заявляетъ, что этотъ актъ, ставящій Корею подъ «взаимную» опеку двухъ сосѣднихъ государствъ, «устраняетъ всякія недоразумѣнія» между послѣдними.

Вчитайтесь въ рѣчи Бальфура, Маршаля, особенно Ганото—и въ этихъ гимнахъ «миру и прогрессу», во имя «трудовой демократіи» нашихъ дней и вѣчныхъ «естественныхъ законовъ» (слова Ганото), васъ тронетъ несвойственный дипломатіи тонъ искренности, на васъ повѣетъ отсюда тѣмъ простымъ, человѣчнымъ чувствомъ, которое готово пожертвовать всѣмъ, лишь бы избѣжать зрѣлища, какъ по всему міру загремятъ новыя пушки и пистолеты Маузера, дѣлающіе уже, какъ сейчасъ извѣщаетъ телеграфъ, «по 20 выстрѣловъ въ $4^1/_2$ секунды и пробивающіе 13 досокъ въ 2 сантиметра толщины каждая, на разстояніи 15 метровъ». И вы повѣрите искренности отставного генія крови и желѣза. Вы преклонитесь передъ отшельникомъ во Фридрихсруэ за сознаніе, что ему «нѣтъ охоты жить», ибо «у него нѣтъ цѣли» и не предвидится ему «службы». Вы сердечно поблагодарите этого старца, невѣрующаго въ третейскій судъ, за его рѣзкое порицаніе греческой воинственности и за такія слова одному американцу: «страхъ передъ современной войной и неувѣренность въ ея исходѣ теперь больше, чѣмъ всѣ третейскіе судьи, содѣйствуютъ сохраненію мира».

А 3-го февраля, въ Лондонѣ, среди шума восточнаго вопроса, прошелъ незамѣченнымъ фактъ, который перевернетъ всю будущность человѣчества и приблизитъ его къ рѣшенію всякихъ вопросовъ наполовину. Палата общинъ приняла, во второмъ (самомъ важномъ) чтеніи, боль-

шинствомъ 228 голосовъ противъ 157, предложеніе Бегга о распространеніи избирательнаго права на женщинъ. Прошелъ тихо, безъ особенныхъ преній, законъ, изъ-за котораго было столько ожесточенныхъ споровъ въ такой осторожной странѣ, какъ Англія! И анти-охранительный органъ торіевъ, «Standard», одобрилъ поступокъ представителей британской націи...

II. Культурныя письма.

ПЕРВОЕ.

(вмѣсто введенія).

Покидая на время любезное отечество съ научною цѣлью, я не могъ оторваться мыслью отъ сутолоки современности. Мнѣ не суждено насладиться вполнѣ отшельничествомъ ученаго: моя научная задача—не проникать «въ глубь вѣковъ», а уловить смыслъ текущаго столѣтія и въ особенности «конца вѣка».

Меня увлекала мысль уяснить себѣ въ живомъ родникѣ событій «политику»,—этотъ восточный вопросъ, ставшій теперь воистину великимъ. На этотъ счетъ Европа стала такъ болтлива, что кажется, будто она задалась цѣлью осмѣивать недавній принципъ «государственной тайны», arcana imperii. Политика, на нашихъ глазахъ, совсѣмъ превратилась въ дѣло народовъ. Не успѣетъ совершиться событіе, какъ о немъ говоритъ стоустая молва, къ которой поневолѣ присоединяются и «высшія сферы». Поразительный примѣръ этого мы видѣли уже въ нашей лѣтописи: 21-го февраля совершился «Наваринъ на изнанку», а 22-го—о немъ гремѣли парламентскіе витіи Парижа, Лондона, Берлина, затѣмъ—Пешта, даже Букарешта и Софіи. И тогда-же въ тысячахъ газетъ всего міра телеграфъ оповѣстилъ и о слѣдствіяхъ витійства, и уже о «мѣропріятіяхъ» державъ. Рядомъ пошли «митинги», сходки всякихъ партій, статьи разныхъ вождей общества на ту-же тему. А не чудеса-ли эти Синія, Желтыя, Красныя книги, въ которыхъ сами правительства обнародываютъ самыя свѣжія, вчерашнія свои депеши первостепенной важности! Мое патріотическое сердце сокрушается при мысли, что любезному отечеству не останется цвѣта для своей книги: всѣ колориты разберутъ. Вѣдь, и султанъ приказалъ своему Иззетъ-бею приготовить книгу судебъ турецкой дипломатіи.

Эти книги—тотъ-же архивъ, только любезно раскрывающійся немедленно и для всѣхъ, а не сокровищница за семью печатями, охраняемая церберами. Я, право, радуюсь за историковъ! Давая въ романахъ плоды своихъ наблюденій надъ живыми людьми—людьми съ сердцами и мозгами, вы не повѣрите, на какую пытку обречены историки, вѣроятно, за особенные грѣхи, когда ихъ засадятъ въ архивъ, чтобы, среди зловредной

пыли (одинъ ученый написалъ на-дняхъ диссертацію о «бактеріяхъ въ книгахъ». Порылся бы онъ въ архивахъ!), копаться въ нерѣдко безсмысленной лжи старой «политики», въ однообразной, скучной до тошноты трухѣ всякихъ «депешъ, нотъ и инструкцій»! Политику «конца вѣка» можно сейчасъ описывать безъ всякихъ архивовъ и безъ опасенія увидѣть, подобно инымъ «докторамъ исторіи», событія, какъ въ камеръ-обскурѣ, т.-е. кверху ногами.

Но мнѣ хотѣлось еще другого. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ понять *внутреннюю* жизнь обществъ, ту пока еще таинственную незнакомку, которую принято, на западѣ, называть *культурой*, а у насъ—бытовою стороной исторіи. Вѣдь, не уяснено самое это понятіе. Для многихъ культура—то-же, что «цивилизація» или гражданственность, тогда какъ между этими терминами такая-же разница, какъ между цѣлымъ и частью. Культура, какой ни на есть быть, существуетъ и у зулуса, и у людоѣда. Не угодно-ли опредѣлить, съ какого момента она превращается въ цивилизацію? До-историческая археологія показываетъ, что Богъ, изображенія предметовъ, число были и у троглодитовъ: извольте сказать, гдѣ начинается исторія «богословія, философіи, искусства и науки»! Теперь какъ-то неловко употреблять и такіе термины, какъ «историческіе и неисторическіе» народы,—термины, изобрѣтенные, если не ошибаемся, нѣмецкими гелертерами. Простите мнѣ: поселившись въ укромномъ уголку ученой Германіи, я невольно буду обращаться мыслью къ нѣмцамъ...

Охъ, эти гелертеры! Впрочемъ, большое имъ спасибо: они принесли свою пользу; они воспитали насъ; они дали намъ возможность относиться критически къ бывалому. Но уже во имя этой возможности, безъ которой нѣтъ жизни, нѣтъ прогресса, не должно «прошлому давать власти надъ настоящимъ», какъ замѣчаетъ современная соціологія, не должно предаваться допотопному «культу предковъ». Жизнью пользуйся живущій, мертвый въ гробѣ почивай!

Когда мы были въ Аркадіи, когда мы «клялись словами учителей», мы напрягали свою мысль, чтобы усвоить значеніе основныхъ терминовъ исторической науки, какъ оно было разработано аккуратными нѣмцами въ цѣлыхъ томахъ и рядахъ лекцій. Мы благоговѣйно заучивали ихъ Historik, ихъ законы Historichen Forschung и т. д., гдѣ доказывалось на сотняхъ страницъ, что нужно вѣрить больше тому, кто самъ видѣлъ событіе, чѣмъ тому, кто знаетъ его только по наслышкѣ, или что вору нельзя вѣрить, ибо онъ будетъ сваливать воровство на другихъ и т. д., и т. д. Мы долбили тогда, что все дѣло въ «дѣяніяхъ» (Thaten), а не въ ихъ результатахъ, не въ «бытѣ» (Zustände). Эти дѣянія—подвиги Кировъ, Александровъ Македонскихъ, Цезарей да Наполеоновъ, а творенія Аристотеля, Данта, Шекспира, Бекона и т. п.—только призрачныя Zustände!

Признаемся, что тамъ, въ нашей Аркадіи, мы были глубокими консерваторами. Съ годами, присматриваясь къ жизни, изучая книги, мы

естественно измѣнялись, вмѣстѣ съ измѣненіемъ «временъ». Все яснѣе становилось, что «дѣянія» или жизнь «государствъ»—лишь внѣшняя оболочка исторической эволюціи, а бытъ, жизнь обществъ и народовъ—душа и смыслъ исторіи. Успѣхи другихъ, сопредѣльныхъ наукъ все болѣе утверждали эту мысль, выдвигая значеніе и пониманіе обѣихъ сторонъ культуры—и матеріальной, съ ея всемогущимъ экономическимъ и сословнымъ интересомъ, и идейной, съ ея безконечной перспективой понятій, нравовъ, обычаевъ, религіи, наукъ и искусствъ. Примѣръ на лицо. Вдумайтесь только въ такой фактъ, какъ значеніе «дѣяній» нашего отечества на лѣстницѣ политической эволюціи, съ одной стороны, и значеніе нашихъ Толстыхъ, Тургеневыхъ, Достоевскихъ, Антокольскихъ, Верещагиныхъ, Рубинштейновъ, Чайковскихъ, Менделѣевыхъ—съ другой...

Такъ какъ у насъ, за неимѣніемъ даже Синихъ книгъ и за скудостью всякихъ другихъ печатныхъ листовъ, мало говорится или докладывается изъ области «внутренняго» (das Innerliche), выражаясь словами Бисмарка, который терпѣть не можетъ этого лѣкарства, то мы надѣялись болѣе ознакомиться съ культурой, очутившись на западѣ. Надежда не обманула насъ. Не вѣрьте своему впечатлѣнію отъ газетной сутолоки. Газета, даже здѣшняя, свободная, чуткая и дѣльная,—базарная сплетница, порхающая поденка,—она скользитъ по поверхности жизни, увлекаясь яркими цвѣтами минуты, мимолетнымъ, перемѣнчивымъ гуломъ говорливой толпы. А ужъ въ нынѣшнюю минуту ей и Богъ велѣлъ увлекаться «дѣяніями», которыя ей едва впору вмѣстить на свои сѣренькія страницы, пропитанныя запахомъ незасохшихъ типографскихъ чернилъ. Бѣдная культура загоняется и здѣсь даже въ жалкій петитъ, въ видѣ Faits divers, Vermischtes, писемъ въ редакцію, да изрѣдка проскользываетъ въ фельетонъ—когда милостиво уступятъ ей мѣсто бульварные романы и разсказы, эти аристократы газетныхъ подваловъ.

Нужно окунуться въ самую здѣшнюю жизнь, нужно окружить себя здѣшнимъ книжнымъ движеніемъ, какъ мнѣ удалось это въ какія-нибудь двѣ недѣли, чтобы утѣшиться. Повѣрьте, Западъ вовсе не ушелъ теперь весь въ рѣшеніе восточнаго вопроса. Напротивъ. Здѣсь все сильнѣе кипитъ культурная жизнь. Я теперь только понялъ вполнѣ глубокій источникъ «болѣзни миролюбія», какъ выразился въ политической лѣтописи; мнѣ раскрылось особенное значеніе той трогательной искренности, которою проникнуты рѣчи министровъ и парламентскихъ ораторовъ Запада. Разсѣялся мой малодушный страхъ, когда я переступилъ границу отечества,—какъ-бы Европа не заставила меня запѣть «изъ другой оперы». Нѣтъ, я сильнѣе прежняго буду говорить о миролюбіи, какъ объ основномъ мотивѣ «конца вѣка». И не потому, что «концертъ между державами—по всей линіи»: эти фразы приносилъ мнѣ телеграфъ и въ Петербургѣ. На меня повѣяло, какъ южнымъ тепломъ расцвѣтающей весны, человѣчнымъ духомъ новой для меня жизни.

Да, Европѣ некогда заниматься ухищреніями дипломатической канители да громами оружія, некогда прославиться «дѣяніями». Она трудится неутомимо, безотрывочно, честно надъ рѣшеніемъ культурныхъ вопросовъ. Она увлечена, какъ пылкій юноша, задачами соціальными, нравственными, научными и эстетическими; но, какъ мудрый старецъ, углубляется въ сокровенный смыслъ міровыхъ законовъ, чтобы не рубить съ плеча, а мирно и прочно, т. е. справедливо развязывать узлы, затянутые вѣками подлости, пошлости и тупости прошлаго...

Передо мной съ каждымъ днемъ развертывается картина небывалаго прогресса человѣчности. Меня душитъ, съ каждымъ пробужденіемъ отъ сна, масса новыхъ широкихъ темъ и задачъ культурнаго свойства, подъ вліяніемъ новыхъ вдумчивыхъ и искреннихъ книгъ, брошюръ, статей, живыхъ явленій. Я позволю себѣ, по вашему желанію, дѣлиться этими впечатлѣніями съ читателями «Сѣвернаго Вѣстника». Только не ждите отъ меня не только «рѣшеній», но даже и систематическихъ изслѣдованій. Стараясь много лѣтъ выдвигать культуру въ моихъ учебникахъ исторіи, я знаю по опыту, какъ трудно было-бы исполнить такой замыселъ: уяснить всѣ ея стороны въ текущей жизни было-бы мнѣ не по силамъ, если-бы даже я посвятилъ этому всего себя. Моя задача скромнѣе, проще и потому исполнимѣе. Я останусь тѣмъ-же лѣтописцемъ, только въ другой сферѣ. Я буду чувствовать себя при этомъ болѣе свободнымъ докладчикомъ культурныхъ движеній нашего времени. Позвольте пользоваться мнѣ самою безыскусственною формой пріятельской бесѣды, въ которой отражается все—и смѣхъ, и горе, и величіе, и пошлость нынѣшняго человѣчества, озаряемаго небывало-высокими идеалами правды, добра и красоты...

А. Трачевскій.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Признанія Густава Флобера.

(Письма къ m-elle Шантепи).

Среди писемъ, оставшихся послѣ смерти замѣчательныхъ людей нашего вѣка и издаваемыхъ въ большомъ количествѣ въ послѣднее время—письма Флобера заслуживаютъ особеннаго вниманія. Вмѣсто скандаловъ болѣе или менѣе пикантнаго характера, въ нихъ мы имѣемъ дѣйствительное отраженіе жизни, которое уясняетъ намъ нѣкоторыя непонятыя черты великаго писателя. Благодаря почти трогательной искренности, въ нихъ просвѣчиваетъ душа человѣка, во всемъ разочарованнаго, но несмотря на это проникнутаго неподдѣльною глубокою грустью. Есть что-то трогательное и въ его глубокой, неизмѣнной привязанности къ «незнакомкѣ», передъ которой онъ изливаетъ свою душу, не имѣя ни малѣйшей надежды увидѣть когда-нибудь ея «свѣтящееся добротой» лицо. Онъ утѣшаетъ ее, даетъ ей всевозможные совѣты, какъ отецъ или братъ, потому что его «милая корреспондентка» кажется ему «самой удивительной, самой прекрасной натурой». Онъ любитъ ее за ея мысли, за ея чувства и въ особенности за ея страданія. Меланхоличный, какъ самая смерть, онъ глубоко привязывается къ той, которая нѣжно относится къ его печали, и какъ-будто находитъ удовлетореніе въ несчастьи, что является признакомъ полнаго разочарованія.

Переписка ихъ началась послѣ появленія въ печати M-me Бовари, въ мартѣ 1857 года, и продолжалась до 1876 г. Изъ этой переписки, которая была напечатана въ журналѣ «la Nouvelle Revue» (15 февраля) мы извлекаемъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ отношеніе къ личности Флобера.

30 марта, 1857 г.

Не сравнивайте себя съ Бовари. Вы нисколько не похожи на нее. Она обладала меньшими достоинствами, чѣмъ вы, и въ отношеніи ума и въ отношеніи сердца. Она—до нѣкоторой степени испорченная натура,

женщина съ поддѣльной поэзіей и поддѣльными чувствами. Впрочемъ первоначальная мысль моя была изобразить ее дѣвственницей, живущей въ глуши, старѣющей подъ бременемъ горя и доходящей такимъ образомъ до послѣдней степени мистицизма и переживаемой въ воображеніи страсти. Я сохранилъ отъ этого первоначальнаго плана всю обстановку (пейзажи и дѣйствующихъ лицъ, довольно мрачнаго характера), колоритъ, однимъ словомъ. Но, чтобы сдѣлать повѣствованіе болѣе понятнымъ и болѣе занимательнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, я создалъ героиню болѣе человѣкоподобную, типъ женщины болѣе часто встрѣчаемый въ жизни. Къ тому-же я предвидѣлъ такія трудности въ выполненіи задуманнаго плана, что не рѣшился приступить къ выполненію его.

Пишите мнѣ все, что захотите, пишите подробно и часто, даже въ томъ случаѣ, если-бы я не отвѣчалъ вамъ въ продолженіи нѣкотораго времени,—вѣдь со вчерашняго дня мы съ вами старинные друзья. Теперь я васъ знаю и люблю. Я самъ испыталъ то, что вы испытали. Я также сознательно отрекся отъ любви и отъ счастья... Почему? Не знаю. Можетъ быть изъ гордости, можетъ быть изъ страха. Я также молчаливо и глубоко любилъ,—а въ двадцать одинъ годъ чуть не умеръ отъ нервнаго растройства, которое явилось результатомъ цѣлаго ряда огорченій и волненій, гнѣва и безсонныхъ ночей. Эта болѣзнь продолжалась десять лѣтъ. (Все, о чемъ разсказываютъ св. Тереза, Гофманъ и Эдгаръ По, я это испыталъ, я это *видѣлъ* и я хорошо понимаю галюцинирующихъ). Но благодаря этому, я вышелъ закаленнымъ и опытнымъ въ такого рода вещахъ, которыхъ едва коснулся въ жизни. Правда, иногда я дѣйствительно подвергалъ себя этимъ впечатлѣніямъ, но порывисто, мимолетно,—и вслѣдъ затѣмъ я снова становился (и становлюсь) вѣрнымъ своей настоящей, по преимуществу, созерцательной природѣ. Меня предохранила отъ разврата не добродѣтель, а *иронія*. Глупость порока заставляетъ меня смѣяться и внушаетъ мнѣ больше сожалѣнія, чѣмъ гнусность возбуждаетъ во мнѣ отвращенія.

Я родился въ больницѣ: мой отецъ былъ главнымъ хирургомъ въ этой больницѣ, въ Руанѣ. Онъ достигъ большой извѣстности въ области своего искусства. Я выросъ среди нищеты и людскихъ страданій, отъ которыхъ меня отдѣляла цѣлая стѣна. Будучи еще ребенкомъ я игралъ въ анатомическомъ залѣ. Можетъ быть благодаря именно этому склонности мои одновременно и мрачны и циничны. Я совсѣмъ не цѣню жизни и совсѣмъ не боюсь смерти. Даже мысль о безусловномъ уничтоженіи нисколько не пугаетъ меня. Я готовъ съ полнымъ спокойствіемъ броситься въ темную пропасть.

Продолжимъ дружескую бесѣду. Я не отдаю предпочтенія ни одной политической партіи или, лучше сказать, считаю всѣ партіи одинаково недостойными этого, потому что всѣ онѣ, по моему, въ одинаковой мѣрѣ ограничены, ложны, вредны, добиваются лишь преходящихъ цѣлей, не способны подняться выше *пользы*, ни даже создать общаго плана дѣйствій.

Я самый ярый либералъ и ненавижу деспотизмъ. Вотъ почему соціализмъ кажется мнѣ чѣмъ-то педантичнымъ и ужаснымъ, чѣмъ-то такимъ, что должно нанести смертельный ударъ и искуству и нравственности. Я участвовалъ въ качествѣ зрителя почти во всѣхъ возстаніяхъ нашего времени.

Вы видите, что я болѣе старъ душою, чѣмъ вы, и что, несмотря на то, что вы на двадцать лѣтъ старше меня, вы все-таки какъ-будто моложе меня.

Но отъ того, что я видѣлъ, прочелъ и пережилъ, у меня осталось неудержимое стремленіе къ правдѣ. Гете, умирая, воскликнулъ: «Свѣту, свѣту». О, да, свѣту! даже въ томъ случаѣ, если-бы онъ долженъ былъ уничтожить насъ. Это великое наслажденіе — узнавать, познавать Истину черезъ Красоту. *Идеальное состояніе*, въ которое переходитъ радость познанія, кажется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ святости, можетъ быть болѣе возвышенной, чѣмъ всякая другая святость, потому что она болѣе безкорыстна.

22-го августа. 1857 г.

Я никогда не говорилъ съ вами о своемъ матерьяльномъ положеніи, и такъ какъ вы не предлагаете мнѣ на этотъ счетъ никакихъ вопросовъ, то я подозрѣваю, что въ васъ говоритъ деликатность. Но довѣріе обязываетъ.

Я живу со своею матерью и съ племянницей (дочерью сестры, умершей двадцати лѣтъ), которую я воспитываю. Что касается денегъ, то я имѣю достаточно, чтобы жить съ *приблизительнымъ* комфортомъ, такъ какъ я имѣю, какъ говорятъ, большую склонность къ тратамъ, хотя и живу очень скромно. Многіе считаютъ меня богачемъ, но самъ я часто чувствую себя стѣсненнымъ, такъ какъ испытываю самыя экстравагантныя желанія, которыхъ, само собой разумѣется, не удовлетворяю.

Когда моя работа идетъ плохо, я мечтаю о дворцахъ Венеціи, о кіоскахъ въ Босфорѣ и такъ далѣе. Кромѣ того, я совсѣмъ не умѣю вести счетъ деньгамъ и ничего не смыслю въ денежныхъ дѣлахъ. Я питаю отвращеніе къ долгамъ и не заставляю другихъ возвращать мнѣ тѣ суммы, которыя они берутъ у меня взаймы. Когда я увлеченъ своей литературной работой, все это больше не существуетъ для меня. Въ это время у меня не бываетъ никакихъ желаній. Но когда я впадаю въ разочарованіе, *человѣкъ* просыпается во мнѣ со всѣми своими ненасытными желаніями и пороками. Иногда бываетъ такъ необходимо дать отдыхъ душѣ!

17-го декабря 1859 г.

Вы говорите о разочарованіяхъ жизни, о людяхъ, которыхъ мы любили, и которые не любятъ насъ больше или—что еще болѣе печально—которыхъ мы сами больше не любимъ.

Въ молодости я имѣлъ глубокія привязанности. Я очень любилъ нѣкоторыхъ друзей, которые всѣ постепенно (и сами того не подозрѣ-

вая) покинули меня. Одни изъ нихъ женились, другіе обратились къ честолюбивымъ мечтамъ и т. д. Въ тридцать пять лѣтъ (а мнѣ теперь тридцать восемь), оказываешься вдовцомъ своей молодости, тогда оглядываешься назадъ и смотришь на нее взглядомъ историка. Что касается любви, то я никогда и ничего не находилъ въ этомъ высшемъ счастьи, кромѣ бурь, волненій и отчаянія!

Женщины кажутся мнѣ чѣмъ-то загадочнымъ. Чѣмъ болѣе я изучаю ихъ, тѣмъ менѣе понимаю. Я всегда сторонился отъ нихъ на сколько было возможно. Онѣ представляютъ собою пропасть, которая притягиваетъ къ себѣ, но которая внушаетъ мнѣ страхъ. Я даже думаю, что одна изъ причинъ нравственной неустойчивости XIX столѣтія заключается въ преувеличенномъ *поэтизированіи* женщины. Нѣтъ писателя, который не преувеличилъ бы роли матери, жены или возлюбленной. Страждущій родъ людской, какъ больное дитя, заливается слезами, убаюкиваемый женщинами. Трудно себѣ представить, до чего доходитъ распущенность мужчинъ по отношенію къ нимъ!

Въ виду этого, *чтобы не жить*, я съ отчаяньемъ погружаюсь въ область искуства. Я опьяняю себя чернилами, какъ другіе опьяняютъ себя виномъ. Но такъ бываетъ трудно писать, что иногда я чувствую себя совершенно разбитымъ.

19 іюня 1876 г.

Вы желаете знать правду о послѣднихъ минутахъ m-me Зандъ, и такъ, вотъ эта правда: *она не согласилась видѣться съ священникомъ*, но тотчасъ послѣ ея смерти дочь ея, г-жа Клезинъеръ, просила позволенья у бургскаго епископа похоронить ее по католическому обряду, и никто изъ близкихъ (можетъ быть исключая ея невѣстки г-жи Морисъ) не попытался отстоять взглядовъ нашего бѣднаго друга. Морисъ былъ настолько уничтоженъ, что совершенно утратилъ всякую энергію. Кромѣ того здѣсь играли роль постороннія вліянія, мелочныя соображенія, внушенныя людьми съ буржуазными взглядами. Больше я ничего не знаю. Погребеніе совершилось при самой трогательной обстановкѣ. Всѣ присутствующіе плакали, и я самъ плакалъ больше другихъ.

Эта потеря присоединилась къ остальнымъ потерямъ близкихъ людей, утраченныхъ мной съ 1869 года. Онѣ начались со смерти моего бѣднаго Буйе, за нимъ послѣдовали: Сенъ-Бевъ, Жюль де Гонкуръ, Теофилъ Готье, Фейдо и менѣе извѣстный, но не менѣе дорогой другъ—Жюль Дюпланъ. Я уже не говорю о нѣжно-любимой мною матери, а еще сегодня утромъ я узналъ о смерти моего самаго стариннаго друга дѣтства.

M-me Зандъ часто говорила мнѣ о васъ, или вѣрнѣе, мы часто говорили съ ней о васъ. Она очень интересовалась вами. Надо было знать ее такъ, какъ я ее зналъ, чтобы видѣть сколько женственности было въ этомъ великомъ человѣкѣ сколько безконечной нѣжности заключало въ себѣ сердце этого генія. Она останется украшеніемъ и единственной славой Франціи.

Густавъ Флоберъ.

Мнѣнія французскихъ писателей о вліяніи скандинавской литературы.

Наши читатели уже знакомы со всѣми фазами борьбы, касающейся вліянія русской и скандинавской литературъ на французскую литературу. Послѣ глубоко обоснованныхъ мнѣній нашихъ наиболѣе авторитетныхъ критиковъ, между прочимъ мнѣнія Георга Брандеса, которое было у насъ напечатано, редакція журнала «Revue Blanche» сочла полезнымъ обратиться къ двадцати пяти лицамъ, избраннымъ изъ различныхъ литературныхъ сферъ и предложить имъ слѣдующіе два вопроса:

1) Считаете-ли вы, что иностранная литература вообще и въ частности литература скандинавская оказала за послѣднее время замѣтное вліяніе на французскихъ писателей.

2) Какъ отразилось это вліяніе? и нужно-ли по вашему мнѣнію поощрять его или съ нимъ бороться.

Изслѣдованіе это, какъ и всякое серьезное изслѣдованіе, не дало намъ никакого положительнаго результата. Отвѣты или не затрогивали вопроса по существу, или же ограничивались повтореніемъ общеизвѣстныхъ истинъ, которыя даже оставались необоснованными.

Но не давая въ общемъ удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса, чего впрочемъ нельзя было и ожидать, нѣкоторыя изъ этихъ писемъ заслуживаютъ, однако, чтобы съ ними ознакомиться, такъ какъ они представляютъ собою интересные документы.

I.

1) Вліяніе иностранныхъ писателей (Толстаго, Достоевскаго, Ибсена) на нѣкоторые умы было очень ярко; но я не вижу покамѣсть, чтобъ оно отразилось въ литературныхъ произведеніяхъ.

Я могу указать болѣе или менѣе осязательное сходство у нашихъ новыхъ поэтовъ, сходство въ впечатлѣніяхъ, мечтахъ и манерѣ изображенія только съ поэтами Бельгіи.

2) Нужно восприять всякую литературу, всякое умственное движеніе независимо отъ того, изъ какой страны оно исходитъ. Нужно быть очень осторожнымъ, чтобъ не прекратить обмѣна подъ предлогомъ сохраненія своей національности. Мой патріотизмъ проявляется иначе.

Анри Беккъ.

II.

Я не считаю возможнымъ положительно утверждать что-нибудь относительно этого вопроса, но мнѣ кажется, что можно отмѣтить слѣдующія вліянія. Вліяніе Эдгара По на Бодлэра и на нѣкоторыхъ изъ его современниковъ.

Слабое вліяніе Шелли на Поля Гурже и поэзіи Шелли на Поля Верлэна. Очень замѣтное вліяніе Генриха Гейне въ «Emaux et Camées» Тео-

фила Готье и въ «Les Caresses» Ришпена. Вліяніе Достоевскаго въ «André Cornelis» Бурже.

Очень яркое вліяніе Толстого въ нѣкоторыхъ легендахъ Визева (Wysewa—славянинъ) и слабое вліяніе его въ романахъ Эдуарда Рода.

Скандинавское вліяніе стало возможнымъ только въ самое послѣднее время, такъ какъ до сихъ поръ мы почти не были знакомы съ этой литературой. Можно только сказать, да и то не навѣрное, что драмы Ибсена оказали плодотворное вліяніе на Франсуа де-Кюрель.

Копенгагенъ. 8 февраля 1897 г.

Георгъ Брандесъ.

III.

Я думаю, что каждое новое впечатлѣніе измѣняетъ артиста, независимо отъ того, будетъ-ли оно получено непосредственно, или изъ книги. И это хорошо. Каждый изъ насъ имѣетъ въ своей душѣ цѣлыя области, о существованіи которыхъ не знаетъ до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь вліяніе извнѣ не откроетъ и не покажетъ ихъ ему.

Но это вліяніе сказывается медленно и происходитъ тайно, такъ что мы не сознаемъ его. Тотъ, кто хочетъ насиловать естественный процессъ, осуждаетъ себя на пустое подражаніе. Признайтесь, что произведенія нашихъ писателей сравнительно съ скандинавской литературой представляются лишь похвальными школьными сочиненіями. Чужеземная лоза, посаженная въ Медокѣ или въ Бургундіи, только черезъ много лѣтъ и послѣ полнаго перерожденія всѣхъ молекулъ можетъ дать французское вино. Но за то оно сильнѣе и крѣпче, чѣмъ старая погибшая лоза, которую она замѣняетъ.

Марсель Прево.

IV.

Молодой французскій писатель, этотъ богато одарённый марселецъ Европы, который все изобрѣлъ и все сказалъ, помимо воли найдетъ *задачу будущаго* въ произведеніяхъ Ибсена. Въ трехъ строчкахъ этого писателя—*не принадлежащаго ни къ какой школѣ и довольствующагося своимъ одиночествомъ вдали отъ насъ*,—заключается больше истины и смысла, чѣмъ во всѣхъ геніальныхъ умахъ литературныхъ *марсельцевъ* современной Франціи.

Рашильдъ.

V.

Въ послѣднее столѣтіе европейскіе народы объединяются; въ наше время уже невозможно быть типичнымъ французомъ, нѣмцемъ или скандинавомъ. Мы видимъ, что вырабатывается единая, континентальная нація, которой предстоитъ еще болѣе объединиться въ будущемъ. Наше время, время всеобщей любознательности, умственнаго и матерьяльнаго обмѣна и настойчивыхъ изысканій, ускорило осуществленіе этого явленія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы почувствовали себя происшедшими изъ одной общечеловѣческой группы, которой мы не замедлили дать названіе, наше

представленіе о народѣ стало менѣе узкимъ. Съ каждымъ днемъ все новыя и новыя нити скрѣпляютъ нашъ союзъ; въ одной области искусства тысячи выставокъ, обозрѣній, журналовъ ежечасно даютъ намъ свѣдѣнія другъ о другѣ.

Было время, когда французская литература періодически вліяла на литературы другихъ странъ. Потомъ, въ свою очередь, она сама подпадала вліянію литературъ—сначала Италіи и Испаніи, а вслѣдъ затѣмъ Англіи и Германіи. Оставалось изучить и усвоить только литературы сѣвера. Такъ это и случилось. Всѣ европейскія литературы одна за другой неизбѣжно подвергались этому закону.

Можно съ увѣренностью утверждать, что, благодаря этимъ *скрещиваніямъ*, всѣ литературы подпавшихъ христіанской цивилизаціи странъ мы можемъ считать связанными узами близкаго родства. Онѣ различны только по формѣ.

Когда подумаешь о томъ, съ какой постепенностью и неизбѣжностью, съ какой силой въ продолженіе столѣтній подготовлялся и окончательно устанавливался этотъ знаменательный фактъ, то кажется, что онъ является результатомъ естественной эволюціи, противъ которой безсильно какое бы то ни было противодѣйствіе. Борьба противъ этого факта была бы борьбой насѣкомого съ колоссомъ, борьбой безумной, нелѣпой и грубой. Можетъ быть на одно мгновенье насѣкомое оказалось бы играющимъ главную роль. Но вслѣдъ затѣмъ все должно было бы возстановиться въ прежнемъ порядкѣ.

Я долженъ прибавить, что такъ какъ искусство идетъ всегда впереди историческихъ событій. то соединеніе литературъ арійскихъ племенъ только предшествуетъ ихъ неизбѣжной солидарности въ такой же неизбѣжной борьбѣ ихъ со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Эмиль Верхафенъ.

VI.

Не смотря на возраженія и на существующія противуположныя мнѣнія, я настаиваю на убѣжденіи, что произведенія скандинавской литературы, недавно попавшія во Францію, создавались подъ вліяніемъ французскихъ романтическихъ и реалистическихъ идей. Было-бы интересно только знать, какимъ образомъ и когда это безспорное вліяніе могло проявиться съ такою силой.

Въ настоящее время, когда, какъ говорятъ, даже наше бордосское вино совершаетъ путешествіе въ Индію, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши идеи, соприкасаясь съ геніемъ сѣвера, пріобрѣли замѣчательную интенсивность и полноту. Но какимъ образомъ могло бы случиться, чтобы идеи эти оказывали вліяніе на нашу литературу, если онѣ уже нашли свое выраженіе въ нашихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ одни еще въ полной силѣ, другіе уже потеряли свое значенье? Всѣ эти сѣмена произросли на почвѣ старинной Франціи и намъ незачѣмъ ожидать жатвъ, которыми полны наши гумна.

Впрочемъ, нужно время, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ истина. Нужно по крайней мѣрѣ десять лѣтъ, чтобы рѣшить, что могла дать нашей національной литературѣ иностранная литература. Черезъ десять лѣтъ станетъ ясно, что, такъ-же какъ и Толстой, Ибсенъ и Бьернсонъ, взволновавъ и очаровавъ насъ, ничему не научили.

Эмиль Зола.

Юбилейный праздникъ народнаго учителя.

9-го февраля 1897 г., въ С.-Петербургѣ, въ извѣстной частной женской гимназіи М. Н. Стоюниной, состоялось скромное торжество по поводу совершившагося 25-лѣтія службы народнаго учителя Вячеслава Яковлевича Абрамова. Несмотря на полученное имъ высшее образованіе сначала въ Московскомъ университетѣ, а потомъ въ С.-Петербургскомъ институтѣ инженеровъ путей сообщеній, г. Абрамовъ промѣнялъ улыбавшуюся ему карьеру на долю скромнаго народнаго учителя. Онъ прослужилъ въ одной и той же земской школѣ, на окраинѣ С.-Петербурга, возлѣ Волкова кладбища, 25 лѣтъ. На чествованіе этого полезнаго труженика собралась масса посѣтителей, которыми наполнены были не только зало гимназіи, но и сосѣднія комнаты. Между посѣтителями мы замѣтили: попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустина, директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи В. А. Латышева, предсѣдателя постоянной комиссіи по техническому образованію А. Н. Небольсина, редакторовъ педагогическихъ журналовъ: «Русской школы» Я. Г. Гуревича и «Образованія» А. Я. Острогорскаго, старѣйшихъ русскихъ педагоговъ Т. Я. Михайловскаго, В. П. Острогорскаго, Д. Д. Семенова, А. Н. Страннолюбскаго и др., извѣстныхъ дѣятелей по народному образованію въ С.-Петербургѣ, Н. А. Варгунина и А. М. Калмыкову, гласнаго думы и члена училищной комиссіи, организатора санитарныхъ думскихъ дѣтскихъ колоній Н. А. Нечаева и мн. др. Но главную массу почитателей юбиляра составляли учительницы думскихъ начальныхъ городскихъ училищъ, учителя и учительницы школъ техническаго общества, воскресныхъ и земскихъ школъ, бывшія и настоящія слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, студенты и др.

Юбилей начался съ молебствія, послѣ котораго юбиляру были выражены поздравленія со стороны попечителя округа и директора народныхъ училищъ. Затѣмъ А. Н Страннолюбскій прочелъ краткій докладъ о состояніи народнаго образованія въ Россіи и о значеніи для Россіи народныхъ учителей, среди которыхъ такую видную роль занималъ четверть столѣтія чествуемый В. Я. Абрамовъ. Потомъ началось чтеніе адресовъ и сказано было не мало привѣтствій отдѣльными лицами.

Въ первомъ адресѣ, отъ лица всѣхъ цѣнителей народнаго образованія, была охарактеризована дѣятельность г. Абрамова, причемъ были поднесены юбиляру собранныя по подпискѣ 4,000 руб. на устрой-

ство народной читальни его имени. Въ адресѣ отъ воскресныхъ школъ за Невской заставой говорилось о томъ, какъ возникла въ этой фабричной мѣстности первая воскресная школа, благодаря настойчивости и энергіи г. Абрамова. Слушательницы в. женскихъ курсовъ благодарили юбиляра за то, что онъ имъ безвозмездно читалъ лекціи по математикѣ и геометріи, когда онѣ, поступивъ на курсы, почувствовали, какъ мало были подготовлены къ слушанію математическихъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Очень тепло прочитала наизустъ одна изъ бывшихъ ученицъ женской гимназіи М. Н. Стоюниной адресъ о томъ, съ какимъ умѣньемъ юбиляръ руководилъ и руководитъ теперь практическими занятіями ученицъ 8-го педагогическаго класса гимназіи. Сказала одушевленную рѣчь А. М. Калмыкова, охарактеризовавъ г. Абрамова не только какъ безкорыстнаго труженика на поприщѣ народной школы но и какъ хорошаго и добраго человѣка; говорили и редакторы педагогическихъ журналовъ и учителя техническихъ и земскихъ школъ, а одинъ изъ бывшихъ учениковъ Волковской школы прочелъ даже простое, безхитростное стихотвореніе своего собственнаго сочиненія. Въ заключеніе Д. Д. Семеновъ сказалъ слѣдующее привѣтствіе отъ лица кружка почитателей знаменитаго русскаго народнаго педагога К. Д. Ушинскаго.

«Что я вамъ могу сказать послѣ того, когда уже такъ много было сказано о различныхъ сторонахъ вашей столь симпатично народно-педагогической дѣятельности? Отъ лица кружка почитателей имени знаменитаго нашего народнаго педагога К. Д. Ушинскаго, я обращаюсь къ вамъ, какъ старѣйшій русскій педагогъ къ педагогу новаго поколѣнія, еще столь энергичному и полному физическихъ и нравственныхъ силъ. При вашихъ выдающихся способностяхъ Московскій университетъ, можетъ быть, сулилъ вамъ завидное поприще профессора; перейдя изъ университета въ Институтъ Путей сообщенія вы, можетъ быть, окончивъ въ немъ курсъ, строили бы теперь великій Сибирскій путь; при вашей любви и обширнымъ знаніяхъ математическихъ наукъ, вы, можетъ быть, были бы какимъ-нибудь великимъ изобрѣтателемъ,—и чѣмъ же вы кончили? Случайно попадаетъ въ ваши руки небольшая книжка Ушинскаго «Родное Слово» для учащихъ, которую вы до сихъ поръ храните, какъ святыню и передъ которой вы благоговѣете. И эта-то книжечка натолкнула васъ на истинное призваніе: вы бросаете все и поступаете въ Волковскую школу простымъ народнымъ учителемъ съ 10 р. содержанія въ мѣсяцъ на первый разъ. Вы зачитываетесь трудами великихъ учителей міра»!...

Послѣ этой рѣчи Н. А. Варгунинъ прочелъ многочисленныя телеграммы и письма, полученныя изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи отъ различныхъ школъ, образовательныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Наконецъ, въ отвѣтной своей рѣчи, Вячеславъ Яковлевичъ Абрамовъ благодарилъ всѣхъ за ту честь, которую оказали ему присутствующіе.

П. А. Кулишъ.

(Род. въ 1819 г., † февраля 1897 г.).

---

2 февраля, только-что наступившаго, но уже отмѣченнаго тяжелыми утратами года, въ Черниговской губерніи, на небольшомъ и скромномъ хуторѣ Матроновка (иначе Ганина пустынь), по близости отъ уѣзднаго города Борзны, скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, извѣстный малороссійскій писатель Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Неожиданная смерть застигла этого еще бодраго и полнаго жизни, полнаго почти юношеской энергіи и всецѣло преданнаго умственнымъ интересамъ, почти восьмидесятилѣтняго старика среди новыхъ плановъ и дѣятельной работы надъ прежними литературными задачами. Уединившись въ своемъ хуторѣ, отрѣзанный силой неумолимыхъ обстоятельствъ отъ центровъ, какъ истинный идеалистъ, покойный былъ богатъ развѣ литературнымъ прошлымъ и широкими надеждами и планами, но не тѣмъ могущественнымъ металломъ, который открываетъ двери къ благополучному процвѣтанію въ житейскомъ смыслѣ. Кулишъ рѣдко помѣщалъ въ послѣдніе годы свои статьи и произведенія въ журналахъ и, мало заботясь о появленіи на публичной аренѣ, предавался неутомимой дѣятельности въ тишинѣ кабинета, постоянно обработывая и совершенствуя свои неоконченные труды какъ будто въ полномъ убѣжденіи, что торопиться еще некогда, что удастся все привести къ желанному концу безъ уступокъ тяжелому призраку смерти.

Не перечисляя здѣсь достаточно извѣстныхъ читающей публикѣ заслугъ покойнаго Кулиша, въ настоящую минуту, въ виду свѣжей могилы, мы желали-бы только обратить вниманіе на одну въ высшей степени привлекательную черту его личности, черту въ сущности весьма выдающуюся въ его нравственномъ обликѣ и притомъ замѣтно у насъ исчезающую и постепенно отходящую въ область преданія. При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ даже въ годы преобладанія въ человѣкѣ положительности и холоднаго разсудка, Кулишъ представляетъ въ нашихъ глазахъ

типъ чрезвычайно симпатичный и даже трогательный, типъ энтузіаста съ живой и отзывчивой душой, вполнѣ безкорыстнаго и чистаго въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ духовныхъ интересовъ и вовсе не рожденнаго ловцомъ выгодъ житейскихъ. Въ силу этого Кулишъ, независимый и увѣренный въ себѣ, имѣя, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ и почтенной эрудиціи преимущественно во всемъ, касающемся горячо любимой Украйны—несомнѣнныя данныя, чтобы занять болѣе или менѣе замѣтное, если не оффиціальное, то общественное положеніе, уже давнымъ давно заявившій себя съ весьма выгодной стороны какъ писатель, редакторъ и лекторъ, ничего лично для себя не искалъ и доживалъ свой вѣкъ въ кругу близкихъ родныхъ и любимыхъ книгъ, съ болѣе нежели легкимъ багажемъ вещественныхъ благъ, безъ всякихъ помысловъ о томъ, чтобы поправить свои матеріальныя дѣла скорѣйшимъ изданіемъ своихъ трудовъ. Вообще въ силу особенностей своей чрезвычайно впечатлительной и подвижной натуры, покойный не могъ замкнуться въ строго опредѣленныя рамки, посвятивъ себя на всю жизнь однажды избранной карьерѣ. Натура эта была чрезвычайно живая и всего менѣе поддающаяся шаблону, что, конечно, признаетъ каждый, кто такъ или иначе сколько-нибудь знакомъ съ личностью Кулиша. Поэтому едва-ли съ его именемъ сольется въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ какая-нибудь спеціальная нарицательная кличка, но онъ непремѣнно будетъ признанъ патріотомъ-публицистомъ, писателемъ съ своей собственной, вполнѣ оригинальной и ему только принадлежащей физіономіей. Самая слабая память не затруднится сохранить о о немъ ясное представленіе и не смѣшаетъ его ни съ какимъ инымъ виднымъ литературнымъ дѣятелемъ

Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ я находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Кулишомъ и имѣлъ возможность близко, хотя и заочно, познакомиться съ его живой и въ самой старости кипучей натурой. Случалось иногда, что Кулишъ просилъ достать ему какую-нибудь рѣдкую книгу, рѣдкое изданіе библіи (напр. одно дорогое изданіе Оксфордскаго общества), уладить его недоразумѣнія съ цензурой. При этомъ всегда бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ непремѣнно хотѣлъ получить желаемое, по его мнѣнію, наилучшее изданіе, готовъ былъ скорѣе отказаться отъ печатанія своихъ малороссійскихъ произведеній, нежели отступиться на іоту отъ «кулишовки» и подчиниться правописанію по Котляревскому и проч. Для Кулиша было священно все, что по его убѣжденію должно было предстать передъ нимъ въ извѣстномъ, имъ излюбленномъ видѣ, такъ что онъ не согласенъ былъ поступиться даже тѣмъ или инымъ изображеніемъ какой-нибудь гласной малороссійскаго языка, къ немалому удивленію и отчасти досадѣ цензурнаго вѣдомства. Такъ во всемъ настойчиво проявлялась и говорила о себѣ его оригинальная личность.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы долговременная и разносторонняя литературная дѣятельность покойнаго въ связи съ его богатыми личными дарованіями и живымъ, до послѣднихъ дней не ослабѣвшимъ интересомъ какъ къ общественнымъ событіямъ, такъ и къ учено-литературнымъ вопросамъ, поскорѣе привлекла вниманіе будущаго его біографа, который, безъ сомнѣнія, нашелъ-бы много благодарнаго матеріала для своей работы и оцѣнилъ-бы горячую и неизмѣнную преданность Кулиша великой идеѣ служенія родной для него Украйнѣ [1]).

Влад. Шенрокъ.

ОПЕЧАТКА:

Въ замѣткѣ Библіофила «Могила Бодлэра», напечатаной въ февральской книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника», на страницѣ 170, вкралась слѣдующая опечатка:

Напечатано:

«Могила Бодлэра», изданная анонимнымъ обществомъ «La Plume», въ Парижѣ, въ ограниченномъ количествѣ 25 экземпляровъ...

Слѣдуетъ читать:

«Могила Бодлэра», изданная и т. д. въ ограниченномъ количествѣ 250 экземпляровъ.

---

[1]) Кстати замѣтимъ здѣсь, что недавнія газетныя сообщенія о мнимой дружбѣ Кулиша съ Гоголемъ представляютъ собой чистѣйшее созданіе фантазіи, такъ какъ Кулишъ никогда даже не встрѣчался съ Гоголемъ.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе февраля мѣсяца.

Алексѣевъ П. С. О пьянствѣ. Изданіе второе. Съ предисловіемъ Льва Толстого. Москва 1896. Ц. 60 коп.

Бабиковъ А. Я. Разсказы въ двухъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 2 р. 75 коп.

Барыковой А. П. Стихотворенія. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 коп.

Бертильонъ Т. Курсъ административной статистики. Часть I. Переводъ съ фр. Н. Ѳ. Друнковскаго съ вступительной статьей А. Ѳ. Фортунатова Москва 1897. Ц 1 р. 50.

Блэкъ Д. Мозговая работа и переутомленіе. Спб. 1897. Ц. 30 коп.

Беръ Поль. Охотничьи разсказы. Переводъ О. М. Мижуевой. Спб. 1897. Ц. 1 р. 20 к.

Бекетова М. А. Приключенія Робинзона Крузо. Спб. 1897.

Бонваль Габріэль. Невѣдомая Азія, путешествіе въ Тибетъ, перев. съ фран. А. А. Богдановича. Ташкентъ 1897. Ц. 80 коп.

Брюссовъ Валерій Chefs d'oeuvre. Второе издавіе съ изложеніями и дополненіями. Москва 1896. Me eum esse. Новая книга стиховъ. Москва 1897.

Булъ Генрихъ. Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Переводъ съ англійск. С. Сергѣева. Москва 1897. Ц. 20 коп.

Вагнеръ Фрейеръ. Развлеченія изъ міра наукъ. Переводъ съ нѣмецк. И. Комаровскаго. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Васюковъ С. Очерки и разсказы. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Васильевъ А. Значеніе Н. И. Любачевскаго для казанскаго университета. Казань. 1896.

Вейлеръ В. Профессоръ. Практическій электрикъ. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Веньяминовъ В. Новѣйшіе способы укрѣплять память. Спб. 1897. Ц. 60 коп.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Подъ ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Т. т. I и II. Спб 1897 Ц. 5 р.

Вормсъ Р. Общественный организмъ. переводъ съ фран. под ред. и съ предисловіемъ Пр. А. С. Трачевскаго. Ц. 75 коп.

Воротынскій А. На разсвѣтѣ. Историческая фантазія. Спб. 1897.

Взаимное земское отъ огня страхованіе въ Полтавской губ. (1867—1895 г.г.). Вып. I. съ 2 картограммами и 2 діаграммами. Изд. статистич. бюро губ. земства. Полтава. 1896 г. Ц. 1 р.

Вундъ Вильгельмъ. Очеркъ психологіи. Переводъ съ разрѣшенія автора Д. В. Викторова подъ редакціей. съ предисловіемъ и примѣчаньями проф. Н. Я. Грота. Въ началѣ книгѣ статья проф. Н. Я. Грота: «Основанія экспериментальной психологіи». Москва 1897. Ц. 1 р. 40 коп.

Гельмгольцъ Г. Популярныя рѣчи. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Подъ ред. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Часть II. Спб. Ц. 1 р.

Герцберъ Г. Ф. Исторія Византіи Переводъ съ примѣч. П. В. Безобразова. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва 1896. Ц. 4 р.

Гоголь-Янозскій Г. И. Виноградники и винодѣліе во Франціи и Германіи. Тифлисъ. 1897. Ц. 1 р.

Гротъ Н. Я. Очеркъ философіи Платона. Москва 1897. Изд. «Посредника». Ц. 60 коп.

Дарвинъ Ч. Измѣненіе животныхъ и растеній съ домашнемъ состояніи. Переводъ М. Филипова и П. Ю. Шмидта. Спб. 1896.

Де-фо Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо. Переводъ. съ англійскаго Петра Кончаловскаго. Москва 1897. Ц. 1 р. 50 коп.

Диккенсъ Чарльзъ. Сочиненія. Томъ девятый. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Дрентельнъ Елизавета. Не слишкомъ ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей? Харьковъ 1896. Ц. 20 коп.

Ежегодникъ политическаго губернскаго земства на 1896 г. (годъ 2-й). 4-мя картограммами и 7-ю діаграммами. Изданіе статистич. бюро губ. земства. Полт. 1896 г. ц. 1 р.

Елишевъ А. И. На праздникѣ Франціи. Наброски туриста. Москва 1897. Ц. 40 к.

Журавлевъ А. А. Отчетъ о дѣятельности боровичскаго общества трезвости за второй годъ существованія. Боровичи. 1896.

Закъ. Л. С. Народныя переписи общедоступный очеркъ. Изд. Южно-Русск. Общ. Печ. Дѣла Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Залѣскій В. Ф. Власть и право Казань. 1897. Ц. 2 р.

Злотченскій П. Погода и предсказанія Одесса 1897. Ц. 30 коп.

Индостанскій Князь. Призракъ. Фантастическій разсказъ. Москва 1897. Ц. 30 к.

Кашпиревой. С. С. Наши проказники. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Киплингъ, Р Разсказы для дѣтей. Книжка вторая, пер. съ англійск. А. Рождественской. Съ рисунками. Москва 1897. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. четвертое изданіе редакціи «Русская Мысль». съ портретомъ автора. предисловіями и примѣчаніями В. П. Буренина, П. И. Вейнберга и Я. А. Гольцевъ. Москва 1897. Цѣна за 4 тома 5 р.

Короссовазъ. И. Китайцы и ихъ цивилизація. Спб. 1897. Ц. 4 р.

Кузнецовъ. Н. И. Въ странѣ льдовъ Спб. 1897. Ц. 40 к.

Лебедевъ, Дмитрій. Федонъ, разговоръ Платона. Москва 1896. Ц. 40 к.

Лукашевичъ, Клавдія. Побѣдила. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Спб. 1897. Ц 25 к.

Лялина. М. А. Путешествіе по Абиссиніи Теодора Бента въ 1893 г. Обработано по подлиннику. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Мейснеръ, Александръ. Стихотворенія Самара. 1897. Ц. 50 к.

Мисль-Рустемъ. Персія при Нарсъ-Эдинъ-Шахѣ съ 1882—1888 г. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Михайловъ. П. П. Роль и значеніе первобытной женщины. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Михневичъ, А. П. Разсказъ маленькимъ дѣтямъ изъ естественной исторіи. С.-Петербургъ 1897. Ц. 30 к.

Мольеръ. Сганарель. Вольный переводъ въ стихахъ. А. А. Федорова-Давыдова. М. 1896.

Мопассанъ, Гюи. Чудный другъ и другіе разсказы. Перев. съ франц. Л. П Никифорова. съ предислов. Л. Н. Толстого. Москва 1897. Ц. 1 р.

Науманъ. проф. **Эм.** Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный по новѣйшимъ источникамъ, съ прибавленіемъ очерковъ исторіи музыки въ Россіи. подъ редакціею Никол. Финдейзена. Выпуски I, II и III. Спб. 1896.

Некрасовъ. проф. **П. А.** Приложеніе алгебры къ геометріи. Конкурсное истолкованіе геометріи Лобочевскаго. Изд. второе. Москва 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко. Вас. И. Святыя горы. Изданіе второе. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Орловъ, Е. Платонъ. его жизнь и философская дѣятельность. Спб. 1896. Цѣна 25 коп.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ женскихъ курсахъ. Отчетъ за 1896 г. Годъ третій. Спб. 1897.

Рафаловичъ, Л. А. Что говорятъ противъ биметаллизма. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Ржевускій. поручикъ. Японско - Китайская война (1894 - 1895). Спб. 1897. Ц. 80 к.

Отчетъ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ. учрежденн. московскою городскою думою. за 1895—96 учебный годъ. Москва. 1896 г.

Отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1895 годъ. Часть I, II и III. Спб. 1896.

Пантюховъ. И. И. О нѣкоторыхъ лечебныхъ мѣстностяхъ Закавказья. Тифлисъ 1897.

Пекаторосъ, Г. М. Скоморохъ. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Одесса.

Плоссъ, докторъ Г. Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Переводъ д-ра А. Комаровскаго. Томъ I. Спб. 1897. Вып. I.

Поссе, В. На холерѣ. Москва 1896. Ц. 40 к.

Рафаловичъ, Л. А. Что говорятъ противъ биметализма. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Рахмановъ, В. В. Общедоступныя лѣчебницы. Москва 1897. Ц. 60 к.

Сазоновъ, Т. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Спб. 1896.

Саккетти, Л. Краткое руководство къ теоріи музыки. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Селивановъ. А. Н. Что есть истина? Философскій очеркъ. Омскъ 1896.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892. Третье изданіе Спб. 1897. Ц. 2 р.

Станюковичъ. К. М. Въ море! Повѣсть, изданіе второе. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Сутуловъ, С. О воздѣлываніи льна. Москва 1897. Ц. 3 к.

Телешовъ. Н. За Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. Москва 1897. Ц. 75 к.

Тобилевичъ, Иванъ (Карпенко - Карый). Драмы и комедіи. Томъ I. Одесса 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Торжество открытія памятника Н. И. Лобачевскому въ Казани. Казань 1896.

Ф. В. Москва. Краткіе очерки городскаго благоустройства. Москва 1897. Цѣна 40 к.

Федотьевъ, П. Добываніе поташа изъ золы. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Фламмаріонъ К. Живописная астрономія. Переводъ Е. Предтеченскаго. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Фре, Генрихъ. Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Переводъ съ нѣмецк. С. Г. Яковенко. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Фэдо. Научныя забавы. Переводъ съ французск. Е. Предтеченскаго. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Графъ Шуваловъ въ польской печати. Спб. 1897.

Юрій-Кази-Бекъ. Черкесскіе разсказы. Томъ I Москва 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Юрьинъ. Искатель новыхъ впечатлѣній. Повѣсть. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Шерръ. I. Всеобщая исторія литературы. Перев. подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XVII. Москва 1896.

Шюкэ. Артуръ. Ж. Ж. Руссо. Перев. съ франц. П. Н. Шараповой. Москва 1897. Изд. «Посредника». Ц. 40 к.

Ѳеоктистовъ, Из. Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Эвальдъ, д-ръ. Леченіе электрическимъ свѣтомъ. Спб. 1897.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ 1-го Декабря 1896 года

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЫХОДИТЪ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„НАРОДЪ"

Редакція газеты принимаетъ слово «Народъ» не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единаго цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обѣщаній, нерѣдко втунѣ остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета «Народъ» употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе.

Подписка на газету «Народъ» и объявленія принимаются: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ газеты (Б. Морская, 56) и въ помѣщеніи торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° (Б. Морская 11); въ Москвѣ тѣмъ же торговымъ домомъ (Мясницкая, д. Сытова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи). Годовая подписка съ разсрочкой платежа принимается исключительно въ главной конторѣ газеты.

Годовые и полугодовые подписчики на 1897 годъ получаютъ безплатно всѣ предшествующіе декабрскіе нумера газеты, если подпишутся до 1-го декабря текущаго 1896 года.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 12 р., на полгода 7 р., на три мѣсяца 4 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 50 к.; для иногородныхъ, съ пересылкою, на годъ 14 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 5 р., на одинъ мѣсяцъ 2 р., за границу: на годъ 22 р., на полг. 12 р., на три мѣс. 7 р., на одинъ мѣсяцъ 3 р.

Разсрочка взносовъ для годовыхъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: первый взносъ (при подпискѣ) 5 р., второй взносъ (въ мартѣ) 4 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.; для иногородныхъ подписчиковъ: первый взносъ (при подпискѣ) 6 р., второй взносъ (въ мартѣ) 5 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.

Редакторъ *П. Я. Стечькинъ.* Издатель *А. П. Малышинскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„ВЯТСКІЙ КРАЙ"

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ

по слѣдующей программѣ: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театръ. 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ). 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ). 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни. 10) Фельетонъ—научный, литературный, беллетристическій, театральный и музыкальный. 11) Критика и библіографія. 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній). 13) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 14) Почтовый ящикъ. 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстныя цѣны на продукты и проч.). 16) Объявленія.

Цѣна съ перес. за годъ (только съ января по январь) 5 р.—полгода 3 р.—3 мѣсяца 1 р. 50 к.,—2 мѣсяца 1 р.,—1 мѣсяцъ 75 к.

Подписка на газету принимается въ редакціи «Вятскаго Края», въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Тихонова въ г. Вяткѣ и П. З. Платунова въ г. Слободскомъ; объявленія принимаются въ редакціи «Вятскаго Края».

Редакторъ А. П. Лашкевичъ. Издатель Я. И. Поскребышевъ.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.